

1950

1955

7ГП6 Министр Финансов

С-37

Баронъ А. А. Симолинъ.

Чертеж
отъ Р. М.
А. Симолинъ

ДОГОВОРЪ

ПРОМЫСЛОВАГО УЧЕНИЧЕСТВА.

48462
12340
~~12340~~
~~12340~~
Ф. Б.

«Пріѣзжай, милый дѣдушка.— продолжалъ Ванька, — Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отседа.

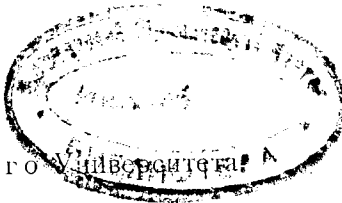
Пожалѣй меня сироту несчастную, и то меня всѣ колотятъ и кушать страсть хочется.....»

А наемни хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и на слуху очухался. Прощая моя жизнь, хуже собаки всякой».

(А. Чеховъ. «Ванька», т. IV стр. 29).

«... müssten die Gesetzgeber, sich bei jeder Rechtsregel und bei jedem Rechtsinstitut die Frage vorlegen, wie sich dieselben in ihrer Anwendung auf die besitzlosen Volksklassen gestalten werden».

(A. Menger. «Das Bürgerliche Recht u. die besitzlosen Volksklassen». 1904. стр. 31).

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

347.45
С-375

Печатано по постановленію Юридическаго Факультета
Императорскаго Казанскаго Университета.

И. д. Декана В. Ивановскій.

ГМ

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Введеніе	3—6.
Глава I. Исторія промысловаго ученичества .	6—232.
§ 1. Промысловое ученичество въ древнемъ мірѣ	7—32.
§ 2. Исторія ученичества въ эпоху расцвѣта цеховаго строя въ З. Европѣ	32—123.
§ 3. Исторія ученичества въ эпоху упадка цеховаго строя въ З. Европѣ.	124—168.
§ 4. Исторія ученичества послѣ паденія це- ховаго строя	168—215.
§ 5. Исторія ученичества въ Россіи	216—232.
Глава II. Договоръ промысловаго ученичества въ современномъ правѣ	233—477.
§ 1. Юридическая природа договора промы- словаго ученичества	234—271.
§ 2. Заключеніе договора ученичества	271—341.
§ 3. Обязанности мастера	341—401.
§ 4. Обязанности ученика	401—430.
§ 5. Прекращеніе договора ученичества.	430—477.
Глава III. Договоръ промысловаго ученичества съ точки зрѣнія политики права.	478—542.

ВВЕДЕНІЕ.

Объектомъ даннаго изслѣдованія является договоръ промысловаго ученичества. Ученичество вообще представляетъ собой такое отношеніе, гдѣ одно лицо обучаетъ другое чему-либо (наукѣ, искусству, ремеслу и т. п.). Изъ всей массы подобныхъ отношеній мы выдѣляемъ одинъ видъ ученичества— тотъ, гдѣ предметомъ обученія является какая-либо промышленная дѣятельность. Слово „промышленность“ однако употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Въ широкомъ смыслѣ подъ промышленностью понимаютъ всякую профессію, имѣющую своей цѣлью приобрѣтеніе благъ, такъ что въ этомъ смыслѣ промышленностью должны признаваться и торговля, и сельское хозяйство, и обрабатывающая дѣятельность, и даже профессіи адвокатовъ, врачей, писателей; внѣ этого понятія остаются только производство благъ для собственнаго потребленія, профессіи прислуги, поденщиковъ, чиновниковъ и такія профессіи, какъ на примѣръ, сдача комнатъ въ наемъ. Въ узкомъ смыслѣ подъ промышленностью понимается профессиональная дѣятельность, состоящая въ обработкѣ и переработкѣ сырого матеріала, дѣятельность, которая противопоставляется дѣятельности добывающей (земледѣліе, охота, рыболовство и т. п.) и дѣятельности распредѣляющей (торговля, транспортное дѣло и т. п.) блага. Въ этомъ послѣднемъ, узкомъ смыслѣ употребляется слово „промышленность“ экономистами. Въ этомъ-же смыслѣ обычно понимаютъ данный терминъ и тогда, когда рѣчь идетъ, какъ въ обыденной, разговорной рѣчи, такъ и въ законодательствѣ, о промысловомъ учениствѣ. Но въ данномъ случаѣ, однако, этотъ взглядъ не всегда строго выдержанъ: если дѣйствительно къ понятію промысловаго ученичества не относятъ обученіе земледѣлію, торговлѣ, медицинѣ, адвока-

туръ и т. п., то все-же тѣ-же законодательства то къ области промышленности относятъ обычно нѣкоторыя профессіи, не могущія быть отнесенными къ обрабатывающей промышленности, какъ напримѣръ, профессію банщиковъ и парикмахеровъ, то, наоборотъ, исключаютъ изъ области промышленнаго законодательства всякую обрабатывающую дѣятельность, разъ она связана съ земледѣліемъ, т. е. гдѣ обрабатываются продукты не приобрѣтенные отъ другихъ лицъ, а добытые въ собственномъ хозяйствѣ. Данное явленіе объясняется, по словамъ Neukamp'a ¹⁾, чисто историческимъ происхожденіемъ промышленнаго законодательства, имѣвшаго первоначально задачей регламентировать городскую промышленность, а не находившуюся въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ, т. к. именно городская промышленность приобрѣла особое значеніе и организацію, въ ней сложились такіе институты, какъ напр., промысловое ученичество, и вся цеховая система. Неудивительно, что эта регламентація городской промышленности охватила и нѣкоторыя другія отрасли приобрѣтательной дѣятельности, развившіяся въ городахъ, которыя хотя и не являлись обрабатывающей дѣятельностью въ точномъ смыслѣ этого слова, но заимствовали отъ нея ея значеніе и организацію. Но, несмотря на эти исключенія, все-же въ общемъ подъ терминомъ „промысловое ученичество“ слѣдуетъ понимать обученіе обрабатывающей промышленности, а не всякой профессіи, имѣющей цѣлью приобрѣтеніе благъ.

Дальнѣйшимъ признакомъ объекта нашего изслѣдованія является его договорный характеръ—обученіе промышленной дѣятельности должно быть основано на договорѣ. Поэтому внѣ нашего изслѣдованія останутся всѣ случаи ученичества промысловаго, не имѣющіе своимъ основаніемъ свободное соглашеніе сторонъ. Такими случаями являются обученіе отцомъ сына, основанное не на соглашеніи ихъ, а на принадлежащей отцу родительской власти, въ понятіе которой входитъ и право воспитанія ²⁾, также и обученіе рабомъ или крѣпостнымъ другого раба по приказанію ихъ господина.

¹⁾ Neukamp: «Wörterbuch d. Volkswirtschaft». 1906 г. статья подъ словомъ «Gewerbegesetzgebung».

²⁾ Но это конечно не исключаетъ возможности заключенія и между отцомъ и сыномъ договора ученичества.

Выдѣленіе договора промысловаго ученичества изъ ряда другихъ договоровъ обученія вызывается свойственнымъ ему своеобразнымъ характеромъ обученія, состоящимъ въ томъ, что здѣсь послѣднее имѣетъ главнымъ образомъ практической характеръ: ученикъ здѣсь обучается промышленной дѣятельности, занимаясь этой дѣятельностью подъ руководствомъ своего учителя, который пользуется этой работой ученика въ свою пользу, вслѣдствіе чего ученикъ является въ то-же самое время и рабочимъ своего учителя. Благодаря этому характеру обученія и юридическое и социальное положеніе сторонъ въ данномъ договорѣ будетъ совершенно инымъ, чѣмъ въ другихъ видахъ обученія. Это обстоятельство и дѣлаетъ договоръ промысловаго ученичества самостоятельнымъ юридическимъ институтомъ.

Вышеуказанный договоръ имѣетъ, по нашему мнѣнію, весьма большое общественное значеніе, т. к. отъ правильной постановки обученія зависитъ въ значительной степени развитіе и процвѣтаніе промышленности, а также потому, что ученичество въ настоящее время является для массы немощныхъ гражданъ той школой, въ которой они получаютъ свое общее воспитаніе. Не менѣе важное значеніе данный договоръ имѣетъ и для частныхъ интересовъ контрагентовъ—главнымъ образомъ ученика: прежде всего отъ добросовѣстности въ исполненіи учителемъ своей обязанности зависитъ благосостояніе ученика въ теченіе всей его дальнѣйшей жизни, а во вторыхъ нельзя никоимъ образомъ упускать изъ виду, что нормально учениками являются лица малолѣтнія или несовершеннолѣтнія, которыя поступаютъ въ полную зависимость отъ своего учителя, такъ что здѣсь злоупотребленія со стороны послѣдняго всегда возможны. Поэтому-то рациональная регламентація промышленнаго ученичества со стороны законодательства является безусловно необходимой, пожалуй даже болѣе необходимой, чѣмъ нормировка многихъ другихъ договоровъ. Къ сожалѣнію, тѣ немногочисленныя, устарѣлыя и, совершенно несоотвѣтствующія условіямъ современной жизни, постановленія, которыя даетъ относительно ученичества наше русское право, далеко не удовлетворяютъ вышеуказанному требованію. Не лучше обстоитъ дѣло и съ изученіемъ даннаго договора въ научной литературѣ, т. к. цивилисты обычно совершенно его игнорируютъ, не отводя ему мѣста въ гражданскомъ

правъ, и не пытаюсь даже выяснить его юридическую природу, между тѣмъ какъ, съ нашей точки зрѣнія, этотъ договоръ имѣетъ безусловно частно-правовой характеръ, какъ и договоръ личнаго найма.

Благодаря такому игнорированію договоръ промысловаго ученичества, несмотря на все свое значеніе, до сихъ поръ остается не изслѣдованнымъ во многихъ отношеніяхъ. Пополнить данный пробѣлъ по мѣрѣ силъ и возможности и является цѣлью настоящаго изслѣдованія. Удалось ли намъ успѣшно выполнить свою задачу—судить не намъ, но во всякомъ случаѣ мы льстимъ себя надеждой, что трудъ этотъ не останется совсѣмъ бесполезнымъ въ виду того, что интересъ къ ученичеству въ настоящее время пробудился, повидимому, и у насъ въ Россіи (на Западѣ онъ давно уже является объектомъ усиленнаго вниманія со стороны законодательства), и о регламентаціи его зашла уже рѣчь въ Государственной Думѣ.

Глава первая.

Исторія промысловаго ученичества.

§ 1. Промысловое ученичество въ древнемъ мірѣ.

Появленіе договора промысловаго ученичества обычно связываютъ съ появленіемъ ремесленной формы производства. Такъ, по словамъ Зомбарта, существованіе учениковъ въ промышленности коренится въ свойствахъ того строя труда, которымъ характеризуется ремесло, что ученичество есть стереотипное явленіе, вытекающее изъ природы ремесла, повторяющееся всюду, гдѣ-бы мы ни встрѣчались съ ремесломъ, какъ формой хозяйства¹⁾. Причину этой связи между ремесломъ и ученичествомъ Зомбартъ видитъ въ характерѣ техники, свойственной ремесленной формѣ производства. Особенности этой техники, господствовавшей въ исторіи вплоть до второй половины 18-го вѣка и названной Зомбартомъ „эмпирической“, состояли, по его словамъ²⁾, въ томъ, что приемы промышленной дѣятельности основаны были не на научномъ знаніи, а на личномъ опытѣ мастера, а потому они имѣли характеръ искусства, были связаны съ личностью мастера, составляли его индивидуальное, личное знаніе. Въ силу этого техническое умѣнье жило и умирало вмѣстѣ съ

¹⁾ Зомбартъ. Современный капитализмъ т. I стр. 125 переводъ Базарова и Степанова.

²⁾ Зомбартъ. Современный капитализмъ т. I стр. 145. Онъ-же въ *Gewerbewesen* 1904 г. Часть I стр. 19-я и сл.

мастеромъ, и для передачи этого умѣнья слѣдующимъ поколѣніямъ необходимо, чтобы мастеръ лично на практикѣ обучалъ ученика, показалъ ему извѣстные приемы, чтобы ученикъ работалъ подъ руководствомъ мастера. Эту эмпирическую технику, неразрывно связанную съ ремесломъ и потому представляющуюся какъ бы ремесленной техникой, Зомбартъ противопоставляетъ современной рациональной, основанной на научныхъ знаніяхъ, техникѣ, гдѣ техническое знаніе фиксированное словомъ и перомъ какъ-бы объективируется, какъ нѣчто вполне открытое для каждаго желающаго, освобождается отъ случайнаго характера, вытекающаго изъ связи съ даннымъ лицомъ, вслѣдствіе чего исчезаетъ необходимость для изученія приемовъ труда пользоваться услугами опредѣленнаго индивидуума.

Но это мнѣніе Зомбарта о связи ученичества съ ремесломъ вслѣдствіе эмпирическаго характера сьойственной послѣднему техники, будучи по существу правильнымъ, тѣмъ не менѣе далеко не полно обрисовываетъ тѣ условія, благодаря которымъ сложился и развился институтъ ученичества. Техника, господствовавшая въ промышленности вплоть до 18-го вѣка не только потому требовала личнаго обученія ученика у мастера, что она имѣла характеръ эмпирической, что знаніе приемовъ было связано съ индивидуальностью того или иного мастера, а также и потому, что въ этой техникѣ личное искусство и ловкость рабочаго играли несравненно большую роль, чѣмъ въ современной техникѣ, гдѣ продукты изготовляются въ значительной части машинами, и задача рабочаго сводится лишь къ управленію этими машинами, что далеко не требуетъ такого долговременнаго пракческаго обученія, какое было необходимо раньше. Безъ того измѣненія въ техникѣ производства, которое внесено изобрѣтеніемъ машинъ, даже при рационалистической техникѣ, когда техническое умѣнье, фиксированное словомъ и перомъ, открыто для изученія всѣмъ и каждому, все-же обученіе на практикѣ у того или иного мастера было бы необходимымъ для усвоенія приемовъ работы.

Но для установленія связи между происхожденіемъ договора промысловаго ученичества и ремесломъ, какъ формой производства, одного характера сьойственной послѣднему техники недостаточно. Такая эмпирическая техника господ-

ствуетъ не только въ томъ строѣ, который носитъ названіе ремесленнаго, но и, на примѣръ, въ замкнутомъ самопотребляющемъ (ойкосномъ) хозяйствѣ римскаго рабовладѣльца или германскаго владѣтельнаго князя въ 8-омъ или 9-омъ вѣкахъ. Здѣсь также искусство связано было съ опредѣленной личностью, здѣсь также необходимо, чтобы мастеръ лично обучалъ ученика, открывалъ послѣднему только ему, мастеру, лично извѣстныя тайны ремесла. Вѣдь въ техническомъ отношеніи, какъ говоритъ самъ Зомбартъ¹⁾ эти рабочіе въ помѣстьяхъ были такими-же ремесленниками и отличались отъ настоящихъ ремесленниковъ лишь экономическимъ моментомъ — тѣмъ, что работали въ замкнутомъ самопотребляющемъ хозяйствѣ. Слѣдовательно здѣсь также, какъ и въ ремеслѣ, могло и должно было имѣть мѣсто промышленное ученичество, понимая подъ послѣднимъ изученіе ремесла на практикѣ посредствомъ работы подъ руководствомъ мастера. Но ученичество въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ техническомъ, не совпадаетъ съ тѣмъ ученичествомъ, которое является предметомъ нашего изученія, съ ученичествомъ въ смыслѣ юридическомъ. Послѣднее есть договоръ, т. е. предполагаетъ соглашеніе свободныхъ лицъ, а потому для наличности его недостаточно одного момента — господства эмпирической техники, а необходимъ еще моментъ социальный — существованіе класса свободныхъ лицъ, посвящающихъ себя промышленной дѣятельности, для изученія которой они вступаютъ въ договоръ ученичества съ лицами, искусными въ данномъ дѣлѣ. И вотъ относительно этого ученичества въ смыслѣ юридическомъ, но не въ смыслѣ техническомъ, Зомбартъ совершенно правъ утверждая, что оно неразрывно связано съ ремесленнымъ производствомъ, т. е. только при немъ оба вышеуказанные момента — и техническій и социальный — оказываются на лицо, тогда какъ въ ойкосномъ хозяйствѣ, при наличности перваго момента, отсутствовалъ второй, и если ученики въ томъ строѣ и были, то они обучались по приказанію ихъ господина или домовладыки.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами теоретическихъ предпосылокъ существованія договора промысловаго ученичества выте-

¹⁾ loc. cit. т. I стр. 99.

каетъ такимъ образомъ, что возникновеніе даннаго института связано съ ремесленной формой производства, и происхожденіе его должно быть отнесено къ эпохѣ возникновенія этой формы производства. Посмотримъ теперь, въ какую эпоху и гдѣ это имѣло мѣсто, и какова была первоначальная форма нашего института.

Еще Карломъ Родбертусомъ¹⁾ былъ высказанъ взглядъ, что организація промышленности въ древнемъ мірѣ не вышла изъ рамокъ замкнутаго домашняго производства, которое онъ называлъ ойкоснымъ. Эту теорію въ послѣднее время вновь разработалъ Карлъ Бюхеръ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Die Entstehung der Volkswirtschaft“. Въ этомъ ойкосномъ хозяйствѣ древнихъ карфагенянъ, римлянъ, грековъ, по словамъ Бюхера, производство хотя и происходило съ участіемъ не только домашнихъ, но въ послѣдствіи и значительнаго числа рабовъ, но имѣло своей цѣлью исключительно удовлетвореніе нуждъ даннаго хозяйства, а не обмѣнъ. Промышленности, какъ особой профессіи, на этой ступени экономического развитія нѣтъ, нѣтъ и ремесленниковъ. Если, напримѣръ, источники римскіе и упоминаютъ объ artifices, то подъ ними надо понимать ремесленниковъ - рабовъ, работающихъ въ предѣлахъ замкнутаго хозяйства²⁾. Аналогичное ойкосное хозяйство существовало, по словамъ Бюхера, и у германскихъ и романскихъ народовъ (Frohnhofswirtschaft) вплоть до развитія въ средніе вѣка новой формы хозяйства — хозяйства городского³⁾.

¹⁾ Hildebrand. Jahrbücher, Bände IV, V и VIII.

²⁾ «Die Entstehung...» 1901 стр. 117. Надо однако замѣтить, что категорическое заявленіе о полномъ отсутствіи въ древнемъ Римѣ свободныхъ ремесленниковъ Бюхеръ самъ смягчаетъ, признавая ниже (стр. 192) не только въ Римѣ, но и въ Вавилонѣ и Греціи, существованіе свободныхъ наемныхъ рабочихъ, работающихъ изъ чужого матеріала (Lohnwerk).

³⁾ Въ первомъ изданіи своей книги Бюхеръ прямо опредѣлялъ періодъ замкнутаго хозяйства вплоть до начала 2-го тысячелѣтія по Р. Х., но во 2-омъ изданіи точной границы во времени онъ уже не указываетъ. Это дало Wilcken'у поводъ заключить, что Бюхеръ нѣсколько поколебался въ своей позиціи, что однако самъ Бюхеръ категорически опровергъ въ Festgabe f. A. Schäffle.

Эта теорія К. Бюхера объ ойкосной формѣ хозяйства въ древнемъ мірѣ вызвала рядъ возраженій со стороны наиболее видныхъ изъ современныхъ историковъ: Эд. Мейера¹⁾ Белова²⁾, Миттейса³⁾, Белоха⁴⁾ и др., причемъ Белохъ въ своей „Исторіи Греціи“, а также Эд. Мейеръ, утверждаютъ, что древніе народы, какъ и современные, вполне совершили кругъ своего экономического развитія; они не только вышли изъ рамокъ самопотребляющаго домашняго хозяйства, но имѣли и торговый оборотъ, и деньги, и крупную промышленность съ классомъ свободныхъ наемныхъ рабочихъ, и экспортъ и импортъ, и торговые города, не особенно значительно отличающіеся по существу отъ современныхъ. Более остороженъ Миттейсъ: признавая, что теорія ойкоснаго хозяйства даетъ невѣрную картину экономического развитія древняго міра, онъ въ то-же самое время предостерегаетъ отъ переоцѣнки значенія денежнаго хозяйства и обмѣна въ древности. По его мнѣнію народное хозяйство классической древности можно поставить въ параллель лишь съ городскимъ (Stadtwirtschaft) хозяйствомъ средневѣковья. Но несмотря на всѣ эти возраженія со стороны историковъ вопросъ все еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ ни въ ту, ни въ другую сторону, и теорія Бюхера довольно распространена и въ наукѣ⁵⁾ и въ обществѣ, гдѣ прочно укоренилось представленіе о толпахъ рабовъ и гражданахъ древняго міра, живущихъ чужимъ трудомъ и относящихся съ презрѣніемъ къ тѣлесному труду. Въ нашу задачу, само собой понятно, не входитъ разсмотрѣніе вопроса о характерѣ народнаго хозяйства

¹⁾ «Die Wirtschaftliche Entwicklung des Altertums» въ Jahrb. f. Nat. u. Statist. 1895 г. 3-е Folge IX Band.

²⁾ Below «Über Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung d. Völker mit besonderer Rücksicht auf die Stadtwirtschaft des deutschen Mittelalters» въ Histor. Zeitschr. 1900 Bd. 86.

³⁾ «Aus den Griechischen Papyrusurkunden» 1900.

⁴⁾ «Die Grossindustrie im Altertum» въ Zeitschr. f. Soc. Wiss. 1899 heft № 1 и «Zur Griechischen Wirtschaftsgeschichte» въ Zeitschr. f. Socialwiss. 1902 heft № 2.

⁵⁾ Она изложена, наприм., въ Wörterbuch d. Volkswirtschaft» 1906 г. Неизкѣпимъ подъ словомъ «Gewerbegesetzgebung».

въ древности во всемъ его объемѣ. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросы, существовала-ли въ древности крупная промышленность, экспортъ и импортъ и т. п.. Для насъ важна только одна сторона вопроса, именно, существовалъ-ли въ древности классъ свободныхъ ремесленниковъ, съ чѣмъ, какъ мы видѣли, связано и существованіе договора промысловаго ученичества, или же все промышленное производство находилось въ рукахъ рабовъ для цѣлей исключительно самопотребляющаго хозяйства. Въ послѣднемъ случаѣ и договору промысловаго ученичества въ древности не было мѣста. Въ этихъ рамкахъ мы и попробуемъ обратиться къ разсмотрѣнію экономической жизни нѣкоторыхъ государствъ древности.

Наиболѣе богатый матеріалъ для рѣшенія поставленнаго нами вопроса мы имѣемъ относительно древняго Вавилона. Матеріалъ этотъ заключается прежде всего въ найденныхъ въ 1897—99 г.г. законахъ вавилонскаго царя Гаммураби ¹⁾, царствовавшаго около 2250 л. до Рож. Хр., а затѣмъ въ документахъ юридическаго характера изъ правовой жизни древняго Вавилона, относящихся къ эпохамъ царствованій Навуходоносора (604—561 до Р. Х.), Набонида (555—538 до Р. Х.), Кира (538—529 до Р. Х.), Камбиза (529—521 до Р. Х.) и нѣк. другихъ царей. Документы эти изданы Штрассмайеромъ ²⁾ и обработаны съ юридической точки зрѣнія Колеромъ и Пейзеромъ ³⁾. Врядъ-ли можно найти болѣе убѣдительно и яркое опроверженіе теоріи Родбертуса и Бюхера объ ойкосномъ хозяйствѣ древняго міра, чѣмъ вышеупомянутые документы. Самое смѣлое воображеніе врядъ-ли могло представить себѣ ту высокую степень культуры, на которой находилось Вавилонское государство за столько вѣковъ до Р. Х.! Всевозможныя денежныя сдѣлки, контокоррентъ, закладъ, антихрезисъ, ипотека, были тамъ повседневными явленіями. Довѣренность, до которой римское право дошло послѣ долгой эволюціи, тамъ была въ широкомъ употребленіи; торговля велась крупными торговыми фирмами, основанными нерѣдко на договорѣ

¹⁾ I. Kohler и F. Peiser: «Hammurabi's Gesetz.» 1904

²⁾ Babylonische Texte, Inschriften von den Thontafeln des Britischen Museums copirt u. autographirt von. I. N. Strassmayer.

³⁾ I. Kohler и Peiser «Aus dem Babylonischen Rechtsleben». 4 выпуска.

товарищества; платежи зачастую совершались черезъ банки посредствомъ чековъ. Само собой понятно, что при такомъ расцвѣтѣ торговли о господствѣ замкнутаго хозяйства въ то время не могло быть и рѣчи. Что касается до ремесла и договора промысловаго ученичества въ частности, то здѣсь какъ разъ мы находимъ у Колера и Пейзера цѣлыхъ 5 письменныхъ договоровъ ученичества, приведенныхъ полностью ¹⁾. Содержаніе этихъ договоровъ относящихся къ эпохѣ царствованія Кира, настолько интересно, что мы рассмотримъ ихъ подробнѣе. Всѣ они по своей конструкціи представляютъ собой ту разновидность договора ученичества, гдѣ ученикъ-рабъ, и договоръ заключается между хозяиномъ его съ одной стороны и мастеромъ съ другой. Въ 4-хъ изъ приведенныхъ у Колера и Пейзера договоровъ мастера являются людьми свободными. Только въ одномъ договорѣ мастеръ является царскимъ рабомъ, который однако заключаетъ договоръ отъ своего имени вполне самостоятельно. Это однако нельзя объяснять особымъ привилегированнымъ положеніемъ именно царскихъ рабовъ, т. к. изъ всѣхъ документовъ обнаруживается то любопытное явленіе, что въ Вавилонѣ рабы считались субъектами права и заключали всевозможныя сдѣлки такъ же, какъ и свободные люди ²⁾. Объектомъ обученія являются ткацкое и каменотесное ремесла, а въ двухъ документахъ „служба въ храмѣ Бога Солнца“ ³⁾. Въ чемъ заключалось обученіе послѣднему искусству мы не знаемъ, но въ договорахъ оно разсматривается какъ и другія ремесла, и договоры эти составлены совершенно аналогично съ тѣми, гдѣ рѣчь идетъ о ткацкомъ и каменотесномъ ремеслахъ. Во всякомъ случаѣ, если даже эти договоры отбросить и признать договорами промысловаго обученія только три остальныхъ документа, то и на основаніи этихъ послѣднихъ можно констатировать фактъ существованія въ древнемъ Вавилонѣ класса самостоятельныхъ свободныхъ ремесленниковъ (мастера въ большинствѣ договоровъ люди свободные) ⁴⁾, а вмѣстѣ съ

¹⁾ loc. cit., выпускъ 2-ой стр. 52—56.

²⁾ Kohler и Peiser, heft 2-ая стр. 6.

³⁾ Документы «Cyrus 248» и «Cyrus 313».

⁴⁾ Что промышленность въ древнемъ Вавилонѣ не находилась преимущественно въ рукахъ рабовъ видно изъ того, что въ документахъ отно-

тѣмъ и существованіе въ то время договора промысловаго ученичества. Если-же ремесленники были и свободные люди, то есть полное основаніе предполагать, что въ Вавилонѣ заключались и такіе договоры ученичества, гдѣ не только мастеръ, но и ученикъ были людьми свободными.

Что касается до самаго содержанія вышеуказанныхъ договоровъ, то оно свидѣтельствуесть о почти полной тождественности вавилонскаго ученичества съ ученичествомъ западно-европейскаго средневѣковья и даже настоящаго времени: срокъ обученія для ткацкаго ремесла 5, а для каменотеснаго 4 года; мастеръ платы за обученіе не получаетъ, онъ пользуется лишь трудомъ ученика, и лишь при обученіи службѣ въ храмѣ по успѣшномъ окончаніи обученія мастеру обѣщанъ даръ; содержаніе ученика во время обученія падаетъ на мастера, хотя иногда хозяинъ ученика и беретъ на себя обязанность доставлять своему рабу одежду и пищу. Любопытно, что въ Вавилонѣ, повидимому, такъ-же было распространено явленіе, на которое такъ часто и такъ сильно жаловались ремесленники особенно въ половинѣ 19-го вѣка: уходъ учениковъ отъ мастера до условленнаго срока, лишаящій мастера возможности пользоваться трудомъ ученика послѣдніе годы обученія, когда трудъ его наиболѣе цѣненъ, и вавилонскіе ремесленники принимали мѣры въ защиту своихъ интересовъ, обуславливая въ договорахъ неустойку на этотъ случай. Неустойка обуславливалась также на тотъ случай, когда мастеръ не исполнить своего обязательства и не обучить ученика, какъ слѣдуетъ, или будетъ держать у себя ученика и пользоваться его трудомъ по истеченіи срока обученія. Неустойка эта имѣла характеръ не штрафа, а представляла собой заранѣе опредѣленное вознагражденіе за ущербъ: въ случаѣ если мастеръ не обучить ученика, онъ возмѣщаетъ собственнику ученика стоимость труда ученика за все время, которое онъ пробылъ у мастера, а въ случаѣ удержанія мастеромъ ученика по обученіи, оцѣнка труда ученика за это время является повышенной, т. е. ученикъ те-

сящихъ къ эпохѣ царя Hammurabi число рабовъ у отдѣльныхъ лицъ не превышаетъ 4-хъ. См. Meissner: «Das altbabylonische Privatrecht.» въ Mitteilungen der Gesellschaft für Vergleichende Rechts-und Staatswissenschaft zu Berlin. 1895.

перь уже является работникомъ обученнымъ и болѣе искуснымъ¹⁾.

Таково было ученичество въ древнемъ Вавилонѣ, чье высоко развитое право несомнѣнно оказало большое вліяніе и на правовую жизнь персовъ. Колеръ и Пейзеръ высказываютъ даже предположеніе о рецепціи вавилонскаго права персами, черезъ которыхъ оно могло оказать вліяніе и на греческое право²⁾.

Въ литературѣ было высказано мнѣніе³⁾, что даже культура древняго Египта находилась въ зависимости отъ вавилонской, но Эдуардъ Мейеръ⁴⁾ полагаетъ, что для признанія этого факта имѣющихся въ настоящее время свѣдѣній недостаточно. Да и вообще свѣдѣнія, которыя мы находили у историковъ относительно развитія ремесла въ древнемъ Египтѣ и ученичества въ частности, являются гораздо болѣе скудными, чѣмъ относительно Вавилона. Но во всякомъ случаѣ такой авторитетъ по древней исторіи, какъ Эдуардъ Мейеръ⁵⁾, полагаетъ, что хотя прямыхъ указаній въ источникахъ на существованіе класса свободныхъ ремесленниковъ въ Старомъ царствѣ (съ 2830 по 2530 г. до Р. Х.) и не имѣется, но изъ различныхъ косвенныхъ указаній можно догадываться, что все-же онъ существовалъ преимущественно въ городахъ. Но уже въ Старо-Оиванскомъ царствѣ (съ 2130 по 1930 г. до Р. Х.) это является уже фактомъ несомнѣннымъ. Источники указываютъ на свободныхъ цирульниковъ, оружейниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, каменотесовъ, бальзамировщиковъ, хотя, конечно, на ряду съ ними было много и крѣпостныхъ ремесленниковъ, работавшихъ исключительно на своихъ господъ. Изъ существованія-же класса свободныхъ ремесленниковъ мы можемъ заключить и о существованіи въ древнемъ Египтѣ и договора промысловаго ученичества. Правда широкому развитію этого договора значительно препятство-

1) Kohler u. Peiser. heft 2. стр. 52—56.

2) Kohler u. Peiser, heft 2. стр. 5.

3) Von Hommel'емъ.

4) «Geschichte des alten Aegyptens». 1887 г. стр. 2.

5) E. Meyer. «Geschichte des alten Aegyptens.» стр. 167. Онъ же: «Die Wirtschaftliche Entwicklung des Altertums» въ Jahrb. f. Nation. u. Statist. 1895. III Fol. IX Band.

вало то обстоятельство, что у египтянъ, болѣе чѣмъ у другихъ народовъ, былъ распространенъ обычай, что сынъ наследовалъ занятіе отца и такимъ образомъ обучался у отца не по договору, а на основаніи родительской власти, но это былъ только обычай, не имѣвшій обязательнаго значенія, т. к. мнѣніе, основанное на сообщеніяхъ греческихъ писателей, будто въ Египтѣ существовала такая-же замкнутая кастовая организация, какъ въ Индіи, Эд. Мейеръ ¹⁾ считаетъ безусловно ошибочнымъ, и переѣва сыномъ профессіи отца была очень частымъ явленіемъ въ то время, такъ что обученіе, основанное на договорѣ, могло и должно было имѣть мѣсто.

Обратимся теперь къ вопросу о существованіи и положеніи свободныхъ ремесленниковъ въ древней Греціи. Этому вопросу, можно сказать, посчастливилось въ литературѣ. Кромѣ работъ Белоха ²⁾ и Пѣльмана ³⁾, въ которыхъ этотъ вопросъ обсуждается въ связи съ другими сторонами жизни древней Греціи, мы имѣемъ еще двѣ, сравнительно новыхъ, вышедшихъ одновременно работы спеціально занимающихся древне-греческой промышленностью: Н. Francotte: „L'industrie dans la Grèce ancienne“, 1900 г. и Р. Guirard: „La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce“, 1900 г. Кромѣ того промышленность древней Греціи преимущественно служила той почвой, на которой велся споръ между К. Бюхеромъ съ одной стороны и Эд. Мейеромъ и Белохомъ съ другой.

Что касается до эпохи доисторической—Микенской и Гомеровской,—то здѣсь, повидимому, всѣ изслѣдователи сходятся въ томъ, что это была эпоха домашняго замкнутаго хозяйства. Но тѣмъ не менѣе и тогда можно констатировать существованіе свободныхъ ремесленниковъ; у Гомера мы встрѣчаемъ упоминанія о горшечникахъ, плотникахъ, кожевникахъ, кромѣ того несомнѣнно, что были и кузнецы ⁴⁾.

¹⁾ «Geschichte d. Alten Aegyptens», стр. 169; «Geschichte des Alterthums», 1882. т. I стр. 61.

²⁾ «Griechische Geschichte» 2 т. 1893 г.

³⁾ Pöhlmann: «Geschichte des antiken Kommunismus u. Sozialismus» 1901.

⁴⁾ Francotte. loc. cit. т. 1 стр. 278; E. Meyer. «Die Wirtschaftliche Entwicklung.» стр. 708; Beloch—«Griech. Gesch.» т. I стр. 89 полагаетъ, что кузнецъ былъ вообще вѣроятно первымъ профессиональнымъ ремесленникомъ.

Къ ремесленникамъ-же Гомеръ причисляетъ врачей, предсказателей и герольдовъ. Эти свободные люди, жившіе своимъ трудомъ, пользовались уваженіемъ со стороны населенія, такъ какъ тогда еще не было и слѣда того презрѣнія къ трудящимся классамъ, какое мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей позднѣйшей эпохи. Но положеніе этихъ свободныхъ ремесленниковъ имѣло своеобразный характеръ: они были „деміурги“, т. е. люди, работающіе не на себя, а на общину, къ которой они принадлежали, являлись какъ-бы должностными лицами общины ¹⁾. Но не этотъ должностной характеръ деміурговъ, заставившій Зомбарта ²⁾ отрицать за ними характеръ ремесленниковъ въ экономическомъ смыслѣ, побуждаетъ насъ отнестись съ сомнѣніемъ къ возможности существованія въ ту эпоху договора промысловаго ученичества, а предположеніе о распространенности наследственности занятій въ то время ³⁾. Если и въ позднѣйшую эпоху, какъ мы увидимъ ниже, когда ремесленное производство значительно развилось, ремесло передавалось обычно отцомъ сыну, то тѣмъ болѣе этотъ обычай долженъ былъ крѣпко соблюдаться въ такіа отдаленныя времена ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ трудъ свободныхъ ремесленниковъ въ это время господства ойкоснаго хозяйства не могъ имѣть сколько-нибудь широкаго распространенія.

Но уже со 2-ой половины VIII-го вѣка начинается переѣна въ экономическомъ строѣ Греціи—по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ ея частей. Домашнее замкнутое хозяйство уже перестаетъ быть господствующей формой, развивается дѣятель-

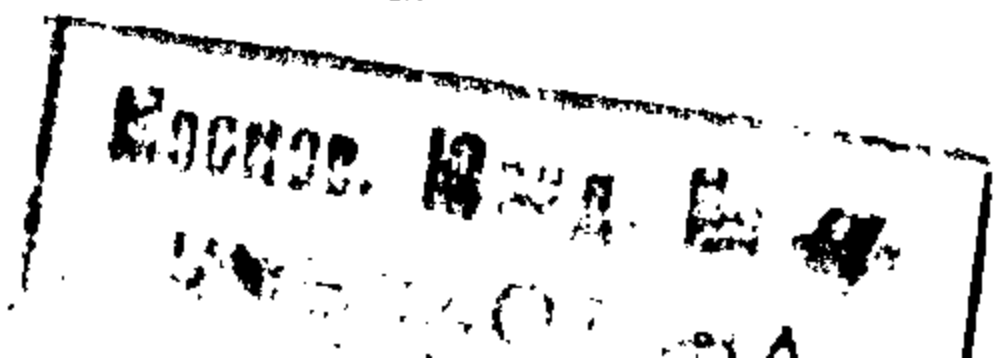
¹⁾ Riedenauer, «Handwerk u. Handwerker in der Homer. Zeit» 1873; Ed. Meyer, «Geschichte d. Alterthums» т. II 1893 стр. 363; онъ-же въ «Die Wirtschaftliche Entwicklung» стр. 708.

²⁾ «Современный Капитализмъ» т. I, стр. 100.

³⁾ Beloch, «Griechische Geschichte» т. I, стр. 224—226; Francotte, т. I. стр. 299.

⁴⁾ Хотя нужно замѣтить, что если такой обычай и можно предполагать, то, какъ и въ др. Египтѣ, онъ не имѣлъ обязательнаго значенія: ни кастъ, ни корпорацій въ то время не знали. Указаніе на наследственность ремесла можно видѣть въ Iliad. V 59—60, а также въ наследственности занятій предсказателей, врачей, герольдовъ (Iliad. II, 730—731; Od. XV, 241 и сл.), которые, какъ мы уже сказали, рассматривались въ то время, какъ и всякіе др. ремесленники.

48462
 1898
 48462

ность колонизационная и торговля. При бѣдности и незначительности греческой территоріи ясно, что предметами экспорта были промышленные продукты, а не земледѣльческіе. И дѣйствительно, мы видимъ, что Милетъ вывозитъ шерстяныя тѣлани, ковры, также какъ Хиосъ и Самосъ; Коринфъ, Халкидонъ и Аргосъ—металлическія издѣлія¹⁾; въ Афинахъ уже съ VII-го в. керамическая промышленность была довольно оживленной, хотя особенно пышно расцвѣтаетъ при Пизистратѣ и его сыновьяхъ²⁾. вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности область домашняго производства все болѣе и болѣе суживается. Даже занятія чисто домашнія по своему характеру, переходятъ постепенно въ руки специалистовъ-ремесленниковъ. Такъ, если Аристофанъ сообщаетъ, что афинянки еще не покинули старыхъ традицій и пекутъ хлѣбъ сами, то на ряду съ этимъ мы находимъ тамъ даже специалистовъ-поваровъ, переходящихъ изъ дома въ домъ для приготовленія обѣдовъ, по крайней мѣрѣ парадныхъ³⁾. Вообще фактъ развитія промышленности въ древней Греціи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр., въ Афинахъ, Коринфѣ, Эгинѣ и др., можно считать въ настоящее время прочно установленнымъ въ наукѣ и признаннымъ почти всѣми историками. Такъ что если даже признать, что теорія Белоха о развитіи крупной капиталистической формы производства въ Греціи является преувеличенной и недоказанной⁴⁾, то ясно, что по крайней мѣрѣ очень значительная часть производства находилась въ рукахъ мелкихъ ремесленниковъ. Болѣе спорнымъ является вопросъ, кто были эти ремесленники—свободные граждане или рабы.

Взглядъ, что ремесло въ античномъ мірѣ находилось исключительно въ рукахъ рабовъ, довольно распространенъ. Опорой этого взгляда являются указанія многихъ греческихъ писателей на то, что ремесло является занятіемъ недостойнымъ свободнаго гражданина: такъ, на примѣръ, въ Спартѣ спартиатамъ было запрещено заниматься ремесломъ и торговлей; въ Оивахъ, по

¹⁾ E. Meyer, «Die Wirtschaft. Entwicklung», стр. 711.

²⁾ Guiraud, стр. 24—36.

³⁾ См. у Guiraud, стр. 64.

⁴⁾ См. напр. Guiraud, стр. 86, 91, 92, а также Francotte, стр. 18 и сл.

словамъ Аристотеля¹⁾, законъ лишалъ права занимать общественную должность гражданина, который менѣе 2-хъ лѣтъ, какъ оставилъ всякую промышленную дѣятельность; Геродотъ²⁾ сообщаетъ, что всѣ греки, кромѣ коринфянъ, ниже всѣхъ считаютъ тѣхъ, которые занимаются ремесломъ, и ихъ потомство; Платонъ, Аристотель, Ксенофонтъ, Фалкисъ Халкидонскій подтверждаютъ это мнѣніе Геродота о грекахъ, сами лично признавая занятіе торговлей и ремесломъ недостойнымъ свободнаго гражданина, приравнивающимъ его къ рабу. Въ доказательство распространенности этого взгляда въ Афинахъ приводятъ также бесѣду Сократа съ Аристархомъ, изложенную Ксенофонтомъ въ Меморабіліяхъ³⁾. Здѣсь Аристархъ жалуется Сократу на свое бѣдственное экономическое положеніе: онъ долженъ содержать много родственницъ, а его имущество, по причинѣ войны, доходовъ не даетъ. Сократъ спрашиваетъ, почему-же лица, находящіяся на его содержаніи, не работаютъ, какъ это дѣлаютъ другія, на что Аристархъ отвѣчаетъ, что лица, приведенныя Сократомъ для примѣра, покупаютъ рабовъ и ихъ заставляютъ работать, а его родственницы люди свободные. Сократъ убѣждаетъ Аристарха бросить предрасудокъ, и тотъ слушается Сократа: въ домѣ его водворяется веселье и довольство, но самъ Аристархъ все-же не счелъ возможнымъ начать трудиться, оставшись вѣрнымъ укоренившемуся убѣжденію о непристойности труда для свободнаго гражданина. Но всѣ эти ссылки на греческихъ писателей, какъ справедливо полагаютъ Эд. Мейеръ⁴⁾ и Гиро⁵⁾, никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ того, что занятіе ремесломъ находилось исключительно въ рукахъ людей несвободныхъ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ, отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи частей Греціи. Аристократическіе взгляды Платона, Аристотеля и Ксенофонта, вытекающіе изъ отрицательнаго отношенія ихъ къ

¹⁾ Polit. III, 1278a 25.

²⁾ II, 167.

³⁾ Memorab. II, 7.

⁴⁾ E. Meyer, «Die Wirtschaftliche Entwicklung d. Altertums» стр. 718—722.

⁵⁾ Guiraud, стр. 50.

существующему демократическому строю и идеализации прошлого аристократического правления, аналогичного съ спартанскимъ, были, конечно, распространены въ известныхъ высшихъ кругахъ общества, но, какъ мѣтко замѣчаетъ Эд. Мейеръ, точно такое же отношеніе къ ручному труду безусловно существуетъ и въ современномъ обществѣ, гдѣ хотя правящая различія между владѣющими и невладѣющими классами и уничтожены, но социальная пропасть осталась, и современному ученому также показалось-бы неестественнымъ и недостойнымъ, если бы его сынъ сдѣлался ремесленникомъ, какъ и греческому философу. Только современное общество стало болѣе лицемѣрнымъ и не сознается открыто въ своихъ предразсудкахъ, какъ это дѣлали древніе.

Но если мнѣнія нѣкоторыхъ греческихъ писателей не могутъ служить доказательствомъ распространенности отрицательнаго отношенія къ ремесленному труду въ широкихъ кругахъ греческаго народа, то это еще, конечно, не означаетъ, что такого отрицательнаго отношенія вовсе не было въ народѣ. И доказательствомъ того, что мнѣнія философовъ не расходились особенно съ понятіями всего общества, Франкоттъ ¹⁾ считаетъ, главнымъ образомъ, содержаніе комедій Аристофана и одну изъ рѣчей Демосфена. Аристофанъ былъ не писателемъ для избранныхъ, а поэтомъ толпы, его пьесы шли въ театрѣ, пользовались успѣхомъ, а потому, естественно, не могли идти рѣзко въ разрѣзъ съ понятіями и вѣрованіями публики, а между тѣмъ въ его пьесахъ красной нитью проходитъ насмѣшка надъ ремесленниками и торговцами съ одной стороны и восхваленіе земледѣлія съ другой. Онъ безжалостно высмѣиваетъ торговца Евкрата, торговца баранами Лизикла, выдѣлывающаго лампы Гипербола, достается сильно поэту Еврипиду за его низкое происхожденіе—его мать торговала фруктами и овощами,—но излюбленной жертвой нападокъ писателя является кожевникъ Клеонъ. Все это, по мнѣнію Франкотта, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что публику Аристофана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главную массу афинскаго населенія, составляли главнымъ образомъ крестьяне, среди которыхъ отрицательное отношеніе поэта къ ремесленникамъ

¹⁾ Francotte, стр. 250—257 т. I.

и торговцамъ находило себѣ сочувствіе, но никакъ не ремесленники. Подтверженіе этого взгляда Франкоттъ ¹⁾ видитъ и въ рѣчи Демосфена въ защиту Евкситея, лишеннаго правъ гражданства вслѣдствіе того, что онъ самъ бѣденъ, и мать его продаетъ ленты на агорѣ. Въ своей рѣчи ораторъ старается умилостивить судей, указывая, что лишь нужда заставляетъ гражданъ заниматься такими унижительными и рабскими занятіями, и что поэтому болѣе справедливо жалѣть этихъ несчастныхъ, а не наказывать ихъ лишеніемъ правъ гражданства. Не является-ли этотъ фактъ лишенія правъ гражданства и причисленія къ категоріи иностранцевъ только за то, что данное лицо бѣдно, и мать его занимается продажей лентъ, нагляднымъ доказательствомъ, какимъ презрѣніемъ пользовались въ Афинахъ занятіе изв. ремесломъ и бѣдность, и какимъ рѣдкимъ исключеніемъ должны были быть такія занятія со стороны свободныхъ гражданъ?

Но намъ, тѣмъ не менѣе, эти доводы не кажутся убѣдительными. Прежде всего, въ противовѣсъ презрительному отношенію къ ремеслу со стороны многихъ греческихъ писателей, мы имѣемъ и свидѣтельства обратнаго къ нимъ отношенія со стороны древнихъ грековъ. Если даже не считать такимъ свидѣтельствомъ сообщеніе Плутарха ²⁾ о законѣ Солона, освобождающемъ сына отъ обязанности содержать своего отца, если послѣдній не научилъ его никакому ремеслу, — Франкоттъ ³⁾ утверждаетъ, что въ эпоху Солона предразсудокъ грековъ относительно ремесла еще не сложился окончательно, — то мы имѣемъ еще болѣе категорическое свидѣтельство въ рѣчи, которую Фукидидъ ⁴⁾ вкладываетъ въ уста Перикла. Послѣдній прямо заявляетъ, что „у насъ считается“ постыднымъ быть бѣднымъ отъ бездѣлья, а не кормить себя трудомъ своихъ рукъ, и что самый скромный ремесленникъ долженъ имѣть участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. По формѣ рѣчи видно, что Периклъ высказываетъ здѣсь не свое личное мнѣніе, а мнѣніе большинства гражданъ.

¹⁾ op. cit. стр. 253—255.

²⁾ Plut. Sol. 22.

³⁾ op. cit. т. II. стр. 123.

⁴⁾ Thuk. II. 40.

Что касается до Аристофана, то въ его насмѣшкахъ надъ торговцами и ремесленниками видѣть доказательство существованія презрѣнія къ этимъ профессіямъ врядъ-ли возможно. Достаточно указать на то, что въ числѣ тѣхъ ремесленниковъ, надъ которыми издѣвался Аристофанъ, особенно видное мѣсто занимаетъ кожевникъ Клеонъ, игравшій такую важную роль въ Афинахъ, чтобы усумниться въ томъ, что объекты нападокъ сатирика дѣйствительно пользовались и презрѣніемъ народа. Психика толпы всегда одинакова, и древніе афиняне, вѣроятно, также охотно смѣялись надъ насмѣшками Аристофана надъ тѣмъ, что отъ Клеона пахнетъ кожей, какъ и современные французы надъ злой каррикатурой на Клемансо, что нисколько не мѣшало первымъ выбирать Клеона въ полководцы, а вторымъ подавать свои голоса за Клемансо при выборахъ въ палату депутатовъ. А что публика Аристофана вовсе не состояла преимущественно изъ крестьянъ, относившихся къ ремеслу съ презрѣніемъ, видно изъ сообщенія того-же самаго писателя, что народное собраніе въ Афинахъ почти цѣликомъ состоитъ изъ ремесленниковъ. Последнее сообщеніе, подтверждаемое и Ксенофонтомъ и Платономъ, является для насъ важнымъ доказательствомъ того, что въ Афинахъ значительная часть свободныхъ гражданъ занималась ремесломъ.

Но какъ-же тогда объяснить дѣло о лишеніи правъ гражданства Евкситя? По нашему мнѣнію, его можно объяснить только тѣмъ, что въ древней Греціи дѣйствительно нѣкоторыя ремесла, нѣкоторыя профессіи, считались предосудительными, какъ это допускаетъ и Гиро¹⁾, и что торговля на площади относилась именно къ этой категоріи занятій, но распространять это предубѣжденіе на все ремесло было бы совершенно ошибочнымъ, принимая во вниманіе вышеуказанный составъ народного собранія въ Афинахъ, а также рядъ указаній различныхъ греческихъ писателей, приводящихъ даже имена свободныхъ ремесленниковъ, работавшихъ лично, а не бывшихъ только хозяевами мастерскихъ, и исключеніи которыхъ изъ числа гражданъ не было и рѣчи²⁾.

¹⁾ op. cit. стр. 41—46.

²⁾ Смори перечисленіе съ указаніемъ источниковъ у Guiraud, стр. 169.

Итакъ, на основаніи всего сказаннаго мы можемъ притти къ заключенію, что въ древней Греціи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ государствъ, не только существовало ремесленное производство, но и производство это отнюдь не находилось исключительно въ рукахъ рабовъ, а служило средствомъ существованія и для свободныхъ лицъ. Эти свободные люди представляли собой, какъ мы видѣли, и свободныхъ гражданъ и иностранцевъ (метековъ), которыхъ особенно много было въ Афинахъ, и которые занимались главнымъ образомъ промышленностью и торговлей. Въ какомъ количественномъ отношеніи находились между собой ремесленники этихъ трехъ категорій—граждане, рабы и метеки,—вопросъ сложный и выходящій изъ рамокъ даннаго историческаго экскурса, но во всякомъ случаѣ, если опять вспомнить, что ремесленники-граждане составляли значительную часть народного собранія въ Афинахъ, что нѣкоторыя отрасли ремесла были преимущественно въ рукахъ гражданъ¹⁾, и что число метековъ-ремесленниковъ было также очень велико²⁾, то можно съ увѣренностью утверждать, что классъ свободныхъ ремесленниковъ въ древней Греціи былъ очень значителенъ³⁾.

Такимъ образомъ, тѣ условія, существованіе которыхъ необходимо для возникновенія института договора промысловаго ученичества, въ древней Греціи были на лицо. И мы имѣемъ рядъ указаній греческихъ писателей, подтверждающихъ его существованіе. Такъ напр. Ксенофонтъ⁴⁾ прямо гово-

¹⁾ Francotte, т. I стр. 220.

²⁾ Francotte доказываетъ, что оно значительно превышало число гражданъ-ремесленниковъ (т. I, стр. 187—234).

³⁾ Белохъ, правда, утверждаетъ, что послѣ пелопонесскихъ войнъ въ Афинахъ крупное промышленное производство, основанное на рабскомъ трудѣ, вытѣсняетъ трудъ мелкихъ свободныхъ ремесленниковъ, но это мнѣніе встрѣчаетъ серьезныя возраженія со стороны новѣйшихъ писателей—Guiraud, а особенно Francott'a. Также Wilcken въ своей капитальной работѣ «Griechische Ostraka» 1899 г. категорически утверждаетъ, что даже въ эллинистическомъ Египтѣ, въ Александріи, въ ремеслѣ безусловно господствовали свободные люди (стр. 688, 695 т. I). Но если даже допустить, что крупная промышленность дѣйствительно развилась и вытѣснила свободный трудъ, то о полномъ или значительномъ сокращеніи массы свободныхъ ремесленниковъ въ то время не можетъ быть и рѣчи.

⁴⁾ Memorab. IV. 4, 5.

рить, что если хотятъ сдѣлать когонибудь башмачникомъ, каменщикомъ, кузнецомъ, то отдають его для обученія мастеру, который могъ-бы его обучить. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, тотъ-же писатель заявляетъ еще болѣе категорически, что никто не можетъ приобрести изв. ловкость въ ремесленной работѣ, не получивъ необходимаго обученія. Платонъ ²⁾ также упоминаетъ объ ученичествѣ горшечниковъ, ткачей, кожевниковъ. Указанія Ксенофонта являются очень важными. Они показываютъ намъ, что договоръ промысловаго ученичества въ то время былъ обычнымъ, распространеннымъ явленіемъ, и что передача ремесла по наслѣдству отцомъ сыну если и практиковалась часто, то во всякомъ случаѣ не была обязательной, и отцы зачастую отдавали своихъ дѣтей обучаться другому ремеслу, а не тому, которымъ они сами занимались. Отдавались въ обученіе, какъ рабы, такъ и свободныя лица (дѣти родителями), причемъ мы полагаемъ, что большинство учениковъ относилось преимущественно къ послѣдней категоріи лицъ, такъ какъ обученіе раба стоило дорого и представляло для хозяина извѣстный рискъ потерпѣть убытокъ въ случаѣ смерти раба до окончанія продолжительнаго періода обученія, вслѣдствіе чего въ большинствѣ случаевъ хозяева предпочитали извлекать изъ рабовъ доходъ немедленно, употребляя ихъ преимущественно на простыя, но тяжелыя работы, не требовавшія долгаго обученія, какъ напр. работа въ рудникахъ и т. п. ³⁾, а болѣе трудныя и требовавшія большаго искусства ремесла, какъ болѣе благородныя, находились главнымъ образомъ въ рукахъ свободныхъ гражданъ.

Самый договоръ нерѣдко совершался въ письменной формѣ, въ которой опредѣлялась и плата за ученіе и, вѣроятно, срокъ послѣдняго ⁴⁾, хотя, согласно общему правилу греческаго права, эта письменная форма не была обязательной, и договоръ могъ быть заключенъ и простымъ соглаше-

¹⁾ Memorab, IV. 2, 2.

²⁾ Respublica, IV p. 421 E; Gorgias, 70; Menon 27, Cratyl 8.

³⁾ Francotte, т. II стр. 16—17.

⁴⁾ Guiraud (стр. 67) добавляетъ «avec les garanties usuelles» и ссылается на слѣд. авторовъ: Xenophon «De l'équitation II, 2; Platon «Euthydem», 1, и «Theages» 8; Isocrate, XIII, 7; Theocrite, VIII, 85.

ніемъ сторонъ ¹⁾. Договоръ долженъ былъ совершаться всецѣло законнымъ представителемъ ученика, т. к. по афинскому праву самъ несовершеннолѣтній не могъ участвовать въ заключеніи договора, хотя бы даже съ согласія опекуна ²⁾. Срокъ обученія былъ, повидимому, не особенно коротокъ: по крайней мѣрѣ для изученія цоварскаго ремесла требовалось минимумъ 2 года, а Ксенофонтъ ³⁾ говоритъ, что вообще ремесла требуютъ продолжительнаго изученія.

И уже въ то время въ положеніи учениковъ мы находимъ тѣ характерныя черты, которыя и теперь въ жизни считаются неотъемлемыми свойствами ремесленнаго обученія: именно обученіе посредствомъ ударовъ и истязаній ⁴⁾, и греческіе ученики также не мало слезъ должны были пролить прежде чѣмъ постигнуть изучаемую премудрость, какъ и ученики въ XX-омъ в.—въ этомъ отношеніи культура современныхъ народовъ не далеко ушла отъ древне-греческой. Есть основаніе ⁵⁾ думать, что практиковалось и другое злоупотребленіе со стороны мастеровъ—они обучали нерѣдко учениковъ завѣдомо недобросовѣстно, не сообщали имъ всего того, что сами знали, сохраняя въ тайнѣ наиболѣе существенныя свѣдѣнія своей профессіи.

Что касается до регламентаціи института ученичества со стороны законодательства, то ея, повидимому, вовсе не существовало—по крайней мѣрѣ слѣдовъ такой регламентаціи до насъ не дошло, а доводы *Naum et Pegin* ⁶⁾ въ пользу существованія нормъ въ защиту учениковъ, такъ какъ де иначе и быть не могло въ древней Греціи „твердой рукой державшей свѣточъ цивилизаціи“, относятся всецѣло къ области реторики и серьезнымъ доказательствомъ служить не могутъ. Можно предполагать, что ученичество въ то время подводилось подъ понятіе договора личнаго найма, но и о регламентаціи въ древней Греціи

¹⁾ L. Beauchet, «Histoire du droit privé de la Republique Athenienne», т. IV стр. 18 и сл.

²⁾ L. Beauchet, т. II стр. 211.

³⁾ Econom. XV. 10.

⁴⁾ Lucien I, 3.

⁵⁾ Platon, Protagoras 16.

⁶⁾ «Traité du contrat d'apprentissage». 1878 г. стр. XLI.

договора личного найма свѣдѣнія столь скудны ¹⁾, что установить какіе-нибудь опредѣленные принципы ея мы не въ состояніи. Этотъ пробѣлъ не могъ быть заполненъ и регламентаціей со стороны профессиональныхъ организацій, какъ это имѣло мѣсто въ цеховомъ строѣ въ Европѣ, т. е. подобныя организаціи ремесленниковъ если и существовали въ древней Греціи, то безусловно имѣли религіозный, а не профессиональный характеръ ²⁾. Поэтому приходится притти къ заключенію, что ученичество въ древней Греціи регламентировалось исключительно соглашеніемъ сторонъ и обычнымъ правомъ.

Обращаясь къ древнему Риму, мы видимъ, что и здѣсь свободные ремесленники существовали издавна—преданіе приписываетъ Нумѣ Помпилю объединеніе ихъ въ корпораціи или коллегіи ³⁾, какъ напримѣръ, коллегіи флейтистовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, рабочихъ по дереву, кожевенниковъ, кузнецовъ, горшечниковъ и нѣк. другія. Несмотря однако на ранніе зачатки ремесла, послѣднее, повидимому, долго не имѣло особенно большого значенія въ Римѣ, т. е. римляне, со свойственнымъ имъ консерватизмомъ, долѣе другихъ народовъ сохраняли форму домашняго замкнутого хозяйства ⁴⁾. Это видно хотя-бы изъ того, что ремесло булочниковъ, судя по Плинію, возникло въ Римѣ лишь послѣ войны съ Персеемъ, въ то время какъ въ Греціи оно, какъ мы видѣли, существовало гораздо раньше, а у германскихъ народовъ существовало въ 12 стол. по Р. Х. даже въ незначительныхъ городахъ ⁵⁾. Неблагоприятное вліяніе на развитіе класса свободныхъ ремесленниковъ оказывало и образовавшееся впоследствии ⁶⁾ предубѣжденіе противъ этого занятія, какъ дѣла недостойнаго свободного римскаго гражданина, предубѣжденіе, повидимому, распространенное болѣе, чѣмъ въ древней Греціи.

¹⁾ См. у L. Beauchet, т. IV.

²⁾ Francotte, т. II стр. 208—216; Guiraud, стр. 67.

³⁾ Флоръ приписываетъ ихъ образованіе Сервію Туллію—Florus 1, 6 § 3.

⁴⁾ Below, Histor. Zeitschr. Neu. Folg. Band. 55. 1903 г. стр. 446—447.

⁵⁾ Below, loc. cit.

⁶⁾ Tit. Liv. III 3, 27; IV 31; IX 7; III. 25; Cicero. De offic. liv. 1, cap. 42.

Но тѣмъ не менѣе существованіе въ Римѣ значительнаго числа ремесленниковъ изъ свободныхъ гражданъ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ Марквардъ констатируетъ ¹⁾, что ремесло башмачниковъ и кожевенниковъ состояло преимущественно изъ свободныхъ гражданъ даже въ Импер. эпоху, и что свободныхъ гражданъ много встрѣчалось и среди булочниковъ ²⁾ и архитекторовъ, приравнивавшихся въ то время также къ ремесленникамъ ³⁾, золотыхъ дѣлъ мастеровъ ⁴⁾ и въ строительныхъ ремеслахъ (structores) ⁵⁾.

Несомнѣннымъ фактомъ является и существованіе въ Римѣ договора промысловаго ученичества: кромѣ указаній на это у многихъ римскихъ писателей, мы имѣемъ даже нѣсколько отрывковъ изъ Дигестъ, специально трактующихъ объ этомъ договорѣ. Изъ этихъ отрывковъ самымъ существеннымъ является Ulp. Dig. IX 2, 5, § 3: „Si magister in disciplina vulneraverit servum vel occiderit, an Aquilia teneatur, quasi damnum injuria dederit? Iulianus scribit Aquilia teneri cum qui eluscaverat discipulum in disciplina: multo magis igitur in occiso idem erit dicendum; proponitur autem apud eum species talis: sutor, inquit, puero discenti ingenuo, filio familias, parum bene facienti, quod demonstraverit, forma calcei cervicem percussit, ut oculos puero perfunderetur, dicit igitur Iulianus injuriarum quidem actionem non competere, quia non faciendi iniuriae causa percusserit, sed monendi et docendi causa: an ex locato, dubitat, quia levis dumtaxat castigatio concessa est docendi, sed lege Aquilia posse agi non dubito.

Кромѣ того, Ulp. Dig. XIX 2, 13 § 3: Si quis servum docendum conduxerit eumque duxerit peregre et aut ab hostibus captus sit aut perierit ex locato esse actionem placuit, si modo non sic conduxit ut et peregre duceret. Далѣе, въ § 4. излагается тотъ самый случай, мнѣніе Юліана о которомъ приводится Ульпіаномъ въ изложенномъ нами выше Dig. IX 2, §§ 3.

¹⁾ Marquard u. Mommsen, «Römische Alterthümer» Band. VII, 2, стр. 257.

²⁾ op. cit. 399—400.

³⁾ op. cit. 595—596.

⁴⁾ op. cit. 679—680.

⁵⁾ op. cit. стр. 614.

Наконецъ Павелъ въ *Dig. lib. IX tit II lex 6* утверждаетъ, что „*praesceptoris nimia saevitia culpaе adsignatur*“. Вышеприведенные тексты, указывая несомнѣнно на существованіе въ Римѣ договора промысловаго ученичества и на то, что въ ученики отдавались и дѣти свободныхъ родителей, объ юридической регламентаціи ученичества, какъ самостоятельнаго договора, въ сущности, не даютъ почти никакихъ указаній. Наиболѣе существенное мѣсто—случай, приводимый юристомъ Юліаномъ—трактуетъ не о самомъ договорѣ ученичества, а главнымъ образомъ о примѣненіи *lex Aquilia*, именно, можно ли привлечь, по этому закону мастера, изувѣчившаго ученика, или-же нельзя. Но все-же нѣкоторыя свѣдѣнія объ ученичествѣ, хотя и очень скудныя, въ этомъ отрывкѣ все-же можно найти. Изъ мотивировки Юліана видно прежде всего, что учителю принадлежало право подвергать ученика тѣлеснымъ наказаніямъ въ цѣляхъ обученія и наставленія, но наказанія эти не должны переходить извѣстной границы: дозволены были лишь легкія наказанія („*levis castigatio*“), но никакъ не такое звѣрство, какъ въ случаѣ, приведенномъ Юліаномъ, гдѣ мастеръ такъ ударилъ мальчика колодкой по головѣ, что тотъ потерялъ зрѣніе. Однако, изъ послѣдняго примѣра, а именно изъ того, что Ульпіанъ приводитъ мнѣніе Юліана для рѣшенія вопроса о примѣненіи *lex Aquilia* въ случаю пораненія или убійства мастеромъ раба, отданнаго ему въ обученіе, можно предполагать, что тѣлесныя наказанія учениковъ очень и очень часто изъ „*levis castigatio*“ превращались въ настоящія истязанія. Но самое существенное указаніе относительно договора ученичества, которое мы находимъ въ данныхъ отрывкахъ, это то, что отцу ученика или его хозяину дается „*actio ex locato*“. Изъ этого ясно видно, что данный договоръ является не самостоятельнымъ, не имѣетъ самостоятельной регламентаціи¹⁾, а относится къ категоріи *locatio conductio*, и именно *locatio conductio operis*, судя по тому, что Ульпіанъ въ *lex 13 XIX 2* трактуетъ, какъ это видно по терминологіи другихъ примѣровъ, исключительно объ этомъ видѣ договора, а не *locatio*

¹⁾ Какъ это думаютъ *Naumen et Perin*, стр. LII и LIII, не приводя въ сущности никакихъ аргументовъ въ пользу своего предположенія.

conductio operarum. Такого мнѣнія держатся и современные романисты¹⁾.

Примѣняя нормы, относившіяся къ *locatio conductio operis*, и къ договору промысловаго ученичества, мы должны заключить, что данный договоръ заключался въ формѣ стипуляціи, и только со времени Діоклетіана стало достаточнымъ простого словеснаго соглашенія, не облеченнаго въ эту форму²⁾.

Вознагражденіе за обученіе должно было состоять непременно въ опредѣленной денежной суммѣ, т. е. денежное вознагражденіе за трудъ считалось въ Римѣ существенной чертой договора *locatio conductio*. Поэтому, если бы денежнаго вознагражденія не было обусловлено, и мастеръ довольствовался-бы исключительно пользованіемъ трудомъ ученика, то такой договоръ ученичества не былъ-бы *locatio conductio operis*, а *contractus innominatus*. Но такъ какъ наши тексты изъ Дигестъ, относящіеся къ ученичеству, прямо указываютъ на *actio locati*, а не на *actio prescriptis verbis*, каковую имѣлъ-бы отецъ ученика, если-бы договоръ былъ *contractus innominatus*, то изъ этого можно заключить, что обычно за обученіе платилась денежная сумма. Эту плату отецъ или самъ ученикъ долженъ уплатить лишь по окончаніи обученія, если не было въ договорѣ обусловлено иной порядокъ уплаты³⁾.

Учитель долженъ признаваться исполнившимъ принятую имъ на себя обязанность только въ томъ случаѣ, когда онъ обучилъ ученика ремеслу, какъ слѣдуетъ. Только при этомъ условіи онъ имѣетъ право на полученіе условленнаго вознагражденія согласно правилу, что „*opus quod aversione locatum est, donec adprobetur, conductoris periculo est*“. Однако изъ этого правила допускались исключенія, и подрядчикъ не лишался права на вознагражденіе, если онъ докажетъ, что причиной неисполненія имъ предпріятія были или недостатки матеріала, доставленнаго ему хозяиномъ, или случай. Примѣ-

¹⁾ *Endemann*, «Die rechtliche Behandlung d. Arbeit» въ *Jahrb. f. Nation. u. Statist.* 3-e Folge XII Band. 1896 г. стр. 656.

Dernburg, «Lehrbuch d. Preuss. Privatrechts». т. II, 1897, стр. 565.

Riezler, «Der Werkvertrag nach d. V. G. B.» 1900 г. стр. 18; Баронъ, «Система рим. гражд. права». Обязат. право, 1899 г. стр. 200.

²⁾ *Endemann*, стр. 655.

³⁾ *Dernburg*, т. III стр. 310.

няя эти оба положенія къ ученичеству, можно заключить, что учитель не лишался права на вознагражденіе, если доказывалъ, что недостатокъ познаній ученика произошелъ вслѣдствіе неспособности ученика или нежеланія его обучаться, такъ какъ возможность и желаніе ученика обучаться являются именно тѣмъ матеріаломъ, который необходимъ для исполненія учителемъ своей обязанности. Точно также въ случаѣ смерти ученика во время обученія, или болѣзни, сдѣлавшей дальнѣйшее обученіе невозможнымъ, мастеръ сохранялъ право на полученіе вознагражденія за обученіе сообразно съ тѣмъ, насколько онъ успѣлъ уже обучить ученика до наступленія вышеуказаннаго событія¹⁾. Но, конечно, онъ не только ничего не получалъ, но и платилъ отцу ученика возмѣщеніе вреда, если несчастное событіе произошло благодаря его винѣ, какъ это имѣло мѣсто въ случаѣ, указанномъ въ *lex 13 § 3 Dig. 19, 2*, когда учитель увелъ ученика-раба вопреки соглашенію на чужбину, и тамъ онъ погибъ или былъ захваченъ врагами. Что же касалось до смерти мастера, то, хотя обязанности подрядчика по римскому праву и переходили по общему правилу къ его наслѣдникамъ²⁾, но это положеніе врядъ-ли могло быть приимемо въ договору обученія. Послѣдній предполагаетъ въ подрядчикѣ, т. е. мастерѣ, особыя свойства, особыя познанія, неразрывно связанныя съ его личностью, а потому прекращеніе договора въ случаѣ его смерти должно считаться какъ-бы молчаливо обусловленнымъ въ договорѣ.

Такова должна была быть регламентація промысловаго ученичества въ древнемъ Римѣ, регламентація, трактующая въ сущности о *locatio conductio operis*, и крайне скудная,—такъ, напримѣръ, она не даетъ никакихъ указаній на причины, по которымъ каждая изъ сторонъ могла расторгнуть договоръ до срока, тѣмъ болѣе не могло быть и рѣчи о защитѣ ученика и объ обезпеченіи ему надлежащаго положенія въ домѣ учителя.

Въ наукѣ, впрочемъ, многими высказывался взглядъ, что если римское право само и игнорировало договоръ ученичества, то недостатокъ этотъ все-же до извѣстной степени вос-

¹⁾ Windscheid, стр. 697; Баронъ, стр. 201.

²⁾ Windscheid, стр. 714; Dernburg, стр. 310.

полнялся статутами и уставами ремесленныхъ корпорацій (*collegia, corpora orificum et artificum*), которыя существовали въ Римѣ издавна вплоть до позднѣйшей эпохи исторіи древней Римской Имперіи. Такое предположеніе, которое мы встрѣчаемъ у *Naum et Perin*¹⁾, намъ, однако, кажется совершенно не обоснованнымъ. Не только слѣдовъ такой регламентаціи ученичества римскими коллегіями до насъ не дошло, но и самое отождествленіе характера этихъ организацій съ средневѣковыми цѣхами,—а на этомъ отождествленіи и основывается вышеупомянутое предположеніе,—рѣшительно отвергается рядомъ изслѣдователей²⁾ на основаніи тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя имѣются относительно этихъ коллегій. Эти свѣдѣнія даютъ возможность предполагать, что между цехами и римскими коллегіями ремесленниковъ не было ничего общаго, что послѣднія никогда не имѣли промышленно-полицейскаго характера и не имѣли своей задачей защитѣ ремесла и интересовъ ремесленниковъ: будучи первоначально чисто частными, главнымъ образомъ религіозными союзами, въ Императорскую эпоху они стали союзами, состоящими на службѣ правительства, задачей которыхъ было удовлетвореніе государственныхъ потребностей или исполненіе службъ, возложенныхъ государствомъ на всю общину³⁾. При такомъ характерѣ ихъ врядъ-ли возможно даже предполагать созданіе ими особой регламентаціи ученичества, какъ это отрицаетъ и *Waltzing* въ своемъ капитальномъ трудѣ о римскихъ профессиональныхъ корпораціяхъ⁴⁾.

Подводя итоги нашему изслѣдованію положенія договора промысловаго ученичества въ древности, мы можемъ такимъ образомъ констатировать, что институтъ этотъ былъ извѣстенъ древнему міру: онъ существовалъ и въ древнемъ Вавилонѣ,

¹⁾ *op. cit.* стр. LII—LIII.

²⁾ Schönberg, «Handbuch d. Polit. Oekonomie» т. II, ч. I 1896 стр. 529—531; Below, *Historische Zeitschrift*, N. Folge, Band. 55, 1903. стр. 447—448; Trumpler, наоборотъ, говоритъ, что съ Александра Севера появляются настоящіе цехи («Die Geschichte d. römischen Gesellschaftsformen» 1906. стр. 54).

³⁾ Schönberg, *loc. cit.*

⁴⁾ *Waltzing*, «Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains».

и въ Греціи, и въ Римѣ, и, какъ есть полное основаніе предполагать, въ Египтѣ. Но будучи явленіемъ извѣстнымъ, договоръ ученичества вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сравнительно мало распространенъ. Причина послѣдняго заключалась съ одной стороны въ распространенности рабскаго труда вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ многихъ потребностей каждаго хозяйства собственными силами, а съ другой стороны въ свойственной всѣмъ народамъ древности склонности передавать профессию изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, вслѣдствіе чего сынъ обучался у отца, а не по договору у посторонняго лица. При такихъ обстоятельствахъ было вполне естественнымъ, что законодательства того времени игнорировали данный институтъ, предоставляя его регламентацію всецѣло соглашенію сторонъ. Иного отношенія отъ законодательства того времени трудно было ожидать, когда даже развитое римское право относительно несравненно болѣе распространеннаго договора, какимъ являлся личный наемъ, ограничивалось нѣсколькими скудными постановленіями. Поэтому то, въ отличіе отъ многихъ другихъ институтовъ гражданскаго права, регламентацію промысловаго ученичества законодательствамъ европейскихъ народовъ позднѣйшей эпохи пришлось создавать безъ какого-бы то ни было вліянія римскаго права.

§ 2. Исторія ученичества въ эпоху расцвѣта цехового строя въ 3. Европѣ.

Послѣ паденія Западной Римской Имперіи организація промышленности въ Западной Европѣ снова возвращается къ той первоначальной ступени своего развитія, которая уже была пережита народами античнаго міра,—къ эпохѣ замкнутаго домашняго хозяйства. Расположившіеся на развалинахъ Римской Имперіи германцы, какъ народъ земледѣльческій, а не промышленный, поселились преимущественно внѣ городовъ — знатные въ своихъ помѣстьяхъ, крестьяне въ деревняхъ. И тѣ и другіе не прибѣгали къ помощи постороннихъ профессиональныхъ ремесленниковъ для удовлетворенія своихъ потребностей: все, что нужно, изготовлялось въ ихъ собственномъ хозяйствѣ—и пища, и одежда, и необходимая утварь. Картину такого крупнаго замкнутаго хозяйства мы находимъ въ *Capitulare de villis* Карла Великаго. Само собой понят-

но, что крупныя хозяйства не могли обойтись безъ ремесленниковъ-спеціалистовъ, но эти ремесленники были крѣпостные, а не свободные люди, и если они и получали техническую подготовку, то не на основаніи договора ученичества, а въ силу приказанія своего господина. Что-же касается до свободныхъ ремесленниковъ, число которыхъ вплоть до 4-го вѣка въ городахъ было еще очень значительно, то они почти совершенно исчезаютъ, сперва вслѣдствіе невыносимой тяжести налоговъ въ послѣдніе годы существованія Имперіи, а начиная съ 5-го вѣка вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и опустошеній со стороны варваровъ. Города обезлюдѣли, торговля упала, и вмѣстѣ съ ней упало и значеніе класса свободныхъ ремесленниковъ. Большинство ихъ превратилось въ рабовъ и крѣпостныхъ и ушло изъ городовъ, и лишь немногія ремесла продолжали влачить жалкое существованіе въ эту эпоху всеобщаго одичанія. Насколько ничтожно было развитіе промышленности въ городахъ въ это время, видно изъ того, что за весь этотъ долгій, почти 700-лѣтній, періодъ не сохранилось почти никакихъ документовъ, никакихъ данныхъ, которые давали-бы сколько-нибудь достаточныя свѣдѣнія объ организаціи городской промышленности¹⁾.

Этотъ періодъ господства замкнутаго домашняго хозяйства въ Западной Европѣ продолжался приблизительно вплоть до начала второго тысячелѣтія, когда вновь начинаютъ оживать городская жизнь и городская промышленность, и классъ свободныхъ ремесленниковъ вновь выступаетъ на сцену исторіи. Сперва слабый и немногочисленный, перемѣшанный въ городахъ съ крѣпостными ремесленниками, этотъ классъ быстро растетъ благодаря сдѣлавшимся очень частыми освобожденіямъ крѣпостныхъ ихъ господами, дававшимися нерѣдко цѣлымъ городамъ и мѣстностямъ²⁾, выкупамъ своей свободы крѣпостными, которымъ развитіе городской промышленности давало возможность накопить нужныя для этого средства, наконецъ, притоку въ города просто бѣглыхъ крѣпостныхъ, сумѣвшихъ скрыться отъ поисковъ своихъ господъ. Вѣнцомъ этого движенія въ пользу освобожденія городского населенія

¹⁾ E. Levasseur, «Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789», т. 1, стр. 181.

²⁾ Levasseur, loc. cit. стр. 234 и др.

отъ личной зависимости было признаніе всѣхъ городскихъ жителей, прожившихъ въ городѣ извѣстный срокъ—въ Германіи одинъ годъ и одинъ день,—свободными. Въмѣстѣ съ развитіемъ въ городахъ класса свободныхъ ремесленниковъ начинается и организація его въ профессиональные союзы или цехи, вырабатывается т. наз. цеховая система, цеховое право. Въ Германіи древнѣйшими цехами, статуты которыхъ дошли до насъ, являются цехъ рыбаковъ въ Вормсѣ, цехъ башмачниковъ въ Вюрцбургѣ 1128-го г. и цехъ матрасниковъ въ Кюльнѣ 1149-го г. Въ другихъ западно-европейскихъ странахъ мы находимъ цеховые статуты болѣе ранняго происхожденія: такъ во Франціи мы встрѣчаемъ ихъ уже въ 11-омъ вѣкѣ, а въ Италіи Родоканаки¹⁾ констатируетъ существованіе нѣкоторыхъ корпорацій уже въ VIII, IX и X вѣкахъ, хотя въ Римѣ указанія на существованіе цеховъ относятся лишь къ 11-ому вѣку. Но несомнѣнно, что и въ Германіи цехи возникли значительно ранѣе полученія ими утвержденныхъ подлежащей властью статутовъ, т. к. дарованіе статута не имѣло цѣлью созданія цеха, а представляло собой легитимацию уже ранѣе существовавшего союза, внутренняя жизнь котораго до этого момента регулировалась обычнымъ правомъ.

Въ нашу задачу не входитъ ни разсмотрѣніе сложнаго вопроса о происхожденіи цеховъ, ни разсмотрѣніе цеховой организаціи во всемъ ея объемѣ: для насъ цеховая система важна исключительно тѣмъ, что въ ней впервые сложилась и развилась детальная регламентація промысловаго ученичества, оказавшая громадное вліяніе на регламентацію ученичества въ настоящее время даже у тѣхъ народовъ, которымъ цеховая система была чужда, какъ на примѣръ, у насъ въ Россіи. Поэтому мы и ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ цехового права лишь постольку, поскольку оно имѣетъ отношеніе къ регламентаціи ученичества. Кромѣ того мы ограничиваемъ предметъ нашего изслѣдованія еще въ томъ отношеніи, что въ основу нашего изслѣдованія цеховой регламентаціи ученичества мы кладемъ, главнымъ образомъ, цеховое право Германіи. Основаніемъ такого ограниченія изслѣдованія

¹⁾ Rodocanachi, «Les corporations ouvrières à Rome depuis la chute de l'Empire romain», 1894 г. стр. VIII—LIII.

является то, что хотя цехи существовали не только въ Германіи, но и въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Бельгіи, Голландіи и Скандинавскихъ государствахъ, но нигдѣ цеховая система не достигла такого развитія, не приобрѣла такого значенія, не существовала такъ долго, какъ именно въ Германскихъ государствахъ, гдѣ воспоминанія о блестящемъ прошломъ цеховъ столь еще сильны, что вновь сдѣланы попытки оживить падающее въ борьбѣ съ крупной промышленностью мелкое ремесло путемъ созданія вновь нѣкотораго подобія средневѣковой цеховой организаціи. Вслѣдствіе этого германская цеховая организація¹⁾ безусловно можетъ быть признана наиболѣе типичной и потому наиболѣе пригодной для ознакомленія съ цеховымъ правомъ вообще, т. к. цеховые статуты различныхъ странъ являются столь сходными между собой, различія между ними столь немногочисленны и несущественны, что, какъ справедливо замѣчаетъ Brentano²⁾, кто знаетъ статуты одной страны, тотъ знаетъ и статуты всѣхъ другихъ странъ. Но, принявъ за основу изученія средневѣкового цехового ученичества германскіе цехи, мы тѣмъ не менѣе будемъ указывать и на важнѣйшія отличительныя черты цехового права другихъ странъ—Англии и Франціи.

Какъ мы уже говорили выше, ученичество является неизбѣжнымъ спутникомъ ремесла и существуетъ всюду, гдѣ возникаетъ ремесленное производство. Этимъ ученики отличаются отъ другой категоріи вспомогательнаго ремесленнаго персонала—подмастерьевъ: послѣдніе хотя и являются также ступенью въ ремесленной цеховой іерархіи, но существованіе ихъ, какъ справедливо говоритъ Зомбартъ³⁾, не обусловли-

¹⁾ Хотя цеховое право въ Германіи и представляло значительное разнообразіе, смотря по мѣстности и по отраслямъ ремесла, но все-же въ общемъ оно имѣло одинъ и тотъ-же характеръ, благодаря общимъ условіямъ жизни, странствованіямъ подмастерьевъ, и заимствованію цеховыхъ уставовъ, что даетъ возможность говорить о нѣмецкой цеховой организаціи вообще.

²⁾ Brentano, «Die Arbeitergilden d. Gegenwart» 1871—1872.

³⁾ loc. cit. стр. 125. т. I-й. Во Франціи, на примѣръ, въ 13-мъ вѣкѣ большинство цеховъ не знало института обязательнаго подмастерства, и по окончаніи обученія ученикъ могъ прямо сдѣлаться мастеромъ. См. Fagnies,

вается необходимо сущностью ремесла, какъ это имѣетъ мѣсто относительно учениковъ. Поэтому ученичество, несомнѣнно, существовало въ ремеслѣ еще до изданія первыхъ цеховыхъ статутовъ, хотя послѣдніе и не содержатъ объ ученичествѣ никакихъ указаній или лишь вскользь упоминаютъ о немъ ¹⁾. Молчаніе это объясняется тѣмъ, что древнѣйшіе статуты вообще гораздо бѣднѣе по содержанію по сравненію съ позднѣйшими, т. какъ въ статутахъ стремились регламентировать впервые, главнымъ образомъ, тѣ пункты, которые вызывали споры и разногласія, и которые были въ то время наиболѣе боевыми вопросами, оставляя остальные стороны ремесленной жизни подъ дѣйствіемъ обычнаго права ²⁾. Къ послѣдняго рода сторонамъ ремесленной жизни и относилось первоначально ученичество. Оно, несомнѣнно, существовало ³⁾, т. к. безъ обученія нельзя было знать ремесла, но на регламентацию его не обращалось никакого вниманія. Отъ вступающаго въ цехъ въ качествѣ мастера требовалось лишь, чтобы онъ зналъ ремесло, такъ что обязательнаго строго опредѣленнаго характера ученичества, какъ въ послѣдующее время, первоначально въ статутахъ не требовалось ⁴⁾. Точно также не обращалось вниманіе въ статутахъ и на регламентацию взаимныхъ отношеній между ученикомъ и мастеромъ: отношенія эти регулировались соглашеніемъ сторонъ, а въ случаѣ спора или неясности договора—обычнымъ правомъ. Такимъ

«Etudes sur l'industrie et la classe industrielle a Paris en XIII et en XIV siècle». 1877. стр. 92. Въ Англии же обязательнаго подмастерства и вовсе не было,— см. Brentano, loc. cit. стр. 71.

¹⁾ G. Croon, «Zur Entstehung des Zunftwesens», 1901 г. стр. 14; W. Stieda, статья «Zunftwesen» въ Handw. d. Staatswissensch. 1901; Wernicke, «Kapitalismus und Mittelstandspolitik» 1907, стр. 33.

²⁾ K. Siegl, «Die Egerer Zunftordnungen» 1909. стр. 8; см. Wehrmann, «Die älteren Lübeckischen Zunftrollen», 1864, стр. 63; Krumbholz, «Die Gewerbe d. St. Münster», 1898 г. стр. 10; Hartmann, «Geschichte d. Handwerkerverbände d. St. Hildesheim im Mittelalter», 1905 г. стр. 39.

³⁾ Уже статутъ токарей (Drechsler) въ Кольнѣ въ 1175—82 г. раздѣляетъ мастеровъ отъ «discipuli» или «Leirkint», хотя о подмастерьяхъ и не упоминаетъ. См. Croon, loc. cit. стр. 14.

⁴⁾ См. напр. O. Peterka, «Das Gewerberecht Böhmens» 1909 г. стр. 20.

образомъ ученичество первоначально было отношеніемъ исключительно частнымъ, договорнымъ, какимъ оно было, какъ мы видѣли, и въ древности.

Но уже съ начала 14-го вѣка ученичество пріобрѣтаетъ иной характеръ, публично-правовой. Если раньше оно было фактически необходимымъ для изученія ремесла, то теперь оно становится уже юридически обязательнымъ для полученія возможности заниматься самостоятельно ремесломъ, становится обязательнымъ стажемъ для каждаго цехового ремесленника. Впервые требованіе обязательнаго отбытія ученичества въ теченіе опредѣленнаго количества лѣтъ встрѣчается для нѣкоторыхъ цеховъ въ Цюрихѣ въ 1304-омъ году, затѣмъ широко распространяется по другимъ городамъ Германіи, и въ 15-омъ вѣкѣ является уже условіемъ повсемѣстнымъ ¹⁾. По мнѣнію Штала ²⁾, введеніе такой „Lehrgzwang“ произошло для гарантіи потребителей въ связи съ введеніемъ т. называемой „Zunftzwang“. Послѣдняя состояла въ томъ, что въ каждомъ городѣ для полученія права заниматься самостоятельно ремесломъ требовалось вступленіе въ члены цеха. Это условіе по является въ Германіи весьма рано, по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ древнѣйшихъ цеховыхъ статутовъ, въ статутѣ Кольнскихъ Bettziehenweber 1149-го года оно опредѣленно выражено ³⁾. Благодаря „Zunftzwang“ цехи пріобрѣтаютъ положеніе монополистовъ, т. к. только къ ихъ членамъ могли обращаться горожане за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, къ чему, въ сущности, и стремилась промышленная политика городовъ, нѣрѣдко вовсе запрещавшихъ ввозъ иногороднихъ издѣлій или обставлявшихъ его чрезвычайными стѣсненіями. При такомъ положеніи вещей, само собой понятно, необходимы были и для покупателей извѣстныя гарантіи противъ возможности злоупотребленій ремесленниками своимъ монопольнымъ положеніемъ, необходимо было гарантировать, чтобы ремесленники изготовляли продукты добросовѣстно и цѣны брали умѣренныя. Эту задачу примирить интересы

¹⁾ Stahl, «Das deutsche Handwerk» 1874 г. стр. 40.

²⁾ Stahl, loc. cit.

³⁾ G. Croon, loc. cit. стр. 87—89; Schönberg, «Zur wirtschaftliche Bedeutung d. deutschen Zunftwesens im Mittelalter» 1867 г. стр. 50—52.

ремесленниковъ съ интересами населенія и преслѣдовали городскія власти, вводя въ статуты рядъ постановленій устанавливавшихъ и цѣну продутовъ, и изв. качество матеріала, и требованіе хорошей работы и т. п. ¹⁾), вслѣдствіе чего цехи т. обр. являлись не только союзами, обладающими извѣстными привилегіями, но и носителями изв. обязанностей по отношенію къ населенію. Насколько широко защищены были интересы населенія въ различныхъ мѣстностяхъ, зависѣло, повидимому, какъ справедливо замѣчаетъ Неубургъ ²⁾), отъ того, насколько сильна была власть городского управленія по отношенію къ цехамъ: гдѣ господами города были цехи, тамъ и центръ тяжести статутовъ лежалъ въ опредѣленіи правъ ремесленниковъ, а гдѣ городское управленіе было сильно, тамъ обязанности ремесленниковъ регламентировались болѣе детально и строго. Къ такого рода постановленіямъ, имѣющимъ цѣлью обезпечить надлежащее исполненіе ремесленникомъ работы, относилось, по мнѣнію Шталя, и постановленіе встрѣчавшееся въ старыхъ статутахъ, что „кто хочетъ заниматься ремесломъ, долженъ знать его“; этими-же соображеніями вызвано было и введеніе *Lehrzwang*. Въ качествѣ доказательства такого объясненія Шталя указываетъ, что въ Цюрихѣ, гдѣ впервые введена была обязательность отбытія ученичества, мѣра эта, какъ сказано въ самомъ документѣ, установлена городскимъ Совѣтомъ и гражданами съ согласія членовъ цеховъ „для пользы города“, а въ статутѣ кѡльнскихъ красильщиковъ 1392-го года мотивировка еще яснѣе— „чтобы покупатель не былъ обманутъ и не понесъ ущерба“ ³⁾).

Вышеуказанное объясненіе причинъ, повлекшихъ за собой введеніе *Lehrzwang*, является въ общихъ чертахъ, по нашему мнѣнію, правдоподобнымъ. Являлось вполнѣ естественнымъ, что, при той организаціи, которую имѣла промышленность въ то время, граждане были заинтересованы въ томъ, чтобы ремесленники были людьми знающими свое дѣло, такъ что требованіе принятія въ цехъ только умѣлыхъ ремесленниковъ

¹⁾ См. многочисленный рядъ примѣровъ у С. Neuburg, «Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung» 1880 г. стр. 95 и сл.

²⁾ Neuburg, loc. cit. стр. 92,

³⁾ Stahl, loc. cit.

могло быть установлено городскими властями въ интересахъ гражданъ. Намъ лично кажется только ошибочнымъ предполагать, будто городскія власти, ранѣе ограничивавшіяся только общимъ требованіемъ наличности знанія ремесла со стороны лицъ, вновь вступающихъ въ цехи, съ начала 14-го вѣка въ качествѣ новой мѣры въ интересахъ гражданъ, вмѣсто прежняго вышеуказаннаго общаго требованія, начали вводить требованіе обязательнаго отбытія ученичества. Такое объясненіе даетъ возможность предполагать, будто до введенія *Lehrzwang* въ цехи поступали въ значительномъ количествѣ люди, ничего не знающіе въ ремеслѣ, т. что городамъ приходилось бороться съ этимъ явленіемъ и изобрѣтать новыя мѣры для защиты интересовъ потребителей, между тѣмъ какъ для такого предположенія у насъ нѣтъ основаній. Поэтому, по нашему мнѣнію, гораздо правильнѣе предполагать, что обязательность ученичества развилась постепенно, сама собой, стала обычаемъ, который и санкціонировали впоследствии статуты. Происхожденіе же такого обычая легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что если въ цехи издавна принимали только тѣхъ, кто знаетъ ремесло, то вполнѣ естественно, что удостовѣреніемъ познаній вновь вступающаго въ большинство случаевъ, въ особенности, когда дѣло шло о принятіи въ цехъ мѣстнаго же жителя, считалось представленіе свидѣтельства того лица, у кого обучался ремеслу аспирантъ. Поэтому, когда появилась потребность въ установленіи регламентаціи ученичества, что возможно было вызвано различными недоразумѣніями по поводу срока ученичества, то статуты и воспроизвели ту норму, которая была уже создана обычаемъ и считалась общераспространенной. Такому объясненію нисколько не противорѣчитъ и та мотивировка, которая указана въ статутахъ городовъ Цюриха и Кѡльна, т. к. разъ вообще требованіе пріема въ цехи только умѣлыхъ ремесленниковъ было установлено въ интересахъ горожанъ, то было вполнѣ естественнымъ сослаться на эту цѣль и тогда, когда прежнюю общую формулу замѣнили болѣе детальной.

Но если введеніе въ статуты обязательнаго требованія отбытія ученичества для лицъ, желающихъ вступить въ цехъ, являлось лишь санкціонированіемъ того обычая, который уже ранѣе въ жизни имѣлъ примѣненіе, то это все же нисколько не умаляетъ того важнаго значенія, которое имѣло

для ученичества это постановление. До этого времени ученичество было обязательным лишь фактически, теперь же оно стало официально обязательным стажем для каждого цехового ремесленника, что являлось одной из характернейших черт цехового ученичества и наложило резкий отпечаток на всю регламентацию данного института. До известной степени оно даже вызвало эту регламентацию, т. к. раз ученичество приобрело такой публично-правовой характер, то необходимо стало и точнее регламентировать все те условия, которым оно должно было удовлетворять для получения тех прав, которые стали связаны с его прохождением.

Переходя к рассмотрению этой регламентации, мы сперва остановимся на ней в том виде, в каком она существовала в эпоху расцвета цехового строя. Правда, господствовавшее ранее в науке течение, которое утверждало, что между цехами периода расцвета и цехами эпохи упадка цехового строя лежит глубокое различие¹⁾, в настоящее время вызывает серьезные возражения, указывающие, что отрицательные стороны цехового строя появились уже в 14-ом вѣкѣ²⁾, но тем не менее нельзя отрицать, что своего апогея эти отрицательные черты достигают именно в 16-м и 17-м вѣках. Поэтому то мы и сочли целесообразным разделить наше изучение регламентации цехового ученичества на две эпохи, приняв за приблизительную грань между ними начало 16-го вѣка для Германии, а для Англии и Франции, где разложение цеховой системы началось раньше, половину 15-го вѣка³⁾.

I. Первым вопросом регламентации ученичества, подлежащим нашему рассмотрению, являются те условия, которые требовались от лица, желающего быть принятым в ученики. Условия эти были довольно многочисленны, что указывает, какое сильное влияние оказало признание его обязательным

¹⁾ Шгаль, Шёнберг, Гирке и др.

²⁾ Шмоллер, Штида, Шанц, Брентано и др.

³⁾ Martin Saint Leon, «Histoire des corporations de metiers» 1909 г. стр. 261; Eberstadt, «Das französische Gewerberecht und die Schaffung staatlicher Gesetzgebung u. Verwaltung in Frankreich vom 13 Jahrhundert bis 1581 г.» 1899 г. стр. 282, 283.

стажем для получения прав мастера. Ученичество теперь рассматривается не как простой договор об обучении ремеслу, а как подготовка будущего мастера, а потому и быть принятым в ученики мог только тот, кто обладал свойствами необходимыми для того, чтобы быть мастером.

1) Первым из таких требований, по мнению некоторых старых писателей¹⁾, являлось, чтобы ученик был мужского пола. Мотивируют они это ограничение следующими соображениями: а) дѣвушка предназначена к выходу замуж и не может знать, за кого она выйдет; обученная же портная для мужа-кузнеца не принесет своим знанием никакой пользы; б) по отбытии ученичества ремесленнику предстоит обязательное странствование, что для дѣвушки дѣло совсем не подходящее, и в) с званием мастера связаны и различные общественные обязанности, не подходящие для женщин, — например сторожевая служба. Но это мнение прежних исследователей цехового строя в настоящее время опровергается большинством новейших писателей относительно периода расцвета цеховой системы. Особенно внимательно на этом вопросе останавливается Шгаль²⁾. Прежде всего он доказывает, что вышеприведенные доводы против допущения женщин в цехи, являются совершенно несостоятельными: знание женщиной ремесла было очень полезно для ее мужа, которому она помогала в его работах, т. к. очень часто подмастерья женились на дочерях мастеров своего цеха, а если же муж и жена были разных цехов, то в ранний период цехового строя это несколько не мешало каждому супругу заниматься своим ремеслом; странствование, действительно, в те времена было невозможно для дѣвушки, но этот институт развился лишь около середины 15-го вѣка, да и то во многих ремеслах он не был обязательным, а в некоторых (т. наз. „gesperrte“ цехи) и вовсе не применялся; что же касается до общественных служб ремесленников, вроде сторожевой службы и т. п., то эта обязанность лежала на всех гражданах, а не толь-

¹⁾ Adrian Beyer, «Typo officinarum» 1683 г. стр. 27, 28.

²⁾ Stahl, loc. cit. стр. 42—43.

ко на ремесленникахъ, между тѣмъ женщины считались одинаково гражданами, и ремесленницы исполняли эти обязанности, которыя онѣ не могли исполнить лично, или посылая за себя подмастерье, или уплачивая т. наз. сторожевыя деньги ¹⁾. Далѣе Шталь доказываетъ, что мнѣніе объ общемъ недопущеніи женщинъ въ ученицы и вообще въ цехи противорѣчитъ и многочисленнымъ указаніямъ цеховыхъ документовъ. Уже старое аугсбургское городское право 1276 г. говоритъ объ отдачѣ въ обученіе ремеслу „сына или дочери“ ²⁾, въ Кольнѣ въ 14-омъ вѣкѣ были нѣкоторые исключительно женскіе цехи ³⁾, статуты ткачей въ Мюнхенѣ и Шпейерѣ въ 14-мъ вѣкѣ прямо указываютъ на существованіе ученицъ на ряду съ учениками ⁴⁾, въ другихъ ткацкихъ статутахъ очень часто упоминаются ткачихи ⁵⁾, точно также имѣются вполне опредѣленные указанія на допущеніе женщинъ въ ученицы и въ различныхъ портняжныхъ и нѣкоторыхъ другихъ цехахъ ⁶⁾. Конечно, были и такіе цехи, гдѣ женщины не принимались, т. е. данная работа считалась для нихъ непосильной, точно также въ нѣкоторыхъ городахъ вообще къ приему женщинъ въ цехи относились отрицательно ⁷⁾, но все-же вышеприведенныхъ многочисленныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы признать вмѣстѣ со Шталемъ и др. писателями ⁸⁾,

¹⁾ Stahl, loc. cit. стр. 44—45.

²⁾ Stahl, loc. cit. стр. 46.

³⁾ Stahl, loc. cit. стр. 71.

⁴⁾ Stahl, loc. cit. стр. 76.

⁵⁾ См. также у Schmoller'a, «Strassburger Tucherweberzunft», стр. 2 и 25 и у Rüdiger, «Hamburgische Zunftrollen» № 34.

⁶⁾ Напримѣръ въ цехахъ портныхъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Майнцѣ, въ Констанцѣ; въ Кольнѣ въ цехахъ мясниковъ, Beutelmacher, Waprensticker. См. Stahl, loc. cit. стр. 79—87; Geering, «Handel u. Industrie d. St. Basel» 1886 г. стр. 58 утверждаетъ, что въ Базелѣ вообще женщины въ цехи принимались. См. также Hermandlung, «Das Zunftwesen d. St. Anchen» 1908 г. стр. 46.

⁷⁾ Такъ Krumbholz, «Die Gewerbe d. Stadt Münster» 1898 г. говоритъ, что въ Мюнстерѣ вообще, за исключеніемъ цеха портныхъ, двочекъ-ученицъ не было. Также Hartmann относительно Гильдесгейма, стр. 39.

⁸⁾ Neuburg, loc. cit. стр. 51; E. Mummerhoff, «Der Handwerker» 1901 г. стр. 48—55.

что общаго правила о недопущеніи женщинъ въ ученики въ этотъ періодъ средневѣковья въ Германіи не существовало. Точно также не существовало такого ограниченія ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Италіи ¹⁾.

2) Несомнѣннымъ и распространеннымъ по всей Германіи условіемъ принятія въ ученики было требованіе законнаго происхожденія. Появляется это требованіе въ статутахъ начиная съ 14-го вѣка: впервые мы его находимъ въ статутѣ скорняковъ въ Гильдесгеймѣ въ 1328-омъ г. ²⁾, послѣ чего оно является почти повсемѣстнымъ ³⁾ за небольшими исключеніями ⁴⁾. Въ этомъ отношеніи Германское цеховое право рѣзко расходилось съ правомъ другихъ европейскихъ государствъ: и въ Англіи ⁵⁾, и во Франціи ⁶⁾, и въ Бельгіи ⁷⁾, и въ Италіи ⁸⁾ цехи при прие-

¹⁾ Stahl, loc. cit. 49 и сл. На допущеніе женщинъ въ цехи во Франціи многочисленныя указанія встрѣчаются въ главномъ источникѣ французскаго цехового права 13-го вѣка въ «Livre des metiers», изданной E. Voileaeu; Rodocanachi, loc. cit. стр. LIV.

²⁾ См. Doebner, «Urkundenbuch d. St. Hildesheim» т. I № 786; Neuburg, (loc. cit. стр. 26) ошибочно относитъ первое упоминаніе о данномъ требованіи къ 1353-ему году.

³⁾ Stahl, loc. cit. стр. 93; Neuburg, loc. cit. стр. 26; Mummerhoff, loc. cit. стр. 48—55; Meister «Die ältesten Gewerblichen Verbände d. St. Wernigerode» 1890 г. стр. 20—21; Flemming «Das Lehrlingswesen d. Dresdener Innungen» стр. 21—26; Warschauer «Die Mittelalterlichen Innungen zu Posen». 1885 г. стр. 29—30 и др.

⁴⁾ Къ таковымъ относится, напримѣръ, городское право Брауншвейга 1232 г., городское право Нордхаузена въ 14 и 15 в.в. цехъ сыромятниковъ во Франкфуртѣ п/м; въ послѣднемъ случаѣ однако незаконнорожденный ученикъ все-же въ мастера не принимался, а въ Нордхаузенѣ хотя и принимался, но на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ законнорожденные,—см. Stahl, loc. cit. стр. 97. Такое-же положеніе вещей, какъ въ цехѣ франкфуртскихъ сыромятниковъ, имѣло мѣсто и въ гор. Базелѣ по словамъ Geering'a («Handel u. Industrie d. St. Basel» 1886 г. стр. 58).

⁵⁾ См. Stahl, стр. 94.

⁶⁾ Eberstadt, loc. cit. стр. 25; Fagnies, loc. cit. стр. 57; онъ сообщаетъ, что въ 1402-мъ году Парижскій прево помѣстилъ въ ученицы дочь неизвестнаго отца; Martin Saint-Leon, loc. cit. стр. 86.

⁷⁾ Des-Marez, «L'organisation du travail à Bruxelles au XV siècle» 1904 г. стр. 74.

⁸⁾ Изъ римскихъ цеховъ лишь у однихъ башмачниковъ мы встрѣчаемъ прямое указаніе на недопущеніе незаконнорожденныхъ,—см. Rodocanachi, т. I, стр. 94.

мѣ въ ученики не обращали, въ большинствѣ случаевъ, вниманія на законность происхожденія поступающихъ. Правда I. Кулишеръ ¹⁾ держится, повидимому, иного взгляда, высказывая мысль, что всѣ требованія предъявляемыя къ лицу, вступающему въ ученики, въ томъ числѣ и требованіе законнаго происхожденія, не составляютъ отличительной особенности нѣмецкихъ цеховъ, а встрѣчаются и въ другихъ странахъ; въ доказательство этого положенія Кулишеръ указываетъ на требованіе законнаго рожденія лондонскими малярами и каменщиками и парижскими рѣзчиками и бахромщиками, а также на то, что переселявшійся въ Парижъ ремесленникъ допускался къ занятію ремесломъ лишь въ томъ случаѣ, если докажетъ, что сопровождающая его женщина его законная жена, чѣмъ косвенно достигалось, что ученики, бывшіе преимущественно дѣтьми городскихъ ремесленниковъ, были дѣтьми законнорожденными. Мы должны сознаться, что вышеприведенное мнѣніе Кулишера нѣсколько неясно: если онъ хочетъ сказать, что требованіе отъ ученика законнаго рожденія „встрѣчалось“ и въ другихъ странахъ, то противъ этого, конечно, спорить трудно, но, по нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ характерно то, что въ то время какъ въ Германіи это требованіе было широко распространенымъ, почти общимъ правиломъ,—въ другихъ странахъ оно встрѣчалось сравнительно рѣдко, и тѣ немногочисленные примѣры, на которые указываетъ Кулишеръ, это положеніе опровергнуть не могутъ, если принять во вниманіе хотя-бы, что въ громадномъ большинствѣ статутовъ, помѣщенныхъ въ *Liivre des metiers* Этьенна Буало, это требованіе не встрѣчается.

Относительно причинъ, вызвавшихъ требованіе германскими цехами отъ учениковъ законности рожденія, въ литературѣ мы встрѣчаемъ два теченія. Первое, высказанное Шталемъ и поддержанное нѣкоторыми другими писателями ²⁾, полагаетъ, что происхожденіе даннаго требованія нельзя объяснить заботой цеховъ о личной чистотѣ своихъ членовъ, подъ которой скрывались монополистическія тенденціи, стремленіе затруднить доступъ въ цехъ, т. к. по мнѣнію Штала,

¹⁾ I. Кулишеръ, «Эволюція прибыли съ капитала» т. I стр. 340 и сл.

²⁾ Stahl, loc. cit. стр. 94—96; Flemming, loc. cit. стр. 21—26.

идеализирующаго цехи эпохи расцвѣта цехового строя, монополистическія тенденціи развились у цеховъ позднѣе. Поэтому Шталь объясняетъ введеніе этого требованія тѣмъ, что для полученія правъ мастера нужно было въ то время быть гражданиномъ даннаго города, а въ Германіи право гражданства въ городахъ незаконнорожденнымъ не давалось. Такимъ образомъ установленіе ограниченія, такъ сказать, вовсе не исходило отъ доброй воли ремесленниковъ, а было для нихъ необходимымъ, и относилось оно въ сущности къ праву сдѣлаться цеховымъ мастеромъ, а не къ праву поступить въ ученики, и если въ большинствѣ цеховъ оно распространялось и на послѣднихъ, то это объясняется укоренившимся въ обществѣ взглядомъ, что цеховое ученичество есть лишь необходимый стажъ для полученія правъ мастера. Подтвержденіе правильности этого взгляда ¹⁾ Шталь видитъ въ томъ, что многіе цехи не распространяли требованіе законнаго рожденія на желающихъ поступить въ ученики, а примѣняли его лишь къ поступающимъ въ мастера ²⁾, а также въ томъ, что лица поступающія въ обученіе не для того, чтобы затѣмъ вступить въ цехъ, а чтобы потомъ работать въ деревняхъ, монастыряхъ и помѣстьяхъ, принимались въ ученики безъ представленія доказательствъ законности рожденія ³⁾.

Иначе объясняетъ происхожденіе даннаго ограниченія I. Кулишеръ. Считая ошибочнымъ господствующее въ литературѣ мнѣніе, что въ періодъ своего расцвѣта цеховая система имѣла совершенно иной характеръ, чѣмъ въ періодъ упадка, и что монополистическія тенденціи и другія темныя стороны цехового строя развились именно во второй періодъ и были совершенно чужды цехамъ періода расцвѣта, Кулишеръ полагаетъ, что эти монополистическія тенденціи были свойственны цеховымъ ремесленникамъ уже въ 14-омъ и 15-омъ

¹⁾ Flemming, loc. cit. стр. 21—26.

²⁾ Neuburg (loc. cit. стр. 27-я) высказываетъ предположеніе, что вообще требованіе законнаго рожденія относилось лишь къ поступленію въ мастера, а не въ ученики, но это предположеніе врядъ-ли можетъ быть признано вѣрнымъ, т. к. все-же большинство статутовъ требуетъ и отъ учениковъ законнаго происхожденія.

³⁾ Stahl, loc. cit. стр. 96.

вѣкахъ, и ими именно объясняются всѣ стѣснительныя требованія, предъявляемыя къ ученику и мастеру, въ томъ числѣ и требованіе законнаго рожденія ¹⁾).

Установить точно и опредѣленно, какіе мотивы лежали въ основѣ недопущенія незаконнорожденныхъ въ ученики, и какое изъ вышеприведенныхъ объясненій является вѣрнымъ, само собой очень затруднительно, т. к. источники не даютъ намъ по этому вопросу никакихъ указаній. Объясненія Шталя и Кулишера суть только предположенія, правдоподобность которыхъ можетъ быть оцѣнена лишь по совокупности различныхъ условій цеховой и вообще всей средневѣковой жизни. И вотъ, принимая во вниманіе эти условія, мы должны высказаться въ пользу объясненія Шталя по слѣдующимъ соображеніямъ. Насколько понятнымъ и естественнымъ было постепенное распространеніе и расширеніе этого ограниченія въ цѣляхъ устраненія возможно большаго числа лицъ отъ вступленія въ цехи, настолько же искусственнымъ кажется намъ предположеніе, что недопущеніе незаконнорожденныхъ было непосредственно и первоначально вызвано этими соображеніями, т. к. для достиженія этой цѣли цехи могли создать мѣры гораздо болѣе дѣйствительныя. Противъ теоріи Кулишера говоритъ и сравненіе съ французскими статутами: монополистическія тенденціи въ нихъ были несомнѣнно не менѣе сильны, чѣмъ въ германскихъ цехахъ, и даже должны были быть въ 14-омъ в. сильнѣе, т. к. цеховая система была старше; положеніе незаконнорожденныхъ во Франціи также не было лучшимъ,—это видно хотя бы изъ того, что тамъ такъ же, какъ и въ Германіи, не принимали ихъ въ число гражданъ ²⁾),—чѣмъ-же тогда, съ точки зрѣнія Кулишера, объяснить, что громадное большинство французскихъ статутовъ при допущеніи въ ученики на законность рожденія вниманія не обращали? Между тѣмъ объясненіе Шталя именно въ сравненіи съ французскимъ цеховымъ правомъ находитъ себѣ подтвержденіе, т. е. тамъ, хотя для вступленія въ число гражданъ въ 12-омъ и 13-омъ вв. и требовалось обычно законное рожденіе, но

¹⁾ I. Кулишеръ, loc. cit. стр. 309 и сл., 325, 329.

²⁾ Levasseur, loc. cit. т. I, стр. 240.

обладаніе правами гражданства въ данномъ городѣ не являлось въ большинствѣ случаевъ условіемъ для полученія правъ цехового мастера ¹⁾), тогда какъ въ Германіи это требованіе было почти общераспространеннымъ.

Но если установленіе требованія закономъ рожденія отъ ученика, по нашему мнѣнію, не можетъ быть объяснено стремленіемъ цеховъ ограничить доступъ въ ремесленники, то все же несомнѣнно таковыя стремленія начали проявляться уже рано, и, благодаря ихъ вліянію, вышеупомянутое требованіе стало расширяться: нѣкоторые цехи начинаютъ требовать доказательства не только законнаго рожденія самого ученика, но и его родителей и даже дальнѣйшихъ восходящихъ родственниковъ. Такое требованіе мы находимъ у сапожниковъ въ Фрейенвальдѣ по уставу 1414-го года, у скорняковъ и ткачей въ Нейрупиннѣ ²⁾ въ нѣкоторыхъ цехахъ въ Вернигеродѣ ³⁾ и Дрезденѣ ⁴⁾. Первыми по времени статутовъ, въ которыхъ встрѣчается подобное постановленіе, являются статуты кузнецовъ и пекарей въ Вернигеродѣ въ 1393-омъ г.—т. е. почти на полъ столѣтія позже появленія требованія законнаго рожденія только отъ самихъ учениковъ. Мауреръ ⁵⁾ полагаетъ, что и требованіе законнаго происхожденія восходящихъ ученика были всеобщимъ во всей Германіи, но противъ этого говоритъ то, что въ большинствѣ статутовъ, относящихся къ этой эпохѣ, такого постановленія не содержится, а постановленіе городского совѣта въ Кольнѣ въ 14-омъ вѣкѣ прямо гласитъ, что если незаконнорожденный женится, то дѣти его считаются „echte Kind ⁶⁾“.

3) Весьма распространеннымъ въ Германіи было и требованіе свободнаго происхожденія ученика ⁷⁾. Оно встрѣ-

¹⁾ Это условіе требовалось въ одномъ только статутѣ въ Амьенѣ въ 1462 г.; см. Neuburg, loc. cit. стр. 22—23.

²⁾ Neuburg, loc. cit. стр. 27.

³⁾ Meister, loc. cit. стр. 21.

⁴⁾ Flemming, loc. cit. стр. 21—26.

⁵⁾ Maurer, «Geschichte der Städteverfassung in Deutschland». 1870. т. II стр. 447.

⁶⁾ Stahl, I. cit. стр. 99.

⁷⁾ Geering, loc. cit. стр. 53—54; Meister, loc. cit. стр. 26—21; Neuburg, loc. cit. стр. 25 и сл.; Stahl, I. cit. стр. 101—102.

чается и въ Англии ¹⁾, и въ Италиі ²⁾. Наоборотъ во французскихъ цехахъ мы его не встрѣчаемъ. И въ Германіи впрочемъ требованіе свободного происхожденія не было повсемѣстнымъ, — оно встрѣчается преимущественно на востокѣ и сѣверѣ Германіи ³⁾.

Причины существованія этого ограниченія, повидимому, не одинаковаго характера. Такъ напр. мэръ и олдерманы Лондона, постановляя въ 1387 г., что „отнынѣ никто не можетъ быть внесенъ въ списокъ учениковъ, прежде чѣмъ не поклянется, что онъ свободный человѣкъ“, въ качествѣ мотива указываютъ на желаніе избѣжать „срама и позора для города Лондона ⁴⁾“. Изъ этого видно, что ранѣе, повидимому, несвободные люди допускались, и что новая мѣра введена при участіи представителей цеха, истиннымъ побужденіемъ которыхъ, весьма вѣроятно, являлось желаніе ограничить доступъ въ цехи во избѣжаніе увеличенія конкуренціи. Тотъ-же мотивъ позднѣе, повидимому, играетъ роль и въ Германіи, но въ періодъ расцвѣта цеховой системы тамъ введеніе этого ограниченія очевидно было вызвано совсѣмъ иными соображеніями. Германскіе цехи сами не только не относились отрицательно къ приему въ свои ряды лицъ несвободныхъ, не только не видѣли въ этомъ для себя „срама и позора“, но энергично боролись съ феодалами изъ за принципа, что городской воздухъ по прошествіи дня и года дѣлаетъ человѣка свободнымъ, и зачастую отказывали имъ въ выдачѣ крѣпостныхъ, принятыхъ въ число учениковъ ⁵⁾. Поэтому-то происхожденіе даннаго ограниченія въ статутахъ являлось не результатомъ возрѣній и тенденціи самихъ цеховъ, а вклю-

¹⁾ М. М. Ковалевскій, «Экономическій ростъ Европы» т. III 1904 г. стр. 83—84; Brentano, loc. cit. стр. 60 т. I; Кулишеръ, l. cit. стр. 340—341 т. I

²⁾ Ковалевскій, l. cit. стр. 83—84; Rodocanachi, l. cit. стр. 74, 265, 409; Кулишеръ l. cit. стр. 346—347.

³⁾ Neuburg, loc. cit. стр. 25, но и тамъ далеко не вездѣ—такъ, напримѣръ, въ Познани принимались и крѣпостные—см. Warschauer, loc. cit. стр. 29—30.

⁴⁾ Кулишеръ l. c. стр. 341, т. I.

⁵⁾ Tuckermann, «Das Gewerbe d. St. Hildesheim bis sur Mitte des 15. Jahrh.», 1906, стр. 20; Warschauer, loc. cit. стр. 29—30. Также Otto, «Das deutsche Handwerk in seiner kulturgeschichtlichen Entwicklung» 1900 г. стр. 28.

чалось подъ давленіемъ феодала, отъ котораго городъ зависѣлъ. Это подтверждается и тѣмъ, что на югѣ Германіи, гдѣ города были могущественны, требованіе свободного происхожденія почти не встрѣчается ¹⁾, а если и встрѣчается иногда, то не соблюдается строго ²⁾, тогда какъ на сѣверѣ и востокѣ Германіи, гдѣ большинство городовъ находилось въ большей зависимости отъ феодаловъ, тамъ это требованіе является широко распространеннымъ.

4) На ряду съ требованіемъ законнаго и свободного происхожденія многіе германскіе цехи требовали отъ ученика и принадлежности по рожденію къ нѣмецкой національности. Встрѣчается это требованіе лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе было смѣшанное, и гдѣ шла борьба различныхъ національностей между собой, какъ это имѣло мѣсто въ сѣверной и восточной Германіи и Австріи. Тамъ оно прямо было направлено на недопущеніе въ цехи славянъ и венгровъ ³⁾. На югѣ Германіи, во Франціи и Англии, гдѣ населеніе было однороднымъ, не было необходимости указывать въ статутахъ вышеуказанное требованіе, хотя къ приему иностранцевъ въ цехи и тамъ, повидимому, относились отрицательно ⁴⁾. Но недопущеніе въ цехи евреевъ ⁵⁾, также какъ и нехристіанъ вообще, было явленіемъ всеобщимъ.

5) Наконецъ, уже въ эту эпоху появляется въ статутахъ требованіе, чтобы ученикъ былъ честнаго происхожденія, т. е. чтобы родители его не принадлежали къ одной изъ опредѣленныхъ профессій, признаваемыхъ безчестными. Перечень этихъ профессій былъ довольно великъ: сюда относились прежде всего тѣ профессіи, которыя вообще въ то

¹⁾ Neuburg, l. cit. стр. 25.

²⁾ Напримѣръ въ Базелѣ—см. Geering, loc. cit. стр. 53—54.

³⁾ Neuburg, стр. 25; Stahl, стр. 102; Geering, стр. 57.

⁴⁾ См. напримѣръ, Levasseur, т. I стр. 461. Только въ Римѣ мы находимъ положительныя указанія на приемъ иностранцевъ, хотя и на нѣсколько болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ гражданъ, (Rodocanachi, т. I стр. LV), но такая снисходительность могла объясняться тѣмъ, что здѣсь иностранцы были тѣ-же итальянцы.

⁵⁾ Mummerhoff, стр. 48—56; Levasseur, т. I стр. 461. Въ Римѣ ихъ принимали только матрачники (Rodocanachi, т. I, стр. 364).

время пользовались дурной репутацией въ обществѣ, и занятіе которыми служило препятствіемъ для принятія въ число гражданъ города, какъ напр. цыгане, скоморохи, бродяги, музыканты и т. д. Но кромѣ нихъ, ремесленные статуты признають препятствіемъ для принятія въ цехъ и принадлежность родителей ученика къ нѣкоторымъ такимъ профессіямъ, которыя отнюдь не считались въ то время вообще безчестными и презираемыми, какъ то: банщики, ткачи полотна, пастухи, живодеры, носильщики, мельники, ночные сторожа, цирюльники, кожевенники, лица принадлежащія къ городской и таможенной стражѣ¹⁾.

Списокъ этихъ профессій, признаваемыхъ ремесленниками позорными, былъ различенъ, смотря по мѣстности и по цеху: нѣкоторыя изъ профессій, признаваемыя въ однихъ городахъ постыдными, въ другихъ считались такими-же уважаемыми цехами, какъ и другія, и даже имѣли своихъ представителей въ городскомъ совѣтѣ, какъ напр., ткачи льна въ Страссбургѣ въ 1369-омъ и 1383-емъ г., въ Кобленцѣ въ 1366-омъ г., мельники въ Цюрихѣ, банщики въ Цюрихѣ, Ульмѣ, Страссбургѣ и т. п.²⁾ Но, повидимому, уже въ концѣ 51-го вѣка

¹⁾ Запрещеніе принимать въ обученіе дѣтей ткачей льна и носильщиковъ встрѣчается въ статутѣ башмачниковъ въ Бременѣ въ 1300-омъ г. (Кулишеръ, стр. 331 т. I); привиллегія, данная башмачникамъ г. Бескова въ 1352-омъ г., говоритъ о недозволеніи банщиковъ, ткачей льна, пастуховъ (Neuburg стр. 28); статутъ кожевенниковъ въ Бременѣ 1300-омъ г. запрещаетъ обучать дѣтей ткачей и носильщиковъ (Stahl, стр. 111); хотя Штальполагаетъ, что запрещеніе принимать дѣтей мельниковъ въ 15-омъ в. не встрѣчается (Stahl, стр. 132), но этому противорѣчатъ, что такое запрещеніе встрѣчалось напр. въ Вернигеродѣ въ 15-омъ в. (см. Meister, стр. 21) во всѣхъ цехахъ, также какъ и относительно пастуховъ и ткачей льна; въ Познани золотыхъ дѣлъ мастера не принимали дѣтей цирюльниковъ (Warschauer, стр. 30); Кулишеръ (т. I. стр. 331) сообщаетъ также, что кузнецы въ Брауншвейгѣ до 16-го вѣка не принимали въ свою среду дѣтей ночныхъ сторожей, музыкантовъ, цирюльниковъ, мельниковъ, кожевенниковъ, ткачей льняныхъ издѣлій, пастуховъ и лицъ, принадлежащихъ къ городской или таможенной стражѣ; о живодерахъ говоритъ Stahl (стр. 144). Въ Гильдесгеймѣ многіе цехи уже въ 1388-омъ г. не допускаютъ въ цехъ дѣтей ткачей льна, мельниковъ и пастуховъ (Tuchermann, стр. 45).

²⁾ См. Stahl, стр. 113, 131, 136.

отрицательное отношеніе цеховъ къ нѣкоторымъ профессіямъ стало довольно широко распространеннымъ, т. к. уже въ первую половину 17-го вѣка Имперскій статутъ 1530-го г. выступаетъ въ защиту нѣкоторыхъ профессій, требуя допущенія въ цехи дѣтей ткачей льна, цирюльниковъ, пастуховъ, мельниковъ, сторожей, флейтистовъ и банщиковъ, признавая всѣ эти ремесла честными, а въ Саксоніи правительство еще съ 1456-го г. требуетъ признавать ткачей льна равными по достоинству всѣмъ другимъ цехамъ и признаетъ всѣ содержащіяся въ статутахъ относительно ткачей постановленія не имѣющими силы. Что касается до объясненія причинъ признанія этого длиннаго ряда профессій безчестными, то относительно нѣкоторыхъ профессій, какъ напр., живодеровъ и цирюльниковъ, мнѣнія ученыхъ сходятся: живодеры имѣли дѣло съ падалью, что считалось въ то время дѣломъ грязнымъ, нехорошимъ, а цирюльники занимались хирургическими операціями, пускали кровь, слѣдовательно имѣли дѣло съ пролитіемъ крови. Этими-же причинами объясняютъ признаніе безчестной профессію палача и гробокопателя. Гораздо труднѣе объяснить причисленіе къ категоріи безчестныхъ профессій такихъ занятій, какъ мельниковъ, ткачей льна, пастуховъ, банщиковъ. Одни писатели видятъ причину въ томъ, что эти ремесла приобрѣли дурную репутацию вслѣдствіе того, что эти ремесленники особенно часто обманывали потребителей, — мельники не возвращали всего смолотаго хлѣба, ткачи готовили матерію изъ худшаго матеріала, а не изъ того, который былъ имъ данъ заказчикомъ, а также часто страдали чесоткой. Что-же касается до пастуховъ и банщиковъ, то первымъ, какъ и живодерамъ, приходится имѣть дѣло съ падалью, почему и сложилась поговорка, что „Schäfer u. Schinder sind Geschwisterkinder“, а бани вообще были мѣстомъ непристойнымъ, игравшимъ роль публичнаго дома, а также и сами банщики ходили постоянно въ непристойномъ видѣ — barbeinig (безъ штановъ). Но противъ этой гипотезы возсталъ Шталь. Онъ указываетъ¹⁾, что обманъ, въ которыхъ упрекаютъ мельниковъ и ткачей льна, были свойственны и другимъ ремесламъ

¹⁾ Stahl, loc. cit. стр. 107.

не въ меньшей степени,—напримѣръ, тѣ-же портные обычно оставляли въ свою пользу часть матеріи, однако-же ихъ профессію не признавали безчестной; кромѣ того, почему-же не признавать тогда безчестными и суконщиковъ и другихъ ткачей, а не только ткачей льна. Что касается до пастуховъ, то хотя вышеприведенное объясненіе ихъ недопущенія въ цехи безусловно и было правильнымъ относительно позднѣйшаго времени, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ документовъ ¹⁾, но Шталь отказывается допустить, что первоначальное установленіе даннаго запрещенія произошло въ силу данной причины, т. е. употреблять въ дѣло павшее животное и вообще имѣть дѣло съ падающею запрещалось и цѣлому ряду другихъ ремеслъ, гдѣ подобныя случаи по характеру работъ были возможны,—напр. у мясниковъ,—но однако эти ремесла безчестными не признавались, и даже если кто нибудь и былъ уличенъ въ подобномъ поступкѣ, то для дѣтей его это не служило препятствіемъ къ поступленію въ цехъ. Наконецъ, относительно банщиковъ Шталь соглашается, что если бани дѣйствительно въ то время играли роль публичныхъ домовъ, то это было-бы вполне достаточнымъ мотивомъ для признанія данной профессіи безчестной, но онъ лично считаетъ, что распространенность такого значенія банъ является недоказанной, а ссылка на непристойный костюмъ банщиковъ, какъ на мотивъ ограниченія, явно несостоятельна, т. е. въ то время ходили безъ штановъ не только банщики, но и другіе ремесленники,—это видно изъ ряда статутовъ, запрещавшихъ своимъ членамъ являться въ такомъ видѣ въ церковь или на общее собраніе цеха. Наконецъ, никоимъ образомъ нельзя объяснить съ этой точки зрѣнія недопущеніе въ цехи городскую и таможенную стражу ²⁾. Опровергнувъ такимъ образомъ вышеприведенное объясненіе причинъ, побудившихъ цехи подвергнуть остракизму вышеназванныя профессіи, самъ Шталь объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что первоначально профессіи эти были во многихъ мѣстахъ преимущественно

¹⁾ См. напр. декретъ короля Богемскаго, объявлявшій дѣтей пастуховъ приемлемыми въ цехи «хотя бы ихъ отцы и имѣли дѣло съ падающею»: Stahl, стр. 139 и слѣд.

²⁾ Stahl, loc. cit. стр. 108, 110.

сельскими, а не городскими, т. е. находились въ рукахъ лицъ не свободныхъ, а т. е. послѣднія въ цехи не допускались, то съ теченіемъ времени этотъ взглядъ перенесли и на самую профессію, а затѣмъ и на городскихъ ремесленниковъ даннаго ремесла, когда сельскіе ремесленники переселились въ города и слились въ одинъ цехъ съ городскими. Потомъ этотъ взглядъ, главнымъ образомъ благодаря странствованію подмастерьевъ, распространился и по другимъ городамъ, гдѣ такое соединеніе сельскихъ ремесленниковъ съ городскими и не имѣло мѣста ¹⁾. Подтверженіе этого взгляда Шталь видитъ въ томъ, что во многихъ городахъ, гдѣ выше-названныя профессіи были городскими, первоначально эти занятія отнюдь не считались безчестными и пользовались всѣми правами, какъ и остальные цехи. Точно также съ этой точки зрѣнія является вполне объяснимымъ и недопущеніе въ ученики дѣтей городскихъ и таможенныхъ служащихъ, т. е. всѣ эти лица были служащими, т. е. людьми не вполне свободными, между тѣмъ какъ точка зрѣнія остракизма профессій вслѣдствіе ихъ безправственности къ этимъ лицамъ, безусловно не примѣнима. Последняя точка зрѣнія, говоритъ Шталь ²⁾, противорѣчитъ и всему характеру цеховъ въ періодъ ихъ расцвѣта: въ то время вплоть до 16-го в. они охотно принимали всѣхъ желающихъ и нисколько не стремились ограничить доступъ въ свои ряды, такъ что совершенно невѣроятно, чтобы въ это время они сами по своей волѣ могли создать нормы, устраняющія отъ доступа въ цехи цѣлыя ремесленныя профессіи, пользовавшіяся въ другихъ городахъ всѣми правами, между тѣмъ какъ это вполне объясняется тѣмъ, что недопущеніе этихъ лицъ въ цехи было первоначально простымъ слѣдствіемъ запрещенія принимать лицъ не свободныхъ.

Вышеизложенную теорію Шталя раздѣляютъ и другіе писатели, какъ напримѣръ Marting-Samler, Mascher, Молча-

¹⁾ Stahl, loc. cit. стр. 122 и сл. Много раньше Шталя такое объясненіе было высказано въ изданной въ 1782-омъ году книгѣ «Historischpolitische Betrachtung der Innungen und deren zweckmässige Einrichtung», авторъ которой скрылъ свое имя подъ литерами «I. H. F.», стр. 272.

²⁾ Stahl, loc. cit. стр. 146—147.

новскій, Mummerhoff, Flemming ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она встрѣтила и серьезныя возраженія со стороны М. И. Кулишера ²⁾. Кулишеръ указываетъ, что въ деревняхъ и въ помѣстьяхъ владѣльцевъ были не только крѣпостные мельники и ткачи полотень, но и всевозможные другіе ремесленники, а потому непонятно, почему оказались опозоренными только нѣсколько вышеуказанныхъ ремеслъ. Кромѣ того, говоритъ Кулишеръ, крѣпостное состояніе считали позорнымъ всѣ цехи, въ томъ числѣ и напр. ткачи полотень, и эти безчестныя ремесла, подобно всѣмъ другимъ, ограждали себя отъ общенія съ крѣпостными, не принимали ихъ въ свою среду. Самъ М. Кулишеръ для объясненія признанія этихъ ремеслъ безчестными выдвигаетъ свою теорію. Онъ полагаетъ, что остракизмъ по отношенію къ нѣкоторымъ ремесламъ объясняется тѣмъ, что всѣ лица, занимавшіяся ими, такъ или иначе соприкасались съ актомъ смертной казни и вообще съ мертвыми тѣлами: брадобрѣи были въ то-же время и хирургами; ткачи льна, повидимому, принимали въ казняхъ, въ особенности въ повѣшеніи, въ болѣе раннія времена самое непосредственное участіе, — они изготовляли веревку и обматывали ею шею преступника; что касается до мельниковъ, то многочисленные сказанія свидѣтельствуютъ о существованіи смертной казни въ видѣ размальванія, и исторія сохранила свѣдѣнія о подобномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто на Гузратскомъ берегу по отношенію къ мусульманамъ, опустошавшимъ берегъ ³⁾.

Не соглашается съ объясненіемъ Шталя и I. M. Кулишеръ. Онъ полагаетъ ⁴⁾, что причина враждебнаго отношенія цеховъ къ ремесламъ, о которыхъ идетъ рѣчь, объясняется не тѣмъ, что эти ремесленники принадлежали ранѣе къ крѣ-

¹⁾ Mascher, «Das deutsche Gewerbewesen» 1860 г. стр. 84; Молчановскій, «Цеховая система въ Пруссіи XVIII в. и реформы цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ», 1887 г. стр. 139—140; E. Mummerhoff, «Der Handwerker» 1901 г. стр. 48—55; Flemming, loc. cit. стр. 21—26; Marting-Sammler, «Der Kampf der Kursachsischen Leinweber um die Ehrlichkeit ihres Handwerks» 1879.

²⁾ М. И. Кулишеръ, Вѣстникъ Европы 1888 годъ № 8.

³⁾ М. И. Кулишеръ, loc. cit. стр. 596 и сл.

⁴⁾ I. M. Кулишеръ, I. cit. стр. 334—336.

постному состоянію, и не характеромъ этихъ ремеслъ, какъ это полагаетъ М. И. Кулишеръ, а личностью самихъ ремесленниковъ, занимавшихся этими профессіями, именно тѣмъ, что ремесленники эти являлись первоначально чуждыми городскимъ, осѣдлымъ цехамъ элементами, бродягами, кочевыми племенами, которыхъ одновременно и боялись и презирали. Къ такого рода теоріи вышеупомянутый авторъ приходитъ по аналогіи съ существующими въ Африкѣ кочевыми племенами, которыя находятся въ презрѣніи у осѣдлыхъ жителей, т. е. вмѣстѣ съ занятіемъ ремеслами, эти племена являются и колдунами, знахарями и гадалками. Что данное явленіе можетъ считаться аналогичнымъ съ презрѣніемъ средневѣковыхъ ремесленниковъ къ ткачамъ льна, мельникамъ и т. п., I. M. Кулишеръ видитъ, повидимому, въ томъ, что всѣ тѣ профессіи, которыя признавались безчестными въ средніе вѣка въ Германіи, пользовались также презрѣніемъ и у африканскихъ осѣдлыхъ племенъ. Лица, принадлежащая къ этимъ позорнымъ профессіямъ, говоритъ далѣе I. M. Кулишеръ, въ Европѣ обнаруживали, очевидно, стремленіе выходить изъ своихъ цеховъ и вторгаться въ сферу дѣятельности другихъ ремеслъ, но встрѣтили отпоръ со стороны этихъ послѣднихъ, которыя благодаря этому освобождали себя во всякомъ случаѣ отъ конкурентовъ. Впослѣдствіи-же первоначальный поводъ устраненія этихъ ремесленниковъ — именно позорящій характеръ ихъ дѣятельности — былъ забытъ, но обычай недопускать этихъ лицъ въ цехи сохранился по соображеніямъ чисто матеріальнаго свойства.

Изъ трехъ изложенныхъ нами гипотезъ наиболѣе неправдоподобной несомнѣнно является послѣдняя, т. е. никакихъ слѣдовъ существованія въ Германіи „кочевыхъ племенъ“, подобныхъ африканскимъ „чернымъ цыганамъ“, до насъ не дошло, что, конечно, не могло бы имѣть мѣста, если бы такія „племена“ дѣйствительно существовали. Да и самый характеръ профессій, признаваемыхъ безчестными, совершенно непригоденъ для кочевыхъ, бродячихъ племенъ: и мельничное и ткацкое и банное дѣло предполагаютъ осѣдность со стороны лицъ, занимающихся данными профессіями.

Теорія Шталя, построенная не по аналогіи съ Африкой, а пытающаяся объяснить происхожденіе даннаго явленія причинами, коренящимися въ условіяхъ цехового строя средне-

вѣковья, является болѣе обоснованной и логичной. Но и она вызываетъ, на нашъ взглядъ, довольно серьезныя возраженія. Прежде всего, если допустить вмѣстѣ со Шталемъ, что цехи въ данный періодъ (вплоть до 16-го в.) охотно принимали въ свои ряды всѣхъ желающихъ, и что признаніе ими нѣкоторыхъ профессій безчестными есть лишь простое слѣдствіе невозможности для цеховъ принимать лицъ несвободныхъ, то какимъ образомъ могло случиться, что когда, по его словамъ ¹⁾, въ 15-омъ вѣкѣ ткачи льна нахлынули массой въ города, и городскіе жители приняли ихъ въ большинствѣ случаевъ охотно, вслѣдствіе чего цехъ городскихъ ткачей не могъ отказать имъ въ принятіи, то остальные цехи вооружились противъ нихъ и признали весь цехъ ткачей льна безчестными? Какимъ образомъ у цеховыхъ ремесленниковъ, такъ охотно, какъ говоритъ Шталь, принимавшихъ въ цехи всѣхъ, и которые, какъ мы уже говорили, изъ за принятія въ свои ряды крѣпостныхъ нерѣдко вели борьбу съ феодалами, могъ сложиться обычай не принимать лицъ известной профессіи только потому, что большинство лицъ ею занимавшихся прежде были крѣпостными? Наконецъ, рѣзко противорѣчитъ теоріи Штала тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ свободное происхожденіе не было обязательнымъ условіемъ для принятія въ цехъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ профессій все-же считались безчестными, какъ это, на примѣръ, имѣло мѣсто въ г. Позенѣ въ концѣ 15-го вѣка ²⁾. Объяснить это обстоятельство заимствованіемъ взгляда на безчестность профессіи отъ другихъ городовъ врядъ ли возможно, т. к. въ это время этотъ взглядъ вовсе не былъ еще такъ широко распространенъ, какъ въ 16-омъ вѣкѣ.

Что касается до гипотезы М. И. Кулишера, то и она, намъ кажется, неправдоподобной. Возраженія Штала относительно возможности объясненія исключенія пастуховъ тѣмъ, что они имѣли дѣло съ павшими животными, въ сущности вполне справедливы, но еще труднѣе объяснить недопущеніе въ цехи ткачей и мельниковъ тѣмъ, что они принимали уча-

¹⁾ Stahl, loc. cit.

²⁾ Warschauer, loc. cit. стр. 30.

стие въ совершеніи смертной казни. Попытка Кулишера найти связь между ними и исполненіемъ смертной казни можетъ быть и остроумна, но въ высшей степени искусственна: при желаніи такимъ путемъ можно чуть не всѣ профессіи признать имѣющими соприкосновеніе съ смертной казнью, если принять во вниманіе разнообразіе пытокъ и истязаній, практиковавшихся въ средніе вѣка; такъ напр. плотники дѣлали эшафоты и гроба, кузнецы различныя орудія казни, и т. п.

Такимъ образомъ въ результатѣ оцѣнки всѣхъ высказанныхъ въ наукѣ теорій объясненія недопущенія въ ученики дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ изв. профессіямъ, мы пришли къ результату, что ни одна изъ этихъ теорій не можетъ быть признана вполне удовлетворительной, и вопросъ объ объясненіи даннаго явленія цеховой жизни средневѣковья пока остается открытымъ. Не беря на себя смѣлость разрѣшить этотъ сложный вопросъ, мы однако считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, что причина признанія нѣкоторыхъ профессій безчестными имѣла чисто мѣстный характеръ, какъ это ясно видно изъ того, что профессіи, признававшіяся безчестными въ однѣхъ мѣстностяхъ, въ другихъ пользовались уваженіемъ. И такой мѣстной причиной могло быть прежде всего то обстоятельство, что нѣкоторыя профессіи появились въ разныхъ городахъ и приобрѣли цеховое устройство позже другихъ. Это были не кочевыя племена и не крѣпостные, а просто ремесленники, какъ напр. ткачи льна,—которые первоначально работали въ деревняхъ и предмѣстьяхъ города, не имѣли цеховой организаціи и не подлежали той строгой регламентаціи, какъ старыя цеховыя ремесла. Это отсутствіе регламентаціи безусловно давало цехамъ возможность считать ихъ ниже себя, т. к., на примѣръ, въ ихъ средѣ могли находиться и такіе элементы, которымъ въ цехи не было доступа,—напр. лица совершившія какіе нибудь поступки, признаваемые позорными: воровство, прелюбодѣяніе, клятвопреступленіе и т. п. Недаромъ въ одной жалобѣ цѣха на сельскихъ ткачей указывается, что среди нихъ много лицъ сомнительной репутаціи ¹⁾. Изъ сложившагося

¹⁾ Schoenberg, «Handbuch d. politischen Oekonomie», 4 Aufl. В. II т. I. 1896, стр. 557. Это подтверждается также тѣмъ, что, на примѣръ, въ Гильдесгеймѣ всѣ цехи, за исключеніемъ только ткачей льна, обращали вниманіе

въ силу этого къ этимъ новымъ профессіямъ презрительнаго отношенія и развился взглядъ на невозможность допущенія ихъ въ цехи, взглядъ, который былъ перенесенъ и на другія ремесла, а затѣмъ заимствованъ и другими городами, гдѣ такихъ новыхъ профессій не было, въ силу подражанія и какъ удобное средство для ограниченія доступа въ цехи. Это рекрутированіе изъ высшихъ слоевъ населенія могло вызвать отрицательное отношеніе и къ ночнымъ сторожамъ, таможенной стражѣ и къ банщикамъ. По крайней мѣрѣ, относительно городской стражи мы имѣемъ положительное указаніе на то, что она, какъ и носильщики, вербовалась изъ такъ называемыхъ „вольныхъ рабочихъ“, т. е. простыхъ наемныхъ рабочихъ, являвшихся въ сущности пролетаріями по отношенію къ ремесленникамъ, мелкимъ, но самостоятельнымъ хозяевамъ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ и высказанное нами мнѣніе остается только предположеніемъ.

Въ другихъ странахъ такого недопущенія въ ученики дѣтей нѣкоторыхъ категорій ремесленниковъ не существовало. Правда, въ Англии въ 12-омъ—14-омъ вѣкахъ пользовались всеобщимъ презрѣніемъ суконщики,—они не допускались въ число гражданъ и, очевидно, и въ цехи, но это объясняется исключительно тѣмъ, что они были преимущественно иностранцами²⁾.

Но понятіе безчестности не исчерпывалось принадлежностью къ извѣстной профессіи,—сюда же относилось и совершеніе извѣстныхъ преступныхъ дѣяній, убійство, воровство, клятвенное преступленіе, прелюбодѣяніе и т. п. Лицъ, уличенныхъ въ такихъ поступкахъ, въ цехи не принимали, а т. к. ученичество, какъ мы не разъ говорили, разсматривалось, какъ подготовительная ступень къ мастерству, то и отъ учениковъ при принятіи требовалась иногда безупречная

на нравственность лицъ, вступающихъ въ цехи, и не допускали тѣхъ, относительно которыхъ возникали въ этомъ отношеніи сомнѣнія (см. Hartmann, стр. 54).

¹⁾ Лампрехтъ, «Исторія Германскаго народа», Изд. Солдатенкова, т. III стр. 48—49.

²⁾ Stahl, loc. cit. стр. 129—130.

репутация¹⁾. Но т. к., само собой понятно, совершенія вышеуказанныхъ дѣяній отъ мальчиковъ въ дѣтскомъ возрастѣ ожидать было трудно, то требованіе личной незапятнанности статута обычно относятъ къ лицамъ, вступающимъ въ цехъ въ качествѣ мастера или подмастерья, но не къ условіямъ принятія въ ученики.

Но если требованіе личной нравственности не могло имѣть существеннаго значенія при принятіи въ ученики, то таковымъ несомнѣнно являлось запрещеніе принимать въ ученики и дѣтей лицъ, чья репутация запятнана. Существовало-ли такое запрещеніе въ эпоху расцвѣта цехового строя, или же появилось въ позднѣйшую эпоху упадка цеховой системы,—является вопросомъ не выясненнымъ. Гирке и Машеръ, повидимому, относятъ появленіе этого возложенія на дѣтей отвѣтственности за грѣхи ихъ родителей ко второй эпохѣ²⁾, но намъ кажется, что оно несомнѣнно существовало и раньше. Такъ напр., въ г. Вернигероде въ періодъ расцвѣта цеховой организаціи уже требовали отъ ученика, чтобы онъ не происходилъ отъ родителей, какъ принадлежащихъ къ нѣкоторымъ профессіямъ, такъ и вообще обезчещенныхъ³⁾. Точно также и цехъ сапожниковъ въ Лейпцигѣ въ 1497-омъ г. требовалъ отъ кандидатовъ въ мастера честнаго происхожденія и непринадлежности къ людямъ, которые обычно презираются цехами⁴⁾. Эта терминологія, обособляющая понятіе честнаго происхожденія отъ понятія безчестности вслѣдствіе принадлежности къ безчестной профессіи, позволяетъ предполагать, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ статуты ограничивались просто требованіемъ честнаго происхожденія⁵⁾, подъ послѣднимъ именно понималось происхожденіе отъ людей, не обезчестившихъ себя к. в. преступленіемъ или позорнымъ дѣяніемъ. Кроме того, перенесеніе на дѣтей безчестія ихъ родителей вполне соответствовало и цѣховымъ

¹⁾ Warschauer, loc. cit. стр. 29—30; F. Grull «Das Amt d. Goldschmiede zu Wismar» 1887 г. стр. 13; Meister, loc. cit. стр. 20—21.

²⁾ Gierke, «Deutsches Genossenschaftsrecht», B. I стр. 918—919; Mascher, «Das deutsche Gewerbewesen», 1866 стр. 330.

³⁾ Meister, loc. cit. стр. 20—21.

⁴⁾ Berlitt, «Leipziger Innungsordnungen aus dem XV Jahrhundert.» 1886 стр. 27.

⁵⁾ Какъ напр. въ цехѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ 1493 г. въ Лейпцигѣ (Berlitt, loc. cit. стр. 21).

воззрѣніямъ: если цехи не принимали въ обученіе дѣтей родителей, принадлежавшихъ къ безчестной профессіи, то было бы непослѣдовательно если-бы они принимали въ ученики дѣтей лицъ, опозорившихъ себя к. н. преступленіемъ, т. е. какую бы гипотезу мы ни приняли въ основаніе недопущенія въ цехи нѣкоторыхъ профессій, все равно пятно безчестія, лежавшее на нихъ, не могло казаться цехамъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ позоръ, навлеченный кѣмъ-либо на себя совершеніемъ преступленія. Поэтому, во всякомъ случаѣ, запрещеніе пріема въ ученики дѣтей преступниковъ не могло возникнуть позже запрещенія пріема дѣтей ткачей, живодеровъ, пастуховъ и т. н.

Надо замѣтить, что цехи другихъ странъ относительно нравственности, какъ самого ученика, такъ и его родителей были менѣе строгими. Такъ въ Брюсселѣ, по словамъ Де-Мареса¹⁾, о добромъ имени и честности вступающаго въ цехъ заботились очень мало; въ *livre des métiers* Этьенна Буало мы также не находимъ никакихъ подобныхъ требованій по отношенію къ мастеру, точно также и въ Англии, повидному, ихъ не было. Лишь въ статутахъ ремесленныхъ въ Римѣ обращалось большое вниманіе на нравственность ученика: здѣсь мастерамъ предписывалось подѣ страхомъ штрафа собирать свѣдѣнія о поведеніи лица прежде чѣмъ принять его въ ученики и не принимать лицъ съ запятаннымъ прошлымъ—богохульниковъ, еретиковъ, игроковъ, воровъ, челоуѣкоубійцъ, причемъ даже прощеніе папъ иногда не снимало безчестія съ преступника въ глазахъ цеховъ²⁾. Такая строгость требованій по отношенію къ личности самого ученика въ Римѣ объясняется тѣмъ, что здѣсь не было особой стадіи подмастерства, и среди учениковъ были въ сущности и взрослые рабочіе. Кромѣ личной нравственности ученика въ Римѣ требовали также перѣдко и честнаго происхожденія, т. е. быть сыномъ честныхъ, незапятнанныхъ родителей, но такое требованіе встрѣчается преимущественно въ статутахъ 18-го вѣка³⁾.

¹⁾ Des-Marez, loc. cit. стр. 74.

²⁾ См. Rodocanachi, loc. cit. статуты булочниковъ, дрогистовъ, старьевщиковъ, суконщиковъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ.

³⁾ См. Rodocanachi, loc. cit. статуты старьевщиковъ (*regrattiers*), вышивальщиковъ (*brodeurs*), золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ.

5) Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ цехамъ, условій, которымъ должно было удовлетворять лицо, желающее поступить въ ученики, въ нѣкоторыхъ городахъ существовали и свои мѣстные условія. Къ такимъ относится, напримѣръ, требованіе, чтобы ученикъ былъ сыномъ гражданина именно даннаго города. Требованіе это встрѣчается уже съ 14-го вѣка въ Нюренбергѣ, гдѣ городской совѣтъ вообще въ дѣлахъ торговли и промышленности проводилъ политику замкнутости по отношенію къ другимъ городамъ. Но, вопреки мнѣнію Шталя¹⁾, Нюренбергъ, повидному, вовсе не являлся въ этомъ вопросѣ единственнымъ городомъ: по крайней мѣрѣ аналогичное постановленіе мы находимъ и у нѣкоторыхъ цеховъ въ г. Ульмѣ²⁾.

Еще болѣе суживался кругъ лицъ, могущихъ попасть въ ученики, въ тѣхъ цехахъ, гдѣ принимали исключительно дѣтей мастеровъ даннаго цеха. Требованіе это было болѣе распространено, чѣмъ предыдущее: уже въ періодъ расцвѣта цеховой организаціи (въ 1352-омъ году) оно существовало въ цехахъ булочниковъ въ восьми рейнскихъ городахъ (Майнцѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ, Оппенгеймѣ, Франкфуртѣ, Бингенѣ, Бахарахѣ и Боннардѣ), затѣмъ въ 14-омъ же вѣкѣ у вѣнскихъ и франкфуртскихъ (н/м) мясниковъ³⁾. Въ 16-омъ же вѣкѣ вышеуказанное требованіе получаетъ широкое распространеніе.

Шталь, исходя изъ того положенія, что до 16-го вѣка цехамъ чужды были монополистическія тенденціи, пытается объяснить существованіе даннаго ограниченія въ 14-омъ вѣкѣ тѣмъ, что ремесленники, въ статутахъ которыхъ это требованіе встрѣчалось,—булочники и мясники,—должны были имѣть на рынкѣ лавки, съ владѣніемъ которыми было связано право на занятіе ремесломъ, откуда и развилась тенденція обезпечить за семьей вмѣстѣ съ владѣніемъ лавкой и право на производство промысла⁴⁾.

¹⁾ Stahl, стр. 160.

²⁾ E. Nübling, «Die Reichstadt Ulm am Ausgange des Mittelalters» 1904—1907, стр. 560.

³⁾ I. Кулишеръ, loc. cit., стр. 359; Schanz, «Gesellenverbände», стр. 15, 153; Stahl, loc. cit. стр. 162—163.

⁴⁾ Stahl, стр. 162—163.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Штала, данное ограниченіе было вызвано особыми условіями, въ которыхъ находились данныя ремесла, а не общей тенденціей ремесленниковъ сдѣлать мастерство наследственнымъ. Но съ этимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться, т. к. хотя дѣйствительно данное ограниченіе встрѣчается первоначально наиболѣе часто въ цехахъ булочниковъ и мясниковъ¹⁾, но далеко не исключительно: такъ напр. въ Бременѣ въ 1300-омъ г. принимались лишь дѣти мастеровъ въ цехъ сапожниковъ, точно также и во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 14 в., по словамъ Маурера, наследственными были и ремесла ткачей, портныхъ и сапожниковъ; наконецъ, въ Пизѣ у мѣховщиковъ принимались также лишь дѣти мастеровъ²⁾. Все это говоритъ за то, что у мясниковъ и булочниковъ, можетъ быть вслѣдствіе связи ихъ ремесла съ владѣніемъ лавою, тенденція сдѣлать цехи доступными исключительно для дѣтей мастеровъ проявлялась чаще и раньше, чѣмъ у другихъ ремесленниковъ, но, несомнѣнно, что эта тенденція существовала и въ другихъ цехахъ. За это говоритъ и то, что большинство цеховъ въ Германіи, хотя и не закрывало совершенно доступъ въ ученики дѣтямъ постороннихъ лицъ, но косвенно все-же стремилось сдѣлать свои цехи наследственными, давая дѣтямъ мастеровъ всевозможныя льготы при поступленіи—освобожденіе отъ вступныхъ взносовъ или значительное уменьшеніе ихъ, освобожденіе отъ обязательства представить пробную работу и т. п., такъ что запрещеніе доступа постороннимъ лицамъ было лишь дальнѣйшимъ шагомъ по пути осуществленія этой тенденціи.

Рѣзко противоположную теоріи Штала гипотезу происхожденія наследственности права быть цеховымъ мастеромъ выставляетъ I. Кулишеръ. По его мнѣнію, „кастовый характеръ цеховъ есть вовсе не результатъ развитія конкуренціи въ послѣдующія столѣтія, а характерная особенность ихъ

¹⁾ Такъ въ Брюсселѣ цехъ мясниковъ единственный начинаетъ добиваться сдѣлать свое ремесло закрытымъ отъ постороннихъ лицъ (см. Des Mages, стр. 80—83); точно также въ Парижѣ лишь одни мясники ограничивали приемъ лицами принадлежащими къ цеху по рожденію, или женатыми на дочеряхъ мастеровъ (Fagnies, стр. 104).

²⁾ I. Кулишеръ, стр. 358.

съ самаго начала возникновенія, которая съ теченіемъ времени принимаетъ болѣе мягкій характеръ, превращаясь въ преимущества лицъ, принадлежащихъ къ цеху, вмѣсто ихъ исключительнаго права пріобрѣтать званіе мастера“¹⁾. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, эволюція шла не отъ появленія льготъ для дѣтей мастеровъ къ признанію полного недопущенія постороннихъ лицъ, а наоборотъ, отъ первоначальной наследственности цеховъ къ допущенію постороннихъ, хотя и на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ по отношенію къ лицамъ принадлежащимъ къ цеху по рожденію. Изъ ряда примѣровъ, приводимыхъ Кулишеромъ въ доказательство своей гипотезы, наиболѣе важными являются слѣдующіе доводы: въ Бременѣ у сапожниковъ въ 1300-омъ г. постороннія лица вовсе не принимаются, а въ 1308-омъ г. имъ открытъ доступъ, хотя и на тяжелыхъ условіяхъ²⁾; въ гор. Гекстерѣ въ наиболѣе древнихъ статутахъ (1276 и 1280 г.) вовсе не упоминается о дѣтяхъ мастеровъ, а говорится лишь о приемѣ постороннихъ при условіи внесенія ими известной суммы, изъ чего авторъ заключаетъ, что вплоть до этого момента постороннихъ вовсе не принимали, почему и понадобилось опредѣлить впервые условія ихъ принятія³⁾; въ Венеціи въ X в., когда впервые возникаютъ цехи, отправление ремесла является наследственнымъ, и лишь впоследствии цехи стали принимать и постороннихъ лицъ, сохраняя, однако, по прежнему преимущества въ пользу тѣхъ, кто принадлежалъ по крови къ цеху⁴⁾. Остальные многочисленныя примѣры Кулишера, не имѣютъ отношенія къ его гипотезѣ, т. к. они представляютъ лишь указанія, насколько распространенъ былъ въ Германіи обычай давать дѣтямъ мастеровъ льготы при вступленіи, а также указанія отдѣльныхъ статутовъ (нерѣдко 15-го вѣка), въ которыхъ ремесло имѣло наследственный характеръ, по ничему не говорятъ о томъ, что этотъ наследственный характеръ былъ изначала присущъ цехамъ и лишь впоследствии пріобрѣлъ болѣе мягкій характеръ.

¹⁾ I. Кулишеръ, стр. 364.

²⁾ I. Кулишеръ, стр. 358.

³⁾ Кулишеръ, стр. 361.

⁴⁾ Кулишеръ, стр. 364.

Что касается до первых изъ вышеуказанныхъ доводовъ, то мы рѣшительно отказываемся на ихъ основаніи признать гипотезу Кулишера, хотя-бы сколько нибудь доказанной. Что первоначально въ Германіи обычно дѣти наследовали профессию отца, и цехи пополнялись въ значительной части дѣтьми мастеровъ,—это несомнѣнно; несомнѣнно также, что съ самаго начала ремесленники стремились освободить своихъ дѣтей отъ денежныхъ взносовъ и другихъ затрудненій при вступленіи въ цехъ, но предположеніе, что съ самаго своего возникновенія цехи не принимали въ свою среду лицъ постороннихъ, рѣзко противорѣчитъ исторіи происхожденія городовъ и господствовавшей вплоть до 14-го вѣка городской политикѣ, проникнутой тенденціей прямого покровительства поселенію въ городахъ, выражавшейся между прочимъ и въ борьбѣ съ феодалами изъ за принципа, что городской воздухъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ, и, наконецъ, тому факту, что число цеховъ, гдѣ доступъ постороннимъ запрещался, начиная съ 15-го вѣка растетъ, а не уменьшается. Изъ приведенныхъ-же Кулишеромъ доказательствъ изъ цеховой жизни Германіи, ссылка на молчаніе текстерскихъ статутовъ о дѣтяхъ мастеровъ на ряду съ указаніемъ на допущеніе постороннихъ при условіи извѣстнаго денежнаго взноса, можетъ быть истолкована не въ томъ смыслѣ, что только съ этого момента стали принимать постороннихъ, а въ томъ, что эти статуты впервые вводили взиманіе съ нихъ вступной платы, чего раньше не было. Примѣръ бременскихъ сапожниковъ болѣе говоритъ въ пользу теоріи Кулишера, но онъ можетъ быть объясненъ просто какъ раннее проявленіе тенденціи сдѣлать цехъ наследственнымъ, тенденціи, отъ которой пришлось вскорѣ же отказаться.

Крайне рѣдкимъ являлось въ этотъ періодъ цехового строя требованіе отъ лица, поступающаго въ ученики, извѣстнаго возраста: въ 14-мъ вѣкѣ лишь одинъ статутъ кожевниковъ въ Любекѣ содержалъ подобное постановленіе о возрастѣ учениковъ, но и тотъ устанавливалъ не минимумъ, а максимумъ возраста, требуя чтобы ученикъ былъ моложе 12-ти лѣтъ¹⁾. Мотивъ такого требованія былъ повидимому тотъ-же,

¹⁾ Wehrmann, «Die älteren Lübeckischen Zunftrollen» 1864, стр. 317.

что и въ позднѣйшую эпоху, когда такія постановленія стали болѣе частыми,—именно трудность удержать въ надлежащей дисциплинѣ учениковъ великовозрастныхъ¹⁾, за чѣмъ, конечно, могло скрываться желаніе и вообще нѣсколько ограничить доступъ въ цехи. Но въ большинствѣ случаевъ на установленіе максимума возраста для ученика обращали въ то время настолько мало вниманія, что многіе цехи принимали въ ученики даже людей женатыхъ.

Что-же касается до минимума возраста ученика, то мысль о необходимости установить извѣстныя границы примѣненію дѣтскаго труда была совершенно чужда цеховому строю вплоть до 16-го столѣтія²⁾. Статуты не даютъ по этому вопросу никакихъ указаній, предоставляя мастеру рѣшать самому при приѣмѣ ученика, можетъ-ли онъ приносить мастеру к. н. выгоду своимъ трудомъ или нѣтъ. Это молчаніе статутовъ относительно возраста учениковъ, по мнѣнію Deutsch'a³⁾ объясняется не равнодушіемъ и попустительствомъ къ эксплуатаціи дѣтей, а тѣмъ, что въ средніе вѣка этой эксплуатаціи въ общемъ не было, и молодые люди приступали къ работамъ не раньше, чѣмъ они физически оказывались для нихъ развитыми. Иначе, говоритъ вышеуказанный авторъ, цеховые статуты, столь детально регулировавшіе все производство, такъ точно опредѣлявшіе число подмастерьевъ и учениковъ, рабочее время, продажу издѣлій, и т. п., не могли-бы обойти молчаніемъ этотъ столь важный вопросъ. Мы согласны съ авторомъ, что, дѣйствительно, въ тѣ времена въ общемъ не было той эксплуатаціи труда дѣтей въ раннемъ возрастѣ, какъ это имѣло мѣсто въ 18-мъ вѣкѣ, и въ ученики поступали обычно лица, уже физически сравнительно окрѣпшія (въ среднемъ около

¹⁾ На это указывали ремесленныя поговорки: «alte Hunde sind schwer zu bändigen», или «alte Lehrlinge sind dem Meister über die Hand gewachsen»: Stahl, стр. 166.

²⁾ Исключеніе представляли, повидимому, итальянскіе цехи, т. е. въ Венеціи еще въ 1284-омъ году цехъ гранильщиковъ стекла требовалъ, чтобы ученики и ученицы имѣли не менѣе 8 лѣтъ (см. Deutsch, «Die Kinderarbeit u. ihre Bekämpfung» 1907 г. стр. 1).

³⁾ Deutsch, loc cit. стр. 2.

14-ти лѣтъ)¹⁾, но, тѣмъ не менѣе, не этимъ обстоятельствомъ надо объяснять молчаніе статутовъ по этому вопросу, а классовымъ характеромъ этой регламентаціи, имѣвшей въ виду исключительно интересы мастеровъ, но никоимъ образомъ не интересы ихъ вспомогательнаго персонала, — вѣдь устанавливали-же статуты 12-ти часовой рабочей день безъ всякихъ перерывовъ, что, конечно, и для 14-тилѣтняго мальчика было тяжело, а не мало было учениковъ все-таки и болѣе юныхъ. Такъ Fagnies сообщаетъ, что во Франціи въ источникахъ, относящихся къ 13-му и 14-му вѣкамъ, существуютъ указанія и на наличность учениковъ въ возрастѣ отъ 8-ми лѣтъ²⁾.

Таковы тѣ требованія, которыя въ эту эпоху цехового строя предъявлялись къ лицамъ, желающимъ вступить въ ремесленные ученики. Подводя итоги нашему разсмотрѣнію этихъ требованій, мы должны прежде всего констатировать, что въ этомъ отношеніи германскіе цехи были несравненно строже цеховъ другихъ странъ, гдѣ многія требованія, существовавшія въ Германіи, были или вовсе неизвѣстны или же встрѣчались очень рѣдко. Что-же касается до общаго характера этихъ требованій, то Шталь³⁾ видитъ его въ томъ, что всѣ они вытекаютъ изъ того положенія, которое занимали ремесленники въ городахъ въ ту эпоху: они не представляли изъ себя особаго ремесленного сословія, а были лишь гражданами (Bürger) города, и потому отъ вступающаго въ цехъ требовались лишь тѣ свойства, которыя были необходимы для того, чтобы имѣть право гражданства, но и только, никакихъ другихъ условій ни въ одномъ городѣ ни однимъ цехомъ не требовалось. Эти другія, не имѣющія отношенія къ праву гражданства, условія принятія, по словамъ Штала, появились позднѣе, когда ремесленное сословіе обособилось и стало не только обособлять, но и противопоставлять свои интересы интересамъ всѣхъ остальныхъ гражданъ.

¹⁾ Krumboltz, loc. cit. Einleitung, стр. 78; Hartmann, loc. cit. стр. 42; Hermandlung, «Das Zunftwesen d. St. Aachen» 1908 г. стр. 46.

²⁾ Fagnies, стр. 56.

³⁾ Stahl, loc. cit. стр. 167—168.

Но это мнѣніе въ основѣ котораго лежитъ столь распространенная и донинѣ въ нѣмецкой литературѣ идеализація цехового строя въ періодъ его расцвѣта, мы не можемъ признать правильнымъ. Что многія—и наиболѣе распространенныя въ это время—требованія отъ вступающаго въ ученики имѣли своимъ основаніемъ взглядъ, что ученикъ есть непременно будущій мастеръ, а мастеръ есть въ то-же время и гражданинъ,—это несомнѣнно; этимъ взглядомъ могутъ быть объяснены требованія и законнаго рожденія и принадлежности къ свободнымъ людямъ и нѣмецкой національности и нравственной незапятнанности. Но Шталь совершенно ошибочно утверждаетъ такъ категорически, что ни въ одномъ городѣ ни однимъ цехомъ не требовалось ничего сверхъ условій, требовавшихся отъ гражданина города. Мы видѣли, что уже съ начала 14-го вѣка появляется во многихъ цехахъ запрещеніе принимать въ ученики дѣтей лицъ нѣкоторыхъ профессій, требованіе распространившееся скоро уже настолько, что въ половинѣ 15-го вѣка вызываетъ противодѣйствіе со стороны правительства, причемъ, если даже согласиться со Шталемъ, что основаніемъ запрещенія являлось крѣпостное состояніе этихъ, признаваемыхъ безчестными, ремесленниковъ, то во всякомъ случаѣ въ моментъ появленія этого запрещенія въ статутахъ оно не имѣло никакого отношенія къ приобрѣтенію правъ гражданства. Это видно изъ того, что, какъ сообщаетъ самъ Шталь, ремесленники эти (ткачи льна) были приняты городомъ охотно въ число гражданъ, что и вызвало признаніе и всего городского цеха ткачей льна остальными цехами безчестнымъ. Затѣмъ уже въ этотъ періодъ цехового строя мы встрѣчаемъ постановленія, лишающія доступа въ ученики дѣтей лицъ, не принадлежащихъ къ членамъ даннаго цеха, постановленіе, не только не находящееся въ связи съ правомъ гражданства, но и противопоставляющее интересы цеха интересамъ остальныхъ гражданъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что уже и въ этотъ періодъ средневѣковые цехи при установленіи условій принятія въ ученики не только соображались съ условіями, которымъ долженъ былъ удовлетворять ремесленникъ, какъ гражданинъ города, но руководствовались и своими чисто цеховыми интересами, среди которыхъ въ концѣ 14-го вѣка все болѣе и болѣе видное мѣсто начинаетъ занимать и стремленіе по

возможности ограничить доступъ въ цехъ для устранения лишнихъ конкурентовъ. Что эта тенденція уже существовала, можно видѣть, какъ намъ кажется, изъ того, что рядъ ограниченій, первоначальный мотивъ введенія которыхъ иногда уже болѣе не существовалъ, не только не исчезали постепенно, а распространялись все шире и шире; это можно объяснить лишь тѣмъ, что эти нормы не остались простыми пережитками прошлаго, а взамѣнъ забытаго прежняго основанія приобрѣли иное, соответствующее условіямъ времени.

Для доказательства удовлетворенія всѣмъ требуемымъ условіямъ отъ ученика обычно требовалось представленіе или Geburtsbrief (свидѣтельства о рожденіи) или-же свидѣтельства двухъ надежныхъ лицъ. Повидимому съ теченіемъ времени цехи стали строже относиться къ способамъ доказательства и не допускали замѣны письменныхъ документовъ показаніями свидѣтелей: такъ, напримѣръ, въ Дрезденѣ свидѣтельскія показанія допускались лишь въ болѣе старыхъ статутахъ, а статуты болѣе поздняго происхожденія требовали непременно представленія письменнаго документа о рожденіи¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допускались впрочемъ иногда и иные способы доказательства,—такъ въ Вернигероде цехи довольствовались подтвержденіемъ наличности у ученика необходимыхъ условій клятвой²⁾, а въ цехѣ сапожниковъ въ г. Бесковѣ въ 14-омъ в. впродъ до представленія письменнаго свидѣтельства о рожденіи можно было быть принятымъ въ ученики, представивъ въ обезпеченіе одну марку.³⁾

II. Что касается до тѣхъ условій, которымъ должно было удовлетворять лицо, желающее принять ученика для обученія ремеслу, то всѣ они сводились къ тому, чтобы оно было цеховымъ мастеромъ. Всѣ лица, которыя, не будучи цеховыми мастерами, почему либо пользовались правомъ заниматься ремесломъ, учениковъ принимать не могли: такъ, этого права не имѣли такъ называемые свободные, т. е. не принадлежащіе къ цеху, мастера (Freimeister), каковыя существо-

¹⁾ Flemming, loc. cit стр. 27.

²⁾ Meister, loc. cit стр. 20—21.

³⁾ Neuburg, loc. cit стр. 20.

вали въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ въ Любекѣ¹⁾, а также вдовы мастеровъ, которымъ предоставлялось право продолжать дѣло мужа съ помощью опытнаго подмастерья²⁾. Поэтому, чтобы узнать, какія условія были необходимы для права имѣть учениковъ, намъ нужно, хотя-бы бѣгло, разсмотрѣть тѣ условія, которыя были необходимы въ то время для полученія званія цехового мастера.

¹⁾ Прежде всего, мастеръ долженъ отбыть стажъ ученичества, а потому долженъ удовлетворять всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя требовались отъ вступающаго въ ученики. По окончаніи надлежащимъ образомъ ученичества, ему предстояло пройти еще стажъ подмастерства, образовавшійся въ 14-мъ вѣкѣ, т. е. проработать известное количество лѣтъ у цехового мастера въ качествѣ подмастерья; срокъ этотъ былъ 1 годъ со днемъ, 3 года, 4 года³⁾. Обязательное прохожденіе стадіи подмастерства требовалось и во Франціи, но лишь съ конца 14-го вѣка⁴⁾. Кроме того, будущій мастеръ по статутамъ многихъ городовъ долженъ былъ обязательно странствовать известное количество лѣтъ по различнымъ городамъ Германіи для изученія и усовершенствованія въ ремеслѣ. Это требованіе, очень тяжелое для подмастерьевъ появляется уже со 2-ой половины 14-го вѣка¹⁾, а въ 15-мъ вѣкѣ становится, хотя и не всеобщимъ, но значительно распространеннымъ. Лишь сыновья мастеровъ освобождались отъ странствованія, или если и обязаны были странствовать, то болѣе короткій срокъ, чѣмъ обыкновенно.

¹⁾ См. Wehrmann, loc. cit. стр. 65—66; хотя первое указаніе о назначеніи цехомъ Freimeister'a относится къ 1519-ому г. но видно, что это разрѣшеніе далеко не первое.

²⁾ Но ученики, принятые покойнымъ мастеромъ, могли кончать свое обученіе и въ предпріятіи вдовы его.

³⁾ Neuburg, loc. cit. стр. 40.

⁴⁾ Martin Saint—Leon, «L' Histoire des corporations des metiers» стр. 101; въ Livre des metiers Этьенна Буало требуютъ обязательнаго подмастерства въ теченіе года по окончаніи ученичества лишь статуты трехъ цеховъ: см. Depping, «Reglements sur les arts et metiers», 1837, стр. 88 и 152.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ г. Люнебургѣ (см. Bodemann, loc. cit.), что опровергаетъ утвержденіе Шталя, что хотя странствованіе встрѣчается и въ 14-омъ вѣкѣ, но нигдѣ не было обязательнымъ (Stahl, loc. cit. стр. 317).

Цехамъ другихъ странъ обязательное странствованіе было неизвѣстно. По окончаніи странствованія подмастерье долженъ былъ во многихъ мѣстностяхъ проработать нѣкоторый срокъ у кого-либо изъ мастеровъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ желалъ сдѣлаться мастеромъ, чтобы цехъ могъ познакомиться какъ съ его моральными качествами, такъ и съ техническими познаніями¹⁾. Впрочемъ, для послѣдней цѣли цеховое право выработало специальное средство—испытаніе познаній аспиранта путемъ возложенія на него обязанности исполнить предложенную ему цехомъ пробную работу (т. наз. Meisterstück). Подобное требованіе мы встрѣчаемъ у берлинскихъ булочниковъ уже въ концѣ 13-го вѣка, но лишь въ 14-омъ вѣкѣ эти испытанія въ Германіи становятся явленіемъ распространеннымъ²⁾. Существовали испытанія для лицъ, вступающихъ въ цехи и въ другихъ странахъ³⁾. Но сыновья мастеровъ въ Германіи нѣдко отъ обязанности представить пробную работу освобождались.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ мытарствъ, которыя долженъ былъ пройти подмастерье, чтобы попасть въ мастера, и имѣвшихъ по своей идеѣ задачей служить доказательствомъ техническихъ познаній вступающаго въ цехъ, хотя и служившихъ, главнымъ образомъ, средствами устраненія конкурентовъ, отъ мастера требовалось также соблюденіе нѣкоторыхъ условій иного характера: такъ, въ Германіи, какъ мы уже говорили выше, мастеръ непременно долженъ былъ имѣть право гражданства въ данномъ городѣ, а начиная со 2-й половины

¹⁾ Neuburg, стр. 39.

²⁾ Mascher, стр. 158; Girke, т. I, стр. 332—374; Stieda въ Handwörterbuch d. Staatswiss. 1901 г.; Nübling, т. I, стр. 440; Warschauer, стр. 46; въ нѣкоторыхъ же городахъ, какъ, напримѣръ, въ Страсбургѣ и Гильдесгеймѣ испытанія вводятся только въ 15-омъ вѣкѣ (см. Dettmering «Beiträge zur älteren Zunftgeschichte d. St. Strassburg», 1903 г. стр. 65 и Hartmann, loc. cit. стр. 56).

³⁾ Во Франціи они появляются въ 13-омъ вѣкѣ, а распространяются, главнымъ образомъ, во 2-ой половинѣ 14-го вѣка («Livre des Metiers» стр. 91, 142, 228 и др.; Fagnies, loc. cit. стр. 94); въ Италіи также появляются въ 14-мъ вѣкѣ (см. Rodocanachi, стр. LIII; I. Кулишеръ, стр. 349); въ Бельгіи—съ 15-го вѣка (см. Des Marez, стр. 110).

14-го вѣка, въ нѣкоторыхъ городахъ онъ долженъ былъ доказать также наличность у него извѣстныхъ матеріальныхъ средствъ. Последнее требованіе имѣло въ виду гарантировать, что новый членъ въ состояніи вести самостоятельно ремесленное предпріятіе¹⁾, но главнымъ-же образомъ ограничить доступъ въ цехъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить возможность приѣма такихъ членовъ, которыхъ цеху пришлось-бы поддерживать на средства цеховой казны. Но въ вышеуказанной прямой формѣ требованіе имущественной состоятельности встрѣчалось сравнительно рѣдко²⁾. Чаще эта цѣль впослѣдствіи достигалась косвеннымъ путемъ—въ видѣ обязанности мастера при вступленіи сдѣлать въ цехъ вступной взносъ и выставить угощеніе своимъ новымъ сочленамъ по цеху, размѣръ котораго съ теченіемъ времени сталъ точно устанавливаться въ статутахъ. Мы сказали, что требованіе вступного взноса впослѣдствіи стало также являться средствомъ доказательствъ состоятельности вступающаго потому, что взносы эти, первоначально не особенно обременительные, съ теченіемъ времени все повышались³⁾, т. что въ періодъ упадка цеховой системы разсматривались, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ ея недостатковъ, препятствовавшей попасть въ мастера людямъ не особенно богатымъ, т. е. въ сущности большинству подмастерьевъ. Во Франціи прямого представленія доказательства на-

¹⁾ Girke, loc. cit. стр. 332—374.

²⁾ Однако не только въ Гамбургѣ и Любекѣ, какъ утверждаетъ Neuburg (стр. 42), а и въ нѣк. другихъ городахъ: такъ оно встрѣчалось въ Грейсвальдѣ (см. O. Krause, «Die älteren Zunftrollen der Stadt Greisswald», 1897—98, стр. 7) и въ Люнебургѣ (см. Bodemann, стр. XL—XLII).

³⁾ Girke, стр. 918—919; Krumbholz, стр. 77—85; Bodemann, стр. XLII; Fromm, («Frankfurts Textilgewerbe im Mittelalter» 1895 г.) указываетъ, что въ данномъ ремеслѣ денежный взносъ требовался въ 1377 году, а въ 1430 году онъ былъ уже повышенъ. Въ г. Гильдесгеймѣ въ цехѣ Knochenhauer въ 1703-мъ отъ вступающаго въ мастера стали требовать слѣд. угощенія: каждому мастеру по курицѣ, еwartъ вина, 2 пфенинга и два Fleischgerichte цѣной отъ 6 пф.; по примѣру Knochenhauer увеличили свои требованія и др. цехи (Hartmann стр. 58). Въ Страсбургѣ вступные взносы повышаются постепенно въ 14-мъ вѣкѣ (Dettmering, стр. 66).

личности у вступающаго въ цехъ извѣстнаго имущества обычно не требовалось¹⁾, но тѣмъ не менѣе и здѣсь вступленіе въ цехъ связано было съ довольно значительными расходами: такъ прежде всего уже въ 13-омъ вѣкѣ, чтобы сдѣлаться мастеромъ, во многихъ цехахъ въ Парижѣ нужно было купить это право у короля или у тѣхъ лицъ, которымъ король предоставилъ эту привилегію²⁾, а въ 14-мъ вѣкѣ это требованіе, отъ котораго освобождались лишь дѣти и близкіе родственники мастеровъ, становится общераспространеннымъ явленіемъ³⁾. Кромѣ покупки мастерства, на вступающаго въ цехъ во Франціи также надали и другіе расходы: онъ долженъ былъ сдѣлать взносъ въ цехъ, заплатить изв. сумму должностнымъ лицамъ цеха и свидѣтелямъ при покупкѣ мастерства, причемъ иногда эти взносы отдѣльнымъ лицамъ замѣнялись угощеніемъ патурой⁴⁾. Различныя денежныя взносы съ новаго мастера взимались и въ Бельгій⁵⁾.

Наконецъ, т. к. будущій мастеръ, чтобы содержать у себя въ домѣ учениковъ и подмастерьевъ, долженъ былъ имѣть собственное хозяйство, то многіе цехи принимали въ мастера лишь людей женатыхъ⁶⁾, причемъ часто требовалось, чтобы и репутація его жены была незапятнанной⁷⁾; нѣкоторые цехи шли дальше и принимали лишь тѣхъ, которые женаты были на дочери или вдовѣ мастера даннаго цеха⁸⁾. Въ другихъ странахъ этого требованія мы не встрѣчаемъ.

Таковы тѣ требованія, которымъ долженъ былъ удовлетворять тотъ, кто желалъ получить права цеховаго мастера.

¹⁾ Fagnies, стр. 103.

²⁾ Изъ 100 цеховъ, уставы которыхъ содержатся въ Livre des Metiers Этьенна Буало, требованіе покупки мастерства встрѣчается лишь въ 20 ти.

³⁾ Fagnies, loc. cit. стр. 99.

⁴⁾ Fagnies, стр. 101.

⁵⁾ Des Marez, стр. 74.

⁶⁾ Neuburg, стр. 54.

⁷⁾ Neuburg, стр. 31.

⁸⁾ Напримѣръ портные въ Люнебургѣ въ 1453 г.,—см. Vodemann стр.

Но разъ онъ эти права получилъ, то этимъ самымъ онъ приобрѣталъ и право имѣть учениковъ, никакихъ другихъ качествъ отъ него не требовалось. Исключенія изъ этого послѣдняго правила были немногочисленны. Такъ въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ женитьба не являлась необходимымъ условіемъ для вступленія въ цехъ, тамъ неженатый мастеръ не могъ имѣть ни учениковъ ни подмастерьевъ, если не имѣлъ собственнаго хозяйства¹⁾. Это постановленіе объяснялось тѣмъ, что ученики и подмастерья должны были жить и столоваться у мастера, что было невозможно, если у мастера не было ни жены ни какой-нибудь другой женщины въ домѣ, которая бы, какъ хозяйка, заботилась о всѣхъ, принадлежащихъ къ семьѣ мастера, лицахъ. Возможны, наконецъ, были и такіе случаи, когда мастеръ, за неисполненіе своихъ обязанностей по отношенію къ ученику лишался права принимать другихъ учениковъ или совсѣмъ или въ теченіе изв. срока²⁾, но такіе случаи въ Германіи были, по видимому, чрезвычайно рѣдки³⁾.

Такимъ образомъ, за небольшими и крайне рѣдкими исключениями всѣ условія, необходимыя для полученія права имѣть учениковъ, въ Германіи исчерпывались требованіемъ, чтобы учитель былъ цеховымъ мастеромъ: это считалось достаточной гарантіей, что и нравственное и техническое развитіе ученика находится въ хорошихъ рукахъ. Въ этомъ отношеніи значительное отличіе отъ нѣмецкихъ цеховъ представляли цехи французскіе. Они не довольствовались тѣмъ, что желающій взять ученика былъ цеховымъ мастеромъ, а требовали отъ него также, чтобы онъ былъ честный и нравственный человекъ, имѣлъ достаточно средствъ, чтобы прилично кормить и содержать ребенка, чтобы онъ былъ лицомъ совершеннолѣтнимъ или эмансипированнымъ, имѣлъ собственное хозяйство, достаточное количество нужныхъ для ремесла принадлежностей и вообще, былъ достаточно опытенъ и искусенъ въ ремеслѣ, чтобы надлежащимъ образомъ обучать ученика. Въ наличности всѣхъ этихъ качествъ у мастера

¹⁾ Напримѣръ въ Ульмѣ—см. Nübling, стр. 543.

²⁾ Mummerhof, стр. 60 и сл.

³⁾ Neuburg, стр. 77.

цеховыя должностныя лица должны были удостовѣриться передъ заключеніемъ договора ученичества, и если оказывалось, что мастеръ всѣмъ требуемымъ условіямъ не удовлетворялъ, то вышеуказанныя лица должны были не допускать заключенія договора ¹⁾. Несмотря на то, что всѣ только что указанныя условія въ сущности требовались и германскимъ цеховымъ правомъ при вступленіи въ цехъ, тѣмъ не менѣе разница между нимъ и французскимъ правомъ получалась значительная: въ то время какъ въ Германіи, разъ лицо дѣлалось цеховымъ мастеромъ, оно уже eo ipso считалось имѣющимъ право имѣть учениковъ, во Франціи всѣ эти условія, которыя являлись гарантіей надлежащаго обученія и приличнаго существованія ученика, требовались при каждомъ заключеніи договора ученичества. Благодаря этому, въ то время какъ въ Германіи мастеръ опустившійся и совершенно неспособный обучать чему либо ученика или извѣстный своимъ дурнымъ обращеніемъ съ учениками, эксплуатаціей ихъ, или начавшій вести безнравственный образъ жизни, пока не былъ официально исключенъ изъ цеха, или лишенъ права имѣть учениковъ, что случалось крайне рѣдко, могъ заключить договоръ ученичества и причинить серьезный вредъ дѣтямъ, ввѣреннымъ его попеченію, во Франціи во всѣхъ этихъ случаяхъ „les gardes“ должны были запретить заключенію договора. Такимъ образомъ французское цеховое право, не предъявляя такихъ чрезмѣрныхъ и часто безсмысленныхъ требованій къ вступающему въ цехъ, вродѣ не принадлежности къ изв. профессіямъ или законнаго происхожденія его предковъ, по отношенію къ праву принятія учениковъ было несравненно строже, проявляя болѣшую заботливость объ участи ученика. Нѣкоторая строгость французскихъ цеховъ къ мастерамъ, не исполнявшимъ своихъ обязанностей по отношенію къ ученикамъ, и желаніе защитить послѣднихъ отъ дурного обращенія сказывались также въ томъ, что въ то время какъ въ Германіи статуты крайне рѣдко предусматриваютъ возможность лишенія мастера на изв. срокъ въ наказаніе права принимать учениковъ, во Франціи существо-

¹⁾ Martin Saint-Leon, стр. 88—89; Fagnies, стр. 57.

вало у нѣкоторыхъ цеховъ правило, что если ученикъ убѣжитъ отъ мастера до срока, то послѣдній въ теченіе нѣкотораго времени лишался права принимать новыхъ учениковъ ¹⁾. По мнѣнію Martin Saint-Leon ²⁾ въ основѣ этого постановленія лежала мысль, что мастеръ въ большинствѣ случаевъ прямо или косвенно виноватъ въ бѣгствѣ ученика, и цехи желали заставить мастера относиться къ ученику по человѣчески, угрозой въ случаѣ его бѣгства лишить мастера на извѣстный срокъ возможности пользоваться дешевой рабочей силой учениковъ.

2) Существеннымъ ограниченіемъ для мастеровъ въ пріемѣ учениковъ являлось требованіе статутровъ, чтобы ни одинъ мастеръ не имѣлъ въ одно и то-же время учениковъ болѣе числа, опредѣленнаго статутомъ. Это ограниченіе числа учениковъ мы встрѣчаемъ и въ Германіи ³⁾, и во Франціи ⁴⁾, и въ Бельгій ⁵⁾, и въ Италіи ⁶⁾, и въ Англіи ⁷⁾. Въ Германіи однако ограниченіе статутами числа учениковъ, появляется сравнительно поздно—въ 14-омъ вѣкѣ, а главнымъ образомъ начиная съ 15-го вѣка ⁸⁾. Относительно самаго числа учениковъ статуты были довольно строги, позволяя имѣть лишь одного, рѣдко двухъ учениковъ. Нѣкоторой льготой для ма-

¹⁾ Впрочемъ Шталь (стр. 218) утверждаетъ, что такое постановленіе существовало и у германскихъ цеховъ; Neuburg (стр. 77) это отрицаетъ.

²⁾ Martin Saint-Leon, стр. 97.

³⁾ Schönberg, «Zur wirtschaftliche Bedeutung...» стр. 105, 106; Nübling, стр. 561—562; Bodemann, стр. XLIV; Flemming, стр. 4—11; Warschauer, стр. 442; Westien, «Das Zunftige Handwerk» стр. 234; Neuburg, стр. 135—139.

⁴⁾ См. большинство статутровъ 13-го вѣка въ Livre des metiers; правда Королевскій ордоннансъ Филиппа IV въ 1307 году, подтвержденный въ 1351 году, отменилъ ограниченіе числа учениковъ, но ордоннансы эти, възванные временными обстоятельствами, повидимому, не имѣли практическихъ результатовъ, и ограниченіе числа учениковъ продолжало существовать по прежнему (см. Eberstadt, стр. 175, 245; Martin Saint-Leon, стр. 245; Fagnies, стр. 60).

⁵⁾ Des Marez, стр. 53—54.

⁶⁾ Rodocanachi, стр. XCIII.

⁷⁾ Здѣсь это ограниченіе распространяется, начиная съ 15-го вѣка: см. Brodsky, loc. cit. стр. 19—20.

⁸⁾ Neuburg, стр. 135; Westien, стр. 234.

стеровъ являлось встрѣчавшееся, какъ въ нѣмецкихъ цехахъ, такъ и въ цехахъ другихъ странъ, разрѣшеніе брать новаго ученика сверхъ комплекта, когда первому ученику оставался лишь годъ до окончанія ученичества¹⁾, чтобы такимъ образомъ мастеръ послѣ его выпуска имѣлъ въ лицѣ новаго ученика помощника, уже знакомаго сколько-нибудь съ ремесломъ. Кромѣ того, сверхъ комплекта нерѣдко разрѣшалось принимать въ ученики собственныхъ дѣтей и близкихъ родственниковъ²⁾. Во Франціи изрѣдка позволялось принимать въ ученики сверхъ нормы одного бѣднаго ребенка даромъ³⁾. Наконецъ, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, въ нѣкоторыхъ цехахъ старшинамъ цеховъ, какъ-бы въ вознагражденіе за ихъ службу, разрѣшалось принимать однимъ ученикомъ больше, чѣмъ обыкновеннымъ мастерамъ⁴⁾.

Сами статуты нерѣдко указываютъ, что мотивомъ ограниченія числа учениковъ было намѣреніе обезпечить ученикамъ надлежащее обученіе, воспрепятствовать мастеру набирать учениковъ больше, чѣмъ онъ въ состояніи ихъ обучить, т. е. чтобы ученики оставались дѣйствительно учениками, а не эксплуатировались только, какъ дешевая рабочая сила. Но это объясненіе по отношенію къ нѣмецкимъ цехамъ оказывается безусловно несостоятельнымъ, такъ какъ въ Германіи вышеуказанное ограниченіе всюду касается не только числа учениковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и числа подмастерьевъ, заботиться о правильномъ обученіи которыхъ не было никакой нужды. Очевидно, что цѣль ограниченія была иная, и, какъ полагаетъ большинство нѣмецкихъ писателей⁵⁾, она заключалась въ свойственномъ цеховому строю стремленіи поставить всѣхъ ремесленниковъ въ равныя экономическія условія, обез-

¹⁾ Fagnies, стр. 58; Flemming, стр. 4—11; Nübling, стр. 561—562; Des Marez, стр. 53—54.

²⁾ Fagnies, стр. 57; Neuburg, стр. 138 прим. 6.

³⁾ «Si ne le veut apprendre pour Dieu, sanz argent et sans feur de service» (Depping, стр. 215, 216).

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, у страссбургскихъ плотниковъ, у любекскихъ бондарей (см. Neuburg, стр. 138), у парижскихъ каменщиковъ (см. Levasseur, т. I стр. 304).

⁵⁾ Зомбартъ, loc. cit. т. I стр. 135; Neuburg, loc. cit. стр. 135; Schönberg, loc. cit. стр. 105, 106; Nübling, стр. 533—534.

печить каждому члену цеха приличествующее сословію пропитаніе, но не больше, и не допустить отдѣльнымъ ремесленникамъ расширять свои предпріятія за границы мелкаго производства. Эта основная тенденція цехового строя выражалась въ рядѣ постановленій, имѣвшихъ цѣлью защитить ремесленника отъ конкуренціи его товарищей по ремеслу: такъ, напримѣръ, статуты опредѣляли, какое количество сырого матеріала максимумъ могъ пріобрѣсти отдѣльный мастеръ; предоставляли каждому ремесленнику право принимать участіе въ закупкахъ другого, чтобы случайно кто-нибудь не пріобрѣлъ товаръ дешевле другихъ; устанавливали прямо максимальное количество продуктовъ, какое дозволялось произвести отдѣльному ремесленнику въ теченіе опредѣленнаго срока и т. п. Къ такого рода постановленіямъ относилось безусловно и ограниченіе числа вспомогательнаго персонала.

Болѣе спорными являются мотивы введенія даннаго правила во Франціи, такъ какъ здѣсь ограниченія числа подмастерьевъ не существовало, ихъ разрѣшалось держать сколько угодно, и лишь число учениковъ было ограничено, а потому запрещеніе держать много учениковъ не могло, казалось-бы, препятствовать мастеру при желаніи расширить свое предпріятіе, нанявъ большое количество подмастерьевъ. Поэтому французскіе писатели ищутъ иное объясненіе даннаго ограниченія. Fagnies¹⁾ и Levasseur²⁾ полагаютъ, что во Франціи статуты, ограничивая число учениковъ, стремились поставить извѣстный предѣлъ увеличенію числа мастеровъ, и такимъ образомъ ограничить въ будущемъ конкуренцію. Въ доказательство этого предположенія вышеназванные писатели указываютъ, что если-бы цехи заботились лишь о надлежащемъ обученіи учениковъ, то они не разрѣшали-бы мастерамъ принимать въ ученики дѣтей родственниковъ сверхъ нормы и не позволяли-бы ученику сокращать установленный срокъ обученія за извѣстную сумму денегъ, причемъ согласно постановленіямъ статутовъ, мастеръ, отпустившій такимъ образомъ ученика раньше времени, все-же не могъ взять взамѣнъ его другого ученика, пока не истечетъ до конца полный срокъ обученія перваго.

¹⁾ Fagnies, стр. 58.

²⁾ Levasseur, т. I стр. 305.

Противъ вышеизложенной гипотезы возсталъ Мартинъ Сень-Леонъ въ первомъ изданіи своей „Histoire des corporations des metiers“. Онъ указываетъ, что постановленіе о разрѣшеніи отпускать ученика за извѣстную сумму до срока съ тѣмъ, чтобы впредь до истеченія всего условеннаго срока мастеръ не могъ брать другихъ учениковъ, встрѣчается въ статутахъ очень рѣдко. Кромѣ того, запрещеніе мастеру въ этомъ случаѣ брать немедленно другого ученика объясняется просто неблагоклоннымъ отношеніемъ цеховъ къ такимъ досрочнымъ выкунамъ, желаніемъ помѣшать мастерамъ дѣлать изъ нихъ источникъ наживы, что могло крайне дурно отразиться на подготовкѣ будущихъ ремесленниковъ. Ничего не доказываетъ, по мнѣнію Мартина Сень-Леона, и доводъ Fagnies, что разрѣшеніе принимать собственныхъ дѣтей сверхъ нормы можетъ быть объяснено исключительно тѣмъ, что устоявшаяся ограниченіе числа учениковъ, цехи руководствовались не заботой объ ученикахъ, а страхомъ конкуренціи, который уступалъ только передъ болѣе сильнымъ чувствомъ любви къ своимъ близкимъ. Съ одинаковымъ правомъ, говоритъ Сень-Леонъ, можно сказать, и что забота объ обезпеченіи хорошаго обученія учениковъ здѣсь уступала чувству привязанности по отношенію къ собственнымъ дѣтямъ и близкимъ родственникамъ. Поэтому вышеназванный писатель полагаетъ, что мотивомъ даннаго ограниченія числа учениковъ была дѣйствительно забота о правильномъ обученіи подрастающаго поколѣнія ремесленниковъ ¹⁾.

Однако, по нашему мнѣнію, Neuburg ¹⁾ вполне правильно замѣчаетъ, что если и возможно, что послѣднее соображеніе играло роль при установленіи этого ограниченія, то вполне вѣроятно также, что на ряду съ нимъ имѣлась въ виду та-же самая тенденція уравнивать размѣры производства отдѣльныхъ ремесленниковъ, которая такъ ярко сказывалась въ Германіи. Отсутствіе во Франціи ограниченія числа подмастерьевъ не устраняетъ возможности проявленія въ данномъ случаѣ этой тенденціи, такъ какъ нужно принять во вниманіе, что во Франціи срокъ обученія учениковъ былъ въ

¹⁾ Martin Saint-Leon, loc. cit. стр. 72—75, первое изданіе 1897 года.

²⁾ Neuburg, loc. cit. стр. 136—137.

общемъ значительно дольше, чѣмъ въ Германіи, такъ что ученикъ въ послѣдніе годы по своей работѣ стоялъ на одномъ уровнѣ съ подмастерьемъ. Весьма существеннымъ является также доводъ Neuburg'a, что расширеніе производства путемъ найма значительнаго числа подмастерьевъ было связано съ значительными расходами, такъ какъ имъ нужно было платить за ихъ трудъ, тогда какъ ученики не только ничего не получали, а еще сами платили мастеру за свое обученіе, почему ограниченіе ихъ числа было гораздо болѣе необходимымъ для указанной цѣли, чѣмъ ограниченіе числа подмастерьевъ. Кромѣ того, если-бы цехи устоявливая данное ограниченіе руководствовались исключительно заботой объ интересахъ ученика, то имъ незачѣмъ было-бы ограничивать число учениковъ опредѣленной цифрой, независимо отъ того, сколько подмастерьевъ держитъ мастеръ, такъ какъ при большемъ числѣ послѣднихъ, мастеръ могъ-бы вполне успѣшно обучить и соотвѣтственно большее число учениковъ. Что цехи сами разсматривали это ограниченіе, какъ мѣру, ограничивающую мастера въ расширеніи его производства, видно, намъ кажется, и изъ того, что, какъ мы говорили уже, нерѣдко изъ этого правила дѣлали исключеніе для цеховыхъ должностныхъ лицъ, разрѣшая имъ принимать число учениковъ нѣсколько большее общей нормы: въ этомъ постановленіи ясно сказывается, что цехи смотрѣли на право держать лишняго ученика, какъ на извѣстную матеріальную выгоду, и предоставляли ее должностнымъ лицамъ въ вознагражденіе за ихъ службу цеху.

III. До заключенія договора ученичества и официальнаго принятія мальчика въ число учениковъ онъ долженъ былъ прожить у мастера извѣстный пробный срокъ. Значеніе этого пробнаго срока вполне понятно: договоръ ученичества заключался на продолжительный срокъ и расторгнуть этотъ договоръ дозволялось въ то время лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, почему было вполне естественнымъ, что прежде чѣмъ связать себя договоромъ, обѣимъ сторонамъ необходимо было присмотрѣться другъ къ другу и на практикѣ убѣдиться, слѣдуетъ-ли имъ брать на себя связанныя съ ученичествомъ обязанности или нѣтъ. Въ этотъ пробный періодъ мастеръ присматривался, годенъ-ли ученикъ для изученія ремесла, а ученикъ знакомился съ условіемъ работы и жиз-

ни у мастера. Упомянутое о пробномъ срокъ въ нѣмецкихъ статутахъ встрѣчается начиная съ 14-го вѣка¹⁾; но и то рѣдко, въ большинствѣ же городовъ оно впервые упоминается лишь въ 15-омъ и даже въ 16-омъ вѣкахъ, когда становится довольно распространеннымъ²⁾. Впрочемъ можно предполагать, что, несмотря на молчаніе о немъ статутовъ, обычай соблюдать пробный срокъ существовалъ задолго раньше, чѣмъ цехи сочли необходимымъ ввести въ статуты прямое постановленіе о немъ. Величина пробнаго періода большею частью колебалась отъ 14-ти дней и до 6-ти недѣль³⁾. Любопытно, что парижскіе статуты не только не опредѣляютъ величину пробнаго срока, но нѣкоторые изъ нихъ прямо даже запрещаютъ ученикамъ брать въ руки инструменты и приниматься за ремесленную работу, прежде чѣмъ договоръ не будетъ совершенъ въ окончательной формѣ⁴⁾. Несмотря на это, принципиальнаго разногласія между французскими и нѣмецкими цехами по отношенію къ этому вопросу, какъ намъ кажется, не существовало. Нѣмецкіе цехи также, повидимому, относились отрицательно къ обычаю отбыванія учениками пробнаго срока у мастера,—это видно изъ того, что статуты въ большинствѣ случаевъ не требуютъ его соблюденія, а указываютъ лишь, что онъ не долженъ продолжаться долѣе срока, установленнаго въ статутѣ⁵⁾, такъ что для нихъ вышеуказанный обычай есть также зло, но только въ то время какъ во Франціи нѣкоторые цехи принимали противъ него такую радикальную мѣру, какъ полное запрещеніе, въ Германіи довольствовались тѣмъ, что устанавливали для пробнаго срока извѣстныя границы, въ предѣлахъ которыхъ онъ не могъ

¹⁾ Stahl, loc. cit. стр. 172.

²⁾ Напр. въ Дрезденѣ лишь въ 16-омъ вѣкѣ (см. Flemming, стр. 11—13); въ Штеттинѣ пробный срокъ общимъ правиломъ является въ 15-мъ в., а въ болѣе старыхъ статутахъ о немъ нѣтъ указаній: (См. Blümke, «Die Handwerkerzünfte im Mittelalterlichen Stettin» 1884 стр. 55).

³⁾ Stahl, стр. 174; Blümke, стр. 55; Hermandlung, стр. 46; K. Siegl, «Die Egerer Zunftordnungen» 1909, стр. 11.

⁴⁾ Depping, «Livre des metiers», стр. 60, 68, 71, 127, 172, 212, 219 и 234.

⁵⁾ См., напримѣръ, постановленіе цеха портныхъ во Франкфуртѣ н.м. 1352 и 1377 г. (Stahl, стр. 173).

имѣть тѣхъ нежелательныхъ послѣдствій, которыхъ опасались. Эти отрицательныя стороны пробнаго срока въ случаѣ, когда онъ являлся очень долгимъ, заключались во первыхъ, въ томъ, что мастеръ могъ такимъ образомъ удлинить срокъ ученичества значительно сверхъ нормы, установленной статутомъ, что, конечно, нарушало интересы ученика и вообще давало возможность обходить нормы, точно устанавливающія срокъ обученія. Во вторыхъ-же,—и это, очевидно, и служило главнымъ мотивомъ ограниченія пробнаго срока,—подъ предлогомъ поступленія на пробный срокъ можно было исполнѣ обучиться ремеслу, не вступая официально въ цеховыя ученики, а это не только приносило цеху матеріальный ущербъ, лишая его вступныхъ взносовъ съ ученика, но и представляло ту опасность, что эти лица въ будущемъ будутъ заниматься ремесломъ, не будучи цеховыми, въ качествѣ „Pfuscher'овъ“, съ которыми такъ энергично боролись цехи. На послѣднее соображеніе прямо указываютъ нѣкоторые статуты позднѣйшаго времени¹⁾. Въ видахъ контроля за соблюденіемъ постановленій о пробномъ срокъ статуты требуютъ, чтобы мастеръ немедленно-же увѣдомлялъ цехъ, какъ только приметъ мальчика на испытаніе²⁾.

По отбытіи мальчикомъ пробнаго срока совершался торжественный актъ принятія его въ число учениковъ. Принятіе это совершалось въ общемъ собраніи цеха³⁾ или же передъ старшинами цеха, являвшимися въ качествѣ его представителей⁴⁾. Тамъ, гдѣ цехи находились въ зависимости отъ городскихъ властей, при принятіи присутствовали и представители городского совѣта⁵⁾. Въ большинствѣ цеховъ при

¹⁾ Stahl, стр. 175.

²⁾ Flemming, стр. 11—13.

³⁾ Такъ, напримѣръ, въ Любекѣ (см. Wehrmann, № 19), въ Штеттинѣ (Blümke, стр. 56), въ Дрезденѣ (Flemming, стр. 14), въ Люнебургѣ (Bodemann, стр. LVI), въ Вернигероде (Meister, стр. 24); также и въ Брюсселѣ (см. Des-Marez, стр. 44—45).

⁴⁾ Напримѣръ въ Мюнстерѣ (Krumbholz, стр. 80—81), въ Ульмѣ (Nübling, стр. 559), въ Позенѣ (Warschauer, стр. 29), въ Страсбургѣ (Schmoller, стр. XIX и XXVIII) въ Гильдесгеймѣ (Hartmann, стр. 42).

⁵⁾ Такъ было въ Кёльнѣ, Нюрнбергѣ (см. Stahl, стр. 177) и въ Гамбургѣ (Rüdiger, «Die ältesten Hamburger Zunftrollen» № 4).

принятіи ученика въ собраніи участвовали и подмастерья ¹⁾. Во Франціи для принятія ученика общее собраніе цеха обычно не собиралось, а довольствовались присутствіемъ цеховыхъ должностныхъ лицъ, или нѣсколькихъ членовъ цеха, причемъ принятіе совершалось передъ городскимъ прево ²⁾. Принятіе учениковъ въ общемъ собраніи цеха представляло то неудобство, что собранія эти собирались не часто (разъ въ 3 мѣсяца, а иногда и рѣже), вслѣдствіе чего ученику иногда довольно долго приходилось ждать принятія въ цехъ. При совершеніи вышеуказаннаго акта должны были присутствовать: мастеръ, принимающій ученика, самъ ученикъ и его родители или ихъ замѣстители; во многихъ цехахъ иногда впрочемъ, если отецъ къ цеху не принадлежалъ, то родителямъ запрещалось присутствовать при принятіи ³⁾, и тогда ученикъ долженъ былъ представить двухъ мастеровъ цеха въ качествѣ поручителей, удостовѣрившихъ законное и честное происхождение ученика и ручавшихся за его надлежащее поведеніе и за уплату платы за ученіе и штрафовъ въ случаѣ бѣгства ученика до срока. Представленіе поручителей ученикомъ очень часто требуется и во Франціи ⁴⁾.

Самая процедура принятія ученика состояла въ провѣркѣ наличности у ученика всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя считались необходимыми для принятія: ученикъ предъявлялъ свой актъ о рожденіи, поручители свидѣтельствовали о его честномъ происхожденіи, затѣмъ всѣ присутствующіе опрашивались, не знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ о существованіи какихъ-нибудь препятствій для принятія ученика, и, если никакихъ возраженій или сомнѣній не встрѣчалось, то старшина цеха, изложивъ ученику его обязанности по отношенію къ цеху и мастеру и спросивъ ученика, намѣренъ ли онъ ихъ свято соблюдать, заявлялъ отъ имени всего цеха, что цехъ ученика принимаетъ. Шталь сообщаетъ ⁵⁾, что и относительно мастера, берущаго ученика, также производился допросъ всѣхъ присутствующихъ, не замѣченъ-ли онъ въ чемъ-

¹⁾ Flemming, стр. 14; Stahl, стр. 178.

²⁾ Fagnies, стр. 63; Neuburg, стр. 19.

³⁾ Такъ было напр. въ Дрезденѣ (Flemming, 14).

⁴⁾ Fagnies, стр. 63.

⁵⁾ Stahl, стр. 181.

нибудь позорящемъ или въ жестокостяхъ по отношенію къ ученикамъ, но, т. к. нѣмецкіе статуты въ противоположность французскимъ нигдѣ не сообщаютъ о возможности цеха не допустить мастера взять ученика, если кто-нибудь заявитъ, что онъ дурно обращается съ учениками, то существованіе такого опроса относительно мастера мы считаемъ сомнительнымъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, преимущественно имперскихъ при принятіи ученикъ долженъ былъ дать присягу передъ городскимъ совѣтомъ въ повиновеніи и соблюденіи вѣрности по отношенію къ городу. Въ раннее время и въ Англии требовалась съ ученика клятва, но не передъ городскимъ совѣтомъ, а передъ старшинами цеха въ томъ, что будетъ свято соблюдать цеховой статутъ ¹⁾.

По принятіи ученика имя его заносилось въ цеховые списки ²⁾.

Принятіе ученика сопряжено было для послѣдняго съ извѣстными расходами. Прежде всего онъ долженъ былъ уплатить извѣстную сумму цеху, причемъ иногда вмѣсто денежной суммы онъ долженъ былъ дать извѣстное количество воску для свѣчь, а иногда требовалось и то и другое ³⁾. Требованіе воска объяснялось тѣмъ, что цехъ нуждался въ свѣчахъ для своихъ богослуженій и для похоронъ своихъ членовъ, которыя совершались обычно на счетъ цеха. Кромѣ взноса въ цехъ, согласно древнему и распространенному обычаю, ученикъ долженъ былъ дать извѣстную сумму на угощеніе присутствовавшихъ при приемѣ мастеровъ и подмастерьевъ, причемъ большею частью это угощеніе представлялась натурой, въ видѣ установленнаго количества пива или вина. Иногда, хотя и рѣдко, къ этимъ расходамъ присоединялась еще уплата извѣстной суммы въ пользу города или мѣстнаго князя ⁴⁾. Съ аналогичными расходами связано было принятіе ученика и въ другихъ странахъ ⁵⁾.

¹⁾ Stahl, стр. 183.

²⁾ Des Marez, стр. 44—45; Fagnies, стр. 64; Westien, стр. 193; Hermandlung, стр. 46.

³⁾ Stahl, стр. 187; Krumbholz, стр. 80—81 *); Meister, стр. 24.

⁴⁾ Stahl, стр. 186.

⁵⁾ Fagnies, стр. 64; Des Marez, 47—50.

Въ нѣкоторыхъ цехахъ всѣ вышеназванные, связанные съ принятіемъ въ ученики, расходы падали на ученика не цѣликомъ, а или распредѣлялись между нимъ и мастеромъ, или даже уплачивались полностью послѣднимъ¹⁾, но подобныя льготы для ученика были крайне рѣдки. Вообще-же, хотя расходы по принятію въ ученики и не были столь высоки, какъ расходы по принятію въ мастера, но, тѣмъ не менѣе, и они были бѣднымъ людямъ часто не подъ силу, и цехи иногда разрѣшали отсрочивать ученику уплату вступныхъ взносовъ до окончанія имъ обученія, при надежномъ поручительствѣ²⁾. Льготы давались обычно сыновьямъ мастеровъ: они или платили половину взноса, или вовсе отъ него освобождались³⁾.

Но что-же представлялъ изъ себя съ юридической точки зрѣнія этотъ актъ принятія ученика? Къ сожалѣнію на этотъ вопросъ мы яснаго и точнаго отвѣта въ литературѣ о средне-вѣковомъ цеховомъ строѣ не находимъ, что, впрочемъ, и вполне понятно, т. к. до сихъ поръ этотъ вопросъ интересовалъ главнымъ образомъ историковъ, а не юристовъ. Лишь у Вестіена и Штала мы находимъ нѣсколько словъ по этому поводу. Вестіенъ говоритъ, что въ средніе вѣка заключенія договора ученичества въ современномъ смыслѣ не существовало, т. е. формальный актъ принятія ученика передъ цехомъ и запись ученика въ списокъ цеховыхъ учениковъ замѣняли собой заключеніе договора⁴⁾. Шталь утверждаетъ, что въ Германіи ученикъ принимался не мастеромъ-учителемъ, а цехомъ; безъ согласія цеха ученикъ не могъ быть принятъ; всѣ пункты договора устанавливались цехомъ и не могли быть измѣнены; мастеръ и ученикъ отвѣчали передъ цехомъ за соблюденіе этихъ предписаній⁵⁾. Этотъ фактъ, что ученикъ принимался не мастеромъ, а цехомъ, Шталь считаетъ исключительной особенностью нѣмецкихъ цеховъ, т. е. лишь

¹⁾ Stahl, стр. 185; Neuburg, стр. 45.

²⁾ Blümke, стр. 57; Des Marez, стр. 49.

³⁾ Neuburg, стр. 45; Meister, стр. 29; также и во Франціи (см. Neuburg, стр. 57) и въ Бельгіи (Des Marez, стр. 50).

⁴⁾ J. Westien, стр. 193.

⁵⁾ Stah', стр. 170—171.

въ Германіи ученикъ принадлежалъ цеху, тогда какъ въ другихъ странахъ, какъ напримѣръ во Франціи, хотя принятіе ученика и не было предоставлено всецѣло частному соглашенію мастера съ ученикомъ или его родителями, и представители цеха присутствовали при заключеніи договора, чтобы убѣдиться, соответствуетъ ли договоръ интересамъ ученика, но здѣсь они скорѣе были въ качествѣ представителей цеха, а не цеха, и кромѣ этой заботливости объ ученикѣ никакой другой связи между ученикомъ и цехомъ не было¹⁾. Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, насколько неопредѣленно и туманно была постановка вопроса о значеніи акта принятія у обоихъ вышеназванныхъ писателей, неизбежнымъ слѣдствіемъ чего были и неясные отвѣты, на данный вопросъ. Съ нашей точки зрѣнія для его разрѣшенія необходимо прежде всего выяснить, лежалъ-ли въ основѣ средне-вѣкового цехового ученичества договоръ между мастеромъ съ одной стороны и ученикомъ или его представителями съ другой, и если существованіе договора между ними будетъ констатировано, то тогда придется установить, въ какой формѣ онъ совершался, какое отношеніе имѣлъ актъ принятія ученика къ совершенію этого договора, и какую юридическую роль игралъ цехъ при его заключеніи.

На первый изъ этихъ вопросовъ мы безъ колебанія отвѣчаемъ утвердительно. Какую-бы большую роль ни игралъ цехъ въ ученичествѣ, все-же въ основѣ послѣдняго лежало добровольное соглашеніе между мастеромъ и ученикомъ. Конечно, можно себѣ представить такой порядокъ вещей, при которомъ ученикъ сперва принимался въ цехъ, который потомъ уже самъ отдавалъ его въ обученіе тому или иному мастеру, но въ дѣйствительности на существованіе такого порядка въ средніе вѣка мы нигдѣ не находимъ указаній. Всюду не цехъ выбиралъ мастера ученику, а ученикъ или, вѣрнѣе, его родители; они стоваривались съ мастеромъ, и отъ воли послѣдняго зависѣло принять къ себѣ ученика или нѣтъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда мастеръ умиралъ, и ученику оставалось еще много времени до окончанія обученія, цехъ самъ отдавалъ его для окончанія обученія кому-

¹⁾ Stahl, стр. 176—177.

нибудь изъ мастеровъ, который въ этомъ случаѣ уже не могъ отказаться исполнить возложенную на него цехомъ обязанность¹⁾, но здѣсь цехъ выступалъ въ качествѣ защитника и опекуна ученика, уже состоящаго въ цехѣ, тогда какъ при первоначальномъ вступленіи въ ученики цехъ принималъ въ свою среду лишь тѣхъ, кого кто нибудь изъ мастеровъ добровольно согласился принять въ ученики. Не противорѣчитъ нашему взгляду и то обстоятельство, что условия ученичества опредѣлялись самимъ цехомъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ для соглашенія сторонъ всегда оставалась извѣстная и довольно широкая область: такъ, на примѣръ, стороны могли назначить пробный періодъ короче установленнаго въ статутѣ; опѣ-же, въ большинствѣ случаевъ, опредѣляли размѣръ платы за обученіе; возможны, наконецъ, были и соглашенія о принятіи ученикомъ на себя обязанности исполнять какія-нибудь работы, къ изучаемому ремеслу не имѣющія никакого отношенія, и т. п. Все это, по нашему мнѣнію, служитъ яснымъ доказательствомъ, что договоръ между мастеромъ и ученикомъ всегда долженъ былъ быть заключенъ.

Придя къ такому рѣшенію перваго изъ поставленныхъ нами вопросовъ, намъ нужно далѣе выяснить, что-же въ такомъ случаѣ представлялъ изъ себя актъ принятія ученика, — именно являлся-ли онъ лишь торжественной формой заключенія договора между мастеромъ и ученикомъ, или-же онъ имѣлъ какое-либо иное значеніе. По нашему мнѣнію, какъ это утверждаетъ и Шталь, самая процедура принятія въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ Германіи, ясно указываетъ, что здѣсь дѣло шло вовсе не объ утвержденіи только договора между мастеромъ и ученикомъ, а о принятіи ученика въ члены (хотя и не полноправные) цеха: это видно и изъ заключительныхъ словъ старшины цеха — „я принимаю тебя отъ имени цеха въ ученики“ — и изъ внесенія ученика въ цеховые списки и обѣщанія его соблюдать цеховой статутъ. Но, будучи такимъ образомъ актомъ, имѣющимъ свое особое значеніе, принятіе ученика въ цехъ было неразрывно связано съ заключеніемъ договора ученичества: какъ

¹⁾ Stahl, стр. 220.

безъ заключенія договора съ мастеромъ принятіе въ цехъ мальчика было невозможно, точно также и договоръ ученичества не могъ считаться состоявшимся безъ принятія ученика въ цехъ. Въ виду такой тѣсной связи этихъ двухъ актовъ было вполне естественно, что они сливались вмѣстѣ, и актъ принятія ученика игралъ роль не только принятія ученика въ цехъ, но былъ и формой засвидѣтельствованія договора между мастеромъ и ученикомъ: это видно хотя бы изъ того, что тутъ-же удостоверялись и различные пункты частнаго соглашенія сторонъ, на примѣръ, поручители ругались за уплату ученикомъ платы за ученіе, изъ чего можно заключить, что и самый размѣръ платы также докладывался собранію. Но изъ того обстоятельства, что два различные по своей природѣ акта, въ силу своей взаимной связи, ради удобства соединялись вмѣстѣ, никоимъ образомъ нельзя заключить, что принятіе ученика въ цехъ исключало существованіе договора ученичества, какъ это дѣлаетъ, какъ мы выше видѣли, Вестіенъ. Что бы убѣдиться въ существованіи договора между мастеромъ и ученикомъ, нужно обратить вниманіе на тѣ случаи, когда въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ заключеніе договора обособлялось отъ акта принятія въ цехъ. Подобные случаи особенно часто имѣли мѣсто во Франціи, гдѣ, кромѣ обсужденія условий договора передъ должностными лицами цеха и внесенія ученика въ цеховые списки, перѣдко составлялся и письменный договоръ ученичества, который за печатью нотариуса du Chatelet отдавался на храненіе въ цеховой архивъ¹⁾. Точно также и въ Германіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общаго собранія цеха не созывалось, а вступленіе въ ученики совершалось на основаніи одного частнаго соглашенія между мастеромъ и ученикомъ, о чемъ лишь сообщалось цеху для внесенія ученика въ цеховые списки, въ чемъ и выражалось принятіе ученика въ цехъ²⁾. Иногда, какъ и во Франціи, кромѣ

¹⁾ Levasseur, т. I стр. 306—307; Fagnies, стр. 63.

²⁾ Krumbholz, «Die Gewerbe d. St. Münster», 1898 г. стр. 80—81 введенія.

принятія ученика въ общемъ собраніи, заключался между сторонами и письменный договоръ¹⁾. Наконецъ, особенно рельефно выражалось раздѣленіе момента заключенія договора отъ принятія въ цехъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ученикъ уходилъ отъ прежняго мастера и поступалъ къ другому, что хотя и обставлено было серьезными затрудненіями, но однако все же иногда было возможно: въ этихъ случаяхъ между ученикомъ и новымъ мастеромъ заключался договоръ ученичества, но актъ принятія въ цехъ болѣе уже не повторялся, что ясно указываетъ, что отношенія между мастеромъ и ученикомъ основаны были на договорѣ, а не на актѣ принятія въ цехъ.

Что касается до самаго способа заключенія договора ученичества, то вслѣдствіе обычнаго соединенія его съ актомъ принятія въ цехъ, свѣдѣній опредѣленныхъ о немъ не имѣется. Несомнѣнно только, что обязательной письменной формы въ то время въ Германіи не существовало, и что самое соглашеніе съ мастеромъ въ виду несовершеннолѣтія ученика заключалось не имъ самимъ, а его родителями. Однако, повидимому, необходимымъ условіемъ для заключенія договора являлось и согласіе самого ученика, хотя-бы формальное: это видно изъ того, что передъ цехомъ самъ ученикъ давалъ торжественное обѣщаніе цеху соблюдать надлежащимъ образомъ всѣ свои обязанности по отношенію какъ къ цеху, такъ и къ мастеру. Только въ римскихъ статутахъ мы находимъ прямые указанія на то, что родители могли отдавать своихъ дѣтей въ обученіе помимо ихъ согласія²⁾.

Договоръ ученичества всегда заключался на извѣстный срокъ, который опредѣлялся въ статутахъ. Точное опредѣленіе ими срока ученичества являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ признанія ученичества обязательнымъ стажемъ для полученія степени мастера, т. е. безъ опредѣленія срока и самая *Lehrzwang* сводилась бы къ нулю. Поэтому, это

¹⁾ Flemming, стр. 21.

²⁾ Rodocanachi, стр. LVI—LVII.

опредѣленіе срока существуетъ всюду, гдѣ ученичество имѣло обязательный характеръ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ статуты не даютъ по этому вопросу опредѣленныхъ указаній, нужно предполагать, что опредѣленіе срока ученичества все-же существовало, но только срокъ этотъ опредѣлялся обычаемъ. Только въ тѣхъ цехахъ опредѣленіе срока могло быть всецѣло предоставлено соглашенію сторонъ, гдѣ это прямо указывалось въ статутѣ, какъ это имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ парижскихъ цехахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое ученичество въ этихъ цехахъ теряло въ сущности свое обязательное значеніе.

Относительно длины срока ученичества мы прежде всего должны констатировать, что она была значительно больше во Франціи и въ Англіи, чѣмъ въ Германіи: во Франціи наиболѣе длинный срокъ, устанавливаемый статутами, былъ 12 лѣтъ, наиболѣе краткій 2 года, а наиболѣе распространенный 6 лѣтъ¹⁾; въ Англіи обычной общей нормой ученичества было 7 лѣтъ²⁾, между тѣмъ какъ въ Германіи срокъ этотъ колебался отъ одного до восьми лѣтъ, причемъ наиболѣе распространеннымъ былъ срокъ въ 3—4 года³⁾. Но такая значительная разница въ срокахъ обученія между Германіей и другими странами сглаживалась тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шталь⁴⁾, что въ то время какъ въ Германіи по отбытіи ученичества нужно было отбыть еще въ теченіе опредѣленныхъ лѣтъ стажъ подмастерства, во Франціи въ 13-мъ в. и Англіи послѣднее не было обязательнымъ, такъ что въ сущности до полученія возможности стать мастеромъ всюду надо было проработать приблизительно одинаковое количество лѣтъ.

Дальнѣйшее различіе между французскими и нѣмецкими цехами состояло въ томъ, что у первыхъ этотъ установленный въ статутахъ срокъ ученичества являлся лишь опре-

¹⁾ Martin Saint Leon, стр. 91; Stahl, стр. 194—195.

²⁾ Stahl, стр. 195; Brentano, стр. 51; I. Кулишеръ, т. I, стр. 408.

³⁾ Stahl, стр. 196—197; Gehring, стр. 62; Stockbauer, стр. 19; Warschauer, стр. 32—33; Blümke, стр. 57; Neuburg, стр. 79.

⁴⁾ Stahl, стр. 196.

дѣленіемъ минимума, такъ что договоръ, по соглашенію сторонъ, могъ быть заключенъ и на болѣе долгій срокъ ¹⁾, тогда какъ въ Германіи въ большинствѣ случаевъ этотъ срокъ имѣлъ обязательное значеніе ²⁾ и не могъ быть ни сокращенъ ни продолженъ, за исключеніемъ предусмотрѣнныхъ въ статутахъ случаевъ. Послѣдняя система являлась, несомнѣнно, болѣе соотвѣтствующей интересамъ учениковъ, т. е. препятствовала мастерамъ добиваться елико возможно болѣе долгаго срока обученія, чтобы возможно дольше пользоваться дешевымъ трудомъ учениковъ, которые въ послѣдніе годы обученія работали не хуже, чѣмъ подмастерья.

Какъ мы уже сказали, срокъ ученичества въ разныхъ цехахъ былъ не одинаковъ. Относительно французскихъ цеховъ писатели сходятся въ томъ, что длина срока обученія здѣсь устанавливалась вовсе не соотвѣтственно трудности изученія даннаго ремесла ³⁾. Такъ, напримѣръ, если было понятно, почему золотыхъ дѣлъ мастера, чье ремесло было однимъ изъ наиболѣе трудныхъ, требовали 10 лѣтъ обученія, то съ другой стороны этотъ-же 10 лѣтній срокъ мы встрѣчаемъ и у такихъ сравнительно простыхъ по техникѣ ремеслъ, какъ *tréfileurs d'archal* (волочильщики), а три корпорации ремесленниковъ, дѣлавшихъ четки (*patenotriers*), по существу ничѣмъ одна отъ другой не отличавшихся, устанавливали сроки ученичества различныя—6 лѣтъ, 10 лѣтъ и 12 лѣтъ ⁴⁾. Но относительно нѣмецкихъ цеховъ Шталь ⁵⁾ полагаетъ, что здѣсь срокъ ученичества дѣйствительно сообразовался съ трудностью ремесла, и приводитъ въ доказательство, что самый длинный срокъ былъ у золотыхъ дѣлъ мастеровъ (8 л.), затѣмъ 6 лѣтъ требовалось у *sargwarter* въ Кюльнѣ, 5 лѣтъ у кожевенниковъ въ Мюнхенѣ—въ ремеслахъ, имѣвшихъ въ этихъ городахъ наиболѣе важное значе-

¹⁾ Stahl, стр. 194; Martin Saint Leon, стр. 91; Fagnies, стр. 59.

²⁾ Stahl, стр. 194; значеніе минимума имѣлъ срокъ въ первомъ цехѣ въ г. Ульмѣ, упоминающемъ объ ученичествѣ въ 1394-омъ г. (Nübling стр. 546—559).

³⁾ Stahl, стр. 194; Levasseur, стр. 303, 304 т. I; Fagnies, стр. 59.

⁴⁾ Levasseur, т. I стр. 306.

⁵⁾ Stahl, стр. 198—199.

ніе для торговли, почему и нужно было обезпечить вліяніямъ наиболѣе искусное исполненіе работы. Такого-же мнѣнія о зависимости срока обученія отъ трудности ремесла держится и Блюмке ¹⁾. Намъ кажется, однако, что и относительно нѣмецкихъ цеховъ этотъ взглядъ является сомнительнымъ и, по меньшей мѣрѣ, недоказаннымъ. Это видно изъ того, что хотя трудность изученія какого либо даннаго ремесла должна бы оставаться всюду одинаковой, и ремесла наиболѣе легкія должны бы всюду требовать наименьшій срокъ обученія, въ дѣйствительности же въ различныхъ городахъ этотъ наикратчайшій срокъ мы встрѣчаемъ у различныхъ ремеслъ. Такъ напримѣръ въ Штеттинѣ минимальный срокъ обученія (1 годъ) требуется у ткачей полотна и булочниковъ, а максимальный у маляровъ (6 л.) ²⁾, между тѣмъ у ткачей сукна въ Вернигероде срокъ (3 года) долѣе, чѣмъ у сапожниковъ, кожевенниковъ и портныхъ (2 года) ³⁾. Точно также въ Мюнстерѣ кратчайшій срокъ ученичества былъ у кожевенниковъ (1½ года), а наиболѣе длинный не только у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, но и у каменотесовъ и у торговцевъ ⁴⁾. Найти въ такомъ разнообразіи сколько нибудь серьезныя указанія на связь срока обученія съ трудностью самаго ремесла намъ кажется врядъ-ли возможнымъ.

Но за то, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, длина срока находилась въ зависимости отъ другого фактора—платы мастеру за обученіе. Зависимость эта выражалась въ томъ, что въ случаѣ если ученикъ былъ не въ состояніи платить мастеру за ученіе, то установленный въ статутѣ срокъ для него удлинялся на годъ, на два или даже больше, и такимъ образомъ ученикъ въ этотъ такъ сказать сверхсрочный періодъ отрабатывалъ мастеру стоимость своего обученія ⁵⁾. Иногда на размѣръ срока обученія вліялъ и возрастъ

¹⁾ Blümke, стр. 57.

²⁾ Blümke, стр. 57.

³⁾ Meister, стр. 48—49.

⁴⁾ Krumbholz, стр. 81*).

⁵⁾ Stahl, стр. 197; Bodemann, стр. LVII; Eberstadt, «Das französische Gewerberecht», 1899 г., стр. 26—27; Krumbholz, стр. 81*); Nübling, стр. 546

ученика: такъ напр. у ткачей (Wollamt) въ Дортмундѣ въ 1472-омъ г. для семнадцатилѣтняго юноши срокъ обученія былъ 2 года, а для тѣхъ, кто поступилъ въ ученики моложе 17-ти лѣтъ, обученіе было уже 3 года. Но подобное вліяніе возраста ученика на срокъ ученичества встрѣчается рѣдко и не раньше 2-ой половины 15-го вѣка ¹⁾).

Но состоятельные ученики находились въ привилегированномъ, по сравненію съ бѣдными, положеніи не только потому, что они, будучи въ состояніи уплатить плату за ученіе, пользовались нѣсколько болѣе короткимъ срокомъ обученія, — имъ часто предоставлялась возможность еще болѣе сократить срокъ обученія, уплативъ за это мастеру, а иногда цеху, опредѣленную сумму денегъ. Такая возможность предоставлялась ученикамъ во Франціи ²⁾, а также и въ Германіи въ статутахъ позднѣйшаго времени ³⁾. Затѣмъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, сыновья мастеровъ пользовались и тутъ льготой: для нихъ срокъ обученія былъ значительно короче (иногда вдвое), а въ нѣкоторыхъ цехахъ отбытіе стажу ученичества для нихъ являлось даже вовсе необязательнымъ. Такъ напр. въ Амьенѣ у бочаровъ въ 1375-омъ г. сынъ мастера по достиженіи 24-ехъ лѣтъ могъ прямо стать цеховымъ мастеромъ ⁴⁾; также нерѣдо освобождались они отъ ученичества въ Англии ⁵⁾, въ Бельгіи ⁶⁾ и въ Германіи, хотя въ нѣмецкихъ статутахъ, повидимому, подобная льгота встрѣчается не раньше 16-го вѣка ⁷⁾.

Таковы были постановленія цеховыхъ статутовъ относительно срока ученичества. Спрашивается теперь, какая же причина побудила цехи устанавливать такъ точно и принудительно этотъ срокъ? Какъ и въ большинствѣ другихъ вопросовъ, здѣсь сталкиваются два мнѣнія. Одно объясняетъ

¹⁾ Stahl, стр. 193.

²⁾ Levasseur, т. I стр. 303, 307; Eberstadt, стр. 26—27.

³⁾ Blümke, стр. 57—58.

⁴⁾ Neuburg, стр. 55—56.

⁵⁾ I. Кулишеръ, стр. 363 т. I.

⁶⁾ Des-Marez, стр. 52—53.

⁷⁾ Blümke, стр. 92.

установленіе опредѣленнаго обязательнаго срока ученичества своекорыстными побужденіями мастеровъ, желавшихъ съ одной стороны обезпечить себѣ пользованіе въ теченіе извѣстнаго времени даровымъ трудомъ уже обученныхъ учениковъ, а съ другой стороны путемъ удлинненія срока задерживать увеличеніе числа мастеровъ съ цѣлью уменьшенія конкуренціи. Другое мнѣніе, представляя себѣ цеховую организацію въ эпоху ея расцвѣта въ болѣе идеалистическомъ видѣ, утверждаетъ, что мотивомъ установленія опредѣленнаго срока ученичества было желаніе допускать въ цехи людей, лишь основательно изучившихъ ремесло, и гарантировать своимъ клиентамъ, вслѣдствіе *Zunftzwang* какъ-бы прикрѣпленныхъ къ цеховымъ ремесленникамъ, надлежащее исполненіе работы. Относительно французскихъ цеховъ первое мнѣніе поддерживаютъ Фанье ¹⁾, Левассеръ ²⁾. Въ доказательство своего взгляда они указываютъ на то, что длина срока, какъ мы уже видѣли, совершенно не соответствовала трудности изученія того или другого ремесла, что цехи опредѣляли лишь минимумъ срока обученія, но не препятствовали заключать договоръ на болѣе долгій срокъ, и что, наконецъ, многіе цехи позволяли ученикамъ откупаться отъ нѣсколькихъ лѣтъ обученія, запрещая въ то-же время мастеру до истеченія полнаго срока брать вмѣсто него другого ученика, и такимъ образомъ не интересовались тѣмъ, что допускали въ мастера лицъ, не окончательно подготовленныхъ, лишь бы только число мастеровъ въ общемъ не увеличилось. Шталь, придерживаясь относительно французскихъ цеховъ такого-же взгляда, какъ и Фанье и Левассеръ, полагаетъ, однако, что въ Германіи причиной установленія опредѣленнаго срока ученичества было дѣйствительно желаніе обезпечить хорошую подготовку учениковъ и тѣмъ гарантировать и потребителямъ хорошую работу и поддержать репутацію цеха; такое отличіе нѣмецкихъ цеховъ отъ французскихъ онъ доказываетъ тѣмъ, что у первыхъ срокъ имѣлъ обязательное значеніе, не могъ быть удлинненъ соглашеніемъ сторонъ и устанавливался со-

¹⁾ Fagnies, стр. 59.

²⁾ Levasseur, т. I, стр. 304—305.

ответственно трудности каждого ремесла ¹⁾). Наконец, Мартинь Сепь-Леонь утверждает, что и во Франціи мотивомъ установленія срока были не своекорыстные интересы мастеровъ, а забота о томъ, чтобы ученики выпускались дѣйствительно хорошо подготовленными. По его мнѣнію тотъ фактъ, что срокъ, установленный въ статутахъ, имѣлъ значеніе минимума, еще не доказываетъ, будто мастерамъ предоставлена была полная свобода выговаривать какіе угодно долги сроки обученія, т. к. во Франціи заключеніе договора ученичества находилось подъ контролемъ должностныхъ лицъ цеха, которыя обязаны были наблюдать за тѣмъ, чтобы интересы ученика не страдали, а потому эти лица, несомнѣнно, отказались-бы утвердить договоръ, гдѣ срокъ обученія былъ несоразмѣрно великъ. Причину же того, что французскіе статуты опредѣляли именно минимумъ срока, данный писатель видитъ въ превышеніи въ XIII-омъ вѣкѣ во Франціи спроса на учениковъ надъ предложеніемъ труда, почему статуты и стремились, главнымъ образомъ, урегулировать конкуренцію между мастерами и воспрепятствовать имъ перебѣгать другъ у друга учениковъ, соблазняя послѣднихъ краткостью срока обученія, что могло вредно отразиться на ихъ обученіи, тогда какъ устанавливать максимумъ ученичества въ то время не было нужды т. к., въ виду большого спроса на учениковъ, послѣднимъ не представлялась опасность поступать въ обученіе на невыгодныхъ условіяхъ. Что же касается до того, что въ нѣкоторыхъ ремеслахъ срокъ ученичества былъ длиннѣе, чѣмъ въ другихъ, болѣе или столь же трудныхъ для изученія, то, по мнѣнію Сепь-Леона, это обстоятельство можетъ быть дѣйствительно объяснено чрезмѣрнымъ увеличеніемъ въ нѣкоторыхъ ремеслахъ числа мастеровъ, что вредно отражалось на благосостояніи ремесленниковъ, вслѣдствіе чего эти цехи и пытались ограничить увеличеніе числа мастеровъ въ будущемъ путемъ удлинненія срока обученія.

Обращаясь къ одѣжкѣ приведенныхъ мнѣній, мы лично прежде всего не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Шталя, будто установленіе точнаго срока обученія въ Германіи могло быть вызвано иными мотивами, чѣмъ во Франціи. Опредѣленіе

¹⁾ Stahl, стр. 198—199.

срока ученичества, будучи необходимымъ слѣдствіемъ обязательности ученичества, являлось одной изъ существенныхъ чертъ цеховой системы, вытекало изъ природы ея, и какъ сама цеховая система всюду возникла подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же причинъ, такъ и всѣ основныя общія свойства ея не могутъ быть объяснены дѣйствіемъ мотивовъ, свойственныхъ исключительно той или другой странѣ. Тѣ доводы, которые приводитъ Шталя въ доказательство существованія этого различія между французскими и германскими цехами, намъ кажутся не убѣдительными: одинъ изъ нихъ — именно зависимость длины срока ученичества въ Германіи отъ трудности ремесла, — какъ мы уже говорили выше, является не доказаннымъ; что же касается до другого довода, то, если даже признать, что дѣйствительно во Франціи установленный въ статутахъ срокъ имѣлъ значеніе лишь минимума ученичества, а въ Германіи и минимума и максимума вмѣстѣ, все-же изъ этого никоимъ образомъ нельзя заключить, будто нѣмецкіе цехи, устанавливая норму срока, руководствовались исключительно интересами ученика, а французскіе — интересами мастера. Въ послѣднемъ насъ убѣждаетъ прежде всего то, что съ какой бы точки зрѣнія мы ни объясняли установленіе срока обученія — съ точки-ли зрѣнія обезпеченія хорошаго обученія, или съ точки зрѣнія интересовъ мастера, — всюду центръ тяжести этого опредѣленія лежитъ именно въ установленіи минимума ученичества, а не максимума — послѣднее является моментомъ второстепеннымъ, дополнительнымъ. Во вторыхъ, хотя, какъ мы уже сказали, установленіе максимума срока въ Германіи и имѣло для учениковъ полезное значеніе, однако все-же можно сомнѣваться, что устанавливая его, нѣмецкіе цехи въ противоположность французскимъ руководствовались мыслью оградить интересы учениковъ отъ чрезмѣрно долгаго обученія: что эта мысль была имъ чужда, видно, какъ изъ того, что въ Германіи, благодаря долгому обязательному подмастерству, достиженіе степени мастера было не болѣе легкимъ, чѣмъ во Франціи, такъ и изъ того, что уже очень скоро статуты начинаютъ повышать срокъ ученичества, причемъ возможно, что это повышеніе началось и раньше путемъ записи постановленій въ цеховыя книги, а самое же стремленіе къ повышенію срока несомнѣнно начало сказываться за долго раньше, чѣмъ оно получило свое осущест-

вление въ томъ или иномъ постановленіи. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія, вышеуказанное свойство срока ученичества въ Германіи вытекало не изъ стремленія оградить интересы учениковъ, а, вѣрнѣе, изъ свойственной цехомъ тенденціи уравнивать положеніе отдѣльныхъ мастеровъ, поставить ихъ въ одинаковыя экономическія условія и устранить возможность кому-либо изъ нихъ встать въ болѣе благопріятное и выгодное положеніе, чѣмъ другіе его товарищи по ремеслу. Выше мы говорили, что это стремленіе выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ,—то въ формѣ ограниченія числа учениковъ и подмастерьевъ, то въ установленіи одинаковыхъ условій покупки сырья, то въ непосредственномъ ограниченіи размѣровъ производства и т. п.; къ такого рода постановленіямъ могло относиться и запрещеніе заключать договоры ученичества на срокъ болѣе длинный, чѣмъ установленный въ статутѣ, т. к. если-бы какому либо мастеру удавалось заключить такой договоръ, то, несомнѣнно, онъ, имѣя возможность пользоваться безплатнымъ трудомъ уже обученаго ученика дороже другихъ, извлекалъ бы вслѣдствіе этого болшую выгоду, чѣмъ тѣ мастера, у которыхъ договоры ученичества заключены были на болѣе короткіе сроки. Это объясненіе вполне согласуется и съ тѣмъ, что во Франціи такого постановленія не было, т. к. хотя тенденція цеховъ уравнивать экономическое положеніе мастеровъ существовала и тамъ, но она проявлялась въ иныхъ формахъ и въ нѣсколько иной степени, чѣмъ въ Германіи: такъ, на примѣръ, во Франціи, какъ мы уже видѣли, число подмастерьевъ ограничено не было, точно также во французскихъ статутахъ не было и постановленій ограничивающихъ извѣстными предѣлами количества сырого матеріала, которое могъ купить сразу одинъ мастеръ, или устанавливающихъ максимумъ того количества издѣлій, которое каждый мастеръ могъ изготовить въ теченіе извѣстнаго промежутка времени ¹⁾.

Обращаясь теперь къ причинамъ, вызвавшимъ установленіе минимума ученичества, мы лично, какъ уже раньше говорили, полагаемъ, что данное постановленіе есть не что иное, какъ прямое слѣдствіе признанія прохожденія стадіи

¹⁾ Neuburg, стр. 153.

ученичества обязательнымъ для каждаго мастера, т. к. безъ установленія срока эта обязательность ученичества оставалась бы пустымъ звукомъ, вслѣдствіе чего и введеніе самой „Lehrzwang“ въ сущности и состояло въ установленіи опредѣленнаго срока ученичества. И точно также какъ и введеніе „Lehrzwang“, установленіе срока ученичества, по нашему мнѣнію, произошло не съ цѣлью затруднить доступъ въ мастера (это уже потому трудно допустить, что во многихъ цехахъ срокъ этотъ былъ весьма незначителенъ, на примѣръ одинъ годъ), и не съ цѣлью обезпечить хорошее обученіе учениковъ, а просто статуты принимали для введенія болшого единообразія и устраненія споровъ тотъ срокъ, который уже до этого въ каждомъ ремеслѣ обычно практиковался. Этимъ, именно, и объясняется то обстоятельство, что сроки эти были столь разнообразны для различныхъ ремеселъ, не представляющихъ особыхъ различій по своей трудности для изученія. Что-же касается до причинъ, обусловившихъ то, что въ разныхъ цехахъ и разныхъ мѣстностяхъ на практикѣ примѣнялись именно такіе сроки ученичества, то точно выяснить ихъ нѣтъ никакой возможности, т. к. здѣсь могли играть соображенія не только о томъ, что такой именно срокъ нуженъ для того, чтобы успѣть обучить ученика надлежащимъ образомъ, но и другіе самые разнообразные мотивы мѣстнаго характера.

IV. Первой и самой важной обязанностью мастера по отношенію къ ученику была, конечно, обязанность обучать его ремеслу надлежащимъ образомъ. Исполненіе этой обязанности мастеръ могъ поручать подъ своей отвѣтственностью и наиболѣе опытному изъ своихъ подмастерьевъ. Обязанность мастера состояла въ томъ, чтобы научить ученика всему тому, что долженъ былъ знать хорошій ремесленникъ, такъ что въ данномъ случаѣ, повидимому, договоръ былъ направленъ на результатъ труда, а не на трудъ, какъ таковой. Это ясно было выражено въ Бельгіи ордонансомъ 1475-го года, который требовалъ, чтобы ученикъ по окончаніи обученія подвергался испытанію, и если обнаруживалось, что познанія ученика недостаточны, то мастеръ долженъ былъ взять его обратно и доучить, причемъ за это время мастеръ обязанъ былъ не только содержать ученика на свой счетъ, но и платить ему

опредѣленное жалованье ¹⁾. Такого рода испытанія учениковъ, служившія средствомъ провѣрить, какъ мастеръ исполнилъ свою обязанность, существовали еще въ 13-омъ вѣкѣ въ нѣкоторыхъ цехахъ и во Франціи ²⁾. Шталь утверждаетъ, что въ Германіи также, если обнаруживалось по окончаніи ученичества, что ученикъ по винѣ мастера ремеслу не научился, то онъ отдавался цехомъ доучиваться другому мастеру, а прежній учитель долженъ былъ уплатить всѣ издержки, связанные съ продленіемъ для ученика обученія, и сверхъ того еще заплатить штрафъ въ пользу цеха ³⁾. Однако, если принять во вниманіе, что въ Германіи испытанія учениковъ стали вводиться главнымъ образомъ только въ 16-омъ вѣкѣ, а самимъ ученикамъ жаловаться на мастеровъ не было никакого смысла, такъ какъ результатомъ признанія ихъ жалобъ основательными для нихъ было бы только продленіе тяжелой работы ученичества, вслѣдствіе чего они, естественно, предпочитали какъ-нибудь доучиваться, ставъ уже подмастерьями, то надо думать, что въ то время мастера за плохое обученіе привлекались къ отвѣтственности лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Мастеръ по отношенію къ ученику былъ не только учителемъ ремесла, но и воспитателемъ въ общемъ смыслѣ этого слова. Онъ долженъ былъ воспитывать ученика, какъ собственного сына, стремиться сдѣлать изъ него работающаго, честнаго, нравственнаго и набожнаго человека. Нѣкоторые цехи не ограничивались такимъ общимъ указаніемъ, а предписывали мастеру слѣдить, чтобы ученикъ посѣщалъ церковь въ праздники и уроки катехизиса ⁴⁾, чтобы ученикъ не смѣлъ безъ вѣдома и разрѣшенія мастера отлучаться изъ дому, а тѣмъ болѣе изъ города, чтобы онъ возвращался домой во время и т. п. ⁵⁾. Эта обязанность воспитанія являлась слѣдствіемъ того, что ученикъ съ момента поступленія

¹⁾ Des-Marez, стр. 56.

²⁾ Fagnies, стр. 94; Martin Saint-Leon, стр. 259.

³⁾ Stahl, стр. 211.

⁴⁾ Berlepsch, «Chronik d. Baecckergewerbe» стр. 18; Krumbholz, стр.

82 *).

⁵⁾ Stahl, стр. 208—209.

въ обученіе вступалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ семью мастера и жилъ у него на полномъ его содержаніи. Нѣмецкіе цехи считали это требованіе необходимымъ условіемъ ученичества даже въ томъ случаѣ, когда родители ученика жили въ томъ-же самомъ городѣ, или даже когда ученикъ самъ былъ женатымъ, если, конечно, женатые ученики въ данный цехъ принимались ¹⁾. Французскіе цехи смотрѣли на вышеуказанное требованіе менѣе строго и не только разрѣшали женатымъ ученикамъ жить не у мастера, но и вообще представляли сторонамъ по соглашенію измѣнять данный порядокъ вещей и выговорить ученику право жить не у мастера ²⁾. Если ученикъ жилъ у мастера, то послѣдній обязанъ былъ отвести ему надлежащее помѣщеніе для сна и кормить его, какъ слѣдуетъ, чтобы ученикъ не страдалъ ни отъ недостатка, ни отъ дурного качества пищи. Во Франціи въ обязанность содержанія ученика входила и обязанность мастера обувать и одѣвать его надлежащимъ образомъ въ продолженіи всего срока ученичества ³⁾; въ нѣмецкихъ цехахъ обычно обувь и одежда падали на счетъ самого ученика, хотя бывали и исключенія: такъ, напримѣръ, въ цехѣ плотниковъ въ Страсбургѣ въ 1478-омъ году статутъ детально опредѣлялъ, сколько какой одежды и обуви мастеръ долженъ дать ученику во время ученичества ⁴⁾. Но въ случаѣ болѣзни ученика расходы на его леченіе и уходъ за нимъ должны были нести родители ученика, а не мастеръ: такъ было во Франціи ⁵⁾, нѣмецкіе же статуты указаній по этому вопросу не даютъ.

Иногда къ перечисленнымъ выше обязанностямъ мастера присоединялась еще обязанность платить ученику небольшое вознагражденіе за его работу, но взгляды цеховъ на этотъ вопросъ представляли значительное разнообразіе: въ нѣкоторыхъ цехахъ, какъ напримѣръ у страсбургскихъ плотниковъ въ 1478-омъ году, статуты считали уплату такого вознагражденія обязательной съ самаго поступленія ученика и даже

¹⁾ Stahl, стр. 206.

²⁾ Fagnies, стр. 64.

³⁾ Fagnies, стр. 64.

⁴⁾ Stahl, стр. 208.

⁵⁾ Fagnies, стр. 65.

устанавливали точно размер этой платы¹⁾, в других цехах, как например в г. Позен²⁾, ученик получал вознаграждение лишь в конце ученичества, причем размер платы определялся мастером, и только в случае крайней недостаточности ее ученик мог требовать, чтобы цех сам установил ее размер²⁾, но в большинстве же случаев цехи не дают по этому поводу никаких постановлений, предоставляя установление платы всецело соглашению сторон, хотя были и такие цехи, которые категорически запрещали мастеру платить ученику вознаграждение³⁾.

Что же касается до обязанностей ученика по отношению к мастеру, то здесь нужно прежде всего указать на обязанность его быть послушным, честным и почтительным не только к мастеру, но и его домашним, вести себя хорошо и беспрекословно исполнять все приказания мастера. Эти приказания, конечно, главным образом имели в виду работу ученика на мастера, т. к. существенной чертой договора промыслового ученичества являлось именно обучение ремеслу посредством занятия этим ремеслом на практике под руководством учителя. Поэтому ученик в сущности был вместе с тем и рабочим, предоставлявшим свой труд в полное и исключительное распоряжение мастера⁴⁾. Права мастера на труд своего ученика были очень широки: они не ограничивались, повидимому, чисто ремесленными работами, а позволяли мастеру эксплуатировать труд ученика, как ему было угодно. По крайней мере и в Бельгии⁵⁾, и во Франции⁶⁾, и в Германии⁷⁾ обычно мастера возлагали на ученика исполнение различных посторонних работ, главным образом работ по дому—нянчить детей мастера,

¹⁾ Stahl, стр. 208.

²⁾ Warschauer, стр. 30—33.

³⁾ Levasseur, т. I стр. 304; Fagnies, стр. 69—71; Des-Marez, стр. 255; Hartmann, стр. 43.

⁴⁾ Работать на себя ученику запрещалось (см. напр. Hartmann, стр. 45; Krumbholz, стр. 82 *).

⁵⁾ Des-Marez, стр. 56.

⁶⁾ Fagnies, стр. 66.

⁷⁾ Krumbholz, стр. 82 *); Mummenhoff, стр. 59.

помогать по хозяйству его жене, исполнять всевозможные поручения, как мастера, так и подмастерьев. Статуты в этом отношении мало стесняли мастера: они запрещали лишь принуждать ученика исполнять какие-нибудь безчестные работы¹⁾, а во Франции запрещалось мастерам заставлять учеников работать на других мастеров и в некоторых цехах посылать учеников, не пробывших в обучении 3-х лет, по городу продавать товары²⁾, каковая продажа, конечно, являлась весьма вредной и для успешности обучения ремеслу и для нравственности ученика. Лишь в 16-м веке в Германии статуты начинают выступать в защиту учеников и запрещать мастерам заставлять их исполнять работы, не имеющие отношения к изучаемому ремеслу, но такие меры далеко не были повсеместными, и на ряду с ними встречались и такие постановления в статутах, которые прямо уполномочивали мастера заставлять ученика исполнять посторонние работы³⁾.

Неизвестны цеховому праву были и меры, ограничивающие рабочий день учеников, в интересах ограждения их неокрепшего еще организма от непосильной работы. Ученики работали столько же, сколько и подмастерья, и даже больше, т. к. на их обязанности обычно лежала чистка и уборка инструментов и мастерской, как до, так и по окончании рабочего дня. Но не устанавливая особых норм относительно рабочего дня учеников, цехи обычно довольно детально регулировали время работы вообще путем постановлений, имеющих силу по отношению ко всем ремесленникам одинаково. К числу таких постановлений относится прежде всего запрещение работать в праздничные и воскресные дни. Такое запрещение особенно часто встречалось во Франции, хотя довольно распространено было и в Германии. Правда, были некоторые статуты, разрешавшие работу в эти дни⁴⁾, но за то встречались исключения и в противоположную сто-

¹⁾ Krumbholz, loc. cit.

²⁾ Fagnies, стр. 67.

³⁾ Stahl, стр. 212—213.

⁴⁾ Neuburg, стр. 144—145.

рону,—требования, чтобы въ чисто церковные праздники и въ субботу рабочій день оканчивался значительно ранѣе, чѣмъ въ другіе дни, а въ концѣ 15-го вѣка распространяется и обычай праздновать повелѣльникомъ цѣликомъ или полъ дня¹⁾.

Очень распространено было также и запрещеніе работать ночью, при искусственномъ освѣщеніи, хотя здѣсь исключенія были болѣе многочисленны, чѣмъ относительно праздничной работы²⁾. Посредствомъ опредѣленія, съ какого момента работа должна считаться ночной, выработалось опредѣленіе и нормальнаго рабочаго дня, измѣнявшагося соотвѣтственно времени года. Такъ напр. во Франціи и Бельгіи зимой рабочій день равнялся 7—8-ми часамъ, а лѣтомъ 13—14-ти часамъ³⁾. Изъ этого опредѣленія рабочаго дня, вытекавшего изъ запрещенія работать при искусственномъ освѣщеніи, создалось въ нѣкоторыхъ статутахъ и опредѣленіе нормальнаго рабочаго дня, уже не совпадавшего съ восходомъ и заходомъ солнца и не находившагося въ такой непосредственной зависимости отъ времени года. Такой нормальный рабочій день мы встрѣчаемъ въ очень многихъ нѣмецкихъ статутахъ, гдѣ онъ устанавливался или одинаково для всѣхъ временъ года⁴⁾, или, если зимой онъ и былъ нѣсколько короче, чѣмъ лѣтомъ, то все-же не настолько, чтобы оканчиваться съ захожденіемъ солнца⁵⁾. Длина его была очень значительна—обычно съ 5-ти часовъ утра и до 7-ми часовъ вечера⁶⁾ съ однимъ или двумя перерывами на ѣду⁷⁾; при-

¹⁾ Stahl, стр. 308 и сл.; Martin-Saint-Leon, стр. 141 и сл.; Bodemann, стр. XLV.

²⁾ Neuburg, стр. 145—146; во Франціи орлонансъ 1307-го г., изданный для Парижа и его окрестностей, отмѣнилъ запрещеніе ночной работы, но, какъ и другія мѣры даннаго орлонанса, и это постановленіе не имѣло, повидимому, примѣненія на практикѣ (Eberstadt, стр. 175).

³⁾ Martin-Saint-Leon, стр. 139; Des-Marez, стр. 244.

⁴⁾ См. Bodemann, стр. XLV, относительно нѣкоторыхъ цеховъ г. Люнебурга; также у Neuburg'a стр. 143, о цехахъ Фрейбурга и Любека.

⁵⁾ Bodemann, стр. XLV; Hartmann, стр. 45—46; Blümke, стр. 65; Stahl, стр. 307—308.

⁶⁾ Stahl, стр. 305; Mummenhoff, стр. 93.

⁷⁾ Bodemann, loc. cit.; Blümke, loc. cit.

чемъ этихъ перерывовъ во Франціи и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ вовсе не полагалось¹⁾, такъ что рабочіе ѣли или прямо за работой, или же отрываясь отъ нея лишь настолько, сколько времени требовалось, чтобы наскоро проглотить пищу; въ 14-омъ вѣкѣ французскіе подмастерья начали было бороться за установленіе перерывовъ для ѣды, но встрѣтили энергичное противодѣйствіе мастеровъ, на сторону которыхъ встала и королевская власть, издавшая въ 1395-омъ году постановленіе, чтобы работа шла въ мастерскихъ безъ всякихъ перерывовъ²⁾. Изъ сказаннаго видно, что условія работы въ мастерскихъ средневѣковыхъ ремесленниковъ были весьма тяжелы; правда, Martin-Saint-Leon³⁾ доказываетъ, что относительно рабочаго дня рабочіе того времени были въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ рабочіе 19-го вѣка, такъ какъ, благодаря обилію праздниковъ и полупраздниковъ, они въ годъ имѣли около 2½ мѣсяцевъ полнаго отдыха и около 2½ мѣсяцевъ работали только полъ дня, но тѣмъ не менѣе для учениковъ, отдаваемыхъ въ обученіе въ весьма раннемъ возрастѣ, четырнадцатичасовой рабочій день, да еще нерѣдко безъ перерывовъ на ѣду, долженъ быть, по нашему мнѣнію, признанъ непомерно длиннымъ. Впрочемъ цехи, устанавливая вышеуказанныя ограниченія работы ремесленниковъ, въ большинствѣ случаевъ и не имѣли въ виду защитить рабочихъ отъ возложенія на нихъ непосильнаго труда, а руководствовались иными соображеніями: это видно уже изъ того, что запрещеніе работать болѣе установленнаго времени распространялось и на мастеровъ, хотя-бы даже вовсе не имѣвшихъ ни учениковъ ни подмастерьевъ. Запрещеніе работать въ праздники объяснялось чисто религіозными мотивами, а запрещеніе работать ночью вызывалось отчасти техническими соображеніями, т. к. многіе продукты не могли быть такъ хорошо сдѣланы при искусственномъ освѣщеніи, какъ при дневномъ, отчасти-же, возможно, и боязнью пожаровъ отъ работы при огнѣ, которые были настоящимъ бичомъ средневѣковыхъ городовъ. Кромѣ того, установленіемъ едино-

¹⁾ Des-Marez, стр. 245; Hartmann, стр. 45—46.

²⁾ Eberstadt, стр. 282.

³⁾ Martin-Saint-Leon, стр. 139—140.

образнаго для всѣхъ рабочаго времени достигалась и иная цѣль, — устранить возможность однимъ мастерамъ работать больше другихъ, и такимъ путемъ достигнуть болѣе равномернаго распредѣленія заказовъ между ремесленниками. Эта уравнивательная тенденція уже ясно сказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда цехи начали устанавливать нормальный рабочий день независимо отъ времени восхода и захода солнца.

Кромѣ обязанности работать на мастера, ученикъ обычно обязанъ былъ также уплатить мастеру известную сумму за обученіе. Это условіе было широко распространеннымъ явленіемъ во всѣхъ странахъ, и освобожденіе отъ него дѣлалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ, причемъ компенсировалось удлинненіемъ срока ученичества. Въ Германіи размѣръ этой суммы очень часто не опредѣлялся въ статутахъ, а устанавливался его предоставлялось сторонамъ по взаимному соглашенію ¹⁾; тамъ-же, гдѣ статуты опредѣляли размѣръ этой платы, опредѣленіе это имѣло въ большинствѣ случаевъ обязательное значеніе для сторонъ, т. что нельзя было обусловить въ договорѣ плату ни въ большемъ ни въ меньшемъ размѣрѣ ²⁾. Здѣсь мы имѣемъ довольно существенное отличіе отъ французскихъ статутовъ, гдѣ размѣръ платы мастеру со стороны ученика устанавливался въ смыслѣ минимума, такъ что стороны свободно могли обусловить плату выше той, которая указана въ статутѣ, и только ордонвансъ 1307-го года предоставилъ сторонамъ полную свободу въ этомъ отношеніи, безъ ограниченія какимъ-либо минимумомъ ³⁾. Причиной подобнаго характера опредѣленія платы за ученіе во французскихъ статутахъ 13-го вѣка, такъ-же какъ и опредѣленія срока ученичества, Martin Saint-Leon ⁴⁾ считаетъ желаніе цеховъ устранить конкуренцію между мастерами, воспрепятствовать имъ перебивать другъ у друга учениковъ, пони-

¹⁾ Stahl, стр. 202; Bodemann, стр. LVII; Krumbholz, стр. 80—81*; Warschauer, стр. 32—33.

²⁾ Stahl, стр. 203; Krumbholz, loc. cit.; но и въ Германіи въ нѣкоторыхъ цехахъ плата, опредѣленная въ статутѣ, имѣла характеръ минимума — см. Mummenhoff, стр. 57—59.

³⁾ Fagnies, стр. 60; Martin Saint-Leon, стр. 91—92.

⁴⁾ Martin Saint-Leon, стр. 93.

жая размѣръ платы за ученіе, т. к. это могло дурно отражаться на обученіи и содержаніи учениковъ, которыхъ мало получающій за ученіе мастеръ въ результатѣ будетъ и плохо обучать и плохо кормить. Однако, съ нашей точки зрѣнія, хотя нормы эти, дѣйствительно, имѣли своей цѣлью удержать плату за ученіе на изв. уровнѣ и не допускать пониженія ея вслѣдствіе конкуренціи, тѣмъ не менѣе это стремленіе устранить конкуренцію правильнѣе объяснить желаніемъ цеховъ оградить интересы мастеровъ, но никакъ не боязнью, что мало получающій мастеръ будетъ и плохо обучать и содержать ученика, т. к. объ ученикахъ въ то время статуты мало заботились. Что-же касается до признанія многими нѣмецкими цехами установленной статутомъ платы не только минимумомъ, но и максимумомъ, то здѣсь мы имѣемъ передъ собой то же стремленіе уравнивать экономическія условія пользованія трудомъ учениковъ для всѣхъ мастеровъ, какое побудило цехи запрещать мастерамъ и удлиннять срокъ ученичества сверхъ нормы, т. к. возможность выговорить болѣе высокую плату за ученіе несомнѣнно давало мастеру серьезныя экономическія преимущества по сравненію съ другими ремесленниками, принужденными тѣми или иными обстоятельствами довольствоваться платой болѣе низкой.

Вышеуказанная плата за обученіе платилась или вся цѣликомъ впередъ при заключеніи договора, или частью впередъ, а частью по окончаніи обученія, иногда-же уплачивалась вся въ послѣдній моментъ, причемъ въ этомъ случаѣ при заключеніи договора представлялось обезпеченіе въ томъ, что уплата будетъ произведена аккуратно ¹⁾. Иногда она платилась не деньгами, а хлѣбомъ, виномъ и т. п. ²⁾.

Говоря объ обязанностяхъ мастера по отношенію къ ученику, мы видѣли, что въ числѣ ихъ была и обязанность содержать и воспитывать ребенка. Но и воспитаніе и содержаніе ученика были не только обязанностью, но и правомъ мастера: съ момента заключенія договора онъ получалъ право держать ученика при себѣ и воспитывать его по своему усмотрѣнію.

¹⁾ K. Siegl, стр. 11; Krumbholz, стр. 80—81*; Dolfus-Francoz, «Essai historique sur la condition legale du mineur apprenti» 1900 г. стр. 11.

²⁾ Dolfus-Francoz, стр. 11.

Это право воспитанія давало мастеру и право наказывать ученика за проступки, примѣняя даже тѣлесныя наказанія, не отвѣчая за это передъ родителями ученика. Такъ еще Швабское зеркало предоставляло мастеру право тѣлесно наказывать учениковъ, только не до крови (кровотеченіе изъ носу въ счетъ не принималось), и чтобы число ударовъ не превышало 12-ти. Аналогичное постановленіе содержится, напримѣръ, и въ баварской *Rechtsbuch des Ruprecht von Freising* 1332-го года, гдѣ, кромѣ ограниченій, установленныхъ Швабскимъ зеркаломъ, требовалось, чтобы мастеръ наказывалъ ученика „безъ злого умысла“, и чтобы розги были не толстыми (изъ вѣтокъ однолѣтнихъ)¹⁾. Такимъ образомъ это право мастера тѣлесно наказывать учениковъ существовало издавна, и, по мнѣнію Шталь²⁾, роль цеховъ въ этомъ отношеніи состояла главнымъ образомъ въ томъ, что они взяли учениковъ подъ свою защиту противъ чрезмѣрныхъ истязаній и поставили дисциплинарную власть мастеровъ въ извѣстныя границы. Но здѣсь Шталь, такъ же какъ и въ другихъ случаяхъ, грѣшитъ чрезмѣрной идеализаціей нѣмецкихъ цеховъ въ эпоху расцвѣта цехового строя, т. е. въ дѣйствительности въ Германіи въ это время очень рѣдко встрѣчаются постановленія, имѣющія своей цѣлью поставить принадлежащее мастеру право наказывать учениковъ въ извѣстныя границы³⁾: такія постановленія начинаютъ вводиться, какъ замѣчаетъ и самъ Шталь,⁴⁾ лишь въ 16-омъ вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи гораздо большую заботливость объ ученикахъ проявляютъ французскіе цѣхи, которые уже въ 13-омъ вѣкѣ запрещали мастеру въ примѣненіи мѣръ наказанія переходить извѣстные предѣлы, превращать наказанія въ истязанія, и дошедшія до насъ судебныя постановленія, относящіяся къ 14-ому и 15-ому вѣкамъ, свидѣтельствуютъ, что превышенія дисциплинарной власти очень часто не проходили мастерамъ безнаказанно.⁵⁾

¹⁾ Berlepsch, «Chronik vom Ehrbaren Büchergewerk», стр. 115.

²⁾ Stahl, стр. 210.

³⁾ Neuburg, стр. 77; Warschauer, стр. 32—33.

⁴⁾ Stahl, стр. 209.

⁵⁾ Martin Saint-Leon, стр. 95; Dolfus-Francoz, стр. 13.

Во Франціи это право наказывать ученика могло быть осуществляемо лишь самимъ мастеромъ лично: онъ не долженъ былъ позволять бить ученика своей женой и, повидимому, также и подмастерьямъ¹⁾. Въ Германіи также встрѣчались постановленія, запрещающія подмастерьямъ наказывать учениковъ, но, на ряду съ этимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовалъ обычай, что наказывать ученика могъ и тотъ изъ подмастерьевъ, которому ученикъ порученъ мастеромъ для обученія и надзора, но остальные подмастерья этого права не имѣли²⁾. Въ дѣйствительности-же толчки и удары раздавались ученику подмастерьями, конечно, не менѣе часто, чѣмъ самимъ мастеромъ.

Наконецъ, во Франціи мастеру принадлежало еще одно характерное право, неизвѣстное другимъ странамъ, право продать, т. е. передать, за извѣстное вознагражденіе своего ученика другому мастеру. Право это обставлено было извѣстными ограниченіями, имѣвшими цѣлью воспрепятствовать мастерамъ брать учениковъ не для обученія, а исключительно съ цѣлью внослѣдствіи уступать ихъ съ барышомъ другимъ мастерамъ и такимъ образомъ превращать мастерскую въ бюро для торговли учениками³⁾. Ограниченія эти, существовавшія однако далеко не во всѣхъ статутахъ, состояли въ томъ, что такая продажа допускалась лишь въ случаѣ *force majeure*, состоявшей въ разореніи мастера, отказѣ его отъ занятія прежней профессіей, продолжительной болѣзни или поѣздки на богомолье къ святымъ мѣстамъ⁴⁾; иногда, кромѣ того, для дѣйствительности продажи требовалось утвержденіе сдѣлки должностными лицами цеха или родственниками ученика. Затѣмъ въ случаѣ продажи мастеру запрещалось брать другого ученика, пока не истечетъ окончательно срокъ ученичества того ученика, котораго онъ уступилъ другому мастеру.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда переуступка ученика совершалась съ согласія родственниковъ ученика, въ сущности этотъ фактъ не представлялъ съ юридической точки зрѣнія

¹⁾ Dolfus-Francoz, стр. 14; Martin Saint-Leon, loc. cit.

²⁾ Stahl, стр. 214.

³⁾ Fagnies, стр. 73.

⁴⁾ Levasseur, т. I, стр. 308.

ничего особеннаго: это была простая замѣна одного лица въ обязательствѣ, совершаемая съ согласія законныхъ представителей другой стороны. Точно такой-же характеръ имѣли и тѣ случаи, когда роль законныхъ представителей исполняли не родители ученика, а должностныя лица цеха, т. е. цехъ въ тѣ времена имѣлъ широкія опекунскія права надъ учениками. Передача ученика при такихъ условіяхъ, несомнѣнно, была возможна и въ другихъ странахъ: такъ мы уже говорили, что въ Германіи въ случаѣ смерти мастера цехъ отдавалъ ученика другому мастеру, изъ чего можно заключить, что подобная передача ученика съ согласія цеха могла имѣть мѣсто и въ другихъ случаяхъ, когда мастеръ хотя и оставался живъ, но, въ силу тѣхъ или иныхъ особыхъ обстоятельствъ, продолжать обученіе ученика былъ не въ состояніи. Характерной-же чертой французскаго цеховаго права являлось то обстоятельство, что возможность передачи ученика не ограничивалась тѣми случаями, когда она совершалась съ согласія цеха или родителей, а могла иногда имѣть мѣсто и на основаніи воли одного мастера ¹⁾. Въ этомъ случаѣ такая передача ученика уже выходила изъ рамокъ понятія замѣны лицъ въ двустороннемъ обязательствѣ, а представляла собой актъ проявленія власти мастера надъ ученикомъ, аналогичный по своей природѣ, какъ замѣчаетъ Левассеръ ²⁾, съ продажей господиномъ своего крѣпостного. Объяснить такое право мастера можно только тѣмъ, что съ принятіемъ ученика къ мастеру переходила и родительская власть надъ ученикомъ во всей ея полнотѣ, включая сюда и право передать эту власть въ извѣстныхъ случаяхъ другому лицу. Злоупотребленія этимъ правомъ со стороны мастеровъ, повидимому, были очень часты, такъ что ордоннансъ 1294-го года запретилъ веревочникамъ продавать учениковъ раньше, чѣмъ послѣдніе не пробудутъ у мастера годъ со днемъ ³⁾.

Таковы были права и обязанности мастера по отношенію къ ученику. Намъ нужно теперь посмотрѣть, какія по-

¹⁾ Fagnies (стр. 72) говоритъ, что «иногда» уступка была дѣйствительна лишь съ утвержденія les gardes-jurés или семьи ученика.

²⁾ Levasseur, т. I, стр. 308.

³⁾ Levasseur, т. I, стр. 303.

слѣдствія влекло за собой нарушеніе той или другой стороной лежащихъ на нихъ обязанностей.

Со стороны ученика нарушеніе обязанностей могло выражаться прежде всего въ различныхъ актахъ непослушанія и непочтительности, въ дурномъ поведеніи, воровствѣ и тому подобнымъ поступкамъ, затѣмъ въ неплатежѣ платы за ученіе и, наконецъ, въ самовольномъ уходѣ отъ мастера. Что касается до поступковъ первой категоріи, то они не представляли для мастера большой опасности: дисциплинарная власть мастера была столь сильнымъ средствомъ, что рѣдкій ученикъ имѣлъ-бы мужество продолжать оказывать непослушаніе или непочтительность къ мастеру или его женѣ. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такіе факты, или, на примѣръ, воровство, все-же имѣли мѣсто со стороны ученика, мастеръ могъ требовать расторженія договора. Указанія на такое право мастера мы находимъ въ нѣкоторыхъ статутахъ въ Любекѣ въ 16-омъ в., ¹⁾ въ Мюнстерѣ ²⁾ и въ Пюренбергѣ ³⁾. Особенно подробно трактуютъ объ этомъ статуты послѣдняго города въ 16-омъ вѣкѣ: здѣсь дается цѣлое перечисленіе поводовъ, на основаніи которыхъ мастеръ могъ расторгнуть договоръ. Къ этимъ поводамъ относятся: 1) отсутствіе со стороны ученика всякаго старанія къ изученію ремесла; 2) воровство или вообще „невѣрность“ его; 3) ненадлежащее поведеніе по отношенію къ мастеру, женѣ и тѣмъ подмастерьямъ, которые его обучаютъ, оскорбленіе ихъ словами или дѣйствіями; 4) когда ученикъ проведетъ ночь внѣ дома мастера безъ его вѣдома и согласія, и 5) когда ученикъ вообще какимъ нибудь „unbilliges Beginnen in der Arbeit etwas ver-säumte“. Хотя громадное большинство статутовъ болѣе ранней эпохи и не содержатъ подобныхъ постановленій, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что право мастера расторгнуть договоръ въ этихъ случаяхъ признавалось и тамъ, такъ какъ нельзя было заставлять мастера держать у себя въ домѣ ученика, поведеніе котораго дѣлало продолженіе ученичества невозмож-

¹⁾ Stahl, стр. 214.

²⁾ Krumbholz, стр. 82*).

³⁾ Stockbauer, «Nürnbergisches Handwerksrecht des XVI. Jahrhundert», 1879 г. стр. 22.

нымъ. Указаніе же въ статутахъ поводовъ, при наличности которыхъ договоръ могъ быть расторгнутъ, очевидно просто признавалось излишнимъ, такъ какъ вопросъ о расторженіи договора разрѣшался цехомъ примѣнительно къ обстоятельствамъ каждаго конкретного случая.

Но, само собой понятно, въ случаѣ совершенія ученикомъ какихъ нибудь поступковъ, дѣлающихъ продолженіе ученичества невозможнымъ, дѣло не могло ограничиваться однимъ предоставленіемъ мастеру права расторгнуть договоръ. Прекращеніе ученичества до срока всегда сопряжено для мастера съ извѣстнымъ матеріальнымъ ущербомъ, такъ какъ въ первые годы ученичества ученикъ не окупаетъ своей работой расходовъ по своему содержанию, и лишь въ послѣдніе годы онъ приноситъ мастеру доходъ. Поэтому, несомнѣнно, вмѣстѣ съ прекращеніемъ договора, мастеръ долженъ былъ имѣть право и на возмѣщеніе ущерба, вызваннаго досрочнымъ прекращеніемъ договора по винѣ ученика, иначе ученикъ въ извѣстныхъ случаяхъ могъ бы умышленно совершать различные дурные поступки, чтобы побудить мастера расторгнуть договоръ. Ущербъ этотъ взыскивался въ тѣхъ-же размѣрахъ, какъ и въ случаѣ досрочнаго ухода ученика отъ мастера ¹⁾.

Эти досрочныя расторженія договоровъ учениками были, повидимому, въ то время весьма распространеннымъ явленіемъ, такъ какъ цеховыя статуты обращаютъ на нихъ серьезное вниманіе и грозятъ такимъ бѣглымъ ученикамъ весьма суровыми послѣдствіями. Но, очевидно, положеніе учениковъ было столь тяжелымъ, нравы и обычаи въ ремесленной средѣ столь жестокими, что, несмотря на всѣ угрозы статутовъ по адресу бѣглыхъ учениковъ, бѣгства эти принимали все большіе и большіе размѣры. Указаніе на послѣднее обстоятельство можно видѣть въ томъ, что, начиная со 2-ой половины 16-го вѣка статуты принимаютъ новыя мѣры противъ бѣгства учениковъ ²⁾, а также въ томъ, что, напримѣръ, въ гор. Мюнстерѣ, по словамъ Крумбольца ³⁾, въ періодъ съ 1538—1661 годъ въ цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ посту-

¹⁾ Mummenhoff, стр. 60 и сл.

²⁾ Stieda въ Conrads Jahrb. V. XX. N. F.

³⁾ Krumbholz, стр. 83*).

пило 219 учениковъ, а кончило обученіе у тѣхъ-же самыхъ мастеровъ лишь 171 человекъ, остальные же ушли до срока, за исключеніемъ 7-ми умершихъ.

Что касается до тѣхъ послѣдствій, которыя влекло за собой бѣгство ученика, то они являлись весьма разнообразными. Во Франціи въ случаѣ бѣгства ученика мастеръ въ теченіе извѣстнаго срока не могъ вмѣсто него брать другого, а долженъ былъ, также какъ и родители ученика, разыскивать его; если ученикъ находился, то онъ возвращался принудительно къ прежнему мастеру и долженъ былъ вознаграждать его за ущербъ, причиненный бѣгствомъ, а въ нѣкоторыхъ цехахъ кромѣ того еще проработать бесплатно у мастера лишнихъ два года по окончаніи ученичества ¹⁾. Во избѣжаніе сманиванья учениковъ статуты строго запрещали всѣмъ мастерамъ принимать къ себѣ такихъ бѣглыхъ учениковъ, и въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо этого постановленія запрещали всѣмъ и каждому покупать что-либо у такого мастера, пока онъ не дастъ клятву и не представитъ поручительства въ томъ, что ученика отпуститъ ²⁾. Если ученикъ находился уже по прошествіи установленнаго срока, то онъ не водворялся къ прежнему мастеру, а вовсе исключался изъ цеха, причемъ обязанъ былъ вознаградить своего хозяина за ущербъ, причиненный досрочнымъ расторженіемъ договора. Такое-же исключеніе изъ цеха съ запрещеніемъ кому-либо принимать такого ученика имѣло мѣсто и въ томъ случаѣ, если ученикъ, принудительно возвращенный къ своему учителю, убѣгалъ вторично; иногда такое исключеніе наступало лишь послѣ третьяго побѣга ученика ³⁾. Въ Германіи ни поиски ученика со стороны мастера, ни принудительное водвореніе ученика къ послѣднему не практиковались. Хотя нѣкоторые цехи, по словамъ Шталя ⁴⁾, какъ и во Франціи, запрещали мастеру въ теченіе извѣстнаго срока послѣ бѣгства ученика брать новаго ученика вмѣсто ушедшаго, но тѣмъ не менѣе если ученикъ находился, то

¹⁾ Fagnies, стр. 73; Dolfus-Francoz, стр. 12.

²⁾ Martin Saint-Leon, стр. 98.

³⁾ Dolfus-Francoz, стр. 12; Stahl, стр. 215; Martin Saint-Leon, стр. 97.

⁴⁾ Stahl, стр. 218.

мастеръ обязанъ былъ взять его опять къ себѣ лишь въ томъ случаѣ, когда ученикъ самъ этого пожелаетъ. Не признавая такимъ образомъ возможности принудительнаго исполненія обязательствъ, нѣмецкіе цехи центр тяжести видѣли въ обязанности ученика вознаградить мастера за ущербъ причиненный бѣгствомъ. Чтобы обезпечить это возмѣщеніе ущерба со стороны ученика цехи принимали различныя мѣры: такъ, очень распространено было постановленіе, запрещающее всѣмъ мастерамъ принимать такого бѣглаго ученика, пока прежній мастеръ не удостовѣритъ, что онъ получилъ отъ ученика полное удовлетвореніе ¹⁾; затѣмъ, такъ какъ съ ученика очень часто взыскать что-нибудь было невозможно, то распространено было установленіе поручительства надежныхъ лицъ при заключеніи договора ²⁾, причемъ этотъ обычай требовать представленія поручителей особенно распространяется со 2-ой половины 16-го вѣка, когда, очевидно, случаи бѣгства учениковъ участились ³⁾. Самое вознагражденіе состояло, повидимому, не только въ томъ, что мастеръ удерживалъ полностью плату за ученіе, но и въ уплатѣ сверхъ того известной суммы денегъ, которая очень часто опредѣлялась или въ самомъ статутѣ или въ договорѣ ⁴⁾. При этомъ, такъ какъ ущербъ мастера основанъ былъ на томъ соображеніи, что въ первые годы обученія ученикъ не окупаетъ своимъ трудомъ расходовъ на свое содержаніе и лишь въ послѣдніе годы возмѣщаетъ мастеру его затраты, то и размѣръ вознагражденія очень часто опредѣлялся сообразно съ тѣмъ, сколько времени ученикъ прожилъ у мастера до ухода, такъ что чѣмъ ближе къ окончанію обученія расторгался договоръ, тѣмъ меньше была сумма вознагражденія.

Кромѣ обязанности возмѣстить мастеру ущербъ, досрочный уходъ ученика влекъ для него и наказаніе. Послѣднія были весьма разнообразны: во многихъ цехахъ съ ученика

¹⁾ Elkan, «Das Frankfurter Gewerberecht von 1617—1631», стр. 170—183; Nübling, стр. 560; также въ Брюсселѣ,—см. Des-Marez, стр. 57.

²⁾ Flemming, стр. 29—30; Mummenhoff, стр. 60; также въ Брюсселѣ,—см. Des-Marez, стр. 57.

³⁾ Stieda, Conrad. Jahrb. V. XX N. F.

⁴⁾ Stieda, loc. cit.

взыскивался денежный штрафъ въ пользу цеха ¹⁾; иногда, обычно если бѣгство совершалось во второй разъ, ученику сверхъ того не засчитывалось все время ученичества, уже отслуженное имъ до бѣгства, т. что онъ долженъ былъ начать ученичество сначала и подвергнуться вновь дорого стоящей процедурѣ принятія въ цехъ ²⁾; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгали даже къ такой суровой мѣрѣ, какъ полное недопущеніе такого бѣглаго ученика въ ученики къ кому-либо изъ мастеровъ даннаго цеха или даже даннаго города ³⁾.

Аналогичное возмѣщеніе мастеру ущерба и аналогичныя наказанія имѣли мѣсто, какъ мы выше говорили, и въ тѣхъ случаяхъ, когда не ученикъ расторгалъ договоръ безъ уважительной причины, а самъ мастеръ, вынужденный къ тому дурнымъ поведеніемъ ученика ⁴⁾, но, конечно, здѣсь о принудительномъ возвращеніи ученика къ мастеру не могло быть и рѣчи. Наконецъ, въ случаѣ неуплаты ученикомъ платы за ученіе,—что случалось рѣдко, т. к. она обычно уплачивалась впередъ,—мастеръ взыскивалъ ее съ родителей ученика или съ поручителей.

Таковы были послѣдствія неисполненія ученикомъ своихъ обязанностей, послѣдствія очень тяжелыя и имѣвшія не только гражданскій, но и уголовный характеръ. Рѣзкую противоположность въ этомъ отношеніи представляли собой послѣдствія, которыя угрожали мастеру за нарушенія имъ своихъ обязанностей. Нарушенія эти могли состоять въ дурномъ обученіи ученика ремеслу, въ отсутствіи заботливости о его воспитаніи,

¹⁾ Flemming, (стр. 29—30) полагаетъ, что этотъ штрафъ былъ въ сущности возмѣщеніемъ цеху ущерба, который бѣглый ученикъ причинялъ тѣмъ, что могъ работать, не принадлежа къ цеху, въ качествѣ т. наз. «Pfuscher'a», но такая конструкція не можетъ быть признана правильной, т. к. никакого ущерба своимъ уходомъ ученикъ цеху не приносилъ, и его фушерство было еще только въ перспективѣ; поэтому правильнѣе считать этотъ штрафъ обычнымъ наказаніемъ, которое цехъ налагалъ на своихъ членовъ за нарушеніе цеховыхъ правилъ.

²⁾ Blümke, стр. 60; Stockbauer, стр. 21; Krumbholz, стр. 83*).

³⁾ Krumbholz, 83*); Stockbauer, стр. 21; Blümke, стр. 60.

⁴⁾ Mummenhoff, стр. 93.

въ плохомъ содержаніи ученика, въ дурномъ и жестокомъ обращеніи съ нимъ, въ неплатежѣ слѣдуемаго ученику вознагражденія за его трудъ. Несмотря на то, что большая часть подобныхъ поступковъ со стороны мастера причиняла ученику несравненно большій вредъ, чѣмъ нарушенія послѣднимъ своихъ обязанностей по отношенію къ мастеру, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ дѣло шло исключительно о матеріальномъ ущербѣ, а въ первомъ случаѣ могла быть исковеркана вся жизнь ученика, несмотря также на то, что ученикъ по отношенію къ мастеру былъ стороной слабой, находившейся почти въ безграничной власти мастера, тѣмъ не менѣе цеховое право почти совсѣмъ не заботилось о защитѣ учениковъ, о томъ, чтобы суровой санкціей заставить мастеровъ исполнять надлежащимъ образомъ свои обязанности. Въ этомъ ярко сказывался классовый характеръ цехового права, созданнаго мастерами исключительно въ своихъ собственныхъ интересахъ. Нагляднымъ примѣромъ такого характера цеховыхъ статутовъ являлось, прежде всего, весьма любопытное постановленіе нѣкоторыхъ французскихъ цеховъ ¹⁾, объявлявшихъ вперёдъ, съ цѣлью поддержанія авторитета мастеровъ, всякую жалобу ученика на мастера неосновательной, иными словами совершенно запрещавшихъ ученикамъ жаловаться на несоблюденіе мастерами по отношенію къ нимъ своихъ обязанностей. Правда, цехи устанавливали почти всюду обязанность для цеховыхъ должностныхъ лицъ наблюдать за содержаніемъ и обученіемъ учениковъ и привлекать къ отвѣтственности мастеровъ, не исполняющихъ своихъ обязанностей, но трудно предполагать, чтобы этотъ надзоръ могъ имѣть серьезное значеніе, такъ какъ, если-бы даже эти должностныя лица стремились всѣми силами слѣдить за мастерами, безъ жалобъ со стороны учениковъ они, въ большинствѣ случаевъ, не могли бы узнать о злоупотребленіяхъ мастеровъ. Поэтому, вышеуказанное запрещеніе ученикамъ жаловаться на своихъ учителей фактически устраняло всякую возможность для привлеченія мастеровъ къ отвѣтственности. Но и тамъ, гдѣ такого запрещенія не было, жаловаться на мастеровъ было, надо

¹⁾ Такое постановленіе существовало у *chapeliers de feutre* въ Парижѣ (Fagnies, стр. 64).

полагать, немного охотниковъ, такъ какъ, принимая во вниманіе почти безграничную власть мастера надъ ученикомъ, трудно допустить, чтобы ученикъ, оставаясь у мастера, въ то-же самое время осмѣлился-бы подать на него жалобу, особенно въ виду того, что исходъ ея былъ всегда сомнителенъ, такъ какъ судьями въ Германіи были тѣ-же мастера, естественно державшіе въ большинствѣ случаевъ сторону мастера. Единственнымъ исходомъ для учениковъ поэтому было бѣгство, къ которому и прибѣгали они, когда условія ихъ жизни становились невыносимыми. Но и въ этомъ случаѣ многіе нѣмецкіе цехи не допускали возможности, чтобы причиной бѣгства было несоблюденіе мастеромъ своихъ обязанностей, и признавали, такимъ образомъ, ученика всегда виноватымъ ¹⁾. Что касается до тѣхъ цеховъ, гдѣ такой презумпціи не было, то въ случаѣ если обнаруживалось, что ученикъ бѣжалъ, вынужденный къ тому дурнымъ обращеніемъ мастера, для мастера наступали извѣстныя невыгодныя послѣдствія, гораздо, конечно, болѣе мягкія, чѣмъ тѣ, которыя грозили ученику въ случаѣ вины съ его стороны. Такъ напримѣръ, во Франціи ²⁾, когда бѣгство ученика было вызвано его дурнымъ содержаніемъ, старшина цеха дѣлалъ мастеру выговоръ и внушалъ ему, что онъ долженъ содержать ученика надлежащимъ образомъ, и лишь когда мастеръ не исполнялъ этихъ предписаній, ученикъ отбирался отъ него и отдавался другому мастеру, причемъ прежній мастеръ долженъ былъ возратить часть полученной имъ платы за обученіе, пропорціонально времени, которое пробылъ у него ученикъ: если онъ пробылъ 3 мѣсяца, то возвращалось $\frac{3}{4}$ платы, если 6 мѣсяцевъ, то половина, въ случаѣ расторженія договора по истеченіи 9 мѣсяцевъ со дня поступленія въ ученики, то возвращалась всего $\frac{1}{4}$ платы, а если-же по истеченіи года, то ничего не возвращалось, такъ какъ предполагалось, что въ первый годъ ученикъ не приносилъ мастеру никакого дохода, и стоимость его содержанія и обученія поглощали цѣликомъ всю

¹⁾ Такъ въ гор. Мюнстерѣ только три цеха признавали, что и мастеръ могъ быть виновенъ въ томъ, что ученикъ убѣжалъ отъ него. (См. Krumbholz, стр. 83*).

²⁾ Dolfus-Francoz, стр. 16.

плату за учение. Наказания мастеру в случае ухода ученика вследствие дурного содержания не было установлено, кроме лишения права принимать других учеников, пока не окончится срок обучения ученика бѣжавшаго. Точно также и в случае, когда мастер заставлял ученика работать на посторонних лицъ, результатомъ было лишь расторженіе договора ¹⁾. Болѣе суровыя послѣдствія наступали для мастера, когда онъ злоупотреблялъ своимъ правомъ наказывать ученика и прибѣгалъ къ жестокостямъ и истязаніямъ: в этихъ случаяхъ мастеръ подвергался наказанію в видѣ денежнаго штрафа и даже тюремнаго заключенія ²⁾. Когда неисполненіе мастеромъ своихъ обязанностей причиняло ученику матеріальный ущербъ, то, повидимому, мастеръ присуждался къ возмѣщенію его: это видно изъ того, что когда при заключеніи договора присутствовавшія при этомъ цеховыя должностныя лица сомнѣвались в томъ, что мастеръ в состояніи исполнить свои обязанности, они могли требовать отъ него представленія обезпеченія на случай неисполненія договора, что, очевидно, имѣло цѣлью обезпечить ученику полученіе возмѣщенія ущерба, причиненнаго ему мастеромъ.

Въ Германіи о послѣдствіяхъ неисполненія мастеромъ своихъ обязанностей наиболѣе подробно трактуютъ нюренбергскіе статуты 16-го вѣка. Они указываютъ, что в случае если: 1) мастеръ плохо кормитъ ученика, 2) не даетъ ему надлежащаго помѣщенія для сна, 3) бьетъ кулаками или чѣмъ-нибудь инымъ такъ, что причиняетъ вредъ здоровью, 4) заставляетъ работать болѣе, чѣмъ это принято в ремеслѣ, 5) самъ, или жена его, обременяютъ ученика домашними работами такъ, что онъ не можетъ, какъ слѣдуетъ, обучаться ремеслу,—договоръ можетъ быть расторгнутъ, мастеръ платитъ штрафъ цеху и лишается права брать другихъ учениковъ, пока ушедшій по его винѣ ученикъ не окончитъ своего обученія у другого мастера ³⁾. Последняго постановленія,—т. е. лишенія права брать другихъ учениковъ в теченіе извѣстнаго срока,—въ другихъ городахъ мы не

¹⁾ Fagnies, стр. 66.

²⁾ Fagnies, стр. 68; Dolfus-Francoz, стр. 15.

³⁾ Stockbauer, стр. 22.

встрѣчаемъ: в большинствѣ случаевъ здѣсь дѣло ограничивалось расторженіемъ договора (съ возвращеніемъ, конечно, соответствующей части платы за ученье) и наказаніемъ мастера, которое обычно состояло в уплатѣ цеху извѣстнаго штрафа деньгами ¹⁾ или продуктами ²⁾. Такого тяжелаго наказанія, какъ во Франціи, в видѣ тюремнаго заключенія провинившагося мастера, нѣмецкіе цехи, повидимому, не знали. Кроме расторженія договора и наказанія виновенный мастеръ долженъ былъ возмѣстить ученику и понесенный послѣднимъ по его винѣ матеріальный ущербъ ³⁾, в обезпеченіе уплаты котораго, также какъ и уплаты в цехъ штрафа, иногда при заключеніи договора мастеръ долженъ былъ внести Bürgergeld ⁴⁾.

Сравнивая тѣ послѣдствія, которыя влекло за собой нарушеніе своихъ обязанностей мастеромъ, съ тѣми послѣдствіями, которыя наступали в случае вины ученика, мы должны констатировать, что, несмотря на несравненно болѣе суровость послѣднихъ по сравненію съ первыми, они имѣли ту общую черту, что являлись санкціей не только частно-правового характера, но и уголовной, т. к., кроме расторженія договора и обязанности возмѣщенія ущерба, на виновную сторону налагалось обычно сверхъ того и наказаніе. Изъ этого видно, что цеховое право смотрѣло на ученичество не какъ на чисто частное отношеніе между мастеромъ и ученикомъ, но считало его имѣющимъ важное значеніе и для всей корпорации, а потому и нарушенія сторонами своихъ обязанностей разсматривались в то-же самое время какъ нарушенія интересовъ цеха.

V. По окончаніи установленнаго срока ученичество прекращалось, такъ какъ испытаній, какъ мы видѣли, в этотъ періодъ в громадномъ большинствѣ случаевъ еще не было. Прекращеніе ученичества сопровождалось особымъ торжественнымъ актомъ „выпуска ученика“ (Lossprechung), напоминающимъ по своей формѣ актъ принятія ученика. Ученикъ также

¹⁾ Blümke, стр. 60; Stahl, стр. 209—210.

²⁾ В Мюнстерѣ у сапожниковъ онъ долженъ былъ выставить цеху тонну пива. (Krumholz, стр. 83*).

³⁾ Stahl, стр. 210.

⁴⁾ Mummenhoff, стр. 60.

являлся въ общее собраніе цеха, гдѣ, послѣ опроса старшиной цеха мастера, отбылъ ли ученикъ надлежащимъ образомъ свое ученичество, и опроса всѣхъ присутствующихъ, не имѣютъ ли они чего либо заявить противъ ученика, старшина отъ имени цеха объявлялъ ученика окончившимъ стадію ученичества, послѣ чего ученику выдавалось *Lehrbrief*, то есть свидѣтельство объ отбытіи ученичества, за подписью старшинъ цеха и съ печатью цеха. Какъ и принятіе въ ученики, выпускъ былъ связанъ съ извѣстными расходами для ученика: онъ долженъ былъ уплатить извѣстную сумму мастеру и цеху, а иногда и выставить надлежащее угощеніе.

Выпускъ ученика по окончаніи срока ученичества являлся нормальнымъ способомъ прекращенія договорныхъ отношеній между мастеромъ и ученикомъ, прекращеніемъ этихъ отношеній вслѣдствіе исполненія сторонами взаимныхъ обязанностей и осуществленія той цѣли, которую договоръ имѣлъ въ виду при своемъ возникновеніи. Но на ряду съ этимъ возможны были также и случаи, когда договоръ прекращался до окончанія срока ученичества. Причинами такого досрочнаго прекращенія являлось, какъ мы видѣли уже, во первыхъ нарушеніе той или другой стороной своихъ обязанностей, дѣлавшее дальнѣйшее продолженіе ученичества невозможнымъ. Затѣмъ, само собой понятно, прекращался договоръ вслѣдствіе смерти ученика, или такой болѣзни его, которая лишала его возможности продолжать заниматься ремесломъ, — на примѣръ, когда ученикъ потерялъ зрѣніе, лишился руки или ноги, если притомъ изучаемое ремесло требовало непремѣнно отъ рабочего наличности обѣихъ рукъ или ногъ. Но болѣзнь сама по себѣ, хотя бы и продолжительная, но не лишаящая возможности ученика по выздоровленіи снова приняться за ремесло, не давала, повидимому, повода мастеру расторгнуть договоръ: требовалось лишь, чтобы по выздоровленіи ученикъ паверсталъ потерянное время, проработавъ сверхъ срока столько времени у мастера, сколько онъ пропустилъ по причинѣ болѣзни. Въ нѣкоторыхъ цехахъ кромѣ того тѣ убытки, которые понесъ мастеръ вслѣдствіе продолжительной болѣзни ученика, возмѣщались мастеру изъ той суммы, которую ученикъ вносилъ, въ видѣ обезпеченія, при заключеніи договора ¹⁾.

¹⁾ Stahl, стр. 219.

Если смерть ученика всегда прекращала договоръ, то далеко не всегда это имѣло мѣсто въ случаѣ смерти мастера. Въ большинствѣ цеховъ, какъ французскихъ ¹⁾, такъ и нѣмецкихъ ²⁾, если вдова умершаго мастера продолжала ремесло мужа съ помощью умѣлаго подмастерья, то ученику предоставлялось право остаться оканчивать свое ученичество у нея, но нѣкоторые цехи разрѣшали это лишь въ томъ случаѣ, когда ему оставалось до конца обученія сравнительно немного времени — менѣе половины, т. к. въ этомъ случаѣ предполагалось, что ученикъ въ сущности уже изучилъ ремесло, и дальнѣйшее пребываніе его у вдовы уже не можетъ повредить его обученію ³⁾. Разрѣшеніе вдовѣ сохранить учениковъ мужа объяснялось желаніемъ оказать ей матеріальную поддержку, предоставивъ право пользоваться выгоднымъ трудомъ учениковъ.

Наравнѣ со смертью мастера, ученикъ могъ требовать расторгненія договора и въ различныхъ другихъ случаяхъ, когда продолженіе обученія у мастера стало въ силу того или иного обстоятельства невозможнымъ, на примѣръ, когда мастеръ разорился, прекратилъ заниматься ремесломъ, тяжело захворалъ, такъ что на долгое время лишился возможности слѣдить за обученіемъ ученика, и т. п.

Расторгненіе договора по взаимному соглашенію сторонъ, повидимому, также допускалось, хотя лишь съ согласія цеха ⁴⁾.

VI. Этимъ исчерпывается регламентація ученичества въ эпоху расцвѣта цехового строя. Какъ видно изъ всего сказаннаго, регламентація эта была весьма детальной, что объясняется тѣмъ-особымъ значеніемъ, которое имѣлъ договоръ ученичества въ это время: ученичество являлось при цеховомъ строѣ не только частнымъ отношеніемъ между мастеромъ и ученикомъ, но и обязательной переходной стадіей къ мастерству и соединеннымъ съ послѣднимъ правами и обязанностями публично-правового характера. И надо замѣтить, что

¹⁾ Fagnies, стр. 72.

²⁾ Stahl, стр. 220; Krumbholz, стр. 81*); Nübling, стр. 561.

³⁾ Stahl, стр. 220; Krumbholz, стр. 81*).

⁴⁾ Fagnies, стр. 72; Des-Marez, стр. 46.

вплоть до 15-го вѣка ученичество дѣйствительно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, открывало доступъ въ мастера, и случаи, когда лицо, по отбытіи ученичества, не доходило до высшей ступени ремесленной іерархіи, были довольно рѣдки, такъ какъ особыхъ препятствій для этого не существовало: испытанія (Meisterstück) требовались далеко не вездѣ и первоначально особыхъ затрудненій, какъ съ технической, такъ и матеріальной стороны, не представляли, открытіе собственнаго ремесленнаго предпріятія особыхъ средствъ не требовало, вступные взносы въ цехъ и угощеніе мастеровъ также не были первоначально особенно обременительными. Этимъ значеніемъ ученичества, какъ переходной ступени къ приобрѣтенію правъ и обязанностей полноправнаго члена цеховой организации, и объясняется значительная часть регламентаціи ученичества, — какъ на примѣръ всѣ многочисленныя нормы, опредѣляющія, кто могъ быть принятъ въ ученики.

Другой характерной чертой регламентаціи ученичества являлся взглядъ на учениковъ, какъ на дешевую и выгодную для мастеровъ рабочую силу, причемъ однако цеховое право стремилось не къ тому, что-бы по возможности ограничить эксплуатацію этой рабочей силы и заставить мастеровъ видѣть въ ученикахъ дѣйствительно учениковъ, а не дешевыхъ рабочихъ, а къ тому лишь, чтобы предоставить каждому мастеру пользоваться трудомъ учениковъ на одинаковыхъ условіяхъ съ другими мастерами: то есть эксплуатировать учениковъ дозволялось, но всѣмъ одинаково. Этой идеей объяснялось опредѣленіе и числа учениковъ, и максимума срока ученичества, и размѣра платы за ученіе, и рабочаго дня. Правда, эти нормы до извѣстной степени ограждали и ученика, устраняя возможность эксплуатаціи его сверхъ установленныхъ границъ, но границы эти въ общемъ были настолько широки, что защита учениковъ въ данномъ отношеніи была весьма слабой, — такъ мы видѣли, насколько срокъ ученичества былъ длиненъ и рабочій день великъ; лишь относительно числа учениковъ статуты были строги, но это потому, что здѣсь примѣшивалось иное соображеніе — стремленіе ограничить наплывъ въ мастера. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, гдѣ эксплуатація мастеромъ ученика интересамъ другихъ мастеровъ не угрожала, тамъ цеховое право относилось къ подобнымъ явленіямъ вполне хладнокровно и не только не защи-

щало ученика, но скорѣе, наоборотъ, санкціонировало эту эксплуатацію, отдавая ученика въ полную, почти безграничную власть мастера: оно разрѣшало заставлять ученика исполнять домашнія работы, разрѣшало мастеру своей властью подвергать его тѣлеснымъ наказаніямъ, не принимало почти никакихъ мѣръ для того, чтобы обезпечить ученику спосное содержаніе, а въ тѣхъ случаяхъ когда ученику такая жизнь становилась не подъ силу, и онъ бѣжалъ отъ своего учителя, то ему грозили очень суровыя наказанія. Недаромъ Levasseur¹⁾ говоритъ, что регламентація ученичества въ сущности была защитой сильнаго противъ слабаго, а не наоборотъ. Если эти слова являлись справедливыми по отношенію къ французскому цеховому праву, то тѣмъ болѣе вышеуказанное мнѣніе должно относиться и къ Германіи, гдѣ статуты еще менѣе обращали вниманія на защиту интересовъ учениковъ, чѣмъ во Франціи. Это подтверждаютъ и нѣмецкіе писатели. Такъ Warschauer²⁾ говоритъ, что цеховое право г. Позена является нагляднымъ примѣромъ безусловнаго подчиненія учениковъ и подмастерьевъ власти мастеровъ, которые по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, опредѣляли права и обязанности первыхъ, руководствуясь своими личными выгодами. Аналогичный взглядъ высказываетъ и Westien³⁾: по его словамъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всѣ нормы цехового права относительно учениковъ служили не защитѣ ученика, а изданы были скорѣе въ своекорыстныхъ интересахъ мастеровъ, въ руки которыхъ ученикъ отдавался въ качествѣ почти безправнаго подчиненнаго.

Идеологи цехового строя въ эпоху его расцвѣта однако утверждаютъ, что подобное отношеніе цехового права къ ученикамъ объяснялось не узкоклассовымъ его характеромъ и не равнодушіемъ къ эксплуатаціи послѣднихъ мастерами, а тѣмъ своеобразнымъ характеромъ, который имѣли въ то время отношенія между мастеромъ съ одной стороны и его вспомогательнымъ персоналомъ — подмастерьями и учениками —

¹⁾ Levasseur, т. I стр. 315.

²⁾ Warschauer, стр. 40.

³⁾ Westien, стр. 198—199.

съ другой. Именно отношенія эти имѣли чисто патріархальный характеръ: ученикъ являлся не только рабочимъ и не только лицомъ, изучающимъ ремесло, а воспитанникомъ мастера въ широкомъ смыслѣ этого слова; мастеръ долженъ былъ сдѣлать изъ мальчика не только искуснаго ремесленника, но и хорошаго человѣка и гражданина, и ученикъ не оставался лицомъ постороннимъ мастеру, а входилъ въ его семью, считался ея членомъ, и отношенія между нимъ и мастеромъ были аналогичны отношеніямъ между отцомъ и сыномъ. Въ виду такого положенія ученика въ семьѣ мастера было вполне естественнымъ, что онъ, наравнѣ съ другими членами семьи, участвовалъ въ исполненіи работъ по дому, а также подлежалъ и дисциплинарной власти хозяина. Благодаря вышеуказанному патріархальному характеру положеніе ученика, въ общемъ, по мнѣнію многихъ писателей, было далеко не плохимъ въ то время.

Нельзя не признать, что въ этихъ соображеніяхъ есть доля правды. Дѣйствительно, положеніе учениковъ и подмастерьевъ, несмотря на отсутствіе защиты ихъ со стороны цеховаго права, первоначально не было особенно тяжелымъ, благодаря тому, что и ученичество и подмастерство въ эпоху расцвѣта цеховаго строя были только переходными ступенями къ мастерству, такъ что классовой розни между мастерами и ихъ вспомогательнымъ персоналомъ не было, отношенія между ними имѣли патріархальный характеръ, и мастера не пользовались своей властью исключительно съ цѣлью сколько возможно больше выгодъ извлечь изъ учениковъ въ ущербъ ихъ обученію. Но, къ сожалѣнію, подобное положеніе вещей продолжалось не такъ долго, какъ думаютъ многіе. Уже въ 14-мъ вѣкѣ отношенія эти начинаютъ измѣняться вслѣдствіе перенаселенія городовъ и чрезмѣрнаго увеличенія ремесленнаго класса, а въ 15-мъ вѣкѣ раздѣленіе ремесленниковъ на два социальныя класса съ рѣзко противоположными интересами—мастеровъ и кнехтовъ—сказывается ярко. вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія между ними стали совсѣмъ иными, болѣе враждебными, а не чисто товарищескими, какъ прежде ¹⁾. Само собой подобное измѣненіе сказалось не только на

¹⁾ Schanz, «Zur Geschichte des deutschen Gesellenverbände». 1877 г. стр. 7—12, 17 и сл.

положеніи подмастерьевъ, но и учениковъ: мастера стали болѣе заботиться объ извлеченіи изъ ихъ труда возможно болѣе выгодъ, чѣмъ о хорошемъ обученіи ихъ ремеслу, обращеніе стало болѣе жестокимъ, содержаніе хуже. Вотъ какъ описываетъ въ концѣ 15-го вѣка Іоганнъ Бутцбахъ свои ученическіе годы у портного: „Я могъ-бы написать цѣлую толстую книгу о томъ, что я у даннаго мастера вынесъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ ученичества, не говоря уже о трудности самаго ремесла, о безчеловѣчныхъ ночныхъ работахъ, при которыхъ я приходилъ въ полное тѣлесное изнеможеніе, о томъ, какъ я работалъ съ 3—4-хъ часовъ утра вплоть до 9—10-ти, а иногда и 11—12-ти часовъ ночи, о томъ, какъ даже въ большіе праздники приходилось работать до обѣдни, о томъ, какъ меня обременяли ноской воды, уборкой дома, разными другими порученіями по городу и за городъ, и, что было особенно ненавистно, сборомъ, или вѣрнѣе воровствомъ, воска отъ свѣчей въ церквахъ для работы, о томъ, какъ я получалъ отъ мастера, жены его и домашнихъ брань и жестокіе удары, терпѣлъ отъ холода, жары, голода, жажды и т. п.“ ¹⁾. Е. Отто, правда, полагаетъ, что было-бы въ высшей степени ошибочнымъ думать, что положеніе учениковъ вообще было таковымъ, какъ это описываетъ Бутцбахъ: онъ склоненъ думать, что хозяинъ Бутцбаха былъ исключеніемъ, и что вообще патріархальныя отношенія въ ремеслѣ господствовали еще долго ²⁾, но мы лично не можемъ раздѣлить оптимизма вышеназваннаго писателя т. к. уже одно учащеніе побѣговъ учениковъ, несмотря на начавшееся въ 15-омъ вѣкѣ усиленіе репрессій за таковыя, свидѣтельствуетъ, что положеніе учениковъ было очень и очень печальнымъ ³⁾.

¹⁾ Цитировано по E. Otto, «Das deutsche Handwerk in seiner Kulturgeschichtlichen Entwicklung», 1900 г. стр. 121—122.

²⁾ Otto, стр. 122.

³⁾ Такого мнѣнія и Mummenhoff, стр. 59 и сл.

§ 3. Исторія ученичества въ эпоху упадка цехового строя въ Западной Европѣ.

Изучая регламентацію ученичества въ Западной Европѣ въ средніе вѣка мы видѣли, что и въ ту эпоху цехи проявляли монополистическія тенденціи, стремились по возможности затруднить доступъ въ число цеховыхъ ремесленниковъ. Проявление подобныхъ тенденцій объясняется тѣмъ, что уже тогда экономическія условія становятся менѣе благоприятными для процвѣтанія ремесленного производства, такъ какъ начинается сильное движеніе сельскаго населенія въ города, что увеличивало число ремесленниковъ, тогда какъ спросъ на продукты не возрасталъ вслѣдствіе печальнаго экономического положенія населенія. Но если упадокъ благосостоянія ремесленниковъ начался еще въ 14-омъ вѣкѣ, то съ 16-го вѣка, когда прежнее производство для городского рынка, на почвѣ котораго развился цеховой строй, начинается смѣняться промышленностью національной, работающей на всю страну, ремесленный цеховой строй въ Германіи уже явно становится непригоднымъ для измѣнившихся условій жизни. При такомъ положеніи вещей было вполне естественнымъ, что тѣ монополистическія тенденціи, которыя начали появляться у цеховыхъ ремесленниковъ еще въ предшествующій періодъ, теперь сказываются все рѣзче и ярче, т. е. только въ закрѣпленіи за собой монополии производства и въ ограниченіи доступа въ цехи цеховые ремесленники видѣли средство къ обезпеченію себѣ и своему потомству безбѣднаго существованія. Аналогичное явленіе имѣло мѣсто въ 15-омъ вѣкѣ во Франціи и въ Англіи.

Обостреніе монополистическихъ тенденцій въ эту эпоху отразилось на регламентаціи ученичества главнымъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ установленіи различныхъ мѣръ съ цѣлью затруднить доступъ въ ученики. Къ числу такихъ мѣръ относится прежде всего распространеніе запрещенія приема женщинъ. Въ то время какъ въ предшествующій періодъ, какъ мы видѣли ¹⁾, общаго и принципиальнаго правила о недопущеніи женщинъ къ занятію ремесломъ, а слѣдователь-

¹⁾ См. выше стр. 42—43.

но и къ обученію ремесла, въ Германіи не существовало, съ конца 16-го вѣка, подъ влияніемъ вышеуказанныхъ монополистическихъ тенденцій, стремленіе къ недопущенію женщинъ начинаетъ сказываться все сильнѣе и сильнѣе. Въ этомъ движеніи участвовали не только мастера, но и подмастерья, объявлявшіе безчестнымъ всякаго подмастерья, работавшаго рядомъ съ женщиной. Въ 17-мъ вѣкѣ правило о недопущеніи женщинъ широко распространяется, и обратные случаи являются уже рѣдкими исключеніями, а въ концѣ 17-го вѣка можно признать, что мужской полъ является уже первымъ и общимъ условіемъ для поступленія въ ученики ¹⁾. Недопущеніе женщинъ въ ученики встрѣчается довольно часто въ Италіи ²⁾ и въ Англіи ³⁾.

Далѣе, если и въ предыдущій періодъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цехи, какъ мы видѣли ⁴⁾, требовали, чтобы не только самъ ученикъ, но и родители его были законнорожденными, то теперь это требованіе становится широко распространеннымъ, и принятію ученика предшествовала формальная *Ahnprobe*, имѣвшая цѣлью удостовѣриться, были-ли законнорожденными не только родители ученика, но и его дѣды и бабушки въ обѣихъ линіяхъ ⁵⁾. Во Франціи также въ началѣ 18-го вѣка нѣкоторые цехи домогаются запрещенія приема въ ученики незаконнорожденныхъ, но попытки эти результата не достигли, т. е. правительство неутверждало подобныя постановленія статутовъ, считая ихъ несправедливыми и противными интересамъ государства ⁶⁾. Въ Италіи запрещеніе приема незаконнорожденныхъ въ этотъ періодъ существовало ⁷⁾. Признаніе цѣлаго ряда профессій безчестными и лишеніе дѣтей

¹⁾ Stahl, стр. 91—93.

²⁾ Rodocanachi, стр. LIV.

³⁾ R. Brodsky, «Das Lehrlingswesen in England im 15. und 16. Jahrhundert», 1907 г. стр. 11.

⁴⁾ См. выше стр. 47.

⁵⁾ Otto, стр. 80.

⁶⁾ Goestouwers, «Les metiers de Namur sous l'ancien régime», 1908 г. стр. 31.

⁷⁾ Rodocanachi, стр. LIV.

лицъ, занимающихся ими, права быть принятыми въ ученики распространяются по всей Германіи, и число этихъ профессій увеличивается: кромѣ указанныхъ нами выше профессій ¹⁾, теперь не принимаютъ уже и дѣтей судей и судебныхъ слушателей вообще подъ тѣмъ предлогомъ, что эти лица по своей службѣ соприкасаются и имѣютъ дѣло съ преступниками ²⁾. Безчестными теперь признаются не только дѣти даннаго лица, но и его внуки, правнуки, родственники и свойственники. Такъ, напримѣръ, цехъ суконщиковъ въ Нейдаммѣ исключилъ изъ своей среды одного ремесленника на томъ основаніи, что бабушка его жены была дочерью пастуха, несмотря на то, что Geburtsbrief доказывало неосновательность обвиненія ³⁾.

Если и въ предшествующій періодъ нѣкоторые поступки, сами по себѣ не являющіеся преступными, для ремесленника считались позорными, то въ періодъ упадка цехового строя цехи въ этомъ отношеніи дошли до абсурда, признавая, напримѣръ, безчестнымъ ремесленника, убившаго кошку или собаку, или если онъ, даже безъ своего вѣдома, ѣхалъ или шелъ рядомъ съ палачомъ, ѣлъ или пилъ вмѣстѣ съ нимъ, проѣхалъ на его лошади, участвовалъ въ похоронахъ палача, его жены, или ребенка и т. п. ⁴⁾. Безчестье, навлеченное подобнымъ поступкомъ, падаетъ не только на самаго виновника, но и на его дѣтей, родственниковъ, свойственниковъ и потомство ихъ ⁵⁾.

Въ статутахъ даннаго періода начинаютъ встрѣчаться и требованія отъ вступающаго въ ученики изв. возраста, причемъ возрастъ этотъ сравнительно довольно высокъ—14 и 15 лѣтъ ⁶⁾, а иногда и больше: такъ, напримѣръ, статутъ булочниковъ въ Мюнстерѣ въ 1639-омъ году повышаетъ мини-

¹⁾ См. выше стр. 50.

²⁾ Krumbholz, стр. 79*; Mummenhoff, стр. 56.

³⁾ G. Adler, «Ueber die Epochen der deutschen Handwerker Politik», 1903 г. стр. 33.

⁴⁾ Mummenhoff, стр. 56; Adler, стр. 33; Otto, стр. 81.

⁵⁾ Stahl, стр. 159; Otto, стр. 81.

⁶⁾ Nübling, стр. 559; Stockbauer, стр. 19.

мумъ возраста съ 14-ти или 15-ти лѣтъ до 18-ти ¹⁾. Цѣлью подобныхъ постановленій была, несомнѣнно, отнюдь не забота объ ученикахъ и устраненіи обремененія дѣтей, не окрѣпшихъ физически, тяжелыми работами,—забота объ ученикахъ была теперь болѣе чѣмъ когда либо чужда цехамъ,—а то же стремленіе по возможности ограничить доступъ въ ученики, которое красной нитью проходитъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ цеховъ періода упадка. Конечной цѣлью этихъ стремленій было совершенно преградить доступъ въ цехи постороннимъ лицамъ и сдѣлать право занятія извѣстнымъ ремесломъ наследственной привилегіей ограниченнаго числа фамилій. И число цеховъ, довольствовавшихся косвенными мѣрами для достиженія этой цѣли, въ видѣ введенія ряда всевозможныхъ ограниченій для постороннихъ и увеличенія льготъ для дѣтей и родственниковъ мастеровъ, а прямо постановлявшихъ, что въ ученики принимаютъ исключительно дѣти мастеровъ, все болѣе и болѣе растетъ ²⁾. Подобные замкнутые цехи появляются и въ Италіи ³⁾, и во Франціи ⁴⁾,

Кромѣ повышенія требованій къ лицамъ, желающимъ поступить въ ученики, въ періодъ упадка цехового строя подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ и другія стороны регламентаціи ученичества. Именно теперь распространяется главнымъ образомъ ограниченіе въ числѣ учениковъ и подмастерьевъ ⁵⁾, а также запрещеніе лицу, вновь принятому въ мастера, въ теченіе года со днемъ, а иногда и 2-хъ—3-хъ лѣтъ, принимать учениковъ подъ предлогомъ, что молодой мастеръ не можетъ быть достаточно опытенъ для надлежащаго обученія ремеслу, пока самъ на практикѣ нѣсколько не усовершенствуется въ немъ ⁶⁾. Съ цѣлью ограниченія числа учени-

¹⁾ Krumbholz, стр. 78*; въ Англии при Генрихѣ VIII также отъ вступающаго въ ученики требуютъ достиженія 18-ти лѣтъ минимумъ, тогда какъ раньше принимали и 14-тилѣтнихъ (см. Brodsky, стр. 8).

²⁾ Schanz, стр. 16; Blümke, стр. 37; Otto, стр. 83.

³⁾ Bodocanachi, стр. LIV.

⁴⁾ Goetstouwers, стр. 73.

⁵⁾ Neuburg, стр. 135; Westien, стр. 234; Levasseur, т. I, стр. 114.

⁶⁾ Mummenhoff, стр. 94 и сл.; Dolfus-Francoz, стр. 14.

ковъ теперь начинаютъ прибѣгать и къ такимъ мѣрамъ, какъ т. наз. „Stillstand“, т. есть полному запрещенію мастеру въ теченіе изв. срока по выпускѣ ученика брать взаимнѣ его новаго, причемъ срокъ этотъ съ теченіемъ времени все удлиняется ¹⁾. Иногда такое Stillstand объявлялось общимъ для всѣхъ мастеровъ въ теченіе изв. срока—25, 10, 14 или 5 лѣтъ,—причемъ исключеніе дѣлалось только для дѣтей мастеровъ ²⁾. Весьма существеннымъ средствомъ для ограниченія доступа въ цехи являлось также и повышеніе вступныхъ взносовъ съ ученика при принятіи. Это повышеніе, достигавшее весьма серьезныхъ размѣровъ, практиковалось не только въ Германіи ³⁾, но и въ другихъ странахъ ⁴⁾. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 17-го вѣка въ Англіи цехи брали съ учениковъ 500, 600 и 800 шиллинговъ, сумму по тому времени огромную дѣлавшую вступленіе въ ученики положительно недоступнымъ для дѣтей небогатыхъ родителей. Въ качествѣ средства задержать на извѣстное время увеличеніе числа конкурентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечить мастерамъ возможность въ теченіе болѣе долгаго времени пользоваться дешевымъ трудомъ учениковъ, во многихъ мѣстностяхъ срокъ ученичества удлиняется ⁵⁾. На ряду съ увеличеніемъ срока ученичества въ нѣкоторыхъ городахъ появляется и запрещеніе мастерамъ подъ страхомъ наказанія сокращать этотъ срокъ за извѣстное вознагражденіе со стороны ученика ⁶⁾.

Что касается до регламентаціи взаимныхъ правъ и обязанностей между ученикомъ и мастеромъ, то здѣсь, кромѣ

¹⁾ Stockbauer, стр. 24; Meister, стр. 58; въ Дрезденѣ такое постановленіе встрѣчается впервые въ 1549 г. (см. Flemming, стр. 4—11).

²⁾ Mummenhoff, стр. 56.

³⁾ Girke, т. I, стр. 918.

⁴⁾ См. Levasseur, т. II, стр. 790; Des-Marez, стр. 47—48; Brentano, стр. 70.

⁵⁾ Otto, стр. 81; Meister, стр. 48; Werner, «Urkundliche Geschichte d. Jglauer Tuchmacherzunft» 1861 г. стр. 57; Mascher, стр. 336; Stockbauer, стр. 19.

⁶⁾ Такъ, напримѣръ, въ Нюренбергѣ (см. Stockbauer, стр. 20); во Франціи запрещеніе это установилъ ординансъ 1581-го г.

серьезнаго повышенія платы за ученіе ¹⁾, существенныхъ измѣненій не произошло. Кое-гдѣ, правда, появляются постановленія въ защиту учениковъ, но въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Къ такимъ немногочисленнымъ постановленіямъ относится требованіе сдачи ученикомъ по окончаніи ученичества испытанія ²⁾, что имѣло цѣлью, впрочемъ, не столько контроль за мастеромъ, сколько опять таки создать затрудненія ученику подвинуться дальше въ ремесленной іерархіи; затѣмъ нѣкоторые цехи пытаются установить контроль за обученіемъ и содержаніемъ учениковъ ³⁾, устранить обремененіе учениковъ домашними работами ⁴⁾ и жестокое обращеніе съ ними ⁵⁾. Но эти рѣдкія постановленія, само собою понятно, не могли оказать серьезнаго вліянія на улучшеніе положенія учениковъ; послѣднее въ этотъ періодъ не только не улучшилось, но значительно ухудшилось, благодаря измѣненію самаго характера взаимныхъ отношеній между мастерами и ихъ вспомогательнымъ персоналомъ. Измѣненіе это состояло въ томъ, что, въ противоположность предыдущему періоду, отбытіе ученичества теперь уже далеко не всегда отрывало дорогу къ полученію правъ мастера. Это произошло въ силу того, что цехи не только затруднили доступъ въ ученики, но оставили еще болѣе большими преградами принятіе въ цехъ въ качествѣ его полноправнаго члена, такъ какъ это было главной цѣлью ихъ политики въ этотъ періодъ, ради которой въ

¹⁾ Otto, стр. 81; Girke, I, стр. 918.

²⁾ Напр. у Tuchscherern въ Нюренбергѣ въ 1577 г. (см. Stockbauer, стр. 23).

³⁾ Въ Вернигероде лишь статутъ башмачниковъ 1739-го г. обращаетъ вниманіе на обученіе учениковъ, возлагая на Grossmeister'a обязанность слѣдить за нимъ (см. Meister, стр. 90); въ Нюренбергѣ въ 1595-омъ г. три цеха (Goldspinnern, Bortenwirkern и Cartetschenmachern) назначаютъ двухъ должностныхъ лицъ и возлагаютъ на нихъ обязанность слѣдить за содержаніемъ учениковъ и обращеніемъ съ ними; въ случаѣ если обнаружено будетъ неисполненіе мастеромъ своихъ обязанностей, то эти лица должны были сдѣлать ему внушеніе, а если это не поможетъ, то записать его въ «Rüge» (Stockbauer, стр. 24).

⁴⁾ Stahl, стр. 212—213; Stockbauer, стр. 22.

⁵⁾ Stahl, стр. 209; Stockbauer, стр. 22.

сущности вводились и ограничения при приѣмѣ въ ученики. Для достиженія этой цѣли удлиняется срокъ подмастерства, обязательное странствованіе становится широко распространяемымъ требованіемъ, и срокъ его увеличивается, распространяется также требованіе отбытія подмастерья т. наз. „Muthzeit“, т. е. проработать изв. время въ городѣ, гдѣ данное лицо желаетъ сдѣлаться мастеромъ ¹⁾, а также требованіе сдачи испытанія въ доказательство знанія ремесла посредствомъ исполненія пробной работы (Meisterstück), назначенной старшинами цеха. Особенно послѣднее требованіе являлось въ рукахъ цеховъ сильнымъ средствомъ для ограниченія доступа въ цехъ ²⁾. Для достиженія этой цѣли отъ желающаго поступить въ мастера, въ качествѣ испытанія его познаній, требовали исполненія необычайно трудной и дорого стоящей работы, и притомъ такой, которая явно не могла найти потомъ себѣ сбыта. Кромѣ того, при оцѣнкѣ этой работы цехи проявляли мелочную придирчивость и явную несправедливость, т. что, какъ-бы хорошо ни была исполнена работа, подмастерье всегда рисковало, что подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ работа будетъ забракована, и всѣ его труды и расходы пропадутъ. Аналогичныя злоупотребленія при назначеніи и оцѣнкѣ пробной работы практиковались и во Франціи ³⁾. Къ крупнымъ расходамъ на изготовленіе пробной работы присоединялось еще требованіе уплатить въ цехъ весьма высокой вступной взносъ, повышенный по сравненію съ прошлымъ болѣе чѣмъ вдвое, и выставить членамъ цеха роскошное угощеніе ⁴⁾. Насколько взносы были велики, можно судить по тому, что въ 16-омъ в. во Франціи они колебались отъ 200—1200 лив-

¹⁾ Girke, т. I, стр. 918; въ Англіи ни отбытіе подмастерства ни странствованіе не были обязательными (Brentano, стр. 71); во Франціи странствованіе также не было обязательнымъ.

²⁾ Girke, loc. cit.; Otto, стр. 81—82; Nübling, I, стр. 440.

³⁾ Goetstouwers, стр. 41—44; Levasseur, т. II, стр. 108; Martin Saint-Leon, стр. 282; Eberstadt, стр. 282; въ Англіи пробной работы не требовалось.

⁴⁾ Otto, стр. 80; Werner, стр. 71; Brentano, стр. 72; Hermandlung, стр. 56.

ровъ ¹⁾, въ Брюсселѣ въ первой половинѣ 18-го вѣка достигали до 300 и даже до 800 флориновъ ²⁾, а въ Берлинѣ въ это-же время поступленіе въ цехъ мясниковъ стоило 40 таллеровъ ³⁾,—суммы по тому времени прямо-таки огромныя. Неудивительно, что если кому-нибудь и удавалось преодолѣть всѣ эти препятствія, то, по принятіи въ число мастеровъ онъ оказывался по уши обремененнымъ долгами.

Послѣдней стадіей въ этомъ стремленіи цеховъ ограничить доступъ въ цехъ и тѣмъ сохранить право заниматься ремесломъ за небольшимъ числомъ лицъ, было опредѣленіе числа мастеровъ въ каждомъ ремеслѣ для даннаго города опредѣленной цифрой; этимъ уже безусловно конкуренція устранялась, и каждому изъ появившихъ въ это число существованіе было обеспечено. Число такихъ замкнутыхъ цеховъ въ періодъ упадка цехового строя становится довольно значительнымъ не только въ Германіи ⁴⁾, но и во Франціи ⁵⁾.

Благодаря всѣмъ этимъ затрудненіямъ, постороннимъ лицамъ попасть въ число мастеровъ было не менѣе, пожалуй, трудно, чѣмъ верблюду пролезть въ ушко иголки, ремесло стало привилегіей немногочисленныхъ фамилій, переходившей по наслѣдству отъ отца къ сыну или зятю ⁶⁾. Насколько незначительный процентъ всего числа учениковъ достигалъ въ послѣдствіи званія мастера, можно видѣть хотя-бы изъ того, что, по словамъ Krumpholz'a, въ г. Мюнстерѣ за время съ 1563—1662 г.г. въ незамкнутомъ цехѣ маляровъ

¹⁾ Levasseur, т. II, стр. 111.

²⁾ Des-Marez, стр. 80.

³⁾ Rohrscheidt, «Vom Zunftzwang zur Gewerbefreiheit», 1898, стр. 64.

⁴⁾ Girke, т. I, стр. 368; Blümke, стр. 39—40.

⁵⁾ Напр. число золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Парижѣ въ 16-омъ вѣкѣ ограничено 300; аналогичное явленіе имѣло мѣсто и во многихъ другихъ цехахъ. (См. Levasseur, Histoire des classes ouvrières en France après 1789 г., стр. 49, 52.)

⁶⁾ Иѣкоторые цехи, впрочемъ, прямо даже устанавливали, что въ цехъ принимаются лишь тѣ, кто получить право мастерства по наслѣдству (такъ напр. цехъ Gewandschneider въ 1538-омъ г. въ Гильдесгеймѣ—см. Hartmann, стр. 59).

изъ 104-хъ учениковъ только 21 стали мастерами въ данномъ городѣ ¹⁾. Такимъ образомъ ученикъ теперь въ большинствѣ случаевъ уже не могъ рассчитывать сдѣлаться впоследствии мастеромъ и не могъ утѣшаться тѣмъ, что всѣ тяжелыя испытанія, которыя падали на его долю во время ученичества и подмастерства, являются лишь временными явлениями, долженствующими исчезнуть при достиженіи имъ самостоятельнаго положенія въ ремеслѣ, такъ, какъ въ будущемъ ему предстояла перспектива до конца жизни оставаться подмастерьемъ. Эти вѣчные подмастерья вслѣдствіе этого стали обособленнымъ классомъ наемныхъ рабочихъ, враждебнымъ классу мастеровъ. Все это способствовало окончательному исчезновенію прежнихъ патриархальныхъ отношеній между учениками и подмастерьями съ одной стороны, и мастерами съ другой, что, конечно, особенно тяжело отзывалось на положеніи учениковъ, юридически почти совсѣмъ беззащитныхъ и находящихся въ безграницномъ распоряженіи мастера. Поэтому, если Е. Отто по поводу описанія Бутцбахомъ своего ученичества полагалъ ²⁾, что въ 15-омъ вѣкѣ подобное положеніе вещей было явленіемъ исключительнымъ, то относительно періода упадка тотъ-же Отто ³⁾ признаетъ, что обычай заставлялъ учениковъ исполнять всевозможныя домашнія работы и злоупотребленія мастерами своимъ правомъ наказывать учениковъ были явленіями очень распространенными. То же самое констатируютъ и другіе изслѣдователи цехового строя въ Германіи ⁴⁾. Не лучшимъ было положеніе учениковъ и въ другихъ странахъ. Такъ Левассеръ говоритъ, что, какъ въ XVIII, такъ и XVII в. в., во Франціи ученики встаютъ раньше всѣхъ, ложатся спать послѣдними, должны исполнять все, что только имъ ни прикажутъ мастеръ или подмастерье, и работать въ теченіе иногда 18-ти часовъ въ сутки (напримѣръ въ Лионѣ) ⁵⁾. Мартинъ Сентъ Леонъ также подтверждаетъ,

¹⁾ Krumbholz, loc. cit.

²⁾ См. выше стр. 123.

³⁾ Otto, стр. 81.

⁴⁾ См. напримѣръ, Meister, стр. 90.

⁵⁾ Levasseur, «Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789 г.» т. II, стр. 788—796.

что въ періодъ 1610 — 1715 г.г. положеніе рабочихъ стало очень тяжелымъ, такъ какъ многіе статуты уже не знаютъ запрещенія ночной работы, а другіе опредѣляютъ прямо рабочій день на весь годъ съ 5 часовъ утра до 8 вечера, или даже съ 4-хъ утра до 9 вечера ¹⁾, а такъ какъ исключеній для учениковъ не было, то и они должны были выносить этотъ рабочій день, непосильный даже для взрослыхъ. По поводу положенія учениковъ въ Англии англійскій экономистъ Эдуардъ Чемберленъ въ 1669-омъ г. писалъ, что положеніе это было весьма схожимъ съ положеніемъ крѣпостныхъ; разница лишь въ томъ, что ученики являлись рабочими даннаго хозяина на опредѣленный срокъ и на основаніи соглашенія ²⁾.

Но если ученики, уже по своему возрасту, принуждены были безъ борьбы сносить свое тяжелое положеніе и искать отъ него спасеніе только въ бѣгствѣ отъ особенно безчеловѣчныхъ мастеровъ, то со стороны подмастерьевъ мастера встрѣтили серьезное сопротивленіе. Уже съ конца 14-го вѣка, когда подмастерство начало терять значеніе переходной стадіи къ мастерству и приобрѣтать характеръ постоянного положенія, вслѣдствіе чего антагонизмъ между мастерами и подмастерьями сталъ увеличиваться, подмастерья въ Германіи начали образовывать свои собственные союзы съ цѣлью, главнымъ образомъ, борьбы за улучшеніе своего положенія. Приблизительно въ это-же время, хотя возможно и нѣсколько раньше, образуются такіе союзы и въ другихъ странахъ ³⁾. Дѣятельность союзовъ подмастерьевъ направлена была главнымъ образомъ на то, чтобы получить извѣстное участіе въ цеховомъ судѣ и цеховомъ управленіи и имѣть, такимъ образомъ, возможность вліять на послѣднее, сообразно съ интересами подмастерства; вмѣстѣ съ тѣмъ союзы боролись за повышение заработной платы, за празднованіе „голубого“ по-

¹⁾ Martin Saint-Leon, стр. 502.

²⁾ Steffen, «Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter», т. I, стр. 480.

³⁾ Относительно Англии см. Steffen, т. I, стр. 355; во Франціи уже ординансъ 1382-го года выступилъ съ запрещеніемъ подобныхъ организацій подмастерьевъ.

недѣльника, противъ Trucksystem, противъ чрезмѣрныхъ штрафовъ за прогулы и стремились къ смягченію наказаній за нарушенія договоровъ. На ряду съ этими задачами, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ празднованіе голубого понедѣльника, несомнѣнно касалось и интересовъ учениковъ, союзы подмастерьевъ принимали большое участіе и въ самой постановкѣ ученичества вообще. Для подмастерьевъ далеко не было безразличнымъ, какъ и въ какомъ числѣ обучаются ученики, такъ какъ послѣдніе являлись будущими подмастерьями, и плохое обученіе ихъ роняло честь корпораціи, а чрезмѣрное число учениковъ грозило подмастерьямъ въ послѣдствіи пониженіемъ заработной платы. Поэтому-то въ статутахъ союзовъ подмастерьевъ нѣрѣдко ученичеству посвящались особые параграфы ¹⁾, а въ нѣкоторыхъ городахъ подмастерья вели изъ за учениковъ даже борьбу съ мастерами. ²⁾ Но несмотря на то, что въ этой борьбѣ съ мастерами подмастерья нѣрѣдко добивались существенныхъ выгодъ и пріобрѣтали значительное участіе въ цеховомъ управленіи ³⁾, тѣмъ не менѣе серьезнаго вліянія на измѣненіе характера вырождающейся и падающей, подъ вліяніемъ причинъ политическаго и экономическаго характера, цеховой системы они имѣть не могли, къ тому-же и успѣхи союзовъ подмастерьевъ были недолговременны: въ 16-мъ вѣкѣ положеніе подмастерьевъ снова ухудшается, заработная плата падаетъ, и попасть въ мастера становится еще труднѣе; при такихъ условіяхъ союзы само собой оказывались бессильными повліять существеннымъ образомъ на положеніе учениковъ. Впрочемъ и самый характеръ союзовъ подмастерьевъ съ теченіемъ времени рѣзко

¹⁾ Такъ, напримѣръ, у ткачей во Фрейбургѣ въ 1591-омъ г. статутъ постановлялъ, что союзъ не принимаетъ учениковъ, не отслужившихъ полный срокъ ученичества или бѣжавшихъ отъ мастера. (См. Schanz, приложение № 103, стр. 279).

²⁾ Напримѣръ въ Страсбургѣ подмастерья-ткачи въ 1363-омъ г. (См. Schanz, стр. 125); въ Гильдесгеймѣ въ цехѣ портныхъ ученики состояли членами союза подмастерьевъ (Tuckermann, стр. 52).

³⁾ Такъ вышеупомянутые страсбургскіе ткачи добились, что въ разрѣшеніи различныхъ дѣлъ относительно ученичества они имѣютъ такое-же значеніе, какъ и мастера; въ Шпейерѣ всѣ споры между подмастерьями и мастеромъ разрѣшались судомъ изъ 4-хъ подмастерьевъ и 4-хъ мастеровъ (см. Schanz, стр. 119—120).

измѣнился: если въ 15-омъ и 16-омъ вѣкахъ они стремились, главнымъ образомъ, къ поднятію своего экономическаго благосостоянія путемъ сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы, къ улучшенію обращенія со стороны мастеровъ и взаимной поддержкѣ, то въ 17-омъ и 18-омъ вѣкахъ они занимаютъ главнымъ образомъ поддержаніемъ своей чести, весьма своеобразно понимаемой, и борьбой за соблюденіе различныхъ дурныхъ обычаевъ, поднимая беспорядки изъ за самыхъ вздорныхъ предлоговъ, такъ что походили скорѣе на студенческія корпораціи, чѣмъ на союзы рабочихъ ¹⁾.

Монополистическая политика цеховъ печально отражалась не только на ученикахъ и подмастерьяхъ, но и на населеніи, которое тѣмъ острѣе чувствовало тяжесть монополии и злоупотребленія цеховъ, чѣмъ болѣе самый цеховой строй становился въ противорѣчіе съ требованіями жизни. Поэтому жалобы на безсовѣстную эксплуатацію со стороны цеховъ и на болѣе чѣмъ небрежный надзоръ за промышленностью со стороны цеховыхъ должностныхъ лицъ въ 16-омъ вѣкѣ становятся весьма частыми, и недовольство населенія цеховой системой все болѣе и болѣе растетъ. Насколько недовольство это было сильно, можно видѣть изъ того, что въ Лионѣ въ 1511-омъ г. городъ ходатайствовалъ о совершенномъ уничтоженіи цеховъ, о введеніи свободы промышленности и предоставленіи иностраннымъ рабочимъ права заниматься ремесломъ ²⁾. Аналогичный вопросъ объ уничтоженіи цеховой системы, какъ бесполезной и вредной, былъ поднятъ гофратомъ въ Мюнхенѣ въ 1615-омъ г. и городскимъ совѣтомъ въ Бременѣ въ 1624-омъ г. ³⁾. При такихъ обстоятельствахъ печальныя стороны цехового строя не могли не обратить на себя вниманіе князей, ставшихъ въ это время уже весьма могущественной силой, причемъ вліяніе ихъ на организацію промышленности особенно сильно начало сказываться во Франціи и въ Англій, гдѣ государственная власть сконцентриро-

¹⁾ Adler. «Ueber die Epochen der deutschen Handwerkerpolitik», 1903 г., стр. 37; «Böhmert, «Beitrag zur Geschichte des Zunftwesens», 1862 г. стр. 52.

²⁾ Imbart de la Tour въ «Seances et travaux de l'academie des sciences morales et politiques», 1905 г. № 2 стр. 222 и сл.

³⁾ Mascher, стр. 369.

вдалась въ рукахъ королей и окрѣпла значительно раньше, чѣмъ въ Германіи.

Во Франціи первымъ вмѣшательствомъ королевской власти въ цеховую организацію была кодификація цеховыхъ статутовъ города Парижа въ знаменитой *Livre des metiers*, составленной по порученію короля во 2-ой половинѣ XIII-го вѣка парижскимъ прево Этьенномъ Буало, работа котораго является главнымъ источникомъ для изученія цеховой организаціи во Франціи въ ту эпоху. За этимъ первымъ вмѣшательствомъ послѣдовалъ рядъ другихъ законодательныхъ актовъ, но акты эти вплоть до 2-ой половины 16-го вѣка совершенно не касались самой цеховой организаціи, которая продолжала существовать въ томъ самомъ видѣ, какой она имѣла при Этьеннѣ Буало; единственная серьезная попытка въ этомъ отношеніи, сдѣланная ордоннансомъ 1351-го года, который разрѣшилъ мастерамъ держать неограниченное число учениковъ и предоставилъ сторонамъ по соглашенію устанавливать срокъ обученія и плату за него, въ какомъ угодно размѣрѣ, осталась безрезультатной, т. к. ордоннансъ этотъ на практикѣ не соблюдался. Несравненно болѣе важное значеніе для цеховъ, чѣмъ ордоннансы, имѣло введеніе королями т. наз. „*lettres de maitrise*“. Эти письма продавались королями по случаю какого-нибудь торжественнаго событія и предоставляли купившему право сдѣлаться цеховымъ мастеромъ безъ отбытія подмастерства и ученичества, безъ представленія *chef-d'oeuvre* и безъ уплаты въ цехъ какихъ либо денежныхъ взносовъ. Впервые такія письма стали выдаваться королемъ Людовикомъ XI (съ 1461-го г.). Мѣра эта, хотя и созданная исключительно изъ фискальныхъ соображеній, могла бы, конечно, принести извѣстную пользу, облегчая доступъ въ цехи, т. к. получить подобное письмо могъ каждый, заплативъ за него значительно дешевле вступного взноса, взимаемаго цехами, но на практикѣ, начиная съ 16-го вѣка, вышеуказанныя *lettres de maitrise* только еще болѣе ухудшали положеніе ремесленниковъ. Произошло это потому, что цехи, видя въ *lettres de maitrise* нарушеніе ихъ правъ, изобрѣтали тысячи средствъ, чтобы запугать лицъ, желавшихъ пріобрѣсти такимъ путемъ права мастера, и ухитрялись заставлять купившихъ платить тайно цехамъ значительныя суммы, чтобы только избѣжать преслѣдованій со стороны цеховъ. Поэтому то

покупателей на письма находилось мало, а короли продолжали ихъ выпускать все въ большемъ и большемъ количествѣ и, чтобы выручить за нихъ нужныя суммы, стали прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ запрещеніе допускать кого-либо къ *chef-d'oeuvre*, прежде чѣмъ не будутъ раскуплены всѣ выпущенныя *lettres de maitrise*, или даже прямо заставляли цехи покупать эти письма съ тѣмъ, чтобы распродавать ихъ въ розницу ¹⁾. Результатомъ этого получилось только то, что отъ вступающаго въ цехъ стали требовать кромѣ вступного взноса еще уплаты извѣстной суммы денегъ за *lettre*, и вступление въ цехъ стало еще болѣе недоступнымъ, чѣмъ ранѣе.

Во 2-ой половинѣ 16-го вѣка королевская власть ордоннансомъ 1581-го года задается цѣлью существенно реформировать весь цеховой строй Франціи. Задуманная реформа, какъ говорится въ самомъ ордоннансѣ, имѣла цѣлью главнымъ образомъ уничтожить тѣ злоупотребленія, которыя практиковались въ то время при пріемѣ въ цехи. Для достиженія этой цѣли ордоннансъ точно опредѣлил размѣръ вступныхъ взносовъ, причемъ значительно понизилъ эти взносы по сравненію съ тѣмъ, что брали до этого времени цехи; вмѣстѣ съ тѣмъ ордоннансъ принялъ мѣры противъ чрезмѣрныхъ требованій цеховъ относительно *chef-d'oeuvre* и предоставилъ возможность требовать пересмотра дѣла высшей инстанціей, въ случаѣ если цехъ забравуетъ работу аспиранта; далѣе, срокъ подмастерства былъ опредѣленъ въ три года и, наконецъ, было запрещено сокращать срокъ ученичества за извѣстное вознагражденіе со стороны ученика, причемъ лишь для дѣтей мастеровъ въ видѣ льготы установленъ былъ срокъ обученія вдвое короче нормальнаго. Но на ряду съ мѣрами противъ злоупотребленій цеховъ, ордоннансъ 1581-го года въ то-же самое время распространялъ цеховую организацію на всю Францію, обязавъ ремесленниковъ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ цеховъ не было,—а такихъ городовъ во Франціи было не мало,—немедленно сорганизоваться въ цехи. Законодатель этимъ путемъ стремился создать единообразную для всего королевства организацію промышленности, находящуюся въ полной зависимости отъ королевской власти, причемъ

¹⁾ Levasseur, т. II, стр. 128—131.

главнымъ образомъ руководствовался фискальными соображеніями, такъ какъ, распространяя цеховую систему, онъ въ то же время устанавливалъ особый налогъ съ каждаго мастера, вступающаго въ цехъ.

Ордоннансъ 1581-го года, стремившійся, по словамъ Левассера, всю Францію, какъ въ тюрьму, заключить въ старѣя формы цеховой организаціи, вслѣдствіе наступленія смутнаго времени соблюдался не болѣе своихъ предшественниковъ. Но тѣмъ не менѣе, тѣ задачи, которыя онъ преслѣдовалъ,—именно сдѣлать изъ цеховъ официальные, находящіяся въ полной зависимости отъ администраціи, учрежденія и распространить ихъ по всей Франціи, устранивъ, по возможности, злоупотребленія цеховъ, вызывавшія особенное неудовольствіе населенія,—продолжали и впослѣдствіи направлять политику королевской власти по отношенію къ цехамъ. Такъ, ордоннансъ 1597-го года подтверждаетъ постановленіе ордоннанса 1581-го года, и такой-же характеръ носятъ и эдиктъ Кольбера 1673-го года. Повидимому политика эта въ концѣ концовъ увѣнчалась успѣхомъ: какъ ни противились ремесленники мелкихъ мѣстечекъ введенію цеховой организаціи, все-же послѣ эдикта 1673-го г. число цеховыхъ городовъ во Франціи значительно возросло ¹⁾. Но за то другая цѣль, на которую прямо указывалъ еще ордоннансъ 1581-го года—устраненіе злоупотребленій со стороны цеховъ—достигнута не была. Послѣ короткаго времени управленія Кольбера, когда развитіе промышленности во Франціи сдѣлало значительные успѣхи, и, благодаря строгому и разумному контролю со стороны правительства, въ ремеслѣ водворился извѣстный порядокъ, промышленность снова приходитъ въ упадокъ, и темныя стороны цехового строя сказываются съ прежней силой. Постоянно нуждавшееся въ деньгахъ королевское правительство стремилось главнымъ образомъ къ тому, чтобы всякими способами выжать изъ цеховъ возможно больше денегъ, вслѣдствіе чего цехи, впадшіе въ неоплатные долги, въ свою очередь старались пополнить оскудѣвшую казну путемъ

¹⁾ Если въ 13-омъ вѣкѣ ихъ было немного, то теперь ихъ насчитывалось 521 (см. Pic, «Traité élémentaire de législation industrielle», 1903 г. стр. 73).

повышенія вступныхъ взносовъ и закрѣпленія своихъ привилегій. При такомъ положеніи вещей монополистическія тенденціи цеховыхъ ремесленниковъ не только не ослабѣваютъ, но возрастаютъ ¹⁾: многіе цехи принимаютъ въ свои члены исключительно дѣтей мастеровъ, другіе достигаютъ этого результата косвеннымъ путемъ, устанавливая рядъ привилегій для дѣтей мастеровъ и затрудненій для лицъ постороннихъ, желающихъ попасть въ цехъ; во многихъ цехахъ число мастеровъ точно фиксировано; часто статуты требуютъ, чтобы по обученію одного ученика, мастеръ не бралъ другого въ теченіе десяти лѣтъ; отъ вступающаго въ ученики требуютъ крупнаго денежнаго взноса; каждому мастеру разрѣшалось имѣть только одного или двухъ учениковъ; срокъ подмастерства равняется 2—6-ти годамъ; по прежнему для поступленія въ мастера требуется уплата крупнаго вступного взноса и представленіе дорого стоящаго chef-d'oeuvre, отъ котораго можно было откупаться. Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ о прежнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ между мастерами и ихъ служащими не могло быть и рѣчи: мастера стремятся елико возможно больше эксплуатировать трудъ рабочихъ, увеличивая ихъ рабочій день, и относятся къ нимъ не какъ къ членамъ той-же корпораціи, а какъ къ низшему классу, лишая нѣрѣдко ихъ даже права на благотворительную помощь цеха. Правительство, правда, принимаетъ нѣкоторыя мѣры для защиты учениковъ, запретивъ, наиримѣрь, съ цѣлью оградить нравственность дѣтей въ 1700-омъ году пирожникамъ посылать юныхъ учениковъ продавать пирожки по городу и борясь противъ жестокаго обращенія мастеровъ съ учениками ²⁾, но, какъ ни разумны были эти мѣры, ихъ однѣхъ было далеко

¹⁾ Levasseur. «Histoire des classes ouvrières en France; après 1789», стр. 49 и слѣд.; Martin Saint-Leon, стр. 519.

²⁾ Въ сохранившихся документахъ du Châtelet имѣются указанія, что въ случаѣ жалобы ученика на истязанія, производилось медицинское освидѣтельство ученика, и если оно подтверждало показанія ученика, то договоръ расторгался, и мастеръ даже иногда присуждался къ тюремному заключенію; расторгался договоръ и въ случаѣ грубаго оскорбленія ученика,—наиримѣрь, когда мастеръ неправильно обвинилъ ученика въ воровствѣ и заставилъ его вывернуть карманы. (См. Martin Saint-Leon, стр. 424—425).

недостаточно, чтобы внести въ положеніе учениковъ существенныя улучшенія. Для этого нужно было реформировать всю организацію цехового ученичества, многія стороны которой въ это время уже начинаютъ вызывать горячіе нападки въ литературѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ къ половинѣ 18-го вѣка во Франціи существенныхъ измѣненій въ цеховомъ правѣ вообще и въ институтѣ ученичества въ частности не произошло: оно продолжало существовать со всѣми недостатками, которые сложились еще въ 15-омъ и 16-омъ вѣкахъ, несмотря на то, что теперь самостоятельность цеховъ исчезла, смѣнившись полной зависимостью ихъ отъ королевской власти.

Развитіе темныхъ сторонъ цехового строя въ Англіи достигло своего апогея въ 15-омъ вѣкѣ: здѣсь также цехи преслѣдуютъ монополистическую политику, стремясь захватить ремесло въ руки немногочисленныхъ фамилій, и также въ началѣ 16-го вѣка всюду слышатся горькія жалобы на цеховую организацію и злоупотребленія цеховъ. Печальныя результаты цеховой политики для благосостоянія населенія уже съ 15-го вѣка обращаютъ на себя вниманіе правительства, которое съ одной стороны принимаетъ мѣры для защиты ремесленного производства отъ конкуренціи капиталистическаго производства ²⁾, съ другой стороны стремится подчинить цехи своему надзору, устранить ихъ злоупотребленія и вообще оградить населеніе отъ монополистической политики цеховъ. Такъ, для осуществленія послѣдней цѣли въ 1437-омъ г. королевскій указъ ввелъ предварительное разсмотрѣніе статутовъ судьями, какъ необходимое условіе для признанія за цехомъ обязательнаго характера, въ 1503-емъ г. было запрещено цехамъ издавать новые статуты безъ утвержденія лорда-канцлера, а въ 1536-омъ г. Генрихъ VIII издалъ законъ, запрещающій цехамъ брать съ учениковъ при принятіи присягу въ томъ, что они не будутъ заниматься самостоятельно ремесломъ безъ согласія цеха, а также и брать съ учениковъ при приѣмѣ вступные взносы. Но, какъ не была достигнута первая задача политики правительства—огражденіе ремесла отъ развивающихся новыхъ произ-

¹⁾ Martin Saint-Leon, стр. 528 и сл.

²⁾ Steffen, 422—423, т. I.

водства, — точно также законодательнымъ мѣропріятіямъ не удалось и устранить злоупотребленія цеховъ, и въ частности, несмотря на законъ 1536-го г., взносы вступные съ учениковъ продолжали взиматься и въ очень крупныхъ размѣрахъ.

Наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ англійскаго правительства по отношенію къ цехамъ явился изданный въ 1562-омъ г. королевой Елизаветой такъ называемый „законъ объ ученикахъ“. Названіе это въ сущности не соотвѣтствуетъ содержанию закона, т. е. онъ представлялъ собой кодификацію важнѣйшихъ постановленій цехового права, относящихся не только къ ученикамъ, но и ко всѣмъ другимъ видамъ рабочихъ, и наименованіе его въ литературѣ закономъ объ ученикахъ, по мнѣнію Штеффена ¹⁾, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что его постановленія объ ученичествѣ долѣе другихъ оставались въ силѣ. Ученичество по закону 1562-го г. является обязательной стадіей для полученія права заниматься ремесломъ. Срокъ его установленъ въ семь лѣтъ минимумъ, какъ это и раньше вошло въ обычай у англійскихъ цеховъ, причемъ если лицо поступало въ ученики моложе 17-ти лѣтъ, то для него ученичество во всякомъ случаѣ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ученику не исполнится 24 года, чтобы, такимъ образомъ, никто не могъ сдѣлаться самостоятельнымъ раньше, чѣмъ не достигнетъ полной духовной и физической зрѣлости; только для дѣтей мастеровъ срокъ обученія могъ быть короче. Число учениковъ для каждаго мастера не было ограничено, но въ интересахъ поддержанія извѣстнаго соотвѣтствія между числомъ учениковъ и числомъ взрослыхъ рабочихъ, чтобы конкуренція черезчуръ увеличившагося числа учениковъ не вліяла особенно понижающимъ образомъ на заработную плату взрослыхъ рабочихъ, законъ требуетъ, чтобы мастеръ, имѣющій болѣе 3-хъ учениковъ, на каждаго ученика сверхъ этого числа имѣлъ одного взрослого рабочаго. Но это правило было установлено лишь для немногихъ ремеселъ, да и въ этихъ ремеслахъ на практикѣ его обычно не соблюдали, и учениковъ держали въ числѣ, значительно превышающемъ норму ²⁾. Отъ вступающаго въ учени-

¹⁾ Steffen, т. I, стр. 427—428.

²⁾ Steffen, т. I, 433—436.

ки законъ требуетъ, чтобы онъ былъ не моложе 14-ти лѣтъ и не старше 21-го года; кромѣ того вступать въ качествѣ учениковъ въ большинствѣ цеховъ могли лишь дѣти мѣстныхъ гражданъ или родителей, живущихъ въ томъ-же графствѣ; нѣкоторымъ цехамъ предоставлялась еще большая привиллегія,—они могли принимать только дѣтей мастеровъ даннаго же цеха или лицъ, чьи родители имѣютъ извѣстный минимумъ дохода. Для контроля за соблюденіемъ постановленій объ условіяхъ, требуемыхъ для принятія въ ученики, законъ объ ученичествѣ требуетъ подъ угрозой штрафа и признанія договора не имѣющимъ силы, чтобы договоръ ученичества совершался въ письменной формѣ съ засвидѣтельствомъ у надлежащаго правительственнаго чиновника. Законъ, далѣе, устанавливаетъ рабочій день для лѣтняго времени съ 5 часовъ утра и до 6—8-ми часовъ вечера съ перерывомъ въ 2½ часа на обѣдъ, а для зимы съ восхода и до захода солнца. Весьма существеннымъ и своеобразнымъ нововведеніемъ закона 1562-го года являлось также установленіе заработной платы для учениковъ мировыми судьями, причемъ тотъ, кто давалъ или получалъ плату выше установленной судьей, подвергался наказанію. На этихъ-же мировыхъ судей, а также на высшихъ городскихъ должностныхъ лицъ, законъ возложилъ и наблюденіе за ученичествомъ и разборъ жалобъ контрагентовъ другъ на друга, причемъ въ случаѣ признанія виновнымъ ученикъ подвергался тѣлесному наказанію, а вина мастера влекла за собой расторженіе договора. Въ частности законъ 1562-го года сохраняетъ въ неприкосновенности прежній взглядъ, что бѣгство ученика до срока является не только нарушеніемъ частныхъ интересовъ мастера, но и уголовнымъ проступкомъ, караемымъ весьма сурово: бѣглый ученикъ разыскивается, причемъ если онъ самъ возвратится, то вышеуказанныя должностныя лица разбираютъ дѣло и налагаютъ на виновнаго соотвѣтствующее наказаніе, причемъ мастеръ не имѣетъ права безъ судебного постановленія покончить съ ученикомъ дѣло миромъ; если-же ученикъ самъ не вернется, то по всѣмъ городамъ, гдѣ можно было предполагать мѣсто-нахожденіе ученика, рассылались требованія городскимъ властямъ бѣглеца посадить въ тюрьму и держать тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ двухъ поручителей въ томъ, что вѣрно и честно впредь будетъ служить своему хозяину;

высокій денежный штрафъ взимался и съ того, кто приметъ въ себѣ на службу такого бѣлаго ученика. Нужно, наконецъ, отмѣтить, что законъ 1562-го года сохранилъ постановленіе, что дѣти бѣдныхъ родителей въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть принудительно отданы въ ученики въ сельско-хозяйственное или ремесленное предпріятіе.

Законъ объ ученикахъ 1562-го года являлся послѣднимъ законодательнымъ актомъ, регламентировавшимъ цеховое ученичество формально вплоть до начала 19-го вѣка. Значеніе его для ученичества было въ сущности не велико, и злоупотребленія продолжались и послѣ его изданія отнюдь не въ меньшей степени, чѣмъ и раньше, особенно въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ развилась кустарная промышленность, такъ какъ здѣсь ученики окончательно уже превратились въ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ. По справедливому замѣчанію Штеффена¹⁾ причиной всѣхъ этихъ печальныхъ сторонъ ученичества въ Англіи въ эту эпоху была не неудовлетворительность закона 1562-го года, являвшагося все же, пожалуй, лучшимъ, чѣмъ нормы, выработанныя самими цехами, а неблагоприятныя условія цехового ремесла вообще, все болѣе и болѣе падавшаго подъ вліяніемъ конкуренціи быстро развивающейся, особенно съ половины 17-го вѣка, крупной промышленности.

Въ Германіи князья вплоть до конца 15-го вѣка почти совершенно не вмѣшивались въ цеховую организацію. Если они и принимали нѣкоторыя мѣры въ этой области, то мѣры эти относились лишь къ отдѣльнымъ городамъ и по содержанию своему не были направлены на проведеніе опредѣленной сознательной промышленной политики, а ограничивались только запрещеніемъ тѣхъ или иныхъ злоупотребленій со стороны цеховъ²⁾, принявшихъ въ данномъ мѣстѣ особенно острый характеръ. Лишь съ конца 15-го вѣка³⁾ вмѣшательство князей въ хозяй-

¹⁾ Steffen т. I, стр. 434—435.

²⁾ Gothein, «Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes», 1892 г., стр. 393.

³⁾ Напримѣръ уже въ 1436 году Маркграфъ Баденскій издалъ общій Tucherordnung.

ственные и социальные отношения становится болѣе серьезнымъ, а особенно широкій характеръ принимаетъ въ 17-омъ вѣкѣ, когда, послѣ паденія автономіи городовъ, для государственной дѣятельности въ области промышленности открылось свободное поприще. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, какъ напримѣръ Шмоллера, Бюхера и другихъ, эта дѣятельность князей имѣла настолько рѣшительный характеръ, что подъ ея вліяніемъ въ 16-омъ вѣкѣ пала старая экономическій строй городского хозяйства (Stadtwirtschaft) и начинается періодъ хозяйства территориальнаго (Territorialwirtschaft). Но это мнѣніе Беловъ¹⁾ справедливо считаетъ преувеличеннымъ: не отрицая значенія за дѣятельностью князей, онъ утверждаетъ, что политическія измѣненія, состоявшія въ отменѣ автономіи городовъ и замѣнѣ ихъ власти властью князей, не имѣли такого глубокаго значенія, и старая цеховая система въ Германіи въ своихъ основныхъ чертахъ продолжала существовать и въ началѣ 19-го вѣка, несмотря на допущеніе свободныхъ (нецеховыхъ) мастеровъ, разносныхъ торговцевъ и появленіе крупной промышленности²⁾. Были, правда, и въ это время отдѣльныя попытки кореннымъ образомъ измѣнить организацію промышленности, уничтоживъ цеховой строй, но попытки эти не осуществлялись³⁾. Обычно-же мѣры князей по отношенію къ цехамъ выражались или въ изданіи промышленныхъ уставовъ для всей территоріи или для вѣкоторыхъ ремеслъ, или въ

¹⁾ Below, Jahrb. f. Nat. u. Statist. III Folge 21 Band. 1901 года, стр. 594—596.

²⁾ Зомбартъ (Совр. капит. т. I, стр. 374) также замѣчаетъ, что можно притти въ неоддѣльное изумленіе, какъ ничтожны, поразительно малы были до новѣйшаго времени (половины 19-го вѣка въ Германіи) завоеванія капитализма.

³⁾ Такъ въ половинѣ 17-го вѣка курфюрстъ Карлъ—Людвигъ ввелъ свободу промышленности въ г. Мангеймѣ, но подобное обособленіе одного города при существованіи кругомъ цеховой системы не могло существовать, и со смертью курфюрста старый порядокъ вещей былъ восстановленъ.

Тѣмъ-же закончился и проектъ отмены цеховой системы въ Австріи въ концѣ 17-го вѣка. (Reschauer, «Geschichte des Kampfes der Handwerkerzunft u. d. Kaufmannsgremien mit der Oesterreichischen Bureaokratie». 1882 годъ стр. 4).

регулированіи промышленности въ большихъ Polizeigebnungen, или, наконецъ, просто въ дарованіи отдѣльнымъ городамъ или цехамъ грамотъ, устанавливающихъ приблизительно одинаковыя пормы. При этомъ надо замѣтить, что и самый характеръ политики князей въ области промышленности являлся далеко не одинаковымъ: въ то время какъ политика однихъ князей, какъ напримѣръ въ Австріи, являлась весьма рѣшительной, въ другихъ государствахъ вмѣшательство государственной власти имѣло довольно скромный характеръ. Впрочемъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльныя правительства пытались принять энергичныя мѣры противъ печальнаго положенія вещей, созданнаго отживающей своей вѣкѣ цеховой организаціей промышленности, попытки эти далеко не достигали своей цѣли: проведенію существенныхъ реформъ препятствовали и сила укоренившихся обычаевъ и, самое главное, политическое раздробленіе Германіи. Даже такія, сравнительно маловажныя, реформы, какъ напримѣръ объявленіе законодательствомъ той или иной профессіи равной по достоинству съ другими встрѣчали затрудненія: немедленно цехи другихъ городовъ объявляли ремесленниковъ даннаго государства безчестными вслѣдствіе допущенія ими въ свою среду подобныхъ лицъ, и отказывались работать вмѣстѣ съ ними, что, при существованіи обязательныхъ странствованій подмастерьевъ, представляло существенныя невыгоды для ремесленниковъ даннаго государства. Въ силу этихъ обстоятельствъ проведеніе коренныхъ реформъ въ области промышленности могло-бы осуществиться только въ томъ случаѣ, если-бы онѣ распространялись на всю Германію, будучи санкціонированы имперской властью, между тѣмъ какъ послѣдняя на такую крутую реформу, какъ уничтоженіе цеховой системы, не рѣшалась: такъ, предложеніе нѣкоторыхъ государствъ въ Рейхстагѣ 1671-го года ввести во всей Германіи свободу промышленности было отвергнуто голосами Австріи, Зальцбурга, Баваріи, С. Альтенбурга, духовныхъ князей и всѣхъ имперскихъ городовъ.

Но если имперская власть не рѣшалась на окончательное уничтоженіе цехового строя, то противъ злоупотребленій цеховъ и она боролась путемъ изданія цѣлаго ряда законодательныхъ постановленій, какъ напримѣръ Reichspolizeiordnungen 1530-го и 1548-го годовъ, Reichstagsabschiede

1577-го, 1654-го г.г. и другихъ. Особенно важное значеніе по своему содержанію имѣлъ Reichsbeschluss 1731-го года, получившій названіе Reichszunftordnung'a. Въ этомъ постановленіи Рейхстагъ указываетъ на всѣ злоупотребленія цеховъ и угрожаетъ, въ случаѣ продолженія таковыхъ, совершенно уничтожить цеховую систему. Законъ пытается до мелочей урегулировать цеховую организацію и дать ей впервые общую для всей Германіи регламентацію. Самостоятельность цеховъ окончательно уничтожается: они лишаются права собраній, всѣ нормы издаваемыя самими цехами объявляются неимѣющими силы, строго запрещаются письменныя сношенія между цехами разныхъ городовъ, и сами цехи ставятся подъ надзоръ чиновниковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ законъ принимаетъ мѣры противъ беспорядковъ со стороны подмастерьевъ, подробно регулируетъ странствованія ихъ, запрещаетъ разные обряды и церемоніи, принимавшіе нерѣдко не только безсмысленный, но и жестокий и опасный характеръ, уничтожаетъ замкнутые цехи, а также принимаетъ мѣры и противъ злоупотребленій при испытаніяхъ подмастерьевъ для полученія званія мастера. Весьма большое вниманіе законъ 1731-го года обращаетъ на регламентацію ученичества. Онъ уничтожаетъ прежнія запрещенія принимать въ ученики лицъ извѣстныхъ профессій и грозитъ жестокими наказаніями тому, кто станетъ продолжать считать ихъ безчестными, — исключеніе дѣлается лишь для живодецовъ, потомки которыхъ до второго поколѣнія могли быть недопускаемы въ цехи, развѣ что живодець изберетъ другую профессию и будетъ честно заниматься ею въ теченіе 30 лѣтъ. Далѣе законъ уничтожаетъ ограниченіе числа учениковъ и подмастерьевъ и значительно понижаетъ различныя вступныя и выходныя взносы, взимавшіяся съ учениковъ и достигавшіе, какъ мы уже говорили, неимоверныхъ размѣровъ: законъ постановляетъ, что всѣ подобныя взносы опредѣляются впредъ администраціей и публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Наконецъ, законодатель пытается урегулировать также порядокъ выдачи „Lehrbriefen“, т. е. свидѣтельствъ объ окончаніи ученичества, изъ-за неправильностей которыхъ, происходившихъ нерѣдко по винѣ цеховъ, возникали постоянно недоразумѣнія ¹⁾).

¹⁾ Такъ въ 1643-бемъ году вопросъ о дѣйствительности свидѣтельства слесаря Михаила Клейна переданъ былъ даже на разсмотрѣніе университета въ Галле (см. Westien, стр. 247—258).

Но несмотря на тѣ кары, которыми Рейхстагъ грозилъ за несоблюденіе вышеуказаннаго закона 1731-го года, послѣдній такъ-же мало достигъ своей цѣли и не устранилъ недостатковъ цехового строя, какъ и всѣ предшествовавшіе акты имперскаго законодательства. Причина этого явленія лежала въ слабости самой имперской власти въ то время и въ противодѣйствіи не только со стороны ремесленниковъ, но и правительствъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, видѣвшихъ въ этомъ законѣ покушеніе на ихъ самостоятельность въ сферѣ внутренняго управленія; нѣкоторыя изъ правительствъ даже ни разу не опубликовали его. Особенно упорно не соблюдался вышеуказанный законъ въ большихъ имперскихъ городахъ, гдѣ цехи были наиболѣе сильны: такъ, напримѣръ, тамъ, вопреки его постановленіямъ, цехи продолжали не принимать въ свои члены лицъ, зачатыхъ не въ бракѣ, хотя и узаконенныхъ *per subsequens matrimonium*, или дѣтей высшихъ чиновниковъ ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе, какъ ни слабъ соблюдался законъ 1731-го года, онъ все-же имѣлъ нѣкоторое значеніе въ исторіи промышленнаго законодательства, такъ какъ послужилъ отдѣльнымъ правительствамъ основаніемъ и примѣромъ для регламентаціи цехового строя: именно главнымъ образомъ во второй половинѣ 18-го вѣка въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ начинаютъ издаваться общіе для всей территоріи *Gewerbeordnungen*, въ основныхъ чертахъ совпадающіе съ закономъ 1731-го года. Всѣ эти законодательные акты, оставляя цеховую систему существовать въ прежнемъ видѣ, и ограничиваясь лишь принятіемъ мѣръ противъ цеховыхъ злоупотребленій и подчиненіемъ цеховъ власти администраціи, въ то-же самое время имѣли то существенное значеніе, что благодаря имъ регламентація цехового строя теперь основана была не на цеховыхъ статутахъ, а на законодательныхъ актахъ государственной власти. вслѣдствіе чего стала болѣе единообразной. Правда, цеховые статуты не потеряли совсѣмъ своего значенія, т. к. даже *Allgemeines Landrecht f. d. Preuss. Staaten*, содержащее весьма подробную кодификацію промышленнаго права, все же допускало ихъ примененіе въ довольно широкихъ

¹⁾ Mascher, стр. 369.

размѣрахъ, какъ мѣстныхъ обычаевъ, но, по сравненію съ закономъ, значеніе этихъ статутовъ все-же было невелико. Такимъ образомъ, въ концѣ 18-го вѣка главными источниками цехового права въ Германіи являлись: 1) законодательные акты отдѣльныхъ государствъ, какъ напримѣръ, Allgemeines Landrecht f. d. Preuss. Staaten, Kursächsische Generalinnungsartikel 1780-го года, брауншвейгскій Gildenordnung 1765-го года, баденскій Gewerbeordnung 1760-го года, вюртембергское Sammlung sämtlicher Handwerksordnungen и нѣкоторые другіе и 2) цеховые статуты. Кромѣ того, конечно, должны были примѣняться и имперскіе законодательные акты, (кромѣ закона 1731-го года изданы были еще Reichsgutachten 1771-го и 1772-го годовъ, но, какъ мы уже говорили, они далеко не вездѣ соблюдались. На основаніи этихъ источниковъ мы и попытаемся установить юридическое положеніе учениковъ въ концѣ 18-го вѣка въ Германіи.

Прежде всего женщины, какъ и прежде, за немногими исключеніями, въ цеховыя ученицы не допускаются¹⁾, также какъ и лица незаконнорожденныя, но незаконное происхожденіе родителей ученика уже не служитъ болѣе препятствіемъ для вступленія въ ученики; также законодательства требуютъ принимать незаконнорожденныхъ узаконенныхъ²⁾.

Болѣе серьезныя измѣненія произошли въ требованіи честнаго происхожденія. Имперскій законъ 1731-го года окончательно уничтожилъ всѣ прежнія запрещенія относительно дѣтей лицъ различныхъ профессій, признававшихся безчестными, а законъ 1772-го года отмѣнилъ и послѣднее ограниченіе относительно дѣтей живодеровъ, но многія отдѣльныя правительства такъ далеко не пошли, и запрещенія принимать дѣтей живодеровъ и палачей во многихъ мѣстахъ сохранились³⁾.

¹⁾ A. Beier, § 127 и сл.; Mascher, стр. 397; Weisser «Das Recht d. Handwerker nach allg. Grundsätzen u. insbesondere nach d. Württembergischen Gesetzen», 1779 года, стр. 99.

²⁾ Allg. Land. II/8 § 279; Mascher, стр. 397; Weisser, стр. 98—99; Tyszka, «Handwerk u. Handwerker in Bayern in 18 Jahrh.», 1907 года, стр. 43.

³⁾ Напримѣръ въ Баваріи (Tyszka, стр. 43); Allgem. Landrecht предоставляло цехамъ право не принимать въ ученики лицъ, которые дѣйствительно занимались профессіей Schinder'a или Abdecker'a, II/8 § 280.

Запрещеніе принимать въ ученики крѣпостныхъ сохранилось, но не потому, что считали ихъ недостойными принятія въ цехи, а для огражденія интересовъ ихъ господъ, вслѣдствіе чего съ согласія господина принимать крѣпостныхъ въ ученики не возбранялось. Но въ нѣкоторыхъ государствахъ законодательство шло дальше и ограничивало доступъ въ цехи крестьянамъ вообще съ цѣлью обезпечить землевладѣльцамъ дешевыя рабочія руки. Съ этой цѣлью, напримѣръ, разрѣшалось принимать въ ученики только такихъ крестьянскихъ дѣтей, которыя непригодны ни къ сельскимъ работамъ, ни къ военной службѣ, а въ Саксоніи требовалось, чтобы такое лицо, по достиженіи 14-ти лѣтъ предварительно проработало 4 года въ своемъ хозяйствѣ и 2 года у землевладѣльца¹⁾.

Евреи по прежнему въ ученики не принимаются²⁾, но національность теперь уже значенія не имѣетъ, и, напримѣръ, славяне принимаются въ цехи, какъ и нѣмцы.

Но взамѣнъ отмѣны многихъ старыхъ ограниченій приѣма въ ученики, теперь распространяется новое, ранѣе мало распространенное, — именно запрещеніе принимать лицъ, не достигшихъ опредѣленнаго возраста, причемъ возрастъ этотъ въ большинствѣ цеховъ является 14 лѣтъ, а иногда 15 и даже 16 лѣтъ³⁾. Впрочемъ Машеръ говоритъ, что это требованіе, существовавшее въ Бранденбургѣ и Саксоніи, также какъ и требованіе отъ вступающаго въ ученики извѣстнаго физическаго развитія, на практикѣ не соблюдалось; это-же подтверждаетъ и Вейссеръ.

Относительно права держать учениковъ законодательства 18-го вѣка предоставляютъ уже значительную свободу. Теперь это право не является исключительной привилегіей цеховыхъ мастеровъ, а принадлежитъ и такъ называемымъ „свободнымъ мастерамъ“, обученіе у которыхъ засчитывается также, какъ и обученіе у цехового мастера⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченіе извѣстной нормой числа учениковъ, ко-

¹⁾ Mascher, стр. 397—398; Молчановскій, стр. 81.

²⁾ Mascher, loc. cit.; Weisser, стр. 103—104.

³⁾ Weisser, стр. 100; F. Rüffer, «Das gewerbliche Recht des Allgem. Landr. für die Preuss. Staaten» 1903 годъ стр. 180.

⁴⁾ Allg. Landr. II/8 § 269; Rüffer, стр. 186; Mascher, стр. 408; въ Австріи такое право стало даваться уже съ 1725-го года.

торое могъ держать каждый мастеръ, утратило свое прежнее значеніе со времени изданія имперскаго Kommissionsdekret'a 1772-го года, уничтожившаго это стѣсненіе для промышленности. Кое гдѣ, правда, ограниченіе числа учениковъ и сохранилось, но далеко не имѣло такого значенія, какъ прежде: такъ, напримѣръ, въ Вюртембергѣ, несмотря на ограниченіе, можно было получить отъ правительства разрѣшеніе на приѣмъ учениковъ въ числѣ, превышающемъ установленную норму¹⁾, а въ Пруссіи ограниченіе поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія учрежденій, коимъ ввѣренъ надзоръ за мѣстной полиціей, причемъ въ столицахъ, приморскихъ и торговыхъ городахъ законъ прямо запрещаетъ ограничивать мастеровъ въ числѣ учениковъ и подмастерьевъ²⁾. Точно также и такъ называемое „Wartezeit“, т. е. запрещеніе мастеру въ извѣстныхъ случаяхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принимать учениковъ, теперь выходитъ изъ употребленія³⁾.

Договоръ объ обученіи заключался, какъ и прежде, по прошествіи пробнаго срока, опредѣленнаго или цеховымъ статутомъ или закономъ⁴⁾. Договоръ этотъ теперь непременно долженъ быть совершенъ въ письменной формѣ, причемъ этотъ актъ совершался или при принятіи ученика въ цехъ передъ открытымъ цеховымъ ларцомъ („Lade“) за подписью контрагентовъ и старшинъ цеха, послѣ чего актъ отдавался на храненіе въ цеховой архивъ, и содержаніе его отмѣчалось въ ученическомъ реестрѣ. Если же за дальностью разстоянія контрагентамъ представлялось затруднительнымъ лично явиться въ цехъ, то позволялось совершать договоръ передъ мѣстнымъ Obegamt или въ присутствіи нѣсколькихъ изъ живущихъ по близости мастеровъ, причемъ договоръ, засвидѣтельствованный ими также отсылался въ цехъ для отмѣтки въ реестрѣ⁵⁾. Такимъ образомъ совершеніе договора

¹⁾ Mascher, стр. 408.

²⁾ Allg. Landr. II/8 §§ 348 и 349.

³⁾ Но въ Вюртембергѣ этотъ обычай еще сохранился (см. Weisser, стр. 173—175); въ Саксоніи же законъ 1780-го года его прямо запретилъ (см. Flemming, стр. 104—129)

⁴⁾ Weisser, стр. 104—105.

⁵⁾ Weisser, стр. 105—107; Mascher, стр. 398.

здѣсь отчетливо отличалось отъ акта принятія въ цехъ, и законодательство теперь уже прямо говоритъ о „договорѣ“, какъ основаніи ученичества¹⁾.

Выборъ мастера, которому ученикъ отдавался въ ученіе, принадлежалъ родителямъ ученика, причемъ послѣдній до 14-ти лѣтъ долженъ былъ безпрекословно подчиниться волѣ отца, и только по достиженіи вышеуказаннаго возраста сынъ, если желалъ перемѣнить избранную для него отцомъ профессію, могъ обратиться за содѣйствіемъ къ ошкунскому суду²⁾. Въ извѣстныхъ случаяхъ и мастеръ принималъ ученика не по добровольному соглашенію, а по принужденію: именно, когда никто изъ мастеровъ даннаго цеха не принималъ ученика, то цехъ могъ принудить взять ученика того мастера, у котораго вовсе не было учениковъ, а работы было достаточно³⁾; точно также должностныя лица цеха сами помѣщали ученика въ обученіе кому-либо изъ мастеровъ въ томъ случаѣ, когда находили нужнымъ отнять ученика у его прежняго учителя по причинѣ жестокаго обращенія съ ученикомъ⁴⁾.

Allgemeines Landrecht ограничивало свободу соглашенія при заключеніи договора ученичества также въ томъ, что позволяло требовать отъ ученика представленія обезпеченія лишь въ точно опредѣленныхъ случаяхъ: 1) когда по самому характеру изучаемой профессіи ученику должны быть ввѣрены вещи или матеріалы значительной цѣнности, или деньги; 2) когда ученикъ выказалъ себя незаслуживающимъ довѣрія своей нечестностью или дурнымъ поведеніемъ, и 3) когда ученикъ своему прежнему учителю причинилъ значительный ущербъ своей небрежностью или легкомысліемъ⁵⁾. Запрещая требовать представленія обезпеченія въ другихъ случаяхъ законодательство, очевидно, преслѣдовало цѣль устранить затрудненія для поступленія въ ученики дѣтямъ бѣдныхъ родителей.

¹⁾ См. напр. Allg. Landr. II/8.

²⁾ Allg. Landr. II/2 §§ 111 и сл. и II/8 § 283.

³⁾ Allg. Landr. II/8 §§ 284—285.

⁴⁾ Allg. Landr. II/8 § 301.

⁵⁾ Allg. Landr. II/8 §§ 287—289.

Срокъ ученичества опредѣлялся или закономъ или цеховыми статутами. Размѣръ его въ общемъ равнялся 3—4 годамъ, хотя въ нѣкоторыхъ цехахъ доходилъ и до 5—6-ти лѣтъ¹⁾. Въ случаѣ, если ученикъ ничего не платилъ за обученіе, то срокъ этотъ удлиннялся на 1—2 года. Характерной чертой цехового права данной эпохи являлось то, что опредѣленіе срока утратило свой неизмѣнный, обязательный характеръ вслѣдствіе признанія права за сторонами въ известныхъ случаяхъ устанавливать его по взаимному соглашенію. Это было возможно прежде всего тогда, когда ни въ законѣ, ни въ статутахъ не было установлено опредѣленнаго срока, что было уже довольно частымъ явленіемъ, а кромѣ того, если даже срокъ и былъ установленъ, то все-же стороны по соглашенію могли обусловить иной срокъ, — лишь бы только онъ не былъ короче, предписаннаго въ статутѣ²⁾. Такимъ образомъ опредѣленіе срока въ статутахъ получило характеръ минимума, какъ это имѣло мѣсто нѣкогда во Франціи, что, конечно, было далеко не къ выгодѣ учениковъ. Какъ и прежде, во многихъ цехахъ сыновья мастеровъ пользовались въ отношеніи срока привилегіей, — для нихъ срокъ ученичества былъ значительно короче, а въ нѣкоторыхъ цехахъ (преимущественно въ имперскихъ городахъ) мастера стремились къ тому, чтобы для ихъ дѣтей ученичество не было вовсе обязательнымъ, чтобы одновременно съ записью ихъ въ ученики совершалась и выписка ихъ³⁾. Привилегію эту объясняли въ то время тѣмъ, что, съ дѣтства живя въ ремесленной семьѣ, мальчикъ раньше и легче усвоитъ пріемы работы, чѣмъ тотъ, который до поступленія въ ученики вовсе не имѣлъ понятія о данной профессіи, а также тѣмъ, что отецъ лучше и внимательнѣе будетъ обучать своего собственного сына, чѣмъ посторонняго. Указываютъ также, что цехъ просто долженъ былъ довѣрять отцу-мастеру, разъ онъ свидѣтельствовалъ о способности сына сдѣлаться подмастерьемъ

¹⁾ Rüffer, стр. 182.

²⁾ Weisser, стр. 112—113.

³⁾ Mascher, стр. 400; M. Held, «Das Arbeitsverhältniss im Nürnberger Handwerk», 1909 годъ стр. 4.

и отправиться въ странствованіе¹⁾. Но все эти объясненія, конечно, не могли замаскировать истинную причину этихъ привилегій — непотизмъ, издавна развившійся въ цехахъ и выразившійся не только въ сокращеніи срока ученичества, но и въ разнаго рода другихъ льготахъ, не могущихъ быть никоимъ образомъ объясненными всеми вышеизложенными мотивами. Что эти мотивы и въ данномъ случаѣ не были достаточнымъ основаніемъ привилегіи, видно уже изъ того, что сокращеннымъ срокомъ ученичества пользовались и дѣти, чьи отцы уже давно умерли и не могли ни приучить сына къ ремеслу, ни ручаться передъ цехомъ за ихъ познанія²⁾.

Законодательство теперь уже категорически требуетъ производить испытанія ученикамъ передъ ихъ выпускомъ³⁾, но постановленіе это не могло имѣть серьезнаго значенія, т. к. никакихъ невыгодныхъ послѣдствій для мастера въ случаѣ плохого исхода испытанія законъ не устанавливалъ, и, по словамъ Машера, на практикѣ испытаній этихъ вовсе не производили, а дѣло ограничивалось тѣмъ, что цеховые должностныя лица заходили разъ въ годъ въ мастерскую съ цѣлью удостовѣриться, какъ обучаются ученики, что представляло изъ себя въ большинствѣ случаевъ простую формальность⁴⁾. Кромѣ обязанности обучать ученика ремеслу законодательства требовали отъ мастера, чтобы онъ заставлялъ ученика посѣщать школу, пока тотъ не приобрететъ достаточныхъ свѣдѣній въ чтеніи, письмѣ и религіи (объ арифметикѣ законъ умалчиваетъ), соответственно его будущему званію⁵⁾.

Въ случаѣ, если ученикъ заболѣетъ, то расходы на его лѣченіе падаютъ на мастера только въ томъ случаѣ, когда это прямо обусловлено въ договорѣ⁶⁾.

Что касается до правъ мастера по отношенію къ ученику, то здѣсь нужно отмѣтить, что право заставлять ученика исполнять различныя домашнія и вообще не имѣющія

¹⁾ Hoffmann, «Die Befugniss zum Gewerbebetriebe», стр. 103.

²⁾ Weisser, стр. 112.

³⁾ Allg. Landr. II/8 § 323.

⁴⁾ Mascher, стр. 401.

⁵⁾ Allg. Landr. II/8 § 294.

⁶⁾ Allg. Landr. II 8 § 317.

непосредственнаго отношенія къ ремеслу работы законодательствами прямо признается. Запрещается только злоупотреблять этимъ правомъ въ ущербъ успѣшности обученія ремеслу¹⁾.

Никакихъ ограниченій рабочаго дня учениковъ законодательства того времени не устанавливали. Точно также и размѣръ платы за обученіе предоставлялось сторонамъ опредѣлять въ большинствѣ случаевъ по свободному соглашенію. Половина условленной суммы обычно уплачивалась при поступленіи ученика, а другая половина въ серединѣ или по окончаніи ученичества²⁾. Но во всякомъ случаѣ обязанность ученика платить за обученіе всегда предполагалась, если въ договорѣ не было прямой оговорки о томъ, что ученикъ отъ платежа ея освобожденъ; въ случаѣ молчанія договора плата взималась въ томъ размѣрѣ, какой обычно назначался за обученіе учениковъ въ данномъ цехѣ³⁾. Надо замѣтить, что размѣръ этой платы, установленной цехами, былъ нерѣдко весьма высокъ⁴⁾.

Мастеру и замѣняющему его старшему подмастерью законодательства предоставляютъ дисциплинарную власть надъ ученикомъ, но наказанія ученика, какъ и наказанія отцомъ своего сына, должны были быть умѣреннаго характера и не причинять вреда здоровью ученика. Въ случаѣ, если домашнія мѣры исправленія оказывались недостаточными, мастеръ могъ обратиться къ опекунскому суду, который уже самъ тогда примѣнялъ къ ученику болѣе рѣшительныя мѣры воздѣйствія⁵⁾.

Довольно подробно законодательства 18-го вѣка регламентируютъ послѣдствія неисполненія сторонами своихъ обязанностей и поводы для расторгненія договора до срока однимъ изъ контрагентовъ. Такъ въ случаѣ неуплаты ученикомъ въ условленный срокъ платы за ученіе, Allg. Land.

¹⁾ Allg. Landr. II/8 § 297; Mascher, стр. 399.

²⁾ Mascher, loc. cit.; Weisser, стр. 110; M. Held, стр. 6.

³⁾ Allg. Landr. II/8 § 290—291.

⁴⁾ M. Held (стр. 6) сообщаетъ, что въ Нюрнбергѣ плата доходила до 150 флоринновъ.

⁵⁾ Allg. Landr. II/8 §§ 298—300, II/2 §§ 86—88, Mascher, loc. cit.

предоставляло мастеру право не отпускать ученика до тѣхъ поръ, пока уплата не будетъ произведена; срокъ, на который въ данномъ случаѣ удлиннялось ученичество, опредѣлялся или цеховымъ статутомъ или справедливымъ усмотрѣніемъ старшинъ цеха¹⁾. Въ случаѣ бѣгства ученика, не вызваннаго виной мастера, ученикъ долженъ заплатить мастеру плату за ученіе, какъ за истекшее время, такъ и за текущій годъ, и сверхъ того вознаградить его за весь причиненный ему своимъ досрочнымъ уходомъ ущербъ²⁾. Кромѣ того, если ученикъ желалъ продолжать обученіе ремеслу у другого хозяина, то ему не засчитывалось все время ученичества, которое онъ проработалъ до ухода³⁾. Сравнивая эти постановленія съ тѣми, которыя существовали въ эпоху расцвѣта цеховаго строя, нельзя не замѣтить, что первыя значительно суровѣ послѣднихъ: правда теперь, какъ и прежде, принудительное водвореніе ученика къ прежнему мастеру въ Германіи не примѣняется, но за то теперь потеря ученикомъ всего времени ученичества, которое онъ уже отбылъ до бѣгства, и обязанность начинать ученичество сначала имѣютъ мѣсто даже въ случаѣ перваго бѣгства ученика, тогда какъ ранѣе цеховыя статуты примѣняли это суровое наказаніе преимущественно въ случаяхъ рецидива⁴⁾. Впрочемъ въ этомъ отношеніи нѣмецкія законодательства мало чѣмъ отличались отъ законодательствъ другихъ странъ данной эпохи, всюду въ интересахъ господствующихъ классовъ устанавливавшихъ крайне суровыя наказанія за нарушенія договоровъ со стороны рабочихъ и учениковъ⁵⁾.

¹⁾ Allg. Land. II/8 § 311—313.

²⁾ Allg. Landr. II/8 § 308.

³⁾ Böninger, «Die Bestrafung des Arbeitervertragsbruchs der Arbeiter», 1891 года, стр. 57; Weisser, стр. 119—120; Mascher, 399—400.

⁴⁾ См. выше, стр. 113.

⁵⁾ Такъ, напримѣръ, въ Англіи въ 1766-омъ году, убѣжавшій ученикъ долженъ былъ или дослужить пропущенный срокъ или заплатить полное возмѣщеніе ущерба, а если откажется, то ему грозило наказаніе въ видѣ заключенія на 3 мѣсяца въ исправительномъ домѣ (см. Böninger, стр. 40—41).

Въ случаяхъ повторенія со стороны ученика самовольнаго расторженія договора до срока, во многихъ цехахъ такой ученикъ болѣе уже не принимался въ ученики вовсе. Но этотъ обычай, какъ говоритъ Вейссеръ¹⁾, не имѣлъ юридическаго основанія, т. е. не былъ основанъ на законодательномъ актѣ.

При другого рода нарушеніяхъ ученикомъ своихъ обязанностей, какъ на примѣръ, его грубой невѣрности, неподчиненія распоряженіямъ мастера, умышленнаго тяжелаго оскорбленія ученикомъ мастера или его семейныхъ, разгульнаго образа жизни, послѣдствія для ученика были нѣсколько мягче: мастеръ имѣлъ право расторгнуть договоръ, удержавъ за собой плату за ученіе, какъ за прожитое время, такъ и за текущій годъ²⁾, но время, которое ученикъ проработалъ у мастера до расторженія договора, ученику засчитывалось, и онъ не обязанъ былъ начинать ученичество сначала.

Несравненно мягче относились законодательства къ мастеру въ случаѣ нарушенія имъ своихъ обязанностей,—въ этомъ отношеніи характеръ цеховаго права по сравненію съ прошлымъ мало измѣнился. Если взять для примѣра Allgemeines Landrecht, то здѣсь мы найдемъ всего на всего одно постановленіе, предусматривающее расторженіе договора по винѣ мастера,—это въ случаѣ жестокаго обращенія мастера съ ученикомъ. Здѣсь послѣдствія для виновнаго мастера состоятъ только въ томъ, что онъ долженъ нести расходы на обученіе ученика у другого мастера до окончанія обученія, но за то онъ сохранялъ право на полученіе всей обусловленной платы за обученіе цѣликомъ³⁾. Такимъ образомъ, въ сущности никакого ущерба въ данномъ случаѣ мастеръ не несетъ, кромѣ только отнятія у него ученика, и вся разница между расторженіемъ договора по винѣ мастера и самовольнымъ бѣгствомъ ученика для мастера заключалась лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ мастеръ не удерживалъ плату за весь текущій годъ. Аналогичныя послѣдствія

¹⁾ Weisser, loc. cit.

²⁾ Allg. Land. II/8 §§ 310, 315, 316; Ruffer, стр. 190.

³⁾ Allg. Landr. II/8 § 300.

должны были имѣть мѣсто и въ случаяхъ расторженія договора по какой-нибудь другой винѣ мастера. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и цехахъ послѣдствія для мастера были болѣе суровы: онъ долженъ былъ заплатить денежный штрафъ, опредѣляемый старшинами цеха или администраціей, а иногда и лишался права брать другого ученика, пока не истечетъ срокъ обученія того ученика, который былъ отнятъ у него и переданъ другому мастеру¹⁾.

Ученичество прекращалось нормально съ истеченіемъ срока и сдачей послѣ этого испытанія, если таковое требовалось въ данной мѣстности. Если ученикъ по болѣзни не могъ принимать участія въ работѣ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, то цехъ могъ продолжить ему ученичество на срокъ, который будетъ признанъ необходимымъ для того, чтобы наверстать пропущенное время²⁾. Но допускалось въ извѣстныхъ случаяхъ и обратное явленіе—выпускъ ученика до истеченія всего установленнаго срока ученичества. Это могло имѣть мѣсто во первыхъ тогда, когда мастеръ умиралъ, а ученику оставалось до выпуска немного времени; въ этомъ случаѣ цехъ могъ признать обученіе оконченнымъ, если старшины цеха, проэкзаменовавъ ученика, найдутъ его познанія удовлетворительными³⁾. Кромѣ того, и при жизни мастеръ могъ, въ награду за прилежаніе ученика, сократить ему срокъ ученичества⁴⁾, что, конечно, на практикѣ дѣлалось только за извѣстную плату.

Въ случаѣ смерти мастера отъ воли законныхъ представителей ученика зависѣло, оставить ли ученика окончивать обученіе у вдовы мастера, или помѣстить въ другому мастеру. Въ послѣднемъ случаѣ извѣстная часть платы за ученіе, соответствующая времени, оставшемуся до окончанія обученія, ученику возвращалась. Тоже самое имѣло мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ, когда договоръ расторгался вслѣдствіе

¹⁾ Weisser, стр. 120; M. Held, стр. 8.

²⁾ Allg. Land. II/8 § 319; Mascher, стр. 399.

³⁾ Weisser, стр. 111.

⁴⁾ По Allgem. Landr. (II/8 §§ 320—322) для сокращенія срока требовалось согласіе старшинъ цеха и испытаніе ученика, причемъ срокъ, разъ онъ былъ установленъ въ законѣ, могъ быть сокращенъ только на $\frac{1}{3}$.

какой-нибудь другой причины, дѣлавшей для мастера обучение ученика невозможнымъ, или если вдова не желала продолжать дѣло мужа ¹⁾. Такое-же возвращеніе части платы за ученіе происходило и вслѣдствіе прекращенія договора до срока по невозможности для ученика продолжать обучение (смерти его, тяжелой болѣзни). При исчисленіи части платы, подлежащей возвращенію, принималось во вниманіе, что плата эта имѣла цѣлью вознаградить мастера именно за первые годы обученія, т. е. въ послѣдніе годы ученикъ уже давалъ доходъ мастеру: поэтому, по словамъ Машера ²⁾, если, напримѣръ, ученикъ умиралъ по прошествіи первой половины ученичества, то мастеръ удерживалъ всю плату цѣликомъ.

По окончаніи ученичества происходилъ выпускъ ученика, т. е. объявленіе его подмастерьемъ. Какъ и принятіе въ ученики, выпускъ происходилъ передъ старшинами цеха. При выпускѣ ученикъ долженъ былъ уплатить въ цехъ извѣстную сумму, опредѣленную или статутомъ или правительственнымъ распоряженіемъ, или обычаемъ.

Угощеніе, которое прежде ученикъ обязанъ былъ дать мастерамъ, теперь отмѣнено, и, кромѣ денежнаго взноса, другихъ расходовъ ученикъ нести не былъ обязанъ. Но, какъ и прежде, сыновья мастеровъ освобождались совсѣмъ или частью отъ уплаты выпускныхъ денегъ ³⁾. Бѣднымъ ученикамъ, не имѣвшимъ возможности внести требуемой суммы, уплата ея разсрочивалась. При выпускѣ ученику давалось „Lehrgbrief“, въ качествѣ свидѣтельства объ отбытіи имъ ученичества. Впрочемъ подлинникъ письма оставался въ цеховомъ архивѣ впредь до полученія ученикомъ мастерства, на руки-же ему выдавалась пока лишь копія ⁴⁾.

Такова была регламентація ученичества въ Германіи въ XVIII-омъ в. Сравнивая ее съ регламентаціей болѣе ранняго времени, нельзя не констатировать, что въ своихъ основныхъ чертахъ она осталась почти безъ измѣненій. Несмотря на то, что теперь эта регламентація исходила не отъ цеховъ,

¹⁾ Allg. Landr. II/8 §§ 303—305.

²⁾ Mascher, стр. 400.

³⁾ Weisser, стр. 121—123.

⁴⁾ Mascher, стр. 400.

а главнымъ образомъ отъ законодательной власти, она сохранила свой прежній классовый характеръ. Ученикъ, какъ и прежде, является отданнымъ въ полное, почти безконтрольное распоряженіе мастера, и никакихъ серьезныхъ мѣръ для его защиты не устанавливается: по прежнему онъ можетъ быть принужденъ исполнять домашнія работы, по прежнему мастеръ можетъ наказывать его тѣлесно, рискуя, даже въ случаѣ грубыхъ злоупотребленій, весьма легкимъ наказаніемъ, по прежнему рабочий день учениковъ является непомѣрно долгимъ, по прежнему то-же рѣзкое различіе между строгими карами въ случаѣ расторженія договора по винѣ ученика и крайне снисходительными въ случаѣ вины мастера. Немногочисленныя постановленія, благопріятныя для ученика, какъ напримѣръ, требованіе отъ вступающаго извѣстнаго минимальнаго возраста и возложеніе на мастера обязанности посылать ученика въ школу, не могли, конечно, существенно улучшить положеніе учениковъ, да и существовали они далеко не вездѣ. Но, внося мало измѣненій въ регламентацію взаимныхъ отношеній между мастеромъ и ученикомъ, законодательства принимали довольно серьезные мѣры для устранения препятствій, созданныхъ старымъ цеховымъ правомъ, относительно вступленія въ ученики: они уничтожили прежнее требованіе честнаго происхожденія, уничтожили Annerprobe, требуя законнаго рожденія только отъ самого ученика, признали за узаконеннымъ право на вступленіе въ цехъ, сократили поборы съ учениковъ при приѣмѣ и выпускѣ, устранили ограниченія числа учениковъ для каждаго мастера и даже принудительно помѣщали учениковъ въ обученіе, когда добровольно мастера не желали принимать данное лицо въ ученики.

Но всѣ эти препятствія созданы были цехами, какъ мы уже говорили, не съ цѣлью ограничить число подмастерьевъ и учениковъ, какъ таковыхъ, а только какъ одно изъ средствъ ограничить число кандидатовъ въ мастера; поэтому политика законодательства, направленная на устраненіе монополистическихъ тенденцій цеховъ, не могла ограничиться только облегченіемъ доступа въ ученики, а должна была устранить и тѣ препятствія, которыя ставились цехами лицамъ, желающимъ попасть въ число мастеровъ. Посмотримъ, насколько законодательствамъ 18-го вѣка удалось эту задачу осуществить, и насколько глубокія реформы произвели они

въ опредѣленіи условій, необходимыхъ для принятія въ мастера.

Къ такимъ условіямъ относится, какъ и прежде, приобрѣтеніе правъ гражданства въ данномъ городѣ, затѣмъ отбытіе ученичества и странствованіе въ теченіе опредѣленнаго времени ¹⁾. Срокъ послѣдняго опредѣлялся статутами обычно въ 3 года, изрѣдка въ 4 и даже 6 лѣтъ ²⁾. Но во многихъ случаяхъ странствованіе не являлось обязательнымъ ³⁾: такъ отъ него иногда освобождались подмастерья, пробывшіе извѣстное время въ солдатахъ, дѣти мѣстныхъ граждавъ, подмастерья нѣкоторыхъ ремеслъ, работавшіе въ деревняхъ и пожелавшіе приобрести званіе „Landmeister'овъ“. Кроме того, въ извѣстныхъ случаяхъ можно было получить отъ Landespolizeiinstanz сокращеніе времени странствованія или даже полное освобожденіе отъ этой обязанности. Подобныя льготы могли даваться въ тѣхъ случаяхъ, когда для даннаго лица уже наступило время, когда обычно подмастерья становятся мастерами, а между тѣмъ уважительныя причины помѣшали данному лицу отправиться въ странствованіе. Такими причинами признавалась болѣзнь, слабое здоровье, необходимость помогать въ ремеслѣ своимъ родителямъ. Сокращеніе срока странствованія для дѣтей мастеровъ было запрещено закономъ 1731-го года, хотя на практикѣ эта льгота продолжала по прежнему примѣняться ⁴⁾. Въ тѣхъ цехахъ, гдѣ странствованіе не было обязательнымъ, а также когда данное лицо по одной изъ вышеназванныхъ причинъ было освобождено отъ него, требовалось, чтобы лицо, желавшее сдѣлаться мастеромъ, проработало извѣстный срокъ въ качествѣ подмастерья ⁵⁾.

Срокъ подмастерства, включая сюда и странствованіе, былъ весьма значителенъ—напримѣръ въ Нюренбергѣ около 10 лѣтъ ⁶⁾. По окончаніи странствованія отъ подмастерья,

¹⁾ Allg. Landr. II/8 §§ 247, 250.; Ruffer, стр. 174; Mascher, стр. 405; Weisser, стр. 142—143.

²⁾ Ruffer, стр. 195; Weisser, стр. 150—151.

³⁾ Ruffer, стр. 194—195; Mascher, стр. 405—406.

⁴⁾ Mascher, стр. 405; Weisser, стр. 152.

⁵⁾ Mascher, стр. 405—406; Ruffer, стр. 196.

⁶⁾ M. Held, стр. 13.

желавшаго сдѣлаться мастеромъ въ извѣстномъ городѣ, требовалось ранѣе отбытіе еще такъ называемыхъ Muth- или иначе Sitzjahre. Несмотря на то, что это требованіе закономъ 1731-го года было запрещено, тѣмъ не менѣе однако во многихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Баденѣ и Вюртембергѣ, оно во многихъ цехахъ сохранилось ¹⁾. Третьимъ важнымъ условіемъ для полученія мастерства было изготовленіе пробной работы (Meisterstück). Какъ мы уже говорили, въ этомъ требованіи лежалъ ранѣе центръ тяжести тѣхъ злоупотребленій, съ помощью которыхъ мастера пытались устранить нежелательныхъ для себя конкурентовъ. Въ виду этого, теперь законодательства и статуты обращаютъ на этотъ вопросъ большое вниманіе ²⁾. Во избѣжаніе требованія исполненія непомѣрно дорогихъ и трудныхъ работъ, многіе статуты детально опредѣляютъ, въ чемъ должна состоять работа, и изъ какого матеріала она должна быть сдѣлана. Во всякомъ случаѣ требуется, чтобы работа эта никоимъ образомъ не была дорогой, бесполезной и вообще не могущей найти себѣ сбыта ³⁾. Въ видѣ гарантіи противъ пристрастнаго отношенія цеховъ къ испытываемымъ, при оцѣнкѣ работы долженъ присутствовать представитель администраціи; кроме того, если испытываемый найдетъ приговоръ несправедливымъ, ему предоставлялось право жаловаться администраціи, которая передавала пробную работу на оцѣнку мастерамъ того же цеха сосѣдняго города, какъ лицамъ безпристрастнымъ. Въ случаѣ, если подмастерье три раза представлялъ пробныя работы, и каждый разъ результаты испытанія признавались неудовлетворительными, то онъ уже лишался возможности добиваться званія мастера ⁴⁾, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ему все-же предоставлялась возможность работать самостоятельно, но безъ права имѣть учениковъ и подмастерьевъ.

¹⁾ Mascher, стр. 405; Weisser, стр. 156—157; также въ Нюренбергѣ—M. Held, стр. 16.

²⁾ Mascher, стр. 406; Ruffer, стр. 177—178, Weisser, стр. 158—162.

³⁾ Allg. Landr. II/3 § 252.

⁴⁾ Allg. Landr. II/8 § 253.

Наконецъ, во избѣжаніе взиманія съ вступающаго въ мастера непомѣрно крупныхъ денежныхъ взносовъ, высота ихъ обычно нормируется закономъ. Кроме того, въ интересахъ содѣйствія развитію промышленности въ нѣкоторыхъ государствахъ освобождали вовсе отъ уплаты вступныхъ взносовъ иностранцевъ и тѣхъ гражданъ, которые переселились сперва въ другое государство, а затѣмъ пожелали вновь возвратиться на родину; такая же льгота предоставлялась и отставнымъ солдатамъ¹⁾. Во многихъ цехахъ сохранились и прежнія льготы сыновьямъ и зятьямъ мастеровъ, съ которыхъ взносы взимались въ уменьшенномъ размѣрѣ, а иногда и вовсе не взимались²⁾.

Требованіе обладанія правами гражданства, отбѣга стажу ученичества и подмастерства, представленія пробной работы и уплаты вступного взноса въ цехъ являлось, за немногими исключеніями, общимъ для цеховъ всей Германіи. Но кроме нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и цехахъ отъ лицъ, вступающихъ въ мастера, требовали и нѣкоторыхъ другихъ условій. Такъ, иногда требовалось, чтобы мастеръ принадлежалъ къ господствующему въ данной странѣ вѣроисповѣданію³⁾, чтобы онъ достигъ изв. возраста⁴⁾. Сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и такія требованія, которыя развились въ предшествующую эпоху и являлись прямымъ продуктомъ монополистическихъ тенденцій цеховыхъ мастеровъ. Такъ и въ XVIII-омъ в. встрѣчается требованіе, чтобы кандидатъ въ мастера обладалъ извѣстнымъ имуществомъ⁵⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ шли дальше и признавали извѣстные цехи замкнутыми, т. е. число мастеровъ въ нихъ было опредѣлено извѣстной цифрой, такъ что попасть въ мастера этого цеха можно было, только когда освобождалась вакансія. Хотя замкнутость цеховъ и была запрещена имперскимъ закономъ 1731-го г., однако во многихъ

¹⁾ Rüffer, стр. 178.

²⁾ Weisser, стр. 165; Mascher, стр. 406.

³⁾ Напр. въ Вюртембергѣ (см. Weisser, стр. 143).

⁴⁾ Mascher, стр. 405.

⁵⁾ Weisser, стр. 143; Mascher, стр. 405.

странахъ, какъ напримѣръ въ Гессенѣ¹⁾ и Пруссіи²⁾, она продолжала существовать съ согласія правительства. Въ этихъ случаяхъ кандидаты въ мастера записывались и дожидались освобожденія вакансіи, при предоставленіи которой отдавалось предпочтеніе въ первую голову тѣмъ, кто дольше пробылъ подмастерьемъ, затѣмъ тому, кто женатъ и имѣетъ дѣтей, а въ третьихъ—иностранцамъ; старшинство-же записей, происхождение отъ мастера цеха, женитьба на его дочери или вдовѣ, а также отказъ мастера отъ своей вакансіи въ пользу кого-либо изъ кандидатовъ во вниманіе не принимались³⁾. Надо замѣтить, что допущеніе замкнутости цеховъ являлось исключительнымъ явленіемъ и разрѣшалось преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда данное ремесло обслуживало исключительно мѣстныя потребности, такъ что увеличеніе числа мастеровъ подорвало бы благосостояніе ремесленниковъ. Иногда замкнутость цеховъ устанавливалась въ видѣ временной мѣры или вслѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія числа мастеровъ, или, наоборотъ, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія ихъ числа, когда мѣра эта предпринималась съ цѣлью, чтобы такимъ путемъ данный цехъ постепенно исчезъ, и ремесло стало-бы свободнымъ⁴⁾. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ цехахъ, вопреки запрещенію законодательства, все-же принимали въ мастера только тѣхъ, кто женатъ былъ на дочери или вдовѣ мастера⁵⁾.

Кромѣ облегченія доступа въ цехи, законодательства приняла еще болѣе рѣшительную мѣру противъ монополизации промышленности въ рукахъ небольшого числа цеховыхъ мастеровъ, мѣру, состоящую въ предоставленіи права заниматься ремесломъ въ извѣстныхъ случаяхъ и лицамъ, не принадлежащимъ къ цеху, такъ называемымъ свободнымъ мастерамъ. Такими свободными мастерами являлись придворные и университетскіе ремесленники, отставные солдаты и, наконецъ, лица, получившія отъ правительства особыя привилегіи на занятіе самостоятельно изв. промышленностью,

¹⁾ Mascher, стр. 387.

²⁾ Allg. Landr. II/8 § 183.

³⁾ Rüffer, 175—176.

⁴⁾ Rüffer, стр. 152, 176.

⁵⁾ Mascher, стр. 405.

какъ въ формѣ мелкаго ремесла, такъ и въ формѣ фабричнаго крупнаго предпріятія¹⁾; этимъ свободнымъ мастерамъ могло быть предоставлено и право имѣть учениковъ и подмастерьевъ²⁾.

Таковы были тѣ главныя мѣры, которыя законодательства 18-го вѣка предприняли для устраненія монополистическихъ тенденцій цеховъ. Нельзя отрицать, что мѣры эти въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи, были довольно рѣшительны, и вопросъ только въ томъ, достигли ли онѣ на практикѣ желанныхъ результатовъ, или же оказались безсильными, какъ и многіе предшествующіе акты имперскаго законодательства. Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится дать въ послѣднемъ смыслѣ. Прежде всего, нужно помнить, что та регламентація ученичества, которую мы изложили, далеко не имѣла одинаковаго значенія для всей Германіи: далеко не вездѣ государственная власть прониклась рѣшимостью реформировать цеховой строй, и во многихъ мѣстностяхъ законодательства продолжали держаться политики невмѣшательства. Правда, имперскіе законы должны были примѣняться по всей Имперіи, но, какъ мы уже говорили, очень и очень часто они совершенно игнорировались мѣстными властями. И это имѣло мѣсто не только въ большихъ имперскихъ городахъ, гдѣ цехи были могущественны, но и въ цѣлыхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Баваріи: по словамъ Tyszka³⁾, здѣсь большинство цеховъ въ концѣ 18-го вѣка были замкнутыми, права мастеровъ стали наследственными, и отчуждались, какъ недвижимости, дѣтямъ мастеровъ при прохожденіи ученичества и подмастерства давались всевозможныя льготы, испытаніями кандидатовъ широко пользовались, чтобы затруднить доступъ въ цехи, такъ что въ результатѣ единственнымъ средствомъ для подмастерья сдѣлаться мастеромъ была женитьба на дочери или вдовѣ мастера. Но немногимъ лучше, чѣмъ въ Баваріи, было положеніе дѣлъ и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ правительство пы-

¹⁾ Rüffer, стр. 159; Mascher, стр. 451; Weissner, стр. 193—200.

²⁾ По Allg. Landr. ученики ихъ однако должны быть записаны въ мѣстный цехъ и выпускаемы имъ-же: II/8 §§ 269, 570.

³⁾ Tyszka, «Handwerk und Handwerker in Bayern im 18 Jahrhundert» 1907 г. стр. 46 и слѣд.

талось бороться съ цеховыми злоупотребленіями. Повсемѣстныя жалобы на эти злоупотребленія не прекращаются. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, относительно цеховъ въ Пруссіи—странѣ, гдѣ на борьбу съ злоупотребленіями обращалось особенно большое вниманіе,—Графъ Дона-Шлобиттенъ въ своемъ докладѣ королю Фридриху Вильгельму III въ 1810-омъ г.¹⁾: „Духъ времени нашелъ средства всѣмъ благодѣтельныя стремленія обоихъ великихъ государей сдѣлать почти безрезультатными. Большинство уже запрещенныхъ ими злоупотребленій невѣроятнымъ образомъ существуютъ и понынѣ. Цехи считаютъ дѣломъ чести и традиціи, подъ видомъ добровольныхъ, требуемыхъ только правами и обычаями дѣйствій, сохранить почти всѣ старыя порядки. Должностныя правительственныя лица, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за соблюденіемъ цеховыхъ законовъ, являются черезчуръ снисходительными и не борются упорно съ тайными махинаціями цеховъ, да и сами заинтересованы въ томъ, чтобы злоупотребленія эти продолжались, т. е. они имъ приносятъ доходъ. Даже позднѣйшія распоряженія правительства относительно устраненія нѣкоторыхъ злоупотребленій по тѣмъ-же причинамъ большей частью остались безъ результата²⁾“. Это безсиліе законодательныхъ мѣропріятій устранить злоупотребленія цеховъ было, конечно, вовсе не „невѣроятнымъ явленіемъ“, какъ писалъ графъ Дона, а естественнымъ результатомъ тѣхъ измѣненій, которыя происходили въ положеніи промышленности. Подъ вліяніемъ ряда причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться является излишнимъ, къ концу 18-го вѣка, какъ въ условіяхъ сбыта, такъ и въ техникѣ производства, происходятъ существенныя измѣненія, стоящія въ полномъ несоотвѣтствіи съ основными принципами цехового строя; вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ успѣхи и крупная промышленность, развитію которой содѣйствуютъ и нѣкоторыя правительства—какъ напр. въ Пруссіи и Австріи,—способствуя открытію фабрикъ, давая имъ различныя привилегіи

¹⁾ Rüffer, стр. 204—205.

²⁾ Даже защитники цехового строя въ концѣ 18-го вѣка, какъ J. H. F. и Weiss указываютъ на злоупотребленія съ Meisterstück и т. п., какъ на широко распространенныя въ то время.

и т. п. Все это, само собой понятно, крайне неблагоприятно отражалось на положеніи цеховыхъ ремесленниковъ, и всѣ изслѣдователи единогласно заявляютъ, что положеніе ремесленниковъ въ Германіи въ 18-омъ вѣкѣ было въ высшей степени печальнымъ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ, когда одна изъ основныхъ задачъ цехового строя—обеспечить каждому ремесленнику возможность безбѣдно существовать своимъ трудомъ—не достигалась, было вполне естественнымъ, что ремесленники того времени стремились всяческими мѣрами уменьшить конкуренцію и установить монополию въ свою пользу, видя въ этомъ единственное средство улучшить свое положеніе. Поэтому доступъ въ мастера подмастерьямъ былъ попрежнему въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе вышеуказанной политики цеховъ, весьма затруднителенъ, и подмастерство и ученичество не могли разсматриваться, какъ переходныя стадіи къ мастерству, какъ это имѣло мѣсто въ эпоху расцвѣта цехового строя. Правда, для подмастерьевъ открытъ былъ новый путь къ самостоятельности, посредствомъ полученія привилегіи отъ правительства на право быть свободнымъ мастеромъ, но добиться этой привилегіи бѣдному подмастерью было далеко не легко, какъ это видно изъ того, что число т. наз. фушеровъ, т. е. лицъ занимающихся ремесломъ, не имѣя на то права, въ концѣ 18-го вѣка было очень значительнымъ, и преслѣдованія ихъ со стороны цеховъ продолжались все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ²⁾.

Если такъ обстояло дѣло съ злоупотребленіями цеховъ при приѣмѣ въ мастера, несмотря на всѣ правительственныя мѣропріятія, то само собой понятно, что фактическое положеніе учениковъ, на которое, какъ мы видѣли, и законодательство обращало мало вниманія, и гдѣ контроль былъ труденъ, не могло улучшиться по сравненію съ прошлымъ. На-

¹⁾ Schmoller, «Zur Geschichte d. deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrh.» 1870 г. стр. 59—69; C. Tyszka, стр. 31, 98; Mascher, стр. 430—435.

²⁾ Что вольныхъ мастеровъ было немного, видно и изъ того, что, напримѣръ, въ Бранденбургѣ нецеховыхъ рабочихъ, занимавшихся цеховыми ремеслами въ 1795-омъ году было всего 110 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и учениковъ (см. Молчановскій, стр. 174).

оборотъ, при ухудшившемся матеріальномъ положеніи мастеровъ, заставлявшемъ ихъ въ каждомъ ремесленникѣ видѣть своего врага, отнимающаго у нихъ кусокъ хлѣба, положеніе учениковъ стало еще болѣе печальнымъ, чѣмъ прежде. Каково было это положеніе, намъ рисуютъ яркими красками писатели того времени—Гоффманъ¹⁾ Вейссъ²⁾ и Рау³⁾. Въ одинъ голосъ они заявляютъ, что обученіе учениковъ ремеслу было въ то время ниже всякой критики. Не говоря уже о томъ, что при упадкѣ ремесла, которое имѣло мѣсто въ ту эпоху, многіе мастера сами не обладали достаточными познаніями и не умѣли и не могли, какъ слѣдуетъ, научить ученика, большинство изъ нихъ прямо таки не желало исполнять добросовѣстно свои обязанности. Они видѣли въ ученикѣ будущаго конкурента, обучать котораго ремеслу считали для себя невыгоднымъ, а потому не только не обучали учениковъ, но умышленно скрывали отъ нихъ наиболѣе существенныя стороны техники и вообще веденія дѣла, относясь къ ученикамъ и подмастерьямъ, какъ къ шпионамъ. Только родственникамъ, и въ исключительныхъ случаяхъ какому-нибудь любимцу изъ учениковъ, открывали мастера свои тайны. Неудивительно поэтому, что если ученику не посчастливилось попасть въ эти любимцы или какъ нибудь украдкой подсмотрѣть, какъ мастеръ дѣлалъ ту или другую работу, то по окончаніи обученія онъ выходилъ въ подмастерья круглымъ невѣждой въ ремеслѣ. Правда, для того чтобы сдѣлаться подмастерьемъ, нужно было сдать испытаніе, но испытанія эти обычно были столь легки, что представляли изъ себя, по словамъ Гоффмана, въ сущности не испытанія, а пустяки. Считая такимъ образомъ невыгоднымъ для себя обучать ученика, мастера извлекали выгоды изъ ихъ труда тѣмъ, что заставляли ихъ исполнять наиболѣе грубыя и простыя работы, а чуть не три четверти мастеровъ брали учениковъ исключительно съ цѣлью получить въ ихъ лицѣ няньку или просто слугу. При

¹⁾ J. G. Hoffmann, «Das Interesse des Bürgers und Menschen bei den bestehenden Zunftverfassung». 1803 г. §§ 12—33.

²⁾ I. A. Weiss, «Ueber das Zunftwesen» 1792 г. стр. 311—313.

³⁾ Rau, «Ueber das Zunftwesen und die Folgen seiner Aufhebung» 1816 г. § 19.

такомъ характерѣ обученія особенно несправедливыми казались тѣ долгіе сравнительно сроки ученичества, которые устанавливались статутами. По словамъ Вейсса, подъ руководствомъ хорошаго мастера прилежный ученикъ въ два года могъ свободно выучиться самому трудному ремеслу, причемъ уже со второго полугодія окупалъ-бы расходы по обученію и содержанію его въ теченіе перваго времени, а во второй годъ работа ученика давала-бы мастеру чистую прибыль, при существующемъ-же характерѣ обученія мастеръ долго пользуется трудомъ ученика, не давая самъ ему ничего вза-мѣнъ, кромѣ скуднаго содержанія, колотушекъ и побоевъ. При такомъ положеніи учениковъ было вполне естественнымъ, что люди мало мальски состоятельные и образованные, какъ это констатируетъ графъ Дона въ своемъ вышеназванномъ докладѣ ¹⁾, не рѣшались отдавать своихъ дѣтей въ обученіе ремеслу, и даже сами мастера, если имъ удавалось скопить сколько нибудь средствъ, предпочитали посвящать своихъ дѣтей какой-нибудь другой карьерѣ, въ ученики же отдавались лишь дѣти бѣдняковъ, которымъ лучшаго выхода не было.

Таково было положеніе ученичества въ Германіи въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣка.

§ 4. Исторія ученичества послѣ паденія цехового строя.

Уничтоженіе цехового строя впервые произошло во Франціи. Первая попытка освободить промышленность отъ стѣснительной цеховой регламентаціи была сдѣлана Тюрго эдиктомъ 1776-го г. Вопреки протестамъ цеховъ и даже парламента, Тюрго объявилъ цеховыя корпораціи уничтоженными и предоставилъ каждому желающему право заниматься ремесломъ. Учлѣли только корпораціи парикмахеровъ, типографовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и аптекарей. Но этой первой попыткѣ реформировать промышленный строй Франціи не удалось осуществиться. Благодаря стараніямъ тѣхъ круговъ, чьи инте-

¹⁾ Rüffer, стр. 205; на это же указываютъ Рап (стр. 77) и J. H. F. (стр. 280—286).

ресы задѣвала реформа Тюрго, въ томъ же самомъ 1776-омъ г. онъ получилъ отставку, а не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ правительство рядомъ эдиктовъ начало создавать корпораціи вновь, и къ концу 1780-го г. новая цеховая организація распространилась по всѣмъ городамъ Франціи.

Новая цеховая система довольно существенно отличалась отъ прежней. Прежде всего далеко не всѣ ремесла были объявлены цеховыми, многія изъ нихъ остались свободными; затѣмъ во избѣжаніе безконечныхъ тяжбъ между отдѣльными цехами изъ за компетенціи, многія изъ нихъ были соединены въ одинъ цехъ; наконецъ, доступъ въ цехи былъ значительно облегченъ: отмѣнено запрещеніе приѣма женщинъ и иностранцевъ, стоимость приобрѣтенія мастерства уменьшена болѣе чѣмъ на половину, обязательное ученичество хотя и сохранено, но предоставлялась возможность быть принятымъ въ мастера и безъ отбытія даннаго стажа, если лицо вообще обладало въ достаточной мѣрѣ необходимыми для даннаго ремесла познаніями. Но эти реформы не были въ состояніи улучшить цеховую организацію, являвшуюся въ самомъ своемъ основаніи непригодной болѣе для измѣнившихся условій экономического строя, да и само правительство вскорѣ вернулось къ своей старой политикѣ по отношенію къ цехамъ, предоставивъ имъ увеличить значительно стоимость правъ мастерства въ вознагражденіе за крупныя суммы, которыя правительство взяло съ цеховъ по случаю войны съ Америкой. Поэтому прежнія злоупотребленія стали снова сказываться, а вмѣстѣ съ этимъ продолжало расти и прежнее недовольство населенія. Насколько это недовольство было распространено въ обществѣ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ знаменитую ночь 4-го августа 1789-го г. достаточно было депутату отъ Божоле поднять вопросъ о необходимости реформировать цехи, чтобы собраніе единогласно присоединилось къ его предложенію.

Въ исполненіе этого пожеланія въ февралѣ 1791-го года и былъ внесенъ законопроектъ, который не ограничился только реформой цеховъ, а, будучи составленъ подъ вліяніемъ идей фізіократовъ, окончательно уничтожалъ цеховую систему. Въ учредительномъ собраніи цехи не нашли ни одного защитника, и закономъ 2—17-го марта 1791-го г. цеховой строй во Франціи былъ окончательно уничтоженъ. Среди болѣе круп-

ныхъ и рѣшительныхъ реформъ, провозглашенныхъ учредительнымъ собраніемъ, уничтоженіе цеховъ прошло почти незамѣченнымъ. Издано было всего два посредственныхъ памфлета въ защиту цеховъ, и устроены двѣ манифестаціи парикмахерами, изъ которыхъ одна даже привѣтствовала реформу; большинство-же ремесленниковъ печально подчинилось своей участи. Энергично протестовалъ противъ введенія свободы промышленности только одинъ Маратъ въ своемъ журналѣ „Другъ народа“. Отстаивая необходимость правительственнаго вмѣшательства въ интересахъ защиты населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ покровительства рабочимъ, Маратъ считалъ необходимымъ обязательное ученичество въ теченіе 6—7-ми лѣтъ, установленіе опредѣленнаго размѣра платы рабочимъ и предоставленіе государствомъ лучшимъ изъ нихъ средствъ для открытія самостоятельнаго предпріятія ¹⁾.

Съ изданіемъ закона 1791-го г., предоставившаго каждому желающему право заниматься какой угодно промышленностью подѣ условіемъ только уплаты въ казну опредѣленнаго налога, открывається во Франціи новая эра господства свободы промышленности. Спрашивается теперь, что-же стало послѣ уничтоженія всей цеховой регламентаціи съ институтомъ ремесленнаго ученичества? Изъ *Cahiers des Etats generaux* 1789-го г. видно, что большинство наказовъ, высказываясь за отмѣну цехового строя, въ то-же самое время признавало необходимымъ регламентировать въ законодательномъ порядкѣ институтъ промысловаго ученичества ²⁾. Но послѣднему желанію не суждено было осуществиться: законъ 1791-го г., уничтоживъ разомъ весь цеховой строй, не создалъ вмѣсто него никакой новой регламентаціи ученичества, и послѣднее осталось такимъ образомъ всецѣло предоставленнымъ свободному соглашенію сторонъ; вмѣсто прежняго цехового права осталась *tabula rasa*. Единственная законодательная мѣра, предпринятая въ то время состояла въ увеличеніи закономъ 19—21 іюля 1791-го г. наказаній за нанесеніе

¹⁾ Levasseur, «Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 an.» стр. 113—114

²⁾ Dolfus-Francoz, стр. 22.

ученикомъ, подмастерьемъ или слугой ударовъ или ранъ своему хозяину ¹⁾.

Но уже вскорѣ послѣ изданія закона 2—17-го марта 1791-го года отрицательныя стороны отсутствія какой-либо регламентаціи ученичества стали сказываться. Особенное вниманіе начинаютъ обращать на себя частыя нарушенія договоровъ со стороны учениковъ. Явленіе это было вполнѣ естественнымъ результатомъ отмѣны цехового строя: разъ ученичество перестало быть обязательной стадіей для полученія права заниматься самостоятельно ремесломъ, то ученики, понятно, чуть только успѣвали хоть немного научиться ремеслу, стремились вырваться изъ тяжелыхъ условій ученичества и стать самостоятельными. Въ ихъ годы было такъ естественно нѣсколько преувеличивать свои силы, самостоятельность казалась имъ столь привлекательной, а расторженіе договора, въ сущности, для нихъ не представляло никакой опасности, т. к. въ виду ихъ бѣдности взыскать съ нихъ убытки мастеру было невозможно. Подобныя досрочныя расторженія договоровъ учениками, повидимому, оказывались весьма невыгодными для мастеровъ, т. к. уже въ фруктидорѣ IX года министру внутреннихъ дѣлъ былъ представленъ проектъ регламентаціи ученичества, составленный Луи Костазомъ. Проектъ этотъ силы закона не получилъ, но и самъ онъ и объяснительная записка къ нему являются весьма интересными, ярко характеризуютъ тѣ взгляды, которые господствовали въ то время, какъ относительно ученичества въ частности, такъ и относительно вообще задачъ законодательства въ области регулированія отношеній между хозяевами и рабочими. Въ своей объяснительной запискѣ авторъ проекта, подчеркивая важное значеніе ученичества, замѣчаетъ ²⁾, что, несмотря на всю его пользу, нельзя никоимъ образомъ признавать отбытіе ученичества обязательнымъ условіемъ для полученія права заниматься ремесломъ: „подобный порядокъ вещей являлся страннымъ искаженіемъ идеи справедливости, достойнымъ того грубаго времени, когда онъ сложился, и удержавшимся до нашихъ дней лишь въ силу привычки терпѣть самыя нетерпимыя вещи“. Точно также государство не должно принимать мѣръ ни къ

¹⁾ Законъ 19—21 іюля 1791-го г. tit. II art. I.

²⁾ Dolfus-Francoz, стр. 36—40.

увеличенію числа учениковъ ни къ ограниченію его путемъ установленія, по примѣру старыхъ корпорацій, извѣстнаго соотношенія между числомъ учениковъ и числомъ взрослыхъ рабочихъ для каждаго предпріятія,—вещи сами собой, безъ всякаго вмѣшательства, устроятся такъ, какъ этого потребуетъ развитіе промышленности. По поводу вознагражденія учителя за его труды, авторъ находитъ наиболѣе желательнымъ такой порядокъ вещей, когда ученикъ платитъ не деньгами, а своимъ трудомъ: хотя въ послѣднемъ случаѣ срокъ ученичества и является болѣе долгимъ, но за то, по мнѣнію автора, обученіе будетъ лучше поставлено, т. к. интересы самого хозяина заставятъ его лучше обучать ученика, чтобы извлекать большія выгоды изъ его работы. Последнее обстоятельство является для автора проекта столь очевиднымъ, что разумный отецъ, даже имѣя возможность платить за сына, долженъ предпочесть отдать его въ обученіе на такихъ условіяхъ.

Что касается до самаго содержанія проекта, то оно почти исключительно исчерпывается регулированьемъ случаевъ прекращенія договора, предоставляя сторонамъ остальное опредѣлять всецѣло взаимнымъ соглашеніемъ ¹⁾. Поводами для расторженія договора проектъ признаетъ во первыхъ обоюдное соглашеніе сторонъ, а затѣмъ нарушеніе той или другой стороной своихъ обязанностей, причеиъ со стороны мастера къ таковымъ нарушеніямъ относится и дурное обращеніе съ ученикомъ ²⁾. Но центръ тяжести проекта лежитъ въ припятіи мѣръ противъ досрочнаго ухода ученика отъ мастера безъ уважительной причины: въ такихъ случаяхъ проектъ, кромѣ вознагражденія мастера за убытки, предусматриваетъ и возможность для мирового судьи издать постановленіе о принудительномъ водвореніи бѣжавшаго ученика къ мастеру ³⁾. Кромѣ того, отвѣтственность за убытки, причиненныя мастеру самовольнымъ уходомъ ученика, проектъ возлагаетъ и на всякаго, кто приметъ къ себѣ на службу или въ обученіе уче-

¹⁾ Art. I, «La loi reconnait et garantit les conventions librement consenties pour raison d'apprentissage».

²⁾ Art. 4.

³⁾ Art. 8 и 9.

ника, не имѣющаго свидѣтельства объ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ прежнему мастеру ¹⁾. Таково было содержаніе проекта IX года. Нетрудно замѣтить, что онъ составленъ былъ исключительно въ интересахъ хозяевъ, не останавливаясь даже передъ такой мѣрой, какъ принудительное водвореніе ученика къ мастеру, представлявшей рѣзкое нарушеніе не только „liberté“, но и „égalité“, такъ какъ по отношенію къ мастеру, расторгнувшему договоръ безъ уважительной причины, проектъ ограничился только взысканіемъ вознагражденія за ущербъ. Въ виду этого, а также теоретической несостоятельности такой мѣры, какъ принудительное возвращеніе бѣлаго ученика, можно только удивляться, что нѣкоторые изъ современныхъ французскихъ писателей высказываютъ сожалѣніе, что проектъ Костаза не сталъ закономъ ²⁾.

Однако, въ виду непрекращающихся жалобъ на досрочныя расторженія учениками договоровъ, жалобъ, исходившихъ преимущественно отъ крупныхъ фабрикантовъ ³⁾, къ голосу которыхъ правительство эпохи консульства весьма чутко прислушивалось, 22-го жерминаля XI года издается законъ, долженствовавшій упорядочить положеніе ученичества. Этотъ законъ, какъ и проектъ IX года, оставляя почти вовсе безъ регламентаціи взаимныя отношенія между ученикомъ и хозяиномъ, обращаетъ все свое вниманіе на то, чтобы обезпечить исполненіе договора сторонами. Но мѣры, установленныя закономъ, въ этомъ отношеніи довольно значительно отличаются отъ проекта IX года: воспроизводя постановленіе проекта о взысканіи вознагражденія за ущербъ съ хозяина, принявшаго къ себѣ ученика безъ свидѣтельства объ отпускѣ со стороны его прежняго учителя, законъ однако не устанавливаетъ болѣе принудительнаго водворенія ученика къ прежнему хозяину, а возлагаетъ на ученика лишь обязанность возмѣстить ущербъ, причиненный досрочнымъ расторженіемъ договора. Затѣмъ, кромѣ фигурировавшихъ въ проектѣ Костаза закон-

¹⁾ Art. 12.

²⁾ M. Debolo, «L'apprentissage à l'atelier» 1906 г. стр. 77—78; также Dolfus-Francoz (стр. 40) находитъ въ немъ «réelles qualités pratiques».

³⁾ Levasseur, т. I, стр. 281.

ныхъ причинъ для расторгненія договора, законъ 22-го жерминаля вводитъ еще одно основаніе, являющееся по своему юридическому характеру весьма любопытнымъ: именно ученику предоставлялось право расторгнуть договоръ, если вмѣсто платы за ученіе, онъ обязался работать на мастера въ теченіе столькихъ лѣтъ, что стоимость его работы будетъ признана значительно превышающей нормальную плату за обученіе ¹⁾. Иными словами законъ давалъ возможность ученику расторгнуть договоръ, если онъ былъ заключенъ на несоразмѣрно длинный срокъ, видя въ этомъ „condition leonine“ — принципъ совершенно новый и безусловно благоприятный для ученика. Наконецъ законъ предусматриваетъ возможность нарушенія мастеромъ интересовъ ученика, или посредствомъ удержанія у себя ученика сверхъ установленнаго срока, или въ видѣ отказа выдать ему свидѣтельство объ исполненіи ученикомъ своихъ обязанностей: въ этихъ случаяхъ мастеръ обязанъ возмѣстить ученику ущербъ, сумма котораго должна по меньшей мѣрѣ равняться тройной стоимости работы ученика за тѣ дни, которые прошли со времени истеченія срока ученичества ²⁾.

Изъ сказаннаго видно, что вышеназванный законъ стоитъ несравненно выше проекта Л. Костаза, т. к. кромѣ мѣръ противъ нарушенія договора учениками, онъ содержитъ постановленія, защищающія до извѣстной степени и ученика отъ нарушенія мастеромъ своихъ обязанностей. Но само собой понятно, что тѣ три статьи, которыя законъ 22-го жерминаля посвятилъ ученичеству, не могли служить надлежащей регламентаціей ученичества, способной гарантировать правильную постановку промышленнаго обученія и защитить учениковъ отъ эксплуатаціи со стороны хозяевъ, для которыхъ господство принципа *laissez faire* представляло широкій просторъ. Неудовлетворительность закона 22-го жерминаля увеличивалась еще тѣмъ, что онъ возложилъ разборъ споровъ между учениками и рабочими съ одной стороны и хозяевами

¹⁾ Titre III art. 9. abs 4: «Si l'apprenti s'est obligé à donner pour tenir lieu de retribution pecuniaire un temps de travail, dont la valeur serait jugée excéder le prix ordinaire des apprentissages».

²⁾ Titre III art. 10.

съ другой на префектовъ полиціи и на мэровъ ¹⁾ — органы мало компетентные въ вопросахъ промышленности и способные болѣе къ усмиренію безпорядковъ, какъ говоритъ Левассеръ ²⁾, чѣмъ къ примиренію сторонъ. Жалобы на таковой порядокъ вещей побудили Императора закономъ 18-го марта 1806-го г. и декретами 1806-го, 1809-го и 1810-го г.г. создать для разбора дѣлъ между рабочими и хозяевами въ нѣкоторыхъ городахъ особые суды — *conseils de prud' hommes*, состоящіе изъ выборныхъ отъ фабрикантовъ и отъ ремесленниковъ — мастеровъ. Это учрежденіе имѣло для ученичества довольно важное значеніе въ томъ отношеніи, что дало возможность создать посредствомъ судебныхъ прецедентовъ извѣстную регламентацію ученичества, установить опредѣленные правила для толкованія договоровъ ³⁾, но, конечно, такая регламентація, основанная на судебной практикѣ, не могла замѣнить регламентаціи, основанной на законѣ; къ тому-же суды эти существовали лишь въ нѣкоторыхъ городахъ, и по самому своему составу были судами хозяевъ, что не могло не придать ихъ юрисдикціи классового характера и не могло гарантировать рабочимъ вполне безпристрастную защиту ихъ интересовъ ⁴⁾.

Не измѣнило положеніе дѣлъ относительно регламентаціи ученичества и изданіе *Code civil*, который хотя и упоминаетъ объ ученикахъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ (напримѣръ art. 852, 138, 2272), но статьи эти въ сущности для самаго института ученичества, для опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ и для защиты учениковъ не имѣли значенія. Что-же касается до примѣненія къ договору ученичества нормъ, установленныхъ *Code civil* для договора личнаго найма, то такихъ нормъ, какъ извѣстно, было всего двѣ, изъ которыхъ одна была самаго общаго характера, а другая, по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ, къ ученикамъ не могла

¹⁾ Loi du 22 germinal an XI tit. V.

²⁾ Levasseur, т. I, стр. 289.

³⁾ Debolo, стр. 80—81.

⁴⁾ Levasseur, т. I, стр. 290; наоборотъ, Lareymondie («Le contrat d'apprentissage» 1906 г. стр. 26—27) идеализируетъ дѣятельность этихъ судовъ

быть примѣнима ¹⁾. Оставались, такимъ образомъ, только общія постановленія Code civil о договорахъ вообще, которыя, вмѣстѣ съ немногочисленными нормами закона 22-го жерминаля и практикой Conseils de prud' hommes, и оставались единственнымъ источникомъ регламентаціи договора ученичества во Франціи въ теченіе чуть не половины столѣтія, или, вѣрнѣе, ученичество оставалось почти вовсе не регламентированнымъ со стороны права и предоставленнымъ всецѣло свободному соглашенію сторонъ.

При такомъ невмѣшательствѣ со стороны государственной власти было вполнѣ естественно, что, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій промышленнаго производства, ученичество до извѣстной степени потеряло тотъ характеръ, какой оно имѣло при цеховомъ строѣ. Прежде всего быстро развившаяся во Франціи въ первую половину 19-го вѣка крупная промышленность и машинное производство открывали просторъ для примѣненія дѣтскаго труда въ широкихъ размѣрахъ, и, вслѣдствіе отсутствія всякихъ ограниченій въ этомъ отношеніи со стороны законодательства, число дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, достигаетъ очень крупной цыфры, далеко превышающей число дѣтей занятыхъ въ ремесленныхъ предпріятіяхъ. Эти дѣти, работающія на фабрикахъ, хотя и назывались иногда по традиціи учениками, но въ дѣйствительности являлись простыми рабочими, не обучающимися, а исключительно работающими за извѣстное вознагражденіе, — явленіе неизвѣстное старому цеховому ремесленному производству, гдѣ трудъ дѣтей выражался исключительно въ формѣ ученичества. Результатомъ этого новаго явленія, вызваннаго измѣненіями въ характерѣ производства, институтъ ученичества до извѣстной степени утратилъ свое значеніе, вытѣсненный во многихъ областяхъ промышленности институтомъ личнаго найма несовершеннолѣтнихъ рабочихъ.

Но и тамъ, гдѣ ученичество продолжало существовать — именно главнымъ образомъ въ ремесленныхъ предпріятіяхъ, — оно подверглось, вслѣдствіе отмѣны цеховой организаціи, су-

¹⁾ Mollot («Le contrat d'apprentissage» 1845 г. стр. 41); обратнаго мнѣнія держатся Nayem et Perin («Traité du contrat d'apprentissage» 1872 г. стр. 56—59).

ществленнымъ измѣненіямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ отбытіе ученичества въ теченіе опредѣленнаго количества лѣтъ перестало быть обязательнымъ условіемъ для полученія права самостоятельно заниматься ремесломъ, среди учениковъ и ихъ родителей естественно проявляется стремленіе сократить срокъ обученія. Конкуренція фабрикъ, охотно принимавшихъ дѣтей и съ перваго-же времени платившихъ имъ жалованье, а также и конкуренція ремесленниковъ между собой изъ за пріобрѣтенія учениковъ, какъ выгодной рабочей силы, способствовали этому сокращенію. Поэтому мы видимъ, что срокъ ученичества въ 19-омъ вѣкѣ сокращается почти вдвое: такъ напримѣръ, у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, гдѣ срокъ равнялся прежде 8-ми годамъ, теперь онъ въ среднемъ равенъ 4-мъ, а въ менѣе сложныхъ ремеслахъ договоръ ученичества заключается обычно на 3 года ¹⁾. Устраненіе всякихъ ограниченій въ правѣ держать учениковъ повлекло за собой такія явленія, какъ принятіе учениковъ лицами, не имѣющими собственнаго предпріятія, а являющимися простыми рабочими: ученикъ въ этомъ случаѣ работалъ вмѣстѣ со своимъ учителемъ у хозяина послѣдняго. Точно также появляется возможность для ремесленниковъ держать учениковъ въ какомъ угодно количествѣ, а т. к. работа учениковъ являлась болѣе дешевой, чѣмъ трудъ подмастерьевъ, то мастера охотно пользуются этой возможностью, и, говоритъ Левассеръ ²⁾, теперь можно встрѣтить ремесленныя мастерскія съ 4-мя учениками, что прежде было бы невозможно. Наконецъ, выходитъ изъ употребленія и заключеніе договора въ письменной формѣ.

Что касается до фактическаго положенія учениковъ, то оно было болѣе чѣмъ печально. Въ литературѣ столько разъ описывалось ужасное положеніе дѣтей-рабочихъ въ крупной промышленности въ началѣ 19-го вѣка, что мы считаемъ излишнимъ повторять все эти сообщенія, которыя положительно невозможно читать хладнокровно. Но, по свидѣтельству многихъ писателей, положеніе учениковъ въ мелкихъ ремесленныхъ предпріятіяхъ было еще болѣе ужаснымъ. Вотъ что пишетъ Адольфъ Бланки ³⁾ по этому поводу: „Суровая

¹⁾ Levasseur, т. I стр. 357.

²⁾ Levasseur, loc. cit.

³⁾ Цитируемъ по Dolfus-Francoz, стр. 35.

дисциплина, которой подчиненъ молодой фабричный рабочій, не имѣеть, по крайней мѣрѣ, характера произвола, онъ подчиняется все-же извѣстнымъ правиламъ, какъ они ни жестоки, а это уже кое что значить. Прибавимъ къ этому, что онъ принадлежитъ хозяину лишь въ теченіе опредѣленнаго количества часовъ: по окончаніи рабочаго дня онъ свободенъ. Наоборотъ, ученикъ принадлежитъ мастеру и тѣломъ и душой; онъ входитъ въ чужую семью не для того, чтобы изучить ремесло, платя за это своимъ трудомъ въ теченіе извѣстнаго ряда лѣтъ, а чтобы исполнять самыя унижительныя, самыя тяжелыя и самыя непріятныя обязанности слуги...; онъ не получаетъ никакого воспитанія, ни религіознаго ни первоначальнаго свѣтскаго образованія; изъ нихъ не заботятся сдѣлать ни хорошихъ людей вообще, ни искусныхъ рабочихъ. Содержаніе и пища, конечно, далеко не могутъ вознаградить учениковъ за плохое обученіе; хорошо, если еще жестокость хозяевъ не увеличиваетъ тяжесть ихъ положенія ежедневными наказаніями, часто налагаемыми безъ всякаго основанія и обычно переходящими мѣру. Для дѣтей работающихъ въ мануфактурахъ эксплуатація, какъ ни безжалостна, все-же имѣеть свои границы, для учениковъ же работа не прекращается даже съ полнымъ истощеніемъ ихъ силъ, для нея нѣтъ никакихъ границъ, никакихъ правилъ". Ученичество въ это время, замѣчаетъ Деболо ¹⁾, представляло не что иное, какъ „галеры“ для дѣтей, съ чѣмъ нельзя не согласиться, читая сообщенія, что многіе мелкіе мастера заставляли учениковъ работать подъ угрозой ударовъ бычачьими жилами или полосой раскаленнаго желѣза ²⁾.

Такимъ образомъ, столь необходимая для развитія промышленности отмѣна цеховой организаціи на положеніи ученичества отразилась весьма печально. Конечно, всѣ тѣ отрицательныя явленія, на которыя указывалъ Бланки,—и дурное обученіе, и пользование трудомъ учениковъ для домашнихъ работъ, и жестокое обращеніе—имѣли мѣсто и при существованіи цеховъ, но все-же они, повидимому, не достигали такой степени, какъ въ первой половинѣ 19-го вѣка. Это объ-

¹⁾ Debolo, стр. 84.

²⁾ Moniteur, 1840-го г. стр. 419.

яснялось; конечно, не тѣмъ, что цеховая система, какъ таковая, была полезна для ученичества, а тѣмъ, что при ней все-же существовала извѣстная регламентація ученичества: число учениковъ было строго ограничено, рабочій день опредѣленъ, принимались въ ученики лишь лица извѣстнаго возраста, наконецъ, самое существованіе испытаній и пробныхъ работъ, какъ ни злоупотребляли ими, все же поддерживало взглядъ, что ученикъ долженъ приобрѣсти извѣстныя познанія, и что онъ не простой рабочій. Съ исчезновеніемъ же цеховой системы исчезла и эта скудная регламентація, т. е. взамѣнъ ея ничего не было создано, вслѣдствіе чего подвліяніемъ порядковъ, господствовавшихъ въ крупной промышленности, и въ ремеслѣ укореняется взглядъ на учениковъ, какъ на обыкновенныхъ рабочихъ. Кроме того, если при цеховой системѣ мастера очень и очень часто злоупотребляли своей властью надъ учениками и не скупились на побои и оскорбленія, то все-же администрація въ то время въ извѣстной степени боролась съ этими явленіями, и нерѣдко мастеръ даже за простое оскорбленіе ученика попадалъ въ тюрьму. Теперь-же правительство заботится болѣе о защитѣ мастеровъ отъ находящихся въ ихъ полной власти дѣтей, а не наоборотъ: оно устанавливаетъ декретомъ 1810-го г. уголовныя наказанія для учениковъ за проступки по отношенію къ мастерамъ и за нарушеніе дисциплины ¹⁾, но не предусматриваетъ возможности наложенія наказанія на мастера за грубое нарушеніе имъ своихъ обязанностей по отношенію къ ученику и отдаетъ юрисдикцію по дѣламъ ученичества въ руки хозяевъ, по сравненію съ которыми прежніе судебныя органы являлись болѣе безпристрастными.

Вышеуказанное печальное положеніе дѣтей, работающихъ въ промышленности, не могло, конечно, остаться незамѣченнымъ и не вызвать и въ извѣстной части общества и въ литературѣ ²⁾ сознанія необходимости энергичнаго вмѣшательства законодателя путемъ созданія извѣстной регламентаціи примѣненія дѣтскаго труда. Но французскій законодатель долго не рѣшался порвать со своей политикой невмѣшатель-

¹⁾ Decret du 3 août 1810 г. art. 4.

²⁾ Dolfus-Francoz, стр. 25 и сл.

ства, и первый законъ относительно работы дѣтей въ промышленности появился лишь въ 1841-омъ году. Этотъ законъ запретилъ абсолютно работу дѣтей моложе 8-ми лѣтъ, установилъ для дѣтей въ возрастѣ 8—12 лѣтъ максимальный рабочий день въ 8 часовъ, а для дѣтей въ возрастѣ 12—16 лѣтъ—двѣнадцатичасовой рабочий день; запретилъ ночная работы для дѣтей моложе 13 лѣтъ, а работу въ праздничные и воскресные дни для дѣтей моложе 16 лѣтъ. Далѣе, законъ 1841-го г. сдѣлалъ для дѣтей до 12 лѣтъ обязательнымъ посещение школы; дѣти старше этого возраста освобождались отъ данной обязанности только въ томъ случаѣ, если представляли свидѣтельство объ окончаніи ими первоначальнаго образованія. Наконецъ, для дѣтей введены обязательныя рабочія книжки. Надзоръ за соблюденіемъ закона и за положеніемъ дѣтей возложенъ былъ на созданную вновь фабричную инспекцію.

Несомнѣнно, что законъ 1841-го г. представлялъ значительный прогрессъ въ области защиты дѣтей, но къ несчастью, по общему отзыву ¹⁾, онъ въ жизни почти вовсе не примѣнялся. Произошло это, какъ по причинѣ незначительнаго размѣра наказаній, установленныхъ закономъ за нарушение его предписаній, такъ и вслѣдствіе крайне неудовлетворительной постановки инспекціи: инспекторами по закону 1841-го г. являлись лица, назначаемыя префектами и не получавшія за свой трудъ никакого вознагражденія, вслѣдствіе чего они исполняли свои обязанности очень неохотно и смотрѣли на нихъ, какъ на неприятную обузу; но что еще хуже,—значительная часть инспекторовъ назначалась изъ самихъ фабрикантовъ, которые, конечно, сами не сочувствовали стремленію закона защитить интересы дѣтей и умышенно смотрѣли съвозъ пальцы на злоупотребленія своихъ коллегъ по профессіи. Эта полная бездѣятельность комиссій по надзору вскорѣ привела къ тому, что онѣ постепенно совершенно исчезли, и законъ 1841-го г. преданъ былъ забвенію ²⁾. Но если защита, предоставленная закономъ 1841-го г. дѣтямъ, работающимъ въ промышленности, оказалась мало дѣйстви-

¹⁾ Dolfus-Francoz, стр. 31; Levasseur, т. II стр. 94; Debole, стр. 83.

²⁾ Dolfus-Francoz, стр. 32.

тельной, то ремесленные и торговые ученики даже вовсе не могли ей пользоваться, т. е. вышеуказанный законъ ограничивалъ свое примѣненіе исключительно областью крупной промышленности ¹⁾. Правда, законодатель предоставлялъ администраціи право распространять дѣйствіе закона и на предприятия, не перечисленные въ статьѣ 1-ой, но администрація этимъ своимъ правомъ совершенно не пользовалась ²⁾. Такимъ образомъ, положеніе ремесленныхъ учениковъ не только не улучшилось за это время, но даже не было сдѣлано попытокъ въ этомъ направленіи со стороны законодательства. Лишь въ 1847-омъ г. правительство внесло въ палату пэровъ проектъ новаго закона, который, нѣсколько измѣняя постановленія закона 1841-го г., распространялъ ихъ дѣйствіе на всѣ промышленныя предприятия, независимо отъ того, сколько рабочихъ въ нихъ было занято, но революція 48-го года помѣшала этому проекту сдѣлаться закономъ.

Также мало значенія для ремесленныхъ учениковъ имѣлъ и законъ 9-го сент. 1848-го года, установившій длину рабочего дня для взрослыхъ рабочихъ въ 12 часовъ, т. е. министерство толковало этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что онъ относится лишь къ предприятиямъ, имѣющимъ не менѣе 10 рабочихъ, вслѣдствіе чего, какъ жаловался Ch. Dupin, подъ дѣйствіе закона не подошло болѣе $\frac{9}{10}$ всего числа промышленныхъ предприятий ³⁾.

Лишь въ 1851-омъ г., т. е. болѣе полъ столѣтія со дня отмѣны цеховой организаціи, французское законодательство создало регламентацію ученичества, столь давно уже требуемую жизнью. При обсужденіи этого вопроса въ законодательномъ собраніи столкнулись два противоположныхъ теченія: одно, защитникомъ котораго явился инициаторъ проекта депутатъ Реурин, требовало точной и детальной регламентаціи ученичества въ интересахъ защиты учениковъ отъ эксплуатаціи

¹⁾ Дѣйствіе его простиралось, согласно статьѣ 1-ой, на 1) manufactures, usines et ateliers à moteurs mécaniques ou à feu continu et dans leurs dependences; 2) fabriques, occupants plus de 20 ouvriers, réunis en ateliers.

²⁾ Levasseur, т. II стр. 94; Dolfus-Francoz, стр. 30.

³⁾ Levasseur, т. II, стр. 251 прим. 3.

хозяевъ,—другое теченіе, въ лицѣ министра торговли Dumas, предлагало ограничиться изданіемъ постановленій самаго общаго характера. Законъ 1851-го г. пошелъ по среднему пути: регламентировавъ довольно детально ученичество, онъ въ то-же самое время въ двухъ весьма важныхъ пунктахъ отклонился отъ пути, по которому настойчиво совѣтовали итти защитники системы детальной регламентаціи, оставивъ число учениковъ для каждаго мастера неограниченнымъ и не установивъ минимума возраста для лицъ, вступающихъ въ ученики.

Этотъ законъ 1851-го года и понынѣ является во Франціи дѣйствующимъ правомъ въ области ремесленного ученичества, такъ какъ всѣ послѣдующіе многочисленныя законодательные акты, которыми французскій законодатель регламентировалъ примѣненіе дѣтскаго труда въ промышленности въ теченіе 2-й половины 19-го вѣка, касались учениковъ только какъ рабочихъ, но не какъ лицъ, обучающихся ремеслу, и имѣли своей задачей преимущественно ограничить эксплуатацию дѣтскаго труда въ размѣрахъ, могущихъ губительно отразиться на ихъ тѣлесномъ и духовномъ развитіи.

Первой крупною мѣрой въ этомъ направленіи былъ законъ 1874-го года, значеніе котораго для ученичества заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что, въ силу общихъ правилъ о работѣ дѣтей въ промышленности, установленныхъ закономъ, въ ученики запрещено было принимать дѣтей моложе 12-ти лѣтъ, нельзя было заставлять ихъ работать въ праздники, и рабочій день ихъ былъ ограниченъ двѣнадцатью часами. Постановленія эти, хотя и представляли нѣкоторый прогрессъ по сравненію съ прошлымъ, тѣмъ не менѣе однако далеко не могли быть признанными вполне удовлетворительными: двѣнадцатичасовой рабочій день являлся безусловно непосильнымъ для дѣтей въ возрастѣ отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ, а лица старше 16-ти лѣтъ совсѣмъ лишены были защиты закона, тогда какъ они въ ней несомнѣнно нуждались. Существеннымъ недостаткомъ закона 1874-го года была также неудовлетворительная постановка инспекціи, которая была возложена на фабричныхъ инспекторовъ и на особыя мѣстныя комиссіи изъ лицъ, назначаемыхъ префектомъ: эти мѣстныя комиссіи, состоявшія преимущественно изъ хозяевъ,

вмѣсто содѣйствія инспекторамъ, на практикѣ прямо таки парализовали ихъ дѣятельность¹⁾.

Вслѣдствіе этого вопросъ объ измѣненіи закона 1874-го года былъ поднятъ уже вскорѣ послѣ его изданія, но осуществилась эта реформа лишь въ 1892-омъ году. Новый законъ прежде всего повысилъ минимумъ возраста дѣтей, работающихъ въ промышленности²⁾, до 13-ти лѣтъ; двѣнадцатилѣтнихъ разрѣшалось принимать лишь въ томъ случаѣ, если они имѣютъ свидѣтельство объ окончаніи первоначальнаго школьнаго образованія и медицинское свидѣтельство, удостоверяющее, что они физически способны заниматься данной работой. Кроме того, инспекторамъ предоставлено право подвергать медицинскому освидѣтельствованію всѣхъ дѣтей, не достигшихъ 16-ти лѣтъ, и въ случаѣ неблагопріятнаго исхода освидѣтельствованія требовать или совершеннаго расчета даннаго несовершеннолѣтняго рабочаго или ученика, или возложенія на него другихъ работъ, менѣе трудныхъ. Рабочій день для лицъ моложе 16-ти лѣтъ не долженъ превышать 10-ти часовъ, а для рабочихъ отъ 16-ти—18-ти лѣтъ—11-ти часовъ, но не болѣе однако 60-ти часовъ въ недѣлю; перерывы въ работѣ на принятіе пищи, которые въ общей сложности должны быть не менѣе одного часа, въ число рабочихъ часовъ однако не должны засчитываться. Ночныя работы лицамъ моложе 18-ти лѣтъ запрещены, за нѣкоторыми исключеніями. Рабочимъ даннаго возраста одинъ день въ недѣлю долженъ быть предоставленъ для отдыха, причемъ этимъ днемъ могло быть и не воскресенье; кроме того работы запрещены въ 8 опредѣленныхъ дней въ году, признанныхъ закономъ праздничными. Наконецъ, законъ абсолютно не допускалъ примѣненія труда лицъ, моложе 18-ти лѣтъ въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, являющихся особенно вредными для здоровья или нравственности рабочихъ. Вообще-же инспектора должны слѣдить, чтобы мастерскія, а также помѣщенія для сна

¹⁾ Dolfus-Francoz, стр. 64.

²⁾ Законъ 1892-го года изъ уваженія къ родительской власти не отпослалъ лишь къ мастерскимъ, гдѣ работаютъ только родители съ своими дѣтьми безъ постороннихъ рабочихъ.

и для бды рабочихъ удовлетворяли требованіямъ гигіены и безопасности. Чтобы обезпечить соблюденіе этихъ правилъ, законъ требовалъ, чтобы каждое лицо, работающее въ промышленности и не достигшее 18-ти лѣтъ, имѣло рабочую книжку, выдаваемую мѣрїей; въ книжкѣ этой должно быть указано имя рабочаго или ученика, его возрастъ, мѣсто рожденія и мѣстожителство, и помѣтка объ окончаніи первоначальнаго образованія, если ребенку менѣе 13-ти лѣтъ. Благодаря этимъ книжкамъ инспекторъ легко могъ увидѣть, соблюдены ли требованія закона относительно возраста и т. п. За нарушение хозяевами ¹⁾ вышеуказанныхъ предписаній законъ установилъ наказанія и организовалъ промышленную инспекцію на новыхъ началахъ. Между прочимъ законъ предписывалъ организовать особые комитеты патронажа для покровительства и защиты учениковъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ.

Законъ 1892-го года, благодаря дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ ²⁾ въ общемъ соблюдался и значитель-но улучшилъ положеніе учениковъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ. Однако одинъ его пунктъ, и, пожалуй, наиболѣе существенный, вызвалъ горячіе протесты среди промышленниковъ и даже рядъ столкновеній ихъ съ рабочими, — это постановленіе относительно рабочаго дня дѣтей. Причина неудовольствія, по свидѣтельству фабричныхъ инспекторовъ, заключалась въ томъ, что во многихъ предпріятіяхъ дѣти являлись необходимыми помощниками взрослыхъ рабочихъ, вслѣдствіе чего при установленіи для дѣтей болѣе короткаго дня, чѣмъ для взрослыхъ, правильный ходъ работъ нарушался. Чтобы избѣжать этого предпринимателямъ приходилось или вовсе не брать на работу дѣтей и замѣнять ихъ взрослыми рабочими, или установить самимъ и для взрос-

¹⁾ Къ сожалѣнію законъ не устанавливаетъ наказаній для родителей и опекуновъ, отдавшихъ своихъ дѣтей или опекаемыхъ въ наемъ вопреки постановленіямъ закона (см. Cornil, «Du louage de services» 1895 г. стр. 53—54).

²⁾ Комитеты патронажа оказались учрежденіемъ нежизнеспособнымъ и существуютъ въ большинствѣ случаевъ только на бумагѣ (см. Debole, loc. cit. стр. 175—177).

лыхъ рабочихъ сокращенный рабочій день въ 10 часовъ, или, наконецъ, установить двойныя смѣны для дѣтей съ тѣмъ, чтобы сохранить время работы на прежней высотѣ и въ тоже самое время имѣть все время въ мастерской полный комплектъ рабочихъ. Первый выходъ являлся для хозяевъ черезчуръ невыгоднымъ, и потому къ этой мѣрѣ прибѣгали рѣдко. Многія предпріятія остановились на второй мѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы избѣжать повышенія расходовъ на производство, сократили взрослымъ рабочимъ заработную плату подъ предлогомъ сокращенія рабочаго дня, что вызвало рядъ забастовокъ со стороны рабочихъ ¹⁾. Очень многія производства остановились на системѣ двойныхъ смѣнъ, но фабричные инспектора жаловались, что при такомъ порядкѣ имъ совершенно почти невозможно слѣдить за соблюденіемъ закона, т. е. трудно было точно узнать, когда начала работать данная смѣна, и вообще смѣнялся ли данный несовершеннолѣтній рабочій или нѣтъ, и въ результатѣ многіе хозяева заставляли работать дѣтей безъ смѣны, т. е. что положеніе послѣднихъ стало еще хуже, чѣмъ при дѣйствіи закона 1874-го года. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній и инспектора высказывались за измѣненіе закона 1892-го года въ томъ смыслѣ, чтобы установить для всѣхъ рабочихъ, безъ различія пола и возраста, рабочій день одинаковой длины, хотя-бы и короче 12-ти часовъ ²⁾. Это пожеланіе и было исполнено закономъ 30-го марта 1900-го года.

Этотъ законъ, дѣйствующій и понынѣ, ввелъ для женщинъ и для дѣтей, моложе 18-ти лѣтъ единообразный рабочій день, размѣръ котораго долженъ былъ постепенно понижаться: первоначально по введеніи закона въ силу рабочій день не долженъ былъ превышать 11-ти часовъ, съ 1902-го года — 10½ часовъ, а съ 1904 года 10 часовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ установилъ, что въ предпріятіяхъ, гдѣ взрослые работаютъ вмѣстѣ съ лицами, пользующимися вышеназваннымъ ограниченіемъ, рабочій день для всѣхъ одинаково долженъ быть уменьшеннаго размѣра, т. е. 10 часовъ.

¹⁾ Въ одномъ 1893-ьемъ году, т. е. вслѣдъ за опубликованіемъ закона, ихъ было цѣлыхъ 45 по этому поводу (Dolfus-Francoz, стр. 78).

²⁾ Dolfus-Francoz, стр. 100.

Кромѣ перечисленныхъ важныхъ законовъ 1892-го и 1900-го годовъ, до извѣстной степени имѣли значеніе для учениковъ: 1) декретъ 13-го мая 1893-го года, измѣненный декретомъ 3-го мая 1900-го года, запретившій примѣнять дѣтей и подростковъ къ работамъ, представляющимъ опасность для ихъ здоровья или нравственности, и опредѣлившій максимумъ тяжести, которую дѣтей можно заставлять поднимать; 2) законъ 1882-го года относительно первоначальнаго образованія; 3) законъ 9-го апрѣля 1898-го года, возложившій на мастера отвѣтственность за несчастные случаи съ учениками во время работы, и 4) законъ 1906-го года о праздничномъ отдыхѣ.

Какъ мы уже говорили, всѣ эти законы имѣли отношеніе исключительно только къ работѣ учениковъ, но самаго договора ученичества во всемъ его объемѣ не касались, и законъ 1851-го года продолжалъ являться главнымъ источникомъ регламентаціи ученичества. Само собой понятно, что его устарѣлыя и скудныя постановленія не могли считаться вполне соответствующими требованіямъ жизни, и необходимость реформы ученичества давно уже стала сознаваться. Но къ осуществленію этой реформы приступлено сравнительно недавно. Лишь въ 1900-омъ году состоящій при министерствѣ торговли Conseil supérieur du travail занялся вопросомъ объ учениствѣ, организовалъ въ 1902-омъ году анкету и въ результатѣ составилъ проектъ закона, который 18-го окт. 1904-го года и внесенъ въ бюро палаты депутатовъ. Сущность этого проекта нами будетъ разсмотрѣна ниже.

Въ результатѣ сдѣланнаго нами краткаго очерка исторіи французскаго законодательства относительно договора ученичества съ момента отмѣны цеховой организаціи вплоть до настоящаго времени мы можемъ констатировать, что паденіе стараго цехового ученичества съ его публично-правовымъ характеромъ, не повлекло за собой исчезновеніе и самого института ученичества: послѣднее признано закономъ 1851-го г., какъ самостоятельный частно-правовой институтъ, отличающійся отъ найма несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, и это свое отношеніе къ договору ученичества французское законодательство, судя по характеру проектовъ его реформы, намѣрено, повидимому, сохранить и въ будущемъ.

Исторія регламентаціи ученичества въ Англіи сложилась иначе, чѣмъ во Франціи. Въ періодъ съ половины 17-го и до половины 18-го вѣковъ крупная промышленность въ Англіи развивается съ возрастающей быстротой. вмѣстѣ съ тѣмъ и старый законъ объ учениствѣ 1562-го г., какъ ни либераленъ онъ былъ по сравненію съ цеховымъ правомъ Германіи и Франціи, становится стѣснительнымъ для крупныхъ промышленниковъ, такъ что въ началѣ 18-го вѣка нарушенія даннаго закона становятся уже весьма распространеннымъ явленіемъ. Такое положеніе вещей весьма сильно нарушало интересы рабочихъ, прошедшихъ стадію ученичества, т. е. трудъ ихъ теперь вытѣсняется дешевымъ трудомъ женщинъ, дѣтей и необученныхъ рабочихъ, которыхъ теперь промышленники принимаютъ на работы въ значительномъ количествѣ, не стѣсняясь съ ограниченіями, установленными закономъ 1562 года. Это вызываетъ среди обученныхъ рабочихъ движеніе, направленное на борьбу за примѣненіе закона 1562-го г. противъ промышленниковъ, видѣвшихъ, наоборотъ, въ его предписаніяхъ важное препятствіе къ развитію вновь народившейся крупной промышленности, существованіе которой категорически вызывалось измѣненіемъ экономическихъ условій. Въ этой борьбѣ консерваторовъ — рабочихъ съ революціонерами — хозяевами, парламентъ, состоявшій въ значительной своей части изъ промышленниковъ, естественно всталъ на сторону послѣднихъ, и въ результатѣ къ половинѣ 18-го вѣка законъ объ учениствѣ совсѣмъ пересталъ примѣняться въ жизни, а по отношенію къ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности прямо признанъ былъ парламентомъ неимѣющимъ силы ¹⁾. Наконецъ, въ 1814-омъ году, вопреки петиціямъ рабочихъ, парламентъ окончательно отмѣнилъ законъ объ ученикахъ для всей промышленности.

Такимъ образомъ въ Англіи, какъ и во Франціи, къ началу 19-го вѣка цеховая организація исчезла, а вмѣстѣ съ этимъ и ученичество осталось безъ всякой регламентаціи. Различіе между вышеуказанными странами сказывалось однако въ томъ, что во Франціи реформа была произведена внезапно и рѣшительно самимъ законодательствомъ, а въ Англіи

¹⁾ Steffen т. II стр. 225.

она произошла какъ-бы сама собой вмѣстѣ съ постепеннымъ умираніемъ цехового строя, такъ что законъ 1814-го года никакой ломки не произвелъ, а лишь санкціонировалъ тотъ порядокъ вещей, который давно уже существовалъ въ жизни. Другое весьма любопытное отличіе, на которое указываетъ Брентано ¹⁾, заключалось въ томъ, что въ то время, какъ во Франціи эдиктъ Тюрго былъ встрѣченъ восторженно рабочими при рѣшительномъ противодѣйствіи со стороны хозяевъ, — въ Англіи при отмѣнѣ закона объ ученичествѣ имѣло мѣсто какъ разъ обратное явленіе: хозяева требовали его отмѣны, а рабочіе подавали въ парламентъ петиціи объ его сохраненіи. Причину такого различія Брентано видитъ въ томъ, что въ 1776-омъ г., когда во Франціи впервые имѣла мѣсто попытка уничтожить цехи, мелкое ремесло являлось еще господствующей формой производства, вслѣдствіе чего французскіе рабочіе относились сочувственно къ реформѣ, видя въ ней устраненіе стѣсненій къ достиженію ими самостоятельности, тогда какъ при томъ развитіи крупной промышленности, какое существовало въ Англіи въ 1814-омъ году, рабочіе уже окончательно утратили надежду сдѣлаться хозяевами, а потому цѣнили въ старомъ строѣ ту, хотя и слабую, защиту, которую онъ имъ давалъ. Но различіе это, какъ мы полагаемъ, произошло не потому только, что въ Англіи цеховой строй былъ отмѣненъ въ 1814-омъ, а не въ 1776-омъ году, т. е. на 38 лѣтъ позже, какъ полагаетъ Брентано, а вслѣдствіе того, что въ Англіи самое развитіе крупной промышленности началось значительно ранѣе, чѣмъ во Франціи. Это подтверждается и тѣмъ, что борьба рабочихъ съ хозяевами изъ за соблюденія закона объ ученичествѣ въ Англіи возникла за много лѣтъ до 1776-го года ²⁾.

Но если къ началу 19-го вѣка законодательства Англіи и Франціи пришли къ одному и тому же результату — къ уничтоженію цеховой системы и регламентаціи промысловаго ученичества, то въ дальнѣйшемъ вышеназваннаго государства

¹⁾ L. Brentano, «Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht» 1877 г. стр. 69—70.

²⁾ Такъ напримѣръ, борьба рабочихъ — чулочниковъ въ Лондонѣ началась еще въ 1710 г. (см. Steffen, т. I. стр. 499 и сл.).

идутъ уже разными путями. Въ то время, какъ во Франціи регламентація ученичества, какъ самостоятельнаго договора, возобновляется, сперва въ немногочисленныхъ постановленіяхъ закона XI жерминаля, а потомъ и въ законѣ 1851-го г., — въ Англіи, съ отмѣной закона 1562-го года, договоръ ученичества окончательно исчезаетъ изъ законодательства, которое, начиная съ 1814-го г. и вплоть до нашихъ дней, знаетъ исключительно только дѣтей — рабочихъ, но не учениковъ. Всѣ послѣдующіе многочисленные законодательные акты въ Англіи имѣютъ цѣлью защитить дѣтей, работающихъ въ промышленности отъ излишней эксплуатаціи, но совершенно не предусматриваютъ случаевъ обученія этихъ дѣтей въ мастерскихъ, гдѣ они работаютъ.

Но отсутствіе всякой законодательной регламентаціи ученичества, конечно, еще не означало, что ученичество, какъ жизненное явленіе, въ Англіи исчезло. Несмотря на то, что съ развитіемъ крупной промышленности, достигшимъ въ Англіи, по сравненію съ другими странами, своего апогея, область примѣненія ученичества здѣсь значительно сузилась, тѣмъ не менѣе оно все же продолжало существовать, имѣя своей единственной регламентаціей взаимное соглашеніе сторонъ. Это игнорированіе ученичества со стороны законодательства вызвало, однако, внимательство другого фактора, имѣющаго въ Англіи довольно важное значеніе, — именно рабочихъ союзовъ (трэдъ-юніоновъ). Политика ихъ въ этомъ вопросѣ заключалась въ стремленіи сохранить за ученичествомъ извѣстное значеніе, содѣйствовать тому, чтобы дѣти, поступающія въ промышленныя предпріятія, поступали, именно, въ качествѣ учениковъ, а не простыхъ рабочихъ. Для достиженія этой цѣли союзы отказывались принимать въ свою среду лицъ, не отбывшихъ установленный срокъ обученія, а также заключали съ хозяевами соглашенія относительно порядка приема учениковъ. Въ этихъ соглашеніяхъ союзы выговаривали, чтобы договоръ ученичества заключался въ письменной формѣ, чтобы ученичество продолжалось не менѣе извѣстнаго числа лѣтъ (5, 6, 7 лѣтъ), а главнымъ образомъ, чтобы хозяева не принимали учениковъ въ числѣ, превышающемъ установленную соглашеніемъ норму, опредѣляющую, сколько взрослыхъ рабочихъ

должно приходиться на каждого ученика въ данномъ предпріятіи¹⁾. Чтобы заставить хозяевъ соблюдать эту норму, члены союзовъ отказывались обучать учениковъ, взятыхъ хозяиномъ сверхъ нормы, или даже отказывались вовсе работать въ такихъ предпріятіяхъ. Цѣль, которую преслѣдовали трэдъ-юніоны въ этомъ отношеніи, заключалась въ томъ, чтобы воспрепятствовать хозяевамъ посредствомъ широкаго пользованія дешевымъ трудомъ учениковъ замѣнить ими взрослыхъ обученныхъ рабочихъ, а также чтобы до известной степени урегулировать предложеніе труда, помѣшать чрезмѣрному увеличенію въ будущемъ числа рабочихъ въ данной промышленности и соединенному съ этимъ паденію высоты заработной платы. Однако, по словамъ С. и Б. Веббъ²⁾, въ большинствѣ отраслей промышленности стремленія трэдъ-юніоновъ ограничить число учениковъ оказались на практикѣ безрезультатными, благодаря росту крупной промышленности и измѣненіямъ въ техникѣ производства, имѣвшимъ мѣсто въ Англии въ 19-омъ вѣкѣ. Это обстоятельство заставило большинство трэдъ-юніоновъ, несмотря на сильныя симпатіи къ регулированію ученичества, отказаться отъ осуществленія этой задачи, и въ настоящее время регулированіе ученичества сохранилось только въ очень немногихъ союзахъ, и число послѣднихъ все болѣе и болѣе уменьшается.

Въ виду крайней пестроты промышленнаго законодательства Германіи, въ первой половинѣ 19-го вѣка мы принуждены здѣсь ограничиться лишь изложеніемъ исторіи этого законодательства въ самыхъ общихъ чертахъ.

Уничтоженіе цеховой системы впервые имѣло мѣсто въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, которыя въ эпоху наполеоновскихъ войнъ попали въ зависимость отъ Франціи, введ-

¹⁾ Напримѣръ въ Лондонѣ столяры по соглашенію съ хозяевами установили, чтобы въ каждомъ предпріятіи приходилось не болѣе одного ученика на трехъ подмастерьевъ; у ювелировъ требуется, чтобы на пять подмастерьевъ приходилось не болѣе одного ученика (Brodnitz, Jahrb. f. Nat. u. Stat. III Folge Band 35, 1908. стр. 167).

²⁾ С. и Б. Веббъ, «Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма» переводъ В. Ильина, т. 2-ой, 1901 года. стр. 388—390.

шей въ этихъ странахъ и свое законодательство. Но эта насильственно введенная система свободы промышленности просуществовала недолго: „едва смолкъ громъ пушекъ при Ватерлоо“, какъ большинство этихъ государствъ успѣшило вернуться къ старой цеховой организаціи. Причинами такого возврата являлись и враждебное отношеніе къ чужеземному, насильственно навязанному праву, а также и то, что бѣдственное положеніе промышленности, вызванное постоянными войнами, давало поводъ сторонникамъ цехового строя обвинять въ этомъ новую организацію промышленности. Лишь въ очень немногихъ изъ этихъ государствъ, какъ напримѣръ въ баварскомъ Рейнпфальцѣ и княжествѣ Биркенфельдѣ, свобода промышленности уцѣлѣла.

Болѣе важнымъ шагомъ къ уничтоженію цеховой системы явилось законодательство Пруссіи послѣ Тильзитскаго мира. Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ законовъ, направленныхъ къ частичному измѣненію промышленнаго строя, въ 1810—1811 годахъ провозглашена была, наконецъ, свобода промышленности. По примѣру Франціи прусскій законодатель предоставлялъ свободу каждому заниматься ремесломъ, не требуя отъ него ни сдачи испытанія, ни отбытія ученичества, ни принадлежности къ цеху. Только въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, неумѣлое занятіе которыми могло явиться опаснымъ для общества, законъ требовалъ отъ лица, желающаго заниматься ими, доказательства обладанія известными свѣдѣніями въ данномъ дѣлѣ: къ такимъ ремесламъ законъ относилъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, каменщиковъ, корабельныхъ мастеровъ, трубочистовъ. Но отличительной чертой прусскаго законодательства по сравненію съ французскимъ являлось то, что оно, вводя свободу промышленности, тѣмъ не менѣе не уничтожило окончательно цеховой организаціи. Цехи въ Пруссіи сохранились, хотя, конечно, значеніе ихъ стало совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде: съ объявленіемъ свободы промышленности они лишились своего монополистическаго положенія, т. е. каждый могъ заниматься ремесломъ, имѣть учениковъ и т. п., не вступая въ цехъ. Такимъ образомъ, они превратились въ свободные союзы ремесленниковъ, вступленіе въ которые зависѣло исключительно отъ доброй воли cadaго и не давало никакихъ рѣшительно привилегій. Но для ученичества это сохраненіе цеховъ имѣ-

до важное значеніе потому, что, оставляя цехи, законъ оставилъ въ силѣ и всѣ тѣ постановленія Algem. Land., которыя опредѣляли всѣ внутреннія отношенія цеховъ—ихъ организацію, права и обязанности членовъ по отношенію къ корпорации, взаимныя отношенія между мастерами и учениками и т. п. Вслѣдствіе этого ученики цеховыхъ мастеровъ и по введеніи свободы промышленности оставались подъ регламентаціей цехового права. Что же касается до учениковъ мастеровъ, не состоявшихъ членами цеховъ, то, т. к. законодательство никакой регламентаціи ученичества для нихъ не создало, положеніе ихъ регулировалось свободнымъ соглашеніемъ сторонъ, а за неясностью или неполнотой договора—мѣстными обычаями. А такъ какъ этихъ мѣстныхъ обычаевъ для нецехового ученичества, чуть-ли не на другой день, какъ послѣднее возникло, сложиться еще не могло, то въ концѣ концовъ Министерство Промышленности, Торговли и Внутреннихъ дѣлъ 24-го окт. 1820-го г., разъяснило что въ спорахъ между учениками и подмастерьями съ одной стороны и хозяевами съ другой, въ случаѣ сомнѣнія, дѣла слѣдуетъ рѣшать на основаніи соответствующихъ предписаній Allg. Land. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ Франціи и Англии введеніе свободы промышленности въ Пруссіи въ 1810—11 годахъ не повлекло за собой окончательнаго уничтоженія цеховой регламентаціи ученичества: она сохранилась не только для цеховыхъ, но и для нецеховыхъ учениковъ, съ той только разницей, что по отношенію къ послѣднимъ эта регламентація имѣла не принудительный, а восполнительный характеръ.

Кромѣ немногихъ прирейнскихъ княжествъ, бывшихъ подъ властью французовъ, и Пруссіи, въ первой половинѣ 19-го вѣка свобода промышленности въ Германіи еще не получила признанія. Даже когда въ 1815-омъ году границы Пруссіи значительно расширились, прусская организація промышленности не была распространена на вновь присоединенныя области, и на Рейнѣ продолжала дѣйствовать французская система, а въ саксонскихъ областяхъ сохранялся старый цеховой строй. Впрочемъ, если большинство нѣмецкихъ государствъ и не рѣшалось еще окончательно уничтожить старый цеховой строй, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ на примѣръ въ Баваріи и Вюртембергѣ, тѣмъ не менѣе принимались шаги къ освобожденію промышленности отъ

монополии цеховъ и устраненію тѣхъ изъ сторонъ цеховой системы, которыя казались особенно вредными. Реформы эти коснулись въ частности и ученичества. Въ Баваріи по закону 1825-го года оно хотя и сохранило свой обязательный характеръ, но ограниченія числа учениковъ и различныя привилегіи для дѣтей мастеровъ уничтожены, свидѣтельства объ окончаніи ученичества предписано выдавать полиціи, а не цехамъ. Въ Вюртембергѣ законъ 1828-го года также содержалъ довольно многочисленныя постановленія объ ученичествѣ: онъ требовалъ отъ вступающаго въ ученики окончанія первоначальнаго школьнаго образованія, срокъ обученія предоставлялъ сторонамъ устанавливать по свободному соглашенію, подробно регламентировалъ Lehrgeld и плату ученику, лишилъ вдовъ мастеровъ права держать учениковъ, предоставилъ администраціи право объявлять для нѣкоторыхъ ремеселъ испытанія учениковъ обязательными; регламентація эта распространялась и на учениковъ въ нецеховыхъ ремеслахъ.

Однако это движеніе въ пользу введенія свободы промышленности, которое въ началѣ 19-го вѣка сказалось въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, въ сороковыхъ годахъ смѣнилось обратнымъ теченіемъ. Вызвано было это теченіе тѣмъ, что за это время, благодаря успѣхамъ техники, расширенію сѣти желѣзныхъ дорогъ и развитію международныхъ торговыхъ сношеній, крупное производство начинаетъ уже серьезно вытѣснять ремесло изъ многихъ областей промышленности¹⁾. Паденіе ремесла вызвало среди ремесленниковъ, видѣвшихъ въ развитіи крупной промышленности слѣдствіе либеральной экономической политики правительства, недовольство и движеніе въ пользу возвращенія къ старому порядку вещей. Это движеніе сказалось и въ литературѣ, гдѣ появляется рядъ сочиненій, доказывавшихъ нецѣлесообразность системы свободы промышленности и необходимость возстановленія це-

¹⁾ Schmoller, «Zur Geschichte d. deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrh.». 1870 г. стр. 89—90; Kaizl, «Der Kampf um Gewerbe-reform und Gewerbe-freiheit in Bayern von 1799—1868». 1879 г. стр. 106.

хового строя въ прежнемъ видѣ. Подъ вліяніемъ этого движенія прусское правительство въ изданномъ для всего государства промышленномъ уставѣ 1845-го г. хотя и не рѣшилось совершенно вернуться къ старому цеховому строю и, сохранивъ въ основныхъ чертахъ систему, установленную въ 1810—11-омъ годахъ, даже распространило ее на тѣ области, въ которыхъ она до сихъ поръ не примѣнялась, однако, въ видѣ уступки требованіямъ реакціонеровъ, въ 42-хъ регионахъ, наиболѣе значительныхъ и распространенныхъ, позволило брать учениковъ только тѣмъ мастерамъ, которые доказали свои познанія сдачей испытанія или состояли членами цеха. Послѣднимъ постановленіемъ такимъ образомъ создавалось уже косвенное принужденіе для вступленія въ цехъ, что являлось рѣзкой противоположностью по отношенію къ законодательству эпохи Гарденберга, совершенно игнорировавшему цехи.

Но тѣ уступки, которыя законъ 1845-го г. сдѣлалъ ремесленникамъ, само собой понятно, не могли улучшить ихъ положеніе, которое въ 1817—1849 годахъ, благодаря неурожаю и революціи, становится еще болѣе печальнымъ. Поэтому движеніе среди нихъ не только не прекращается, но, благодаря революціи 1848-го г., разрастается и впервые принимаетъ болѣе организованный характеръ. Въ іюні 1848-го г. въ Гамбургѣ собирается конгрессъ ремесленниковъ, постановившій добиваться изданія новаго промышленнаго устава и для выработки проекта послѣдняго созвать во Франкфуртѣ на М. собраніе депутатовъ отъ ремесленниковъ всей Германіи. Этотъ конгрессъ ремесленниковъ собрался во Франкфуртѣ 15-го іюля и выработалъ дѣйствительно проектъ общей для всей Германіи промышленной регламентаціи, который и былъ представленъ въ національное собраніе. Основными пунктами проекта являлись: возстановленіе обязательной цеховой организаціи, ограниченіе числа мастеровъ каждой профессіи въ каждомъ мѣстѣ, запрещеніе заниматься кому-либо болѣе чѣмъ однимъ ремесломъ, запрещеніе держать болѣе 2-хъ учениковъ, требованіе отъ каждого мастера отбытія ученичества, подмастерства съ обязательнымъ странствованіемъ и сдачи теоретическаго и пракческаго испытаній, ограниченіе сферы дѣятельности фабрикъ и обложеніе ихъ налогомъ въ пользу ремесленниковъ, организація ремесленныхъ

городскихъ совѣтовъ, ремесленныхъ камеръ и, наконецъ, общенѣмецкаго ремесленнаго парламента, который долженъ быть высшей инстанціей для ремесленныхъ камеръ и разрабатывать законопроекты, касающіеся интересовъ ремесла. Этотъ проектъ Франкфуртскаго парламента, сущность котораго, по словамъ Бюмерта¹⁾, заключалась въ томъ, чтобы вернуть Германію въ самыя мрачныя времена господства цеховой системы, явился первой программой вновь организовавшагося ремесленнаго движенія, сохранившаго основные пункты этой программы вплоть до нашихъ дней. Но франкфуртскому проекту не суждено было стать закономъ: національное собраніе, правда, приступило къ его разсмотрѣнію, но, въ виду рѣзкаго разногласія между членами по этому вопросу, принуждено было отказаться отъ мысли создать общій для всей Германіи промышленный уставъ и постановило предоставить разрѣшеніе этого вопроса будущему имперскому законодательству. Но тѣмъ не менѣе ремесленное движеніе 1848-го года противъ свободы промышленности не прошло совсѣмъ безслѣдно, т. к. нѣкоторыя отдѣльныя государства, гдѣ до этого времени законодательство въ области промышленности носило либеральный характеръ, теперь реформируютъ свое промышленное право въ болѣе или менѣе реакціонномъ духѣ. Къ числу такихъ государствъ принадлежала и Пруссія, гдѣ законъ 1849-го г. до значительной степени удовлетворилъ желанія ремесленниковъ, поставивъ право самостоятельно заниматься ремесломъ въ большинствѣ отраслей промышленности въ зависимости отъ вступленія въ цехъ или отъ сдачи испытанія въ особой комиссіи. Кромѣ Пруссіи цеховые принципы одерживаютъ побѣду въ Ганноверѣ, а также и въ Баваріи, гдѣ законъ 1853-го г., хотя и не рѣшился окончательно вернуться къ цеховой системѣ, но все же сдѣлалъ значительныя уступки требованіямъ ремесленниковъ.

Тамъ, гдѣ ремесленникамъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи, удалось добиться довольно значительныхъ уступокъ отъ законодательства, первое время они были довольны своимъ положеніемъ. Но вскорѣ-же обнаружилось, что попытка оживи

¹⁾ Böhmer, «Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens» 1862 г. стр. 13*

разложившейся цеховой строй не могла серьезно изменить положение ремесла къ лучшему, такъ какъ законодательство установило ограниченія въ сущности лишь для мелкаго-же ремесла, а не для крупной промышленности, ростъ которой и вытѣсненіе ею ремесла продолжались по прежнему ¹⁾. По-этому агитація среди приверженцевъ цехового строя снова возобновилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположное теченіе въ пользу установленія свободы промышленности стало свазываться все сильнѣе и сильнѣе. Если въ Пруссіи законъ 1849-го г. все-же не ставилъ особенно серьезныхъ препятствій для развитія промышленности, то въ большинствѣ другихъ нѣмецкихъ государствъ цеховая система продолжала существовать и становилась все болѣе и болѣе нетерпимой при экономическихъ условіяхъ жизни, уже не имѣющихъ ничего общаго съ средневѣковьемъ. Общество начинаетъ все настойчивѣе требовать устраненія невозможнаго положенія вещей. Объ этомъ заявляютъ и ученые и союзы сельскихъ хозяевъ и даже нѣкоторые конгрессы ремесленниковъ ²⁾. Сильный толчокъ этому движенію дало и введеніе въ 1859-омъ г. свободы промышленности въ Австріи. Все это побудило и германскія государства принять рѣшительныя мѣры для окончательнаго уничтоженія устарѣвшей организаціи промышленности. Примѣръ подаютъ Нассау, введшее свободу промышленности въ 1860-омъ г. за которымъ слѣдуютъ и другія государства, такъ что въ результатъ къ 1868-ому году старая цеховая система сохранилась лишь въ Мекленбургѣ и нѣкоторыхъ мелкихъ княжествахъ. Наконецъ, въ 1869-омъ году для всего вновь образовавшагося Сѣверо-Германскаго Союза издается новый, проникнутый духомъ свободы, промышленный уставъ, который съ 1871-го года получаетъ силу закона для всей Германіи.

Такимъ образомъ, во 2-ой половинѣ 19-го вѣка принципъ свободы промышленности восторжествовалъ во всей Германіи. Для института ученичества послѣдствія этой реформы оказались такими-же, какъ и во Франціи послѣ великой революціи: оно оказалось совершенно лишеннымъ всякой регламентаціи со стороны закона, такъ какъ за-

¹⁾ Schmoller, стр. 89—99.

²⁾ Такъ напримѣръ, конгрессъ der Hannoverschen Gewerbeverlinen.

конъ 1869-го года, проводя вполнѣ послѣдовательно принципъ невмѣшательства во взаимныя отношенія между хозяевами и ихъ вспомогательнымъ персоналомъ, относительно учениковъ устанавливалъ только одно запрещеніе держать учениковъ лицамъ, лишеннымъ правъ или осужденнымъ за воровство и обманъ. Даже нормы, установленныя въ защиту дѣтей, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, къ ремесленнымъ ученикамъ примѣненія не имѣли. Въ этомъ отношеніи германскій законодатель пошелъ значительно дальше австрійскаго закона 1859-го года, регламентировавшаго, хотя и скудно, ремесленное ученичество. Между тѣмъ, фактическое положеніе ученичества было далеко не блестящимъ. Уже вскорѣ послѣ изданія закона 1869-го года отовсюду начали раздаваться жалобы на полный упадокъ ремесленнаго искусства въ Германіи, какъ результатъ упадка ученичества, выражавшагося въ томъ, что ученики превратились въ дѣйствительности въ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ. Въ этомъ видѣли серьезную угрозу для всей нѣмецкой промышленности, вследствие чего вопросъ объ ученичествѣ сталъ привлекать большое вниманіе не только промышленниковъ, но и представителей науки, началъ горячо обсуждаться, какъ въ литературѣ, такъ и въ различныхъ собраніяхъ и обществахъ. Изъ послѣднихъ особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи безусловно имѣлъ вновь образованный Verein für Socialpolitik, посвятившій данному вопросу рядъ засѣданій въ 1875-омъ г. Въ засѣданіяхъ этихъ, явившихся отраженіемъ тѣхъ теченій, которыя существовали въ то время по вопросу объ ученичествѣ въ нѣмецкомъ обществѣ и литературѣ, большинство голосовъ, констатируя дѣйствительно серьезный кризисъ, переживаемый ученичествомъ, сходилось въ томъ, что этотъ кризисъ имѣетъ крайне важное значеніе для государства, которое должно оставить свой прежній манчестерскій принципъ невмѣшательства и принять серьезныя мѣры для устраненія существующаго положенія вещей. Но относительно характера этихъ мѣръ между членами союза существовало разногласіе, выражавшееся въ двухъ теченіяхъ исходящихъ изъ различныхъ исходныхъ точекъ зрѣнія. Одни изъ членовъ союза корень всѣхъ бѣдствій видѣли въ законѣ 1869-го г., уничтожившаго вмѣстѣ съ цеховой системой и всю прежнюю регламентацію ученичества. Благодаря этому

ученичество утратило свою связь со всѣмъ ремесломъ, какъ цѣлымъ, потеряло свой прежній публично-правовой характеръ и сдѣлалось исключительно частно-правовымъ договорнымъ отношеніемъ, въ которомъ каждая сторона преслѣдуетъ только свои личныя выгоды ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ и надзоръ цеховъ, которые ранѣе слѣдили за обученіемъ и препятствовали до извѣстной степени превращенію учениковъ въ простыхъ рабочихъ или домашнихъ слугъ. Съ уничтоженіемъ цеховаго права для учениковъ исчезли и тѣ препятствія для расторженія договоровъ, которыя существовали ранѣе: прежде они не могли сдѣлаться самостоятельными ремесленниками, не отбывъ цѣликомъ всей стадіи ученичества, досрочный уходъ отъ мастера влекъ для учениковъ весьма существенныя невыгодныя послѣдствія, тогда какъ теперь мастеръ можетъ лишь требовать съ бѣглаго ученика возмѣщенія ушерба, что, при обычной несостоятельности учениковъ, является лишь пустымъ звукомъ. къ тому же исчезъ и обычай заключать договоръ въ письменной формѣ, которая также до извѣстной степени удерживала отъ досрочныхъ уходовъ, Результатомъ всего этого явились крайне частыя расторженія договоровъ учениками, что имѣло весьма печальныя результаты для ученичества, т. к. лучшіе мастера, зная по опыту, что ученикъ уйдетъ, лишь только обучится, и не дастъ мастеру возможности возмѣстить расходъ по обученію, избѣгаютъ теперь вовсе брать учениковъ, другіе же, хотя и принимаютъ учениковъ, но, чтобы гарантировать себя отъ убытковъ въ случаѣ досрочнаго ухода ученика, стремятся по возможности извлекать изъ труда ученика выгоды немедленно по его приѣмѣ; для этого они обучаютъ его какой-нибудь несложной, но необходимой въ ремеслѣ работѣ и держатъ его на ней до самого конца обученія. Поэтому-то для улучшенія ученичества, по мнѣнію сторонниковъ этого воззрѣнія, необходимо созданіе законодательствомъ детальной регламентаціи ученичества. Эта точка зрѣнія была поддержана и Verein'омъ für Socialpolitik, который однако дальше пожеланія установленія законодательной регламентаціи не

¹⁾ См. рефератъ Бринкмана на 3-ьемъ общемъ собраніи Verein'a въ Schriften des Vereins f. Socialpolitik, 1875 г. стр. 94—99.

пошелъ, и предложеніе Бринкмана высказаться за необходимость созданія новыхъ свободныхъ цеховъ, въ которые входили-бы какъ мастера, такъ и рабочіе, какъ это проектировалось Гамбургской ремесленной камерой, было имъ отклонено. Взамѣнъ цеховъ для контроля за ученичествомъ, по мнѣнію Verein'a, должны были быть созданы особые органы изъ представителей администраціи, хозяевъ и рабочихъ.

Представителемъ другого теченія въ Verein'ѣ явился извѣстный экономистъ К. Бюхеръ. Онъ указывалъ ¹⁾, что возрожденіе цеховъ ничему не поможетъ, т. к. всѣмъ извѣстно, что въ послѣднее время существованія цеховаго строя ученичество находилось не въ лучшемъ положеніи. Нельзя считать, по его мнѣнію, причиной упадка обученія и частыя расторженія договоровъ учениками, т. к. эти расторженія вовсе не столь уже часты,—напримѣръ во Франціи, гдѣ такія жалобы также раздаются, оказалось, что изъ всего числа дѣлъ объ ученичествѣ, рѣшенныхъ Conseils de prud'hommes за 1870—73 годъ, всего 5% имѣли своимъ предметомъ расторженія договоровъ учениками. Если же такія расторженія договоровъ и встрѣчаются, то это имѣетъ мѣсто обычно въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ обученія въ дѣйствительности вовсе нѣтъ, и гдѣ ученику, естественно, выгоднѣе перейти на фабрику, гдѣ плата больше, чѣмъ оставаться у мастера, гдѣ онъ былъ въ сущности такимъ-же рабочимъ. Причина упадка ученичества болѣе глубокая и чисто экономическаго характера: она заключается въ томъ, что ученичество въ мастерской, т. е. на практикѣ, подъ руководствомъ ремесленника-мастера, въ настоящее время уже отжило свой вѣкъ. Оно было цѣлесообразно при господствѣ ремесленнаго производства, когда ремесленникъ самъ отъ начала до конца изготовлялъ свой продуктъ, тогда какъ теперь условія производства измѣнились: всюду даже въ мелкое ремесло проникло раздѣленіе труда, при которомъ данный ремесленникъ только и занятъ изготовленіемъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ однѣхъ и тѣхъ-же частей работы, вслѣдствіе чего, конечно, и ученикъ его не можетъ изучить всего ремесла во всей его совокупности. Мно-

¹⁾ Schriften, 1875 г. стр. 157—166; K. Bücher, «Die Gewerbliche Bildungsfrage u. der industrielle Rückgang» (Pädagogische Studien, Heft 13, 1877 г.).

гіе ремесленники въ тому-же теперь живутъ исключительно починой работой, что также не можетъ служить хорошей школой для учениковъ. Наконецъ, другіе мастера или сами плохо знаютъ ремесло, или, изнемогая въ борьбѣ съ конкуренціей со стороны крупныхъ предприятий, видятъ въ ученикахъ исключительно дешевую рабочую силу, дающую имъ возможность еще держаться, а потому стремятся извлечь изъ нихъ какъ можно больше выгоды и принимаютъ ихъ въ такомъ числѣ, что обучать ихъ даже не имѣютъ и возможности. Всѣмъ этимъ, по мнѣнію Бюхера, и обуславливается то, что ремесленные ученики въ большинствѣ случаевъ являются простыми несовершеннолѣтними рабочими, которыхъ, конечно, законодатель долженъ защищать отъ эксплуатаціи, но улучшенію самаго ученичества всѣ тѣ мѣры, которыя обычно рекомендуются, какъ напримѣръ, введеніе обязательной письменной формы договора обученія, обязательныхъ свидѣтельствъ объ отбытіи ученичества, наказаній за расторженіе договора и т. п. очевидно помочь не могутъ разъ мастера-ремесленники, при современныхъ условіяхъ производства, обучать учениковъ надлежащимъ образомъ не въ состояніи. Поэтому-то, по мнѣнію Бюхера, задача законодателя въ области ученичества должна заключаться не въ регламентаціи ученичества, какъ договора, а въ реформѣ ученичества, въ построеніи его на иныхъ началахъ, состоящихъ въ отдѣленіи обученія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова отъ работы въ мастерской и въ передачѣ этого обученія въ руки специальныхъ образовательныхъ учреждений — *Lehrwerkstätte*, т. е. учебныхъ мастерскихъ, а также въ правильной постановки общаго школьнаго образованія.

Эта агитація въ обществѣ въ пользу реформы ученичества и общія жалобы на его печальное положеніе возымѣли извѣстное вліяніе на правительство. Прежде всего Союзный Совѣтъ въ 1875-омъ г. издаетъ постановленіе о производствѣ анкеты о положеніи учениковъ, подмастерьевъ и фабричныхъ рабочихъ. Результаты этой анкеты были опубликованы въ 1877-омъ году. Они констатировали ¹⁾, что значеніе ученичества въ ремеслѣ

¹⁾ Ergebnisse der über die Verhältnisse der Lehrlinge, Gesellen und Fabrikarbeiter auf Beschluss des Bundesrathes angestellten Erhebungen, zusammengestellt in Reichskanzler—Amt. 1877 г. стр. 4—6.

сохранилось, за исключеніемъ тѣхъ отраслей, въ которыхъ старый ремесленный характеръ производства исчезъ, какъ напримѣръ въ строительной промышленности, и тѣхъ, которыя близко соприкасаются по своему характеру съ фабричнымъ производствомъ,—въ этихъ ремеслахъ ученики дѣйствительно разматриваются, какъ простые несовершеннолѣтніе рабочіе. Далѣе, большинство опрошенныхъ лицъ утверждало, что обремененіе учениковъ домашними работами имѣетъ мѣсто сравнительно рѣдко, и что не представляется надобности распространять на учениковъ нормы, изданныя для защиты несовершеннолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ большинство опрошенныхъ жаловалось на то, что досрочныя расторженія договоровъ учениками стали весьма распространеннымъ явленіемъ, и высказывалось за необходимость принятія законодателемъ мѣръ противъ этого зла. Точно также большинство считало желательнымъ, чтобы законодатель ввелъ обязательную письменную форму заключенія договора, обязательный пробный періодъ и выдачу свидѣтельствъ объ окончаніи ученичества. Для оцѣнки значенія этой анкеты необходимо, однако, принять во вниманіе, что относительно ученичества мастера опрошены были въ значительно бѣльшемъ числѣ, чѣмъ рабочіе, такъ что голоса первыхъ имѣли значительный перевѣсъ,—на 4422 хозяина опрошено было всего 2386 рабочихъ.

Въ томъ-же 1877-омъ г. вопросъ о реформѣ ученичества поднятъ былъ и въ Рейхстагѣ. Починъ принадлежалъ консерваторамъ, которые внесли предложеніе о необходимости законодательнымъ путемъ регламентировать ученичество, въ частности установить обязательную письменную форму для заключенія договоровъ, ввести рабочія книжки для учениковъ и подмастерьевъ и принять мѣры противъ нарушеній договоровъ (предложеніе депутата Зейдевица и др.). Вслѣдъ за консерваторами и національ-либералы (Риккертъ и Веренпфенингъ съ тов.) внесли предложеніе о необходимости регламентаціи ученичества и введенія ремесленныхъ мировыхъ судовъ. Партія центра пошла дальше и требовала (графъ Галленъ съ тов.) ограниченія свободы промышленности и организаціи новыхъ цеховъ. На иной точкѣ зрѣнія стояли партія прогресса (*Fortschrittspartei*) и социаль-демократы. Первая,

исходя изъ положенія, высказаннаго уже К. Бюхеромъ, видѣла центръ тяжести реформы ученичества въ созданіи техническихъ образовательныхъ учреждений—профессіональныхъ школъ и учебныхъ мастерскихъ (депутатъ Гиршъ съ тов.), вторые-же вовсе игнорировали ученичество, какъ институтъ, обреченный на исчезновеніе вмѣстѣ съ ремесленной формой производства, видѣли въ ученикахъ лишь несовершеннѣйшихъ рабочихъ и настаивали на расширеніи и улучшеніи законодательства о фабричныхъ рабочихъ и распространеніи его и на учениковъ (депутаты Фритцше, Бебель и др.). Всѣ эти предложенія были обсуждены въ общемъ собраніи Рейхстага и сданы въ комиссію, но въ 1878-омъ г. правительство внесло въ Рейхстагъ свой законопроектъ, направленный главнымъ образомъ на урегулированіе положенія учениковъ и несовершеннѣйшихъ рабочихъ. Проектъ этотъ и былъ принятъ Рейхстагомъ съ небольшими измѣненіями. Данный законъ давалъ довольно подробную регламентацію ученичества: въ частности онъ запретилъ обремененіемъ домашними работами отнимать у ученика возможность надлежащимъ образомъ изучать ремесло, установилъ обязательный пробный періодъ (срокъ котораго однако точно не опредѣлил), обязательную выдачу свидѣтельствъ по окончаніи ученикомъ обученія, обязалъ мастеровъ всѣмъ рабочимъ, моложе 18-ти лѣтъ, пожелавшимъ посѣщать Fortbildungsschule предоставить нужное для этого время; письменная форма договора, хотя и не сдѣлана обязательной, но, лишь при валичности ея, мастеръ, въ случаѣ досрочнаго ухода ученика, могъ требовать отъ полиціи принудительнаго его возвращенія, а также и возмѣщенія ушерба съ отпа ученика или съ того, кто взялъ въ себѣ на службу такого бѣглаго ученика.

Такимъ образомъ, въ основныхъ своихъ чертахъ законъ 1878-го года осуществилъ программу Verein'a für Socialpolitik, за исключеніемъ пожеланія послѣдняго о созданіи особыхъ органовъ изъ представителей администрацій, рабочихъ и хозяевъ для надзора за ученичествомъ. Но цеховыхъ ремесленниковъ онъ, конечно, не удовлетворилъ, такъ какъ для нихъ центръ тяжести лежалъ не въ регламентаціи ученичества, а въ восстановленіи принудительной цеховой организаци и такъ называемой „Befähigungsnachweis“, т. е. предоставленія права самостоятельно заниматься ремесломъ лишь тѣмъ, кто

доказалъ свои познанія въ ремеслѣ посредствомъ отбытія ученичества и подмастерства и сдачи соответствующихъ испытаній. Эти два пункта являются основными требованіями такъ называемаго „Mittelstandsbewegung“, видѣвшаго въ нихъ единственное средство спасти ремесло отъ гибели. Въ агитаци за осуществленіе этой программы цеховые ремесленники, какъ въ Австріи, такъ и Германіи, нашли могущественныхъ союзниковъ въ феодально-консервативныхъ и клерикальныхъ кругахъ, видѣвшихъ въ восстановленіи средневѣковой цеховой системы шагъ впередъ по пути возвращенія къ феодальному строю, оружіе противъ могущества промышленной либеральной буржуазіи, а также и средство остановить ростъ социаль-демократіи. Особенно послѣднее обстоятельство часто выдвигалось впередъ, чтобы склонить правительство на свою сторону: въ многочисленной консервативной и клерикальной печати и на съѣздахъ и собраніяхъ ремесленниковъ постоянно указывалось, что мелкіе ремесленники, являясь экономически самостоятельными лицами, представляютъ собой консервативный элементъ въ противовѣсъ фабричнымъ рабочимъ, почему пролетаризація ремесленниковъ явится серьезной опасностью для госуларства, такъ какъ, съ уничтоженіемъ этого средняго класса населенія, высшіе классы станутъ лицомъ къ лицу съ однимъ пролетаріатомъ, проникнутымъ социаль-демократическими идеями. Агитаци въ пользу осуществленія вышеуказанной программы велась очень энергично и добилась существеннаго успѣха. Уже въ 1880-омъ году Рейхстагъ принялъ резолюцію, внесенную консерваторами, о необходимости созданія новаго цехового строя. Въ соответствии съ этимъ пожеланіемъ, правительство въ 1881-омъ г. внесло законопроектъ, который и былъ принятъ Рейхстагомъ. Законъ этотъ удовлетворялъ требованія сторонниковъ цехового движенія въ томъ отношеніи, что вновь ставилъ ученичество подъ надзоръ цеховъ: имъ предоставлено право разрѣшать споры между мастерами и учениками, право регулировать условія приѣма учениковъ и обязанности мастера по отношенію къ ученикамъ, принимать мѣры для содѣйствія ученикамъ въ дѣлѣ посѣщенія школъ, выпускать учениковъ въ подмастерья, выдавать имъ свидѣтельства объ окончаніи обученія. Характерной чертой вышеуказаннаго закона было также то, что онъ распространилъ полномочія цеховъ до извѣстной степени и

на ремесленниковъ, не вступившихъ въ члены цеха, предоставивъ администраціи право издавать постановленія о разборѣ, по заявленію одной изъ сторонъ, споровъ между учениками и хозяевами цеховымъ судомъ, хотя-бы хозяинъ членомъ цеха и не состоялъ, а также признавать обязательными и для нецеховыхъ ремесленниковъ правилъ, установленныхъ цехомъ относительно ученичества. Такимъ образомъ, законъ 1881-го года вновь сдѣлалъ цехи до извѣстной степени корпораціями публично—правовыми, рѣзко разорвавъ со всей предшествовавшей политикой въ области промышленности, политикой, основанной на признаніи цеховъ исключительно частными союзами.

Но этотъ первый шагъ по пути къ возстановленію принудительной цеховой организаціи, не могъ, конечно, удовлетворить сторонниковъ цеховой системы, для которыхъ вся компанія въ пользу реформы ученичества была лишь средствомъ добиться возстановленія цеховой организаціи промышленности. Поэтому уже въ 1882-омъ г. на Магдебургскомъ общегерманскомъ съѣздѣ ремесленниковъ, на которомъ присутствовало 323 депутата, представлявшихъ около 100000 ремесленниковъ, громадное большинство вновь рѣшительно высказалось за необходимость введенія обязательной цеховой организаціи и *Befähigungsnachweis*, въ видѣ представленія пробной работы каждымъ, кто желалъ сдѣлаться мастеромъ. Еще болѣе оживилась агитація со стороны ремесленниковъ и реакціонно-клерикальныхъ круговъ за осуществленіе вышеуказанной программы, когда въ сосѣдней Австріи законъ 1883-го года придавъ цеховой организаціи принудительный характеръ и ввелъ, наконецъ, для значительнаго числа ремеслъ *Befähigungsnachweis*, поставивъ условіемъ для полученія права самостоятельно заниматься этими ремеслами представленіе свидѣтельства объ отбытіи ученичества¹⁾ и подмастерства въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, возстановивъ, такимъ образомъ, прежній публично-правовой характеръ ученичества. Уже въ 1884-омъ году депутатъ Аккерманъ внесъ въ Рейхстагъ предложеніе ввести и въ Германіи, по примѣру Австріи, *Befähigungsnachweis* для мелкихъ ре-

¹⁾ Отбытіе ученичества въ мастерской могло быть замѣнено прохожденіемъ курса въ соответствующей ремесленной школѣ.

месленниковъ, но правительство, однако, отнеслось къ этому предложенію отрицательно. Тогда тотъ-же депутатъ Аккерманъ вноситъ другое предложеніе, направленное на включеніе въ § 100 промышленнаго устава пункта, гласящаго, что ремесленники, не принадлежащіе къ цехамъ, хотя и имѣющіе возможность вступить въ ихъ члены, по постановленію высшихъ административныхъ учрежденій могутъ быть вовсе лишены права держать учениковъ. Это предложеніе, имѣвшее своей цѣлью косвенно побудить ремесленниковъ вступать въ цехи, вносилось еще при обсужденіи закона 1881-го г., но тогда было Рейхстагомъ отклонено. Теперь-же теченіе въ пользу цеховой политики настолько усилилось, что предложеніе это было принято въ качествѣ закона 8-го декабря 1884-го года. Этой-же тенденціей укрѣпить и увеличить значеніе цеховъ проникнуты были и новеллы 1886-го и 1887-го года, изъ которыхъ первая предоставила союзамъ цеховъ возможность пріобрѣтать права корпорацій, а вторая дала цехамъ право при извѣстныхъ условіяхъ привлекать и нецеховыхъ ремесленниковъ къ участию въ несеніи расходовъ по содержанію различныхъ учрежденій, созданныхъ цехами (школы, суды и т. п.). Цехамъ-же предоставлено было регулировать въ своихъ статутахъ порядокъ наблюденія за примѣненіемъ къ ученикамъ нормъ, установленныхъ закономъ 1891-го года въ защиту жизни, здоровья и нравственности рабочихъ.

Но, какъ ни охотно шло имперское правительство на встрѣчу желаніямъ ремесленниковъ, тѣмъ не менѣе оно, несмотря на всѣ старанія консерваторовъ и клерикаловъ, довольно долгое время отказывалось осуществить главные пункты ремесленной программы—установить пресловутую *Befähigungsnachweis* и сдѣлать цеховую организацію принудительной. Въ этомъ отношеніи имперское правительство должно было считаться съ оппозиціей южно-германскихъ государствъ, категорически отказывавшихся ограничивать свободу промышленности, которая пустила тамъ глубокіе корни, такъ что даже сами ремесленники въ этихъ государствахъ, организовавшись въ свободные союзы, отнюдь не желали возстановленія принудительной цеховой организаціи. Но, въ концѣ концовъ имперское правительство вынуждено было сдѣлать дальнѣйшія уступки сторонникамъ цехового строя и въ 1892-омъ году, въ отвѣтъ на запросъ въ Рейхстагъ со стороны консерваторовъ и кле-

рикаловъ, обѣщало внести проектъ организаціи ремесленныхъ камеръ, измѣненія положенія цеховъ и улучшенія регламентаціи ученичества. Вслѣдъ за этимъ появился и соотвѣтствующій проектъ закона, составленный прусскимъ министромъ торговли и промышленности Берлепшемъ. Проектъ этотъ, оубликованный отъ имени Берлепша, въ качествѣ его личныхъ взглядовъ на реформу промышленнаго законодательства, предполагалъ сдѣлать цеховую организацію принудительной и создать ремесленные камеры, предоставивъ и подмастерьямъ черезъ особыхъ представителей принимать участіе при обсужденіи цехами и камерами вопросовъ, касающихся подмастерьевъ и учениковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ посвящалъ серьезное вниманіе реформѣ ученичества. Прежде всего, для устраненія недоразумѣній онъ установилъ предположеніе, что изъ лицъ, принадлежащихъ къ промышленному вспомогательному персоналу, ученикомъ долженъ считаться всякій, кто моложе 17-ти лѣтъ. Другимъ весьма существеннымъ постановленіемъ проекта являлось предоставленіе права держать учениковъ только тѣмъ, кто самъ отбылъ ученичество и сдалъ испытаніе на подмастерье или-же, по меньшей мѣрѣ, проработалъ 3 года въ качествѣ самостоятельнаго ремесленника. Этого права имѣть учениковъ мастеръ могъ быть лишенъ, если онъ оказался виновнымъ въ грубомъ нарушеніи своихъ обязанностей по отношенію къ ученикамъ, а также по причинѣ важныхъ физическихъ или духовныхъ пороковъ. Форма договора письменная, хотя отсутствіе ея или даже прямое указаніе въ договорѣ, что данное отношеніе не является ученичествомъ, не лишаетъ возможности признать его таковымъ, разъ это соотвѣтствуетъ фактическому положенію вещей. Продолжительность обученія по проекту должна равняться отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ; исключенія изъ этого правила могутъ быть допущены лишь Союзнымъ Совѣтомъ. Точно также Союзному Совѣту проектъ предоставлялъ опредѣлять и число учениковъ для каждаго мастера въ соотвѣтствіи съ числомъ работающихъ у него подмастерьевъ; за отсутствіемъ такого опредѣленія со стороны Союзнаго Совѣта, подобныя нормы могутъ быть установлены ремесленными камерами съ согласія высшихъ административныхъ учрежденій. Кромѣ испытаній на подмастерье, проектъ установилъ еще экзамены на мастера, и только лицамъ, выдержавшимъ послѣднія, предоставлялось право именоваться ремесленными мастерами.

Проектъ Берлепша, какъ этого и слѣдовало ожидать, подвергся оживленной критикѣ со стороны различныхъ партій, причемъ своей половинчатостью онъ не удовлетворилъ ни сторонниковъ свободы промышленности, ни защитниковъ цехового строя. Первые протестовали, главнымъ образомъ, противъ введенія принудительной цеховой организаціи и ограниченій въ правѣ имѣть учениковъ, считая цѣлесообразнымъ предоставить это право всякому, кто самъ отбылъ ученичество (хотя-бы и безъ сдачи испытанія) и проработалъ извѣстное число лѣтъ въ качествѣ подмастерья¹⁾. Вторые нападали на проектъ за то, что онъ недостаточно защищаетъ интересы ремесленниковъ, не вводя *Befähigungsnachweis*, требовали, чтобы право имѣть учениковъ не было предоставлено тѣмъ, кто не отбылъ надлежащимъ образомъ ученичества и подмастерства, а только проработалъ 3 года въ качествѣ самостоятельнаго ремесленника, и, наконецъ, возставали противъ допущенія представителей подмастерьевъ въ цехи и ремесленные камеры, такъ какъ дѣ подмастерья являются сплошь социаль-демократами²⁾. Что-же касается до научной литературы, то она почти единодушно возставала противъ принудительной цеховой организаціи и считала приемлемыми только постановленія проекта относительно ученичества и ремесленныхъ камеръ³⁾. Это разногласіе въ отзывахъ относительно проекта Берлепша склонило имперское правительство къ тому, чтобы нѣсколько повременить съ реформой и предпринять ее на основаніи серьезнаго изслѣдованія положенія ремесла вообще и ученичества въ частности. Съ этой цѣлью правительство организовало статистическое изслѣдованіе и послало особую комиссію въ Вѣну для изученія австрійской ремесленной организаціи.

Новый законопроектъ былъ опубликованъ правительствомъ въ 1896-омъ году. Существеннымъ его отличіемъ отъ

¹⁾ Эту точку зрѣнія высказалъ Союзъ нѣмецкихъ *Gewerbevereine* (см. Н. Böttger, «Geschichte u. Kritik des neuen Handwerker-gesetzes vom 1897» 1898 г. стр. 65.)

²⁾ См. постановленія общаго цехового и ремесленнаго съѣзда въ 1894 г. (Böttger, стр. 63—64; Böttger, «Für das Handwerk» 1894 г. стр. 160—161).

³⁾ Thilo Hampke въ *Conrads Jahrb. III Folge, Band VII*; Böttger, «Für das Handwerk»; Stegemann въ *Schmoll. Jahrb. XVIII Jahrgang. Heft I.*

проекта Берлепша являлось то, что онъ цеховую организацію признавалъ не безусловно обязательной для ремесленниковъ, а, такъ сказать, факультативно-принудительной, обявывая ремесленниковъ вступать въ цехи лишь въ томъ случаѣ, когда за эту обязанность выскажется большинство ремесленниковъ той или иной профессіи въ данномъ мѣстѣ (при опредѣленіи большинства принимались во вниманіе лишь лица, принявшія участіе въ голосованіи). Кромѣ того проектъ предполагалъ организацію ремесленныхъ камеръ и регламентировалъ ученичество нѣсколько болѣе детально, чѣмъ въ проектѣ Берлепша. Въ 1897-омъ г. этотъ проектъ сталъ предметомъ обсужденія въ Рейхстагѣ. Какъ въ комиссіи, такъ и въ общемъ собраніи, консерваторы и центръ напрягали все силы, чтобы измѣнить проектъ, сдѣлавъ цеховую организацію безусловно обязательной и введя Befähigungsnachweis, но здѣсь они встрѣтили отпоръ не только со стороны свободомыслящихъ и соц. демократовъ, но и національ-либераловъ, а главное со стороны правительства, категорически заявившаго, что проектъ весь будетъ отклоненъ Союзнымъ Совѣтомъ, если данныя поправки будутъ приняты Рейхстагомъ. И теоретически позиція противниковъ цеховой политики была неприступна, такъ какъ они указывали, что если дѣйствительно громадное большинство ремесленниковъ желаетъ принудительной цеховой организаціи, какъ это говорятъ депутаты правой и центра, то ремесленники всегда соберутъ большинство голосовъ и создадутъ принудительные цехи и на основаніи системы предложенной въ проектѣ, если-же такого большинства голосовъ сторонники принудительной цеховой системы не соберутъ, то навязывать эту систему большинству ремесленниковъ противъ ихъ желанія и несправедливо и нецѣлесообразно, такъ какъ такая организація, какъ мертворожденная, никакой пользы никому не принесетъ и будетъ не въ состояніи осуществить возложенныя на нее задачи. Принужденные отказаться отъ осуществленія вышеуказанныхъ двухъ основныхъ пунктовъ своей программы, правые и центръ пытались провести, по крайней мѣрѣ, такъ называемую „kleine Befähigungsnachweis“, состоящую въ томъ, чтобы право имѣть учениковъ было предоставлено лишь тѣмъ ремесленникамъ, которые, сдавъ соответствующій экзаменъ, получили право на званіе „мастера“. Это предложеніе вызвало горячія пренія въ Рейхстагѣ,

но, послѣ угрозы національ-либераловъ въ случаѣ принятія этого предложенія голосовать противъ проекта и заявленія правительства, что въ этомъ случаѣ весь проектъ не будетъ утвержденъ, авторы предложенія принуждены были отказаться отъ него, дабы не рисковать всѣмъ проектомъ, въ которомъ они видѣли много довольно существенныхъ улучшеній для ремесла¹⁾. Этими улучшеніями, искупающими недостатки проекта, по ихъ мнѣнію, являлись созданіе ремесленныхъ камеръ и регламентація ученичества²⁾. Впрочемъ, что касается до послѣдняго, то подобная оцѣнка проекта встрѣтила горячихъ противниковъ въ лицѣ социаль-демократовъ, подвергшихъ постановленія проекта относительно ученичества жестокой критикѣ. Они указывали³⁾, что проектъ предоставляя мастеру право налагать на ученика „отеческія наказанія“, въ сущности санкціонируетъ самыя грубыя тѣлесныя наказанія даже по отношенію къ великовозрастнымъ ученикамъ; указывали, что проектъ дозволяетъ заставлять учениковъ, живущихъ у мастера, исполнять домашнія работы — т. е. эксплуатировать ихъ, какъ простыхъ слугъ; указывали, что установленный проектомъ максимумъ срока ученичества несоразмѣрно длиненъ, и что проектъ не ограничилъ рабочій день учениковъ подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ фабричнымъ рабочимъ. Съ цѣлью устраненія вышеуказанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ менѣе существенныхъ недостатковъ проекта социаль-демократы внесли цѣлый рядъ поправокъ⁴⁾, но все онѣ были отвергнуты; лишь въ двухъ пунктахъ имъ удалось добиться нѣкоторыхъ уступокъ отъ большинства, заботившагося, главнымъ образомъ, объ интересахъ мастеровъ, а не учениковъ, — именно максимумъ срока обученія сокращенъ съ 5-ти до 4-хъ лѣтъ, и включено требованіе, чтобы обращеніе мастера съ ученикомъ не угрожало здоровью послѣдняго, и наказанія уче-

¹⁾ Stenograph. Berichte Reichstags, 1895/97, Sitzung № 232, рѣчи Hitze, Gamp'a и Kropatschek'a.

²⁾ Stenogr. Berichte 1895/97 рѣчи Hitze и Jacobskötter'a стр. 5335—5333.

³⁾ Stenogr. Berichte 1895/97, Band VII, рѣчь Грилленбергера, стр. 5412

и сл..

⁴⁾ Stenogr. Berichte 1895/97 засѣданіе № 232.

ника не были чрезмерными. В результате проект был принят и стал законом 1897-го года, действующим в Германии и поныне.

Хотя после издания закона 1897-го года ремесленные и консервативные¹⁾ круги продолжали по прежнему выставлять введение Befähigungsnachweis необходимым средством для спасения ремесла от окончательной гибели, но тем не менее все-же 1897-ой год надо признать моментом наибольшего подъема ремесленного движения, после которого оно пошло несколько на убыль. Повидимому и в среде сторонников цеховой политики начало проникать сознание, что введение Befähigungsnachweis для ремесленников не устранит конкуренции со стороны крупной промышленности, а вызовет лишь на практике многочисленные затруднения и стеснения для них же самих. Это сознание сказалось уже на втором немецком Handwerks=und Gewerbe-kammertag'е в Дармштадт'е в 1901-ом г., резолюция которого²⁾, хотя и признает принципиально основным своим требованием введение Befähigungsnachweis, но уже заявляет, что введение его законодательным актом в настоящее время невозможно и нецелесообразно, а что введен он должен быть постепенно, путем внутреннего возрождения ремесла, для чего требуется прежде всего укрепление цеховой организации и распространение испытаний учеников и подмастерьев (Gesellen=und Meisterprüfungen). Таким образом, здесь общий Befähigungsnachweis отодвигается уже несколько на задний план. Еще решительнее высказывается по этому поводу Гамбургская промышленная камера, признавшая по поводу проекта введения Befähigungsnachweis, составленного семью камерами, что осуществление этого проекта при совре-

¹⁾ См. напр. постановления первого немецкого Handwerks=und Gewerbe-kammertag'a в Берлине в 1900-ом г., законопроект, выработанный 7-ью камерами ремесленными по поручению 5-го Handwerks=und Gewerbe-kammertag'a в Любеке в 1904-ом г., постановления общего собрания немецкого Mittelstandsvereinigung в Берлине в 1906-ом г., заявление депутата Malkewitz'a в Рейхстаг'е 20-го ноября 1906 г. и т. п. (Wernicke, «Kapitalismus und Mittelstandspolitik» 1907 г. стр. 838—860).

²⁾ См. Wernicke, стр. 839.

менных экономических условиях нежелательно. Наконец, на шестом немецком Handwerks=und Gewerbe-kammertag'е в Кольне в 1905-ом г., была принята, поименным голосованием 47-ью камерами против 24-х, резолюция, признающая введение общего Befähigungsnachweis недостижимым при современных условиях¹⁾. Правда и после Кольнского съезда это требование продолжает фигурировать и на некоторых съездах ремесленников и в программах политических партий, но тем не менее эта резолюция дает возможность полагать, что если борьба за Befähigungsnachweis и не окончена совершенно, как это думает проф. Губер²⁾, то во всяком случае значительно потеряла свою остроту.

Но, отказавшись до известной степени от требования введения общего Befähigungsnachweis, ремесленные круги продолжали еще с большей энергией настаивать на осуществлении законодательным путем так называемого „kleine Befähigungsnachweis“, а также общего Befähigungsnachweis для тех профессий, где неумелая работа угрожает жизни и здоровью людей,—к этим профессиям они относили, главным образом, строительные ремесла³⁾. И в обоих этих вопросах ремесленным кругам удалось добиться желанных результатов в виде новеллы 7-го января 1907-го г. и 30-го мая 1908-го года. Правда, по вопросу об общем Befähigungsnachweis в строительных ремеслах Союзное правительство осталось на своей прежней принципиальной точке зрения и отказалось исполнить желания ремесленников во всей их полноте: вместо Befähigungsnachweis закон 1907-го г. предоставил администрации лишь возможность при известных условиях запрещать руководить данной постройкой или отдельными ее частями и даже совсем заниматься этой профессией лицам, признанным неподготовленными к этому делу, если только они не имеют

¹⁾ См. Wernicke, стр. 858.

²⁾ Prof. Huber, «Der Gesetzgeberische Ausbau des Deutschen Reichs und seine Wirtschaftspolitik» 1906 г. стр. 35.

³⁾ См. постановления 2-го, 3-го, 5-го и 6-го Handwerks=und Gewerbe-kammertag'ов, а также предложения, внесенные в Рейхстаг'е депутатами Hitze в 1904-ом г. и Erzberger'ом с товарищами в 1905-ом г. (Wernicke, стр. 838—860).

соответствующих дипломовъ, или не сдали предусмотрѣнныхъ закономъ испытаній на мастера. Что же касается до *kleine Befähigungsnachweis*, то здѣсь побѣда ремесленниковъ была болѣе полной: правительство, такъ горячо возстававшее противъ этого института при обсужденіи закона 1897-го года, теперь согласилось принять программу ремесленниковъ, и новелла 1908-го года установила въ видѣ общаго правила, что право имѣть учениковъ принадлежитъ лишь тѣмъ ремесленникамъ, которые сдали испытаніе на мастера ¹⁾).

Даннымъ закономъ 1908-го г. въ настоящее время заканчивается эволюція германскаго законодательства отъ принциповъ полной свободы промышленности къ постепенному восстановленію государственнаго вмѣшательства въ область промышленности и восстановленію до извѣстной степени старой цеховой системы. Для института ученичества эволюція эта имѣла весьма важное значеніе, давъ ему детальную законодательную регламентацію и даже нѣкоторый публично-правовой характеръ, состоящій въ томъ, что теперь, въ видѣ общаго правила (допущены и исключенія), только лица, отбывшія установленный стажъ ученичества, имѣютъ право быть допущенными къ испытанію на званіе ремесленнаго мастера и получить право впоследствии обучать учениковъ. Дальше этого германское законодательство не пошло, и вопреки требованіямъ ремесленниковъ и поддерживающихъ ихъ консервативныхъ и клерикальныхъ круговъ, пока не рѣшилось восстановить то публично-правовое значеніе, которое имѣло ученичество въ средніе вѣка, когда оно являлось необходимымъ условіемъ для полученія права заниматься самостоятельно ремесломъ. Въ этомъ отношеніи, по пути восстановленія средневѣковаго ученичества, австрійское законодательство ушло значительно дальше. Уже въ 1883-ьемъ году въ Австріи отбытіе ученичества (въ мастерской или школѣ) и подмастерства требовалось для полученія права заниматься ремесломъ, а по вновь изданному закону 1907-го года это требованіе еще увеличилось введеніемъ обязательныхъ испытаній для учениковъ и распространено даже на цѣлый рядъ торговыхъ предприятий. Такимъ образомъ, въ Австріи въ настоящее время

¹⁾ § 129 Gew. Ord.

прежнее публично-правовое значеніе ученичества восстановлено почти въ полномъ объемѣ, и, судя по характеру послѣднихъ новеллъ германскаго законодательства, можно думать, что и Германія векорѣ послѣдуетъ примѣру Австріи.

Мы прслѣдили исторію института промысловаго ученичества въ важнѣйшихъ странахъ западной Европы, начиная съ древнѣйшихъ временъ и вплоть до нашихъ дней. Изслѣдованіе это показало, какое важное значеніе для даннаго института имѣлъ цеховой строй. При немъ ученичество имѣло важное публично-правовое значеніе, состоявшее въ томъ, что только лицо, отбывшее ученичество, могло получить право самостоятельно заниматься ремесломъ. Этимъ публично-правовымъ характеромъ ученичества и была вызвана та детальная регламентація, которую ученичество получило въ цеховыхъ статутахъ, регламентація, хотя и обращавшая наибольшее вниманіе на публично-правовую сторону ученичества, но вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, касавшаяся и чисто частныхъ отношеній между мастеромъ и ученикомъ. Характерной чертой этой регламентаціи являлся и ея однообразный характеръ во всѣхъ странахъ, гдѣ господствовалъ цеховой строй, такъ какъ разъ одинаковыя экономическія условія создали въ разныхъ странахъ цеховую организацію промышленности, то одинаковой въ общихъ чертахъ должна была быть и регламентація ученичества, вытекающая изъ самого характера цехового строя. Поэтому, въ ту эпоху никакихъ существенныхъ отличій между ученичествомъ во Франціи, Англии, или Германіи не существовало.

Рѣзкій переломъ въ судьбѣ ученичества произвело паденіе цехового строя. Оно уничтожило прежнее публично-правовое значеніе ученичества, а вмѣстѣ съ нимъ и регламентацію ученичества, имѣвшую цеховой характеръ. Ученичество стало чисто частнымъ отношеніемъ, регулируемымъ всецѣло свободнымъ соглашеніемъ сторонъ. Этотъ моментъ пережили всѣ государства, законодательство которыхъ мы рассматривали въ нашемъ изслѣдованіи. Однако въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи судьба института ученичества являет-

ся въ различныхъ странахъ неодинаковой. Въ Англіи, гдѣ крупная промышленность рано приобретаетъ доминирующее значеніе, все вниманіе законодательства и общества обращается на нее, а не на ремесло съ его неизбѣжнымъ спутникомъ-ученичествомъ. Ученичество, хотя несомнѣнно и продолжаетъ существовать въ жизни, но законодатель его игнорируетъ, рассматривая учениковъ, какъ обыкновенныхъ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, и самый моментъ обученія остается, такимъ образомъ, до сихъ поръ предоставленнымъ всецѣло свободному соглашенію контрагентовъ. Иначе сложилась судьба ученичества на континентѣ. Здѣсь ремесленная форма производства сохранила болѣе значеніе въ промышленности, чѣмъ въ Англіи, а потому и законодательству пришлось обратить вниманіе на ученичество, которое, за отсутствіемъ надлежащимъ образомъ поставленнаго технического школьнаго образованія, являлось единственной школой для ремесленниковъ, отъ правильной постановки которой зависѣло до известной степени и процвѣтаніе промышленности въ данной странѣ. Это обстоятельство и побудило законодательства путемъ регламентаціи ученичества попытаться поставить обученіе ремеслу на надлежащую высоту. Но въ то время, какъ во Франціи законодательство, регулируя ученичество, сохранило взглядъ на него, какъ на частное отношеніе, въ Германіи и Австріи проявляется тенденція придать ученичеству снова и публично-правовое значеніе. Появленіе этой тенденціи можетъ быть объяснено прежде всего тѣмъ, что цеховая система пустила въ этихъ странахъ особенно глубокіе корни и была уничтожена значительно позже, чѣмъ во Франціи и Англіи, почему традиции цехового строя здѣсь оказались болѣе живучими, а во вторыхъ и самое ремесло въ этихъ странахъ являлось еще столь распространенной формой производства, что не желало безъ борьбы уступить свое мѣсто крупной промышленности. Немалую роль въ успѣхѣ этого движенія сыграли и политическія условія, давшія ремесленникамъ въ этой борьбѣ могущественныхъ союзниковъ въ лицѣ консерваторовъ и клерикаловъ, видѣвшихъ въ мелкихъ ремесленникахъ-хозяевахъ оплотъ противъ роста могущества, какъ либеральной буржуазіи, такъ и социаль-демократовъ. Ставя своей конечной цѣлью возстановленіе цехового строя, какъ средства ограничить развитіе крупной про-

мышленности это ремесленное движеніе выдвигало на одно изъ первыхъ мѣстъ своей программы и необходимость законодательной регламентаціи ученичества. Это послѣднее обстоятельство объяснялось, конечно, не желаніемъ поднять ремесленное искусство улучшеніемъ обученія ремесленниковъ и въ этомъ приобрести оружіе защиты противъ конкуренціи крупной промышленности, — этимъ соображеніемъ руководствовались лишь немногіе и наиболѣе сознательные изъ ремесленниковъ, — а главнымъ образомъ здѣсь играли роль иные мотивы, ничего общаго не имѣющіе съ заботой объ улучшеніи ученичества. Мотивы эти состояли во первыхъ въ томъ, чтобы законодатель драконовскими мѣрами удерживалъ учениковъ отъ невыгодныхъ для мастеровъ досрочныхъ расторженій договоровъ; во вторыхъ путемъ введенія *kleine Befähigungsnachweis* хозяева-ремесленники желали закрѣпить за собой монополію пользоваться дешевымъ трудомъ учениковъ; наконецъ, путемъ общаго *Befähigungsnachweis*, связаннаго съ приданіемъ ученичеству публично-правового значенія, ремесленники домогались въ значительной степени устранить конкуренцію, сохранивъ право заниматься самостоятельно ремесломъ только за опредѣленнымъ кругомъ ремесленниковъ. Но если, агитируя за регламентацію ученичества, ремесленные круги и руководствовались исключительно своекорыстными мотивами, то все же нельзя отрицать, что они оказали ученичеству довольно серьезную услугу. Послѣдняя состояла въ томъ, что агитація эта обращала вниманіе общества и правительства на положеніе ученичества, невольно содѣйствовала обнаруженію его недостатковъ, да и самая регламентація, установленная законодательствомъ, естественно не могла обойти молчаніемъ наиболѣе крупныхъ язвъ современнаго ученичества, не могла не дать ученикамъ нѣкоторую, хотя и слабую, защиту, которой они были лишены при господствѣ полной свободы соглашеній въ данномъ вопросѣ. Поэтому то, въ результатѣ оказалось, что законодательная регламентація ученичества въ Австріи и Германіи оказалась гораздо болѣе полной, чѣмъ во Франціи, не говоря уже объ Англіи. Какова эта регламентація, объ этомъ будетъ рѣчь во второй главѣ данной книги.

§ 5. Исторія ученичества въ Россіи.

Исторія ремесла въ Россіи, къ сожалѣнію, мало извѣстна. Въ древнихъ источникахъ мы имѣемъ довольно многочисленныя указанія на то, что издавна у насъ на Руси были свободные ремесленники — „городники“, „мостники“, искусные мастера и литейщики для украшенія церквей, колокольные мастера, иконописцы, въ посадахъ позднѣе серебряники, часовыхъ дѣлъ мастера и т. п. Что ремесленники эти въ большинствѣ случаевъ были людьми свободными, видно, между прочимъ, изъ того, что по Русской Правдѣ за убійство ремесленника налагалось одинаковое денежное взысканіе (12 гривенъ), какъ и за убійство купца, тогда какъ за убійство смерда или холопа взысканіе было только 5 гривенъ.

Но если классъ свободныхъ ремесленниковъ и существовалъ въ древней Руси, то во всякомъ случаѣ онъ никогда не игралъ той роли и не имѣлъ того значенія, какъ въ Западной Европѣ, т. к. городское населеніе было крайне малочисленно¹⁾, а сельское гораздо больше, чѣмъ на Западѣ, находилось въ періодѣ натурального хозяйства, при которомъ каждая крестьянская семья сама изготовляла всѣ нужные для нея продукты. При такихъ условіяхъ объ организаціи городского населенія въ самостоятельныя сословія и о выработкѣ чего-либо подобнаго цеховому строю не могло быть и рѣчи. Вслѣдствіе этого у насъ не было и института ученичества въ смыслѣ обязательной стадіи, необходимой для полученія права заниматься ремесломъ, — поступить ли въ ученики, или прямо сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ зависѣло всецѣло отъ усмотрѣнія даннаго лица, хотя, конечно, фактически для того, чтобы имѣть возможность заниматься ремесломъ, нужно было ему научиться, а единственнымъ средствомъ для этого было поступить въ ученики къ какому либо ремесленнику. За отсутствіемъ какой-либо регламентаціи это ученичество основывалось всецѣло на свободномъ соглашеніи сторонъ, причемъ образецъ подобнаго договора отъ XVII-го вѣка до насъ дошелъ: въ немъ одинъ крестьянинъ отдавалъ своего сына посадскому серебрянику учиться данному мастер-

¹⁾ См. Миллюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры» стр. 81—82.

ству на 8 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы мастеръ въ эти годы научилъ его всему, что самъ знаетъ; отецъ обязывался уплатить за обученіе 20 рублей, снабжать сына бѣльемъ и отвѣчать передъ мастеромъ за совершенную сыномъ кражу, или иной ущербъ, а содержаніе ученика, включая и снабженіе верхнимъ и нижнимъ платьемъ, мастеръ бралъ на себя, ученикъ-же обязывался быть послушнымъ, покорнымъ и безотвѣтнымъ¹⁾.

Первая попытка реформировать ремесленное производство и вмѣстѣ съ тѣмъ регламентировать ученичество была сдѣлана Петромъ Великимъ. Русское правительство давно уже сознавало, что наша промышленность находится въ плачевномъ состояніи. Уже со временъ Іоанна Грознаго дѣлались попытки привлечь въ Россію иностранныхъ мастеровъ для распространенія техническихъ познаній среди русскихъ ремесленниковъ путемъ обученія ихъ ремеслу, но мѣра эта не принесла желанныхъ результатовъ. Въ началѣ 18-го вѣка Посошковъ, жалуясь на плохое обученіе учениковъ и на то, что ученикъ зачастую, „отдавшись въ наученіе лѣтъ на 5 или на 6 и годъ мѣста или другой поживъ, да мало-мало понаучась, и прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, да и цѣну спуститъ и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочитъ, — ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ“, прибавляетъ, что и иноземцы, по своему древнему обыкновенію, объ ученіи учениковъ не радѣютъ, а заботятся лишь о томъ, чтобы деньги выманить за море уѣхать²⁾. Но какъ ни плохо исполняли иноземные мастера свои обязанности, лучшіе люди того времени сознавали, что безъ нихъ все-же обойтись нельзя: даже такой ярый националистъ, какъ Юрій Крижаничъ полагалъ, что необходимо переводить на русскій языкъ нѣмецкія книги о торговлѣ и ремеслахъ и призвать изъ-заграницы иноземныхъ мастеровъ и капиталистовъ, которые бы обучали русскихъ мастерству и торговлѣ. Но на ряду съ этимъ появляется и мысль, что

¹⁾ Акты Юридическіе № 205 (1684 г.) см. у Федорова, «О промышленномъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промышленнаго ученичества въ особености» 1892 г. стр. 204—205.

²⁾ Ив. Посошковъ, «Книга о скудости и о богатствѣ» Изд. Погодина 1842-го г. стр. 140 и 145.

однимъ призывомъ нѣмецкихъ мастеровъ не поможешь, что необходимы и другія мѣры. И вотъ мы видимъ, что тотъ-же Крижаничъ, совѣтуя правительству учредить по всеѣмъ городамъ техническія школы и давать волю холопамъ, которые обучатся мастерству, требующему особыхъ техническихъ познаний, въ то же самое время для поднятія промышленности считаетъ необходимымъ организовать ремесленниковъ въ цеховыя корпораціи.

Гдѣ удалось Императору Петру ближе познакомиться съ западно-европейскимъ цеховымъ строемъ — въ Ригѣ, Ревелѣ, или во время его заграничныхъ путешествій, — съ точностью неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ознакомленіе это привело и его къ рѣшимости немедленно произвести ту реформу, на которую указывалъ Крижаничъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что Императоръ остановился на мысли ввести у насъ цеховой строй въ то самое время, когда на Западѣ недостатки его сказывались особенно ярко, и непригодность его сознавалась уже многими, но это вполне естественно объяснялось во первыхъ самымъ характеромъ Петровскихъ реформъ, проникнутыхъ мыслью, что стоитъ списать по секрету все шведскіе уставы и регламенты, перевести ихъ на русскій языкъ и ввести у себя дома, чтобы водворились въ Россіи добрые порядки, а во вторыхъ ознакомленіе Государя съ цеховымъ строемъ могло быть только поверхностнымъ, — ему могло импонировать блестящее прошлое цеховъ и ихъ внѣшній блескъ и порядокъ, тогда какъ недостатки и злоупотребленія, господствовавшіе въ нихъ въ то время, при поверхностномъ ознакомленіи или вовсе остались незамѣченными, или признаны легко устранимыми. Самая исторія происхожденія Петровскаго закона о цехахъ весьма характерна. Первоначально выработка положенія о цехахъ возложена была на Главный магистратъ, причемъ, такъ какъ магистратъ медлил съ исполненіемъ работы, то Императоръ для ускоренія дѣла пригрозилъ въ январѣ 1722-го года послать на каторгу оберъ-президента и его товарища въ случаѣ, если положеніе о цехахъ не будетъ составлено въ полгода. Угроза подѣйствовала, и черезъ три мѣсяца работа была окончена. Повидимому, однако, положеніе, изготовленное Главнымъ Магистратомъ не удовлетворило Государя, такъ какъ въ апрѣлѣ 1722-го года онъ, по выходѣ изъ Сената, поручаетъ Димитрію Соловьеву „учинить съ иностранныхъ учрежденій о це-

хахъ извѣстіе и внести въ Сенатъ“, что Соловьевъ и обѣщаль исполнить къ слѣдующему утру. Плодомъ этой работы Соловьева, какъ полагаютъ, и явился законъ о цехахъ 27-го апрѣля 1722-го года¹⁾.

Вышеуказанный законъ содержалъ въ себѣ лишь самыя общія положенія о цехахъ и отличался бессистемностью и неполнотой, являвшихся доказательствомъ спѣшности его изготовленія. Онъ предписывалъ всякому, желающему заниматься ремесленной промышленностью (исключеніе сдѣлано для лицъ, занимающихся отхожимъ промысломъ, а также по указу 16-го іюля того-же года для лицъ, работающихъ не для продажи, а для собственныхъ потребностей, или нуждъ властей и вотчинниковъ) на вѣчныя времена или временно записаться въ цехъ; для ремесленниковъ, не принадлежащихъ къ составу посада, по мнѣнію Кизеветтера²⁾, вступленіе въ цехи не было обязательнымъ. Отъ вступающаго въ цехъ требовалась сдача испытанія, послѣ чего ему выдавалось письменное дозволеніе на производство ремесла. Подмастерьевъ и учениковъ мастеръ могъ держать въ неограниченномъ числѣ, — лишь-бы они не были бѣглыми крѣпостными. Срокъ ученичества опредѣленъ въ 7 лѣтъ, по прошествіи которыхъ ученикъ могъ отойти отъ мастера. но не иначе, какъ получивъ письменное отъ него свидѣтельство о знаніи ремесла. Сколько лѣтъ нужно было пробыть подмастерьемъ, законъ не опредѣлялъ, но для того, чтобы сдѣлаться мастеромъ, подмастерье, повидимому, долженъ былъ сдать испытаніе на мастера³⁾.

Таково было содержаніе закона 1722-го года, поскольку дѣло шло объ ученикахъ. Что постановленія эти иностраннаго происхожденія, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: доказательствомъ служатъ и общій характеръ Петровскихъ реформъ, и инструкция, данная Петромъ Соловьеву, и самая спѣшность изготовленія закона, при которой самостоятельному твор-

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», книга 4-ая, изд. Общ. Пользы, стр. 789; А. А. Кизеветтеръ, «Городовое положеніе Екатерины II 1785-го г.» 1909 г. стр. 185.

²⁾ «Посадская община въ Россіи XVIII ст.», стр. 151—153.

³⁾ Полное Собраніе Законовъ № 3980.

честву составителя невозможно было проявиться. Но изъ какого, именно, иностраннаго источника Соловьевъ заимствовалъ свой проектъ, установить съ точностью нельзя. Возможно, что единственная существенная статья закона, трактующая объ ученикахъ, которая устанавливала семилѣтній срокъ обученія, заимствована была изъ Англии, гдѣ, именно, такой срокъ былъ распространенъ¹⁾. Возможно также, что составитель пользовался и шведскимъ законодательствомъ, сыгравшимъ вообще важную роль въ реформахъ Петра. За послѣднее предположеніе говоритъ то обстоятельство, что въ законѣ 1722-го года, какъ и въ шведскомъ уставѣ 1669-го года, въ противоположность нѣмецкимъ и прибалтійскимъ цеховымъ уставамъ, нѣтъ ни ограниченій для вступленія въ цехъ, ни Wander—и Muthzeit, ни ограниченія числа учениковъ. Правда, уставъ этотъ гораздо болѣе подробенъ, чѣмъ Петровскій уставъ 1722-го года, но, очевидно, при спѣшности работы, русскій законодатель считалъ достаточнымъ ограничиться общими постановленіями, предоставивъ детальную регламентацію цехового строя будущимъ цеховымъ статутамъ²⁾. Въ литературѣ широко распространенъ взглядъ, что попытка Петра I создать у насъ цеховой строй потерпѣла неудачу, и что законъ 1722-го года остался мертвой буквой. Противъ этого мнѣнія выступилъ Кизеветтеръ³⁾, доказывая, на основаніи различныхъ документальныхъ данныхъ, что въ началѣ 18-го вѣка цехи существовали въ достаточномъ количествѣ въ различныхъ городахъ Россіи; только съ отмѣной городовыхъ магистратовъ, цехи, какъ учрежденія, непосредственно подчиненныя магистратамъ, сами собой фактически начали исчезать. Правда, начиная съ царствованія Елизаветы Петровны правительство начинаетъ вновь принимать мѣры для

¹⁾ Что англійское цеховое право могло быть извѣстно въ то время въ Россіи, свидѣлствуютъ «Пропозиція» Федора Салтыкова, предполагающія ввести именно такой срокъ, ссылаясь на примѣръ Англии. (Кизеветтеръ, «Городовое положеніе», стр. 185).

²⁾ «Каждое ремесло и художество свои книги имѣютъ, въ которыхъ регулы или уставы, права и привиллегія ремесленныхъ людей содержаны быть должны». Регл. Гл. Магистр. Глава VII.

³⁾ «Посадская община» стр. 145 и сл.

учрежденія цеховъ, но мѣры эти однако оказывались безуспѣшными: въ 1760-омъ году сенатъ свидѣлствовалъ, что цехи находятся въ полномъ разстройствѣ, въ чемъ, конечно, до извѣстной степени повиненъ былъ и законъ 1722-го года своей скудной и неопредѣленной регламентаціей. Очевидно необходимо было либо вовсе уничтожить цеховой строй, либо реорганизовать его и вдохнуть въ него новую жизнь. Попытку послѣдняго рода и сдѣлало законодательство Екатерины II въ Городовомъ Положеніи 1785-го года, раздѣлъ I-ый котораго составило новое Ремесленное Положеніе.

Приступая къ реформѣ, Императрица, хотя и считала введеніе цехового строя полезнымъ для русской промышленности, однако тѣмъ не менѣе ей были хорошо извѣстны тѣ отрицательныя стороны цеховъ, которыя въ то время на Западѣ были извѣстны всѣмъ и каждому. Въ своемъ Наказѣ Комиссіи, она писала, что „о цеховыхъ мастерствахъ и установленіяхъ цеховъ для мастерствъ по городамъ еще состоитъ важный споръ, лучше ли имѣть цехи по городамъ, или безъ нихъ быть, и что изъ сихъ положеній болѣе споспѣшествуетъ руководствѣ и ремесламъ; но то безспорно, что для заведенія мастерства цехи полезны, а бывають они вредны, когда число работающихъ опредѣлено, ибо сіе самое препятствуетъ размноженію руководствъ“¹⁾. Поэтому, на этотъ разъ правительство отнеслось къ реформѣ цехового строя съ надлежащей осмотрительностью, предварительно ознакомившись основательно съ западнымъ цеховымъ правомъ, въ лицѣ остзейскихъ цеховыхъ статутовъ²⁾, шведскаго устава 1669-го года и прусскаго законодательства о цехахъ³⁾. Эти-то иностранные источники и по-

¹⁾ Наказъ, Глава XVII §§ 400 и сл.

²⁾ Юстицъ-коллегія потребовала копій рижскихъ цеховыхъ статутовъ, и въ 1766-омъ году представлены были въ Петербургъ уставы 42-хъ цеховъ (W. Stieda u. C. Mettig, «Schragen der Gilden u. Aemter d. St. Riga bis 1621». 1896 г. стр. 212).

³⁾ Что Екатерина интересовалась прусскимъ законодательствомъ, видно изъ того, что среди черновыхъ редакцій Ремесленнаго Положенія въ бумагахъ Екатерины найдены замѣтки на нѣмецкомъ языкѣ о положеніи ремесленныхъ организацій въ Берлинѣ (см. Кизеветтеръ, «Городовое положеніе», стр. 205 и сл.).

служили матеріаломъ для Екатерининскаго Ремесленнаго Положенія.

По содержанію своему это Положеніе являлось гораздо болѣе богатымъ и имѣло болѣе цѣльный характеръ, чѣмъ Петровскій Цеховой уставъ. Оно обязало въ городахъ всѣхъ ремесленниковъ одного и того-же ремесла образовать цехи, если такихъ ремесленниковъ въ городѣ наберется не менѣе 5 человекъ. Оно предоставило цехамъ право избирать своихъ должностныхъ лицъ, опредѣлило ихъ права и обязанности, возложивъ на нихъ общій надзоръ за соблюденіемъ Ремесленнаго Положенія, принятіе мѣръ къ развитію и усовершенствованію ремесла и поддержанію среди ремесленниковъ добраго порядка и согласія, а также функции судебныя; оно создало также и органъ общій для всѣхъ ремесленниковъ даннаго города въ лицѣ Ремесленнаго Головы и предоставило ремесленникамъ черезъ своихъ должностныхъ лицъ участіе въ городскомъ управленіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ и подмастерьямъ дано было право ежегодно выбирать своихъ собственныхъ должностныхъ лицъ для завѣдыванья дѣлами, касающимися подмастерьевъ и учениковъ¹⁾.

Но принципы обязательнаго цехового строя не были русскимъ законодателемъ проведены во всей ихъ строгости. Прежде всего цеховой строй установленъ былъ только для городскихъ ремесленниковъ, а не для живущихъ въ деревняхъ; затѣмъ даже городской ремесленникъ, если онъ въ цехъ не вступилъ, лишался только права именовать себя мастеромъ, имѣть вывѣску, держать учениковъ и подмастерьевъ, но заниматься ремесломъ для добыванія себѣ пропитанія ему не запрещалось; наконецъ, монополія цеховъ въ корень подрывалась постановленіемъ, позволяющимъ „производить руководлія“ лицамъ, записаннымъ въ третью гильдію,

¹⁾ Федоровъ (стр. 233) предполагаетъ, что институтъ подмастерскихъ организацій заимствованъ былъ изъ Франціи, но подобныя организаціи какъ разъ были широко распространены въ Ригѣ, а, именно, относительно рижскихъ статутовъ имѣются указанія, что они имѣлись въ виду при выработкѣ Ремесленнаго Положенія. (См. Stieda u. Mettig, стр. 201 и сл.)

а также посадскимъ людямъ „безъ иного на это дозволенія или приказанія“¹⁾.

Для того, чтобы сдѣлаться мастеромъ требовалось достиженіе 24-хъ лѣтъ, отбытіе ученичества и подмастерства (3 года) и сдача испытанія. Впрочемъ, къ испытаніямъ допускались лица, и не бывшія учениками и подмастерьями.

Что касается до регламентаціи ученичества, то Ремесленное Положеніе Екатерины II было гораздо богаче закона 1722-го года. Оно давало довольно много постановленій, регулировавшихъ взаимныя отношенія между учениками и мастерами, постановленій, заимствованныхъ въ большинствѣ случаевъ изъ шведскаго устава 1669-го года²⁾. Такъ какъ почти всѣ эти постановленія сохранили свою силу и донинѣ, мы будемъ ихъ разсматривать въ слѣдующей главѣ, — отмѣтивъ сейчасъ лишь, что Положеніе предоставило мастеру по старому держать учениковъ, сколько угодно, сокративъ въ то-же самое время срокъ обученія съ семи до пяти лѣтъ максимумъ.

Ремесленное Положеніе 1785-го года вскорѣ было подвергнуто нѣкоторымъ измѣненіямъ: въ 1796-омъ году указъ сената разъяснилъ, что приписываться къ цеху можно, какъ навсегда, такъ и на какой угодно срокъ, а въ 1799-омъ году Императоромъ Павломъ былъ изданъ Уставъ о цехахъ, довольно значительно измѣнившій и пополнившій старое Ремесленное Положеніе. Наиболѣе существенными нововведеніями были: 1) учрежденіе на ряду съ ремесленными цехами цеховъ „служебныхъ“ (върѣше прислуги), „рабочихъ“ (штукатуровъ, печниковъ, землекоповъ и т. п.), цеха „присяжнаго бракового“ и цеха прикащиковъ; 2) попытка установить отличительные признаки ремесла отъ фабричнаго производства, попытка, надо замѣтить, въ высшей степени неудачная; 3) образованіе общей для всѣхъ цеховъ Ремесленной Управы, состоящей подъ предсѣдательствомъ Ремесленнаго Головы изъ Альтермановъ разныхъ цеховъ, и 4) запрещеніе крѣпостнымъ быть мастерами цеховыми. Что касается до регламентаціи учени-

¹⁾ Грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи §§§ 90, 117, 140.

²⁾ Кизеветтеръ, «Городовое положеніе», стр. 220, 231 и др.

чества, то здѣсь измѣненій было сдѣлано немного: 1) было введено постановленіе, что за „нерачивое“ обученіе учениковъ, за занятіе ихъ больше домашней работой, чѣмъ относящейся къ ремеслу, за безчеловѣчное съ ними обращеніе, за непредоставленіе достаточнаго покоя и пищи и за порчу нравственности мастеръ можетъ быть лишенъ права держать учениковъ на время или навсегда; 2) установлено нѣчто въ родѣ пробнаго періода, и 3) за нарушеніе ученикомъ цеховыхъ правилъ (за кражу, мотовство, самовольную отлучку, пьянство, лѣнь и грубость по отношенію къ мастеру и членамъ его семьи) введено наказаніе розгами.

Постановленія Устава о цехахъ 1799-го года съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями вошли въ составъ изданнаго въ 1832-омъ году Устава о ремесленной промышленности и дѣйствовали вплоть до 1852-года. Въ этомъ году былъ изданъ новый законъ о ремесленномъ устройствѣ. Онъ создалъ новые органы цехового управленія—цеховыя управы и ремесленные сходы не только для каждаго цеха, но и общіе для всѣхъ цеховъ, и принялъ мѣры противъ досрочныхъ уходовъ подмастерьевъ посредствомъ введенія особыхъ книжекъ, въ которыхъ мастеръ долженъ былъ отмѣчать время поступленія подмастерья, время и причины его ухода и аттестацію его познаній и поведенія, причемъ безъ такой аттестации подмастерье не могъ ни уйти отъ мастера ни поступить къ другому хозяину. Но главной реформой закона 1852-го года было введеніе такъ называемаго упрощеннаго ремесленнаго устройства, явившагося показателемъ того, что русское правительство до извѣстной степени разочаровалось въ цеховомъ строѣ и признало его непригодность для русскаго ремесла. И дѣйствительно, опытъ показалъ, что цеховой строй, будучи совершенно чуждымъ для Россіи институтомъ, не только не установилъ порядокъ въ ремеслѣ и не содѣйствовалъ процвѣтанію русской промышленности, но, кромѣ стѣсненій для ремесленниковъ, рѣшительно ничего не создалъ. Показателемъ этого служило то, что уже въ первые годы послѣ введенія цехового строя Екатериной II началось переселеніе ремесленниковъ изъ городовъ въ подгородныя селенія, гдѣ цехового строя не было, а привозить свои издѣлія въ городъ имъ не возбранялось. Правда, правительство принимало мѣры противъ такого бѣгства ремесленниковъ, дозволивъ въ 1824-омъ

году жить въ деревняхъ лишь тѣмъ ремесленникамъ, которые выдѣлываютъ произведенія, нужныя для сельскаго хозяйства, но, само собой понятно, однимъ такимъ запрещеніемъ нельзя было укрѣпить цеховой строй: ремесленники, и оставаясь въ городѣ, работали безъ выѣсокъ, чтобы не записываться въ цехъ, уклонились отъ несенія службы въ органахъ цехового управленія, а если и избирались на таковыя должности, то относились къ исполненію своихъ обязанностей совершенно индифферентно. И въ маленькихъ городахъ дѣло шло еще хуже, чѣмъ въ большихъ: законъ требовалъ образованія цеха при наличности пяти мастеровъ, но можно-ли было считать цехомъ и ожидать какой-нибудь плодотворной дѣятельности отъ такого соединенія, гдѣ трое изъ пяти уже должны были считаться должностными лицами, а такихъ малолюдныхъ ремеселъ въ этихъ городахъ было не мало. Въ виду всего этого правительство должно было признать, что цеховой строй можетъ быть полезенъ лишь при болѣе или менѣ развитой промышленности, а по отношенію къ елевозникающей, нуждающейся въ обезпеченіи наибольшей свободы, при строгомъ проведеніи всѣхъ деталей цеховой организаціи, онъ создаетъ лишь стѣсненія¹⁾. Вслѣдствіе всего этого правительство рѣшилось облегчить нѣсколько стѣсненія цехового строя, введя въ менѣ значительныхъ городахъ упрощенное ремесленное управленіе, а въ нѣкоторыхъ, совсѣмъ мелкихъ, вовсе его уничтожить, приравнявъ эти города въ этомъ отношеніи къ селеніямъ. Упрощенное ремесленное управленіе состояло въ томъ, что здѣсь ремесленники не раздѣляются на цехи, а входятъ въ составъ одного ремесленнаго сословія при одной Ремесленной Управѣ и Общемъ Ремесленномъ Сходѣ. Здѣсь, чтобы заниматься мастерствомъ самостоятельно, не требуется ни сдачи испытанія, ни отбытія подмастерства и ученичества, но за то эти ремесленники не могутъ и держать подмастерьевъ и учениковъ, а только ремесленныхъ работниковъ. Въ качествѣ послѣднихъ могли приниматься и лица несовершеннолѣтнія, и, конечно, не запрещалось въ вознагражденіе за ихъ трудъ обучать ихъ ремеслу, но это не дѣлало ихъ учениками въ томъ смыслѣ, какъ это слово пони-

¹⁾ См. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1853 г. II и III.

малось законодателемъ, и нормы объ ученичествѣ къ нимъ примѣненія не имѣли.

Послѣ изданія закона 1852-го года постановленія о ремесленномъ устройствѣ сохранились въ силѣ, за нѣкоторыми несущественными измѣненіями, вплоть до нашихъ дней. Цехи, такимъ образомъ, сохранились только въ болѣе крупныхъ городахъ, но и въ нихъ они влечутъ жалкое существованіе, не играя рѣшительно никакой роли ни въ улучшеніи положенія ремесленниковъ, ни въ дѣлѣ увеличенія техническихъ познаній въ ремеслѣ. Единственно въ чемъ цеховая система принесла нѣкоторые практическіе результаты, это въ организаціи учреждений для помощи престарѣлымъ, больнымъ и бѣднымъ ремесленникамъ¹⁾, по одно это не могло искупить недостатковъ цехового строя и тѣхъ стѣсненій, которыя онъ создавалъ, вслѣдствіе чего, по словамъ Федорова, за послѣднее время въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ все чаще и чаще подаются ходатайства городскихъ управленій о введеніи въ нихъ упрощеннаго ремесленнаго устройства, или даже о приравненіи ихъ въ отношеніи организаціи ремесленниковъ къ селеніямъ²⁾. Что цехи не могутъ у насъ въ Россіи исполнять тѣ функціи, которыя и на западѣ имъ не по силамъ, и которыя въ то-же самое время приводятся въ качествѣ главнаго довода въ пользу ихъ существованія—именно содѣйствіе развитію техники и правильной постановкѣ обученія,—видно изъ того, что цехи у насъ почти всюду являются сводными. Это соединеніе отдѣльныхъ различныхъ ремеселъ въ одинъ цехъ совершается не по родству ихъ другъ съ другомъ, а по чисто случайнымъ причинамъ, благодаря чему получается, что въ „фельшерный“ цехъ включается мастерство табачное, въ цехъ живописный—мастерства переплетное, табакерочное, зонтичное, зеркальное, въ цехъ кондитерскій—мастерства оранжевое и игрушечное, въ цехъ колбасный—мастерства помадное, горчичное и производство ваксы и т. п.³⁾. При такомъ странномъ соединеніи, естественно, и рѣчи быть не можетъ

¹⁾ Федоровъ, стр. 260.

²⁾ Федоровъ, тамъ же.

³⁾ Данные о московскихъ цехахъ за 1858-ой годъ изъ рѣчи проф. М. Киттары, «Нѣсколько словъ о московскихъ цехахъ».

о созданіи цехами какихъ-либо учреждений для развитія и усовершенствованія ремесленнаго производства, также какъ и о надлежащемъ надзорѣ за ученичествомъ. Что можетъ знать и судить, справедливо говорить проф. Киттары¹⁾, вывѣсочный живописецъ, какъ старшина живописнаго цеха, въ производствѣ зонтиковъ, кондитеръ—въ вопросѣ садоводства, кузнецъ—въ хирургическихъ инструментахъ, какъ можетъ онъ рѣшить, такъ или не такъ учить хозяинъ набранныхъ учениковъ? Кромѣ того, ненормальность русскаго ремесленнаго устройства сказывается въ томъ, что цеховые ремесленники раздѣляются на вѣчноцеховыхъ и временноцеховыхъ, причемъ послѣдніе вовсе устранены отъ участія въ ремесленномъ самоуправленіи и отъ пользованія благотворительными учрежденіями, содержимыми цехами, между тѣмъ какъ именно эти временноцеховые и являются лицами, занимающимися фактически ремесломъ, тогда какъ изъ вѣчноцеховыхъ значительная часть никакого отношенія къ ремеслу не имѣетъ. Благодаря этому лучшая часть ремесленниковъ является устраненной отъ участія въ томъ, что касается ремесла.

Въ виду всего этого неудивительно, что въ русской литературѣ съ самаго изданія закона 1852-го года неумолкаютъ голоса, требующіе уничтоженія бесполезнаго и стѣснительнаго цехового строя²⁾. Къ этому-же убѣжденію, повидимому, пришло и правительство. Уже въ 1859-мъ году была образована при Министерствѣ Финансовъ особая коммиссія для выработки реформы нашего промышленнаго устройства, которая въ 1862-омъ году и выработала проектъ Общаго Устава о Промышленности. Проектъ этотъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что онъ рѣшительно уничтожилъ цеховую систему, а тѣ функціи благотворительнаго характера и взаимопомощи, которыя исполняли цехи, предоставлялъ взять въ руки свободнымъ ассоціаціямъ промышленниковъ. Уничтожилъ проектъ и старое раздѣленіе ремесленниковъ на мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ, но, т. к. составители проекта сознавали, что ученичество хотя и перестанетъ быть

¹⁾ М. Киттары, стр. 50.

²⁾ См. рѣчь проф. Киттары, статьи Юрдана въ Русск. Мысли за 1837 г. № 6, Андреевскій «Полицейское Право» т. II 1876 г. стр. 601, Федоровъ, стр. 291.

обязательной стадией для получения права заниматься ремесломъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно останется существовать въ качествѣ пути для приобрѣтенія техническихъ познаній, то проектъ содержалъ рядъ нормъ, долженствовавшихъ регулировать взаимныя отношенія между учениками и мастерами. Мы не будемъ здѣсь подробно излагать постановленія, выработанныя проектомъ по этому вопросу, т. к. объ нихъ рѣчь будетъ идти ниже, а ограничимся указаніемъ только важнѣйшихъ пунктовъ, къ каковымъ, по нашему мнѣнію, относятся: 1) возложеніе надзора за поведеніемъ хозяевъ и учениковъ на полицію, а также на инспекторовъ промышленныхъ заведеній; 2) установленіе максимальнаго рабочаго дня въ 10 часовъ и воспрещеніе воскресной и праздничной работы; 3) возложеніе на хозяевъ гражданской и уголовной отвѣтственности за дурное обученіе; 4) полное лишеніе хозяевъ дисциплинарной власти надъ учениками и 5) созданіе особыхъ промышленныхъ судовъ по примѣру французскихъ *Conseils de prud'hommes*.

Выработанный комиссіей проектъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію въ Мануфактурномъ Совѣтѣ, внесшемъ въ него нѣкоторыя измѣненія, изъ которыхъ наиболѣе существеннымъ является распространеніе мѣръ въ защиту малолѣтнихъ рабочихъ и на ремесленные заведенія (напр. запрещеніе принимать учениковъ моложе 12 лѣтъ); кромѣ того Совѣтъ счелъ нужнымъ для наибольшей гарантіи исполненія нормъ о работѣ малолѣтнихъ повысить взысканіе съ хозяевъ, нарушившихъ данныя постановленія до 25—100 рублей. Послѣ обсужденія въ Мануфактурномъ Совѣтѣ проектъ Промышленнаго Устава сообщенъ былъ на заключеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но дальнѣйшаго движенія не получилъ.

Этимъ и закончилась попытка реформировать наше ремесленное устройство. Что же касается до ученичества, то созданіе для него новой, болѣе соотвѣтствующей условіямъ времени регламентации пошло было инымъ путемъ въ связи съ реформой постановленій о договорѣ личнаго найма вообще. Съ послѣдней цѣлью въ 1870-омъ году организована была особая комиссія подъ предсѣдательствомъ ген. ад. Игнатьева, которая рѣшила выработать подробныя правила о наиболѣе главныхъ видахъ личнаго найма и къ таковымъ причислила и договоръ ученичества. Въ основу проекта объ учени-

чествѣ комиссія эта положила проектъ 1862-го года, но внесла въ него довольно существенныя измѣненія, по нашему мнѣнію, значительно улучшавшія старый проектъ. Такъ, комиссія ввела обязательную письменную форму для договоровъ объ отдачѣ въ обученіе лицъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, признала смерть хозяина фактомъ, прекращающимъ договоръ, установила и для ученика право расторгнуть договоръ въ теченіе пробнаго періода, усидила наказанія за нарушенія мастеромъ своихъ обязанностей, въ томъ числѣ и за вредное вліяніе его на нравственность ученика, изнуреніе его несвойственными возрасту работами и жестокое обращеніе; но на ряду съ этимъ комиссія не сочла возможнымъ возлагать на мастера гражданскую отвѣтственность въ видѣ обязанности возмѣстить ущербъ въ случаѣ, если ученикъ ничему не научится.

Въ 1871-омъ году проектъ Устава о личномъ наймѣ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, причемъ Государь Императоръ выразилъ желаніе, чтобы разсмотрѣніе даннаго проекта было ускорено, а вслѣдъ затѣмъ было издано даже Высочайшее Повелѣніе, чтобы всѣ отзывы подлежащихъ лицъ и учреждений относительно проекта были непременно представлены не позже 7-го февраля. Но тѣмъ не менѣе дѣло затянулось. Хотя отзывы и были представлены, и Мин-во Вн. Дѣлъ, сдѣлавъ измѣненія въ проектъ сообразно съ поступившими на него замѣчаніями, внесло его въ Государственный Совѣтъ для окончательнаго разсмотрѣнія, но въ 1874-омъ году издано было Высочайше Утвержденное Положеніе Комитета Министровъ о томъ, чтобы составлявшіеся въ различныхъ вѣдомствахъ законопроекты по вопросамъ, гдѣ признавался полезнымъ опросъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстными условіями, обсуждались въ особыхъ по каждому законопроекту комиссіяхъ подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Высочайшей Властью. И вотъ злополучный проектъ Устава о личномъ наймѣ рабочихъ и прислуги вновь попадаетъ въ особую комиссію, образованную 19-го апр. 1874-го года подъ предсѣдательствомъ Валуева. Комиссія эта выработала три отдѣльныхъ законопроекта: Положеніе о наймѣ рабочихъ, Правила о наймѣ прислуги и Правила о приѣмѣ и отдачѣ въ обученіе, т. к. комиссія признала, что договоръ ученичества представляетъ существенныя особенности по сравненію съ договоромъ личнаго найма.

По содержанию своему проект Валувеской комиссии представлялъ значительныя отличія отъ проектовъ предшествующихъ комиссій. Прежде всего, характерно, что постановленія проекта объ ученичествѣ должны были примѣняться лишь къ тѣмъ лицамъ, которыя поступали въ обученіе до достиженія ими 17 лѣтъ, тѣ же, которыя поступятъ въ возрастѣ старше 17-ти лѣтъ, уже учениками не считаются и подлежатъ дѣйствию нормъ о личномъ наймѣ. Проектъ сохраняетъ дисциплинарную власть учителя надъ ученикомъ, разрѣшая даже тѣлесныя наказанія для учениковъ до 14-ти лѣтъ, а для ученицъ до 12 лѣтъ. Запрещается принимать учениковъ не только тѣмъ, кто ограниченъ въ общегражданскихъ правахъ, но и осужденнымъ въ тюрьму за кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату чужого имущества. Поступать въ ученики разрѣшено съ 12-лѣтняго возраста, рабочій день ограниченъ 6-ю часами для учениковъ, моложе 14 лѣтъ, и 8-ю часами для лицъ въ возрастѣ 14—16 лѣтъ. Форма совершенія договора установлена письменная съ засвидѣтельствомъ у нотариуса или мирового судьи, а гдѣ ихъ нѣтъ—въ мѣстныхъ полицейскихъ или волостныхъ правленіяхъ. Далѣе, проектъ подробно перечисляетъ поводы для расторженія договора, причемъ между прочимъ въ случаѣ смерти мастера установилъ, что договоръ переходитъ на новаго хозяина, если родители ученика въ шестимѣсячный срокъ не заявятъ о желаніи прекратить договоръ, но если до окончанія обученія остается менѣе 2-хъ лѣтъ, то требованіе о расторженіи договора должно быть заявлено суду, который можетъ и оставить договоръ въ силѣ до его естественнаго окончанія. Любопытно также, что наказанія за нарушение своихъ постановленій назначены проектомъ крайне незначительныя по своимъ размѣрамъ, начиная даже отъ 50 коп.

Это былъ такимъ образомъ уже третій по счету проектъ нормировки ученичества за 20 лѣтъ, но и его постигла участь двухъ первыхъ проектовъ: въ 1875-омъ году онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который на этотъ разъ счелъ необходимымъ разсмотрѣть по существу лишь нормы о наймѣ на фабричныя, сельскія и строительныя работы, остальные-же проекты, въ томъ числѣ и о договорѣ ученичества, счелъ болѣе цѣлесообразнымъ отложить въ долготій ящикъ, передавъ ихъ для ближайшей разработки подле-

жающимъ вѣдомствамъ. Этимъ и закончились попытки правительства реформировать институтъ ученичества, такъ какъ съ 1875-го года вплоть до нашихъ дней вопросъ о немъ даже не поднимался болѣе. Только при обсужденіи закона 1882-го г. о работѣ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ возникъ было вопросъ, не слѣдуетъ-ли защиту, даваемую закономъ, распространить и на ~~не~~ совершеннолѣтнихъ, работающихъ въ ремесленной промышленности, но Государственный Совѣтъ пришелъ къ отрицательному рѣшенію; ограничившись лишь предоставленіемъ Министру Финансовъ по соглашенію съ Министромъ Вн. Дѣлъ распространять примѣненіе закона и на ремесленныя предпріятія, причемъ право это было дано только на два года, хотя потомъ продлено до 1 окт. 1890-го года. Съ пересмотромъ закона о работѣ малолѣтнихъ въ 1890-омъ году снова поднятъ былъ вопросъ о защитѣ несовершеннолѣтнихъ ремесленныхъ рабочихъ, и снова, несмотря на то, что донесенія фабричныхъ инспекторовъ высказывались за необходимость такой защиты, Министерство Финансовъ опять признало, что оно пока еще не располагаетъ достаточными данными, чтобы вопросъ о работѣ и школьномъ обученіи малолѣтнихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ могъ получить окончательное разрѣшеніе. Въ силу этого Высочайшее Повелѣніе 24-го апр. 1890-го г. снова только сохранило въ качествѣ временной мѣры (на 3 года) то право, которое предоставлялъ законъ 1882-го года Министру Финансовъ, предписавъ, чтобы по истеченіи указаннаго трехлѣтняго періода представить на уваженіе Государственнаго Совѣта окончательное заключеніе по вопросу о примѣненіи къ ремесленнымъ заведеніямъ постановленій о работѣ и обученіи малолѣтнихъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ. Федоровъ въ своемъ трудѣ о договорѣ промысловаго ученичества на основаніи этого Высочайшаго Повелѣнія оптимистически заявляетъ, что, наконецъ то, „правительство сочло нужнымъ фактически коснуться положенія малолѣтнихъ въ заведеніяхъ ремесленной промышленности и въ связи съ симъ опредѣлило срокъ для представленія окончательнаго заключенія по вопросу о примѣненіи къ ремесленнымъ заведеніямъ постановленій, дѣйствующихъ относительно малолѣтнихъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ“¹⁾, но оптимизмъ Федорова оказался ошибочнымъ,

¹⁾ Федоровъ, стр. 287.

т. е. только 19 ноября 1906-го года въ порядкѣ 81-ой ст. изданъ былъ въ качествѣ мѣры, нетерпящей отлагательства, законъ объ обеспеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ, который предписалъ освободить ремесленныхъ служащихъ, не достигшихъ 17-ти лѣтънаго возраста ежедневно въ будніе дни на три часа для посѣщенія школы, и такимъ образомъ установилъ для нихъ семичасовой рабочей день, но, какъ мы увидимъ ниже, и этотъ законъ пока существуетъ только на бумагѣ. Такимъ образомъ, у насъ въ Россіи ученичество по прежнему остается при устарѣломъ уставѣ 1799-го года.

Глава вторая.

Договоръ промысловаго ученичества въ современномъ правѣ.

Въ предыдущей главѣ мы констатировали, что современные, обращающія на договоръ промысловаго ученичества вниманіе западно-европейскія законодательства по своему отношенію къ данному институту могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: на законодательства, рассматривающія ученичество, какъ чисто частно-правовое договорное отношеніе, и на законодательства, сохранившія за нимъ до известной степени прежній цеховой публично-правовой характеръ. Вслѣдствіе этого при догматическомъ изученіи договора промысловаго ученичества мы считаемъ необходимымъ параллельно съ изученіемъ русскаго права принимать во вниманіе и важнѣйшія западно-европейскія законодательства, какъ того, такъ и другого типа, каковыми являются прежде всего законодательства Франціи и Германіи, а также и законодательства Австріи и отдѣльныхъ швейцарскихъ кантоновъ. Выборъ двухъ послѣднихъ законодательствъ объясняется тѣмъ, что австрійское право, принадлежа по своему отношенію къ ученичеству къ тому-же типу, что и германское, представляетъ нѣкоторый особый интересъ потому, что наиболѣе рѣзко подчеркиваетъ публично-правовой характеръ ученичества, а швейцарскіе законы интересны тѣмъ, что являются наиболѣе новыми продуктами законодательнаго творчества въ области интересующаго насъ вопроса ¹⁾.

¹⁾ Особые законы объ ученичествѣ изданы: въ Невшателѣ въ 1890-омъ году, въ Фрейбургѣ въ 1895-омъ году, въ Водѣ въ 1896-омъ году, въ Же-

§ I. Юридическая природа договора промыслового ученичества.

Французскій законъ 1851-го года даетъ слѣдующее опредѣленіе договора промыслового ученичества: „Le contrat d'apprentissage est celui, par lequel un fabricant, un chef d'atelier ou un ouvrier s'oblige à enseigner la pratique de sa profession à une autre personne, qui s'oblige, en retour, à travailler avec lui; le tout à des conditions et pendant un temps convenu“¹⁾.

Австрійское законодательство опредѣляетъ, кто долженъ считаться ученикомъ: „Als Lehrling wird angesehen, wer bei einem Gewerbeinhaber zur praktischen Erlernung des Gewerbes in Verwendung tritt, ohne Unterschied, ob ein Lehrgeld vereinbart wurde oder nicht, und ob für die Arbeit Lohn gezahlt wird oder nicht“²⁾.

Законы отдѣльныхъ швейцарскихъ кантоновъ даютъ опредѣленіе, кого слѣдуетъ считать ученикомъ, всѣ почти въ тождественныхъ выраженіяхъ: „Als Lehrling gilt jede männliche oder weibliche minderjährige Person, welche in einem handwerkmäßigen oder industriellen Betriebe, in einer Lehrwerkstätte, einer Fachschule oder in einem Handelsgeschäft einen bestimmten Beruf erlernen will“³⁾. Такова наиболѣе распространенная формула, отступленія отъ которой если и встрѣчаются, то весьма несущественнаго характера. На ряду съ опредѣленіемъ понятія „ученика“, нѣкоторые швейцарскіе законы даютъ и опредѣленіе самаго договора ученичества. Такъ напр. валлисскій законъ (§ 7) говоритъ, что „Der Lehrvertrag ist eine Uebereinkunft, durch welche eine Person, welche einen gewerblichen oder kaufmännischen Beruf ausübt, die Verpflichtung übernimmt eine andere Person, welche

евѣ въ 1899-омъ году, въ Унтервальденѣ въ 1901-омъ г., въ Валлисѣ въ 1903-емъ году, въ Цугѣ въ 1904-омъ году, въ Бернѣ въ 1905-омъ году, въ Швицѣ, Цюрихѣ, Люцернѣ и Базелѣ въ 1906-омъ году и въ Ааргау въ 1908-омъ году.

¹⁾ Loi 1851 art. 1.

²⁾ § 97 Gew. Ordn.

³⁾ См. напр. Zug § 2, Schwyz § 1, Zürich § 1.

ihrerseits zu bestimmten Gegeuleistungen gehalten ist, diesen Beruf zu lehren“¹⁾.

Въ германскомъ промышленномъ уставѣ 1869-го года также содержалось опредѣленіе, кого слѣдуетъ считать ученикомъ, аналогичное съ опредѣленіемъ австрійскаго законодательства, но въ 1878-омъ году оно было отмѣнено. Мотивомъ отмѣны было признаніе существующаго опредѣленія неудовлетворительнымъ въ связи съ признаніемъ невозможности дать абсолютно точное опредѣленіе въ законѣ, вслѣдствіе чего можно было опасаться, что неудачное опредѣленіе облегчитъ только возможность уклоняться отъ примѣненія нормъ объ ученичествѣ. Въ силу этихъ соображеній законодатель рѣшилъ вопросъ, является ли данное лицо ученикомъ или нѣтъ, предпочелъ предоставить всецѣло въ руки суда на основаніи конкретныхъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая. Но, повидимому, такое рѣшеніе вопроса не устраняло возможности уклоняться отъ примѣненія закона объ ученикахъ, т. е. жалобы на недоразумѣнія съ вопросомъ о понятіи „ученика“ продолжались. Поэтому при составленіи закона 1897-го года этотъ вопросъ снова возникъ, и составители проекта рѣшили было принять рѣшительную мѣру, чтобы устранить всякія недоразумѣнія, включивъ въ проектъ предположеніе, что всѣ лица, достигшія 17-ти лѣтъ и работающія въ промышленности постоянно (т. е. не случайно и не временно) въ качествѣ вспомогательнаго технического персонала, являются учениками. Это опредѣленіе проекта, не встрѣтившее сперва въ Рейхстагѣ при его обсужденіи въ 1-омъ и 2-омъ чтеніи никакихъ возраженій, являлось несомнѣнно гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ всѣ вышеприведенныя опредѣленія, признавая учениками весь многочисленный классъ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ вплоть до 17-тилѣтняго возраста. Такое превращеніе всѣхъ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ въ учениковъ и подчиненіе ихъ довольно строгимъ нормамъ объ ученичествѣ было однако далеко невыгодно крупнымъ промышленникамъ. Собраннымъ на Handelstag 17-го іюня 1897-го г. они энер-

¹⁾ Совершенно тождественное опредѣленіе мы находимъ въ законѣ кантона Цугъ § 4.

гично протестовали противъ даннаго предположенія ¹⁾, указывая, что оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, т. к. работающія на фабрикахъ лица несовершеннолѣтнія (а ихъ около 200000) являются простыми рабочими, а вовсе не учениками, и потому невозможно подчинить хозяевъ всей строгости правилъ объ ученикахъ. Промышленники особенно сильно протестовали противъ вышеупомянутаго предположенія потому, что результатомъ его было-бы ограниченіе до извѣстной степени и труда лицъ отъ 16-ти до 17-ти лѣтъ, тогда какъ защита фабричнаго законодательства простиралась лишь на рабочихъ до 16-ти лѣтъ, а это, по ихъ словамъ, повлекло бы за собой прекращеніе приѣма промышленниками на службу такихъ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ. Въ виду всего этого *Handelstag* высказался за то, чтобы это постановленіе проекта отнесено было-бы только къ ремесленнымъ предпріятіямъ. Точку зрѣнія крупныхъ промышленниковъ высказалъ при 3-емъ чтеніи проекта въ Рейхстагѣ Баронъ Штуммъ фонъ Гальбергъ ²⁾, причемъ однако онъ обошелъ молчаніемъ тѣ доводы, которые открыто высказывались на *Handelstag*'ѣ противъ опредѣленія проекта—именно невыгодность для промышленниковъ распространенія нормъ объ ученичествѣ на рабочихъ до 17 лѣтъ,—а напиралъ на то, что учителю принадлежитъ по закону право наказывать ученика, что, будучи вполне естественнымъ въ ремеслѣ, на фабрикахъ будетъ имѣть результатомъ то, что каждый старшій рабочій будетъ бить несовершеннолѣтнихъ рабочихъ. Доводы крупныхъ промышленниковъ возымѣли свое дѣйствіе: Рейхстагъ не только согласился со Штуммомъ, но пошелъ даже дальше и, по предложенію національ-либераловъ и свободомыслящихъ, вовсе устранилъ это предположеніе, не оставивъ его даже по отношенію къ ремесленнымъ предпріятіямъ, т. к., по словамъ Бассерманна и Рихтера, на основаніи конкретныхъ обстоятельствъ всегда легко рѣшить, является-ли данное лицо ученикомъ или нѣтъ, а вышеуказанное опредѣленіе можетъ вызвать лишь недоразумѣнія ³⁾. Это предложеніе либеральныхъ

¹⁾ Böttger, «Geschichte» стр. 169.

²⁾ Stenogr. Berichte, Сессія 189⁵/₇ г. засѣданіе 235, 23 июня 1907 г.

³⁾ Stenogr. Berichte, loc. cit

Партіей было принято безъ возраженій: даже социаль-демократы, признававшіе вышеуказанное постановленіе проекта весьма желательнымъ ¹⁾, почему-то не сочли нужнымъ выступить на его защиту. Такимъ образомъ, въ результатѣ германское законодательство вновь осталось безъ всякаго опредѣленія ученичества.

Наше русское законодательство также не даетъ опредѣленія ученичества ни въ Уставѣ о Промышленности, ни въ Уставѣ Торговомъ, ни въ томъ X-омъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ опредѣленіи ученичества въ различныхъ законодательствахъ. Попытаемся теперь, подвергнувъ анализу и критикѣ постановленія, даваемыя законодательствами, дать научное опредѣленіе промысловаго ученичества.

1) Прежде всего, какъ мы уже выше говорили ²⁾, ученичество является отношеніемъ, основаннымъ на договорѣ. Это прямо указывается въ опредѣленіяхъ, даваемыхъ французскимъ и швейцарскимъ законодательствами. Другія законодательства также указываютъ на договорный характеръ ученичества, трактуя, напимѣръ, о способахъ заключенія или прекращенія „договора ученичества“ ³⁾.

2) Ученичество является договоромъ двустороннимъ, такъ какъ каждая изъ сторонъ несетъ извѣстныя обязанности по отношенію къ своему контрагенту.

Обязанность одной стороны, какъ уже показываетъ самое названіе даннаго договора, состоитъ въ обученіи ученика какой-нибудь промышленной дѣятельности, понимая подъ послѣдней, какъ мы выше говорили ⁴⁾, за нѣкоторыми исключениями, только обрабатывающую промышленность, а не всякую профессію, имѣющую цѣлью приобрѣтеніе благъ. Поэтому ученичество торговое не подходитъ подъ понятіе промысловаго ученичества, хотя по природѣ своей эти договоры аналогичны.

¹⁾ См. рѣчь Грилленбергера въ Sten. Ber. Band VII стр. 5413 и сл.

²⁾ См. выше стр. 4.

³⁾ См. напимѣръ ст. 417-ую Устава о Пром., § 126-в Gew. Ordn. f. d. D. Reich. и т. п.

⁴⁾ См. выше стр. 4.

Вопросъ о взаимномъ соотношеніи этихъ двухъ видовъ ученичества законодательствами разрѣшается различно. Одни законодательства, какъ напримѣръ швейцарское, соединяютъ торговое и промышленное ученичество въ одинъ институтъ и подчиняютъ ихъ одной и той-же регламентации¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ только одинъ видъ договора ученичества. Наоборотъ, французское право совершенно не знаетъ договора торговаго ученичества и регламентируетъ только ученичество промышленное. Это видно изъ статьи 1-ой закона 1851-го года, прямо указывающей, что учителемъ въ договорѣ ученичества является „fabricant, chef d'atelier et ouvrier“. Такое исключеніе для торговыхъ учениковъ, по мнѣнію Lagrèmondie²⁾, объясняется не сознательнымъ намѣреніемъ законодателя изъять ихъ отъ дѣйствія закона 1851-го г., а чисто редакціонной ошибкой. Это видно, по словамъ указанного юриста, изъ того, что во всѣхъ законодательныхъ подготовительныхъ работахъ къ закону 1851-го г.—и въ проектѣ Reurin, и въ проектѣ Comité du travail, и, наконецъ, въ проектѣ, легшемъ въ основу даннаго закона,—всюду къ словамъ „fabricant, chef d'atelier et ouvrier“ было присоединено и слово „marchand“, и только въ окончательномъ текстѣ, предложенномъ законодательному собранію, это послѣднее слово исчезло безъ всякихъ объясненій, причѣмъ никто и не замѣтилъ его исчезновенія. Lagrèmondie вполне правильно замѣчаетъ, что если-бы здѣсь имѣло мѣсто не ошибка, а сознательное исключеніе, то невѣроятно, чтобы никто изъ депутатовъ, которымъ были знакомы, конечно, подготовительныя работы, не затребовалъ объясненій по этому вопросу. Поэтому, по мнѣнію даннаго юриста, слѣдовало-бы примѣнять законъ 1851-го года и къ торговымъ ученикамъ, т. к. это соответствовало-бы вполне намѣренію законодателя. Однако французская практика единодушно держится буквального толкованія § 1 зак. 1851-го г. и исключаетъ торговыхъ учени-

¹⁾ Bern § 1, Basel-St. § 4, Schwyz § 1, Freiburg § 1 и др.

²⁾ J. de Lacoste Lagrèmondie, «Le contrat d'apprentissage» 1906 г. стр. 42; такое-же мнѣніе высказано было L. Courcelle въ «Traité de législation ouvrière» 1902 г. стр. 8.

ковъ изъ дѣйствія даннаго закона, опираясь, между прочимъ, и на то, что въ противномъ случаѣ купцы должны были-бы быть подсудны и Conseils de prud'hommes, что представляло бы явленіе ненормальное.

Аналогичное положеніе вещей существовало и въ Германіи при дѣйствіи Торговаго Уложенія 1861-го года. Въ это время нормы о промышленномъ учениствѣ къ торговому ученичеству не примѣнялись. Торговое-же Уложеніе, за исключеніемъ единственнаго спеціальнаго для учениковъ постановленія о срокѣ договора, во всемъ остальномъ сливало ихъ съ приказчиками. Новый порядокъ вещей создало Торговое Уложеніе 1897-го года: оно обособило понятіе торговаго ученика отъ понятія приказчика и создало для торговаго ученичества свою детальную регламентацию. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ Германіи промышленное ученичество и торговое являются совершенно самостоятельными институтами, подчиненными различнымъ юридическимъ нормамъ. Но, какъ-бы въ воспоминаніе о прежней связи понятія торговаго ученика съ понятіемъ приказчика, торговое ученичество отличается по германскому праву отъ промышленнаго не только предметомъ обученія, но и тѣмъ, что въ торговомъ учениствѣ полученіе ученикомъ извѣстнаго денежнаго вознагражденія за свой трудъ является необходимымъ¹⁾, тогда какъ въ промышленномъ учениствѣ его можетъ и не существовать, и даже, наоборотъ, ученикъ можетъ платить мастеру особую плату за ученіе. Изъ этого видно, что въ промышленномъ учениствѣ обученіе играетъ, по мнѣнію законодателя, болѣе важную роль, чѣмъ въ торговомъ, гдѣ на первый планъ, какъ-бы выступаетъ трудъ ученика. Такое-же обособленіе торговаго ученичества отъ промышленнаго существуетъ и въ Австріи.

Что касается до русскаго права, то оно въ вопросѣ о соотношеніи ученичества торговаго и промышленнаго примыкаетъ къ системѣ, принятой французскимъ правомъ (вѣрнѣе практикой) и германскимъ уложеніемъ 1861-го года: оно

¹⁾ Н. Г. В. § 59.

регламентирует промышленное ученичество в Уставѣ о Промышленности, а торговому ученичеству посвящаетъ всего 2 статьи в Уставѣ Торговомъ, изъ которыхъ одна (ст. 30) постановляетъ, что къ торговымъ ученикамъ примѣнимы правила о приказчикахъ, установленныя в Уставѣ Торговомъ, что, конечно, исключаетъ возможность примѣненія къ торговому ученичеству постановленій Устава о Промышленности. Такимъ образомъ, по русскому праву торговые ученики в сущности не считаются учениками, а признаются тѣми-же приказчиками, т. е. лицами служащими по личному найму, моментъ-же обученія законодателемъ здѣсь совершенно игнорируется. Поэтому предметомъ обученія в договорѣ ученичества у насъ в Россіи является исключительно дѣятельность промышленная.

Относительно дальнѣйшаго выясненія обязанности учителя в договорѣ промысловаго ученичества нужно отмѣтить, что французскими юристами *Naum et Perin* ¹⁾ было высказано мнѣніе о необходимости включенія в опредѣленіе даннаго договора указанія на то, какъ долженъ учитель обучать ученика—именно „полно и постепенно“ (*completement et progressivement*). Но, съ нашей точки зрѣнія, включеніе в опредѣленіе ученичества этихъ двухъ признаковъ не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Всякое обученіе, разъ оно ведется надлежащимъ образомъ, предполагаетъ извѣстную постепенность в переходѣ отъ болѣе простыхъ вещей къ болѣе сложнымъ, а потому включеніе признака постепенности обученія совершенно излишне ²⁾, какъ излишне включеніе в опредѣленіе всякаго другого договора словъ, что стороны должны надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности. Что же касается до признака „полноты“ обученія, то онъ является не только излишнимъ, но и неяснымъ, а потому могущимъ повлечь за собой неправильное представленіе объ ученичествѣ. Такъ, если подъ этимъ требованіемъ понимать, что учитель, при обученіи какой-либо работѣ, долженъ показать ученику всѣ необходимыя для исполненія ея приемы и вообще обучить его всему тому, чему онъ взялся его обучить,

¹⁾ *Naum et Perin*, стр. 30—31.

²⁾ Также полагаетъ и *Lareymondie*, стр. 39.

то это само собой подразумѣвается, такъ какъ иначе учитель исполнилъ бы свою обязанность ненадлежащимъ образомъ, также какъ, напримѣръ, учитель, взявшій на себя обязанность обучать ребенка грамотѣ и научившій его всѣмъ буквамъ, кромѣ буквы „а“. Если-же понимать подъ полнотой обученія обязанность мастера обучить ученика всей данной профессіи, во всей ея совокупности, то это будетъ совершенно нецѣлесообразнымъ исключеніемъ изъ понятія ученичества всѣхъ, весьма многочисленныхъ в жизни случаевъ, когда учитель беретъ научить ученика той или другой специальной части данной промышленности.

Несравненно болѣе важнымъ для опредѣленія понятія ученичества является выясненіе вопроса, обязанъ ли мастеръ „обучить“ ученика данной профессіи, или-же только „обучать“ его, иными словами направленъ-ли договоръ на извѣстный результатъ труда учителя, или-же на его трудъ, какъ таковой. Рѣшеніе этого вопроса в томъ или другомъ смыслѣ имѣетъ то значеніе, что если мастеръ взялъ на себя обязанность „обучить“ ученика извѣстной профессіи, то этимъ самымъ онъ беретъ на себя отвѣтственность за то, что ученикъ дѣйствительно получитъ надлежащія знанія, наоборотъ, если мастеръ обязуется лишь „обучать“ ученика, то это означаетъ, что онъ обязанъ только надлежащимъ образомъ вести обученіе, но никакой отвѣтственности за то, что ученикъ дѣйствительно усвоитъ себѣ надлежащія свѣдѣнія, учитель на себя не беретъ. В литературѣ по этому вопросу господствуетъ разногласіе. Большинство нѣмецкихъ юристовъ держится взгляда, что учитель обязанъ „обучить“ ученика. Сторонниками этой точки зрѣнія являются: *Kauser* ¹⁾, *Staudinger* ²⁾, *K. Friedemann* ³⁾, *Riezler* ⁴⁾, *Crome* ⁵⁾ и нѣк. другіе. Представите-

¹⁾ *P. Kauser*, «*Gewerbeordnung f. d. Deutsche Reich*» 1901 г. прим. № 9 къ § 126.

²⁾ *Staudinger*, «*Komm. zu B. G. B.*» Band II стр. 409.

³⁾ *K. Friedemann*, «*Die Abgrenzung des Werkvertrages von verwandten Verträgen nach d. B. G. B.*» 1904 г. стр. 71.

⁴⁾ *Riezler*, «*Der Werkvertrag nach d. B. G. B.*» 1900 г. стр. 20.

⁵⁾ *Crome*, «*System des d. burgerl. Rechts.*» Band II 1902 г. стр. 671—672.

лями противоположнаго взгляда являются Dunger ¹⁾ и Н. Lehmann ²⁾: они указываютъ, что учитель вовсе не беретъ обычно на себя отвѣтственность за то, что ученикъ приобрѣтетъ известное количество знаній, ссылаясь на то, что договоръ ученичества заключается на опредѣленный срокъ, а также на существованіе пробнаго періода, что, по ихъ мнѣнію, не согласуется съ принятіемъ учителемъ на себя отвѣтственности за результатъ обученія. Что-же касается до французскихъ юристовъ, то опредѣленнаго отвѣта на данный вопросъ мы у нихъ не находимъ, — только Р. Ріс, повидимому, склоняется къ первому изъ указанныхъ нами рѣшеній ³⁾. Единственный изъ русскихъ юристовъ, занимавшійся вопросомъ объ ученичествѣ, — Федоровъ, наоборотъ, даетъ основаніе полагать, что онъ придерживается второй точки зрѣнія, неоднократно говоря, что мастеръ обязанъ „обучать“ ученика ⁴⁾.

Чтобы рѣшить, которая изъ двухъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія является болѣе правильной, необходимо прежде всего установить тѣ признаки, по которымъ можно было-бы опредѣлить, обязанъ ли учитель въ договорѣ промысловаго ученичества по законодательству данной страны „обучить“ или только „обучать“ ученика известной профессіи. Dunger и Н. Lehmann такими признаками, какъ мы выше указывали, считаютъ, между прочимъ, срочность договора ученичества и наличность пробнаго періода, въ теченіе котораго каждая сторона можетъ свободно расторгнуть договоръ. Съ этимъ мнѣніемъ, однако, мы не можемъ согласиться: теоретически рѣшительно нѣтъ ничего несообразнаго въ томъ, что лицо обязывается достичь известныхъ результатовъ къ опредѣленному сроку, или, принимая на себя отвѣтственность за результатъ своихъ трудовъ, въ то-же самое время получаетъ право въ теченіе опредѣленнаго пробнаго періода предварительно выяснить, въ состояніи-ли оно при данныхъ конкретныхъ, независимыхъ отъ него условіяхъ, достичь этихъ результатовъ, или нѣтъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, крите-

¹⁾ Dunger, «Das Recht des Handlungslehrlings» 1906 г. стр. 34.

²⁾ Н. Lehmann, «Das Recht d. Handlungslehrlinge» 1904 г. стр. 11.

³⁾ Р. Ріс, стр. 897—898.

⁴⁾ Федоровъ, стр. 410, 439 и др.

ріумомъ въ данномъ вопросѣ, долженъ считаться иной признакъ, и именно характеръ соотношенія между вознагражденіемъ учителя за его труды и достиженіемъ намѣченнаго результата обученія: если договоръ былъ направленъ на то, чтобы учитель „обучилъ“ ученика, то, естественно, мастеръ долженъ считаться исполнившимъ свою обязанность и заслужившимъ право на вознагражденіе лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ установлено, что ученикъ дѣйствительно приобрѣлъ все нужныя познанія; наоборотъ, если учитель обязался только „обучать“ ученика, то разъ онъ добросовѣстно обучалъ его, однимъ этимъ онъ уже исполнилъ свою обязанность и имѣетъ право на вознагражденіе независимо отъ того, приобрѣлъ-ли ученикъ изъ этого обученія какія-нибудь познанія, или нѣтъ. Логическимъ слѣдствіемъ этой связи между правомъ на вознагражденіе и достиженіемъ известныхъ результатовъ обученія является также необходимость, въ случаѣ, если договоръ направленъ на результатъ труда, установленія какого-нибудь способа провѣрки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, достигнуть этого результата или не достигнуть, такъ какъ было-бы страннымъ обязываться платить учителю вознагражденіе за то, что онъ обучилъ ученика чему-либо, и въ то-же время не установить никакого критеріума для выясненія обучилъ-ли его учитель тому, что требовалось.

И вотъ, примѣняя данный критеріумъ къ различнымъ законодательствамъ, мы должны относительно ученичества во Франціи и въ Россіи признать, что здѣсь обязанность учителя состоитъ въ томъ, чтобы онъ „обучалъ“ ученика. Это видно уже изъ одного того, что никакихъ испытаній познаній ученика по окончаніи ученичества здѣсь не существуетъ: это ясно указываетъ, что результатамъ обученія законодатель вовсе не придаетъ того значенія, какое они должны были-бы имѣть, если-бы мастеръ обязывался „обучить“ ученика. Но и въ тѣхъ странахъ, гдѣ подобныя испытанія для учениковъ законодательствомъ предусматрѣны, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи, Австріи и Швейцаріи, тѣмъ не менѣе вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ томъ-же смыслѣ, какъ и относительно ученичества во Франціи и Россіи. Причина лежитъ въ томъ, что, устанавливая испытанія для учениковъ, вышеуказанныя законодательства не придали имъ того значенія, какое слѣдовало-бы

придать, если-бы договоръ ученичества былъ направленъ на достиженіе опредѣленныхъ результатовъ обученія,—именно не установили, что въ случаѣ неудачнаго исхода испытанія мастеръ долженъ считаться неисполнившимъ принятой на себя обязанности и обязанъ поэтому вернуть ученику полученную отъ него плату за ученіе и вознаградить ученика за его трудъ въ пользу мастера во время обученія, за вычетомъ издержекъ на содержаніе ученика. А такъ какъ подобная отвѣтственность за результатъ труда, будучи весьма тяжелой, предполагаться не можетъ, а существуетъ лишь въ томъ случаѣ, когда прямо установлена въ законѣ, то остается признать, что даже въ случаѣ плохого исхода испытанія ученикъ можетъ требовать отъ мастера вознагражденія, только доказавъ, что мастеръ плохо „обучалъ“ его, а не можетъ ограничиться одной ссылкой на недостиженіе результата, предоставляя уже мастеру доказывать, что плохой исходъ испытанія произошелъ не по его винѣ. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что и въ Австріи, Германіи и Швейцаріи учитель обязывается только „обучать“ ученика, если, конечно, стороны въ договорѣ не обусловили иную отвѣтственность для учителя.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію обязанностей ученика по отношенію къ учителю. При изученіи исторіи промысловаго ученичества мы видѣли, что главной обязанностью ученика при цеховомъ строѣ была обязанность его работать на мастера,—учениковъ, которые бы не предоставляли свой трудъ въ распоряженіе учителя, цеховой строй не звалъ. И мы видимъ, что нѣкоторые современныя законодательства, какъ, напримѣръ, французское, въ своемъ опредѣленіи ученичества, прямо указываютъ на эту обязанность ученика, какъ на характерную черту даннаго договора ¹⁾. Однако это положеніе далеко не является въ настоящее время безспорнымъ. Въ литературѣ существуетъ довольно много представителей того мнѣнія, что обязанность ученика работать на мастера вовсе не является необходимымъ элементомъ понятія договора промысловаго ученичества, и что ученичество будетъ на лицо и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обязанности ученика исчерпываются

¹⁾ Законъ 1851 г. art. 1.

уплатой мастеру опредѣленнаго денежнаго вознагражденія. Изъ французскихъ юристовъ эту точку зрѣнія высказалъ Р. Піс, утверждавшій, что опредѣленіе ученичества, данное закономъ 1851-го года, является неполнымъ, т. е. вознагражденіе учителя за обученіе не всегда заключается въ трудѣ ученика, а можетъ состоять и въ уплатѣ ученикомъ опредѣленной денежной суммы ¹⁾. Такого-же мнѣнія держатся Debole ²⁾, Fouquè ³⁾ и Lareymondie ⁴⁾, а изъ нѣмецкихъ авторовъ—Mandry ⁵⁾. Но вышеизложенная точка зрѣнія не можетъ быть признана правильной не только относительно французскаго права, въ самомъ опредѣленіи договора ученичества ясно указывающаго, что обязанность ученика работать для учителя является однимъ изъ необходимыхъ элементовъ понятія ученичества ⁶⁾, но и относительно другихъ законодательствъ, гдѣ хотя такого указанія въ опредѣленіи ученичества и не имѣется, но оно все-же ясно вытекаетъ изъ цѣлаго ряда другихъ постановленій закона. Такъ, германское законодательство прямо причисляетъ учениковъ къ промышленнымъ рабочимъ, помѣщая нормы объ ученичествѣ въ титулѣ VII Gew. Ord., трактующемъ о „Gewerbliche Arbeiter“, и перечисляя въ самомъ заглавіи титула, что къ таковымъ относятся: Gesellen, Gehilfen, Lehrlinge, Betriebsbeamte, Werkmeister и т. п. Кроме того, и самая регламентація ученичества проникнута взглядомъ на ученика, какъ на лицо, работающее на мастера,—напримѣръ, законъ запрещаетъ обременять ученика непосильными работами, заставляя его черезчуръ много времени удѣлять домашнимъ работамъ и т. п., что, ясно, не можетъ относиться къ тѣмъ случаямъ, когда ученикъ не обязанъ работать на мастера. Такія-же указанія имѣются и въ законодательствахъ австрійскомъ ⁷⁾ и швей-

¹⁾ P. Pic, стр. 897—898.

²⁾ Debole, стр. 87.

³⁾ Fouquè, «La crise de l'apprentissage et les progrès de l'enseignement professionnel» 1900 г. стр. 29.

⁴⁾ Lareymondie, стр. 81—82.

⁵⁾ Mandry, «Der civilrechtliche Inhalt d. Reichsgesetze» 1898 г. стр. 480.

⁶⁾ Такого-же мнѣнія держится и французская судебная практика—см. Frèrejouan du Saint, «Code annoté de la législation ouvrière» 1908 г. стр. 27.

⁷⁾ E. Heller, «Das österreichische Gewerberecht» 1908 г. стр. 810.

царскомъ ¹⁾). Что по дѣйствующему русскому праву также обязанность ученика работать на мастера является необходимымъ признакомъ договора ученичества, видно, хотя-бы, изъ статьи 421-ой Устава о Пром., гласящей, что если ученикъ къ обученію окажется непригоднымъ, и учитель не увѣдомитъ объ этомъ лицо, отдавшее ученика въ обученіе, то онъ обязанъ за все время бытности ученика заплатить отдавшему его въ обученіе столько, сколько-бы работникъ въ теченіе того времени могъ пріобрѣсти платы; относительно торговыхъ учениковъ этотъ взглядъ сказывается въ томъ, что статья 30-ая Уст. Торг. распространяетъ на торговыхъ учениковъ нормы о наймѣ приказчиковъ. И точка зрѣнія, принятая дѣйствующими законодательствами, намъ кажется несомнѣнно болѣе правильной, чѣмъ та, которую поддерживаютъ вышеозначенные юристы: то обстоятельство, что ученикъ является обязаннымъ работать на своего учителя, является, именно, характерной чертой промышленнаго ученичества,—ей объясняется и социальное значеніе ученичества, ей вызвана и регламентація ученичества законодательствомъ, и ей-же объясняется самый характеръ этой регламентаціи. Отнимите этотъ признакъ, и получится такой-же договоръ обученія, какъ и договоръ обученія музыкѣ, пѣнію, арифметикѣ и т. п., т. е. простой договоръ найма или подряда, для котораго вся существующая специальная регламентація ученичества окажется совершенно непригодной и ненужной. Между положеніемъ сторонъ въ договорѣ, гдѣ мастеръ является нанявшимся, и обязанностью ученика исчерпывается платежомъ денегъ за ученіе, и положеніемъ сторонъ въ договорѣ, гдѣ ученикъ обязанъ работать на учителя, разница столь велика, что соединять эти два вида договоровъ, совершенно различныхъ и по юридической природѣ и по социальному значенію, въ одинъ юридическій институтъ было-бы глубоко неправильнымъ.

Итакъ, главной обязанностью учителя является обязанность обучать ученика, а главной обязанностью ученика является предоставленіе имъ своего труда въ распоряженіе учителя. Но для уясненія сущности ученичества недостаточно

¹⁾ См. напр. законы: Basel § 21, Freiburg § 12, Genf § 15, и др.

одного указанія на эти взаимныя обязанности сторонъ; необходимо еще подчеркнуть, что онѣ не являются дѣйствіями другъ отъ друга обособленными, а находятся между собой въ неразрывной связи: ученикъ работаетъ, обучаясь, а мастеръ обучаетъ ученика на практикѣ во время его работы. Эта связь, на которую совершенно правильно указалъ, какъ на существенную черту договора промысловаго ученичества, германскій Oberverwaltungsgericht ¹⁾, объясняется тѣмъ, что обязанность ученика работать является не самостоятельной обязанностью его, а лишь слѣдствіемъ практическаго характера обученія. Поэтому, напримѣръ, если одно лицо обязывается распиливать и строгать для столяра доски, за что столяръ обязывается научить его, какъ нужно сдѣлать стулья и столы для его хозяйства, то такой договоръ, за отсутствіемъ связи между обученіемъ и работой ученика, ученичествомъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, признанъ быть не можетъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ главныхъ обязанностей, стороны нерѣдко принимаютъ на себя по соглашенію и другія: такъ очень часто учитель обязывается содержать ученика или платить ему небольшую заработную плату, или, наоборотъ, ученикъ обязывается платить учителю денежную плату за обученіе. Но всѣ эти обязанности не являются необходимыми признаками договора промысловаго ученичества, какъ это и общепризнано въ литературѣ и практикѣ ²⁾. Австрійскій законодатель счелъ нужнымъ даже прямо подчеркнуть этотъ фактъ въ самомъ опредѣленіи ученичества, введя въ него слова „ohne Unterschied ob ein Lehrgeld vereinbart ist oder nicht, und ob Lohn gezahlt wird oder nicht“, но подобное постановленіе является совершенно неправильнымъ, такъ какъ въ опредѣленіи должны быть указаны лишь тѣ признаки, которые дѣйствительно являются характерными для опредѣляемаго явленія, перечисленіе же всѣхъ тѣхъ при-

¹⁾ Рѣшеніе 5-го марта 1898 г. (см. Preuss. Verwaltungsblatt, XIX, 426.

²⁾ P. Pic, стр. 397—398; Hoffmann, «Die Gewerbeordnung f. d. Deutsche Reich» 1907 г. прим. 2 стр. 339; Kayser, прим. 6 къ § 126; Maudry, стр. 480; Dernburg, «Lehrbuch d. Preuss. Privatrechts» B. II 1897 г. § 194; Contra рѣшеніе французскаго суда въ Дье, признавашаго, что ученикъ есть рабочій, получающій платы (см. Fréjeouan du Saint, стр. 27).

знаковъ, которые являются по отношенію къ данному явленію безразличными, не соотвѣтствуетъ требованіямъ логики. Поэтому, въ данномъ отношеніи французскій законодатель, не упоминая въ опредѣленіи ученичества вовсе о платежѣ *Lehrgeld* или *Lohn* и самымъ молчаніемъ указывая, что эти признаки не являются необходимыми для понятія ученичества, поступаетъ вполне правильно.

3) Французское право, кромѣ указанныхъ нами выше признаковъ ученичества, указываетъ еще на одинъ, относящійся къ самой личности учителя, перечисляя, что послѣднимъ можетъ быть „*un fabricant, un chef d'atelier ou un ouvrier*“. Пикъ ¹⁾ считаетъ это перечисленіе недостаточнымъ и предлагаетъ вышеприведенныя слова замѣнить выраженіемъ „лицо, занимающееся или занимавшееся промышленной дѣятельностью“. Поправку Пика поддерживаетъ и Деболо ²⁾. Поправка эта, съ точки зрѣнія названныхъ юристовъ, является логическимъ слѣдствіемъ ихъ мнѣнія, что обязанность ученика въ договорѣ ученичества можетъ состоять не въ работѣ ученика, а въ уплатѣ опредѣленной денежной суммы, такъ какъ въ этомъ случаѣ учителемъ можетъ быть и лицо, не занимающееся болѣе самою данной промышленной дѣятельностью, но, съ нашей точки зрѣнія, поправка является неприемлемой, такъ какъ мы выше указывали, что ученикъ обязанъ всегда работать на учителя, а это возможно только тогда, когда учитель продолжаетъ заниматься промышленностью. И не только во французскомъ, но и въ другихъ законодательствахъ мы встрѣчаемъ указанія на то, что учителемъ является лицо „занимающееся“, а не „занимавшееся“ промышленностью. Такъ, въ опредѣленіяхъ понятія ученика, даваемыхъ кантональными законами, всюду говорится объ обученіи „*in handwerk=oder fabrikmässigen Betriebe oder nach kaufmännischer Art geführten Geschäfte*“. Нѣкоторые-же законы, какъ напр. Фрейбургскій ³⁾ и Валлисскій ⁴⁾, еще яснѣе подчеркиваютъ это обстоятельство, опредѣляя договоръ ученичества, какъ соглашеніе, по кото-

¹⁾ Pic, стр. 897—898.

²⁾ Debole, стр. 87.

³⁾ Законъ 1905 г. § 4.

⁴⁾ Законъ 1903 г. § 7.

рому „eine Person, die einen gewerblichen oder kaufmännischen Beruf ausübt“... Австрійскій законодатель также говоритъ, что ученикъ поступаетъ въ обученіе къ „*Gewerbetreibender* ¹⁾“, а въ германскомъ правѣ эта мысль подчеркивается, напримѣръ, въ статьѣ, говорящей, что договоръ ученичества долженъ быть подписанъ „*von dem Gewerbetreibenden*“ и ученикомъ или ихъ представителями ²⁾. Несомнѣнно, что и русское право, говоря объ ученичествѣ имѣетъ въ виду мастера, занимающагося ремесломъ: въ частности это сказывается въ статьѣ 401-ой Уст. Пром., говорящей, что вдовѣ, „пожелавшей продолжать мужнино ремесло“, дозволяется имѣть подмастерьевъ и учениковъ.

Но вышеуказанное опредѣленіе французскаго права, что учителемъ является „*un fabricant, un chef d'atelier ou un ouvrier*“, указываетъ и на то, что для понятія ученичества безразлично, обучается-ли ученикъ въ крупномъ или въ ремесленномъ предпріятіи. Указаніе это имѣетъ существенное значеніе потому, что ученики, ранѣе обучавшіеся исключительно въ ремесленныхъ предпріятіяхъ, съ развитіемъ крупной промышленности появляются и на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ обученіе ихъ поручалось болѣе опытнымъ изъ рабочихъ. Правда, въ значительномъ числѣ случаевъ обученіе это сводилось просто къ обученію нѣсколькимъ несложнымъ приемамъ, необходимымъ для работы при машинахъ, такъ что въ сущности подъ именемъ учениковъ здѣсь фигурировали обыкновенные несовершеннолѣтніе рабочіе, тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ, конечно, обученіе дѣйствительно могло имѣть мѣсто въ полномъ смыслѣ этого слова. И вотъ французское законодательство, разрывая съ традиціями цехового строя, въ вышеуказанномъ опредѣленіи постановило, что ученичество на фабрикахъ и заводахъ является по своей природѣ такимъ-же ученичествомъ, какъ и обученіе у ремесленниковъ, и подлежитъ одной и той-же регламентаціи. Примѣру французскаго права послѣдовали и другія западныя законодательства, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, германское право, подводя подъ понятіе

¹⁾ § 97 Gew. Ordn.

²⁾ § 126 b Gew. Ordn.

ученичества и обучение въ крупной промышленности, однако выдѣляютъ ремесленное ученичество въ особую катеторію, устанавливая для него рядъ специальныхъ постановлений. Прямую противоположность западнымъ законодательствамъ представляетъ въ этомъ отношеніи наше русское право, которое, вѣрное традиціямъ цехового строя, допускаетъ ученичество только въ ремеслѣ. Это видно какъ изъ того, что оно регламентируетъ только ремесленное ученичество, такъ и изъ цѣлаго ряда статей Устава Пром.. Такъ статья 387-ая прямо говоритъ, что называться мастеромъ и имѣть учениковъ запрещается въ городѣ, гдѣ даннаго ремесла цехъ утвержденъ, всѣмъ тѣмъ, кто не имѣетъ аттестата технического или ремесленнаго учебнаго заведенія, или не учился у записного ремесленнаго мастера и не имѣетъ Управнаго свидѣтельства. Это постановленіе дополняется, во первыхъ, примѣчаніемъ къ ст. 464-ой, по которой даже лица, пріобрѣвшія званіе мастера, гдѣ они посылаются въ городахъ, гдѣ нѣтъ цехового устройства, могутъ держать только ремесленныхъ работниковъ, а не подмастерьевъ и учениковъ, а, во вторыхъ, примѣчаніемъ къ ст. 387-ой, разрѣшающимъ купцамъ первой и второй гильдіи заниматься разными цеховыми ремеслами и для сего держать столько работниковъ и учениковъ, сколько сами пожелаютъ неограниченно, принадлежа однако же по ремесламъ своимъ къ цехамъ, сообразно существующимъ узаконеніямъ. Изъ всѣхъ этихъ постановленій вытекаетъ, что держать учениковъ можно только въ цеховыхъ отрасляхъ промышленности, а такъ какъ къ послѣднимъ относятся только ремесла, но не фабричная и заводская промышленность, то слѣдовательно и ученичество въ послѣдней не существуетъ,—тамъ работаютъ только рабочіе, взрослые или несовершеннолѣтніе, но не ученики.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что опредѣленіе ученичества, данное французскимъ законодательствомъ, для русскаго права непригодно, и что для того, чтобы выяснитъ понятіе ученичества, у насъ необходимо установить понятіе ремесла, такъ какъ только тогда можно будетъ знать, является-ли данное лицо по русскому праву ученикомъ и подлежитъ ли оно дѣйствию нормъ объ ученичествѣ или нѣтъ. Этотъ вопросъ объ опредѣленіи понятія ремесла въ отличіе отъ фабрично-заводской промышленности, впрочемъ, имѣетъ существенное значеніе и для западныхъ законодательствъ. Такъ, напримѣръ,

въ Германіи, только установивъ понятіе ремесла, можно рѣшить, является-ли данный ученикъ ремесленнымъ, и примѣнимы ли къ нему нормы, установленныя специально для ремесленныхъ учениковъ; кромѣ того, послѣ изданія закона 1897-го года, создавшаго для ремесла особую организацію, въ жизни постоянно стали возникать сомнѣнія, должно ли данное предпріятіе быть отнесено къ ремесленнымъ и участвовать въ платежѣ взносовъ въ цехи и ремесленные камеры, или-же оно, какъ предпріятіе фабричное, отъ этой обязанности свободно. Но, несмотря на всю необходимость установленія опредѣленнаго критеріума въ данныхъ случаяхъ, германскій законодатель отъ разрѣшенія этого вопроса уклонился. Произошло это не случайно, а совершенно сознательно. При обсужденіи закона 1897-го года въ Рейхстагѣ прямо было заявлено, что дать въ законѣ точное опредѣленіе фабрики и ремесла невозможно. Тѣ признаки, которые обычно считаются свойственными понятію фабрики, именно, пользованіе машинами и большое число рабочихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть присущими и предпріятіямъ, должествующимъ быть признанными ремесленными; цѣлесообразнѣе поэтому предоставить судамъ разрѣшать данный вопросъ, сообразно съ обстоятельствами каждаго конкретнаго случая. Эту же точку зрѣнія развилъ Министръ Торговли и Промышленности въ 1903-ьемъ году въ засѣданіи прусской Палаты депутатовъ, указавъ, что хотя установить чисто механически отличіе ремесла отъ фабрики трудностей не представляетъ, но всякое такое опредѣленіе будетъ чисто произвольнымъ, почему министръ полагаетъ болѣе правильнымъ и на будущее время предоставить рѣшеніе даннаго вопроса администраціи и судамъ. Предоставленная, поэтому, всецѣло самой себѣ, германская судебная практика въ лицѣ Reichsgericht, установила слѣдующіе главные признаки фабричнаго предпріятія: 1) раздѣленіе труда между предпринимателемъ и рабочими—первый беретъ на себя торговую сторону въ веденіи дѣла, работа вторыхъ имѣетъ исключительно техническій характеръ; 2) значительное количество постоянно занятыхъ въ предпріятіи рабочихъ; 3) концентрація производства въ опредѣленныхъ мастерскихъ значительной величины; 4) крупные размѣры производства; 5) раздѣленіе труда между рабочими и 6) широкое примѣненіе въ производствѣ механи-

ческих и ручных машин¹⁾. Но установивъ вышеприведенный перечень признаковъ, практика отнюдь не считала необходимымъ для понятія фабрики наличности всѣхъ этихъ признаковъ вмѣстѣ и въ то-же время не указывала, за которымъ изъ этихъ признаковъ надо признать рѣшающее значеніе. Она предоставляла опять таки суду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣлать выборъ изъ всей массы данныхъ признаковъ по своему усмотрѣнію, сообразно съ общимъ характеромъ даннаго предпріятія. Такимъ образомъ, въ сущности, Имперскій судъ не создалъ опредѣленія фабрики, а предоставилъ создавать это опредѣленіе суду, на основаніи того или иного изъ указанныхъ выше признаковъ, и въ результатѣ ни въ германскомъ правѣ ни въ германской судебной практикѣ сколько нибудь опредѣленнаго отграниченія фабрики отъ ремесла вовсе не оказалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ не получилось и точнаго критеріума, съ помощью котораго можно было-бы опредѣленно рѣшить, въ какомъ случаѣ могутъ быть примѣнены нормы, установленныя для ремесленнаго ученичества, и въ какомъ случаѣ это не должно имѣть мѣсто,—все зависитъ отъ усмотрѣнія суда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Подобная неопредѣленность имѣетъ на практикѣ слѣдствіемъ частія уклоненія многихъ предпринимателей отъ соблюденія по отношенію къ своимъ ученикамъ правилъ о ремесленномъ ученичествѣ, ссылаясь на то, что ихъ предпріятіе не ремесленное, а фабричное²⁾.

Аналогичное положеніе вещей существуетъ не только въ Германіи, но и въ другихъ государствахъ. Такъ во Франціи, хотя законъ 1841-го года и опредѣлялъ, что подъ „*usines et manufactures*“ слѣдуетъ понимать мелкія предпріятія съ механическими двигателями или работающія „*à feu continu*“, или имѣющія не менѣе 20-ти рабочихъ, и хотя Министерство Торговли въ 1885-мъ году подтвердило, что понятіе фабрики слѣдуетъ толковать въ этомъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе Кассационный судъ на практикѣ совершенно не считается съ вышеуказаннымъ опредѣленіемъ, рѣшая дан-

¹⁾ Landmann, Band I, стр. 708; Schlesinger, стр. 49 и слѣд.; Pape, «Beiträge zur Lösung d. Frage: Handwerk oder Fabrik» 1905 г. стр. 133.

²⁾ Pape, стр. 114.

ный вопросъ сообразно съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая¹⁾. То-же самое имѣетъ мѣсто и въ Австріи. Здѣсь въ законѣ также не дается опредѣленія фабрики или ремесленнаго предпріятія. Правда, Министерскій циркуляръ 1883-го года указалъ рядъ признаковъ отличающихъ фабрику отъ ремесла (болѣе 20 рабочихъ, машинное производство, исключительно распорядительная дѣятельность самаго хозяина, болѣе высокое налоговое обложеніе, внесеніе фирмы въ реестръ), но это постановленіе не имѣетъ характера закона, а представляетъ собой лишь разъясненіе, данное для руководства подлежащимъ учрежденіямъ, причѣмъ для рѣшенія вопроса, является-ли данное предпріятіе фабричнымъ или ремесленнымъ, не требуется ни наличности всѣхъ перечисленныхъ признаковъ ни котораго либо одного изъ нихъ, а все зависитъ отъ общаго характера даннаго предпріятія²⁾.

Наоборотъ, въ другихъ странахъ законодательства пытались дать опредѣленіе понятія фабрики. Швейцарскій законъ 1877-го года опредѣлялъ, что фабрикой надо считать всякое промышленное предпріятіе, гдѣ одновременно и постоянно работаетъ значительное количество рабочихъ въ опредѣленныхъ закрытыхъ помѣщеніяхъ, а не у себя на дому. Къ этому опредѣленію Союзный Совѣтъ въ 1891-омъ году присоединилъ еще слѣдующіе признаки: 1) наличность въ предпріятіи болѣе пяти рабочихъ, если производство ведется съ помощью механическихъ двигателей, или при наличности рабочихъ моложе 18-ти лѣтъ, или при известной опасности производства для жизни и здоровья рабочихъ; 2) наличность болѣе 10-ти рабочихъ при отсутствіи условій, указанныхъ въ первомъ пунктѣ, и 3) наличность необычайной опасности для здоровья и жизни рабочихъ, хотя бы общее число послѣднихъ было менѣе 6-и человекъ.

У насъ въ Россіи впервые опредѣленіе понятія фабрики въ отличіе отъ ремесла дано было въ Уставѣ Цеховъ Императора Павла I. Отличіе это, по словамъ законодателя, состояло въ томъ: 1) что фабрика имѣетъ право дѣлать изъ своихъ матеріаловъ вещи, въ которыхъ матеріаль многократно

¹⁾ Frèrejouan du Saint, стр. 114 прим. 2-ое.

²⁾ E. Heller, стр. 46.

стоит дороже, нежели работа, чего ремесленнику не дозволяется; 2) что фабрика имѣетъ право возить всюду вещи своего дѣла и торговать оными, а ремесленникъ только въ городѣ, гдѣ работаетъ; 3) что фабрика выписываетъ нужные ей матеріалы, а ремесленникамъ, кромѣ нѣкоторыхъ цеховъ, сего не дозволяется; 4) что фабрика можетъ мѣнять своего дѣла вещи на всѣ матеріалы, для разныхъ ея мастерствъ нужные, а ремесленники только для своего мастерства, но и то въ маломъ количествѣ; 5) что фабрика имѣетъ огромныя заведенія и машины, ремесленники-же, кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ, ничего другого не имѣютъ. Но, такъ какъ большинство вышеуказанныхъ признаковъ при современномъ положеніи промышленности являлось явно непригоднымъ для отличія фабрики отъ ремесленнаго предпріятія, то изъ всѣхъ ихъ въ дѣйствующемъ правѣ сохранился только послѣдній, на который указываютъ статьи 2-ая и 279-ая Уст. о Пром.. Первая изъ этихъ статей говоритъ, что „мануфактуры, фабрики и заводы отличаются отъ ремеселъ тѣмъ, что имѣютъ въ большомъ видѣ заведенія и машины; у ремесленниковъ же нѣтъ ихъ, кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ“. Та-же мысль проводится и въ ст. 279-ой, говорящей, что „подъ именемъ ремеселъ разумѣются занятія, имѣющія предметомъ обработаніе вещей посредствомъ ручной работы“. Такимъ образомъ, вмѣсто цѣлаго ряда признаковъ, выставляемыхъ практикой германскаго Имперскаго суда и, на примѣръ, швейцарскимъ законодательствомъ, наше право, подобно англійскому¹⁾, проводитъ грань между фабрикой и ремесломъ на основаніи только одного признака — наличности или отсутствія пользованія при производствѣ механическими двигателями — машинами, которымъ противопоставляется ручная работа съ помощью ручныхъ машинъ и инструментовъ. Поэтому у насъ въ Россіи предпріятіе можетъ имѣть очень большіе размѣры, значительное число рабочих²⁾, производство можетъ быть основано на детальномъ раздѣленіи труда между рабочими, предпріятіе можетъ работать на рынокъ, а не на заказчиковъ, и тѣмъ не менѣе, разъ оно не поль-

¹⁾ Factory and Workshops Act 1878-го г.

²⁾ Это подтверждаетъ и примѣч. къ ст. 387-й Уст. о Пром..

зуется другими машинами, кромѣ ручныхъ и простыхъ инструментовъ, то оно должно быть признано ремесленнымъ и можетъ имѣть учениковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Поэтому и понятіе ремесленнаго ученика по русскому праву является инымъ, по сравненію съ западными законодательствами.

4) Обычно учениками являются лица несовершеннолѣтнія. На этомъ основаніи большинство швейцарскихъ кантональных законовъ признало несовершеннолѣтіе ученика отличительной чертой промысловаго ученичества, не считая, такимъ образомъ, учениками лицъ взрослыхъ, хотя-бы они такъ же обучались, какъ и несовершеннолѣтніе ученики¹⁾. Но ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Австріи такого суженія понятія ученичества не существуетъ. Правда, въ Австріи ремесленники домогаются, чтобы лица старше 18-ти лѣтъ не могли быть признаваемы учениками, что объясняется желаніемъ лишить крупныхъ промышленниковъ возможности для пріобрѣтенія правъ ремесленнаго мастера фиктивно записываться въ ученики²⁾, но это требованіе ремесленниковъ на практикѣ пока еще не осуществилось. Что касается нашего русскаго права, то оно въ данномъ случаѣ различаетъ промысловое ученичество отъ торговаго: въ то время, какъ относительно перваго никакихъ ограниченій законъ не устанавливаетъ, относительно торговыхъ учениковъ статьи 30—31 Устава Торговаго даютъ основаніе думать, что несовершеннолѣтній возрастъ является необходимымъ условіемъ ученичества. Но въ сущности такое различіе объясняется весьма просто тѣмъ, что наше законодательство никакой регламентаціи ученичества торговаго не даетъ и упоминаетъ о немъ, главнымъ образомъ, съ тѣмъ, что бы указать, что и къ несовершеннолѣтнимъ служащимъ въ торговыхъ заведеніяхъ примѣняются всецѣло нормы о наймѣ взрослыхъ приказчиковъ.

Таковы тѣ признаки, которыми характеризуется договоръ промысловаго ученичества. Поэтому, на основаніи всего вышесказаннаго мы можемъ опредѣлить промысловое учени-

¹⁾ См. Luzern § 1, Bern § 2, Wallis § 3, Freiburg § 1, Basel-St. § 4, Genf § 1.

²⁾ Adler, «Ueber die Lage des Handwerks» 1898 г. стр. 109.

чество по русскому праву, какъ договорное отношеніе, въ которомъ одно лицо обязывается обучать ученика на практикѣ определенному ремеслу, а ученикъ обязывается предоставить на все время обученія свой трудъ въ области изучаемой профессіи въ распоряженіе учителя.

Весьма спорнымъ въ наукѣ является вопросъ объ юридической природѣ договора ученичества. Вопросъ этотъ имѣетъ большое, не только теоретическое, но и практическое значеніе, такъ какъ очень часто въ случаѣ неполноты специальной регламентаціи ученичества является необходимымъ рѣшить, какія нормы гражданского права должны быть къ нему примѣняемы—нормы ли, трактующія о договорѣ личнаго найма, или посвященныя договору подряда, или какому нибудь другому договору.

Всѣ существующія въ литературѣ мнѣнія о природѣ договора ученичества могутъ быть сведены къ четыремъ теоріямъ.

Первая изъ нихъ полагаетъ, что центръ тяжести въ ученичествѣ лежитъ въ обязанности ученика работать на своего учителя, а что касается до обязанности учителя обучать ученика, то это есть не что иное, какъ натуральное вознагражденіе ученика за его трудъ. Сообразно съ этимъ договоръ ученичества долженъ рассматриваться, какъ видъ договора личнаго найма, въ которомъ нанимателемъ является учитель, а нанявшимся ученикъ. Этой точки зрѣнія придерживаются многіе нѣмецкіе юристы: Дюрингеръ и Гахенбургъ ¹⁾, Леманнъ и Рингъ ²⁾, Шрейберъ ³⁾ Штаубъ ⁴⁾, Ландманнъ ⁵⁾, Байль ⁶⁾, Крамеръ ⁷⁾, Экъ ⁸⁾. Русскіе юристы

¹⁾ Düringer u. Hachenburg, «Das Handelsgesetzbuch» Band. I 1908 г. стр. 388.

²⁾ Lehmann u. Ring, «Das Handelsgesetzbuch f. d. d. Reich» 1902 г. В. I стр. 184.

³⁾ Schreiber, «Der Arbeitsvertrag nach heutigem oesterreichischem Privatrecht» 1887. стр. 19.

⁴⁾ Staub, «Komment. zu H. G. B.» Anmerk. I къ § 76.

⁵⁾ Landmann, «Komment. zur Gewerbeordnung f. d. deutsche Reich» 1903 г. примѣч. къ § 126. стр. 238.

⁶⁾ Bail, «Das Rechtsverhältniss d. Arbeitgeber u. Arbeitnehmer in Handwerk, Industrie u. Handelsgewerbe» 1914 г. стр. 76—68, 146.

⁷⁾ Kraemer, «Gegenseitige Verträge» 1904 г. стр. 77.

⁸⁾ Eck, «Vorträge über das Recht d. B. G. B.» 1903 г. стр. 509.

также относятъ договоръ ученичества къ личному найму ¹⁾, опираясь на то, что нашъ законодатель трактуетъ объ ученикахъ въ главѣ I разд. IV книги IV т. X части 1-ой, посвященной договору личнаго найма. Причисляли ученичество къ личному найму и комиссіи по выработкѣ новаго закона объ ученичествѣ, какъ графа Игнатъева, такъ и Валуева. Въ прямую противоположность этому взгляду, нѣкоторые юристы центръ тяжести въ названномъ договорѣ видятъ не въ трудѣ ученика, а въ обязанности учителя обучать его. Сообразно съ этимъ, работодателемъ они считаютъ ученика или его законныхъ представителей, а лицомъ, обязаннымъ работать,—учителя. вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ учитель, по мнѣнію этой группы юристовъ, обязанъ не „обучать“, а „обучить“, т. е. обязанъ къ совершенію изв. предпріятія и несетъ отвѣтственность за результаты своей дѣятельности, то договоръ ученичества является подрядомъ, въ которомъ роль подрядчика несетъ учитель. Мы уже говорили выше, что на этой точкѣ зрѣнія стояли римскіе юристы, относя ученичество къ locatio conductio operis. Среди современныхъ юристовъ это мнѣніе имѣетъ сравнительно мало защитниковъ ²⁾.

Среднее положеніе между двумя вышеизложенными теоріями въ литературѣ занимаютъ тѣ юристы, которые полагаютъ, что договоръ ученичества имѣетъ различную юридическую природу, смотря, главнымъ образомъ, по тому, платится ли ученикомъ учителю денежное вознагражденіе за обученіе или нѣтъ: въ первомъ случаѣ работодателемъ является ученикъ, и договоръ будетъ подрядомъ, во второмъ случаѣ нанявшимся будетъ ученикъ, и мы будемъ имѣть передъ собой договоръ личнаго найма. Къ этому взгляду, высказанному Штаудингеромъ ³⁾ и Эртманномъ ⁴⁾, близко подходят Лотмаръ и Гарейсъ. Первый хотя и не признаетъ договоръ ученичества ни подрядомъ ни личнымъ наймомъ, а особымъ до-

¹⁾ Шершеневичъ, «Учебникъ русскаго гражданского права» 1910 г. стр. 562; Федоровъ, стр. 410, примѣчаніе; см. также Сен. рѣш. 1878 г. № 86 и 1899 г. № 2.

²⁾ Mandry, стр. 480.

³⁾ Staudinger, «Komment. zum B. G. B.», Band. II. 1901 г. стр. 409.

⁴⁾ Oertmann, «Das Recht d. Schuldverhältnisse» 1889 г. стр. 350.

говоромъ о трудѣ („Arbeitsvertrag“), но также различаетъ договоръ ученичества въ собственномъ смыслѣ слова, гдѣ ученикъ платитъ мастеру за обученіе и является работодателемъ, и ученичество въ несобственномъ смыслѣ слова, гдѣ рабочимъ является ученикъ, а обученіе является лишь натуральнымъ вознагражденіемъ со стороны работодателя-мастера за его трудъ¹⁾. Гарейсъ-же полагаетъ, что, когда обученіе происходитъ безвозмездно, то мы имѣемъ Auftragsvertrag, когда-же мастеръ получаетъ плату за обученіе, то договоръ будетъ представлять изъ себя личный наемъ²⁾.

Наконецъ, французскіе юристы и значительное количество нѣмецкихъ не считаютъ возможнымъ признать договоръ ученичества ни личнымъ наймомъ ни подрядомъ, а считаютъ его особымъ договоромъ sui generis, представляющимъ собой комбинированіе договоровъ подряда и личного найма, а по мнѣнію французскихъ юристовъ, и мѣны, купли продажи (когда учитель содержитъ ученика), и даже вещнаго найма (когда ученикъ получаетъ отъ учителя и помещеніе). Къ этой категоріи юристовъ принадлежатъ: Планкъ³⁾, Цехлинъ⁴⁾, Кайзеръ⁵⁾, Кене⁶⁾, Блохъ⁷⁾, Дунгеръ⁸⁾, Кроне⁹⁾, Фридемманъ¹⁰⁾, Дернбургъ¹¹⁾, Даньвардтъ¹²⁾, Рицлеръ¹³⁾, Пикъ¹⁴⁾,

¹⁾ Lotmar, «Der Arbeitsvertrag» Band I стр. 79—80, 667, 673, 693.

²⁾ Gareis, «Handelsgesetzbuch vom 10 Mai 1897 г.» 1900 г. стр. 100.

³⁾ Planck, «Komment. z. B. G. B.» Bd. II стр. 349.

⁴⁾ Zechlin, стр. 2—3.

⁵⁾ Kayser, «Gewerbeordnung f. d. deutsche Reich» 1901 г. прим. № 9 къ § 126.

⁶⁾ Koehne, «Die Arbeitsordnungen im deutsch. Gewerberecht» 1901 г.

⁷⁾ E. Bloch, «Der kaufmännische Lehrvertrag» 1893 г. стр. 8.

⁸⁾ Dunger, «Das Recht d. Handlungslehrlings» 1906 г. стр. 35.

⁹⁾ C. Crome, «Sistem des deutsch. Bürgerl. Rechts» т. II 1902 г. стр. 671—672.

¹⁰⁾ K. Friedemann, «Die Abgrenzung des Werkvertrages von verwandten Verträgen nach d. B. G. B.» 1904 г. стр. 71,

¹¹⁾ Dernburg, «Lehrbuch d. Preuss. Privatrechts» т. II 1897 г. стр. 565.

¹²⁾ Dankwardt въ Jahrbüch. f. die Dogmatik B. 3. 1874 г. стр. 377,

¹³⁾ Reher, «Der Werkvertrag nach d. B. G. B.» 1900 г. стр. 20 и 33.

¹⁴⁾ Pic, стр. 897—898.

Гайемъ и Перень¹⁾, Деболо²⁾, Молло³⁾, Лареймонди⁴⁾, Леманнъ⁵⁾.

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ теорій о природѣ договора ученичества съ очевидностью обнаруживается, что причиной вышеуказаннаго разногласія между юристами является то характерное для ученичества обстоятельство, что здѣсь вознагражденіемъ за работу одной стороны служить не денежная сумма, а въ свою очередь работа другого контрагента. Съ точки зрѣнія римскаго права, считавшаго денежное вознагражденіе необходимымъ условіемъ locatio-conductio, вышеуказанная особенность ученичества лишала возможности отнести его, какъ къ locatio-conductio operis, такъ и къ locatio-conductio operatum: если стороны не обусловятъ уплаты хотя-бы самой незначительной денежной суммы, то такой договоръ долженъ былъ разсматриваться, какъ contractus innominatus типа facio ut facias. Но современныя законодательства встали на иную точку зрѣнія и признали, что въ большинствѣ двустороннихъ договоровъ, въ томъ числѣ и въ договорахъ найма и подряда, вознагражденіемъ могутъ служить не только деньги, но и вещи и различныя услуги⁶⁾. Результатомъ этого явилось, что въ договорѣ личного найма вознагражденіе за трудъ нанявшагося могло состоять въ предоставленіи работодателемъ въ свою очередь своего труда въ распоряженіе нанявшагося или въ предоставленіи ему какой-нибудь вещи въ пользованіе, а въ договорѣ, напримѣръ, имущественнаго найма вознагражденіе за пользованіе вещью могло выразиться или въ работѣ со стороны нанимателя или въ исполненіи

¹⁾ Hayem et Perin, стр. 21, 22.

²⁾ Debolo, стр. 88.

³⁾ Molloy, «Le contrat d'apprentissage» 1845 г. стр. 18.

⁴⁾ Lareymondie, стр. 36—37.

⁵⁾ H. Lehmann, «Das Recht d. Handlungslehrlinge», стр. 10—11.

⁶⁾ Сомнѣніе существуетъ только относительно французскаго права, гдѣ нѣкоторые юристы, какъ напримѣръ, Pothier («Du louage, № 400»), Guillonard («Traité du louage» t. I № 62 и II № 688) и Bruy («Legislation industrielle» стр. 93), держатся воззрѣній римскихъ юристовъ, тогда какъ другіе юристы, какъ напримѣръ, Troplong («Traité du louage» t. II № 814) и Dalloz («Repertoire» verbo: Louage d'ouvrage et d'industrie № 8) примыкаютъ къ современной точкѣ зрѣнія.

имъ какого-нибудь подряда. Отсюда возникъ слѣдующій весьма трудный вопросъ о томъ, какъ обсуждать такого рода договоры, — считать ли ихъ одновременно и договоромъ, напримеръ, личнаго и договоромъ имущественнаго найма, или же подвести подъ который-нибудь одинъ изъ этихъ договоровъ: такъ, если студентъ обязался готовить мальчика въ гимназію за пользованіе комнатою въ квартирѣ родителей, то будетъ ли здѣсь только договоръ личнаго найма, или только договоръ имущественнаго найма, или же смѣшанный договоръ, гдѣ студентъ будетъ одновременно и нанявшимся и нанимателемъ, а родители ученика — и работодателями и отдавшими свое помѣщеніе по договору имущественнаго найма? Также долженъ быть поставленъ вопросъ и относительно конструкціи договора промысловаго ученичества: слѣдуетъ ли признать его договоромъ, гдѣ только одна изъ сторонъ является работодателемъ, а другая лицомъ, обязаннымъ работать, или же здѣсь каждый изъ контрагентовъ долженъ разсматриваться одновременно и какъ работодатель и какъ нанявшійся или подрядчикъ? Такимъ образомъ, вопросъ о юридической природѣ договора ученичества сводится въ сущности къ вопросу о конструкціи вообще такъ называемыхъ смѣшанныхъ договоровъ.

Несмотря на то, что вопросъ о смѣшанныхъ договорахъ имѣетъ весьма важное значеніе, какъ вслѣдствіе значительной распространенности такого рода договоровъ въ жизни, такъ и вслѣдствіе того, что разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ должно повлечь за собой значительную ломку всего сложившагося въ наукѣ ученія о договорахъ, ни въ законодательствѣ ни въ наукѣ онъ до сихъ поръ не только не получилъ разрѣшенія, но даже не былъ поставленъ во всей своей полнотѣ. Законодательства, допустивъ, что во многихъ двустороннихъ договорахъ вознагражденіе можетъ состоять и не въ деньгахъ, въ то-же самое время при регулированіи этихъ договоровъ обращаютъ вниманіе исключительно на денежное вознагражденіе, не давая рѣшительно никакихъ указаній, какъ примѣнять эти нормы въ тѣхъ случаяхъ, когда вознагражденіе это состоитъ не въ деньгахъ, а въ исполненіи какихъ-нибудь услугъ или въ предоставленіи вещи въ пользованіе. Что касается до литературы, то если и здѣсь вопросъ о смѣшанныхъ договорахъ во всей его широтѣ вплоть до новѣйшаго времени почти вовсе не разсматривался, то от-

носительно конструкціи отдѣльныхъ разновидностей смѣшанныхъ договоровъ юристамъ приходилось высказывать свое мнѣніе, какъ это и имѣло мѣсто съ договоромъ промысловаго ученичества.

И вотъ обращаясь къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя были высказаны по поводу конструкціи договора ученичества, мы видимъ, что значительная часть юристовъ старается подвести данный договоръ цѣликомъ подъ одинъ изъ договоровъ, признанныхъ законодательствомъ, причемъ одни признаютъ его договоромъ личнаго найма, въ которомъ ученикъ является только нанявшимся, а обязанность учителя обучать разсматривается, какъ вознагражденіе за трудъ ученика, а другіе, наоборотъ, считаютъ ученика только работодателемъ, а учителя — либо нанявшимся по договору личнаго найма, либо подрядчикомъ, получающимъ вознагражденіе въ видѣ пользованія трудомъ ученика. Такимъ образомъ, рѣшающее значеніе придастся обязанности одного изъ контрагентовъ и, основываясь на ея природѣ, договоръ относится всецѣло къ тому или другому типу, а обязанность другого контрагента разсматривается, только какъ вознагражденіе.

Но если встать на эту точку зрѣнія относительно конструкціи смѣшанныхъ договоровъ вообще и договора ученичества въ частности, то является необходимымъ выяснить, на какомъ основаніи рѣшающее значеніе придастся именно обязанности даннаго контрагента, — почему ученикъ является нанявшимся, а обученіе только вознагражденіемъ за его трудъ, а не наоборотъ, или почему договоръ студента, обязавшагося быть репетиторомъ за пользованіе комнатою, долженъ считаться личнымъ, а не имущественнымъ наймомъ? На этотъ крайне существенный вопросъ большинство юристовъ, придерживающихся даннаго мнѣнія, или совсѣмъ не даютъ никакого отвѣта, или въ качествѣ критеріума указываютъ на то, что одно дѣйствіе имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ другое, является главнымъ ¹⁾. Но, само собой понятно, такой отвѣтъ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, такъ какъ онъ оставляетъ совершенно невыясненнымъ, почему, напримеръ, обязанность студента репетировать или обязанность ученика рабо-

¹⁾ Endemann, «Lehrbuch d. bürg. Rechts». I, § 167 Anm. 9; Crome, § 234 Anm. 45.

тать на мастера имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ предоставленіе студенту комнаты въ пользованіе или обученіе ученика ремеслу. Кромѣ того, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Н. Hoeniger ¹⁾, и вообще теоретически совершенно неправильно въ двустороннемъ договорѣ обязанности одного контрагента придавать болѣе важное значеніе, чѣмъ обязанности другой стороны, такъ какъ онѣ являются эквивалентами другъ другу, а слѣдовательно стороны сами считали ихъ равноцѣнными. Еще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ученикъ, кромѣ работы на мастера, обязывается платить ему извѣстную денежную сумму за обученіе, или, наоборотъ, учитель платитъ ученику небольшую заработную плату, можно говорить, что трудъ ученика имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ обученіе, или наоборотъ, но, какъ мы знаемъ, и плата ученика и плата учителя не являются необходимыми элементами договора ученичества, а потому и не имѣютъ значенія для разрѣшенія вопроса о природѣ данного договора. Что данный критеріумъ (перевѣсъ одного дѣйствія надъ другимъ) является совершенно непригоднымъ, наглядно доказываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ договорѣ ученичества одни юристы считаютъ болѣе важной работу ученика на мастера, а другіе центръ договора видятъ въ обученіи ученика.

Своеобразную попытку установить критеріумъ для рѣшенія вопроса, къ тому или другому типу договоровъ долженъ быть отнесенъ смѣшанный договоръ, мы находимъ у Лотмара въ первой части его труда о рабочемъ договорѣ ²⁾. Анализируя случай, гдѣ вознагражденіе за трудъ состоитъ въ предоставленіи вещи въ пользованіе, какъ въ вышеприведенномъ нами примѣрѣ со студентомъ-репетиторомъ, Лотмаръ приходитъ къ выводу, что здѣсь рѣшающимъ моментомъ является чисто экономическій признакъ, — именно, служила-ли вещь, отдаваемая въ пользованіе, до этого для ея хозяина источникомъ дохода, отдавалась-ли она въ наемъ за деньги, или нѣтъ: если отдавалась, то договоръ долженъ быть признанъ договоромъ

¹⁾ Н. Hoeniger, «Die gemischten Verträge in ihren Grundformen» В. I 1910 г. стр. 57.

²⁾ Lotmar, В. I, стр. 687—689.

имущественнаго найма, а если родители ученика сдачей комнаты жильцамъ не занимались и отдали комнату студенту впервые, то рѣшающее значеніе имѣетъ обученіе, и договоръ будетъ личнымъ наймомъ. Но, по нашему мнѣнію, и точка зрѣнія Лотмара не можетъ быть признана удачной. Договоръ студента съ родителями ученика по своему характеру остается тѣмъ-же самымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда комната эта раньше сдавалась жильцамъ, такъ и въ случаѣ, если она отдана впервые именно данному студенту, а потому рѣшительно нѣтъ никакихъ юридическихъ основаній въ одномъ случаѣ признавать договоръ имущественнымъ, а въ другомъ случаѣ личнымъ наймомъ. Кромѣ того, если критеріумомъ считать, является ли отдача вещи въ пользованіе постояннымъ источникомъ дохода для работодателя или нѣтъ, то логически слѣдовало-бы ту-же самую мѣрку примѣнять и къ сторовѣ, обязанной трудиться, и считать договоръ личнымъ наймомъ, когда данный трудъ является постояннымъ источникомъ дохода для наняшагося, а тогда можетъ получиться такое положеніе вещей, что для каждой изъ сторонъ ея обязанность будетъ являться постояннымъ источникомъ дохода, и рѣшить вопросъ на основаніи критеріума Лотмара станетъ невозможнымъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что хотя теорія подведенія смѣшанныхъ договоровъ всецѣло подъ тотъ или другой изъ признанныхъ законодательствомъ институтовъ и довольно широко распространена въ литературѣ, но тѣмъ не менѣе она остается лишенной научнаго основанія, такъ какъ критеріумъ, посредствомъ котораго можно было-бы рѣшить, почему данный смѣшанный договоръ надо отнести къ тому, а не другому типу, до сихъ поръ не найденъ. И причина этой неудачи лежитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что найти такой критеріумъ во многихъ случаяхъ является невозможнымъ, такъ какъ разъ дѣйствіе одной стороны въ договорѣ является единственнымъ эквивалентомъ дѣйствія контрагента, и наоборотъ, то это само собой уже исключаетъ возможность при конструированіи данного договора опираться почему-либо исключительно на дѣйствіи одной стороны,

¹⁾ Hoeniger, стр. 60.

игнорируя вторую половину юридического отношения. Но мы идем дальше и вмѣстѣ съ Ноепигером¹⁾ полагаемъ, что если бы даже такой критеріумъ въ данномъ случаѣ и могъ быть установленъ, и можно было бы признать, что обязанность одного контрагента имѣетъ болѣе существенное значеніе, чѣмъ какое-либо дѣйствіе другого контрагента, то это нисколько не помогло бы подведенію даннаго договора исключительно подъ одинъ институтъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ, напримѣръ, договоръ ученичества, гдѣ мастеръ, сверхъ обученія, обязывается еще платить ученику небольшое денежное вознагражденіе, то въ данномъ случаѣ есть извѣстное основаніе считать обязанность ученика работать болѣе существенной для конструирования даннаго договора, такъ какъ обязанность мастера обучать не является полнымъ эквивалентомъ за работу ученика, а только одной частью его. Но если на этомъ основаніи мы подведемъ данный договоръ подъ понятіе личнаго найма и признаемъ ученика только нанявшимся, а учителя только нанявателемъ, или въ примѣрѣ со студентомъ-репетиторомъ признаемъ договоръ личнымъ наймомъ въ случаѣ, если родители ученика обязались платить студенту и небольшую плату за уроки, то въ обоихъ случаяхъ мы все равно натолкнемся на цѣлый рядъ затрудненій. Последнія будутъ состоять въ томъ, что тогда намъ пришлось бы къ обязанности учителя обучать и къ обязанности родителей предоставить студенту комнату въ пользованіе примѣнять нормы, регулирующія платежи нанявателемъ нанявшемуся заработной платы, что, очевидно, противорѣчитъ и здравому смыслу и намѣренію лицъ, заключившихъ договоръ. Поэтому то Ноепигер совершенно справедливо замѣчаетъ, что, какой бы второстепенный характеръ ни имѣла та или другая изъ обусловленныхъ въ договорѣ обязанностей, она должна влечь за собой тѣ юридическія послѣдствія, которыя ей свойственны, а никоимъ образомъ не можетъ обсуждаться по правиламъ, регулирующимъ юридическія отношенія совершенно иного характера.

Въ результатѣ всего этого мы полагаемъ, что теорія, если можно такъ выразиться, односторонняго конструиро-

¹⁾ Ноепигер, стр. 114—118.

ванія смѣшанныхъ договоровъ является неправильной. Особенно это надо сказать относительно такихъ смѣшанныхъ договоровъ, гдѣ взаимныя обязанности сторонъ, относясь по своей природѣ къ различнымъ институтамъ, являются взаимно равноцѣнными эквивалентами. Поэтому-то надо признать невыдерживающими критики первыя три изъ изложенныхъ нами выше теорій о конструкции договора ученичества и разсматривать послѣдній, какъ особый договоръ смѣшаннаго характера.

Этимъ, однако, вопросъ о природѣ договора ученичества не исчерпывается. Если онъ является смѣшаннымъ договоромъ, то необходимо опредѣлить, комбинацію какихъ договоровъ онъ изъ себя представляетъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо подвергнуть анализу обязанности, какъ учителя, такъ и ученика, и рѣшить какому изъ признаемыхъ законодательствомъ договоровъ эти обязанности по своей природѣ соответствуютъ. Нетрудно видѣть, что такъ какъ обязанности и учителя и ученика состоятъ въ исполненіи извѣстныхъ услугъ въ пользу контрагента, то вопросъ въ данномъ случаѣ можетъ идти только о договорахъ личнаго найма и подряда, — долженъ ли договоръ ученичества разсматриваться, какъ смѣшеніе двухъ договоровъ личнаго найма, или какъ соединеніе съ одной стороны подряда, а съ другой стороны личнаго найма.

По этому вопросу въ литературѣ мы находимъ прежде всего взглядъ, высказанный Лотмаромъ¹⁾, что договоры, гдѣ обмѣнивается трудъ на трудъ, такъ что каждый изъ контрагентовъ является и работодателемъ и обязаннымъ работать, никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены ни къ личному найму ни къ подряду, такъ какъ въ этихъ договорахъ трудъ не можетъ служить эквивалентомъ за трудъ контрагента. Мотивируетъ свое мнѣніе Лотмаръ тѣмъ, что въ этихъ договорахъ законодательство рѣзко различаетъ положеніе работодателя отъ положенія контрагента, обязаннаго работать, вслѣдствіе чего разсматривать данное лицо въ одно и то же время и какъ работодателя и какъ обязавшагося работать является невозможнымъ и противнымъ общему духу законодательной регламентаціи этихъ договоровъ. Но, высказавъ такое положеніе, Лотмаръ, однако, не приводитъ никакихъ

¹⁾ Lotmar, R. I, стр. 160 и сл.

дальнѣйшихъ доказательствъ, въ чемъ именно онъ видитъ различіе въ положеніи сторонъ, и какія нормы, установленныя законодателемъ для личнаго найма и подряда, являются непримѣнными къ смѣшаннымъ трудовымъ договорамъ, а по разсмотрѣніи цѣлаго ряда этихъ нормъ нельзя не согласиться съ Ноенігеромъ¹⁾, что мнѣніе Лотмара является ошибочнымъ, т. е. въ большинствѣ случаевъ нормы эти вполне примѣнимы къ данному типу договоровъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ конфликтъ между нормами возможенъ, но онъ можетъ быть и въ другихъ смѣшанныхъ договорахъ, какъ напримѣръ, когда трудъ обмѣнивается за предоставленіе пользованія вещью, а потому это не можетъ служить доказательствомъ полной непримѣнимости къ смѣшаннымъ договорамъ нормъ, установленныхъ законодательствомъ для отдѣльныхъ договоровъ. Болѣе обоснованнымъ являлось-бы мнѣніе Лотмара по отношенію къ нашему русскому праву, которое, дѣйствительно, смотритъ на наняшагося, какъ на слугу, а на работодателя, какъ на господина, почему, напримѣръ, требуетъ отъ хозяина справедливаго и кроткаго обращенія, а отъ наняшагося вѣрности, послушанія, почтительности и добраго поведенія²⁾. Здѣсь дѣйствительно можетъ показаться несомнѣстнымъ, что каждая изъ сторонъ является въ одно и то же время и работодателемъ и рабочимъ, но тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что это доказываетъ только непримѣнимость нѣкоторыхъ нормъ ко всѣмъ видамъ личнаго найма, но не исключаетъ возможности примѣненія остальныхъ нормъ: въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы исключить изъ понятія личнаго найма и насъ либеральныхъ услугъ, гдѣ также вышеуказанныя нормы непримѣнимы, т. е. нельзя, напримѣръ, говорить о почтительности, послушаніи и т. п., когда рѣчь идетъ о докторѣ, воспитателѣ, учителѣ, а между тѣмъ и литература и сенатская практика все-же считаютъ этихъ лицъ, работающихъ по договору личнаго найма. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній мы думаемъ, что нѣтъ серьезныхъ основаній не примѣнять вообще нормъ о личномъ наймѣ и подрядѣ къ смѣшаннымъ рабочимъ договорамъ, а потому вопросъ о

¹⁾ Ноенігер, стр. 73 и слѣд.

²⁾ Ст. 2229 и 2230 т. X. ч. I.

конструкціи обязанностей учителя и ученика въ договорѣ ученичества остается въ силѣ.

Вопросъ о различіи личнаго найма отъ подряда въ литературѣ является въ высшей степени спорнымъ, но, такъ какъ въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе этой важной проблемы во всей ея полнотѣ, мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ только господствующихъ въ наукѣ теорій и выясненіемъ, какъ съ точки зрѣнія ихъ должны обсуждаться обязанности сторонъ въ договорѣ ученичества. Обращаясь сперва къ германскому праву, мы находимъ въ немъ опредѣленія какъ личнаго найма, такъ и подряда: наймомъ (Dienstvertrag) признается договоръ, по которому нанявшійся обязывается къ совершенію обмѣнныхъ услугъ за условленное вознагражденіе¹⁾, а подрядомъ (Werkvertrag)—договоръ, гдѣ подрядчикъ за условленное вознагражденіе обязывается исполнить опредѣленную работу (Werk)²⁾. Это противоположеніе большинство юристовъ³⁾ въ общемъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что въ подрядѣ вознагражденіе платится за результатъ труда, а въ личномъ наймѣ—за трудъ, какъ таковой, независимо отъ достиженія или недостиженія нанявшимся опредѣленного результата. Для такого толкованія основаніе даютъ и мотивы къ проекту Гражданскаго Уложенія, гдѣ прямо говорится, что въ наймѣ вознагражденіе назначается за работу, какъ таковую, а въ подрядѣ—за результатъ труда⁴⁾. Такого же взгляда держатся юристы⁵⁾ и относительно швейцарскаго права, гдѣ Code federal des obligations даетъ опредѣленія вышеназванныхъ договоровъ аналогичныя съ опредѣленіями германскаго Гражданскаго Уложенія⁶⁾. Что касается до французскаго права, то хотя законодатель здѣсь не только не

¹⁾ § 611 B. G. B.

²⁾ § 631 B. G. B.

³⁾ См. напримѣръ, Rümelin, «Dienstvertrag u. Werkvertrag», 1905 г.; Riezler, «Der Werkvertrag»; Crome, loc. cit.

⁴⁾ Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerl. Gesetzbuches f. d. Deutsche Reich, Band II стр. 471—498.

⁵⁾ См. M. Thalberg, «Der Dienstvertrag nach schweizerischem Obligationenrecht» 1899 г. стр. 50 и сл.

⁶⁾ Cod. fed. des oblig. art. 338 и 350.

даетъ указанія на различіе между личнымъ наймомъ и подрядомъ, но даже совсѣмъ не говоритъ о послѣднемъ, а противуполагаетъ найму „le louage des voituriers“ и „le louage des entrepreneurs d'ouvrage par suite de devis ou marchés“, но тѣмъ не менѣе литература единодушно признаетъ, что два послѣднихъ вида являются лишь разновидностями подряда (louage d'ouvrage), отличіе котораго отъ личнаго найма, по господствующему мнѣнію, состоитъ въ томъ-же, что и въ Германіи, т. е. что въ немъ договоръ направленъ на результатъ труда, за достиженіе котораго и платится вознагражденіе¹⁾. И вотъ, если встать на эту точку зрѣнія, то несомнѣнно ни обязанность ученика ни обязанность учителя не могутъ быть отнесены къ подряду, т. к. не только ученикъ не беретъ на себя достиженіе какого либо опредѣленнаго результата, а просто только предоставляетъ свой трудъ въ распоряженіе учителя, но и учитель, какъ мы выше видѣли, обязывается „обучать“, а не „обучить“ ученика.

Изъ другихъ теорій относительно отличія найма отъ подряда надо указать теорію Лотмара²⁾, который, раздѣляя всѣ договоры о трудѣ на двѣ основныя группы — Zeitlohn = u. Akkordverträgen, — и отождествляя первую съ договорами, гдѣ работающій получаетъ вознагражденіе за трудъ, какъ таковой, а вторую съ договорами, гдѣ вознагражденіе стоитъ въ зависимости отъ достиженія результатовъ работы, въ то же самое время считаетъ, что договоры личнаго найма и подряда не совпадаютъ съ вышеуказанными типами: подрядъ, по его мнѣнію, можетъ быть только въ формѣ Akkordvertrag, но личный наемъ можетъ быть какъ въ формѣ Zeitlohn = такъ и въ формѣ Akkordvertrag. Такимъ образомъ, когда мы имѣемъ Zeitlohnvertrag, то это будетъ несомнѣнно наемъ, но когда договоръ заключенъ въ смыслѣ Akkordvertrag, то это можетъ быть, какъ наймомъ, такъ и подрядомъ. Критеріумъ, по

¹⁾ Guillaouard, «Traité du louage» t. II № 769; Courcelle, «Traité de législation industrielle» 1902 г. стр. 6; Cornil, «Du louage de services» 1895 г. стр. 4; Laval, «Etude de la nature juridique du contrat de travail» 1908 г. стр. 25—26; Aubert, «L'entreprise d'ouvrage» 1903. стр. 126—131.

²⁾ Lotmar, В. I стр. 330—331, В. II стр. 362 и сл.

которому слѣдуетъ рѣшать, является ли данный Akkordvertrag личнымъ наймомъ или подрядомъ, Лотмаръ видитъ въ томъ, заключенъ ли договоръ работодателемъ для своихъ частныхъ, или для профессиональныхъ потребностей („in seinem Geschäftsbetrieb“): въ первомъ случаѣ это будетъ наемъ, а во всѣхъ остальныхъ подрядъ. Однако и по этой теоріи рѣшеніе должно быть дано тождественное съ предыдущимъ, такъ какъ и ученикъ и учитель получаютъ вознагражденіе за трудъ независимо отъ достиженія какого-либо результата, и отношеніе между ними должно быть отнесено поэтому къ Zeitlohnvertrag'у, а слѣдовательно можетъ обсуждаться только по правиламъ личнаго найма.

Нѣсколько иначе будетъ обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія Rosin'a¹⁾, Sigel'a²⁾ и Stadthagen'a³⁾ Эти юристы отличіе между личнымъ наймомъ и подрядомъ видятъ въ томъ, что подрядчикъ, въ противуположность нанявшемуся, является лицомъ экономически самостоятельнымъ, почему рабочіе въ промышленности всегда должны обсуждаться по правиламъ личнаго найма, а не подряда. Согласно съ этимъ, если ученикъ и долженъ быть признанъ нанявшимся, то учитель, какъ лицо экономически самостоятельное долженъ разсматриваться, какъ подрядчикъ. Но эта теорія, основанная чисто на политикоправныхъ соображеніяхъ, но не имѣющая никакой опоры въ законодательствѣ, ясно указывающемъ только на противуположеніе результата работы и труда, какъ такового, не можетъ быть признана правильной по отношенію къ дѣйствующему праву. Поэтому въ результатѣ надо признать, что согласно господствующимъ въ наукѣ отношеніямъ отличія личнаго найма отъ подряда взглядамъ, обязанности и учителя и ученика по западнымъ законодательствамъ должны регулироваться нормами, установленными для личнаго найма.

Въ высшей степени неяснымъ является отличіе личнаго найма отъ подряда по дѣйствующему русскому праву. Въ статьѣ 1737-ой т. X ч. I законодатель говоритъ, что въ подрядѣ одна сторона „принимаетъ на себя обязательство

¹⁾ Rosin, «Das Recht d. Arbeitsversicherung» В. II стр. 31 и сл.

²⁾ W. Sigel, «Der gewerbliche Arbeitsvertrag n. d. V. G. B.» 1903 г. стр. 7

³⁾ Stadthagen, «Das Arbeiterrecht», стр. 82.

исполнить своимъ иждивеніемъ предпріятіе“. Хотя опредѣленіе это до извѣстной степени сходно съ тѣмъ, которое дается германскимъ правомъ, но изъ разсмотрѣнія другихъ постановленій нашего законодательства о личномъ наймѣ и подрядѣ легко убѣдиться въ томъ, что по нашему законодательству не всякій договоръ, направленный на результатъ вѣдѣнія, можетъ быть признанъ подрядомъ: доказательствомъ является причисленіе нашимъ законодательствомъ „заказа“ къ личному найму, тогда какъ несомнѣнно здѣсь стороны имѣютъ въ виду именно результатъ труда, а не трудъ, какъ таковой. А такъ какъ при заказѣ ремесленникъ не обязывается непременно лично исполнить ту или другую работу, то приходится признать несоотвѣтствующимъ дѣйствующему праву и мнѣніе тѣхъ юристовъ, которые видятъ отличіе найма отъ подряда въ томъ, что въ личномъ наймѣ обязанность исполненія извѣстной работы лежитъ непосредственно на самомъ нанявшемся, а подрядчикъ обязывается исполнить работу не лично, а посредствомъ другихъ лицъ ¹⁾. Это причисленіе заказа къ личному найму не позволяетъ признать правильной и точку зрѣнія тѣхъ юристовъ, которые считаютъ, что въ личномъ наймѣ нанявшійся обязанъ работать по указаніямъ работодателя, тогда какъ подрядчикъ самостоятельно вырабатываетъ планъ достиженія указанной ему цѣли ²⁾. Болѣе соотвѣтствующимъ постановленіямъ закона, но въ высшей степени неопредѣленнымъ, является взглядъ Сената, который вопросъ о томъ, личнымъ наймомъ или подрядомъ слѣдуетъ считать данный конкретный договоръ, рекомендуетъ рѣшать, смотра по тому, составляетъ-ли предметъ договора по обширности, сложности, цѣнности и другимъ признакамъ какое-либо предпріятіе или нѣтъ ³⁾.

Въ нашу задачу не входитъ разрѣшеніе вопроса, какимъ признакомъ отличается подрядъ отъ найма по русскому праву, во всей его полнотѣ; намъ нужно только выяснитъ въ подряду или найму должны быть отнесены обязанности

¹⁾ См. напр. Пахманъ, «Исторія кодификаціи» т. II стр. 226.

²⁾ Змирловъ, Журн. угол. и гражд. права 1885 г. № 8 стр. 90 прим. 1; Шершеневичъ, стр. 564—566.

³⁾ С. р. 1875 г. № 537, 1876 г. № 23, 1877 г. № 73.

сторонъ въ договорѣ ученичества, а этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается довольно легко, несмотря на всю неясность и спорность вопроса о различіи вышеуказанныхъ договоровъ. Исходнымъ пунктомъ для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса должно служить положеніе, что, по опредѣленію нашего законодательства, договоръ подряда направленъ на исполненіе какого-либо „предпріятія“. Этотъ терминъ ясно показываетъ, что подрядчикъ обязывается не просто предоставить свой трудъ въ распоряженіе работодателя, а беретъ на себя исполненіе опредѣленной цѣльной работы или, иными словами, обязывается достигнуть опредѣленнаго результата. Пусть по русскому праву не всякій договоръ, направленный на результатъ труда, будетъ подрядомъ, но во всякомъ случаѣ разъ договоръ не имѣетъ своимъ предметомъ исполненіе предпріятія, онъ къ подряду отнесенъ быть не можетъ. Если-же мы обратимся къ договору ученичества, то изъ всего вышесказаннаго ясно вытекаетъ, что ни ученикъ ни учитель никакого предпріятія исполнить не обязываются, изъ чего слѣдуетъ, что и по русскому праву обязанности обонхъ контрагентовъ должны обсуждаться по правиламъ личнаго найма.

Такимъ образомъ, въ результатѣ всего вышеложеннаго мы пришли къ заключенію, что договоръ ученичества по своей природѣ является смѣшаннымъ договоромъ, въ которомъ каждая изъ сторонъ должна разсматриваться и какъ работодатель и какъ нанявшійся по договору личнаго найма. Отсюда вытекаетъ то практическое слѣдствіе, что въ случаѣ неполноты спеціальной регламентаціи договора ученичества къ нему должны примѣняться постановленія о договорѣ личнаго найма вообще.

§ 2. Заключение договора ученичества.

I. При разсмотрѣніи порядка заключенія договора промысловаго ученичества прежде всего необходимо выяснитъ, кто можетъ поступать въ обученіе въ качествѣ ученика, и кто можетъ принимать къ себѣ учениковъ въ обученіе.

Тѣ требованія, которыя современныя законодательства предъявляютъ къ лицу, поступающему въ ученики, немногочисленны. Поступать въ обученіе могутъ какъ мужчины, такъ

и женщины, какъ несовершеннолѣтнѣе, такъ и взрослые: исключеніе въ послѣднемъ отношеніи представляетъ только швейцарское право, призвавшее, какъ мы выше указывали, несовершеннолѣтнѣе ученика необходимымъ признакомъ промысловаго ученичества. Но, не устанавливая максимума возраста для лица, поступающаго въ ученики, современныя законодательства обращаютъ вниманіе на то, чтобы въ ученики не поступали лица черезчуръ юныя, физически неокрѣпшія. Въ виду того что ученики являются въ то-же самое время и рабочими, это ограниченіе по возрасту имѣетъ весьма существенное значеніе.

Во Франціи законъ 1841-го года, впервые регламентировавшій работу дѣтей въ промышленности, имѣлъ въ виду только дѣтей—рабочихъ, получающихъ заработную плату съ самаго поступленія, и къ ученикамъ, поэтому, не относился. Пользуясь этимъ, ремесленники подъ видомъ учениковъ широко эксплуатировали трудъ дѣтей въ самомъ юномъ возрастѣ. Это обстоятельство побудило уже одного изъ первыхъ писателей, посвятившихъ свое вниманіе изученію ученичества—Mollot—въ 1845-омъ году настаивать на томъ, чтобы законодатель запретилъ принимать въ ученики лицъ моложе 14 лѣтъ, разъ они не умѣютъ ни читать ни писать и не получили первоначальныхъ свѣдѣній по религіи¹⁾. Но пожеланіямъ этимъ долго не суждено было осуществиться, такъ какъ законъ объ ученичествѣ 1851-го года остался стоять на прежней точкѣ зрѣнія, считая ограниченіе возраста для дѣтей, поступающихъ въ ученики ненужнымъ и нежелательнымъ. Докладчикъ комиссіи, разсматривавшей данный законопроектъ, Callet, мотивировалъ такое рѣшеніе тѣмъ, что дѣтей моложе 12-ти лѣтъ отдають въ ученики обыкновенно родители бѣдные и обремененные дѣтьми, для которыхъ дѣти въ тягость, или же родители безнравственные, для которыхъ ребенокъ является объектомъ эксплуатаціи. Было-бы плохимъ способомъ покровительства дѣтей сказать первымъ: „хотя Вы не можете ни одѣвать ребенка, ни посылать его въ школу, все равно Вы должны держать его при себѣ, голымъ и пелѣнкой, пока онъ не достигнетъ 12-лѣтняго возраста“,

¹⁾ Mollot, «Le contrat d'apprentissage» 1845 г. стр. 90—93.

а родителямъ второй категоріи сказать: „Вы не любите ребенка, онъ видить у Васъ въ семьѣ дурные примѣры, но все-же Вы не имѣете права отдавать его въ ученики, хотя-бы нашелся мастеръ, который-бы согласился взять его въ обученіе, а дома Вы можете дѣлать съ нимъ что угодно, хотя-бы заставлятъ просить милостыню¹⁾“. Эти-то доводы, повидимому, и послужили основаніемъ для законодательнаго собранія оставить дѣтей—учениковъ въ самомъ раннемъ возрастѣ по прежнему безъ защиты отъ эксплуатаціи, несмотря на протесты меньшинства, которое въ лицѣ Didier-Montjan тщетно обращало вниманіе собранія на то, что въ сущности ученики тѣ-же рабочіе, и что нелогично и несправедливо позволять въ ремеслѣ подъ видомъ учениковъ держать дѣтей-рабочихъ въ возрастѣ 6—7-ми лѣтъ, когда законъ 1841-го г. запрещаетъ въ крупной промышленности работать дѣтямъ моложе 8-ми лѣтъ²⁾.

Эти доводы меньшинства только при обсужденіи закона 1874-го г. получили одобреніе законодательнаго собранія, признавашаго, наконецъ, по словамъ докладчика комиссіи E. Tallon, что названіе ученика не мѣшаетъ дѣтямъ оставаться дѣтьми и заслуживать того, чтобы законодательство обращало на нихъ вниманіе³⁾. Исходя изъ этого положенія, французское законодательство распространило на учениковъ нормы относительно минимальнаго возраста дѣтей, работающихъ въ промышленности, нормы, запрещавшія въ большинствѣ отраслей промышленности работу дѣтей моложе 12-ти лѣтъ и лишь въ нѣкоторыхъ, точно перечисленныхъ отрасляхъ, довольствовавшіяся наличностью десятилѣтняго возраста.

Нѣсколько дальше пошелъ по пути защиты учениковъ законъ 1892-го г. Онъ запретилъ, въ видѣ общаго правила, въ промышленности работу дѣтей, въ томъ числѣ и учениковъ, моложе 13-ти лѣтъ; двѣнадцатилѣтнія могутъ быть принимаемы лишь въ томъ случаѣ, если они представляютъ свидѣтельство объ окончаніи первоначальной школы, а также медицинское свидѣтельство о своей физической пригодности

¹⁾ Цит. по Hayem et Perin, «Traité du contrat d'apprentissage» стр. 66.

²⁾ Hayem et Perin, стр. 117—122.

³⁾ Hayem et Perin, стр. 241—244.

для данного рода работы. Кроме того, законъ 1892-го г. предоставилъ право фабричнымъ инспекторамъ требовать медицинскаго осмотра всѣхъ дѣтей до 16-ти лѣтъ и немедленнаго увольненія съ работы всѣхъ тѣхъ, которые будутъ признаны физически слабыми ¹⁾. Данные возрастныхъ нормъ закона 1892-го г. и донинѣ являются дѣйствующими во Франціи, хотя въ настоящее время онѣ далеко не являются соотвѣтствующими требованіямъ жизни. Не говоря уже о томъ, что возрастной цензъ здѣсь является довольно низкимъ ²⁾, особенно при сопоставленіи съ значительной длиной дозволеннаго закономъ рабочаго дня (10 часовъ!), къ недостаткамъ закона слѣдуетъ отнести также то, что онъ не распространяется на чисто торговыя предпріятія, къ каковымъ причисляются во Франціи такія предпріятія, какъ напримѣръ, булочныя, мясныя, колбасныя, кондитерскія ³⁾, гдѣ эксплуатація дѣтскаго труда свила себѣ наиболѣе прочное гнѣздо, и гдѣ работа и обстановка работы являются весьма тяжелыми и вредными для дѣтскаго организма.

Въ Германіи также въ первой половинѣ 19-го вѣка были изданы въ отдѣльныхъ государствахъ законы, запрещающіе примѣненіе въ промышленности труда дѣтей моложе извѣстнаго возраста ⁴⁾, по закону эти имѣли въ виду исключительно крупную промышленность, а слѣдовательно къ главной массѣ учениковъ не относились. На этой-же точкѣ зрѣнія стояли и Gew. Ordn 1869-го г. и послѣдующіе законодательные акты 1878-го и 1891-го г.г., несмотря на то, что уже при организованной въ 1877-омъ г. анкетѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. въ Силезіи) многіе высказывались за желательность запретить принимать учени-

¹⁾ Зак. 1892 г. § 2.

²⁾ Какъ удостовѣряетъ Le rapport de la Commission superieur du travail dans l'industrie pour l'année 1900, работа двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей широко распространена, т. е. медицинскія удостовѣренія о физической годности ребенка въ дѣйствительности выдаются безъ всякаго освидѣтельствованія, по простой просьбѣ родителей.

³⁾ Frègerejouan du Saint стр. 79, прим. № 26.

⁴⁾ Въ Пруссіи въ 1839-омъ г. и 1853-емъ г., въ Баваріи въ 1840-омъ г. въ Саксоніи въ 1861-омъ г.

ковъ моложе 14 лѣтъ ¹⁾. Подобное игнорированіе законодателями интересовъ дѣтей, работающихъ въ ремеслѣ, на ряду съ ограниченіемъ примѣненія дѣтскаго труда въ крупной промышленности, повлекло за собой то, что число дѣтей-работниковъ, или вѣрнѣе учениковъ, въ ремеслѣ начало сильно возрастать, и широкое пользованіе трудомъ дѣтей стало однимъ изъ средствъ, помогавшихъ мелкой промышленности конкурировать съ крупной. Такъ, анкета 1898-го г. обнаружила, что изъ всего числа дѣтей школьнаго возраста занято работой въ промышленности въ Берлинѣ 13%, въ Саксоніи 22%, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ герцогства Саксенъ-Кобургъ-Гота до 86%, причемъ въ Пруссіи изъ общаго числа 269598 дѣтей-работниковъ около 4400 было въ возрастѣ 6—7-ми лѣтъ, а около 64000 въ возрастѣ отъ 6—10-ти лѣтъ ²⁾. Хотя болѣе большая часть этихъ дѣтей занята была въ такъ называемой домашней промышленности, но несомнѣнно, что весьма значительная часть приходилась и на ремесленныя предпріятія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Всѣхъ-же дѣтей, работающихъ не въ крупной промышленности, анкета насчитала 532283 ³⁾. Результаты этой анкеты, получившіе подтвержденіе и въ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ въ 1897-омъ г. нѣмецкимъ союзомъ учителей, побудили правительство въ 1902-омъ г. внести въ Рейхстагъ соотвѣтствующій законопроектъ, который 20-го марта 1903 г. и сдѣлался закономъ, дѣйствующимъ и понынѣ. Вышеуказанный законъ общей возрастной минимальной нормой для дѣтей, работающихъ въ промышленности, какъ въ крупной, такъ и мелкой, торговлѣ и путяхъ сообщенія, призналъ 12 лѣтъ ⁴⁾. Изъ этой нормы допущены закономъ исключенія, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону: сюда относятся, во первыхъ, запрещеніе въ нѣкоторыхъ особенно тяжелыхъ работахъ ⁵⁾ пользоваться тру-

¹⁾ Ergebnisse der über die Verhältnisse der Lehrlinge, Gesellen und Fabrikarbeiter auf Beschluss des Bundesraths angestellten Erhebungen, zusammengestellt in Reichskanzler—Amt., 1877 г. стр. 129.

²⁾ См. К. Dunker, «Die Kinderarbeit u. ihre Bekämpfung» 1906 г. стр. 49—62.

³⁾ Vierteljahrshäfte d. Statistik d. Deutschen Reichs, Jahrg. IX, heft 3.

⁴⁾ § 5 зак. 1903 г.

⁵⁾ Къ таковымъ законъ относитъ строительныя работы, кирпичные заводы, предпріятія, гдѣ работаютъ съ красками, и нѣк. др., см. § 4 зак. 1903 г.

домъ дѣтей моложе 13-ти лѣтъ, и даже старше, разъ данныя дѣти считаются обязанными посѣщать народную школу, а, во вторыхъ, разрѣшеніе родителямъ, опекунамъ, близкимъ родственникамъ и т. п. пользоваться трудомъ „своихъ“ дѣтей, начиная съ десятилѣтняго возраста, причемъ Союзному Совету предоставлено право разрѣшать пользоваться трудомъ „своихъ“ дѣтей и моложе 10-ти лѣтъ въ предприятияхъ и работахъ легкихъ и доступныхъ по своей природѣ для всякаго возраста ¹⁾.

Сравнивая дѣйствующее законодательство Германіи по вопросу о минимальномъ возрастѣ учениковъ съ вышеприведенными постановленіями права французскаго, приходится отмѣтить, что относительно самой возрастной нормы французское право является болѣе гуманнымъ: оно въ видѣ общаго правила запрещаетъ работу дѣтей моложе 13-ти лѣтъ, тогда какъ въ Германіи возрастъ, начиная съ котораго дѣти могутъ поступать на работу въ промышленныя предприятия, опредѣленъ въ 12 лѣтъ. Но за то германское законодательство защищаетъ дѣтей, работающихъ не только въ промышленности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и въ торговыхъ предприятияхъ, и кромѣ того взяло подъ свою защиту и дѣтей, работающихъ въ своей семьѣ, у родителей, опекуновъ и родственниковъ, тогда какъ французскій законодатель, вѣрный принципу невмѣшательства въ сферу семьи, оставилъ эту категорію дѣтей безъ защиты ²⁾. Впрочемъ нужно отмѣтить, что введеніе ограниченія труда т. наз. „своихъ“ дѣтей въ германскомъ правѣ имѣетъ болѣе принципиальное, теоретическое значеніе, чѣмъ практическое, т. е. минимальная граница возраста (10 лѣтъ) чересчуръ низка, исключеній допущено очень много, контроль-же, отданный въ руки отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, и плохо организованъ, да и поставленъ почти въ безпомощное положеніе туманностью закона и трудностью отграниченія „своихъ дѣтей“ отъ чужихъ ³⁾.

Какъ и во Франціи и Германіи законодательство Швей-

¹⁾ §§ 13 и 14 зак. 1903 г. Нужно отмѣтить, что этимъ своимъ правомъ Союзный Советъ широко воспользовался.

²⁾ См. art. I зак. 1892 г.

³⁾ J. Deutsch, «Die Kinderarbeit u. ihre Bekämpfung» 1907., стр. 44.

царіи обращало свое вниманіе сперва исключительно на трудъ дѣтей въ крупной промышленности. Союзный законъ 1877-го г. хотя и установилъ довольно высокій возрастной цензъ—въ 14 лѣтъ ¹⁾,—однако имѣлъ въ виду исключительно фабрики. Защита труда дѣтей въ ремеслѣ выпала на долю кантональнаго законодательства. И послѣднее въ большинствѣ случаевъ за послѣднее время распространило эту норму и на учениковъ въ ремеслѣ и торговлѣ. Такъ поступили кантоны: Гларусъ ²⁾, Фрейбургъ ³⁾, Цугъ ⁴⁾, Цюрихъ ⁵⁾ и нѣк. др.. Нѣкоторые изъ кантоновъ пошли даже дальше и для торговыхъ учениковъ повысили возрастной цензъ до 15 лѣтъ ⁶⁾, хотя есть и обратныя случаи пониженія возрастнаго ценза для дѣтей, работающихъ не въ крупной промышленности, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ кантонахъ Золотурнъ и Женевѣ, гдѣ минимальный возрастъ для такихъ учениковъ установленъ въ 13 лѣтъ ⁷⁾. Большинство этихъ кантональных законовъ распространяетъ свое дѣйствіе и на дѣтей, работающихъ у своихъ родителей и родственниковъ. Такимъ образомъ, въ общемъ законодательство Швейцаріи, какъ по высочайшему возрастному цензу, такъ и по защитѣ „своихъ“ дѣтей, должно быть поставлено выше законодательствъ Франціи и Германіи.

У насъ въ Россіи возрастной цензъ для дѣтей, работающихъ въ промышленности, установленъ впервые закономъ 1-го іюля 1882-го г., дѣйствующимъ и понынѣ. Онъ запретилъ вообще принимать на работу дѣтей, достигшихъ 12-ти лѣтъ ⁸⁾, а въ предприятияхъ, являющихся по своимъ свойствамъ вредными для здоровья малолѣтнихъ, или гдѣ работа для нихъ будетъ признана изнурительной, воспрещено допускать на работу и лицъ моложе 15-ти лѣтъ,—списокъ

¹⁾ Art. 16 abs. I зак. 1877 г.

²⁾ Законъ 8 мая 1892 г.

³⁾ Зак. 14 ноябр. 1895 г.

⁴⁾ Зак. 1904 г. объ ученичествѣ

⁵⁾ Зак. 1906 г. объ ученичествѣ.

⁶⁾ См. ст. 2 зак. 1906 г. кант. Цюрихъ, ст. 3 зак. 1904 г. кант. Цугъ ст. 2 зак. 1906 г. кант. Люцернъ.

⁷⁾ Женевск. зак. 1899 г. ст. 1, Золотурн. зак. 1895 г.

⁸⁾ См. 108 Уст. о Пром.

такихъ предпріятій долженъ быть установленъ Министрами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ по взаимному соглашенію ¹⁾. Но этотъ законъ 1882-го г. относился исключительно къ дѣтямъ, работающимъ въ крупной промышленности, на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ, а работу дѣтей въ ремесленныхъ предпріятіяхъ оставлялъ безъ регламентаціи. При обсужденіи даннаго законопроекта Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта, правда, остановились было на вопросѣ, не слѣдуетъ-ли распространить дѣйствіе вновь издаваемого закона и на ремесленные заведенія, но въ результатѣ разрѣшили этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Соединенныя Департаменты исходили при этомъ изъ тѣхъ соображеній, что, во первыхъ, даже сравнительно крупныя ремесленныя предпріятія представляютъ много особенностей сравнительно съ фабриками и заводами, почему существуетъ достаточный поводъ предполагать, что не всѣ ограниченія работы несовершеннолѣтнихъ, вводимыя для фабрикъ, будутъ соответствовать также и условіямъ различныхъ ремеселъ, и, во вторыхъ, изъ объясненій экспертовъ видно, что въ ремесленныхъ мастерскихъ малолѣтнія изнуряются не столько работой, сколько общеупотребительными со стороны хозяевъ способами обращенія съ учениками и дурнымъ ихъ содержаніемъ. Поэтому слѣдуетъ опасаться, что предположенныя для фабрикъ правила не всегда будутъ достаточно ограждать малолѣтнихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ окажутся не вполне удобопримѣнимыми. Объять всѣ такого рода особенности и оцѣнить, въ какой мѣрѣ каждая изъ нихъ должна вліять на опредѣленіе тѣхъ или другихъ ограниченій, было-бы въ настоящее время невозможно, по причинѣ совершенной новизны у насъ подобныхъ мѣропріятій ²⁾. На основаніи такихъ, надо сознаться, туманныхъ соображеній Госуд. Совѣтъ призналъ болѣе осторожнымъ ограничиться лишь предоставленіемъ Министру Финансовъ, въ видѣ временной мѣры, распространять дѣйствіе даннаго закона на тѣ категоріи ремесленныхъ мастерскихъ, въ которыхъ примѣненіе его не можетъ вызвать затрудненій. Но даже послѣдняя мѣра осуществилась, лишь въ 1890-омъ году, когда Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд.

¹⁾ Ст. 111. Уст. о Пром.

²⁾ Журн. Соед. Д-овъ Госуд. Сов. 1882 г. № 53.

Совѣта предоставило Министру Финансовъ по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, временно, въ теченіе 3-хъ лѣтъ распространять правила о работѣ и обученіи малолѣтнихъ на тѣ ремесленныя заведенія, къ которымъ примѣненіе оныхъ признано будетъ полезнымъ. Однако это временное постановленіе, возобновлявшееся съ нѣкоторыми перерывами вплоть до 1900-го года, никакихъ серьезныхъ практическихъ результатовъ не дало.

Впрочемъ, если въ видѣ общаго правила нормы о защитѣ рабочихъ, установленныя закономъ 1882-го г., къ ремесленнымъ заведеніямъ и не должны примѣняться, тѣмъ не менѣе эта точка зрѣнія не была безусловно выдержана на практикѣ. Это видно изъ того, что въ изданномъ въ 1884-омъ году списокѣ предпріятій, гдѣ, согласно ст. 111 Уст. о Пром., работа малолѣтнихъ, не достигшихъ 15 лѣтъ, должна быть безусловно воспрещена, мы встрѣчаемъ на ряду съ различными фабриками и заводами и „ремесленныя заведенія для очистки золота и серебра помощью кислотъ, для золоченія и серебрянія черезъ огонь и гальванопластическимъ путемъ, а также для обработки соровъ, содержащихъ драгоцѣнныя металлы“, а затѣмъ также пекарни и булочные ¹⁾, но, конечно, эти отдѣльныя случайныя постановленія мало улучшаютъ положеніе вещей.

Такимъ образомъ, въ заключеніе приходится притти къ тому выводу, что наше русское право въ отношеніи защиты труда малолѣтнихъ учениковъ стоитъ значительно ниже большинства западныхъ государствъ; оно осталось чуждымъ всюду постепенно сказавшейся тенденціи приравнять ремесленныхъ учениковъ къ несовершеннолѣтнимъ фабричнымъ рабочимъ, распространивъ на нихъ постановленія о возрастномъ цензѣ, установленныя для послѣднихъ; у насъ попрежнему для того чтобы сдѣлаться ученикомъ не только полъ, но и возрастъ не имѣютъ значенія, поскольку, конечно, самая природа того или иного ремесла не дѣлаетъ фактически невозможнымъ примѣненіе труда дѣтей въ очень юномъ возрастѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что и въ Австріи дѣло обстоитъ не лучше, такъ какъ здѣсь судебная практика и литература не

¹⁾ Собр. Узакон. 1884 г. № 57.

распространяютъ на учениковъ постановленіе, запрещающее постоянную работу въ промышленности лицамъ моложе 12-ти лѣтъ, на томъ основаніи, что ученики поступаютъ для обученія, а не для постоянной работы¹⁾.

II. Если относительно условій необходимыхъ для вступленія въ ученики единственнымъ существеннымъ требованіемъ является наличность извѣстнаго минимальнаго возраста, гарантирующаго, что работа ученика не пойдетъ во вредъ его физическому развитію, то относительно качествъ лица, принимающаго кого-либо въ обученіе, законодательства должны быть болѣе требовательными. Ученикъ обычно у мастера не только обучается ремеслу, но и живетъ у него и, естественно, получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное воспитаніе въ широкомъ смыслѣ слова. Относится безучастно, какъ къ промышленному обученію, такъ и къ воспитанію будущихъ гражданъ, государство не можетъ, т. к. отъ этого зависитъ благосостояніе или упадокъ его самого, почему оно и должно предъявлять къ личности учителя такія требованія, которыя-бы по возможности гарантировали надлежащее исполненіе имъ его обязанностей учителя и воспитателя.

Цеховое право среднихъ вѣковъ главную гарантію видѣло въ томъ, чтобы учитель былъ полноправнымъ членомъ цеха. Условія, требовавшіяся для полученія этого права, считались вполне обеспечивающими, что и обученіе и воспитаніе будутъ стоять на должной высотѣ. Но въ настоящее время не только во Франціи и въ Швейцаріи, гдѣ нѣтъ цеховой организаціи, но и въ Германіи и Австріи, гдѣ принудительная цеховая организація въ той или иной формѣ сохранилась, принадлежность къ цеху не является необходимымъ условіемъ для права имѣть учениковъ. Но въ то время, какъ на Западѣ, родинѣ цеховой организаціи, прежнее ограниченіе круга лицъ, имѣющихъ право держать учениковъ, только цеховыми мастерами исчезло, у насъ въ Россіи это правило сохранилось до сихъ поръ вмѣстѣ съ цеховой системой. Статья 392-ая Уст. о Пр. прямо говоритъ, что никто изъ ремесленниковъ, кромѣ мастера, учениковъ держать не можетъ, что подтверждается и статьей 464-ой, указывающей, что ремеслен-

¹⁾ Heller, стр. 812.

ники, не принадлежащіе къ цехамъ, могутъ имѣть лишь ремесленныхъ работниковъ (въ томъ числѣ, конечно, и несовершеннолѣтнихъ), но не подмастерьевъ и учениковъ. По примѣру средневѣковыхъ цѣховъ исключеніе дѣлается нашимъ законодателемъ лишь для вдовъ цеховыхъ мастеровъ, которымъ дозволяется продолжать мужниномъ ремесло и имѣть подмастерьевъ и учениковъ¹⁾.

Въ средневѣковомъ правѣ предоставленіемъ права имѣть учениковъ только цеховымъ мастерамъ этимъ самымъ уже устанавливался цѣлый рядъ другихъ условій, которымъ должно было удовлетворять лицо, желающее взять ученика: наличность изв. возраста, извѣстныхъ познаній въ ремеслѣ, нравственности и т. п. Съ уничтоженіемъ современными западными законодательствами вышеназваннаго требованія принадлежности къ цеху отъ учителя, имъ пришлось уже специально устанавливать всѣ эти остальные условія, необходимыя для того, чтобы ученичество дѣйствительно соответствовало и интересамъ учениковъ и интересамъ государства. Къ такимъ условіямъ современныя законодательства относятъ наличность у учителя извѣстнаго возраста. Если учитель является въ то-же самое время и воспитателемъ ученика въ широкомъ смыслѣ этого слова, то вполне понятно, что надлежащимъ образомъ исполнить эту обязанность можетъ только лицо, достигшее уже извѣстнаго возраста, но никакъ не лицо, которое еще само является несовершеннолѣтнимъ. Кромѣ того, совершеннолѣтній возрастъ самъ по себѣ представляетъ уже нѣкоторую гарантію, что данное лицо и въ самомъ ремеслѣ приобрѣло извѣстную опытность и можетъ чему-нибудь научить ученика. Поэтому-то германскій Gew. Ordn. 1897-го г. и требуетъ²⁾, чтобы учитель имѣлъ минимумъ 24 года, причемъ составители закона оправдываютъ такое постановленіе тѣмъ, что, какъ показалъ опытъ, юные ремесленники принимаютъ учениковъ въ большинствѣ случаевъ исключительно съ цѣлью эксплуатировать ихъ дешевую рабочую силу и относятся крайне небрежно къ самому обученію, что, конечно, должно быть признано явленіемъ весьма нежелательнымъ. Но

¹⁾ ст. 400 Уст. о Пром.

²⁾ § 129 Gew. Ordn.

нужно при этомъ имѣть въ виду, что это постановленіе германскаго законодателя далеко не имѣетъ безусловнаго значенія. Прежде всего Gew. Ordn. различаетъ попятіе „halten“ отъ „anleiten“ учениковъ¹⁾: подъ первымъ онъ понимаетъ право принимать учениковъ въ предпріятіе для обученія, подъ „anleiten“ же самое обученіе и наблюденіе за учениками, и требованіе достиженія вышеуказаннаго возраста законодатель устанавливаетъ лишь по отношенію къ „anleiten“. Такимъ образомъ, и лицо моложе 24-хъ лѣтъ можетъ принять ученика, лишь бы только непосредственное обученіе и наблюденіе за ученикомъ имъ было ввѣрено другому лицу, удовлетворяющему вышеуказанному условію. Другое ограниченіе примѣненія даннаго требованія состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ отношеніе только къ ремесленнымъ ученикамъ, но не къ фабричнымъ и торговымъ. Наконецъ, высшимъ административнымъ учрежденіямъ предоставлено право при соблюденіи извѣстныхъ условій предоставлять отдѣльнымъ ремесленникамъ право имѣть учениковъ и безъ наличности даннаго возрастнаго ценза, а Союзному Совѣту это право предоставлено и по отношенію къ цѣлымъ отдѣльнымъ ремесламъ²⁾. Въ то время, какъ германскій законодатель устанавливаетъ вышеуказанное требованіе наличности у учителя извѣстнаго возраста независимо отъ того, какого возраста будетъ самъ ученикъ, французское право требуетъ отъ учителя 21-го года только въ томъ случаѣ, когда ученикъ будетъ несовершеннолѣтнимъ³⁾, — совершеннолѣтнихъ же учениковъ можетъ держать всякій, хотя-бы, такимъ образомъ, учитель былъ моложе своего ученика. Вышеуказанное запрещеніе распространяется, очевидно, и на несовершеннолѣтнихъ эмансипированныхъ. Кромѣ того, французское право отличается отъ германскаго тѣмъ, что не различаетъ „halten“ отъ „anleiten“, а говоритъ вообще о принятіи учениковъ („recevoir des apprentices“) и распространяетъ дѣйствіе вышеуказаннаго запрещенія, какъ и вообще всѣ правила объ ученичествѣ, и на учениковъ на фабрикахъ. Надо замѣтить, что во француз-

¹⁾ См. § 126 и 129 Gew. Ordn.

²⁾ § 129 Gew. Or.

³⁾ Art. 4 зак. 1851 г.

ской литературѣ эта статья 4-ая зак. 1851-го г. вызываетъ горячія возраженія, главнымъ образомъ тѣмъ, что она не дѣлаетъ исключенія и для эмансипированныхъ несовершеннолѣтнихъ. Несправедливо, говорятъ французскіе юристы¹⁾, признавать 18-лѣтняго юношу способнымъ вести торговлю и вообще управлять самостоятельно своими дѣлами и въ то-же время лишать его права обучать кого-либо своей профессіи, — вѣдь если-бы онъ не заслуживалъ довѣрія, его бы не эмансипировали. Подобное ограниченіе, по мнѣнію этихъ юристовъ, тѣмъ болѣе нераціонально, что въ крупной промышленности учениковъ обычно обучаетъ не самъ хозяинъ, а послѣдній поручаетъ это дѣло contre-maitre, chef d'atelier, такъ что въ сущности обученіе все равно находится въ рукахъ взрослого человѣка, а результатомъ запрещенія будетъ только то, что учениковъ въ этихъ случаяхъ будутъ брать эти contre-maitres прямо отъ своего имени, при какихъ обстоятельствахъ положеніе учениковъ будетъ болѣе печальнымъ и обращеніе съ ними болѣе жестокимъ, такъ какъ хозяинъ будетъ лишень возможности вмѣшиваться и слѣдить за ихъ положеніемъ и обученіемъ. Но есть и представители обратнаго мнѣнія, указывающіе на то, что учитель исполняетъ обязанности опекуна надъ несовершеннолѣтнимъ ученикомъ, а несовершеннолѣтній, хотя-бы и эмансипированный, опекуномъ быть по общему правилу не можетъ²⁾. Но во всякомъ случаѣ текстъ статьи 4-ой не позволяетъ толковать ее въ томъ смыслѣ, что къ эмансипированнымъ несовершеннолѣтнимъ она не относится.

Подобно двумъ вышеуказаннымъ законодательствамъ и у насъ въ Россіи учителемъ можетъ быть только лицо, достигшее извѣстнаго возраста. Это видно изъ того, что учениковъ брать у насъ можетъ только цеховой мастеръ, а чтобы получить это званіе необходимо имѣть минимумъ 21 годъ отъ роду³⁾. Въ противоположность тремъ вышеуказаннымъ законодательствамъ, ни въ Австріи ни въ Швейцаріи отъ лица, принимающаго къ себѣ учениковъ, не требуется достиженія опредѣленнаго возраста.

¹⁾ Hayem et Perin, стр. 90—91; Lareymondie, стр. 57.

²⁾ Dehlo, стр. 96.

³⁾ ст. 414 Уст. о Пр.

Кромѣ требованія отъ учителя изв. возрастнаго ценза, законодательства устанавливають нерѣдко и рядъ другихъ условій, долженствующихъ болѣе непосредственно гарантировать, чтобы учителями могли быть только лица, дѣйствительно знающія ту профессію, которой они берутся обучать учениковъ. Вопросъ о томъ, каковы должны быть эти условія, особенно большое вниманіе привлечь къ себѣ въ Германіи при изданіи новеллы 1897-го года. Законопроектъ, составленный правительствомъ, предполагалъ предоставить право обучать учениковъ ремеслу только тѣмъ лицамъ, которыя, или отбыли стажъ ученичества и выдержали испытаніе на подмастерье, или проработали въ ремеслѣ въ качествѣ самостоятельнаго ремесленника или „*Weikmeister'a*“ (старшаго рабочаго) или въ тому подобномъ положеніи минимумъ пять лѣтъ. Отбытію ученичества въ ремеслѣ проектъ приравнивалъ и обученіе въ крупномъ предпріятіи или въ какой-нибудь учебной мастерской и тому подобномъ ремесленно-учебномъ учрежденіи¹⁾. Затѣмъ, если ремесленникъ при соблюденіи вышеуказанныхъ условій приобрѣлъ право обучать учениковъ какому-нибудь опредѣленному ремеслу, то онъ могъ принимать учениковъ въ обученіе и родственнымъ ремесламъ и другимъ отраслямъ даннаго ремесла и даже, если въ предпріятіи его имѣеть мѣсто производство нѣсколькихъ различныхъ ремеселъ, то учениковъ онъ можетъ принимать по всѣмъ этимъ ремесламъ, а не только по тому, по которому онъ самъ сдалъ испытаніе или работалъ²⁾. Эти условія правительство считало вполне достаточными гарантіями того, что обученіе будетъ находиться въ рукахъ лицъ компетентныхъ. Но постановленія эти далеко не удовлетворили сторонниковъ ремесленно-цеховой политики, энергично настаивавшихъ и въ печати, и на различныхъ сѣздахъ, и въ Рейхстагѣ на введеніи „*kleine Befähigungsnachweis*“, т. е. предоставленія права обучать учениковъ только тѣмъ, кто приобрѣлъ право на званіе ремесленнаго мастера. Официально мотивировалось это требованіе тѣмъ, что обучать учениковъ можетъ хорошо только тотъ, кто самъ обученъ, между тѣмъ какъ одна работа въ ремеслѣ въ теченіе пяти лѣтъ не можетъ слу-

¹⁾ § 129 *Regierungs-Vorlage*.

²⁾ § 129 a *Reg.-Vorl.*

жить доказательствомъ познаній и способностей ремесленника¹⁾, но истинной подкладкой агитаціи со стороны сторонниковъ цеховой политики, несомнѣнно, являлась не забота о хорошемъ обученіи, а то, что въ „*kleine Befähigungsnachweis*“ ремесленники видѣли первый крупный шагъ къ введенію общаго *Befähigungsnachweis*, что являлось главной цѣлью всего ремесленнаго движенія. Поэтому-то введеніе „*kleine Befähigungsnachweis*“ и встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны противниковъ цехового движенія. Они указывали, что если и справедливо, что обучать можетъ только тотъ, кто самъ обученъ ремеслу, то изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, будто знающими ремесло являются только тѣ, которые сдали испытаніе на мастера: изъ тѣхъ ремесленниковъ, которые проработали въ ремеслѣ 5 и болѣе лѣтъ очень много такихъ, которые, и не сдавши испытанія, знаютъ ремесло гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которые это испытаніе на мастера выдержали, введеніе-же „*kleine Befähigungsnachweis*“, суживая число лицъ, имѣющихъ право имѣть учениковъ, поведетъ лишь къ тому, что вмѣсто учениковъ, будутъ держать соответствующее число несовершеннолѣтнихъ рабочихъ²⁾. Нѣкоторые ораторы, какъ напримѣръ Рихтеръ³⁾, шли еще далѣе и высказывались за полную отмѣну всего § 129 правительственнаго проекта, мотивируя это, во первыхъ, тѣмъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о тѣхъ, кто имѣеть право держать учениковъ (*halten*), а о тѣхъ, кто имѣеть право обучать ихъ (*anleiten*), между тѣмъ какъ на практикѣ было-бы чрезвычайно затруднительно опредѣлять, кто изъ работающихъ въ данной мастерской имѣеть право обучать, кто не имѣеть,—нельзя же для каждой мастерской создать особыхъ полицейскихъ чиновниковъ для надзора; во вторыхъ противъ § 129, по мнѣнію этихъ лицъ, говоритъ также то, что и сдача испытанія и самостоятельная работа въ теченіе изв. количества лѣтъ могутъ гарантировать лишь то, что данныя лица сами умѣютъ

¹⁾ См. рѣчь депутата Hitze въ *Stenogr. Ber. Reichstags*, 1895/97 г. томъ VII стр. 5385—5388.

²⁾ *Stenographische Berichte*. *loc. cit.* рѣчь деп. Бассермана (нац. либ.) стр. 5397—5401.

³⁾ *Stenogr. Berichte*, *loc. cit.* рѣчь Рихтера (свободом.) стр. 6108.

работать, но это еще нисколько не доказываетъ, что они въ то-же время способны и хорошо обучать; наконецъ всѣ эти гарантіи правильнаго обученія въ сущности совершенно излишни потому, что обученіе въ ремеслѣ, какъ это показала анкета 1895-го года, вовсе обстоитъ не такъ плохо, и всѣ жалобы на плохое обученіе неосновательны.

При томъ соотношеніи партійныхъ силъ, которое существовало въ то время въ Рейхстагѣ (центръ и правые, настроенные въ пользу ремесленнаго движенія, располагали большинствомъ голосовъ), введеніе „kleine Befähigungsnachweis“, будучи принято въ комиссіи, свободно могло быть проведено и въ Рейхстагѣ, и если это не произошло, то только вслѣдствіе категорическаго заявленія правительства, что принятіе даннаго пункта создастъ серьезную опасность отказа въ утвержденіи всего законопроекта со стороны Союзнаго Совѣта. Но эта неудача не заставила вождей ремесленнаго движенія отказаться отъ своихъ стремленій. Наоборотъ, они еще болѣе усиливаютъ агитацію за введеніе „kleine Befähigungsnachweis“, и въ 1908-омъ году ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ. Поэтому въ настоящее время въ Германіи право обучать учениковъ въ ремеслѣ принадлежитъ только тѣмъ, кто сдалъ испытаніе на мастера; если же такое лицо (т. е. имѣющее званіе мастера) пожелаетъ обучать учениковъ въ томъ ремеслѣ или отрасли ремесла, по которымъ оно испытанія не сдавало, то оно можетъ это сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, когда именно въ этомъ ремеслѣ оно отбыло ученичество и сдало испытаніе на подмастерье или-же проработало въ немъ самостоятельно или въ качествѣ старшаго рабочаго и т. п. не менѣе 5 лѣтъ¹⁾. Изъ этого общаго правила законъ допускаетъ лишь слѣдующія исключенія: 1) высшія административныя учрежденія могутъ предоставить право обучать учениковъ отдѣльнымъ лицамъ, неудовлетворяющимъ вышеприведеннымъ условіямъ, съ правомъ въ любой моментъ снова отобрать эту привиллегію, но съ тѣмъ, чтобы какъ при дарованіи, такъ и при отобраніи этой привиллегіи, было спрошено мнѣніе ремесленной камеры, а если данное лицо принадлежитъ къ цеху, или если въ его мѣстѣ жительства

¹⁾ § 129 Gew. Ordn. въ новой редакціи закона 1908-го года.

существуетъ цехъ даннаго ремесла, то и мнѣніе цеха; 2) Союзный Совѣтъ можетъ устанавливать исключенія изъ общихъ правилъ относительно права имѣть учениковъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности, но также по выслушаніи мнѣнія ремесленныхъ камеръ; 3) наконецъ, когда послѣ смерти ремесленника предпріятіе его продолжается за счетъ вдовы или малолѣтнихъ наслѣдниковъ, то въ теченіе года со дня смерти мастера обученіе взятыхъ имъ учениковъ можетъ быть ввѣрено и лицу, не сдавшему испытанія на мастера, но во всемъ остальномъ удовлетворяющему условіямъ § 129 abs. 1 (пятилѣтняя работа или отбытіе ученичества); нисшимъ административнымъ учрежденіямъ предоставлено право разрѣшать вышеуказаннымъ лицамъ, не имѣющимъ званія мастера, обучать учениковъ вмѣсто мастера въ теченіе одного года и въ другихъ случаяхъ, причемъ высшія административныя учрежденія могутъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ этотъ срокъ продолжить по выслушаніи мнѣнія ремесленной камеры. Въ остальномъ постановленіи § 129 Gew. Ord. 1897-го г. по существу остались неизмѣненными.

Довольно серьезные ограниченія въ правѣ имѣть учениковъ новый законъ 1908-го г. внесъ и въ § 129-а. По закону 1897-го г. этотъ параграфъ въ своемъ первомъ пунктѣ предоставлялъ хозяину предпріятія, въ которомъ соединено было производство нѣсколькихъ ремеселъ, обучать учениковъ по всѣмъ этимъ ремесламъ, если онъ по одному изъ нихъ проработалъ 5 лѣтъ или отбылъ ученичество съ подмастерскимъ испытаніемъ. Теперь-же, по новой редакціи § 129-а такой хозяинъ, выдержавшій испытаніе на мастера, можетъ обучать учениковъ по всѣмъ другимъ ремесламъ лишь съ разрѣшенія нисшихъ административныхъ учрежденій, которыя должны сперва выслушать мнѣніе ремесленной камеры. Кромѣ того, онъ можетъ привлекать учениковъ къ работѣ въ тѣхъ ремеслахъ, въ которыхъ ему права обучать учениковъ не предоставлено, лишь постольку, поскольку это не противорѣчитъ цѣли обученія учениковъ тому ремеслу, которому они обучаются.

Такимъ образомъ, въ Германіи пожеланія ремесленниковъ осуществлены закономъ 1908-го года, — „kleine Befähigungsnachweis“ введенъ, и право обучать учениковъ поставлено въ зависимость отъ цѣлаго ряда условій. Но нужно имѣть въ

виду, что все эти требования установлены только для обучения учеников ремесленных: для фабричных и торговых учеников никаких подобных ограничений не существует. Правда, мелкие торговцы, следуя примеру ремесленников, также поднимали было агитацию за то, чтобы и в торговле право иметь учеников было предоставлено лишь тем, кто отбыл сам установленный срок ученичества в торговом предприятии¹⁾, но требования эти конечно никакого результата не имели и вряд ли будут иметь: если в ремесле введение подобных ограничений могло оправдываться необходимостью гарантировать правильное обучение, то в торговле, где крупный купец, получивший хорошее торговое образование, несомненно лучше обучить ученика торговле чем лицо, отбывшее само ученичество, требования эти уже через чур открыто обнаруживают стремление мелких торговцев получить только исключительную привилегию эксплуатации дешевого труда учеников.

Если в Германии ограничение права обучать учеников введено специальным законом о „kleine Befähigungsnachweis“, то в Австрии и России это ограничение является следствием общего Befähigungsnachweis, т. е. предоставления права вообще самостоятельно заниматься ремеслом, а следовательно и иметь учеников, только лицам, чьи познания в ремесле доказаны надлежащим образом. В Австрии таким доказательством считается надлежащее отбытие ученичества со сдачей испытания на подмастерье и сверх того представление свидетельства о работе в качестве подмастерья в течение трех лет²⁾; обязательных испытаний на мастера в Австрии пока не существует, но закон 1907-го года постановил, что через пять лет, т. е. с 1912-го года право обучать учеников будут иметь лишь те ремесленники, которые выдержали подобный экзамен³⁾. У нас в России также учеников держать может только мастер, а чтобы сделаться мастером нужно отбыть ученичество и подмастер-

¹⁾ Wernicke, «Kapitalismus u. Mittelstandspolitik», 1907 г. стр. 860.

²⁾ § 14 Gew. Ordn.

³⁾ § 114-a Gew. Ord.

ство и сдать испытание на звание мастера¹⁾, причем, однако весь вышеуказанный путь для получения звания мастера может быть заменен представлением соответствующего аттестата учебного заведения²⁾. Исключение из вышеизложенных условий, требуемых для права иметь учеников, предоставлено только вдове мастера: в случае если она пожелает продолжать мужнино ремесло, она может, также как и мастер, иметь учеников³⁾.

Несмотря однако на значительное сходство постановлений германского права с одной стороны и австрийского и русского законодательства с другой по вопросу об условиях, предъявляемых к лицам, желающим принимать учеников в обучение, в действительности между этими законодательствами существует довольно существенное различие. Последнее состоит в том, что в Германии вышеуказанные ограничения относятся, как мы выше видели, только к праву обучать учеников в тесном смысле этого слова („anleiten“), так что принимать учеников в обучение („halten“) могут лица и не удовлетворяющие этим условиям, лишь бы самое обучение было вверено ими лицу, имеющему kleine Befähigungsnachweis, между тем как в Австрии и России вышеуказанные ограничения являются следствием общего Befähigungsnachweis в связи с предоставлением права принимать учеников только хозяевам предприятий. Поэтому в этих государствах требования прохождения ученичества и подмастерства и т. п. относятся к праву принимать учеников, так что лица, не удовлетворяющие всем вышеуказанным требованиям, не могут принимать учеников даже при условии, что самое обучение последних будет поручено лицу, обладающему Befähigungsnachweis.

В противоположность вышеуказанным законодательствам, французское право никаких условий, которые бы гарантировали правильность обучения, от лиц, берущих на себя обязанность обучать учеников, не требует, на что в литературе нередко указывалось, как на серьезный недоста-

¹⁾ Уст. о Пром. ст. 387, 388, 392, 402, 414, 415.

²⁾ Уст. о Пром. ст. 388.

³⁾ Уст. о Пром. ст. 400 и 401.

токъ французскаго законодательства въ области ученичества ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе и молодое сравнительно швейцарское законодательство въ этомъ отношеніи пошло по слѣдамъ Франціи. Изъ кантональныхъ законовъ только законы Фрейбурга и Валлиса обуславливаютъ право обучать учениковъ слачей мастеромъ соответствующихъ испытаній ²⁾, остальные же кантоны ихъ примѣру не послѣдовали,—мотивъ тотъ, какъ говорить объяснительная записка къ проекту закона объ ученичествѣ кантона Ааргау ³⁾, что подобное ограниченіе встрѣтило-бы безъ сомнѣнія значительное противодѣйствіе со стороны населенія.

Выше мы говорили, что мастеръ по отношенію къ ученику является не только учителемъ ремесла, но и воспитателемъ. Тѣ мѣры, которыя мы только что разсмотрѣли, установлены нѣкоторыми законодательствами съ цѣлью гарантировать, насколько это возможно, чтобы лицо, принимающее ученика было лицомъ дѣйствительно способнымъ обучать. Но всѣ законодательства принимаютъ также тѣ или иные мѣры, чтобы это лицо годилось и для роли воспитателя, по крайней мѣрѣ, чтобы оно по своимъ нравственнымъ качествамъ не принадлежало къ такимъ субъектамъ, которые могли-бы оказать на находящихся на ихъ попеченіи учениковъ пагубное вліяніе. Съ этой цѣлью западныя законодательства прежде всего лишаютъ права имѣть учениковъ лицъ, осужденныхъ за извѣстныя преступленія и проступки. Такъ, германское законодательство запрещаетъ, какъ имѣть учениковъ, такъ и обучать ихъ, лицамъ, лишеннымъ гражданской чести („bürgerl. Ehrengrechte“ ⁴⁾), каковое лишеніе можетъ имѣть мѣсто только по приговору уголовного суда. Аналогичныя постановленія мы находимъ и въ цѣломъ рядѣ швейцарскихъ кантональныхъ законовъ ⁵⁾, причемъ нѣкоторые изъ нихъ идутъ дальше и запрещаютъ имѣть учениковъ лицамъ, хотя и не-

¹⁾ См. Fouqué, стр. 51.

²⁾ Freiburg, Reglement über d. Lehrlingswesen § 24; Wallis § 6.

³⁾ Bericht zum Vorentwurf eines Gesetzes über das Lehrlingswesen für den Kanton Aargau 1906 г. стр. 15.

⁴⁾ § 126 Gew. Ordn. и § 51. Н. G. B.

⁵⁾ Basel St. § 6, Bern § 3, Zug § 18 и др.

лишеннымъ гражданскихъ правъ, но осужденнымъ за преступленіе или проступокъ противъ нравственности ¹⁾. Австрійскій законодатель запрещаетъ имѣть учениковъ лицамъ, осужденнымъ за какое-либо преступленіе или за проступокъ, совершенный изъ корыстолюбія или противъ общественной нравственности и т. п. ²⁾. Также и французское право устанавливаетъ такое запрещеніе для лицъ, приговоренныхъ за преступленіе, за покушеніе противъ нравственности или присужденныхъ къ тюремному заключенію на срокъ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ за дѣянія, предусмотрѣнные §§ 388, 401, 405—408 и 423 Уголовнаго кодекса ³⁾. Во Франціи, однако, это постановленіе смягчается предоставленіемъ префекту по ходатайству мэра права снять вышеуказанное запрещеніе, если данное лицо, по отбытіи наказанія прожило минимумъ 3 года въ данной общинѣ ⁴⁾. Однако это только право префекта, а не обязанность, такъ что примѣненіе или непримѣненіе льготы, установленной статьей 7-ой, всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія префекта.

Но вышеуказанныхъ постановленій западныхъ законодательствъ само собой было недостаточно для того, чтобы устранить возможность приѣма учениковъ лицами, не пригодными для роли воспитателей, такъ какъ и не будучи осужденнымъ уголовнымъ судомъ можно быть человекомъ безнравственнымъ, обученіе у котораго можетъ въ корень погубить юношу. Поэтому, кромѣ лишенія права имѣть учениковъ лицъ, признанныхъ преступными въ судебномъ порядкѣ, законодательства предусматриваютъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ лишенія права имѣть учениковъ навсегда или на опредѣленный срокъ по распоряженію администраціи. Такое право германское законодательство предоставляетъ администраціи по отношенію къ лицамъ, неоднократно оказывавшимся виновными въ грубыхъ нарушеніяхъ своихъ обязанностей по отношенію къ ученикамъ, или къ тѣмъ, которыхъ какое-либо обстоятельство дѣлаетъ въ нравственномъ отношеніи непри-

¹⁾ Напр. Bern § 3.

²⁾ § 98 Gew. Ordn.

³⁾ Зак. 1851-го г. § 6.

⁴⁾ см. 7 зак. 1851 г.

годными для того, чтобы держать и обучать учениковъ, или, наконецъ, къ тѣмъ, которыя вслѣдствіе какого либо физическаго или духовнаго порока являются непригодными для обученія учениковъ (но имѣть учениковъ послѣдней категоріи не возбранялось); подобныя распоряженія администраціи могутъ быть обжалованы, и, кромѣ того, высшіе административные органы по прошествіи года могутъ возстановить право имѣть учениковъ лицу, у котораго это право было отнято администраціей¹⁾. Лишеніе права имѣть учениковъ въ вышеуказанныхъ случаяхъ допускаютъ и австрійское право²⁾ и швейцарскіе кантональные законы³⁾. Въ противоположность перечисленнымъ законодательствамъ, во Франціи такого лишенія права имѣть учениковъ въ административномъ порядкѣ не существуетъ, но за то тамъ имѣется другое правило, имѣющее цѣлью оградить нравственность учениковъ, котораго нѣтъ въ другихъ законодательствахъ. Это правило состоитъ въ запрещеніи лицамъ холостымъ или вдовымъ принимать въ ученицы несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ съ тѣмъ, чтобы онѣ жили у мастера, но въ качествѣ приходящихъ ученицъ обучать ихъ законъ никому не запрещаетъ⁴⁾. Цѣль, которую въ данномъ случаѣ преслѣдуетъ законодатель, очевидна: оградить нравственность несовершеннолѣтнихъ ученицъ отъ покушеній со стороны мастера, столь легко возможныхъ, когда дѣвушка живетъ съ нимъ подъ одной кровлей, и вообще оградить ее отъ дурнаго вліянія той нравственной атмосферы, которую легко можно встрѣтить въ домѣ холостого человѣка. Исходя изъ этой цѣли закона, большинство юристовъ⁵⁾ вполне правильно распространяетъ постановленіе § 5 и на мастеровъ, хотя и женатыхъ, но живущихъ раздѣльно отъ женъ, т. е. опасность для ученицъ здѣсь совершенно тождественна съ тѣми случаями, когда

¹⁾ § 126-a Gew. Ordn.

²⁾ §§ 98-a и 133-a Gew. Ordn.

³⁾ Zug § 18, Zürich § 16, Bern § 4, Schwyz § 25, Freiburg § 6, и др.

⁴⁾ См. § 5 зак. 1851-го г.

⁵⁾ Carré, «Competence des juges de paix» № 765; Frerejouan du Saint, стр. 38; Ruben de Couder, «Dict. de droit comm., V Apprentissage».

мастеръ холостъ или вдовъ, но существуютъ и сторонники узкаго, буквальнаго толкованія данной статьи¹⁾, опирающіеся на то, что законъ говоритъ только о холостыхъ и вдовцахъ, а лицо, хотя и живущее раздѣльно отъ жены, юридически должно разсматриваться, какъ женатое. То-же различіе во взглядѣ, слѣдуетъ-ли, отдавать преимущество буквальному толкованію данной статьи, или-же цѣли, которую несомнѣнно преслѣдовалъ законодатель въ данномъ случаѣ, сказывается и въ разрѣшеніи вопроса, можетъ-ли мастеръ нанимать несовершеннолѣтнихъ неприходящихъ ученицъ въ томъ случаѣ, когда онъ хотя и холостъ или вдовъ, но имѣетъ мать, сестру, или другую взрослую родственницу, которая живетъ съ нимъ и управляетъ его домомъ, или же не можетъ. Сторонники буквальнаго толкованія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно²⁾, тогда какъ другіе юристы полагаютъ, что въ данномъ случаѣ та гарантія, которую законодатель видѣлъ въ томъ, что мастеръ является человѣкомъ женатымъ, будеть на лицо, вслѣдствіе чего § 5 здѣсь не долженъ имѣть примѣненія; подтвержденіе своего взгляда эти юристы видятъ также и въ томъ, что самъ законодатель въ § 15 зак. 1851-ого года считаетъ поводомъ прекращенія договора для несовершеннолѣтнихъ ученицъ смерть жены мастера или другой женщины изъ его семьи, которая завѣдывала его домомъ въ моментъ заключенія договора ученичества³⁾. Нельзя не согласиться, что послѣдній доводъ долженъ быть признанъ логически безусловно правильнымъ. Но, конечно, мастеръ не можетъ принимать ученицъ къ себѣ въ домъ, когда хозяйкой у него является его незаконная сожительница, хотя Conseils de Prud'hommes иногда и держатся иного взгляда⁴⁾.

Нужно замѣтить, что хотя § 5 закона 1851-го г. является и вполне цѣлесообразнымъ, но онъ далеко не вполне гарантируетъ нравственность несовершеннолѣтнихъ ученицъ, обучающихся у холостыхъ или вдовыхъ мастеровъ: какъ по-

¹⁾ Lareymondie, стр. 60.

²⁾ Lareymondie, стр. 59.

³⁾ Frerejouan du Saint, стр. 44.

⁴⁾ Prud'hommes Seine 27 juin 1871 г.

казываетъ опытъ, нравственность ихъ подвергается серьезному риску и тогда, когда онѣ только приходятъ работать, а спать уходятъ домой. На это обстоятельство указывалось еще при 3-мъ чтеніи законопроекта 1851-го года въ Corps législatif, когда Morellet предлагалъ въ § 5-омъ замѣнить слово „loger“ словомъ „avoir“ и, такимъ образомъ, запретить такимъ мастерамъ вовсе принимать въ обученіе несовершеннолѣтнихъ ученицъ, но это предложеніе было отклонено, какъ яко-бы черезчуръ уже стѣсняющее свободу промышленности.¹⁾

Обращаясь къ русскому праву, мы видимъ, что оно, по сравненію съ иностранными законодательствами, весьма мало гарантируетъ ученика отъ возможности попасть въ обученіе къ мастеру, нравственное вліяніе котораго можетъ оказаться вреднымъ для юноши. Правда, наше законодательство требуетъ, чтобы мастеръ былъ безпорочнаго поведенія (ст. 388 Уст. о Пром.) и необходимымъ условіемъ приѣма въ цехъ считаетъ представленіе въ Казенную палату свидѣтельства отъ цеха, которое выдается только по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи даннаго лица²⁾, но въ дѣйствительности это одна формальность, — кто не былъ осужденъ за к. н. преступленіе, всегда получить требуемое свидѣтельство, хотя бы онъ былъ горьчайшимъ пьяницей и развратникомъ. А при такомъ составѣ членовъ цеха является вполне естественнымъ, что на практикѣ никогда не примѣняется и статья 386-ая Уст. Пром., предоставляющая цеховому обществу съ вѣдома и согласія Общей Ремесленной Управы, въ составѣ не менѣе $\frac{1}{3}$ цеховыхъ мастеровъ, право исключать изъ своего общества порочнаго ремесленника, какъ нестерпимаго въ ономъ, хотя бы онъ гражданскимъ судомъ и судимъ еще не былъ: по крайней мѣрѣ пьяницы, развратники и лица, жестоко обращавшіеся съ своими семейными и учениками, до сихъ поръ такому исключенію почти никогда не подвергались. Точно также никакого почти практическаго значенія не имѣютъ и статьи 1379-ая и 1384-ая Улож. о Наказаніяхъ, согласно которымъ мастеръ лишается навсегда или на время права держать учениковъ за занятіе послѣднихъ болѣе домашней

¹⁾ См. Naumen et Perin, стр. 92.

²⁾ Уст. о Пром. ст. 370.

работой, чѣмъ относящейся къ мастерству, а также если будетъ доказано, что мастеръ не заботится объ обученіи и хощемъ поведеніи ученика; не имѣютъ статьи эти значенія потому, что для примѣненія ихъ необходимо, чтобы было возбуждено судебное преслѣдованіе противъ мастера за вышеуказанныя провинности, а преслѣдованіе это почти никогда не возбуждается за отсутствіемъ надлежащимъ образомъ организованнаго контроля за ученичествомъ. Такимъ образомъ, у насъ въ Россіи мастеръ можетъ быть неоднократно судимъ за разные неблаговидные поступки, и можетъ вести самый безнравственный образъ жизни и тѣмъ не менѣе не лишается права имѣть учениковъ, пока не будетъ исключенъ изъ цеха, чего онъ можетъ смѣло не бояться, или не совершить преступленія, связаннаго съ лишеніемъ правъ состоянія. Но зато наше право содержитъ постановленіе, подобнаго которому на Западѣ не имѣется — это запрещеніе мастерамъ-евреямъ держать учениковъ христіанъ, если они не имѣютъ ни одного подмастерья христіанскаго вѣроисповѣданія и не получаютъ сверхъ того особаго дозволенія Ремесленной Управы, подѣ собственной ея отвѣтственностью за надлежащее обученіе поступающихъ въ ученики¹⁾.

Изслѣдуя тѣ условія, которыя требуются для полученія права принимать учениковъ въ обученіе, намъ нужно еще остановиться на вопросѣ, могутъ ли принимать учениковъ только хозяева предпріятій, или же этого права не лишены и простые рабочіе. По этому вопросу категорическое указаніе мы находимъ во французскомъ правѣ, гдѣ прямо говорится, что учителями могутъ быть и простые рабочіе²⁾. Тамъ все же рѣшеніе надо вывести и для германскаго права, гдѣ законодатель говоритъ, что принимать учениковъ могутъ „Gewerbetreibende“³⁾, къ каковымъ могутъ быть причислены и рабочіе; этотъ выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ § 100 Gew. Ordn., предусматривающемъ возможность приѣма учениковъ ремесленниками, служащими въ имѣньяхъ и на фабрикахъ. Наоборотъ, въ Австріи и Россіи учителями, повидимому,

¹⁾ Примѣч. къ ст. 390 Уст. о Пром.

²⁾ Art. 1 Зак. 1851-го г.

³⁾ § 126-b. Gew. Ordn.

могутъ быть только хозяева. Въ австрійскомъ законодательствѣ это выражается ясно въ томъ, что оно, въ противоположность германскому праву, всюду учителя называетъ не „Gewerbtreibende“, а „Gewerbeinhaber“. У насъ въ Россіи вышеуказанное положеніе вытекаетъ изъ того, что законъ никому изъ ремесленниковъ, кромѣ мастера, учениковъ держать не позволяетъ ¹⁾, а мастеромъ законъ считаетъ лицо, имѣющее собственную мастерскую ²⁾. Это запрещеніе лицамъ экономически не самостоятельнымъ держать учениковъ особенно подчеркивается въ ст. 406-ой Уст. о Пром., гдѣ законъ запрещаетъ имѣть учениковъ подмастерьямъ, „какъ простымъ работникамъ мастерства, живущимъ трудами рукъ своихъ“. Что касается до швейцарскаго права, то въ нѣкоторыхъ кантонахъ законы объ ученичествѣ именуютъ учителя „Geschäftsinhaber“ ³⁾, что даетъ возможность причислить эти законы къ послѣдней группѣ законодательствъ, но въ цѣломъ рядѣ другихъ кантональных законовъ мы находимъ общее указаніе, что учителемъ является лицо, занимающееся промышленной или торговой дѣятельностью ⁴⁾, къ каковымъ лицамъ, конечно, могутъ быть отнесены и простые рабочіе.

Таковы условія, которыя законодательства устанавливаютъ для полученія права принимать учениковъ въ обученіе. Теперь намъ нужно разсмотрѣть, какія послѣдствія наступаютъ въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ, т. е. принятія ученика лицомъ, неимѣющимъ на это права, или принятія въ ученики лица, неудовлетворяющаго требованіямъ, установленнымъ закономъ, на примѣръ, не достигшаго опредѣленнаго возраста.

Обращаясь къ западнымъ законодательствамъ, мы видимъ, что послѣдствія эти состоятъ прежде всего въ наложеніи уголовнаго наказанія на лицъ, принявшихъ учениковъ вопреки запрещенію закона. Наказанія эти заключаются въ денежномъ штрафѣ, то весьма незначительномъ, какъ это имѣетъ

¹⁾ Ст. 392 Уст. о Пром..

²⁾ Ст. 388 Уст. о Пром.

³⁾ Bern §§ 3,4; Basel St. §§ 6,7; Glarus § 4; St. Gallen § 3.

⁴⁾ Freiburg §§ 1,6; Zug § 4; Obwalden § 1; Wallis § 7.

мѣсто во Франціи (отъ 5 до 30 фр.), то достигающемъ довольно внушительныхъ размѣровъ, какъ, на примѣръ, въ Германіи (до 2000 мар.). Въ случаѣ несостоятельности или рецидива виновный подвергается тюремному заключенію ¹⁾. Въ австрійскомъ законодательствѣ имѣется также весьма существенное постановленіе, устанавливающее возможность лишенія права имѣть учениковъ или несовершеннолѣтнихъ рабочихъ въ теченіе опредѣленнаго срока или навсегда въ видѣ наказанія для лицъ, нарушившихъ запрещеніе закона относительно пользования трудомъ лицъ, не достигшихъ установленнаго возраста ²⁾. Въ другихъ вышеуказанныхъ западныхъ законодательствахъ мы такого наказанія не встрѣчаемъ. Что касается до нашего русскаго права, то за отсутствіемъ опредѣленія минимальнаго возраста для ремесленныхъ учениковъ, нарушенія правилъ о приѣмѣ учениковъ могутъ выражаться въ принятіи ученика въ обученіе или лицомъ, неявляющимся цеховымъ мастеромъ, или мастеромъ, который на основаніи статей 1379-ой и 1384-ой Угол. Улож. былъ лишенъ этого права. Первый случай предусматриваетъ статья 481-ая Уст. о Пром., опредѣляющая денежное взысканіе отъ пяти до десяти рублей въ ремесленную казну съ подмастерья, который будетъ для работъ своихъ въ городѣ держать учениковъ; если онъ этой суммы добровольно не внесетъ, то съ него взыскивается вдвое ³⁾. Болѣе тяжелыя послѣдствія влечетъ за собой принятіе ученика мастеромъ, у котораго это право отнято въ видѣ наказанія, — онъ приговаривается въ этомъ случаѣ къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ ⁴⁾. Изъ этого видно, насколько наказанія, установленныя русскимъ правомъ, являются незначительными, по сравненію съ западными законодательствами.

¹⁾ Франц. зак. 1892-го года art. 26, законъ 1851-го года art. 20; Герм. Gew. Ordn. § 148 № 9a и 9b, зак. 1903-го года §§ 24—25; австр. Gew. Ordn. §§ 133, 133a; Freiburg § 21, Wallis § 33, Genf § 43, Zürich § 30, Luzern § 19 и др.

²⁾ Gew. Ordn. § 133a.

³⁾ Ст. 488 Уст. о Пром.

⁴⁾ Ст. 1379 и 1384 Угол. Улож.

Кромѣ уголовныхъ послѣдствій, принятіе ученика вопреки установленнымъ закономъ правиламъ должно влечь за собой признаніе такого договора недѣйствительнымъ, какъ заключеннаго вопреки постановленіямъ, изданнымъ законодателемъ для огражденія общественныхъ, а не только частныхъ интересовъ ¹⁾. Поэтому такой договоръ не можетъ служить для сторонъ источникомъ какихъ-либо правъ и обязанностей, а влечетъ за собой лишь возстановленіе каждаго контрагента въ то положеніе, въ которомъ онъ находился до заключенія сдѣлки, и возвращеніе каждому изъ нихъ того, что онъ на основаніи недѣйствительной сдѣлки передалъ своему контрагенту: такъ, если ученикъ уже пробылъ нѣкоторое время въ обученіи у мастера, то стоимость ихъ взаимныхъ услугъ—обученія со стороны мастера и работы со стороны ученика—стороны должны другъ другу возмѣстить по правиламъ о незаконномъ обогащеніи. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ ученичество до сихъ поръ имѣетъ характеръ извѣстнаго стажа, отбытіе котораго является существеннымъ условіемъ для полученія права заниматься ремесломъ, возникаетъ, кромѣ того, вопросъ о зачетѣ ученику времени ученичества, проведеннаго у мастера по такому ничтожному договору. Логически слѣдовало бы признать, что разъ договоръ оказался ничтожнымъ, то нужно разсматривать дѣло такъ, какъ если-бы въ данномъ случаѣ ученичества вовсе не было, и обязать ученика отбывать полностью стажъ ученичества у другого мастера, однако германское законодательство держится иного взгляда: оно признало несправедливымъ карать ученика за вину мастера и зачитываетъ ему то время ученичества, которое онъ провелъ у мастера по договору, заклю-

¹⁾ Нѣкоторые нѣмецкіе юристы (Н. Lehmann, стр. 13—15 и Р. Нанн, «Die Beendigung des kaufmännischen Lehrverhältnisses» 1906 г. стр. 38—39) полагаютъ, что договоръ торговаго ученичества, заключенный вопреки § 81 Н. Г. В., не будетъ недѣйствительнымъ, а только можетъ быть расторгнутъ ученикомъ, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что въ то время какъ Gew. Ordn. говоритъ, что лицо, не удовлетворяющее изв. условіямъ «*kanf nicht*» принимать учениковъ, Торговое уложеніе употребляетъ болѣе мягкій терминъ—«*darf nicht*». Но это мнѣніе не встрѣчаетъ сочувствія у наиболѣе видныхъ коммерціалистовъ (см. напр. Düringer u. Hachenburg, В. I стр. 482, Lehmann u. Ring, В. I стр. 190).

ченному вопреки §§ 126, 126а и 129 Gew. Ord. ¹⁾. Что касается, однако, русскаго права, то въ немъ не только нѣтъ указаній на подобную льготу для учениковъ, но, наоборотъ, изъ статьи 464-й Уст. о Пром., говорящей, что ремесленнымъ работникамъ, занимающимся по найму у ремесленниковъ, не имѣющихъ званія мастера, воспрещается именовать себя подмастерьями и учениками, можно вывести какъ разъ обратное заключеніе, т. е. что такое ученичество ученику не засчитывается. Правда, эта суровость русскаго права можетъ быть смягчена тѣмъ, что такому ученику, какъ уже имѣющему извѣстныя познанія въ ремеслѣ, срокъ ученичества „по разсужденію Старшины и Старшинскихъ Товарищей“ можетъ быть уменьшенъ ²⁾, но это, конечно, только право вышеназванныхъ лицъ, которымъ они могутъ и не воспользоваться. Австрійскіе юристы также держатся мнѣнія, что время, проведенное ученикомъ у мастера, не имѣющаго права имѣть учениковъ, ученику не засчитывается ³⁾.

III. Однимъ изъ существенныхъ пунктовъ цеховаго средне-вѣковаго законодательства объ ученичествѣ было, какъ мы видѣли, запрещеніе мастеру держать болѣе опредѣленнаго числа учениковъ. Съ паденіемъ цеховаго строя это ограниченіе пало, и промышленники получили возможность держать учениковъ въ какомъ угодно количествѣ. Но такое положеніе вещей въ концѣ концовъ вызвало протесты со стороны рабочаго класса. Мы уже выше указывали на ту борьбу, которую вели и ведутъ англійскіе трэдъ-юніоны за то, чтобы хозяева не принимали учениковъ въ числѣ, превышающемъ извѣстное процентное отношеніе между числомъ ихъ и числомъ взрослыхъ рабочихъ. Побудительной причиной этой борьбы со стороны рабочихъ являлось стремленіе удержать заработную плату отъ пониженія, могущаго произойти, какъ отъ конкуренціи дешеваго дѣтскаго труда, такъ и отъ возникновенія избытка въ предложеніи труда въ будущемъ. И во многихъ отрасляхъ промышленности рабочимъ удалось до-

¹⁾ См. Landmann В. II стр. 270 пунктъ 4-й.

²⁾ Ст. 419 Уст. Пр.

³⁾ Heller, стр. 25.

биться своей цѣли посредствомъ особыхъ соглашеній съ предпринимателями ¹⁾).

Во Франціи при обсужденіи закона 1851-го г. объ ученичествѣ былъ поднятъ вопросъ объ ограниченіи числа учениковъ, но рѣшенъ онъ былъ отрицательно. Докладчикъ коммисіи—Callet—энергично протестовалъ противъ установленія ограниченія, указывая на нецѣлесообразность и даже вредность подобнаго постановленія: „Мастеръ, работающій медленно и лѣниво“, говорилъ Callet, „дѣйствительно съ трудомъ справится и съ обученіемъ одного ученика, но за то искусный и прилежный ремесленникъ въ это-же самое время съ успѣхомъ обучитъ 3—4-хъ учениковъ,—зачѣмъ-же запрещать хорошему мастеру какъ слѣдуетъ обучать многихъ лицъ? Пусть мастеръ держитъ ихъ хоть 10 человекъ, лишь-бы онъ серьезно и хорошо исполнялъ свои обязанности по отношенію къ нимъ, устанавливая-же ограниченіе въ числѣ учениковъ, этимъ самымъ мы создали-бы препятствіе для многихъ получить доступъ къ мастерству, сдѣлали-бы ремесло привилегіей для немногихъ, что въ сущности повело бы къ возстановленію прежнихъ цеховыхъ корпорацій“ ²⁾. И законъ 1851-го г. ограниченія въ числѣ учениковъ не установилъ.

Отсутствие подобнаго постановленія давало хозяевамъ широкую возможность злоупотреблять дешевымъ трудомъ учениковъ, набирая ихъ столько, что о серьезномъ обученіи ихъ не могло быть и рѣчи. Жалобы на подобнаго рода явленіе слышались часто. Насколько онѣ были справедливы, видно изъ того, что по результатамъ анкеты, организованной въ 1901-омъ году учрежденнымъ при Министерствѣ Торговли Conseil superieur du travail, обнаружилось, что на 10 взрослыхъ рабочихъ въ 537 предпріятіяхъ приходился одинъ ученикъ, въ 284-хъ предпр.—2 ученика, въ 114 предпр.—3 ученика, въ 88 предпр. отъ 4-хъ до 5 учениковъ, а въ 27 предпріятіяхъ—отъ 6—12 учениковъ. Гораздо болѣе въ мрачныхъ краскахъ

¹⁾ См., напримѣръ, Brodnitz въ Jahrb. f. Nat. u. Statist. III Folge, Band 35, 1908 г. стр. 167.; Jagwitz, «Soziale Gesetzgebung. u. Sozialdemokratie» 1904 г. стр. 31; Brentano, «Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht» 1877 г. стр. 124 и сл.

²⁾ Naum et Perin, стр 6—7.

обрисовано было положеніе вещей на конгрессѣ французской федераціи книгопечатниковъ въ 1900-омъ году: здѣсь указывалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, число учениковъ равняется или даже превышаетъ число взрослыхъ рабочихъ ¹⁾. Если принять во вниманіе, что, для того чтобы не получилось избытка въ предложеніи труда и увеличенія арміи безработныхъ, число учениковъ, при нормальномъ ростѣ промышленности и трехлѣтнемъ срокѣ ученичества, должно быть разъ въ 8—9 меньше числа взрослыхъ рабочихъ ²⁾, то нельзя не признать, что по даннымъ анкеты Conseil superieur du travail чуть не въ половинѣ предпріятій соотношеніе числа учениковъ къ числу взрослыхъ рабочихъ оказывается ненормальнымъ. Это дѣлаетъ вполне понятнымъ, что и французскіе рабочіе союзы, подобно англійскимъ, также начали бороться противъ вышеуказаннаго явленія, столь существенно нарушающаго ихъ интересы. Такъ, напримѣръ ³⁾, синдикальная палата рабочихъ-перчаточниковъ въ гор. Millan въ 1902-омъ г. выработала слѣдующія требованія: 1) чтобы лица, не принадлежащая сами къ профессіи перчаточниковъ, могли обучать данному ремеслу только одного изъ своихъ сыновей; 2) чтобы принимать новаго ученика можно было только по истеченіи 5 лѣтъ со дня окончанія обученія прежняго ученика, и 3) чтобы каждый перчаточникъ не могъ имѣть болѣе одного ученика. Въ Chaumont синдикатъ перчаточниковъ заставилъ хозяевъ принять ихъ требованіе, чтобы въ ученики принимались исключительно дѣти перчаточниковъ. Такъ какъ широкое пользованіе трудомъ учениковъ особенно было распространено въ книгопечатномъ дѣлѣ, то здѣсь борьба рабочихъ за ограниченіе числа учениковъ началась раньше (уже въ 1835-омъ г. рабочіе городовъ Бордо и Нанта подали соответствующую петицію въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ), и велась ожесточеннѣе. Послѣ долгой борьбы VII-ой національной конгрессъ типографовъ въ Парижѣ въ 1900-омъ г., наконецъ, принялъ,

¹⁾ Deholo, стр. 164—165.

²⁾ К. Oldenberg, «Die Lehrlingszuchtung im Bäckergewerbe» (Soc. Praxis 1898 г. № 2).

³⁾ Deholo стр. 294—302.

по соглашенію съ федераціей рабочихъ-книгопечатниковъ, рядъ постановленій, регулирующихъ ученичество, и въ томъ числѣ правило, чтобы въ каждомъ предпріятіи было не болѣе одного ученика на каждые пять взрослыхъ рабочихъ, причемъ ученики на четвертомъ и пятомъ годахъ обученія въ данномъ отношеніи должны считаться за взрослыхъ рабочихъ. Но, конечно, такіе отдѣльные случаи, за отсутствіемъ соответствующихъ постановленій въ законѣ, не могутъ имѣть серьезнаго значенія, и злоупотребленія числомъ учениковъ во Франціи являются распространеннымъ явленіемъ.

Не устанавливаетъ ограниченія числа учениковъ и швейцарское законодательство, вслѣдствіе чего и здѣсь число учениковъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ работаютъ женщины, очень часто является непомерно большимъ, какъ это, на примѣръ, констатировало статистическое изслѣдованіе ученичества въ С. Галленѣ въ 1895-омъ году ¹⁾.

Въ Германіи, съ паденіемъ цехового строя, т. наз. „Lehr-
lingszuchterei, т. е. чрезмѣрное увеличеніе числа учениковъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ также стало широко распространяться, что заставило при статистическомъ изслѣдованіи положенія ремесла, произведенномъ въ 1895-омъ г. обратить на этотъ вопросъ серьезное вниманіе. Изслѣдованіе это обнаружило, что у 14349 мастеровъ имѣется всего 21725 учениковъ, причемъ изъ этихъ мастеровъ 6577 человекъ держатъ только учениковъ, а 7772 имѣютъ какъ учениковъ, такъ и подмастерьевъ. Изъ первой категоріи мастеровъ имѣютъ по одному ученику 5142 человека, по 2 и болѣе—1435 человекъ; изъ второй категоріи мастеровъ у 2607 человекъ имѣется подмастерьевъ больше, чѣмъ учениковъ; у 3729 человекъ и тѣхъ и другихъ поровну, а у 1436 мастеровъ число учениковъ превышаетъ число подмастерьевъ ²⁾. Изслѣдователи однако не ограничились установленіемъ этихъ данныхъ, а задались также вопросомъ, какой выводъ можно сдѣлать изъ

¹⁾ См. Zinsli въ Schweiz. Blatt 1907 г., 2, стр. 553.

²⁾ Erhebung über Verhältnisse im Handwerk, bearbeitet im Kaiserl. Statist. Amt, 1895 г. Heft III стр. 38 и сл.; необходимо отмѣтить что изслѣдованіе это производилось не по всей Германіи, а только въ нѣкоторыхъ округахъ различныхъ областей.

этихъ цифръ относительно постановки ученичества въ ремеслѣ. Исходнымъ пунктомъ для этой оцѣнки они приняли положеніе, что въ среднемъ обученіе не можетъ вестись надлежащимъ образомъ тамъ, гдѣ число взрослыхъ работниковъ меньше числа учениковъ въ данномъ предпріятіи. Съ этой точки зрѣнія оказалось, что у 1815 мастеровъ (12,6% всѣхъ мастеровъ-учителей, записанныхъ въ данную перепись) обученіе должно считаться поставленнымъ неудовлетворительно, причемъ страдали отъ этого 4807 учениковъ—22,1% всего числа зарегистрированныхъ изслѣдователями учениковъ. Дальнѣйшей задачей изслѣдователей было попытаться, по возможности, опредѣлить въ цифрахъ тотъ ущербъ, который несутъ ученики, а вмѣстѣ съ ними и общество отъ подобной *Lehrlingszuchterei*. Чтобы разрѣшить эту крайне сложную задачу изслѣдователи прежде всего ставятъ вопросъ, какъ великъ ущербъ, ежегодно причиняемый ученику тѣмъ, что онъ, фактически не обучаясь, а работая, какъ обыкновенный несовершеннолѣтній рабочій, въ тоже время считается ученикомъ ¹⁾. Съ этой цѣлью они взяли данныя, собранныя въ сентябрѣ 1891-го г. берлинской промышленной депутаціей о высотѣ заработной платы въ 21-омъ предпріятіи, гдѣ работало 221 несовершеннолѣтній рабочій, и въ 48-ми предпріятіяхъ, гдѣ работало 395 учениковъ, не получающихъ отъ хозяевъ ни стола ни квартиры, и высчитали, что въ среднемъ несовершеннолѣтній рабочій получаетъ въ недѣлю 10,12 марокъ, а ученикъ только 6,16 мар., т. е. на 3,96 мар. меньше, что составитъ въ годъ ущербъ въ 205,92 марокъ, но изъ осторожности изслѣдователи въ качествѣ средней цифры для всей Германіи убытокъ этотъ приблизительно опредѣлили въ 100 марокъ. Но такой ученикъ терпитъ ущербъ не только въ годы обученія, но и впослѣдствіи, когда онъ вмѣсто обученаго рабочаго останется необученнымъ по винѣ мастера. Разсчетъ здѣсь дѣлается слѣдующимъ образомъ: статистическія изслѣдованія по городу Берлину обнаружили, что разница между заработной платой обученаго рабочаго съ одной стороны и необученаго съ другой равняется въ недѣлю 5,19 маркамъ, что составитъ въ годъ 269,88 марокъ, а при поштучной

¹⁾ Erhebung, стр. 77—80.

платѣ разница еще выше—въ недѣлю 6,35 мар., въ годъ 330,20 мар.; принимая опять минимальную цифру, изслѣдователи опредѣляютъ въ годъ убытокъ необученаго рабочаго въ среднемъ въ 150 марокъ. Число учениковъ, чье обученіе предполагается страдающимъ благодаря *Lehrlingszüchtereі*, въ округахъ, гдѣ производилось изслѣдованіе, равнялось, какъ мы видѣли 4807. Изъ этого числа, конечно, не всѣ ничему не обучались,—нѣкоторые изъ нихъ благодаря талантности или к. н. другимъ причинамъ могли сдѣлаться хорошими ремесленниками. Но за то и изъ 16918 учениковъ, находящихся въ предпріятіяхъ, гдѣ соотношеніе между числомъ учениковъ и числомъ взрослыхъ рабочихъ надо считать благоприятнымъ, многіе ученики все-же несомнѣнно фактически находятся на положеніи несовершеннолѣтнихъ рабочихъ или мальчиковъ на побѣгушкахъ. И вотъ принимая на кругъ число учениковъ, страдающихъ отъ плохого обученія, въ 4500 человекъ и множа это число на 20 (т. к. во всей Германіи число жителей въ 21,56 разъ больше числа жителей въ тѣхъ округахъ, которые подверглись обслѣдованію въ 1895-омъ году) изслѣдователи получаютъ въ среднемъ на всю страну 90000 учениковъ, обученіе которыхъ поставлено плохо. Итакъ, въ теченіе 3-хъ лѣтъ ученичества, согласно вышеприведеннымъ расчетамъ, ученикъ, не обучающійся, а работающій въ качествѣ несовершеннолѣтняго рабочаго, понесетъ ущербъ на 300 марокъ; если на основаніи статистическихъ, хотя и приблизительныхъ, выкладокъ принять, что въ среднемъ каждый рабочій проработаетъ 30 лѣтъ, то дальнѣйшій его ущербъ будетъ равняться $150 \times 30 = 4500$ марокъ, а всего такимъ образомъ $(300 + 4500) 4800$ марокъ, причемъ всѣхъ взрослыхъ рабочихъ въ Германіи, получившихъ такое плохое обученіе, надо считать приблизительно въ 750000 человекъ.

Таковы мрачные результаты, которые изслѣдователи приписываютъ дурному обученію, происходящему вслѣдствіе *Lehrlingszüchtereі*. Но послѣдняя вредно отражалась не только на самихъ ученикахъ, но и на взрослыхъ обученныхъ рабочихъ, сбивая имъ плату за трудъ и угрожая въ будущемъ безработицей. Нѣмецкіе рабочіе это рано поняли и уже въ 1848-омъ г. выставили требованіе, чтобы число учениковъ для каждого

мастера было ограничено ¹⁾. Возможно, что именно благодаря ихъ требованіямъ франкфуртскій ремесленный конгрессъ и включилъ въ выработанный имъ проектъ запрещеніе держать въ одно время болѣе 2-хъ учениковъ. Неосуществленіе этого требованія заставило рабочихъ итти инымъ путемъ, и мы видимъ, что и въ Германіи организованные рабочіе стремятся собственными силами побудить хозяевъ принять выработанные ими нормы числа учениковъ, хотя попытки эти встрѣчали въ большинствѣ случаевъ упорное сопротивленіе со стороны хозяевъ и оканчивались неудачей ²⁾. Что касается до ремесленного цехового движенія, то оно хотя и сохранило въ своей программѣ вышеуказанное постановленіе франкфуртскаго конгресса ³⁾, но относилось къ нему фактически гораздо холоднѣе, чѣмъ къ введенію обязательной цеховой организации и *Vefähigungsnachweis*. Причина вполне понятна: необходимость ограниченія *Lehrlingszüchtereі* хотя и являлась для идеологовъ цехового строя вполне несомнѣнной, тѣмъ не менѣе въ сущности далеко не соответствовала матеріальнымъ интересамъ мастеровъ, для которыхъ пользованіе дешевымъ трудомъ учениковъ являлось въ дѣйствительности однимъ изъ наиболѣе реальныхъ средствъ въ борьбѣ съ крупной промышленностью. Это противорѣчіе программы съ реальными интересами мастеровъ ясно сказалось, какъ въ Австріи, такъ и въ Германіи, когда законодательство до извѣстной степени осуществило ихъ требованія и предоставило цехамъ—въ Австріи въ 1883-ьемъ году, въ Германіи въ 1881-омъ г.—право самимъ издавать обязательныя постановленія о числѣ учениковъ. Такъ, на примѣръ, въ Австріи въ 1895-омъ году изъ 5317 цеховъ 520 совсѣмъ не позаботились издать соответствующихъ постановленій, 4665 цеховъ ограничили число учениковъ лишь для мастеровъ, которые вовсе не имѣютъ подмастерьевъ, т. что стоило мастеру взять одного подмастерья, и онъ могъ затѣмъ

¹⁾ Reschauer, «Geschichte des Kampfes der Handwerkerzünfte» 1882 г. стр. 207.

²⁾ Весьма интересныя свѣдѣнія объ этой борьбѣ см. у Gerstenberg, «Die neuere Entwicklung des deutschen Buchdruckgewerbes» 1892 г. стр. 62—97.

³⁾ См. Hitze, «Schutz dem Handwerk!» 1883 г.

уже набрать учениковъ, сколько ему угодно, и лишь всего 228 цеховъ дѣйствительно установили ограниченіе числа учениковъ для всѣхъ мастеровъ безъ исключеній ¹⁾. Такіе-же мало удовлетворительные результаты дала дѣятельность цеховъ въ этомъ отношеніи и въ Германіи. И здѣсь цехи не рѣшились принимать энергичныхъ мѣръ противъ *Lehrlingszüchtereі*, а довольствовались палліативами ²⁾, опасаясь, что въ противномъ случаѣ значительное число мастеровъ вовсе выйдетъ изъ цеха съ тѣмъ, чтобы послѣ выхода принимать учениковъ уже безъ всякихъ ограниченій ³⁾.

Отсутствіе серьезныхъ мѣръ противъ злоупотребленій числомъ учениковъ побудило германское правительство при выработкѣ проекта закона 1897-го г. попытаться установить болѣе дѣйствительныя гарантіи того, чтобы впредь обученіе не такъ страдало отъ своекорыстія мастеровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство признало нецѣлесообразнымъ устанавливать прямо въ законѣ опредѣленную цифровую норму учениковъ, которыхъ могъ имѣть одинъ учитель: оно предпочло предоставить право устанавливать эту норму различнымъ учрежденіямъ для отдѣльныхъ профессій. Такъ проектъ прежде всего предоставилъ право опредѣлять вышеуказанный минимумъ числа учениковъ Союзному Совѣту по отношенію къ отдѣльнымъ профессіямъ. Эти постановленія Союзнаго Совѣта распространяются на всю Имперію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Союзный Совѣтъ такого постановленія не издалъ, оно можетъ быть издано для отдѣльныхъ частей Имперіи областными центральными учрежденіями ⁴⁾. Постановленія Союзнаго Совѣта и областныхъ центральныхъ учрежденій могутъ

¹⁾ J. Pollitzer, «Die Lage der Lehrlinge im Kleingewerbe in Wien» 1900 г. стр. 28—29.

²⁾ Такъ, напримѣръ, лейпцигскій цехъ переплетчиковъ постановилъ, что если мастеръ работаетъ одинъ или не больше какъ съ 2-мя подмастерьями, то онъ можетъ принимать лишь 3-хъ учениковъ. Здѣсь, такимъ образомъ, самъ статутъ въ сущности санкционируетъ злоупотребленія, т. е. пріемъ 3-хъ учениковъ мастеромъ, не имѣющимъ подмастерья, несомнѣнно противорѣчитъ требованіямъ правильности обученія. (См. Penndorf, «Das Innungswesen im Königreich Sachsen» 1907 г. стр. 96—99)

³⁾ Penndorf, loc. cit.

⁴⁾ § 128 Gew. Ordn.

быть изданы по отношенію отдѣльныхъ отраслей промышленности, какъ фабричной, такъ и ремесленной, а для ремесленныхъ учениковъ подобное право кромѣ того предоставлено также ремесленнымъ камерамъ и цехамъ ¹⁾. Ремесленные камеры могутъ опредѣлять число учениковъ только для отдѣльныхъ ремеселъ въ предѣлахъ ихъ округа и, конечно, только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ соответствующаго постановленія Союзнаго Совѣта или областного центрального учрежденія, а цехи могутъ издавать такія постановленія лишь для своихъ членовъ и лишь въ томъ случаѣ, когда ремесленная камера подобнаго постановленія не установила. Какъ ремесленные камеры, такъ и цехи, при изданіи даннаго рода постановленій нуждаются въ согласіи областного центрального или высшаго административнаго учрежденія ²⁾. Наконецъ, хотя-бы число учениковъ въ какомъ-нибудь отдѣльномъ предпріятіи (фабричномъ или ремесленномъ безразлично) и не превышало нормы, установленной однимъ изъ вышеуказанныхъ учрежденій, но если тѣмъ не менѣе это число окажется несоответствующимъ объему или характеру даннаго предпріятія, благодаря чему правильная постановка обученія будетъ страдать, то высшія административныя учрежденія могутъ потребовать отъ хозяина, чтобы онъ отпустилъ извѣстную часть учениковъ, и на будущее время запретить ему принимать учениковъ въ числѣ, превышающемъ установленную даннымъ учрежденіемъ норму ³⁾. За нарушеніе всѣхъ этихъ постановленій, мастеру грозитъ штрафъ до 150 мар. или арестъ до 4-хъ недѣль ⁴⁾. При обсужденіи проекта въ Рейхстагѣ въ первомъ чтеніи вышеуказанныя мѣры противъ *Lehrlingszüchtereі* вызвали было возраженія слѣва. Депутатъ Шнейдеръ ⁵⁾ (свободо-мыслящая народная партія), не возражая въ принципѣ противъ борьбы съ злоупотребленіемъ числомъ учениковъ, въ то же самое время находилъ постановленія проекта въ данномъ отношеніи нецѣлесообразными именно потому, что они даютъ черезчуръ большія права высшимъ административнымъ чинов-

¹⁾ § 130 Gew. Ordn.

²⁾ §§ 103g abs. 4 и 100p. Gew. Ordn.

³⁾ § 128 Gew. Ordn.

⁴⁾ § 148 abs. 9-b Gew. Ordn.

⁵⁾ Stenograph. Berichte, loc. cit. стр. 5401 и сл.

никамъ, предоставляя имъ право вмѣшиваться въ жизнь отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій и опредѣлять, чрезмерно или нѣтъ число учениковъ въ нихъ, сколько изъ нихъ хозяинъ долженъ отпустить и т. п.. Особенно нерациональнымъ казалось Швейдеру, что нормы эти установлены не только для ремесленныхъ предпріятій, но и для фабрикъ: въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, необходимо подвергать административныхъ чиновниковъ особымъ испытаніямъ, насколько они знакомы съ организаціей фабричной промышленности и могутъ-ли они, такимъ образомъ, правильно пользоваться тѣми широкими правами, которыя имъ предоставляетъ законъ. Но большинство Рейхстага отнеслось къ постановленіямъ проекта сочувственно, и они безъ всякихъ измѣненій получили силу закона.

Что касается до примѣненія вышеуказаннаго закона на практикѣ, то по этому поводу Пенндорфъ въ своемъ изслѣдованіи, относящемся къ Саксоніи, сообщает ¹⁾, что Союзный Совѣтъ и Областные центральныя учрежденія своимъ правомъ опредѣлять число учениковъ пользуются крайне рѣдко, т. что въ сущности такія опредѣленія издаются почти исключительно ремесленными камерами. Цифровыя нормы, установленныя камерами, довольно разнообразны: такъ, напримеръ, лейпцигская камера опредѣлила норму—не болѣе 2-хъ учениковъ для мастеровъ, работающихъ безъ подмастерьевъ, и на каждого подмастерья также не болѣе двухъ учениковъ, такъ что мастеръ, имѣющій двухъ подмастерьевъ, не можетъ имѣть свыше шести учениковъ; дрезденская же камера разрѣшаетъ имѣть не болѣе трехъ учениковъ и на каждого подмастерья еще одного ученика, такъ что мастеръ съ двумя подмастерьями въ Дрезденѣ можетъ имѣть только пять учениковъ. Цифровыя данныя по этому вопросу мы находимъ также въ Erhebung über die Wirkungen des Handwerkergesetzes 1897 г. bearbeitet im Kaiserlich. Statist. Amt въ 1908 г.: здѣсь сообщается, что къ 25 октября 1904-го г. на 488700 членовъ цеховъ приходится 691569 подмастерьевъ и 264361 ученикъ, причемъ 24,9% всего числа мастеровъ держатъ только подмастерьевъ, 12,3%—только учениковъ, 22,6% имѣ-

¹⁾ Penndorf, стр. 121—123.

ютъ и подмастерьевъ и учениковъ, и наконецъ 402 работаютъ безъ вспомогательнаго персонала ¹⁾; въ результатъ получается, что на одного мастера приходится 1,55 ученикъ. Если сопоставить эти данныя съ цифрами, добытыми вышеупомянутымъ Erhebung über Verhältnisse im Handwerk въ 1895-омъ г., то соотношеніе окажется въ сущности неизмѣнившимся, т. к. въ 1895-омъ году на 14349 мастеровъ приходилось 21725 учениковъ, т. е. въ среднемъ на 1-го мастера—1,51 ученика. Что-же касается до вопроса, велико-ли число случаевъ, гдѣ число учениковъ въ предпріятіи превышаетъ число взрослыхъ рабочихъ, и такимъ образомъ обученіе, по мнѣнію изслѣдователей Erhebung 1895 г., не можетъ считаться правильно поставленнымъ, то на него Erhebung 1908-го года не даетъ отвѣта, но можно съ полнымъ основаніемъ предполагать, что такіе случаи по прежнему имѣютъ мѣсто: это видно во первыхъ уже изъ того, что сами ремесленныя камеры считаютъ вполне нормальнымъ порядкомъ вещей, когда у одного мастера, не имѣющаго вовсе подмастерьевъ, обучаются 2—3 ученика ²⁾, а во вторыхъ свѣдѣнія, какъ ремесленныхъ камеръ, такъ и чиновниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за промышленностью, удостовѣряютъ, что во многихъ ремеслахъ злоупотребленія числомъ учениковъ продолжаютъ ³⁾.

Въ Австріи опредѣленіе числа учениковъ соотвѣтственно съ числомъ взрослыхъ рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіи, предоставлено цеховымъ статутамъ, причемъ закономъ 1907-го года опредѣленіе этой нормы сдѣлано для цеховъ обязательнымъ. На ряду съ этимъ законъ 1907-го года принялъ мѣры противъ Lehrlingszüchtereі и по отношенію къ предпріятіямъ, не входящимъ въ цеховую организацію, предоставивъ Министру Торговли по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ

¹⁾ Erhebung, стр. 128

²⁾ См. выше стр. 308.

³⁾ См. Berichte d. Handwerkskammern Passau и Koblenz въ Westpreuss. Gewerksblatt 1902 г. № 33 стр. 139; С. Kaiser («Die Wirkungen d. Handwerkergesetzes in Württemberg u. Baden 1909 г. стр. 44) сообщаетъ, что хотя Lehrlingszüchtereі постепенно и уменьшается, но все же довольно часто встрѣчаются случаи, гдѣ мастеръ, имѣющій двухъ подмастерьевъ, держатъ 10—14 учениковъ.

Дѣль и по выслушаніи мнѣнія торговой и промышленной камеры устанавливать вышеуказанную норму какъ въ видѣ общаго правила, такъ и для отдѣльных округовъ ¹⁾. Точно также и въ Швейцаріи, гдѣ законодательство само числа учениковъ не опредѣляетъ, это право предоставлено по отношенію къ отдѣльнымъ профессіямъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ отдѣльныхъ кантоновъ ²⁾.

Что касается нашего русскаго права, то оно, какъ и французское, никакихъ ограниченій въ числѣ учениковъ для отдѣльныхъ предпріятій не устанавливаетъ.

IV. Въ обученіе обычно поступаютъ лица несовершеннолѣтнія или даже малолѣтнія. Поэтому по общему правилу договоры обученія должны-бы быть заключаемы ими или каждый разъ съ согласія попечителя или-же непосредственно опекунами. Такой порядокъ и имѣетъ мѣсто во Франціи, гдѣ договоръ объ обученіи несовершеннолѣтняго неэмансипированнаго по общему правилу заключается не самимъ несовершеннолѣтнимъ, а его родителями или опекунами, въ качествѣ его представителей. Представителями несовершеннолѣтняго при заключеніи договора могутъ быть также лица, уполномоченныя на то родителями, а за отсутствіемъ ихъ или за нежеланіемъ ихъ заботиться объ интересахъ своего сына, лица назначенныя мировымъ судьей ³⁾. Обычно такими уполномоченными мировые судьи назначаютъ различныя благотворительныя общества, ставящія себѣ цѣлью заботиться объ ученикахъ и вообще о безпризорныхъ дѣтяхъ. Въ литературѣ возникалъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли къ договорамъ личнаго найма, а слѣдовательно и ученичества, заключаемымъ несовершеннолѣтними, примѣнять правила объ имущественномъ наймѣ и позволять опекунамъ самостоятельно заключать такіе договоры лишь на срокъ не свыше 9-ти лѣтъ, а также, не слѣдуетъ-ли признать вышеуказанные договоры вообще имѣющими особенно важное значеніе и требовать для ихъ заключенія опекуномъ каждый разъ разрѣшенія семейнаго совѣта, утвержденнаго судомъ первой инстанціи, по аналогіи со статьями

¹⁾ §§ 114 и 100-а Gew. Ordn.

²⁾ См. Bern § 11, Zurich. § 25.

³⁾ Art. 3 закона 1851-го года.

457—458 Code civil, но оба эти вопроса и въ литературѣ и въ практикѣ разрѣшаются въ отрицательномъ смыслѣ ¹⁾. Относительно заключенія договора обученія несовершеннолѣтнимъ эмансипированнымъ мнѣнія французскихъ юристовъ расходятся. Одни полагаютъ, что такой несовершеннолѣтній можетъ и самъ заключать договоръ обученія, но только каждый разъ съ согласія попечителя, причемъ мотивируютъ такое рѣшеніе тѣмъ, что разъ такой несовершеннолѣтній нуждается въ согласіи попечителя для заключенія имущественнаго найма на срокъ свыше 9-ти лѣтъ, для предъявленія иска о недвижимости, для отчужденія послѣднихъ, для совершенія займовъ и т. п., то тѣмъ болѣе онъ долженъ испросить согласія попечителя для передачи на много лѣтъ въ руки посторонняго лица руководства своимъ физическимъ и духовнымъ воспитаніемъ ²⁾. Другіе, наоборотъ, полагаютъ, что заключеніе договора обученія не выходитъ изъ круга сдѣлокъ, входящихъ въ понятіе простого управленія своимъ имуществомъ, вслѣдствіе чего несовершеннолѣтній долженъ имѣть право совершать такіе договоры вполне самостоятельно ³⁾. Къ послѣднему рѣшенію, повидимому, склоняется и практика ⁴⁾, хотя, по нашему мнѣнію, первая изъ двухъ вышеприведенныхъ точекъ зрѣнія должна быть признана болѣе правильной, т. к. несомнѣнно заключеніе договора обученія для несовершеннолѣтняго является гораздо болѣе важнымъ актомъ, чѣмъ сдача помѣщенія въ наемъ или заключеніе займа. Только въ одномъ случаѣ несовершеннолѣтній несомнѣнно можетъ совершенно самостоятельно заключать договоръ обученія,—это когда онъ эмансипированъ и получилъ разрѣшеніе заниматься торговлей, и обученіе относится къ сферѣ его торговой дѣятельности ⁵⁾. Итакъ, во Франціи несовершеннолѣтніе относительно совершенія договора ученичества, также какъ и до-

¹⁾ Cornil, «Du louage de services» 1895 г. стр. 32—34; Courcelle, «Traité de législation ouvrière» 1902 г. стр. 15.

²⁾ Hayem et Perin, стр. 32; Pic, 1909 г. стр. 961; Lareymondie, стр. 60—61.

³⁾ M. Mollot, «Code de l'ouvrier» стр. 36; Frèrejouan du Saint, стр. 37 прим. 15; Aubry et Rau, «Cours de droit civil» т. II § 130.

⁴⁾ Prud'hommes Paris 17 oct. 1851. (Journ. des prud'hommes 52. 83).

⁵⁾ Hayem et Perin, стр. 33; Courcelle, стр. 14.

говора личного найма подлежат общим правилам: за несовершеннолетних немандицированных договоры заключаются их представителями, а эмансипированные заключают его сами, но с согласия попечителя.

Въ Германіи вопросъ о совершении договора обучения самимъ несовершеннолѣтнимъ осложняется тѣмъ, что здѣсь для договоровъ личного найма законодатель сдѣлалъ отступленіе отъ общаго правила о дѣеспособности лицъ несовершеннолѣтнихъ: именно онъ предоставилъ законнымъ представителямъ несовершеннолѣтняго право дать ему общее разрѣшеніе на заключеніе договоровъ личного найма, причемъ если представителемъ этимъ является опекунъ (а не родители), то, въ случаѣ его отказа дать такое разрѣшеніе, оно можетъ быть дано несовершеннолѣтнему по его просьбѣ опекуномъ судомъ. Получивъ такое уполномочіе, несовершеннолѣтній можетъ уже самостоятельно, не испрашивая каждый разъ согласія опекуна, заключать договоры личного найма. Но законодатель германскій пошелъ еще дальше,—онъ призналъ, что если несовершеннолѣтнему дано разрѣшеніе на заключеніе одного договора личного найма, то въ случаѣ сомнѣнія надо считать такое разрѣшеніе имѣющимъ характеръ общаго разрѣшенія, освобождающаго несовершеннолѣтняго отъ испрашиванія согласія представителя при заключеніи другихъ договоровъ подобнаго рода ¹⁾. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда договоръ заключается на срокъ болѣе года, и законнымъ представителемъ несовершеннолѣтняго является постороннее лицо, а не одинъ изъ родителей, для заключенія договора личного найма требуется не только согласіе опекуна, но и разрѣшеніе со стороны опекунскаго суда ²⁾. Вышеприведенныя постановленія германскаго законодателя, значительно расширяющія дѣеспособность несовершеннолѣтнихъ при заключеніи личного найма, узаконили въ сущности лишь тотъ порядокъ вещей, который и ранѣе существовалъ въ Германіи въ видѣ обычнаго права ³⁾. Теперь спрашивается, распространяются-ли данныя

¹⁾ § 113 B. G. B.

²⁾ § 1822 B. G. B.

³⁾ G. Heinzerling, «Handlungsfähigkeit d. Minderjährigen nach gemeinem-Recht», 1895 г. стр. 219—220.

постановленія и на заключеніе договора ученичества? Здѣсь нужно прежде всего признать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда представителемъ несовершеннолѣтняго является постороннее лицо, а не кто-либо изъ родителей, то для заключенія такого договора требуется каждый разъ согласіе не только опекуна, но и опекунскаго суда. Это прямо указано въ § 1822 п. 6 B. G. B. для договоровъ обучения, заключаемыхъ на срокъ выше одного года, что фактически имѣетъ мѣсто въ громадномъ большинствѣ случаевъ, такъ какъ на сроки менѣе года договоры ученичества почти никогда не заключаются. Поэтому вопросъ въ сущности возникаетъ только о родителяхъ несовершеннолѣтняго,—могутъ-ли они на основаніи общаго правила о личномъ наймѣ дать своему сыну или дочери общее разрѣшеніе на заключеніе всякихъ вообще договоровъ ученичества или не могутъ и должны давать свое согласіе на заключеніе каждаго отдѣльнаго договора. Вопросъ рѣшается юристами ¹⁾ въ послѣднемъ смыслѣ на томъ основаніи, что § 126b Gew. Ordn. требуетъ, чтобы договоръ ученичества былъ подписанъ и законнымъ представителемъ ученика и самимъ ученикомъ, изъ чего можно заключить, что представитель долженъ принимать участіе при заключеніи каждаго договора. За такое рѣшеніе говоритъ, по нашему мнѣнію, и сопоставленіе статей 113-ой и 1822-ой германскаго гражданскаго уложенія: именно въ статьѣ 1822-ой законодатель въ пунктѣ 6-омъ говоритъ особо о заключеніи договора ученичества на срокъ выше года, а въ пунктѣ 7-омъ о вступленіи въ „Dienst=oder Arbeitsverhältniss“, слѣдовательно обособляя эти договоры одинъ отъ другого, а въ § 113-омъ говоритъ только о „Dienst=oder Arbeitsverhältniss“, не упоминая особо объ ученичествѣ, какъ это онъ сдѣлалъ въ статьѣ 1822-ой. Также рѣшало данный вопросъ и Gemeine Recht, которое, впрочемъ, вообще расширяло дѣеспособность несовершеннолѣтнихъ только для поступленія въ личное услуженіе, а не

¹⁾ W. Sigel, «Der Gewerbliche Arbeitsvertrag nach d. B. G. B.» 1903 г. стр. 24; W. Zechlin, стр. 13; Crome, «System d. deutsch. B. R.» т. II 1902 г. стр. 672; также относительно торговаго ученичества см. H. Lehmann, «Das Recht d. Handlungslehrlinge» 1904 г. стр. 17; Bloch, «Die Kaufmännische Lehrvertrag» 1898 г. стр. 10; Planck, § 113; Staub, § 76; Düringer u. Hachenburg, стр. 475 прим. 1, 2.

для всѣхъ остальныхъ видовъ личнаго найма¹⁾. Вышеуказанный взглядъ раздѣляется и германской судебной практикой²⁾.

Согласія законнаго представителя несовершеннолѣтняго при заключеніи каждаго договора ученичества требуютъ и швейцарскіе кантональные законы³⁾.

Обращаясь къ дѣйствующему русскому праву, мы видимъ, что оно относительно совершенія договоровъ личнаго найма исключеній въ смыслѣ расширенія дѣеспособности несовершеннолѣтнихъ, подобно германскому праву, не дѣлаетъ: за малолѣтнихъ такіе договоры совершаются ихъ представителями, а несовершеннолѣтніе заключаютъ его сами, но каждый разъ съ согласія попечителей. Что такое согласіе дѣйствительно необходимо, и что заключеніе договора личнаго найма не подходитъ подъ понятіе „управленія своимъ имуществомъ“, о которомъ говоритъ статья 220-ая т. X ч. I, видно изъ словъ самого законодателя, который въ ст. 2202-ой т. X. ч. I прямо заявляетъ, что не могутъ наниматься дѣти несовершеннолѣтнія безъ позволенія родителей или опекуновъ. Изъ этого общаго правила наше законодательство дѣлаетъ исключеніе лишь для найма рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры и на сельскія работы, гдѣ несовершеннолѣтніе могутъ наниматься и безъ особаго позволенія родителей или опекуновъ, разъ они имѣютъ отдѣльные виды на жительство⁴⁾, являющіеся, такимъ образомъ, удостовѣреніемъ о полученіи несовершеннолѣтнимъ общаго разрѣшенія отъ своихъ попечителей на заключеніе даннаго рода договоровъ личнаго найма. Однако эти постановленія, аналогичныя съ разсмотрѣнными нами выше постановленіями германскаго права, какъ имѣющія спеціальнй характеръ, не могутъ, очевидно, имѣть примѣненія къ остальнымъ видамъ личнаго найма, а тѣмъ болѣе къ договору обученія, не имѣющаго мѣста, какъ мы видѣли выше, по русскому праву въ области фабрично-заводской промышленности. Относительно договора обученія нѣкоторыя сомнѣнія вызываетъ статья 417-ая

¹⁾ Heinzerling, стр. 223.

²⁾ Kammer. 5 vom 26 sept. 1901 г № 929, приведено у Schulz и Schalhorn, «Das Gewerbegericht Berlin» 1903 г.

³⁾ См. напр. Luzern § 4, Wallis § 8, Graubünden § 4, Genf § 7 и др.

⁴⁾ Уст. о Пром. ст. 90; Положеніе о наймѣ на сельскія работы ст. 10.

Уст. о Пром.. Она говоритъ, что „мастеръ не долженъ принимать ученика безъ двухъ свидѣтелей—одного со стороны мастера, другого со стороны ученика,—при которыхъ (стороны) обязаны договориться о времени, содержаніи и обученіи ученика; сей договоръ съ обѣихъ сторонъ долженъ быть содержимъ ненарушимо“. И вотъ Федоровъ увидѣлъ въ этой статьѣ отклоненіе отъ общихъ правилъ о совершеніи договоровъ лицами несовершеннолѣтними и малолѣтними. По его мнѣнію, здѣсь законъ предоставляетъ ученику право непосредственно заключать договоръ обученія „вопреки соображеніямъ о несовершеннолѣтнн ученика и о вытекающихъ отсюда для послѣдняго ограниченіяхъ¹⁾. Къ такому толкованію вышеуказанной статьи Федоровъ приходитъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) изъ текста статьи 417-ой вытекаетъ, что мастеръ договаривается съ самимъ ученикомъ, 2) постороннія лица, о которыхъ говоритъ статья 417-ая, фигурируютъ лишь въ качествѣ свидѣтелей, „при которыхъ“ стороны договариваются, а не въ качествѣ представителей ученика, и 3) такой договоръ долженъ соблюдаться ненарушимо, слѣдовательно мало—и несовершеннолѣтній лишается тѣхъ преимуществъ, которыми законъ ограждаетъ его отъ послѣдствій заключенія договоровъ безъ достаточной обдуманности, свойственной лишь зрѣлому возрасту, т. е. лишается права потребовать признанія договора, невыгоднаго для него, недѣйствительнымъ. Но данное толкованіе статьи 417-ой, по нашему мнѣнію, является ошибочнымъ. Въ данной статьѣ подчеркнута лишь требованіе заключенія договора при двухъ свидѣтеляхъ, „при которыхъ обязаны договориться“, но въ ней отнюдь не сказано, что договаривается мастеръ всегда съ самимъ ученикомъ, будь онъ малолѣтній или несовершеннолѣтній, а не съ его представителемъ въ первомъ случаѣ и безъ согласія попечителя во второмъ, между тѣмъ какъ такое крайне существенное отклоненіе отъ общихъ правилъ о дѣеспособности, особенно лицъ малолѣтнихъ, несомнѣнно, должно было-бы быть ясно оговорено въ законѣ. Законодатель безъ сомнѣнія здѣсь просто предполагалъ, что самое соглашеніе должно быть совершено по общимъ правиламъ, что между прочимъ видно и изъ при-

¹⁾ Федоровъ, стр. 416.

мѣчанія I-го къ этой же 417-ой статьѣ, въ которомъ говорится, что „ремесленнымъ маклерамъ предоставляется право свидѣтельствовать относительно малолѣтнихъ учениковъ, какъ временныхъ, такъ и вѣчныхъ цеховъ, всѣ контракты и условія, заключаемые мастерами съ лицами, имѣющими право отдавать малолѣтнихъ въ обученіе“. Такимъ образомъ, здѣсь прямо говорится, что малолѣтніе не сами заключаютъ договоры, а за нихъ онъ совершается ихъ законными представителями. А разъ статья 417-ая не измѣняетъ ограниченія дѣеспособности лицъ малолѣтнихъ, то ясно, что не измѣняетъ она и положеніе лицъ несовершеннолѣтнихъ, т. к. по тексту ея можно принять только одно изъ двухъ толкованій,—или что она каждому ученику, какъ малолѣтнему такъ и несовершеннолѣтнему, разрѣшаетъ вступать въ договоръ вполнѣ самостоятельно, или что она вовсе не имѣла въ виду измѣнять правила о дѣеспособности этихъ лицъ, что, по нашему мнѣнію, и является единственно правильнымъ.

Такимъ образомъ, въ результатѣ надо притти къ выводу, что по русскому праву несовершеннолѣтніе заключаютъ договоръ обученія каждый разъ съ согласія попечителя, а за лицъ малолѣтнихъ договоры заключаются ихъ законными представителями. Въ этомъ отношеніи наше законодательство отличается только отъ австрійскаго права, гдѣ практика держится взгляда, что несовершеннолѣтній можетъ заключить договоръ обученія и безъ участія законнаго представителя, если никакихъ обязанностей для этого послѣдняго изъ даннаго договора не вытекаетъ ¹⁾.

Нѣкоторую особенность относительно совершенія договоровъ обученія лицъ несовершеннолѣтнихъ мы находимъ во французскомъ правѣ. Особенность эта состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ по общимъ правиламъ представители должны совершать сдѣлки за представляемыхъ или давать согласіе на совершеніе ими сдѣлокъ всегда лично, договоръ ученичества можетъ быть подписанъ и лицомъ, уполномоченнымъ на то родителями, и за ихъ отсутствіемъ—мировымъ судьей ²⁾. Такимъ образомъ, здѣсь родителямъ предоставляется право

¹⁾ См. Heller, стр. 822.

²⁾ Art. 3 зак. 1851 г.

какъ-бы передовѣрять свое право быть представителями своихъ дѣтей постороннимъ лицамъ. Цѣль такого постановленія заключалась въ томъ, чтобы дать возможность различнымъ благотворительнымъ обществамъ или отдѣльнымъ членамъ ихъ по уполномочію отъ родителей заключать договоры ученичества ¹⁾, но по смыслу закона ничто, конечно, не мѣшаетъ родителямъ уполномочить на это кого имъ будетъ угодно. По мнѣнію Федорова такое право передовѣрія можно признать въ извѣстныхъ предѣлахъ допустимымъ и у насъ въ Россіи. Указаніе на это Федоровъ видитъ въ ст. 179-ой т. X ч. I, говорящей, что „личная родительская власть не прекращается, но ограничивается поступленіемъ дѣтей въ общественное училище, начальство коего заступаетъ тогда по ихъ воспитанію мѣсто родителей.....“ Хотя законъ не опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять ограниченіе власти родителей, но изъ общаго смысла этой статьи Федоровъ заключаетъ, что если воспитательное учрежденіе отдастъ питомца въ обученіе, то родители уже не могутъ безъ достаточныхъ основаній самовольно прекратить тѣ отношенія, въ которыя ребенокъ оказался поставленнымъ учрежденіемъ, на попеченіи котораго онъ находился, а тѣмъ болѣе родители не имѣютъ этого права въ томъ случаѣ, когда попечительное учрежденіе заключило договоръ по предварительной просьбѣ самихъ родителей ²⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію Федорова, очевидно, и у насъ договоры обученія могутъ быть совершаемы не законными представителями ребенка, а и различными учрежденіями по непосредственному или молчаливому уполномочію ихъ со стороны родителей, и различіе нашего права отъ французскаго состоитъ въ томъ только, что уполномоченными родителей у насъ могутъ быть только воспитательныя учрежденія, а не частныя лица. Но съ этимъ мнѣніемъ Федорова согласиться нельзя. Смыслъ статьи 179-ой ясенъ: она ограничиваетъ родительскую власть въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, пока они находятся въ общественномъ училищѣ, въ томъ смыслѣ, что родители не могутъ вмѣшиваться и измѣнять своей властью

¹⁾ Lagumondie, стр. 62.

²⁾ Федоровъ стр. 414—415.

воспитательныя распоряженія начальства учрежденія, но, конечно, было-бы уже не ограниченіемъ, а полнымъ прекращеніемъ родительской власти, если-бы на основаніи статьи 179-ой предоставлять начальству заведеній самому право передавать ввѣренныхъ имъ дѣтей на воспитаніе и обученіе въ другія руки и лишать родителей права взять обратно своихъ дѣтей изъ того заведенія, куда его дѣтей отдало начальство воспитательнаго учрежденія. Такое толкованіе статьи 179-ой явно невозможно, вслѣдствіе чего слѣдуетъ признать, что у насъ въ Россіи воспитательныя учрежденія не могутъ замѣнять родителей при заключеніи договора ученичества. Точно также и въ другихъ законодательствахъ мы не находимъ права передовѣрія родителями своего права участвовать при заключеніи дѣтьми договоровъ обученія постороннимъ лицамъ или учрежденіямъ.

Но если при заключеніи договоровъ ученичества со стороны малолѣтнихъ или несовершеннолѣтнихъ непременно требуется въ томъ или иномъ видѣ участіе ихъ родителей или опекуновъ, то спрашивается, какъ быть, когда одинъ изъ родителей является самъ контрагентомъ въ договорѣ въ качествѣ учителя, иными словами когда договоръ обученія заключается между отцомъ и сыномъ. Многіе германскіе юристы¹⁾ полагаютъ, что такой договоръ обученія между отцомъ и сыномъ невозможенъ, во первыхъ, потому, что такое договорное отношеніе между ними ограничивало-бы родительскую власть, а во вторыхъ потому, что оно совершенно излишне и бесполезно, т. е. и безъ заключенія договора отецъ имѣетъ право и несетъ обязанность воспитывать своихъ дѣтей, держать ихъ при себѣ и выбирать для нихъ тотъ или иной характеръ обученія. Поэтому, по мнѣнію этихъ юристовъ, если сынъ фактически и обучается у отца, то онъ не считается ученикомъ въ смыслѣ Gewerbe-Ordnung'a и не подлежитъ надзору со стороны ремесленныхъ камеръ. На этой точкѣ зрѣнія ранѣе стояла и судебная практика въ Германіи²⁾. Наоборотъ,

¹⁾ Landmann, прим. 3 къ § 126 стр. 212.

²⁾ Urt. d. Kammergerichts in Goldtammers Arch. Bd. 44 стр. 290.

другіе юристы¹⁾ считаютъ вышеуказанную точку зрѣнія и теоретически неправильной и нецѣлесообразной. По словамъ, напримѣръ, Цехлина, непризнание ремесленнымъ ученикомъ сына, обучающагося ремеслу у отца, окажется для перваго весьма невыгоднымъ, т. е. здѣсь отецъ освобождается отъ обязанности посылать сына въ Fortbildungsschule, выдать ему свидѣтельство, ученическіе годы ему не засчитаются, и т. п. Поэтому, эти юристы полагаютъ, что между отцомъ и сыномъ возможенъ настоящій договоръ ученичества, для заключенія котораго сыну долженъ быть данъ, согласно § 1909 В. Г. В. особый попечитель. На данной точкѣ зрѣнія стоитъ, повидимому, и новѣйшая судебная практика²⁾. Но Цехлинъ не отрицаетъ, что и при такомъ рѣшеніи вопроса интересы сына далеко не гарантированы надлежащимъ образомъ, т. е. назначеніе спеціальнаго попечителя для заключенія договора ученичества на практикѣ трудно осуществимо и принудить отца къ испрошенію сыну такого попечителя врядъ-ли возможно, почему, по мнѣнію вышеназваннаго писателя, цѣлесообразное разрѣшеніе даннаго вопроса возможно лишь въ законодательномъ порядкѣ путемъ приравненія дѣтей, обучающихся у своихъ родителей, къ ученикамъ въ учебныхъ мастерскихъ, признанныхъ государствомъ (Staatlich anerkannten Lehrwerkstätten); тогда требованіе письменной формы договора было-бы къ нимъ непримѣнимо, и, такимъ образомъ, прежнее почетное положеніе „Meistersobn'a“ было бы восстановлено³⁾.

Въ другихъ законодательствахъ мы также не имѣемъ никакихъ указаній на невозможность заключенія договора ученичества между отцомъ и сыномъ, изъ чего можно вывести что такой договоръ долженъ быть заключаемъ отцомъ, по общему правилу, съ спеціально назначеннымъ ученику для

¹⁾ Zechlin, стр. 16—17; Bloch, стр. 16; точно также проф. Лотмаръ доказываетъ, что между родителями и дѣтьми вполне возможно заключеніе договоровъ о трудѣ, къ которымъ онъ относитъ и договоръ ученичества, и что въ самомъ законѣ есть указанія на возможность подобныхъ договоровъ въ Gew. Ordn. § 154 Abs. 4 и въ §§ 135—139b. (см. Lotmar т. I стр. 256 и сл.).

²⁾ См. Landmann, т. II стр. 239.

³⁾ Zechlin стр. 16—17.

этой цѣли представителемъ, хотя, конечно, на практикѣ къ такому приему никогда не прибѣгаютъ, и дѣти работаютъ и обучаются у своихъ родителей безъ всякихъ формальныхъ договоровъ ¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, поступающее въ ученики или въ рабоче, является несовершеннолѣтнимъ, западныя законодательства требуютъ предъявленія имъ особой рабочей книжки. Такое требование установилъ французскій законъ 1892-го года для лицъ моложе 18-ти лѣтъ. Книжки эти выдаются меромъ бесплатно родителямъ, опекуну и даже хозяину несовершеннолѣтняго. Въ книжкѣ должны быть отмѣчены: имя несовершеннолѣтняго, мѣстожительство, время и мѣсто рожденія, а для дѣтей моложе 13-ти лѣтъ и отмѣтка о полученіи первоначальнаго образованія. Въ этой книжкѣ патронъ долженъ отмѣчать время заключенія договора и время прекращенія его ²⁾. Аналогичное требование существуетъ и въ германскомъ правѣ, гдѣ, согласно §§ 107—108 Gew. Ordn. книжки эти выдаются полицейскими учрежденіями по просьбѣ или съ согласія законныхъ представителей несовершеннолѣтнихъ; если представители эти безъ достаточныхъ оснований и во вредъ интересамъ несовершеннолѣтняго согласія на полученіе книжки не даютъ, то согласіе можетъ быть дано коммунальными учрежденіями (Gemeindebehörde); книжки выдаются на руки законнымъ представителямъ, въ случаѣ если они этого требуютъ, или если представляемый не достигъ еще 16-ти лѣтъ, а иначе самимъ несовершеннолѣтнимъ; съ согласія коммунальныхъ властей книжка можетъ быть выдана матери, не являющейся законной представительницей несовершеннолѣтняго, или родственникамъ и домашнимъ, замѣняющимъ фактически родителей, или непосредственно самому рабочему.

Въ Австріи такія рабочія книжки установлены не только для несовершеннолѣтнихъ, но и для взрослыхъ рабочихъ ³⁾.

Спрашивается, какое-же значеніе имѣютъ эти книжки, — является-ли предъявленіе ея несовершеннолѣтнимъ доказатель-

¹⁾ См. Pollitzer, «Die Lage d. Lehrlinge im Kleingewerbe im Wien», 1900 г. стр. 12.

²⁾ Зак. 1892-го г. art. 10.

³⁾ § 80 Gew. Ordn.

ствомъ изъявленія его законнымъ представителемъ согласія на заключеніе даннаго договора или значеніе книжекъ иное? Отвѣтъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть данъ въ послѣднемъ смыслѣ. Правда, въ тѣхъ законодательствахъ, какъ на примѣръ въ Германіи, гдѣ для поступленія въ рабоче несовершеннолѣтній можетъ получить общее для всѣхъ подобныхъ договоровъ разрѣшеніе отъ законнаго представителя, предъявленіе рабочей книжки обычно играетъ роль такого разрѣшенія, но это имѣетъ мѣсто не всегда, такъ какъ общее разрѣшеніе можетъ быть дано только для опредѣленнаго рода работъ (поступить въ столяры, въ слесаря и т. п.), тогда какъ въ книжкѣ родъ работы можетъ быть и не указанъ, вслѣдствіе чего возможно, что представитель несовершеннолѣтняго откажетъ въ согласіи на заключеніе даннаго договора найма, хотя-бы книжка и была имъ выдана ¹⁾. Но что касается до заключенія договора ученичества, то здѣсь предъявленіе книжки никоимъ образомъ не можетъ считаться достаточнымъ доказательствомъ согласія законнаго представителя несовершеннолѣтняго, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось-бы признать, что и для заключенія договора ученичества не требуется участія представителя при заключеніи каждаго договора, а достаточно общаго разрѣшенія въ видѣ выдачи книжки, тогда какъ выше мы установили, что даже въ германскомъ правѣ договоръ ученичества долженъ непременно быть подписанъ законнымъ представителемъ ученика. Поэтому значеніе вышеуказанныхъ книжекъ совсѣмъ иное: онѣ служатъ легитимационными документами для несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и учениковъ и облегчаютъ органамъ надзора возможность слѣдить, соблюдаются-ли предпринимателями правила, установленныя закономъ относительно работы несовершеннолѣтнихъ, а въ Германіи, гдѣ дѣеспособность этихъ лицъ расширена въ области личнаго найма, кромѣ того, и средствомъ удерживать несовершеннолѣтнихъ въ повиновеніи родителямъ ²⁾, т. е. не только выдача книжки несовершеннолѣтнему производится съ согласія родителей, но и при прекращеніи каждаго договора найма лица моложе 16

¹⁾ Landmann, В. II стр. 111.

²⁾ См. Landmann В. II стр. 106.

лѣтъ книжка возвращается, по общему правилу, не самому рабочему, а его законному представителю, благодаря чему послѣдній всегда можетъ лишить несовершеннолѣтняго возможности поступить на работу въ другому предпринимателю. Въ случаѣ принятія несовершеннолѣтняго рабочаго или ученика, не имѣющаго книжки, предприниматель подвергается наказанію ¹⁾. Въ Швейцаріи и у насъ въ Россіи такихъ книжекъ вовсе не установлено.

До сихъ поръ, говоря о заключеніи договора ученичества, мы имѣли въ виду тѣ случаи, когда договоръ заключался родителями или опекуномъ ученика въ качествѣ законныхъ представителей несовершеннолѣтняго ученика, который, такимъ образомъ, самъ являлся контрагентомъ въ договорѣ. Но возможно, что договоръ ученичества будетъ заключенъ родителями несовершеннолѣтняго ученика и отъ своего имени, такъ что они, а не ученикъ, будутъ считаться контрагентами. Возможность такой „отдачи“ ученика въ обученіе вытекаетъ изъ принадлежащаго родителямъ права родительской власти, въ понятіе которой входитъ и право воспитанія. Это право отдавать своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей въ обученіе признается за родителями и опекунами и въ Германіи ²⁾, и въ Швейцаріи ³⁾, и въ Австріи ⁴⁾, причемъ когда договоръ заключается родителями ученика, то въ случаѣ сомнѣнія даже предполагается, что договоръ заключенъ ими отъ своего имени, а не въ качествѣ законныхъ представителей ученика, тогда какъ опекунъ въ случаѣ сомнѣнія предпола-

¹⁾ Герм. Gew. Ordn. § 150, австр. Gew. Ordn. § 79, фр. зак. 1892-го г. art. 26.

²⁾ Н. Lehmann, «Das Recht d. Handlungslehrlinge» стр. 19; E. Bloch, «Der Kaufmännische Lehrvertrag» стр. 11—12; Dunger, стр. 29—31; Düringer u. Hachenburg, V. I. 1908 г. стр. 475; Н. Horowitz, «Das Recht d. Handlungsgelhilfen u. Handlungslehrlinge» 1905 г. стр. 160.; Knitschky, «Das Rechtsverhältniss zwischen Eltern u. Kinder nach d. B. G. B.» 1899 г. стр. 152.; Dernburg, «Das burgerliche Recht d. d. Reichs u. Preussens» V. II, 1901 г. стр. 421; Lotmar, V. I стр. 107.

³⁾ W. von Wyss, «Das Lehrlingsverhältnis nach schweiz. Recht», 1910 г. стр. 38—39.

⁴⁾ См. § 148 Oest. allg. bürg. Gesetzbuch.

гается дѣйствовавшимъ отъ имени ученика ¹⁾. Наоборотъ, французскіе юристы полагаютъ, что ученикъ всегда является контрагентомъ въ договорѣ, и что родители и опекуны не могутъ сами своей властью отдавать несовершеннолѣтняго въ обученіе безъ его согласія, такъ какъ одни только несовершеннолѣтніе „detenus“ могутъ быть принуждаемы работать противъ своей воли ²⁾. Что касается русскаго права, то статья 2203-ья т. X ч. I категорически заявляетъ, что „не могутъ быть отданы въ наемъ дѣти родителями, жены мужьями, безъ собственнаго ихъ согласія; но родителямъ не запрещается отдавать дѣтей въ обученіе на опредѣленные сроки“, т. е. отдавать безъ ихъ согласія въ силу принадлежащей родителямъ родительской власти, причемъ въ данномъ случаѣ рѣчь, несомнѣнно, идетъ о дѣтяхъ моложе 17-ти лѣтъ ³⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не ученикъ, а его законные представители являются контрагентами въ договорѣ, они и несутъ отвѣтственность за надлежащее исполненіе ученикомъ возложенныхъ на него обязанностей, они платятъ плату за ученіе, возмѣщаютъ мастеру убытки, причиненные досрочнымъ уходомъ ученика, но за то и получаютъ заработную плату ученика. Такъ какъ самъ несовершеннолѣтній ученикъ обычно никакихъ собственныхъ средствъ не имѣетъ, то для мастера, естественно, выгоднѣе имѣть своимъ контрагентомъ законнаго представителя ученика, почему такого рода договоры являются весьма распространеннымъ явленіемъ.

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ учениками могутъ быть и лица совершеннолѣтнія, возникаетъ вопросъ о порядкѣ совершенія даннаго договора въ качествѣ ученицы замужней совершеннолѣтней женщиной, хотя, конечно, на практикѣ такіе договоры встрѣчаются весьма рѣдко. Во Франціи такая женщина, согласно съ общимъ правиломъ, безъ согласія мужа

¹⁾ Впрочемъ въ кантонахъ Водъ и Валлисъ и при заключеніи договора родителями для признанія ихъ дѣйствующими отъ своего имени требуется специальная оговорка въ договорѣ (Waadt § 8, Wallis § 9).

²⁾ Lareymondie, стр. 61; Debolo, стр. 100—101; Pic, 1909 г. стр. 961; Merlin, «Le contrat de travail» 1907 г. стр. 8.

³⁾ Хотя родители могутъ отдавать дѣтей въ ученіе на срокъ, оканчивающійся послѣ достиженія ими 17-ти лѣтняго возраста (Сен. р. 1899 № 2).

договоръ обученія заключать не можетъ. Сомнѣніе возникаетъ лишь относительно замужней женщины, получившей согласіе мужа на занятіе торговлей, если при этомъ поступленіе ея въ ученицы дѣлается ею въ интересахъ своей торговли. Нѣкоторые юристы, какъ напр. Lareymondie ¹⁾, Nayem et Perin ²⁾, полагаютъ, что въ такомъ случаѣ особаго разрѣшенія не требуется, но взглядъ этотъ раздѣляется далеко не всѣми юристами ³⁾, причемъ, по нашему мнѣнію, послѣднюю точку зрѣнія надо признать болѣе правильной, болѣе соотвѣтствующей господствующимъ, какъ въ литературѣ, такъ и практикѣ, воззрѣніямъ, т. е. если литература и практика твердо держатся взгляда, что женщина-купчиха не можетъ безъ спеціальнаго разрѣшенія мужа вступать въ члены торговаго товарищества вслѣдствіе недопустимости для нея близкихъ товарищескихъ отношеній съ посторонними лицами, то тѣмъ болѣе надо признать недопустимымъ поступленіе ея въ обученіе, гдѣ отношенія между ней и учителемъ являются не только близкими, но гдѣ она вступаетъ даже въ извѣстную зависимость отъ учителя.

Въ Германіи также замужняя женщина не можетъ поступить въ промышленныя или торговыя ученицы безъ согласія мужа согласно § 1358 В. Г. В., запрещающему ей безъ такого согласія по договору обязываться къ совершенію лично какихъ либо дѣйствій въ пользу посторонняго лица. Отличіе германскаго права отъ французскаго въ этомъ отношеніи только въ томъ, что въ Германіи, если мужъ отказывается въ согласіи явно безъ серьезныхъ основаній, или если онъ не можетъ дать согласія вслѣдствіе отсутствія или болѣзни, то жена можетъ получить нужное разрѣшеніе отъ опекунскаго суда, тогда какъ во Франціи судъ этого сдѣлать не можетъ ⁴⁾.

По нашему русскому праву заключеніе договора личнаго найма является одной изъ немногихъ сдѣлокъ, гдѣ для замужней женщины требуется согласіе мужа, согласно 2202-й ст. т. X ч. I. Только для найма на фабричныя и сельскія работы дѣ-

¹⁾ Lareymondie, стр. 39.

²⁾ Nayem et Perin, стр. 33—34.

³⁾ Debolo, стр. 98—99.

⁴⁾ Frèrejouan du Saint стр. 37 прим. 17.

лается исключеніе въ томъ смыслѣ, что замужнія женщины, имѣющія отдѣльный видъ на жительство, могутъ наниматься и безъ особаго позволенія мужей ¹⁾. Спрашивается, должно-ли заключеніе договора промысловаго ученичества быть подведено подъ ст. 90-ую Уст. о Пром. или-же здѣсь должно примѣняться общее правило тома X-го? По нашему мнѣнію вопросъ этотъ, несомнѣнно, долженъ быть рѣшенъ въ послѣднемъ смыслѣ по тѣмъ-же основаніямъ, по которымъ выше ²⁾ мы рѣшали аналогичный вопросъ относительно найма лицъ несовершеннолѣтнихъ. Также рѣшаетъ этотъ вопросъ и Федоровъ ³⁾. Въ противоположность всѣмъ вышеуказаннымъ законодательствамъ право австрійское не ставитъ замужней женщинѣ никакихъ препятствій для самостоятельнаго заключенія договора ученичества ⁴⁾.

V. Во Франціи при обсужденіи закона объ ученичествѣ 1851-го г. поднимался вопросъ о необходимости установить для даннаго договора обязательную письменную форму, но въ результатѣ это предложеніе было отвергнуто по тѣмъ соображеніямъ, что такое требованіе на практикѣ затруднитъ заключеніе договоровъ ученичества, между тѣмъ какъ, наоборотъ, казалось желательнымъ содѣйствовать ихъ распространенію. Поэтому вплоть до настоящаго времени заключеніе договора объ ученичествѣ подлежитъ общимъ правиламъ, т. е. договоръ можетъ быть заключенъ и устно въ тѣхъ случаяхъ, когда это допускается правилами Code civil о заключеніи юридическихъ сдѣлокъ ⁵⁾. Это означаетъ прежде всего то, что договоръ ученичества можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями лишь тогда, когда стоимость его не превышаетъ 150 фр., а такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ сумма, слѣдующая ученику, рѣдко превышаетъ 150 фр., то въ результатѣ почти каждый договоръ ученичества можетъ быть заключенъ словесно. Довольно существеннымъ является также ува-

¹⁾ См. ст. 90 Уст. о Пром. и ст. 10 и 11 Полож. о наймѣ на сельскія работы.

²⁾ См. выше стр. 314.

³⁾ Федоровъ, стр. 411—412.

⁴⁾ Krainz, «System des oesterr. allgem. Privatrechts», B. II § 431.

⁵⁾ См. ст. 2. зак. 1851 г.

заніе art. 2 закона 1851-го г., что свидѣтельскія показанія здѣсь допускаются по правиламъ *Code civil*:—этимъ законодатель устранилъ примѣненіе въ данномъ отношеніи нормъ *Code de commerce*, согласно которымъ, если-бы со стороны мастера договоръ имѣлъ торговый характеръ, то ученикъ противъ него могъ бы пользоваться и свидѣтельскими показаніями безъ ограниченія суммы договора ¹⁾). Когда-же стоимость договора превышаетъ 150 фр., то онъ долженъ быть заключенъ въ письменной формѣ—или домашней или въ актѣ, засвидѣствованномъ у должностного лица. При этомъ законодатель, не рѣшившись объявить письменное заключеніе договора обязательнымъ, въ то-же самое время желалъ побудить стороны заключать его именно въ формѣ *acte public*, и съ этой цѣлью предоставилъ право предъявлять къ засвидѣствованію договоры обученія не только нотариусамъ, но и секретарямъ *Conseils de prud'hommes* и *greffiers* мировыхъ судей. вмѣстѣ съ тѣмъ законъ опредѣлилъ плату этимъ должностнымъ лицамъ за засвидѣствованіе договора въ 2 фр., а за регистрацію акта 1 франкъ, хотя послѣдняя сумма въ 1873-ьемъ году была повышена до 1 ф. 50 сант.. Предполагая, очевидно, что этихъ облегченій будетъ вполне достаточно для того, чтобы договоры обученія въ большинствѣ случаевъ заключались въ письменной формѣ, законъ 1851-го г. указываетъ далѣе и тѣ пункты, которые долженъ содержать письменный договоръ обученія. Именно, въ немъ должны быть указаны: 1) имя, фамилія, лѣта, профессія и мѣстожителство мастера, родителей ученика, его опекуна или лица, уполномоченнаго родителями или мировымъ судьей быть представителемъ ученика ²⁾; 2) имя, фамилія, возрастъ и мѣстожителство ученика; 3) время заключенія договора и срокъ, на который онъ заключается; 4) условія о помѣщеніи, пищѣ ученика, платѣ и т. п. 5) подпись мастера и представителей ученика ³⁾. Если договоръ заключенъ въ видѣ домашняго акта, то онъ долженъ быть составленъ въ двухъ

¹⁾ Frèrejouan du Saint стр. 35 прим. № 5.

²⁾ Если ученикъ совершеннолѣтній, то имена родителей и опекуновъ, повидимому, указывать не нужно.—См. Frèrejouan du Saint стр. 36 прим. 2.

³⁾ Art. 3 зак. 1851-го г.

экземплярахъ—одинъ для учителя, другой для ученика или его представителя. Однако, т. к. законъ не ставитъ точное указаніе всѣхъ этихъ пунктовъ въ качествѣ условія дѣйствительности договора, а даже разрѣшаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ заключать его устно, то если стороны пропустятъ указать въ договорѣ то или другое изъ перечисленныхъ въ законѣ условій, отъ этого договоръ не станетъ недѣйствительнымъ, но если сумма договора выше 150 фр., то такой неполный письменный актъ долженъ разсматриваться, лишь какъ *commencement de preuve par écrit* ¹⁾).

Но жизнь не оправдала ожиданій составителей закона 1851-го г., рассчитывавшихъ, что облегченіемъ заключенія договора въ формѣ *acte public*, они достигнутъ того, что на практикѣ большинство договоровъ будетъ заключаться въ письменной формѣ. Въ дѣйствительности письменные договоры встрѣчаются сравнительно рѣдко, какъ это констатируютъ и анкета въ департаментѣ Сены, и анкета, организованная въ 1902-омъ году *Conseil supérieur du travail*, и неоднократно жалобы различныхъ обществъ патронажа на трудность найти мастера, который согласился бы принять ученика по письменному договору ²⁾).

Въ противоположность Франціи другія западныя законодательства требуютъ заключенія договора ученичества въ письменной формѣ. Въ Германіи это установлено новеллой 1897-го г. До этого времени договоръ могъ быть заключенъ и устно, хотя сила такого договора была нѣсколько иной, чѣмъ когда онъ былъ заключенъ въ письменной формѣ: именно, если договоръ былъ заключенъ устно, то въ случаѣ досрочнаго ухода ученика мастеръ не могъ требовать возмѣщенія ущерба и не могъ требовать принудительнаго водворенія ушедшаго ученика обратно. Несмотря однако на такія невыгодныя для мастера послѣдствія, все-же въ жизни устная форма преобладала со всѣми ея отрицательными сторонами. Поэтому въ Германіи, пожалуй энергичнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, въ литературѣ и на различныхъ собраніяхъ давно стали высказываться пожеланія введенія для договора ученичества

¹⁾ Cornil, «Du louage de services» 1895 г. стр. 374.

²⁾ Debole, стр. 138—140.

обязательной письменной формы¹⁾, причем это пожелание раздѣляли и сторонники цеховой политики, видѣвшие въ письменной формѣ одно изъ средствъ борьбы противъ частыхъ досрочныхъ расторженій договоровъ учениками. За введеніе обязательной письменной формы для договора ученичества единодушно высказался и Verein für Socialpolitik въ 1875-омъ г., причемъ этой реформѣ придавали весьма важное значеніе такія лица, какъ профессора Шмоллеръ и Шёнбергъ²⁾. Этѣ пожеланія и исполнилъ законъ 1897-го г., введя обязательную письменную форму для договора ученичества. Но законъ этотъ не пошелъ такъ далеко, чтобы признать договоръ заключенный устно недѣйствительнымъ, а ограничился лишь установленіемъ въ этомъ случаѣ извѣстныхъ невыгодныхъ послѣдствій, главнымъ образомъ, для мастера, — именно мастеръ лишался права требовать принудительнаго водворенія ушедшаго ученика³⁾ и подвергался наказанію въ видѣ штрафа въ 20 мар. или ареста на 3 дня⁴⁾; кромѣ того, какъ мастеръ, такъ и ученикъ, лишались права требовать возмѣщенія ущерба за досрочное расторженіе договора⁵⁾. Устанавливая обязательную письменную форму, новелла 1897-го г. перечисляетъ тѣ пункты, которые долженъ содержать этотъ актъ⁶⁾. Сюда относятся: 1) обозначеніе промысла или его отрасли, которой будетъ обучаться ученикъ, 2) указаніе срока обученія, 3) перечисленіе взаимныхъ обязанностей сторонъ и, какъ законныхъ, такъ и другихъ основаній, при наличии которыхъ договоръ можетъ быть расторгнутъ каждой изъ сторонъ. Затѣмъ договоръ долженъ быть подписанъ мастеромъ или его представителемъ съ одной стороны, и ученикомъ и его законнымъ представителемъ съ другой⁷⁾, причемъ одинъ экземпляръ

¹⁾ См. напр. Jacobi, «Die Organisation des Gewerbes» 1879 г. стр. 29; Droste, «Die Handwerkerfrage» 1884 г. стр. 106; Haushofer, «Das deutsche Kleingewerbe» 1885 г. стр. 49; Schulze, «Das heutige gewerbliche Lehrlingswesen» 1876 г. стр. 64—65.

²⁾ См. Schriften des Vereins. 1875 г.

³⁾ § 127 d. G. Ord.

⁴⁾ § 150 Gew. Ord.

⁵⁾ § 127 f. Gew. Ord.

⁶⁾ § 126 b. Gew. Ord.

⁷⁾ Это весьма характерное требованіе подписи всегда самого ученика имѣетъ цѣлью побудить его считать себя связаннымъ договоромъ.

договора долженъ быть врученъ законному представителю ученика, а также и мѣстному полицейскому учрежденію по его требованію; если учитель принадлежитъ къ цеху, то онъ обязанъ въ теченіе четырнадцати дней копию договора представить въ цехъ. Договоръ освобожденъ отъ всякихъ денежныхъ сборовъ. Кромѣ того, законъ предоставляетъ ремесленнымъ камерамъ право, кромѣ пунктовъ, перечисленныхъ въ законѣ, опредѣлять еще и другія условія, которыя непрерывно должны быть указаны въ договорѣ. Если договоръ будетъ заключенъ хотя и письменно, но не будетъ удовлетворять требованіямъ, указаннымъ въ законѣ или въ постановленіи ремесленной камеры, то такой договоръ считается какъ-бы заключеннымъ устно и влечетъ всѣ тѣ послѣдствія, которыя наступаютъ въ послѣднемъ случаѣ¹⁾. Къ этому нужно также добавить, что цехамъ предоставлено закономъ право устанавливать, чтобы договоры ученичества заключались передъ цеховыми должностными лицами²⁾. Повидимому, система, установленная Gew. Ord., дала желанные результаты: по крайней мѣрѣ нѣкоторые изслѣдователи свидѣтельствуютъ, что послѣ изданія новеллы 1897-го года мастера въ большинствѣ случаевъ принимаютъ учениковъ по письменнымъ контрактамъ, а съ другой стороны досрочное расторженіе договоровъ учениками стало вѣряться значительно рѣже³⁾.

Въ противоположность германскому праву, швейцарскіе кантональные законы не только побуждаютъ страхомъ наказанія мастеровъ заключать договоры ученичества въ письменной формѣ⁴⁾, но и придаютъ этому требованію обязательный характеръ, признавая устный договоръ неимѣющимъ юридическаго значенія⁵⁾. Съ цѣлью контроля за содержаніемъ договоровъ ученичества въ Швейцаріи требуется также обязательное представленіе одного экземпляра договора (требуется

¹⁾ Landmann, B. II. стр. 243 п. 3.

²⁾ § 129 b. Gew. Or.

³⁾ K. Meister, «Die Innungen d. St. Dortmund seit d. Novelle d. Gewerbeordnung 1897» 1904 г. стр. 66—67.

⁴⁾ См., напримѣръ, Zürich § 30, Basel § 29, Lüzern § 19.

⁵⁾ Наболѣе ясно это подчеркнuto въ проектѣ закона объ ученичествѣ кантона Aargau § 23; см. также Fouqué, «La crise de l'apprentissage» 1900 г. стр. 42—43-а и W. von Wyss, стр. 42—33.

обыкновенно составленіе договора въ 3—4-хъ экземплярахъ) для провѣрки и регистраціи въ то учрежденіе, на которое вообще возложенъ надзоръ за ученичествомъ; въ это-же учрежденіе должны представляться свѣдѣнія и о всѣхъ послѣдующихъ измѣненіяхъ договора. Наконецъ, весьма существенной особенностью швейцарскаго права является также то, что кантональные законы не только указываютъ пункты, которые должны содержать каждый договоръ объ учениствѣ, но и предписываютъ сторонамъ заключать договоры по особымъ образцамъ, установленнымъ то *Direktion d. Innereu* ¹⁾, то профессиональными союзами ²⁾. Несоблюденіе этого предписанія, также какъ и непредъявленіе договора для регистраціи, не дѣлаетъ, конечно, данный договоръ недѣйствительнымъ, но можетъ повлечь за собой наложеніе штрафа на мастера. Цѣль установленія вышеуказанныхъ образцовъ заключается въ желаніи устранить неполноту и неясность договора, столь легко возможныхъ при неопытности и неинтеллигентности контрагентовъ. На пользу подобныхъ образцовъ указывалось и въ Германіи, и пожеланіе установленія такого рода нормальныхъ договоровъ ученичества было даже принято *Verein'омъ für Socialpolitik* въ своей резолюціи ³⁾, но тѣмъ не менѣе германскій законодатель остановился въ этомъ отношеніи на полдорогѣ,—онъ не возложилъ на правительственные органы обязанность выработать такіе нормальные договоры, а предоставилъ это ремесленнымъ камерамъ, а если онѣ не воспользуются этимъ правомъ, то цехамъ ⁴⁾. Такимъ образомъ здѣсь все предоставлено на усмотрѣніе камеръ и цеховъ, которые могутъ своимъ правомъ и не воспользоваться. Въ Австріи также законодатель требуетъ, чтобы договоръ ученичества былъ заключенъ въ письменной формѣ, и одинъ экземпляръ его долженъ быть представленъ въ цехъ или въ учрежденіе коммунальнаго управленія для регистраціи, причемъ судебная практика держится взгляда, что договоръ, совершенный устно, является недѣйствительнымъ ⁵⁾.

¹⁾ Bern § 6.

²⁾ Basel-St. § 11, Wallis § 10. Waadt § 3.

³⁾ См. предложеніе Bernhardi, *Schriften d. Vereins* 1875 г.

⁴⁾ §§ 103e, 81a, 100c. *Gew. Ordn.*

⁵⁾ §§ 99, 99a *Gew. Ordn.*; Heller, стр. 822.

Обращаясь къ заключенію договора ученичества по русскому праву, мы находимъ здѣсь прежде всего статью 2224-ую т. X ч. I, гласящую, что договоръ о личномъ наймѣ и объ отдачѣ въ обученіе можетъ быть представленъ къ засвидѣтельствуванію у нотариуса или у замѣняющаго его должностнаго лица. Кроме того, въ Уставѣ о Промышленности ¹⁾ говорится: 1) что мастеръ не долженъ принимать ученика безъ двухъ свидѣтелей, одного со стороны мастера, другого со стороны ученика, при которыхъ обязаны договориться о времени, содержаніи и обученіи ученика; 2) что право свидѣтельствовать относительно малолѣтнихъ учениковъ, какъ временныхъ, такъ и вѣчныхъ цеховъ, всѣ контракты и условія, заключаемые мастерами съ лицами, имѣющими право отдавать малолѣтнихъ въ обученіе, предоставляется не только нотариусамъ, но и ремесленнымъ маклерамъ, а тамъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе Положеніе о Нотаріальной части, и частнымъ маклерамъ; 3) что при приѣмѣ учениковъ должны быть съ нихъ взысканы установленные сборы въ пользу города и ремесленной казны, а также пошлины (опредѣляемая цеховымъ сходомъ въ размѣрѣ не свыше 1 р. 50 к.) ²⁾ за записку въ ученичью книгу, въ которую должны быть вносимы всѣ ученики, и, наконецъ; 4) по приѣмѣ ученика мастеръ долженъ представить его Цеховому Старшинѣ и Старшинскимъ Товарищамъ, которые должны спросить, какъ его имя и прозваніе, откуда онъ уроженецъ, какихъ лѣтъ; затѣмъ они записываютъ его въ ученическую книгу и приказываютъ ему быть вѣрнымъ, послушнымъ и почтительнымъ въ мастеру и учиться ремеслу прилежно.

Таковы постановленія русскаго законодательства по данному вопросу, далеко не отличающіяся надлежащей ясностью. Прежде всего возникаетъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ постановленіе статьи 2224-ой т. X ч. I,—предписываетъ-ли она для договоровъ личнаго найма и ученичества обязательную письменную форму, безъ наличности которой договоры эти не могутъ быть доказываемы свидѣтельскими показаніями, или-же нѣтъ. Вопросъ этотъ многократно обсуждался и въ

¹⁾ Ст. 417, 418. Уст. о Пром.

²⁾ Ст. 456 Уст. о Пром.

литературѣ и въ практикѣ по поводу договора личнаго найма, какъ имѣющаго въ жизни болѣе важное значеніе, но рѣшеніе, установленное для личнаго найма, должно имѣть такую-же силу и для договора ученичества, т. е. въ статьѣ 2224-ой оба эти договора обсуждаются совершенно одинаково. Къ сожалѣнію толкованіе ст. 2224-ой далеко не является единообразнымъ. Одно теченіе въ литературѣ, представителемъ котораго можно считать Побѣдоносцева ¹⁾, и принятое нашей сенатской практикой ²⁾, утверждаетъ, что на основаніи ст. 2224-ой договоръ всегда долженъ быть заключенъ въ письменной формѣ, съ записью его у маклера или нотариуса, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ видовъ личнаго найма, какъ напр. слугъ и рабочихъ, которыхъ законъ разрѣшаетъ нанимать и устно. Другое мнѣніе, отстаиваемое главнымъ образомъ Шершеневичемъ ³⁾ и Анненковымъ ⁴⁾, утверждаетъ, что ст. 2224-ая отнюдь не требуетъ, чтобы договоръ заключался непременно письменно, да еще съ обязательнымъ засвидѣтельствомъ у нотариуса, — въ ней говорится лишь что договоръ *можетъ* быть заключенъ письменно, изъ чего ясно видно, что ни письменная форма ни засвидѣтельствованіе не являются обязательными, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ видахъ личнаго найма, какъ напр. найма приказчиковъ, фабричныхъ рабочихъ и нѣк. др.. Такое толкованіе статьи 2224-ой находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что статья 417-ая Уст. о Пром., трактуя о заключеніи договора обученія, о необходимости составленія письменнаго акта не упоминаетъ, и изъ текста ея видно, что законодатель имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ именно устное совершеніе договора (при свидѣтеляхъ стороны „обязаны договориться“). Въ виду этого мы должны притти къ заключенію, что по русскому праву заключеніе договора въ письменной формѣ не является обязательнымъ ⁵⁾. Исключеніе составляютъ только торговые ученики, для которыхъ, какъ и для приказчиковъ,

¹⁾ Курсъ Гражд. Права т. III. стр. 396.

²⁾ Сен. р. 67—232, 68—312, 74—713, 78—65, 80—155.

³⁾ Учебникъ русскаго гражд. права, 1910 г. стр. 556, 562.

⁴⁾ Система русскаго гражд. права, т. IV, 1904 г. стр. 222.

⁵⁾ Также Федоровъ, стр. 423.

письменное заключеніе договора необходимо для полученія права требовать съ хозяина рядной платы.

Не упоминая о письменномъ актѣ, ст. 417-ая Уст. о Пром. требуетъ за то, чтобы договоръ обученія совершался при двухъ свидѣтеляхъ. Требованіе это выражено законодателемъ въ категорической формѣ: „мастеръ не долженъ принимать ученика безъ двухъ свидѣтелей“, „сей договоръ (т. е. заключенный при свидѣтеляхъ) съ обѣихъ сторонъ долженъ быть содержимъ ненарушимо“. Изъ словъ закона можно заключить, что разъ договоръ заключенъ безъ свидѣтелей, то онъ можетъ и не быть „соджимъ ненарушимо“, т. е. въ случаѣ нарушенія не даетъ права другой сторонѣ искать ущерба судебнымъ порядкомъ.

Наконецъ, кромѣ заключенія договора при свидѣтеляхъ, наше русское право требуетъ еще, чтобы ученикъ былъ представленъ цеховымъ должностнымъ лицамъ, которые записываютъ его въ ученичью книгу. Это представленіе есть не что иное, какъ принятіе ученика самимъ цехомъ — средневѣковой обычай, о возстановленіи котораго въ настоящее время не мало слышится голосовъ въ Германіи. Какое значеніе у насъ имѣетъ это представленіе ученика мастеромъ цеховымъ должностнымъ лицамъ, законъ не выясняетъ. Все-же можно думать, что этотъ актъ слѣдуетъ отличать отъ заключенія самаго договора ученичества. Это видно изъ того, что, по словамъ закона, разъ стороны договорились при свидѣтеляхъ, то этотъ договоръ долженъ быть содержимъ ненарушимо, т. е. договоръ уже состоялся, имѣетъ законную силу, хотя бы представленія ученика цеху еще и не было. Затѣмъ статья 418-ая Уст. о Пром. говоритъ: „если мастеръ приметъ ученика, то представляетъ его Цеховому Старшинѣ и т. д.“, слѣдовательно опять таки представленіе совершается послѣ принятія, т. е. послѣ заключенія самаго договора ученичества. Поэтому, если-бы даже мастеръ не „представилъ ученика“, то все-же договоръ ученичества имѣетъ полную законную силу, представленіе же является обязанностью мастера, исполненія которой ученикъ можетъ требовать отъ него. Но если несовершеніе представленія не вліяетъ на дѣйствительность договора обученія и не измѣняетъ взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ, то тѣмъ не менѣе результаты неисполненія мастеромъ данной своей обязанности могутъ имѣть для уче-

ника тѣ послѣдствія, что онъ не будетъ значиться въ ученической книгѣ и не будетъ считаться ученикомъ въ глазахъ цеха. Последнее же обстоятельство явится для ученика препятствіемъ для производства въ подмастерья и для полученія подмастерскаго свидѣтельства. Поэтому является весьма важнымъ выяснить, какъ быть, если мастеръ ученика въ цехъ не представитъ, — можетъ-ли ученикъ самъ помимо мастера требовать отъ цеха, чтобы его внесли въ ученичую книгу, ссылаясь на заключенный надлежащимъ порядкомъ договоръ ученичества или не можетъ. Къ сожалѣнію, наше законодательство вопроса этого не рѣшаетъ, но намъ кажется, что рѣшеніе его возможно только въ первомъ смыслѣ, т. к. иначе было бы несправедливымъ ставить право ученика на производство въ подмастерья всецѣло въ зависимость отъ усмотрѣнія мастера.

Въ заключеніе нашей главы о заключеніи договора ученичества, намъ нужно рассмотреть также вопросъ о срокѣ, на который данный договоръ можетъ быть заключенъ, вопросъ, имѣющій немаловажное значеніе для положенія и обученія учениковъ. Французское право, проникнутое принципомъ свободы соглашеній, никакихъ опредѣленныхъ рамокъ въ этомъ отношеніи не устанавливаетъ. Единственное ограниченіе, установленное въ законѣ, состоитъ лишь въ томъ, что если срокъ обученія будетъ обусловленъ выше, чѣмъ это установлено мѣстными обычаями, то по просьбѣ ученика судъ можетъ или сократить срокъ обученія или вовсе его расторгнуть по истеченіи этого обычнаго срока безъ предоставленія мастеру права искать съ ученика вознагражденія за досрочное нарушеніе договора. Но запрещая только выходить изъ рамокъ установленныхъ мѣстными обычаями, французское право не препятствуетъ этимъ самымъ мѣстнымъ обычаямъ, устанавливаемымъ, главнымъ образомъ, мастерами, въ ущербъ интересамъ учениковъ несоразмѣрно удлинять срокъ ихъ обученія, и, какъ обнаружила анкета, организованная Conseil supérieur du travail, срокъ ученичества во Франціи въ общемъ является болѣе длиннымъ, чѣмъ слѣдовало-бы ¹⁾.

Въ Германіи ограниченіе срока ученичества введено было новеллой 1897-го года. До ея изданія вопросъ этотъ

¹⁾ Debole, стр. 165.

оживленно обсуждался въ литературѣ, причемъ образовались два теченія. Одно ¹⁾ считало необходимымъ ограниченіе срока ученичества въ законодательномъ порядкѣ, мотивируя это рѣшеніе тѣмъ, что иначе возможно будетъ мастерамъ закабалить себѣ учениковъ на срокъ болѣе длинный, чѣмъ это вызывается потребностями самаго обученія, чтобы возможно дольше пользоваться дешевымъ или даже вовсе бесплатнымъ трудомъ учениковъ, уже научившихся ремеслу; другое-же теченіе ²⁾, наоборотъ, полагало, что установленіе сколько-нибудь единообразной нормы для всѣхъ учениковъ будетъ вреднымъ для ученичества т. к. заставляло-бы способнаго ученика бесполезно считаться ученикомъ то время, которое можетъ быть необходимо для ученика мало даровитаго, а кромѣ того, это будетъ препятствовать лицамъ зажиточнымъ отдавать своихъ дѣтей въ обученіе ремеслу, т. к. если нѣсколько длинный срокъ обученія находитъ себѣ оправданіе въ необходимости вознаградить мастера за бесплатное обученіе хотя-бы трудомъ ученика, то заставлятъ отбывать такой-же срокъ учениковъ, платящихъ за обученіе Lehrgeld, было-бы совершенно несправедливымъ. Последняя точка зрѣнія встрѣтила сочувствіе и въ Verein'ѣ für Socialpolitik, въ 1875-омъ году признавшемъ ненужнымъ включать въ резолюцію о реформѣ ученичества пожеланіе объ установленіи въ законодательномъ порядкѣ единообразнаго срока обученія ³⁾. Но тѣмъ не менѣе при изданіи новеллы 1897-го г. восторжествовало первое теченіе. Законъ установилъ для ремесленныхъ учениковъ максимальный срокъ обученія въ 4 года. Первоначально этотъ срокъ предполагалось опредѣлить въ 5 лѣтъ, но при 2-омъ чтеніи проекта въ Рейхстагѣ социаль-демократы внесли предложеніе сократить этотъ срокъ до 4-хъ лѣтъ,

¹⁾ Schönberg, «Handbuch d. polit. Oekonomie» 1896 г. В. II стр. 684; Hoffmann, «Die Befugniß zum Gewerbebetrieb», 1841 г. стр. 99—100; F. Droste, «Die Handwerkerfrage» 1884 г. стр. 107—110; H. Böttger, «Für das Handwerk» 1894 г. и др.

²⁾ Böhmert, «Das deutsche Handwerk u. die Zwangsinnungen d. Gesetzentwurfs 1896 г.» стр. 32—33; Thilo Hampke, «Der Befähigungsnachweis im Handwerk» 1892 г. стр. 123.

³⁾ Schriften Vereins 1875 г. стр. 110, 185.

указывая на то, что пятилѣтняго ученичества и теперь почти вовсе не существуетъ даже въ сравнительно трудныхъ ремеслахъ, и что съ развитіемъ техники четырехлѣтняго обученія болѣе чѣмъ достаточно, тогда какъ устанавливая максимальный срокъ въ 5 лѣтъ, законъ повлечетъ за собой только удлинненіе сроковъ ученичества до пяти лѣтъ. Это предложеніе было поддержано центромъ, и статья 130-ая получила соотвѣтствующее измѣненіе, которое Böttger считаетъ важнѣйшимъ изъ результатовъ второго чтенія проекта въ Рейхстагѣ ¹⁾.

Устанавливая максимальный срокъ ученичества въ 4 года, законъ въ то-же самое время говоритъ, что по общему правилу срокъ ученичества долженъ продолжаться 3 года, и что ремесленнымъ камерамъ предоставляется право, съ согласія высшихъ административныхъ учреждений и по выслушаніи мнѣнія цеховъ и др. союзовъ ремесленниковъ, устанавливать обязательный срокъ ученичества для отдѣльныхъ ремеселъ или отраслей ихъ ²⁾. Въ случаѣ, если ремесленная камера этимъ своимъ правомъ не воспользуется, то устанавливать срокъ ученичества могутъ и цехи для своихъ сочленовъ ³⁾. Нужно замѣтить, что приведенное постановленіе закона далеко не отличается надлежащей ясностью. Вопросъ возникаетъ относительно значенія трехлѣтняго срока, на который, по словамъ закона, по общему правилу должны заключаться договоры ученичества, — является-ли это постановленіе обязательнымъ минимумомъ срока обученія, или-же это простой совѣтъ, не имѣющій юридическаго значенія. Въ мотивахъ къ проекту мы находимъ указаніе, что этотъ трехлѣтній срокъ вовсе не является обязательнымъ минимумомъ обученія для сторонъ и для ремесленныхъ камеръ ⁴⁾: камеры, хотя и должны соблюдать этотъ трехлѣтній срокъ въ своихъ постановленіяхъ, но могутъ установить срокъ и долѣе и короче 3-хъ лѣтъ, но цехи короче трехъ лѣтъ срокъ обученія устанавливать не могутъ ⁵⁾. Затѣмъ, если ни камеры ни це-

¹⁾ Böttger, «Geschichte...» стр. 146.

²⁾ § 130-а Gew. Ordn.

³⁾ См. § 81-а Gew. Ordn.

⁴⁾ Motive von 1897-го г. стр. 88, 89.

⁵⁾ Landmann, В. II. стр. 279 прим. 3.

хи не издали соотвѣтствующихъ постановленій, и стороны въ договорѣ срока ученичества не опредѣлили, то, очевидно, надо признавать договоръ заключеннымъ на 3 года. Такимъ образомъ, этотъ трехлѣтній срокъ въ сущности есть инструкция для камеръ и цеховъ и предполагается принятымъ въ случаѣ отсутствія иныхъ опредѣленій.

Значеніе нарушенія этихъ сроковъ является различнымъ. Такъ, если стороны заключаютъ договоръ на срокъ, несоотвѣтствующій установленному цехомъ, то виновный членъ цеха подвергается взысканію со стороны цеха и администраціи ¹⁾; если нарушено было постановленіе о срокѣ обученія, изданное ремесленной камерой, то мастеръ подвергается наказанію, предусмотренному § 150 Gew. Ord. ²⁾; если-же никакого обязательнаго постановленія не было издано, и стороны заключаютъ договоръ на срокъ долѣе 4-хъ лѣтъ, то никакого наказанія за это не установлено, и единственнымъ послѣдствіемъ нарушенія ст. 130-а является только признаніе договора недѣйствительнымъ на основаніи общаго правила Гражданскаго Уложенія, что договоры, заключенные вопреки закону, считаются недѣйствительными ³⁾. Притомъ, конечно, недѣйствительнымъ будетъ не весь договоръ, а лишь постановленіе о срокѣ свыше 4-хъ лѣтъ, если, конечно, отъ этого постановленія не поставлены въ зависимость остальные условія договора, — въ этомъ случаѣ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ и весь договоръ.

По разсмотрѣніи постановленій новеллы 1897-го г. о срокѣ обученія весьма интереснымъ является выяснить, какое вліяніе оказала она на продолжительность обученія въ жизни. Въ этомъ отношеніи крайне интересный матеріалъ даютъ изслѣдованія Императорскаго Статистическаго Бюро, произведенныя въ 1895-омъ г., т. е. до новаго закона, и въ 1908-омъ г. ⁴⁾, сопоставляя цифровыя данныя этихъ изслѣ-

¹⁾ См. §§ 92с и 96 Gew. Ordn.

²⁾ Штрафъ до 20 м. съ замѣной при несостоятельности арестомъ до 3-хъ дней.

³⁾ § 134 В. Г. В

⁴⁾ Erhebung über Verhältnisse im Handwerk, bearbeitet im Kaiserl. Stat. Amt. 1895; и Erhebung über Wirkungen des Handwerkergesetzes 1897 г., bearbeitet im Kaiserl. Stat. Amt. 1908 г.

дованій, мы получаемъ тотъ выводъ, что съ одной стороны послѣ изданія новеллы срокъ ученичества увеличился, а съ другой стороны сталъ короче: именно, вслѣдствіе категорическаго запрещенія закона, исчезли договоры, заключаемые на срокъ свыше 4-хъ лѣтъ, а ихъ по изслѣдованію 1895-аго г. было довольно значительное количество—23,7%, но вмѣстѣ съ тѣмъ число договоровъ, заключаемыхъ на сроки короче 3-хъ лѣтъ, рѣзко пало. Это видно изъ того, что по даннымъ 1895-аго г. однихъ договоровъ на срокъ до 2-хъ лѣтъ (т. е. не считая договоровъ отъ 2 до 3-хъ лѣтъ (было 15,4%¹⁾), тогда какъ теперь менѣе 3-хъ лѣтъ обучаются лишь 0,7% всѣхъ учениковъ. Такимъ образомъ, результатомъ новеллы 1897-аго г. явилось установленіе болѣе единообразнаго срока обученія, и нормой явился установленный новеллой трехлѣтній срокъ. Что-же касается до вопроса объ общемъ результатѣ вышеуказаннаго закона, т. е. повліялъ ли онъ въ среднемъ въ сторону повышенія или пониженія срока ученичества, то дать на него точный отвѣтъ затруднительно потому, что въ то время какъ Erhebung 1908-го г. прямо опредѣляетъ среднюю длину обученія въ 3,24 года, Erhebung 1895-го г. не только не даетъ такой средней нормы, но даже затрудняетъ ее вывести, сообщая цифровой матеріалъ въ безцѣльную неопредѣленной формѣ: именно, Erhebung 1895-го г. сообщаетъ, что договоровъ на срокъ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ было 56,9%, отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ—18,8%, отъ одного до двухъ лѣтъ—12,1% и т. п.. Тѣмъ не менѣе, если принять во всѣхъ этихъ случаяхъ высшую норму, т. е. что 56,9% было договоровъ на 3 года; 18,8%—на 4 года и т. п., такъ и то получимъ среднюю длину обученія въ 3,12 года, т. е. короче средней длины по изслѣдованію 1908-го года. Въ дѣйствительности-же, конечно, эта средняя въ 3,12 года должна быть еще убавлена, если принять во вниманіе, что всюду мы брали высшую норму, тогда какъ, напримѣръ, изъ 56,9% несомнѣнно было не мало договоровъ короче 3-хъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ

¹⁾ Въ дѣйствительности число договоровъ короче 3-хъ лѣтъ было значительно больше, т. к. договоры съ обученіемъ отъ двухъ и до трехъ лѣтъ насчитывалось въ 1895-омъ г. 56,9%, изъ которыхъ известная часть несомнѣнно падала на долю договоровъ со срокомъ менѣе 3-хъ лѣтъ.

результатѣ надо признать, что новелла 1897-го г. установленіемъ нормы срока обученія, хотя и уничтожила, какъ несоразмѣрно длинныя, такъ и очень короткіе сроки обученія, тѣмъ не менѣе въ общемъ повлекла за собой удлинненіе сроковъ, чѣмъ наглядно подтвердилась справедливость вышеприведенной мотивировки социаль-демократовъ въ Рейхстагѣ, что если-бы максимальный срокъ былъ установленъ не въ 4, а въ 5 лѣтъ, то сроки обученія стали-бы значительно длиннѣе, чѣмъ до изданія закона.

Но нужно замѣтить, что установленная закономъ 1897-го г. норма срока обученія имѣетъ отношеніе только къ ремесленнымъ ученикамъ,—на учениковъ въ крупной промышленности она не распространяется. Не установило срока обученія для торговыхъ учениковъ и изданное одновременно съ Gew. Ord. 1897-го г. новое Торговое Уложеніе, повторившее безъ измѣненія единственное, специально относившееся къ ученикамъ, постановленіе § 61 Торговаго Уложенія 1861 года, что срокъ обученія опредѣляется въ договорѣ, а за отсутствіемъ такого опредѣленія, опредѣляется согласно съ мѣстными распоряженіями или съ мѣстными обычаями¹⁾; если же нѣтъ ни соотвѣствующихъ мѣстныхъ распоряженій ни обычаевъ, то въ случаѣ сомнѣнія срокъ обученія опредѣляетъ по своему справедливому усмотрѣнію учитель на основаніи § 316 В. Г. В.²⁾ Единственнымъ ограниченіемъ свободы соглашенія относительно срока обученія здѣсь является, такимъ образомъ, лишь общее правило Гражданскаго Уложенія о недѣйствительности договоровъ, противныхъ „Guten Sitten“³⁾, т. к. несомнѣнно установленіе несоразмѣрно длиннаго срока обученія можетъ быть подведено подъ понятіе соглашенія безнравственнаго, направленнаго на эксплуатацію рабочей силы ученика за ничтожное вознагражденіе. Кромѣ того, какъ къ фабричнымъ, такъ и торговымъ ученикамъ должно имѣть

¹⁾ § 71 Н. Г. В.

²⁾ Düringer u. Hachenburg. стр. 475; Н. Lehmann, стр. 69; статья 316-ая гласитъ, что если размѣръ эквивалента за обѣщанное дѣйствіе не опредѣленъ, то опредѣленіе его въ случаѣ сомнѣнія принадлежитъ сторонѣ, которой принадлежитъ право требовать эквивалента.

³⁾ § 138 В. Г. В.

примѣненіе постановленіе В. Г. В. о личномъ наймѣ, дающее право по прошествіи 5 лѣтъ со дня вступленія на службу расторгнуть договоръ ¹⁾).

Швейцарскіе кантональные законы сами срока ученичества не опредѣляютъ. Они или предоставляютъ опредѣлять этотъ срокъ для отдѣльныхъ профессій правительству ²⁾ или указываютъ, что длина обученія должна опредѣляться согласно со сроками, установленными швейцарскимъ Gewerbeverein'омъ ³⁾. Но установленные вышеуказанными учрежденіями сроки являются однако лишь минимальными, но не максимальными сроками обученія ⁴⁾, слѣдовательно цѣль ихъ обезпечить надлежащее обученіе ремеслу, но не защитить учениковъ отъ чрезмѣрно длинныхъ сроковъ обученія. Что касается до австрійскаго права, то оно устанавливаетъ, какъ минимумъ, такъ и максимумъ обученія: для фабричной промышленности срокъ обученія долженъ быть не менѣе двухъ и не болѣе трехъ лѣтъ, а въ ремеслѣ не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ лѣтъ; въ этихъ рамкахъ цеховые статуты могутъ опредѣлять срокъ обученія для отдѣльныхъ профессій ⁵⁾.

Въ нашемъ русскомъ правѣ также мы находимъ опредѣленіе, какъ максимума, такъ и минимума срока обученія. Статья 419-ая Уст. о Пром. говоритъ, что ремесленный ученикъ обучается ремеслу не долѣе пяти и не менѣе 3-хъ лѣтъ. Но значеніе послѣдняго срока ослабляется дальнѣйшими словами статьи, что „буде ученикъ однако уже зналъ что ни есть, касающееся до ремесла, въ такомъ случаѣ положенный для выучки срокъ, по разсужденію Старшины и Старшинскихъ товарищей, уменьшить можно“. Что-же касается до 5-ти лѣтняго срока, то за нарушеніе его никакого наказанія для мастера не установлено, т. что послѣдствіемъ такого нарушенія можетъ-быть только то, что договоръ по прошествіи пятилѣтняго срока можетъ быть нарушенъ любой изъ сторонъ

¹⁾ K. Lehmann «Lehrbuch d. Handelsrechts» 1903 г. стр. 212.

²⁾ Basel-St. § 25, Bern § 11.

³⁾ Wallis § 11, Schwyz § 3.

⁴⁾ См. Studler, «Das Lehrlingswesen im Kanton Bern» 1907 г. стр. 49 и сл.; W. von Wyss, стр. 78.

⁵⁾ § 98 Gew. Ordn.

безъ всякихъ невыгодныхъ для себя послѣдствій. На практикѣ срокъ обученія у насъ въ большинствѣ ремесленныхъ заведеній опредѣляется въ 4—5 лѣтъ, т. е. значительно длиннѣе, чѣмъ на Западѣ.

§ 3. Обязанности мастера.

I. Первой и главной обязанностью мастера по отношенію къ ученику, обязанностью, характеризующей и цѣль и природу договора ученичества, какъ показываетъ уже само названіе, является обязанность надлежащимъ образомъ обучать ученика условленной профессіи. Указанія на эту обязанность мастера мы находимъ въ томъ или иномъ видѣ во всѣхъ законодательствахъ. „Le maitre doit enseigner à l'apprenti“, говоритъ французскій законъ 1851-го г., „progressivement et complètement, l'art, le metier ou la profession speciale, qui fait l'objet du contrat ¹⁾“. По словамъ германскаго Gewerbe-Ordnung'a „Der Lehrherr ist verpflichtet den Lehrling in den bei seinem Betriebe vorkommenden Arbeiten des Gewerbes dem Zwecke der Ausbildung entsprechend zu unterweisen ²⁾“. Аналогичныя постановленія мы находимъ и въ швейцарскихъ кантональных законахъ ³⁾ и въ австрійскомъ правѣ ⁴⁾. Даже нашъ скудный относительно ученичества Уставъ о Промышленности и тотъ говоритъ, что „мастеръ обязанъ учениковъ своихъ учить усердно..... и занимать должное время наукой ⁵⁾“.

Сравнивая эти постановленія другъ съ другомъ, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ отличаются болѣею детальною, пытаются указать, какъ должно идти обученіе („in der durch d. Zweck d. Ausbildung gebotenen Reihenfolge ⁶⁾“; „progressivement“ и т. п.), но эти указанія въ сущности

¹⁾ Art. 12 зак. 1851-го г.

²⁾ § 127 Gew. Ordn.; болѣе подробно § 76 Н. Г. В.

³⁾ См. Schwyz § 7, Wallis § 15, Bern § 9, и т. п.

⁴⁾ § 100 Gew. Ordn.

⁵⁾ Ст. 393 Уст. о Пром.

⁶⁾ § 76 Н. Г. В.

являются излишними: постепенность обучения сама собой необходима, т. к. всякое надлежащее обучение предполагает переход от менее трудных приемов к более трудным. Более важным является указание, что мастер должен обучать ученика всему ремеслу („completement“), а не отдѣльным только приемам, но и это указание въ сущности само собой подразумевается даже тамъ, гдѣ законодатель прямо не упомянулъ объ этомъ. Но, какъ мы выше видѣли, изъ требованія полноты обучения еще отнюдь не вытекаетъ, что мастеръ обязанъ обучить, а не обучать ученика, т. к. онъ вовсе не беретъ на себя отвѣтственности за достиженіе опредѣленнаго результата обучения.

Нѣкоторое сомнѣніе въ литературѣ и въ практикѣ вызвалъ вопросъ,—долженъ-ли мастеръ обучать ученика непосредственно лично, или-же онъ можетъ поручить это дѣло кому нибудь другому, на примѣръ, старшему изъ своихъ подмастерьевъ. Французскіе писатели ¹⁾ и французская судебная практика ²⁾ рѣшаютъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. Но особенное вниманіе обратило на этотъ вопросъ германское законодательство. Оно прямо разрѣшило мастеру поручать обученіе („anleiten“) ученика своему представителю, но при этомъ установило извѣстныя гарантіи, чтобы этотъ замѣститель мастера соотвѣтствовалъ своему назначенію. Выше мы говорили, что законодательства обычно устанавливаютъ рядъ требованій, которымъ мастеръ долженъ удовлетворять, чтобы имѣть право принимать учениковъ (извѣстный возрастъ, неопороченность и т. п.), но въ то время, какъ французское право эти требованія устанавливаетъ только для лицъ, принимающихъ учениковъ, не распространяя ихъ, такимъ образомъ, на тѣхъ, которыя, сами не принимая учениковъ, занимаются ихъ обученіемъ, германское право разграничиваетъ „halten“ отъ „anleiten“ учениковъ, и относительно права „anleiten“ является даже болѣе строгимъ, чѣмъ относительно права приема учениковъ. Такъ, оно запрещаетъ не только „halten“, но и „anleiten“ лицамъ, лишеннымъ гражданской чести, предусматриваетъ возможность лишенія права „halten“ и „anleiten“

¹⁾ Lagrèmondie, стр. 68.

²⁾ Prud. Nantes, 19 nov. 1879 (Rev. droit comm. 80, 2, 60).

учениковъ за изв. проступки и безнравственное поведеніе, наконецъ, только для права „anleiten“ ремесленныхъ учениковъ устанавливаетъ требованіе достиженія 24-лѣтняго возраста и обладанія „kleine Befähigungsnachweis“, введеннаго новеллой 1908-го г. Такимъ образомъ, если во Франціи мастеръ можетъ поручить обученіе ученика любому изъ своихъ подмастерьевъ, хотя-бы онъ былъ дурного поведенія и даже совершилъ к. н. проступки, заслуживающіе наказанія ¹⁾, въ Германіи это невозможно: руководитель ученика долженъ быть здѣсь и надлежащей нравственности и обладать извѣстными познаніями, причемъ требованія относительно обладанія Befähigungsnachweis столь строги, что замѣстителемъ мастера въ дѣлѣ обученія по закону 1908-го г. можетъ быть только лицо, сдавшее испытаніе на званіе мастера, каковымъ, конечно, не будетъ всякій первый попавшійся подмастерье ²⁾. Этимъ требованіемъ новелла 1908-го г., въ сущности, почти вовсе лишила мелкихъ ремесленниковъ возможности ввѣрять обученіе своихъ учениковъ постороннему лицу, т. к. найти себѣ работника, имѣющаго званіе „мастера“ далеко не легко. Чтобы устранить, однако, возможныя на практикѣ недоумѣнія законодатель германскій въ § 129 прямо указалъ, что всѣ эти строгія требованія относятся только къ лицамъ, которымъ всецѣло ввѣряется обученіе ученика, которые въ этомъ отношеніи являются замѣстителями мастера, но не къ всякому подмастерью, который по порученію мастера показываетъ ученику нѣкоторые отдѣльные приемы работы. Такія-же строгія требованія къ замѣстителю мастера въ дѣлѣ обученія предъявляетъ и австрійское право ³⁾.

¹⁾ Art. 4 и 6 зак. 1851-го г. говорятъ о правѣ «reservoir des apprentis», а не о правѣ обучать ихъ по порученію другого лица.

²⁾ Для возможности проверки, кто является замѣстителемъ мастера, и обладаетъ-ли это лицо нужными свойствами, социаль-демократы при обсужденіи закона 1897-го г. въ Рейхстагѣ предлагали установить въ законѣ, чтобы имя этого замѣстителя всегда указывалось либо въ письменномъ договорѣ ученичества либо въ письменномъ порученіи, данномъ мастеромъ, но это предложеніе въ Рейхстагѣ не прошло. (См. Stenogr. Berichte 1895/97, Sitzung 232, 1897 г.).

³⁾ Heller, стр. 813.

Въ швейцарскихъ кантональныхъ законахъ объ ученичествѣ мы также встрѣчаемъ указанія на то, что хотя мастеръ по общему правилу долженъ самъ лично обучать учениковъ, но все-же онъ можетъ поручать это дѣло *Werkmeister*'у или дѣльному рабочему, оставаясь лично отвѣтственнымъ за надлежащее исполненіе этой обязанности своимъ замѣстителемъ¹⁾. Такимъ образомъ, представительство здѣсь допускается. Труднѣе рѣшить вопросъ, кто можетъ или, вѣрнѣе, не можетъ быть этимъ замѣстителемъ, предъявляетъ-ли законодательство къ нему изв. требованія относительно познаній, нравственности и т. п., или нѣтъ. Въ данномъ отношеніи швейцарскіе законы не представляютъ такой опредѣленности, какъ герм. *Gew. Ordnung*. Такъ, напр., бернскій законъ ясно указываетъ, что условія относительно личности обучающаго должны быть на лицо, какъ для „halten“ такъ и для „anleiten“ учениковъ²⁾, но тексты законовъ нѣкоторыхъ другихъ кантоновъ даютъ основаніе для толкованія противоположнаго. Такъ, напр., законы гор. Базеля, Валлиса и Фрейбурга, перечисляя различныя требованія къ личности мастера, говорятъ только о принятіи учениковъ (*anzunehmen, halten, einstellen*), не присоединяя сюда слова „anleiten“³⁾.

Что касается до нашего русскаго права, то въ Уст. о Пром. мы находимъ постановленіе, возлагающее на „всякаго подмастерья обязанность показывать правила своего ремесла ученику того мастера, у кого работаетъ“⁴⁾. Конечно, въ этой статьѣ не говорится прямо о возможности для мастера передать обученіе ученика всецѣло въ руки того или иного подмастерья, но, по нашему мнѣнію, разъ законъ не требуетъ, чтобы мастеръ обучалъ ученика непременно лично, а даже обязываетъ подмастерьевъ обучать ученика, то несомнѣнно ничто не мѣшаетъ мастеру поручать обученіе цѣли, кому-либо изъ своихъ подмастерьевъ, понятно, однако, подъ своей личной отвѣтственностью и подъ своимъ наблюдениемъ⁵⁾. Не давая прямыхъ указаній о замѣстительствѣ

¹⁾ См. напр. Wallis § 15; Luzern, § 8.

²⁾ Bern §§ 3, 4.

³⁾ Freiburg § 6, Wallis § 6, St. Basel § 7.

⁴⁾ Ст. 412 Уст. Пром..

⁵⁾ Также думаетъ и Федоровъ, стр. 440.

въ дѣлѣ обученія, наше законодательство, понятно, не устанавливаетъ и никакихъ условій, которымъ долженъ удовлетворять этотъ замѣститель,—поэтому имъ можетъ быть всякій подмастерье, хотя-бы даже дурного поведенія и совершившій проступки, заслуживающіе наказанія.

Въ виду того, что надлежащее обученіе мастеромъ ученика составляетъ основную цѣль всего договора ученичества и имѣетъ весьма большое общественное значеніе, является крайне существеннымъ выяснить, какими мѣрами законодатель пытается гарантировать надлежащее исполненіе мастеромъ этой своей важнѣйшей обязанности, или, иначе говоря, какія послѣдствія влечетъ за собой неисполненіе мастеромъ этой обязанности обученія.

Прежде всего такимъ послѣдствіемъ, какъ и во всѣхъ другихъ обязательствахъ по договорамъ, является право ученика расторгнуть договоръ до истеченія условленнаго срока. Большинство законодательствъ прямо указываетъ на это право досрочнаго расторженія договора¹⁾. Въ нашемъ русскомъ правѣ также имѣется постановленіе, что „Ремесленный Голова имѣетъ право, видя худое ученіе малолѣтнихъ у мастера, отдать ихъ, несмотря на договоръ, другому рачительнѣйшему и искуснѣйшему“²⁾. Статья эта говоритъ о правѣ Ремесленнаго Головы относительно малолѣтнихъ учениковъ, но несомнѣнно и самъ несовершеннолѣтній ученикъ, или его законный представитель также могутъ требовать въ данномъ случаѣ расторженія договора. Другимъ послѣдствіемъ, также основаннымъ на общихъ принципахъ гражданскаго права, является право ученика въ случаѣ досрочнаго расторженія договора по причинѣ дурного обученія требовать съ мастера возмѣщенія понесенныхъ имъ убытковъ. Большинство законовъ объ ученичествѣ объ этомъ правѣ ученика не упоминаетъ, считая его общимъ послѣдствіемъ нарушенія договоровъ. Таковы общегражданскія послѣдствія нарушенія мастеромъ его главнѣйшей

¹⁾ Deutsche Gew. Ordn. § 127 b.; Франц. зак. 1851 г. art. 16; см. также Frerèjouan du Saint, стр. 45 прим. № 2.; Freiburg § 21 Reglements, Wallis § 12 и др.

²⁾ Ст. 316 Уст. Пром.

обязанности. Но законодательства обычно не довольствуются ими, а устанавливают вместе с тем и послѣдствія публичнаго характера, признавая этимъ самымъ надлежащее обученіе учениковъ имѣющимъ не только частно-правовое, но и публично-правовое значеніе. Къ такимъ послѣдствіямъ, прежде всего, относится лишеніе мастера навсегда или на изв. время права принимать другихъ учениковъ, что имѣетъ цѣлью, какъ наказать мастера, такъ и предупредить возможность подобныхъ нарушеній съ его стороны съ другими учениками. По германскому праву это ограниченіе, какъ мы выше видѣли ¹⁾, однако, можетъ быть примѣнено, согласно § 126-а Gew. Ordn., лишь въ случаѣ „wiederholte grobe Pflichtverletzungen“, такъ что, очевидно, обвиненіе мастера въ дурномъ обученіи въ первый разъ такого наказанія за собой не влечетъ. Кроме того, это правило къ торговымъ ученикамъ примѣненія не имѣетъ. Швейцарскіе кантональные законы и австрійское право не ставятъ лишеніе виновнаго мастера этого права въ зависимость отъ того, въ первый или не въ первый разъ онъ оказывается виновнымъ въ дурномъ обученіи. Въ нашемъ русскомъ правѣ имѣется также ст. 1384-ая Улож. о Наказаніяхъ, грозящая мастеру, не заботящемуся объ обученіи учениковъ, тѣмъ, что ученики у него отбираются и отдаются другимъ, а ему запрещается имѣть ихъ въ продолженіи года; при вторичномъ въ томъ изобличеніи сей срокъ продолжается на 2 года, а въ третій разъ виновный навсегда лишается права мастера. Только во Франціи законъ не караетъ мастера въ этомъ случаѣ лишеніемъ права имѣть учениковъ.

Но кроме лишенія права имѣть учениковъ, законодательства виновному мастеру угрожаютъ другими, уже чисто варагательнаго характера послѣдствіями. Такъ, по германскому праву всякое нарушеніе со стороны мастера его законныхъ обязанностей по отношенію къ ученику карается штрафомъ до 150 марокъ, а въ случаѣ несостоятельности арестомъ до 4-хъ недѣль ²⁾. Аналогичныя наказанія мы находимъ и въ Австріи ³⁾ и въ швейцарскихъ кантональныхъ законахъ ⁴⁾.

¹⁾ См. выше стр. 291.

²⁾ § 148 пунктъ 9 Gew. Ordn.

³⁾ § 133 Gew. Ordn.

⁴⁾ Bern § 34, Wallis § 33, Freiburg § 21 и др.

Что же касается до французскаго права, то оно никакого наказанія на мастера въ данномъ случаѣ не налагаетъ. Статья 20-ая зак. 1851-го г. говоритъ о наказаніяхъ лишь за нарушеніе статей 4, 5, 6, 9 и 10 закона 1851-го г., не упоминая статью 12-ую, трактующую объ обязанности мастера какъ слѣдуетъ обучать своихъ учениковъ. Точно также и наше русское право единственной, повидимому, карой для мастера считаетъ лишеніе права имѣть учениковъ и званія мастера.

Таковы тѣ послѣдствія, на первый взглядъ довольно суровыя, которыя должны наступить въ случаѣ дурнаго обученія мастеромъ ученика. Но жизнь ясно показала, что одного установленія такихъ послѣдствій далеко недостаточно, чтобы заставить мастеровъ надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности. Жалобы на плохое обученіе учениковъ стали давно уже общимъ мѣстомъ, какъ во французской, такъ и нѣмецкой литературѣ. Нечего и говорить, что и у насъ въ Россіи обученіе находится не въ лучшемъ, а скорѣе въ еще болѣе плачевномъ состояніи. Причины даннаго явленія многочисленны и разнообразны. Объ нихъ мы будемъ подробно говорить ниже. Здѣсь же важно констатировать тотъ фактъ, что серьезную роль въ плачевномъ положеніи ремесленнаго обученія играетъ и неисполненіе мастерами этой своей важнѣйшей обязанности, такъ какъ весьма и весьма часто мастера сознательно не обучаютъ учениковъ надлежащимъ образомъ, предпочитая возможно скорѣе научить ихъ кое-какимъ наиболѣе элементарнымъ приемамъ, чтобы затѣмъ въ теченіе всего срока ученичества пользоваться ихъ трудомъ, какъ трудомъ дешевыхъ рабочихъ или даже просто въ качествѣ домашней прислуги, нянекъ или мальчижовъ на побѣгушкахъ. Такимъ образомъ ясно, что тѣ послѣдствія, которыми мастерамъ грозитъ законодатель за плохое обученіе, оказываются не въ состояніи заставить мастеровъ относиться къ обученію учениковъ болѣе добросовѣстно. И это, конечно, не отъ того, что послѣдствія эти сами по себѣ маловажны, а потому, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ санкція, установленная законодателемъ, въ жизни не примѣняется. Главная причина та, что для наступленія для мастера вышеуказанныхъ послѣдствій ученикъ или его представители должны доказать, что мастеръ не исполняетъ своей обязанности, что онъ обучаетъ

плохо, между тѣмъ очевидно, что ученикъ въ теченіе обученія установить и доказать этотъ фактъ не въ состояніи. Не въ лучшемъ положеніи и родители ученика: какимъ образомъ какойнибудь крестьянинъ докажетъ, что портной или сапожникъ обучаетъ его сына не такъ, какъ бы слѣдовало? Для этого нужны спеціальныя свѣдѣнія въ данномъ ремеслѣ, которыми, обыкновенно, родители ученика не обладаютъ. Да кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ родители мало и интересуются этимъ вопросомъ: для нихъ важно, что сынъ ихъ пристроенъ, не сидитъ у нихъ на шеѣ, и если онъ еще при этомъ получаетъ небольшую плату, то для нихъ ничего больше и не нужно. Это безсиліе самой заинтересованной стороны отстоять свои интересы давно уже было признано, и давно уже въ литературѣ пришли къ тому выводу, что для обезпеченія надлежащаго обученія необходима организація извѣстнаго контроля за ученичествомъ. И когда на Западѣ вновь возникло теченіе въ пользу возстановленія цехового строя, то главнымъ доводомъ сторонниковъ этого теченія было то, что ремесло гибнетъ до извѣстной степени вслѣдствіе паденія ремесленнаго обученія, и что помочь ремеслу можно только возстановивъ цехи въ качествѣ органовъ контроля за надлежащимъ обученіемъ. Поэтому германскій Gew. Ordn., идя навстрѣчу желаніямъ сторонниковъ цехового движенія и возстановляя до извѣстной степени цеховой строй, одной изъ важнѣйшихъ и обязательныхъ задачъ цеховъ призналъ заботу о техническомъ, промышленномъ и нравственномъ воспитаніи учениковъ ¹⁾. Для осуществленія этой задачи законодатель предоставилъ имъ право назначать особыхъ уполномоченныхъ, на обязанности которыхъ лежало бы посѣщеніе мастерскихъ и помѣщеній, гдѣ обучаются ученики, и наблюденіе за исполненіемъ мастерами установленныхъ для нихъ закономъ и цеховыми статутами обязанностей, въ томъ числѣ, конечно, и за обученіемъ учениковъ ²⁾. Кромѣ того, надзоръ за обученіемъ учениковъ возложенъ закономъ и на ремесленныя камеры, которыя могутъ, также какъ и цехи, назначать особыхъ уполномоченныхъ для исполненія этой задачи ³⁾. Эти

¹⁾ §§ 81-а. и 83 Gew. Ordn.

²⁾ § 94-с Gew. Ordn.

³⁾ §§ 103-е и 103-п Gew. Ordn.

уполномоченные являются только наблюдательными органами, которые сами никакихъ мѣръ не принимаютъ, но въ случаѣ обнаруженія злоупотребленія, даютъ дѣлу надлежащій ходъ для наложенія на виновныхъ установленныхъ закономъ взысканій. На практикѣ, однако, институтъ вышеуказанныхъ уполномоченныхъ далеко не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя на нихъ возлагались. Цехи отнеслись къ данному институту болѣе, чѣмъ равнодушно. Такъ, по свѣдѣніямъ Импер. Статист. Бюро въ 1904-омъ г. въ Вюртембергѣ только 41 цехъ изъ 119 учредилъ должность уполномоченныхъ, а въ Баденѣ изъ 82-хъ цеховъ всего 31. Да и тамъ, гдѣ такіе уполномоченные существовали, они рѣшительно ничѣмъ не проявили свою дѣятельность, такъ что такой способъ надзора оказался скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, т. е. лишь препятствовалъ обнаруженію многихъ злоупотребленій въ обученіи и содержаніи учениковъ ¹⁾. Такіе-же отзывы о дѣятельности цеховъ въ области наблюденія за ученичествомъ слышатся и изъ другихъ мѣстностей Германіи ²⁾. Причина подобнаго отношенія цеховъ ясна: мастера стремились къ возстановленію цехового строя, имѣя въ виду достиженіе этимъ путемъ своихъ личныхъ выгодъ, но отнюдь не для того, чтобы создавать стѣсненія самимъ себѣ, почему къ учрежденію надзора за ученичествомъ они относятся враждебно, видя въ немъ недопустимое, съ ихъ точки зрѣнія, вторженіе въ частныя дѣла. Неудивительно поэтому, что цехи предпочитаютъ или вовсе не выбирать уполномоченныхъ для наблюденія за ученичествомъ или же выбирать такихъ, которые бы никакихъ неприяностей мастерамъ не причиняли. Что же касается до ремесленныхъ камеръ, то, по свидѣтельству С. Kaiser'a ³⁾, относительно Вюртемберга и Бадена, камеры скоро пришли къ сознанію настоятельной необходимости учрежденія такихъ органовъ надзора и проявили къ учрежденію уполномоченныхъ большой интересъ. Но сперва дѣятельность камеръ въ этомъ отношеніи была не особенно

¹⁾ С. Kaiser, «Die Wirkungen d. Handwerker-gesetzes im Württemberg und Baden», 1909 г. стр. 34—35.

²⁾ См. наур. Meister, стр. 70—71.

³⁾ С. Kaiser, стр. 36 и сл.

удачной, т. к. они назначали уполномоченных по районамъ, а при такой системѣ скоро сказалась трудность найти подходящихъ людей для такихъ должностей. Поэтому, за послѣднее время камеры перешли къ другой системѣ, приближающейся къ учрежденію уполномоченныхъ по профессіямъ. Такой порядокъ оказался болѣе цѣлесообразнымъ, т. к. легче было найти уполномоченнаго, свѣдующаго въ одной или нѣсколькихъ родственныхъ профессіяхъ, и такой уполномоченный легче могъ увидѣть всѣ недостатки въ постановкѣ обученія. По словамъ того-же Kaiser'a, дѣятельность этихъ уполномоченныхъ отъ ремесленныхъ камеръ оказала весьма благотворное вліяніе на улучшеніе, какъ положенія учениковъ, такъ и ихъ обученія ¹⁾. Но все вышесказанное относится только къ ремесленнымъ ученикамъ: обученіе на фабрикахъ подлѣжитъ контролю фабричной инспекціи, а торговое ученичество вовсе лишено какого-либо спеціальнаго контроля. Такое-же игнорированіе своей обязанности слѣдить за обученіемъ учениковъ проявили цехи и въ Австріи, причемъ, такъ какъ въ данной странѣ нѣтъ ремесленныхъ камеръ, и надзоръ за ученичествомъ на ряду съ цехами возложенъ на фабричныхъ инспекторовъ, для которыхъ надлежащее исполненіе этой обязанности вслѣдствіе величины ихъ районовъ является положительно невозможнымъ, то въ результатѣ организація контроля за обученіемъ учениковъ въ Австріи является еще менѣе удовлетворительной, чѣмъ въ Германіи ²⁾.

У насъ въ Россіи, также надзоръ за ученичествомъ и за надлежащимъ исполненіемъ мастерами своихъ обязанностей возложенъ на органы цехового управленія—именно на Ремесленныхъ Головъ. При этомъ законъ нашъ не ограничиваетъ ихъ дѣятельность только наблюденіемъ за ученичествомъ, а

¹⁾ Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, какъ напимѣръ въ Баваріи, надзоръ за обученіемъ ремесленныхъ учениковъ возложенъ и на фабричныхъ инспекторовъ, но вслѣдствіе незначительнаго числа послѣднихъ съ одной стороны и громаднаго количества мелкихъ предпріятій, гдѣ работаютъ ученики, съ другой стороны, несомнѣнно надзоръ этотъ не можетъ имѣть сколько-нибудь серьезнаго значенія.

²⁾ J. Pollitzer, «Die Lage d. Lehrlinge im Kleingewerbe in Wien», 1900 г. стр. 32 и 120.

даетъ Головѣ и извѣстную принудительную власть,—именно, видя худое ученіе малолѣтнихъ у мастера онъ можетъ отдать ихъ, несмотря на договоръ, другому рачительнѣйшему и искуснѣйшему ¹⁾. Такимъ образомъ, здѣсь въ случаѣ жалобы ученика на дурное обученіе, договоръ можетъ быть расторгнутъ не судомъ, а Ремесленнымъ Головой. Простираются-ли полномочія Головы дальше, и можетъ-ли онъ прекратить договоръ своей властью даже вопреки воли ученика или его представителей въ статьѣ 316-ой ясно не указано, но если вспомнить, что такія права принадлежали средневѣковымъ цехамъ, и что наши дѣйствующія постановленія объ ученичествѣ и цехахъ заимствованы изъ старыхъ западныхъ цеховыхъ уставовъ, то, повидимому, толковать статью 316-ую надо въ этомъ смыслѣ. За такое толкованіе говорить въ сущности и самый текстъ данной статьи. Такимъ образомъ, въ этомъ постановленіи ярко сказывается прежній взглядъ на принадлежащее цеху право личной власти надъ учениками, взглядъ, проявляющійся и въ статьѣ 398-ой Уст. о Пром., предоставляющей Цеховому Старшинѣ или Старшинскимъ Товарищамъ право „назначить подмастерье или ученика, буде то нужно“ къ большому ремесленнику, не имѣющему ни подмастерьевъ ни учениковъ.

Но если въ теоріи право контроля, принадлежащее Ремесленному Головѣ, является весьма значительнымъ, то на практикѣ, по свидѣтельству всѣхъ знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ ремеслѣ, оно не даетъ рѣшительно никакихъ результатовъ. Въ этомъ въ сущности нѣтъ ничего удивительнаго, т. к. по самой своей организаціи надзоръ этотъ не выдерживаетъ критики: несомнѣнно, что главнымъ условіемъ правильной постановки контроля, является безпристрастность и незаинтересованность контролирующаго лица, между тѣмъ какъ Ремесленный Голова—тотъ-же мастеръ, который, естественно, скорѣе встанетъ на сторону мастера, чѣмъ ученика, и такъ-же, какъ и всѣ мастера, проникнуть возрѣніемъ, что контроль есть вредное и недопустимое вмѣшательство въ частныя отношенія.

Кромѣ надзора Ремесленнаго Головы, наше право спеціально для города С. Петербурга возлагаетъ эту обязанность

¹⁾ Ст. 316 Уст. о Пром.

также и на попечителей о бѣдныхъ вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Но полномочія этихъ попечителей значительно уже полномочій Ремесленнаго Головы: попечители не могутъ ни расторгнуть договоръ ни отдать ученика другому мастеру, а должны лишь о всякомъ обнаруженномъ ими случаѣ нарушенія мастерами установленныхъ закономъ въ отношеніи содержанія учениковъ правилъ доводить до свѣдѣнія Градоначальника для принятія мѣръ по взысканію съ виновныхъ ¹⁾. Но, по словамъ Федорова ²⁾, и надзоръ со стороны этихъ попечителей не могъ принести существенной пользы, отчасти за недостаточностью контингента попечителей, вслѣдствіе чего надзоръ пріобрѣлъ чисто случайный, а не систематическій характеръ, отчасти же за бѣдностью нашихъ законодательныхъ постановленій, регулирующихъ взаимныя отношенія между мастеромъ и ученикомъ. Поэтому у насъ въ Россіи никакого контроля за исполненіемъ мастерами своихъ обязанности, въ сущности, вовсе не существуетъ.

Нисколько не лучше, чѣмъ у насъ въ Россіи организованы надзоръ за обученіемъ учениковъ во Франціи. Законъ 1851-го г. совсѣмъ не позаботился создать какіе-нибудь органы надзора за соблюденіемъ его предписаній. Такъ какъ ненормальность подобнаго положенія вещей была очевидна, то въ большихъ городахъ были сдѣланы попытки возложить обязанность наблюденія за ученичествомъ на полицію, но попытки эти ни къ чему не привели, т. к. полицейскіе чиновники, заваленные своими непосредственными дѣлами, не могли сколько-нибудь серьезно исполнять вновь возложенную на нихъ функцію. Они вмѣшивались только тогда, когда къ нимъ обращались съ жалобами, а жалобы имъ приносились крайне рѣдко, т. к. рабочій классъ вообще не любитъ обращаться за содѣйствіемъ къ полиціи ³⁾. Законъ 1892-го г. ввелъ институтъ „des inspecteurs du travail“, но сфера дѣятельности этихъ инспекторовъ была ограничена наблюденіемъ за соблюденіемъ лишь законовъ 1848-го, 1874-го, 1892-го, 1893-го г.

¹⁾ Примѣчаніе къ ст. 393 Уст. о Пром..

²⁾ Федоровъ, стр. 320.

³⁾ Debole, стр. 174; Fouqué, стр. 52—53.

и 1900-го г., но не закона 1851-го г., такъ что инспектора, хотя и оказали серьезныя услуги въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго положенія учениковъ, какъ и всякихъ другихъ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, но за самымъ обученіемъ они не наблюдаютъ, да и не въ состояніи наблюдать надлежащимъ образомъ вслѣдствіе величины ввѣренныхъ ихъ наблюденію районовъ и невозможности обладать столь разнообразными техническими свѣдѣніями, чтобы быть въ состояніи слѣдить, хорошо-ли обучаются ученики во всѣхъ многочисленныхъ профессіяхъ даннаго района ¹⁾. Для наблюденія за обученіемъ учениковъ законъ 1892-го г., правда, учредилъ особые органы — комитеты патронажа, но эти комитеты остались только на бумагѣ, да и тамъ гдѣ они и были организованы, они совершенно не функционируютъ ²⁾. Причинами подобнаго бездѣйствія комитетовъ, по донесеніямъ *inspecteurs divisionnaires*, являются неопредѣленность задачъ, возложенныхъ на нихъ закономъ, отсутствіе у комитетовъ денежныхъ средствъ и вообще отрицательное отношеніе общества къ вмѣшательству подобнаго полуоффиціальнаго учрежденія ³⁾. Остаются, такимъ образомъ, лишь *Conseils de prud'hommes* и мировые судьи, но на эти учрежденія возложена лишь обязанность разбирать споры между учениками и мастерами по жалобамъ сторонъ, но права наблюдать за обученіемъ учениковъ имъ не предоставлено закономъ. Правда, нѣкоторые *Conseils de prud'hommes* (напр. въ Лионѣ) сами взяли на себя наблюденіе за исполненіемъ сторонами своихъ обязанностей и въ томъ числѣ за обученіемъ учениковъ, и дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи надо признать довольно успешной, но, тѣмъ не менѣе, подобныя попытки *Conseils* конечно, не могутъ имѣть большого значенія, т. к. въ этомъ случаѣ они явно поступаютъ противозаконно ⁴⁾, хотя, можетъ быть, и цѣлесообразно. Такимъ образомъ, приходится притти къ заключенію, что во Франціи надзора за правильностью обу-

¹⁾ Debole, стр. 171—173.

²⁾ По словамъ Fouqué (стр. 56) такой комитетъ правильно дѣйствуетъ лишь въ департаментѣ Жиронды.

³⁾ Fouqué, стр. 55—56.

⁴⁾ Debole, стр. 258 и сл.; Fouqué, стр. 53.

ченія учениковъ вовсе не существуетъ ни юридически ни фактически.

Въ противоположность Франціи весьма серьезное вниманіе на организацію контроля за ученичествомъ обращаютъ швейцарскіе кантональные законы. Характерной особенностью ихъ является то, что, кромѣ возложенія обязанности наблюдать за ученичествомъ на правительственныя учрежденія, въ большинствѣ кантоновъ функція эта ввѣрена особымъ комиссіямъ, организуемымъ по одной на округъ или на общину. Члены комиссій выбираются то Коммунальнымъ Совѣтомъ ¹⁾, то Regierungsrath'омъ по рекомендаціи промышленныхъ камеръ ²⁾, то союзами рабочихъ и хозяевъ ³⁾, причемъ въ большинствѣ случаевъ въ члены комиссій должны назначаться, какъ хозяева, такъ и рабочіе; въ нѣкоторыхъ кантонахъ требуется, чтобы въ комиссіи участвовали и женщины. ⁴⁾ На обязанность членовъ комиссій законодательства возлагаютъ наблюдение за заключеніемъ договоровъ ученичества, содѣйствіе къ устраненію всякихъ недоразумѣній и разногласій между хозяевами и учениками и обязательное посѣщеніе мастерскихъ (законъ кантона Швицъ требуетъ, чтобы посѣщенія эти производились минимумъ разъ въ полгода) съ цѣлью наблюденія, какъ за содержаніемъ учениковъ, такъ и за ихъ успѣхами въ ремеслѣ. Въ большинствѣ кантоновъ ⁵⁾ члены комиссій получаютъ вознагражденіе за свой трудъ или изъ коммунальныхъ средствъ или отъ союзовъ, ставящихъ своей задачей покровительство ученикамъ; это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ иначе комиссіи и функционировали бы крайне слабо и состояли бы, главнымъ образомъ, изъ лицъ состоятельныхъ, тогда какъ рабочіе, чье участіе въ комиссіяхъ особенно необхо-

¹⁾ Въ Швицѣ, Валлисѣ, Фрейбургѣ.

²⁾ Въ Бернѣ.

³⁾ Въ Фрейбургѣ.

⁴⁾ Въ Базелѣ.

⁵⁾ Но не вездѣ: такъ напримѣръ въ Бернѣ участіе въ комиссіи считается государственной повинностью, и каждый полноправный гражданинъ, если онъ не достигъ 60 лѣтъ и не имѣетъ какихъ либо тѣлесныхъ недостатковъ, въ случаѣ выбора обязанъ безвозмездно нести эту должность въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

димо, фактически лишены были-бы возможности принимать въ нихъ участіе. Нетрудно видѣть, что въ лицѣ такихъ комиссій швейцарское законодательство создало органы контроля за ученичествомъ и близкіе къ населенію и не находящіеся всецѣло въ рукахъ хозяевъ, какъ это имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ надзоръ этотъ возложенъ на цехи.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что организація надзора за обученіемъ учениковъ въ современныхъ государствахъ, за исключеніемъ Швейцаріи и до извѣстной степени Германіи, страдаетъ серьезными недостатками. Но если бы даже эти недостатки были устранены, то все же можно было бы сомнѣваться, чтобы это могло служить надежной гарантіей надлежащаго исполненія мастерами своей обязанности обучать учениковъ. Органъ надзора легко можетъ констатировать, что помѣщенія учениковъ негигиеничны, что число учениковъ превышаетъ установленную норму, что ученики не достигли надлежащаго возраста, можетъ, наконецъ, легче, чѣмъ самъ ученикъ или его родители возбудить дѣло о расторженіи договора и о привлеченіи мастера къ отвѣтственности,—въ этихъ вопросахъ значеніе инспекціи весьма велико,—но установить, хорошо ли мастеръ обучаетъ ученика, не скрываетъ-ли онъ отъ него какихъ-нибудь важныхъ приѣмовъ техническихъ и т. п., для контролирующаго органа крайне трудно. Для этого нужно, чтобы само контролирующее лицо хорошо знало данное ремесло, а чтобы достичь этого пришлось бы держать въ каждомъ городѣ или небольшомъ округѣ цѣлый многочисленный штатъ инспекторовъ, а во вторыхъ, чтобы удостовѣриться, какъ обучается данный ученикъ, недостаточно одного посѣщенія мастерской черезъ извѣстные промежутки времени, а пришлось бы производить при этомъ нѣчто вродѣ испытаній учениковъ, что также вызвало-бы обремененіе инспекціи работой и сильное увеличеніе числа пазирающихъ органовъ. Отсюда, естественно, вытекаетъ выводъ, что для надлежащаго контроля за обученіемъ недостаточно установленія однихъ органовъ надзора, а необходимо организовать особыя испытанія учениковъ, и чтобы эти испытанія не имѣли случайнаго и поверхностнаго характера, каковыми они необходимо являлись-бы, если-бы производились органами надзора при посѣщеніи ими мастерскихъ, а являлись-бы серьезной, обставленной надлежащимъ

образомъ провѣркой тѣхъ знаній, какія пріобрѣлъ ученикъ за время обученія. Только при такой организаціи испытаній можно было-бы судить, какъ исполнилъ мастеръ свою обязанность.

Этотъ вопросъ объ установленіи испытаній учениковъ является далеко не новымъ: подобныя испытанія существовали на Западѣ еще въ 16-омъ вѣкѣ, а въ 18-омъ вѣкѣ даже признавались законодательствами обязательными (наприм. прусскимъ Allgem. Landrecht), но всѣ эти испытанія исчезли съ паденіемъ цехового строя и введеніемъ свободы промышленности вслѣдствіи того, что на эти испытанія смотрѣли тогда не какъ на средство контроля за исполненіемъ мастерами своей обязанности обученія, а какъ на средство для ученика получить званіе подмастерья. Вновь возрождаются испытанія учениковъ, уже исключительно, какъ средство контролировать постановку ремесленного обученія и содѣйствовать развитію и усовершенствованію послѣдняго, въ Германіи въ половинѣ 19-го вѣка. При этомъ первоначально это въ сущности даже не были испытанія въ полномъ смыслѣ этого слова, а просто выставки ученическихъ работъ. Впервые такая выставка была организована въ Дармштадтѣ въ 1848-омъ году, а затѣмъ примѣру Гессена послѣдовали и нѣкоторыя другія государства (Баденъ, Баварія, Вюртембергъ и Пруссія). Цѣль, которую преслѣдовали эти выставки, заключалась въ томъ, чтобы путемъ различныхъ наградъ побудить учениковъ съ большимъ усердіемъ заниматься ремесломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создать извѣстный контроль за положеніемъ ремесленного обученія въ странѣ.¹⁾ Нельзя отрицать, что нѣкоторую пользу эти выставки принесли, побуждая и мастеровъ лучше обучать—хотя-бы ради рекламы—и учениковъ относиться къ обученію съ большимъ интересомъ, но тѣмъ не менѣе, какъ средство контроля за обученіемъ, выставки, конечно, не могли имѣть серьезнаго значенія, во первыхъ, потому, что участіе въ выставкѣ было необязательнымъ, и лѣнивый мастеръ могъ и не выставить работъ своихъ учениковъ, а во вторыхъ на выставкѣ нельзя

¹⁾ Объ организаціи выставокъ см. P. Scheven, «Die Lehrwerkstätte...» 1894 г. стр. 262—284.

было опредѣлить, самъ-ли ученикъ дѣлалъ данный предметъ, или-же въ сущности работа дѣликомъ исполнена была мастеромъ, какъ это и бывало въ большинствѣ случаевъ. Правда, комитетъ, присуждавшій награды, могъ съ цѣлью контроля потребовать, чтобы ученикъ въ его присутствіи снова сдѣлалъ хотя бы какую-нибудь часть выставленной имъ работы, но это, конечно, случалось рѣдко и лишь нагляднѣе указывало, что для надлежащей постановки контроля за обученіемъ нужны именно испытанія, а не выставки.

Такія испытанія впервые были организованы въ Вюртембергѣ, гдѣ еще въ 1828-омъ году при введеніи свободы промышленности правительство предполагало въ законодательномъ порядкѣ признать испытанія учениковъ въ большинствѣ ремеселъ обязательными. Предложеніе это законодательными учрежденіями принято не было, но правительство не отказалось отъ убѣжденія въ пользѣ этихъ испытаній, и начиная съ 1859-аго г. здѣсь организуются испытанія учениковъ, хотя и не обязательныя. Первоначально не имѣвшія серьезнаго распространенія, испытанія начали прививаться лишь съ 1881-го года, когда Zentralstelle für Gewerbe u. Handel выработало особыя правила для производства испытаній, получившія утвержденіе короля и признанныя обязательными для тѣхъ, кто пожелаетъ подвергнуться испытанію. Въ 1885-омъ г. эти правила были изданы вновь въ исправленномъ и переработанномъ видѣ. Испытанія раздѣлены на теоретическія и практическія. Послѣднія должны состоять изъ представленія ученикомъ т. наз. „Gesellenstück“ и изъ устныхъ объясненій на предложенные ему вопросы, касающіеся техники ремесла. Испытательныя коммиссіи состояли изъ совѣта ремесленной школы, правленія Gewerbe- или Handelsverein'a, дирекціи Fortbildungsschule и особо назначенныхъ экзаменаторовъ, каковыми для практическихъ испытаній приглашались лица, на практикѣ занимающіяся даннымъ ремесломъ, подъ контролемъ которыхъ и долженъ изготавляться „Gesellenstück“. По выдержаніи испытанія ученику давалось свидѣтельство.

Организованныя въ Вюртембергѣ испытанія учениковъ на практикѣ имѣли успѣхъ. Число лицъ, пожелавшихъ подвергнуться имъ, стало возрастать довольно значительно: такъ

въ 1882-омъ г. всего подвергалось испытаніямъ 268 учениковъ, тогда какъ въ 1892-омъ г. число ихъ достигло уже 1119.¹⁾ Примѣру Вюртемберга стали слѣдовать и нѣкоторыя другія нѣмецкія государства.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ испытаній вновь поднимается вопросъ о приданіи имъ обязательнаго характера, такъ какъ, какъ ни увеличивалось число экзаменуемыхъ, тѣмъ не менѣе число это все-же оставалось ничтожнымъ по сравненію съ числомъ учениковъ, оканчивающихъ ежегодно свое обученіе. Такъ, въ томъ-же Вюртембергѣ подвергшіеся испытаніямъ въ 1892-омъ году 1119 человекъ составляли лишь около $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ всего числа учениковъ, окончившихъ свое обученіе. Отсюда естественно вытекалъ выводъ, что если испытанія являлись серьезнымъ средствомъ контроля за постановкой ремесленнаго обученія, то они только тогда могутъ достигъ извѣстныхъ прочныхъ результатовъ, когда будутъ объявлены обязательными. Но это положеніе далеко не сразу получило признаніе въ литературѣ. Наоборотъ, введеніе обязательныхъ испытаній для учениковъ встрѣтило многочисленныхъ и авторитетныхъ противниковъ. Такъ, извѣстный профессоръ Штида²⁾, относясь весьма сочувственно къ добровольнымъ испытаніямъ, высказывалъ сомнѣнія въ необходимости признанія ихъ обязательными. Также Бобертагъ высказывался противъ обязательныхъ испытаній, полагая, что такія легко могутъ превратиться въ пустую формальность³⁾. Противъ обязательныхъ испытаній высказывались многіе ораторы и при обсужденіи реформы ученичества въ Verein'ѣ für Socialpolitik⁴⁾, причемъ ихъ мнѣніе одержало верхъ надъ мнѣніемъ защитниковъ испытаній, такъ какъ въ резолюцію соответствующее пожеланіе о введеніи испытаній внесено не было. Главныя возраженія, выставляемыя противъ обязательныхъ испытаній, сводились къ трудности организовать ихъ надлежащимъ образомъ и къ опасеніямъ, что они превратят-

¹⁾ P. Scheven, стр. 257.

²⁾ В. Preussische Jahrbücher 1892-го г. стр. 49 и сл.

³⁾ G. Bobertag, «Die Handwerkerfrage im Jahre 1880», стр. 77—79.

⁴⁾ Brinckmann, проф. Schönberg (впоследствии значительно измѣнившій свое мнѣніе по данному вопросу — см. «Handbuch d. Polit. Oekonomie» 1896 г. В. II, 1, стр. 684), Liebau (Schriften d. Vereins 1875 г. № 11, 12 и 13).

ся въ бесполезную формальность, дадутъ просторъ различнымъ злоупотребленіямъ, будутъ-лишь возбуждать честолюбіе мастеровъ, которые будутъ напрягать свои усилія, чтобы показать публикѣ „Musterkinder“, а также явятся необходимой ступеню къ введенію и испытаній на званіе мастера, стяжавшихъ себѣ печальную славу въ прежніе годы.

Но на ряду съ противниками, обязательныя испытанія нашли себѣ и многочисленныхъ защитниковъ въ лицѣ R. Garbe¹⁾, F. Droste²⁾, A. Engel³⁾, P. Scheven⁴⁾ и др., которые указывали, что трудности организациі обязательныхъ испытаній отнюдь не непреодолимы, и что испытанія учениковъ не имѣютъ ничего общаго съ испытаніями на званіе мастера: они нисколько не стѣсняють права заниматься ремесломъ и безъ сдачи испытаній, а лишь служатъ необходимымъ средствомъ контроля за исполненіемъ мастерами своихъ обязанностей. Введенія обязательныхъ испытаній требовала и ремесленно-цеховая партія, хотя не столько какъ средства контроля за обученіемъ, сколько потому, что видѣла въ этихъ испытаніяхъ шагъ впередъ къ организациі и обязательныхъ Meisterprüfungen, въ которыхъ цеховое движеніе видѣло конечную цѣль своихъ стремленій⁵⁾. Но несмотря на агитацію и въ литературѣ и въ различныхъ ремесленныхъ собраніяхъ, и на петиціи въ пользу обязательности испытаній, германское законодательство долго не находило возможнымъ установить эту обязательность въ законодательномъ порядкѣ. При обсужденіи новеллы 1897-го года конференція ремесленниковъ, созванная сторонниками цехового строя, на ряду

¹⁾ Garbe, «Bestrebungen auf d. Gebiete des gewerblichen Lehrlingsbildung im In- und Auslande» (Annalen für Gewerbe u. Bauwesen, 1889 г. часть II № 277).

²⁾ F. Droste, «Die Handwerkerfrage» 1884 г. стр. 76.

³⁾ A. Engel, «Handwerkerfragen» 1907 г. стр. 81.

⁴⁾ P. Scheven, стр. 299 и сл.

⁵⁾ За обязательныя испытанія высказались, напримѣръ, «Der Bund deutscher Schmiede—Junungen» въ 1892 г. (см. «Handwerker» № 1 1892 г.). Deutsche Katholikentag 1905 г. (см. у Wernicke, стр. 398), также F. Hitze («Schutz dem Handwerk.» 1883 г. стр. 51—52); Verein selbständiger Handwerker u. Fabrikanten въ 1872-омъ г. обращался въ Рейхстагъ съ петиціей, въ которой ходатайствовалъ и о введеніи обязательныхъ испытаній.

съ другими предложеніями относительно измѣненія правительственнаго законопроекта представила въ Рейхстагъ и предложеніе сдѣлать испытанія для учениковъ обязательными, но и эта попытка окончилась неудачей: представитель правительства категорически заявилъ, что возможно лишь побуждать учениковъ подвергаться испытаніямъ угрозой какихъ-либо невыгодныхъ послѣдствій, но примѣнять здѣсь непосредственное принужденіе невозможно. Рейхстагъ съ этимъ мнѣніемъ согласился, и въ результатѣ новелла 1897-го года ограничилась тѣмъ, что для права имѣть и обучать учениковъ потребовала отбытія опредѣленнаго срока ученичества и сдачи испытаній или же пятилѣтней работы въ качествѣ самостоятельнаго ремесленника или *Werkmeister'a*. Такимъ образомъ, ученикъ, не сдавшій испытанія, лишался возможности въ будущемъ самъ принимать и обучать учениковъ, если не проработаетъ 5 лѣтъ въ вышеуказанныхъ условіяхъ; это признано было достаточной мѣрой, чтобы побудить учениковъ сдавать испытанія. Но не рѣшившись сдѣлать испытанія прямо обязательными для учениковъ, законъ 1897-го г. въ то же время возложилъ на цехи и на мастеровъ-учителей обязанность побуждать учениковъ подвергаться испытаніямъ ¹⁾. Неисполненіе этой обязанности со стороны цеха можетъ повлечь за собой закрытіе цеха ²⁾, а уклоненіе мастера отъ предписанія закона, въ видѣ-ли противодѣйствія ученику въ его намѣреніи подвергнуться испытанію или даже просто въ видѣ непринятія никакихъ мѣръ для побужденія ученика держать экзаменъ, можетъ повлечь за собой для мастера наказаніе по § 148 *abs. 9. Gew. Ord.*, а при рецидивѣ даже лишеніе права имѣть и обучать учениковъ ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ позаботился и о созданіи испытательныхъ комиссій: онъ прямо возлагаетъ на принудительные цехи (*Zwangsinnungen*) обязанность учреждать испытательныя комиссіи, предоставляетъ также свободнымъ цехамъ по уполномочію ремесленныхъ камеръ организовывать такія комиссіи и, наконецъ, возлагаетъ обязанность на ремесленныя камеры создавать комиссіи въ случаѣ, если для той или

¹⁾ § 131c. *Gew. Ord.*

²⁾ §§ 97 и 81a. *Gew. Ord.*

³⁾ § 126a. *Gew. Ord.*

другой профессіи не будетъ таковыхъ создано ни цехами ни различными учебными заведеніями ¹⁾. Составъ испытательныхъ комиссій, образуемыхъ на 3 года, законъ ²⁾ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: предсѣдатель комиссіи назначается ремесленной камерой, члены же (а ихъ должно быть не менѣе 2-хъ) въ цеховыхъ комиссіяхъ состоятъ на половину изъ мастеровъ, выбранныхъ цехомъ, и на половину изъ подмастерьевъ, избранныхъ подмастерской комиссіей (*Gesellenausschus*); въ испытательныхъ же комиссіяхъ, учреждаемыхъ ремесленными камерами, члены комиссіи назначаются самими камерами, но половина также должна состоятъ изъ подмастерьевъ. Далѣе законъ опредѣляетъ самый характеръ испытаній: онъ говоритъ, что испытаніе должно обнаружить, что ученикъ съ достаточной увѣренностью владѣетъ пріемами своего ремесла и обладаетъ достаточными познаніями въ цѣнѣ и свойствахъ обрабатываемыхъ сырыхъ матеріаловъ, въ способахъ обращенія съ ними и сохраненія ихъ, а также способность распознавать качество этихъ матеріаловъ. Детальную же регламентацію порядка производства испытаній законъ предоставляетъ издавать высшимъ административнымъ учрежденіямъ по соглашенію съ ремесленной камерой ³⁾; разногласія между камерой и администраціей разрѣшаетъ областное центральное учрежденіе (*Landes-Zentralbehörde*). Вышеуказаннымъ учрежденіямъ законъ предоставляетъ право требовать отъ учениковъ сдачи испытанія и по книго- и счетоводству. Расходы по производству испытаній, также опредѣляемые правилами, оплачиваются цехами и ремесленными камерами ⁴⁾. Къ испытаніямъ допускаются лишь ученики, отбывшіе срокъ обученія. Результаты испытаній отмѣчаются комиссіей на свидѣтельствѣ ученика. Если испытанія ученикъ не выдержитъ, то комиссія опредѣляетъ срокъ, по истеченіи котораго ученикъ можетъ подвергнуться вторичному испытанію ⁵⁾.

¹⁾ § 131 *Gew. Ordn.*

²⁾ § 131a *Gew. Ord.*

³⁾ Учрежденія эти раздѣляютъ испытанія на теоретическія и практическія; послѣднее состоитъ изъ предъявленія т. наз. *Gesellenstück* и *Arbeitsprobe* (см. *C. Kaiser*, стр. 55).

⁴⁾ § 131b *Gew. Ordn.*

⁵⁾ § 131c *Gew. Ord.*

Въ качествѣ гарантіи противъ несправедливыхъ постановленийъ комиссіи законъ предоставляетъ предсѣдателю ея право приостановить приведеніе въ исполненіе ея постановленія; въ этомъ случаѣ дѣло поступаетъ на окончательное разрѣшеніе въ ремесленную камеру, которая для разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ образуетъ особую комиссію, въ которой должны принимать участіе и подмастерья ¹⁾.

Но, установивъ вышеизложенныя правила относительно характера и организациі испытанийъ, новелла 1897-го г. въ то-же самое время предоставила областнымъ центральнымъ учрежденіямъ (Landeszentralbehörden) право устанавливать иной порядокъ организациі испытательныхъ комиссій и иной порядокъ производства испытанийъ съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы требованія, предъявляемыя къ испытуемымъ, были отнюдь не ниже тѣхъ, которыя установлены новеллой въ § 131 b ²⁾, но вышеуказанныя учрежденія этимъ своимъ правомъ на практикѣ совершенно не пользуются ³⁾.

Постановленія новеллы 1897-го года объ ученическихъ испытаніяхъ имѣли весьма существенное практическое значеніе. Хотя испытанія и не сдѣланы были обязательными, тѣмъ не менѣе угроза лишиться права имѣть учениковъ тѣхъ, кто самъ не сдалъ ученическихъ испытаній, а также старанія ремесленныхъ камеръ на практикѣ почти сдѣлали эти испытанія обязательными. Такъ, если, какъ мы выше видѣли, въ Вюртембергѣ до закона 1897-го года испытаніямъ подвергалась всего $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ числа учениковъ, то теперь, послѣ изданія закона 1897-го г., это соотношеніе рѣзко измѣнилось: такъ, въ томъ-же Вюртембергѣ въ 1907-омъ году сдавали испытанія 5749 учениковъ изъ 6116, долженствующихъ подвергнуться испытаніямъ, т. е. около 94%, а въ Баденѣ въ этомъ же году сдавало испытанія около 75—80% всѣхъ учениковъ, оканчивавшихъ въ этомъ году ученичество ⁴⁾. Но, несмотря на такіе результаты закона 1897-го г., германскій законодатель пошелъ еще дальше по пути распространенія испытаній и въ 1908-омъ году прямо призвалъ эти

¹⁾ § 132 Gew. Ordn.

²⁾ § 132a Gew. Ordn.

³⁾ С. Kaiser, стр. 55.

⁴⁾ С. Kaiser, стр. 56—58.

испытанія обязательными, включивъ въ § 131c Gew. Ordn. абзацъ, гласящій, что ученикъ „долженъ“ по истеченіи ученичества подвергнуться испытанію. Эта принудительность испытаній не имѣетъ, конечно, большого практическаго значенія, т. е. никакихъ мѣръ, кромѣ косвенныхъ, въ видѣ лишенія права подвергнуться испытанію на мастера и пріобрѣсти право самому имѣть учениковъ, законъ не устанавливаетъ, но во всякомъ случаѣ надо ожидать, что послѣ закона 1908-го года число учениковъ, подвергающихся испытаніямъ, еще больше возрастетъ.

По мнѣнію различныхъ авторовъ, введеніе и широкое распространеніе ученическихъ испытаній вполне оправдало тѣ надежды, которыя на нихъ возлагались: лица, близко стоящія къ ремеслу, единогласно заявляютъ, что практическія работы учениковъ на испытаніяхъ съ каждымъ годомъ становятся все лучше и лучше, что свидѣтельствуетъ о болѣе заботливомъ обученіи мастерами учениковъ и о пробужденіи въ ученикахъ большаго рвенія къ обученію, чтобы съ честью предстать передъ испытательной комиссіей. Значительно хуже обстоитъ дѣло съ теоретической частью испытаній, хотя и здѣсь замѣчается нѣкоторое улучшеніе по сравненію съ прошлымъ ¹⁾. Не оправдались, повидимому, и тѣ опасенія, которыя высказывались въ литературѣ относительно того, что испытательныя комиссіи, состоящія изъ мастера, подмастерья и предсѣдателя, назначеннаго камерой, не будутъ въ достаточной степени безпристрастны къ испытуемымъ, т. е. и подмастерья и мастера въ небольшихъ цехахъ могутъ пользоваться своими правами экзаменаторовъ, чтобы не пропускать учениковъ къ дальнѣйшему движенію въ ремесленной іерархіи и тѣмъ ограждать себя отъ наплыва конкурентовъ ²⁾. Что на практикѣ члены испытательныхъ комиссій такихъ цѣлей не преслѣдуютъ, а если и преслѣдуютъ, то въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, видно изъ того, что по Erhebung 1908-го года ученики, невыдержавшіе испытаній, составляли въ 1904-омъ году всего 1,2% всего числа подвергавшихся экзаменамъ ³⁾.

¹⁾ С. Kaiser, стр. 58—59; К. Meister, стр. 74—76.

²⁾ См. А. Schäffle, «Die kleingewerbliche Körperschaftsbildung» (Zeitschr. f. die Ges. Staatswissenschaft) 1897 г. Band 53).

³⁾ Erhebung 1908 г. стр. 136 столбецъ 68.

Но, какъ ни полезны оказались постановленія германскаго законодательства объ ученическихъ испытаніяхъ, какъ ни благотворно вліяютъ эти испытанія на обученіе учениковъ, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что съ цивилистической точки зрѣнія законодатель не сумѣлъ или не захотѣлъ придать имъ того значенія, которое, казалась бы, они должны были имѣть—именно значенія дѣйствительной провѣрки, какъ исполнилъ мастеръ свою обязанность по отношенію къ ученику. Законъ, какъ мы видѣли, возлагаетъ на мастера обязанность побудить ученика подвергнуться испытанію и за неисполненіе этой обязанности грозитъ мастеру наказаніемъ. Но что имѣетъ мѣсто, если ученикъ экзаменовался, но экзамена не выдержалъ? На этотъ случай законъ никакой санкции по отношенію къ мастеру не установилъ, а установилъ невыгодныя послѣдствія только для ученика, предоставивъ испытательной комиссіи запретить ученику подвергаться вторичному испытанію въ теченіе извѣстнаго срока. Положеніе такого ученика является довольно печальнымъ: онъ уже не считается ученикомъ, такъ какъ отбылъ годы ученичества, а законъ не говоритъ о продолженіи ему срока обученія, но поступить на мѣсто въ качествѣ подмастерья ему, имѣющему отмѣтку на ученическомъ свидѣтельствѣ о плохомъ знаніи ремесла, весьма трудно. Остается одна дорога—итти въ фабричныя рабочіе и такимъ образомъ спуститься изъ обученныхъ рабочихъ въ необученные, откуда выбраться снова въ мастера уже будетъ трудно. Такимъ образомъ, для такого ученика даромъ пропадаетъ все то время, которое онъ безвозмездно проработалъ на мастера въ качествѣ ученика. Пусть такихъ неудачниковъ сравнительно немного (1,2%), но и въ этомъ случаѣ все же на одинъ Вюртембергъ ихъ приходится ежегодно около 70 человѣкъ, а на всю Германію получится весьма значительное количество. И вотъ, если-бы германскій законодатель смотрѣлъ на испытанія дѣйствительно, какъ на средство контроля за мастерами, то логически онъ долженъ былъ бы признать неудачный исходъ испытанія доказательствомъ того, что мастеръ плохо обучалъ ученика, и возложить на мастера обязанность возмѣстить ученику весь причиненный ему ущербъ, если, конечно, мастеръ не опровергнетъ этого предположенія, доказавъ, что онъ обучалъ хорошо, и что плохой результатъ испытанія произошелъ по винѣ самого уче-

ника. Ничего подобнаго германскій законодатель не установилъ. Конечно, и безъ спеціальнаго указанія въ законѣ ученикъ можетъ взыскивать съ мастера вознагражденіе за вредъ и убытки, опираясь на фактъ невыдержанія испытанія, какъ на доказательство плохого обученія, но за отсутствіемъ законнаго предположенія о винѣ мастера, здѣсь ученикъ сверхъ того долженъ доказать, что испытаніе имъ не было выдержано именно по винѣ мастера, вслѣдствіе того, что тотъ его плохо обучалъ, а доказать вину мастера въ этомъ случаѣ для ученика весьма затруднительно, или даже скорѣе невозможно. Таковъ крайне существенный пробѣлъ германскаго законодательства въ регламентаціи ученическихъ испытаній.

Другимъ государствомъ, гдѣ испытанія учениковъ получили широкое распространеніе, является Швейцарія. Организациія испытаній здѣсь возникла по инициативѣ профессиональныхъ союзовъ, которые издавна признавали ихъ необходимымъ средствомъ для поддержанія ремесленнаго обученія на надлежащей высотѣ. Само собой понятно, что организациія такихъ испытаній представляла значительное разнообразіе: одни союзы, какъ напр. швейцарскій союзъ часовыхъ дѣлъ мастеровъ, считали испытанія необязательными, другіе-же, какъ напримѣръ союзъ мясниковъ и союзъ книгопечатниковъ и типографщиковъ, придали имъ обязательный характеръ, установивъ запрещеніе для своихъ членовъ принимать въ качествѣ подмастерьевъ лицъ, невыдержавшихъ испытанія ¹⁾. Но уже съ 1877-го года Schweiz. Gewerbeverein поставилъ себѣ задачей придать институту ученическихъ испытаній организацию, единообразную для всей Швейцаріи. Съ этой цѣлью онъ выработалъ порядковъ испытаній и организовалъ испытательныя комиссіи, но оставилъ за испытаніями факультативный характеръ, полагая, что трудность найти мѣсто ученику, не имѣющему свидѣтельства о сдачѣ экзамена, лучше всякаго непосредственнаго принужденія заставитъ учениковъ не уклоняться отъ испытаній. Разсчеты Vereins'a оправдались. Число учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, стало непрерывно возрастать. Съ 14 человѣкъ, экзаменовавшихся въ 1877-омъ году, оно возросло въ 1897-омъ году до 1081 человѣкъ, не считая притомъ лицъ, подвергав-

¹⁾ Fouqué, стр. 263.

шихся испытаніямъ въ комиссіяхъ, организованныхъ отдѣльными профессиональными союзами ¹⁾). Примѣру Gewerbeverein'a послѣдовало и кантональное законодательство. Кантоны: Фрейбургъ, Неуенбургъ, Воодъ, Женева и Обвальденъ въ изданныхъ ими законахъ объ ученичествѣ регламентируютъ и ученическія испытанія. Правда, эти первые по времени изъ кантональных законовъ не рѣшились объявить эти испытанія обязательными изъ опасенія, что подобная мѣра вызоветъ противодѣйствіе, которое помѣшаетъ проведенію въ жизнь самихъ законовъ объ ученичествѣ, но тѣмъ не менѣе правительству кантоновъ постепенно удалось путемъ правильной организаціи испытаній и бдительному надзору за ученичествомъ внушить ремесленникамъ полное довѣріе къ экзаменамъ и сознание ихъ пользы и значенія, такъ что сами ремесленники начали высказываться за необходимость превращенія испытаній изъ факультативныхъ въ обязательныя ²⁾). Поэтому всѣ позднѣйшіе кантональные законы объ ученичествѣ уже безъ колебаній провозгласили принципъ обязательности испытаній ³⁾). Расходы по производству испытаній беретъ на себя государство. Организацию испытаній и изданіе правилъ относительно производства ихъ законъ обычно возлагаетъ на Regierungsrat ⁴⁾). Испытанія состоятъ изъ представленія ученикомъ практической работы, исполненной въ мастерской, указанной экспертами, подъ ихъ наблюденіемъ, изъ устныхъ объясненій ученика относительно инструментовъ, матеріаловъ, ихъ цѣны и т. п., а также изъ испытаній по общимъ предметамъ, какъ-то чтеніе и письмо, арифметика, книговодство и т. п. По выдержаніи испытанія ученику дается дипломъ, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ ученикамъ, наиболѣе отличившимся на экзаменахъ, даются стипендіи для дальнѣйшаго усовершенствованія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ ⁵⁾).

¹⁾ Fouqué, стр. 268—269.

²⁾ Fouqué, стр. 269—270.

³⁾ Basel-Stadt, Glarus, Luzern, Schwyz, Wallis, Zürich, Zug и Bern; въ 1909-омъ году и Neuenburg объявилъ экзамены обязательными.

⁴⁾ См. на примѣръ Reglement betreffend die Lehrlings-Prüfungen кантона Wallis 1904-го года, Verordnung betr. die Lehrlings-Prüfungen кантона Luzern 1908-го года, такой-же Verordnung кантона Zürich 1906-го г. и др.

⁵⁾ Basel-Stadt, art. 28.

Для производства испытаній образуются особыя комиссіи, которыя въ свою очередь приглашаютъ экспертовъ по каждому ремеслу. Въ случаѣ, если ученикъ безъ уважительной причины уклонится отъ испытанія, то ему грозитъ штрафъ, также какъ и мастеру, который не приметъ мѣръ, чтобы побудить ученика пойти на экзаменъ ¹⁾). Но, какъ и въ Германіи, законодательство швейцарское не предусматриваетъ возможности для ученика взыскивать съ мастера вознагражденіе за ущербъ, въ случаѣ неудачнаго исхода испытанія.

Наконецъ, и въ Австріи закономъ 1907-го года испытанія для учениковъ объявлены обязательными, причемъ для цеховыхъ ремесленниковъ испытательныя комиссіи должны быть организованы цехами, а для непринявшихъ къ цехамъ—правительственными учрежденіями. Самый порядокъ испытаній долженъ опредѣляться особыми правилами, издаваемыми для отдѣльныхъ профессій высшими областными учрежденіями (politische Landesbehörde). Въ случаѣ неудачнаго исхода испытанія срокъ ученичества ученику можетъ быть продленъ, но не болѣе какъ на полгода. Кромѣ того, въ изданномъ правительствомъ образцѣ экзаменаціонныхъ правилъ имѣется указаніе, что въ случаѣ, если при испытаніи обнаружится, что недостатокъ познаній ученика произошелъ по серьезной винѣ учителя, то предсѣдатель испытательной комиссіи долженъ увѣдомить объ этомъ, какъ цехъ, такъ и подлежащаго Gewerbebehörde ²⁾, очевидно съ цѣлью наложенія на такого мастера извѣстнаго взысканія. Въ данномъ случаѣ, конечно, и ученикъ можетъ взыскать съ мастера вознагражденіе за ущербъ, но во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. когда комиссія не найдетъ за мастеромъ значительной вины, положеніе ученика, не выдержавшаго испытанія, является такимъ-же, какъ и въ Германіи.

Въ то время какъ въ Германіи, Швейцаріи и Австріи законодательства обращаютъ большое вниманіе на испытанія учениковъ и за послѣднее время даже придали имъ обязательный характеръ, во Франціи устарѣвшее законодательство совершенно не упоминаетъ о какихъ либо испытаніяхъ. Правда, за послѣднее время и здѣсь испытанія начали организовыв-

¹⁾ Neuenburg декретъ 1909-го г. art. 25; Zürich, art. 30; Basel-Stadt § 37a и др.

²⁾ Heller, стр. 844 и 848.

ваться нѣкоторыми *Chambres syndicales* и даже *Conseils des prud'hommes* (въ гор. Нимѣ), но, само собой понятно, такія отдѣльныя попытки, не могутъ имѣть серьезнаго значенія, и число учениковъ, подвергающихся экзаменамъ, во Франціи является пока положительно ничтожнымъ. Не знаетъ совершенно ученическихъ испытаній и наше русское право, а почти полное отсутствіе профессиональныхъ свободныхъ организацій устраняетъ возможность организацій у насъ этихъ испытаній и по частной инициативѣ. Вслѣдствіе этого у насъ ученику на практикѣ уже совершенно невозможно взыскать съ мастера вознагражденіе за убытки, причиненные плохимъ обученіемъ, т. к. самый фактъ недостаточной подготовки ученика не является официально удостовѣреннымъ.

II. Испытанія при надлежащей ихъ организаціи, безусловно могутъ явиться прекраснымъ средствомъ контроля за исполненіемъ мастерами своихъ обязанностей по отношенію къ ученикамъ и заставить мастеровъ болѣе серьезно относиться къ обученію. Но плохая постановка ремесленнаго обученія, на которую отовсюду слышатся жалобы, имѣетъ своей причиной не только небрежное отношеніе мастеровъ къ обученію: причины даннаго явленія въ значительной степени лежатъ въ общихъ условіяхъ ремесленнаго производства въ настоящее время. Если взглянуть въ эти условія, то нетрудно увидѣть, что даже при полной готовности мастера добросовѣстно обучать ученика, онъ нѣрѣдко сдѣлать этого не въ состояніи. Это происходитъ, во первыхъ, оттого, что при современномъ строѣ промышленности спеціализація проникла и въ ремесло, такъ что зачастую ремесленникъ знаетъ только какую-нибудь узко-спеціальную отрасль своего ремесла; ей онъ добросовѣстно научить ученика, но это не мѣшаетъ ученику по окончаніи обученія оказаться въ сущности почти полнымъ невѣждой, который только и умѣетъ дѣлать лишь опредѣленную часть предмета, вслѣдствіе чего ему весьма трудно найти себѣ мѣсто по своей спеціальности и волей-неволей приходится идти въ фабричныя рабочіе. Затѣмъ, современное развитіе промышленности характеризуется постояннымъ увеличеніемъ всевозможныхъ техническихъ изобрѣтеній, и, естественно, что для успѣшной борьбы съ крупной промышленностью ремесленникъ долженъ быть знакомъ съ новѣйшими техническими приѣмами, между тѣмъ современный ре-

месленникъ, влачащій полуголодное существованіе и работающій съ утра до ночи, чтобы прокормить себя и свою семью, положительно не въ состояніи слѣдить за развитіемъ техники, а тѣмъ болѣе воспользоваться самому ея изобрѣтеніями, нѣрѣдко довольно дорогими. Волей-неволей онъ принужденъ работать съ помощью старыхъ приѣмовъ и, понятно, имѣть только онъ и можетъ выучить своихъ учениковъ. Эти-то вотъ недостатки современнаго ремесленнаго обученія давно уже были признаны въ литературѣ, и давно уже былъ поднятъ вопросъ о способахъ ихъ устраненія. Наиболѣе радикальной мѣрой было-бы, конечно, полное уничтоженіе обученія у мастеровъ, передача его въ руки профессиональныхъ учебныхъ учрежденій. Желательна или нежелательна такая реформа,— объ этомъ мы будемъ говорить ниже, но, во всякомъ случаѣ, въ половинѣ 19-го вѣка такая мѣра была безусловно неосуществима, вслѣдствіе чего приходилось искать другого пути, и таковымъ явилось дополненіе обученія у мастера одновременнымъ обученіемъ ученика и въ профессиональномъ техническомъ учебномъ заведеніи. Что такой способъ пополненія познаній ремесленныхъ учениковъ являлся весьма полезнымъ, въ этомъ не было сомнѣній. Р. Scheven въ своемъ обстоятельномъ трудѣ объ учебныхъ мастерскихъ подробно перечисляетъ всѣ выгоды подобнаго соединенія обученія у мастера съ обученіемъ въ школѣ. По его словамъ ¹⁾, такая система заслуживаетъ вниманія, во первыхъ, тѣмъ, что здѣсь ученики продолжаютъ работать въ мастерскихъ своихъ учителей, и, такимъ образомъ, ни сами они не теряютъ связи съ жизненной, практической стороною профессіи ремесленника, ни мастера не страдаютъ отъ лишенія ихъ пользованія трудомъ учениковъ. Кромѣ этого, ученикъ, продолжая работать у мастера, сохраняетъ возможность получать вознагражденіе за свой трудъ, что даже можетъ дать ему возможность и платить небольшую сумму за свое обученіе въ школѣ. Наконецъ, система эта не причиняетъ ущерба мастерамъ въ томъ отношеніи, что учебныя заведенія эти (*Ergänzungslehrwerkstätte*) вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ своего производства не могутъ представлять серьезныхъ конкурентовъ для ремесленниковъ. Расходы на содержаніе такихъ дополни-

¹⁾ Р. Scheven, стр. 429 и сл.

тельныхъ учебныхъ мастерскихъ, по сравненію съ той пользой, которую они должны приносить, являются незначительными, вслѣдствіе чего вполне возможно созданіе такихъ учреждений во многихъ мѣстностяхъ и по различнымъ отраслямъ промышленности. Правда, тотъ же P. Scheven не скрываетъ, что такимъ дополнительнымъ техническимъ школамъ присущи и отрицательныя стороны: таковыми онъ считаетъ, во первыхъ, то, что мастера понесутъ нѣкоторый ущербъ, лишаясь возможности пользоваться трудомъ учениковъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю; во вторыхъ, къ недостаткамъ данной системы надо отнести то, что при небольшомъ количествѣ учебныхъ часовъ школьное обученіе будетъ носить нѣсколько поверхностный характеръ; наконецъ весьма труднымъ являлось бы найти потребное количество хорошихъ учителей. Но всѣ эти недостатки, по мнѣнію вышеназваннаго автора, съ избыткомъ покрываются серьезными преимуществами данной системы. Въ частности же Scheven полагаетъ, что жалобы на убыточность такого двойного обученія для мастеровъ легко устраняются, во первыхъ, тѣмъ, что за потерянное рабочее время ученику можетъ быть уменьшено вознагражденіе, во вторыхъ, высшее качество работы хорошо обученаго ученика съ избыткомъ вознаградитъ хозяина за тѣ часы, которые ученикъ провелъ въ школѣ.

Таковы доводы, которые обычно приводились защитниками данной системы ремесленного обученія, и которые казались столь убѣдительными, что въ 19-мъ вѣкѣ дополнительные техническія школы стали возникать почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы по инициативѣ правительства, городскихъ общинъ и ремесленныхъ организацій.

Но если польза посѣщенія техническихъ школъ ремесленными учениками почти не вызвала сомнѣній, далеко не такъ обстояло дѣло съ вопросомъ о самой организаціи такого дополнительнаго школьнаго обученія. Въ этомъ отношеніи, какъ въ законодательствахъ, такъ и въ литературѣ, существуютъ три теченія. Первое теченіе полагаетъ, что посѣщеніе или не посѣщеніе такихъ школъ должно быть предоставлено всецѣло свободному усмотрѣнію учениковъ и ихъ учителей. Задача государства, общинъ и т. п. должна ограничиться лишь предоставленіемъ возможности получать школьное дополнительное техническое образованіе тѣмъ, кто этого желаетъ, посред-

ствомъ надлежащаго оборудованія такихъ школъ. Система эта принята въ значительной части государствъ, какъ-то во Франціи, Англіи, Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи, Сѣв. Ам. Штатахъ, и нѣк. др. государствахъ. Но жизнь обнаружила, что при такой системѣ дополнительное техническое школьное обученіе не можетъ оказать сколько-нибудь серьезнаго вліянія на улучшеніе техники и искусства въ ремеслѣ потому, что посѣщаемость школъ является крайне ничтожной. Такъ, во Франціи всего около 10% общаго числа учениковъ посѣщаютъ школы. ¹⁾ Причины этого явленія очевидны: мастерамъ невыгодно, чтобы ученики уходили изъ мастерской въ рабочее время, и потому они всячески препятствуютъ посѣщенію школъ, а ходить въ школу по окончаніи рабочаго дня въ мастерской не желаютъ сами ученики, которымъ послѣ тяжелаго рабочаго дня уже не до школы; также неохотно ученики идутъ въ школу и въ праздники—единственный день въ недѣлю, когда они могутъ хоть немного отдохнуть отъ утомительнаго недѣльнаго труда. Вслѣдствіе этого многіе стали высказываться за то, чтобы, не дѣлая посѣщеніе школы для учениковъ обязательнымъ, въ то-же время обязать мастеровъ, подъ угрозой изв. невыгодныхъ послѣдствій, предоставлять ученикамъ, желающимъ посѣщать школу, нужное для этого время, хотя бы даже въ теченіе рабочаго дня. ²⁾ Такая система нашла себѣ примѣненіе въ нѣкот. швейцарскихъ кантонахъ. ³⁾ Но ясно, что такой коррективъ мало могъ помочь дѣлу, т. к. на практикѣ всегда могло оказаться, что ученикъ самъ не желаетъ ходить въ школу: устроить это для мастера было всегда возможно. Поэтому стало очевиднымъ, что если законодательство дѣйствительно желаетъ, чтобы посѣщеніе школъ учениками имѣло серьезное значеніе, то ничего другого не остается, какъ сдѣлать посѣщеніе ихъ обязательнымъ и возложить на мастеровъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики ихъ ходили въ школу, принуждать ихъ къ этому и наказывать тѣхъ мастеровъ, которые этой обязанности исполнять не будутъ. Такая система рано было принята нѣкото-

¹⁾ Dehelo, стр. 339 и слѣд.; Astier et Cuminal, «L'enseignement technique industriel et commercial en France et à l'étranger», 1909 г. стр. 217.

²⁾ См. напр. Fouqué стр. 215.

³⁾ Genf art. 13., Neuenburg art. 10.

рыми отдѣльными германскими государствами—такъ, въ Вюртембергѣ и Баденѣ она существуетъ съ 1873-го года, въ Гессенѣ съ 1874-го г., въ Саксоніи съ 1875-го г. Но германское общенѣрское законодательство, проникнутое идеями экономического либерализма, на такую мѣру долго не рѣшалось: оно ограничилось сперва лишь тѣмъ, что предоставило Ortsstatut'амъ каждого города право объявлять посѣщеніе Fortbildungsschulen обязательнымъ для рабочихъ моложе 18 лѣтъ и обязывать также хозяевъ предоставлять имъ для этого необходимое время. ¹⁾ На этой-же точкѣ зрѣнія остался и законъ 1878-го г., несмотря на то, что за это время сознание необходимости обязательности посѣщенія школъ значительно возросло, и въ литературѣ и на различныхъ собраніяхъ все рѣзче стали раздаваться голоса, требующіе реформы въ этомъ смыслѣ. ²⁾ Изданіе новеллы 1878-го не прекратило спора объ обязательности или факультативности посѣщенія школъ: такъ Verein f. Socialpolitik въ 1879-омъ специально занялся этимъ вопросомъ и высказался въ пользу факультативности съ тѣмъ однако, чтобы мастера обязаны были предоставлять ученикамъ необходимое для посѣщенія школъ время. Но многочисленны были и голоса сторонниковъ обязательности посѣщенія школъ, ³⁾ побудившіе въ концѣ концовъ правительство принять мѣры къ организациі дополнителнаго школьнаго обученія на болѣе широкихъ началахъ. Это было осуществлено закономъ 1891-го года, который представилъ возможность тамъ, гдѣ Ortsstatut установилъ обязательность посѣщенія школъ, обязывать родителей и хозяевъ слѣдить за исполненіемъ этого предписанія подѣ страхомъ наказанія. Еще дальше пошли въ этомъ отношеніи Gew. Ordn. 1897-го г. и новое Торговое Уложеніе. Gew. Ordnung отличаетъ учениковъ отъ другихъ рабочихъ моложе 18 лѣтъ. Относительно послѣднихъ законъ остался на прежней точкѣ зрѣнія: именно онъ обязываетъ хозяевъ лишь

¹⁾ § 106 Gew. Ord. 1869 г.

²⁾ См. напр. Schriften Vereins f. Socialpolitik 1875-го г. рѣчи Blum'a, Lieban, докладъ союза Baugewerksmeister'овъ и др.; тамъ-же въ 1877 году докладъ Гирша и проф. Шмоллера.

³⁾ Bobertag, «Die Handwerkerfrage im Jahre 1880» стр. 55; Jacobi, «Die Organisation d. Gewerbes» 1879 г. стр. 32; Garbe въ Annalen für Gewerbe u. Bauwesen 1889 г. ч. II № 288, 277.

предоставлять имъ опредѣленное время для посѣщенія Fortbildungsschulen, обязательнымъ-же посѣщеніе послѣднихъ не считаетъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эта обязательность введена областнымъ законодательствомъ или обязательнымъ постановленіемъ общины или другого болѣе обширнаго Kommunalverbandes. ¹⁾ Но относительно учениковъ законъ 1897-го года ввелъ существенное нововведеніе, установивъ въ § 127-омъ Gew. Ordn. обязанность для учителя побуждать ученика къ посѣщенію Fortbildungs=oder Fachschule и слѣдить за тѣмъ, чтобы ученикъ дѣйствительно ходилъ въ школу. Въ случаѣ неисполненія мастеромъ возложенной на него закономъ обязанности ему грозитъ, во первыхъ, наказаніе ²⁾, которое въ случаѣ рецидива можетъ дойти до лишенія права имѣть и обучать учениковъ ³⁾, а затѣмъ право ученика до срока расторгнуть договоръ и требовать возмѣщенія причиненнаго ему ущерба ⁴⁾. Правда, судебная практика пыталась было нѣсколько смягчить эту отвѣтственность мастера, установивъ принципъ, что мастеръ не отвѣчаетъ въ томъ случаѣ, если онъ удерживаетъ ученика отъ посѣщенія школы вслѣдствіе крайней необходимости присутствія ученика въ мастерской ⁵⁾, но такая тенденція, не имѣющая никакой опоры въ законѣ и сводящая на нѣтъ принципъ обязательности посѣщенія школъ, встрѣтила энергичное осужденіе въ литературѣ ⁶⁾ и, повидимому, за послѣднее время оставлена и практикой ⁷⁾.

Но законъ не только обязалъ мастера слѣдить за посѣщеніемъ ученикомъ школы, но возложилъ и на ученика обязанность посѣщать ее, предоставивъ мастеру въ противномъ случаѣ право расторгнуть договоръ до срока ⁸⁾. Но послѣднее,

¹⁾ § 120 Gew. Ordn.; на основаніи этого постановленія во многихъ государствахъ Германіи посѣщеніе школъ признано обязательнымъ.

²⁾ § 148 № 9 Gew. Ord.

³⁾ § 126a Gew. Ord.

⁴⁾ §§ 127b и § 127f Gew. Ord.

⁵⁾ Рѣшеніе Oberldg. Rostock 22 февр. 1901 г.

⁶⁾ Landmann, II стр. 249; Zechlin, стр. 22 примѣч. 1.

⁷⁾ Рѣш. Obldg. Jena 18-го іюля 1905 г.

⁸⁾ § 127b Gew. Ord.

по справедливому замѣчанію Ландманна¹⁾, можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда уклоненіе ученика отъ посѣщенія школы является неоднократнымъ и умышленнымъ, а не случайнымъ.

Школами, которыя обязаны ученики посѣщать, являются такъ называемыя Fortbildungsschulen и Fachschulen, и притомъ не всякія, а лишь тѣ, которыя объявлены общиной или городомъ соотвѣтствующими данному назначенію²⁾. Fachschulen, какъ показываетъ само названіе, являются специальными техническими школами, что же касается до Fortbildungsschulen, то они могутъ и не имѣть технического характера, а быть просто учебными заведеніями самаго разнообразнаго характера, предназначенными для повторенія и пополненія знаній, вынесенныхъ учениками изъ народной первоначальной школы. Это приравненіе общихъ Fortbildungsschulen школамъ, имѣющимъ техническій характеръ, по мнѣнію многихъ, является существеннымъ недостаткомъ германскаго законодательства, т. е. для улучшенія ремесленнаго обученія, естественно, необходимо главнымъ образомъ техническое, а не общее обученіе³⁾.

Но для того, чтобы ученики посѣщали школы прежде всего, конечно, было необходимымъ позаботиться объ организациі достаточнаго количества такихъ школъ. Съ этой цѣлью германскій законодатель предоставилъ право учреждать и содержать Fachschulen ремесленнымъ камерамъ, цехамъ и цеховымъ союзамъ⁴⁾. Содержатся школы эти на счетъ общинъ, а иногда и ремесленниковъ, да и отдѣльныя нѣмецкія государства приплачиваютъ довольно крупныя суммы. Такъ, на примѣръ, въ Пруссіи въ 1905-мъ году государство ассигновало на этотъ предметъ 2,480,000 марокъ. Въ общемъ развитіе школьнаго технического образованія учениковъ въ Германіи идетъ быстрыми шагами впередъ, хотя надо замѣтить, что это далеко не можетъ быть вѣнено въ заслугу цехамъ, дѣя-

¹⁾ Landmann, II стр. 255.

²⁾ § 120 Gew. Ord.

³⁾ См. рѣчи на главномъ собраніи прусскаго Fortbildungsschultages 30 дек. 1906 г. (Wernicke, стр. 897 и сл.).

⁴⁾ §§ 103e, 81b и 104 Gew. Ord.

тельность которыхъ въ этомъ отношеніи положительно ничтожна, какъ вслѣдствіе недостаточности у нихъ средствъ для открытія и содержанія школъ, такъ и вслѣдствіе недальновиднаго эгоизма мастеровъ, боящихся, что школа отниметъ у нихъ часть рабочаго времени учениковъ¹⁾. Насколько слаба дѣятельность цеховъ въ этомъ отношеніи видно изъ того, что по Erhebung 1908-го г. изъ 11,311 цеховъ, существовавшихъ въ 1904-мъ году, только 791 цехъ организовали всѣ вмѣстѣ 785 школъ, въ которыхъ обучалось 28,306 учениковъ, тогда какъ въ одной Пруссіи всѣхъ учениковъ, поступившихъ въ этомъ году въ школы, насчитывалось 203,386 человекъ²⁾.

Относительно торговыхъ учениковъ § 76 Н. G. V. установилъ примѣненіе и къ нимъ § 120 Gew. Ord., а § 139i Gew. Ord., имѣющей, по мнѣнію юристовъ³⁾, примѣненіе ко всѣмъ ученикамъ и служащимъ, а не только къ „offenen Verkaufstellen“, обязавъ хозяевъ понуждать учениковъ и служащихъ моложе 18 л. къ посѣщенію школъ и слѣдить за ними, чтобы они дѣйствительно ихъ посѣщали.

Эта система обязательнаго посѣщенія учениками школъ въ настоящее время принята въ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ⁴⁾, въ Австріи⁵⁾ и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. У насъ въ Россіи законодательство впервые обратило вниманіе на этотъ важный вопросъ лишь при изданіи закона 15-го ноября 1906-го года объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Законъ этотъ постановилъ, что служащіе, не достигшіе семнадцатилѣтняго возраста, освобождаются ежедневно въ будніе дни на три часа для посѣщенія школъ, причемъ время для сего опредѣляется обязательными постановленіями соотвѣтствующихъ учрежденій; отъ этой обязанности освобождаются владѣльцы заведеній, занятія въ коихъ продолжаются менѣе восьми часовъ въ сутки,

¹⁾ Meister, стр. 70 — 71; Volger, «Die deutsche Gewerbepolitik» 1908 стр. 70; C. Kaiser, стр. 54.

²⁾ Erhebung 1908 г. стр. 146.

³⁾ Landmann, II стр. 438.

⁴⁾ Въ кантонахъ: Waadt, Bern, Basel-St, Glarus, Luzern, St. Gallen, Wallis, Zürich, Zug, Schwyz.

⁵⁾ §§ 99b и 100 Gew. Ord.

включая перерывъ на принятіе пищи, если притомъ означенные несовершеннолѣтніе свободны въ тѣ часы, въ которые освобождаются для посѣщенія школъ служащіе другихъ однородныхъ или расположенныхъ въ той-же мѣстности ремесленныхъ заведеній; хозяевамъ предоставлено право наблюдать, чтобы эти служащіе посѣщали школы въ назначенное для сего время. Завѣдующій ремесленнымъ заведеніемъ (владѣлецъ или управляющій), виновный въ непредоставленіи ремесленнымъ служащимъ, не достигшимъ 17-ти лѣтняго возраста, возможности посѣщать школу въ случаяхъ и въ теченіе времени, установленныхъ закономъ или обязательнымъ постановленіемъ, подвергается денежному взысканію не свыше 100 рублей. Таковы постановленія закона 1906-го года, которыя, однако, несомнѣнно, не въ состояніи будутъ сколько нибудь улучшить дѣло. Недостатки закона заключаются въ томъ, что онъ не дѣлаетъ посѣщеніе школъ обязательнымъ ни для учениковъ ни для мастеровъ; мастера только въ правѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы ученики посѣщали школы въ свободные часы, но вовсе не обязаны слѣдить за этимъ, что-же касается до учениковъ, то для нихъ не установлено никакой санкции за непосѣщеніе школы. Затѣмъ законъ нашъ говоритъ о школахъ вообще, а не ремесленныхъ, т. что въ сущности заботится объ общемъ элементарномъ образованіи, а не профессиональномъ. На практикѣ законъ этотъ не можетъ имѣть значенія также потому, что обязательныя постановленія во многихъ мѣстностяхъ совсѣмъ не изданы, а главнымъ образомъ потому, что у насъ нѣтъ необходимаго количества надлежащимъ образомъ оборудованныхъ школъ, т. что если-бы мастера и отпускали учениковъ въ назначенное время, то все равно ученики не могли-бы съ пользой употребить это время иначе, какъ на отдыхъ.

III. Обученіемъ ученика ремеслу не исчерпываются обязанности мастера. Отданный въ обученіе мальчикъ нуждается не только въ техническомъ обученіи, но и въ воспитаніи и въ надзорѣ, каковая функція естественно должна падать на мастера, у котораго ученикъ или живетъ или во всякомъ случаѣ проводитъ большую часть дня. Поэтому законодательства считаютъ мастера не только учителемъ, но и воспитателемъ, какъ-бы замѣняющимъ для ученика его родителей и

опекуновъ. Такъ, германское право требуетъ, чтобы мастеръ приучалъ ученика къ трудолюбію, къ хорошему поведенію, оберегалъ его нравственность, защищалъ отъ притѣсненій и обидъ со стороны товарищей по работѣ и домашнихъ, предоставлялъ ученику полную возможность посѣщать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ церковную службу¹⁾. Аналогичное постановленіе даетъ и австрійское законодательство²⁾. Французское право обязываетъ мастера держать себя по отношенію къ ученику какъ „bon père de famille“, наблюдать за его поведеніемъ и нравственностью, какъ у себя въ домѣ, такъ и внѣ его, и предупреждать родителей или опекуновъ ученика о грубыхъ провинностяхъ и порокахъ, которые могутъ обнаружиться за ученикомъ³⁾. Точно также и швейцарскіе кантональные законы говорятъ, что ученикъ долженъ находиться подъ наблюденіемъ мастера, а если онъ не живетъ у него, то въ теченіе того времени, которое онъ проводитъ у мастера⁴⁾.

Въ нашемъ Уставѣ о Промышленности статья 395-я говоритъ, что мастеръ долженъ вести себя благочинно и поведеніемъ своимъ и трудолюбіемъ подавать подмастерьямъ и ученикамъ добрыя примѣры. Это постановленіе дополняется Уложеніемъ о Наказаніяхъ, которое грозитъ мастеру наказаніемъ въ случаѣ, если онъ вмѣстѣ съ собой напоитъ въ работный день ученика или пойдетъ съ нимъ въ зазорный домъ или, усмотрѣвъ развратное поведеніе его, за оное не накажетъ⁵⁾ или вообще не будетъ заботиться о хорошемъ поведеніи своихъ учениковъ⁶⁾.

Въ какомъ случаѣ надо считать мастера неисполнившимъ свою обязанность воспитателя, рѣшаетъ судъ, сообразно съ

¹⁾ § 127. Gew. Ord.; § 76. Н. Г. В.

²⁾ § 100. Gew. Ord.

³⁾ Art. 8 зак. 1851 г.

⁴⁾ См. Bern § 14, Basel-Stadt § 14, Freiburg § 7 и др.; особенно характерно постановленіе закона кантона Zug, возлагающее на мастера обязанность принять всѣ мѣры, чтобы сдѣлать изъ ученика хорошаго человѣка.

⁵⁾ Ст. 1380 Улож. о Наказ. Формулировка этой статьи весьма неудовлетворительна, такъ какъ изъ буквального текста статьи можно вывести, что напоить ученика въ праздникъ дозволяется.

⁶⁾ См. 1384. Улож. о Наказ.

конкретными обстоятельствами дѣла. Изъ практики французскихъ судовъ видно, что тамъ относятся къ мастерамъ въ этомъ отношеніи довольно строго: такъ, наприимѣръ, судъ признавалъ мастера виновнымъ въ нарушеніи обязанности воспитанія и надзора, когда мастеръ ежедневно отъ 7—12 вечера, уходя самъ изъ дому, высылалъ и ученика гулять, гдѣ ему будетъ угодно, до своего возвращенія, или когда мастеръ, хотя и слѣдилъ за нравственностью ученицы и даже запретилъ своему сыну приходиться къ нему ночевать, но тѣмъ не менѣе ученица оказалась совращенной сыномъ хозяина, или, наконецъ, когда мастеръ неприлично выражался въ присутствіи ученицъ¹⁾. У насъ въ Россіи подобнаго рода процессы почти неизвѣстны, хотя поведеніе мастеровъ, конечно, не менѣе предосудительно, чѣмъ во Франціи.

Послѣдствіями нарушенія мастеромъ вышеуказанной обязанности является, во первыхъ, предоставленіе ученику права расторгнуть договоръ до истеченія срока и взыскать съ мастера вознагражденіе за понесенный ученикомъ ущербъ. Но кромѣ того, законодательства обычно угрожаютъ виновному мастеру и уголовнымъ наказаніемъ²⁾. Наше русское право въ этомъ отношеніи различаетъ, во первыхъ, общій случай—когда мастеръ вообще ни заботится о поведеніи своихъ учениковъ,—и частный, о которомъ говоритъ статья 1380-я Ул. о Нак.. Въ первомъ случаѣ наказаніемъ является лишеніе права имѣть учениковъ въ теченіе извѣстнаго срока, и лишь когда мастеръ въ третій разъ оказывается виновнымъ въ данномъ правонарушеніи, онъ навсегда лишается правъ мастера. Если же мастеръ напоитъ ученика пьянымъ или пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ въ публичный домъ или не накажетъ ученика за развратное поведеніе, то онъ подвергается за это въ первый разъ денежному взысканію отъ 2-хъ до 20-ти рублей въ ремесленную казну, во второй—аресту на время 3—7 дней, въ третій

¹⁾ См. у Nauem et Perin, стр. 107—10 и у Frerejouan du Saint, стр. 39.

²⁾ Наказанія устанавливаются германское (§§ 148 пунктъ 9 и § 126a Gew. Ordn., § 82 Н. Г. В.), австрійское (§ 133 Gew. Ord.), швейцарское (Bern § 34, Wallis § 33, Freiburg § 21 и др.) законодательства; наоборотъ, во Франціи уголовного наказанія законъ въ данномъ случаѣ не налагаетъ.

разъ онъ исключается вовсе изъ мастеровъ, пока Ремесленная Управа не засвидѣтельствуетъ о его исправленіи¹⁾.

Но мастеръ отвѣчаетъ не только передъ ученикомъ за вредъ и убытки, причиненные небреженіемъ своихъ обязанностей воспитателя, но и передъ третьими лицами, пострадавшими отъ противоправныхъ дѣйствій учениковъ, совершенныхъ вслѣдствіе того, что мастеръ плохо наблюдалъ за вѣрными его попеченію учениками. Въ этомъ случаѣ мастеръ приравнивается законодательствами къ законнымъ представителямъ малолѣтнихъ²⁾. Нужно замѣтить, что статьи 653-я, 654-я и 686-я т. X ч. I, трактующія объ этой отвѣтственности родителей и воспитателей, относятся къ правонарушеніямъ, совершеннымъ малолѣтними, такъ что въ случаѣ совершенія правонарушенія ученикомъ, достигшимъ семнадцати лѣтъ, мастеръ, если и отвѣчаетъ за вредъ, то уже не какъ воспитатель, а какъ господинъ, на основаніи статьи 687-й т. X ч. I. Кромѣ того, вышеуказанныя статьи 653-я и 686-я говорятъ объ отвѣтственности родителей за малолѣтнихъ, „жительствоющихъ у нихъ“, изъ чего можно вывести, что разъ ученикъ живетъ не въ домѣ мастера, то мастеръ и не отвѣчаетъ передъ третьими лицами за его дѣянія. Но такое толкованіе врядъ-ли было-бы правильнымъ, такъ какъ несомнѣнно вышеуказаннымъ выраженіемъ законодатель просто имѣлъ въ виду возложить отвѣтственность на родителей только за дѣйствія тѣхъ дѣтей, которыя находятся на ихъ попеченіи и воспитаніи, а въ данномъ случаѣ, если ученикъ и не ночуетъ у мастера, все-же пока онъ у него работаетъ, онъ отданъ подъ его надзоръ, и мастеръ долженъ отвѣчать за его поступки, совершенныя за то время, пока онъ находился подъ его надзоромъ. Такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, повидимому, и Анненковъ, полагая допустимымъ освобожденіе родителей отъ отвѣтственности за жительствоющихъ у нихъ дѣтей въ случаяхъ порученія или надзора за ними другимъ лицамъ и привлеченіе къ отвѣтственности уже этихъ послѣднихъ лицъ³⁾.

¹⁾ Ст. 1380 Улож. о Нак.

²⁾ § 832 Герм. В. Г. В., § 1384 Code Civil, § 61 Code federal des obligations, § 1309 австр. В. Г. В.

³⁾ Анненковъ, Система, т. IV стр. 593 - 594.

IV. Кроме обязанности слѣдить за поведеніемъ ученика и оберегать его нравственность, обязанности, вытекающей изъ того факта, что мастеръ является воспитателемъ ученика, мастеръ, уже какъ работодатель, обязанъ принимать рядъ мѣръ, направленныхъ къ защитѣ здоровья, жизни и нравственности ученика.

Относительно этихъ мѣръ германское право говоритъ весьма подробно въ статьяхъ 120a—120e Gew. Ord., относящихся ко всѣмъ промышленнымъ рабочимъ, въ томъ числѣ и къ ученикамъ. Оно требуетъ, чтобы хозяинъ такъ устроилъ и содержалъ помѣщеніе, гдѣ производится работа, машины и различныя другія приспособленія и такъ организовалъ самый порядокъ производства, чтобы жизнь и здоровье рабочихъ были защищены, насколько это возможно въ предпріятіяхъ даннаго рода. Особенно онъ долженъ заботиться о надлежащемъ освѣщеніи и достаточномъ количествѣ воздуха въ помѣщеніяхъ, объ освѣженіи воздуха въ нихъ, объ устраненіи пыли, дыму, запаха газа, различныхъ отбросовъ производства. Хозяинъ обязанъ также устроить различныя приспособленія для огражденія рабочихъ, какъ отъ опасностей самого производства, такъ и на случай пожара предпріятія. Онъ долженъ, наконецъ, издать необходимыя для безопасности рабочихъ правила относительно порядка производства и самого поведенія рабочихъ. 1) Далѣе, хозяинъ обязанъ принять соотвѣтствующія мѣры, для поддержанія нравственности и приличія въ мастерскихъ; въ особенности же, лица разныхъ половъ при работѣ должны быть отдѣлены, если это позволяетъ характеръ производства, и если, конечно, поддержаніе нравственности и приличія и безъ этого не является обезпеченнымъ; въ помѣщеніяхъ, гдѣ рабочіе переодѣваются и моются по окончаніи работъ, для лицъ разныхъ половъ должны быть устроены особыя отдѣленія; клозеты и уборныя должны быть устроены въ достаточномъ для даннаго числа рабочихъ количествѣ и такъ, чтобы пользоваться ими было возможно безъ нарушенія нравственности и приличія 2). Въ предпріятіяхъ, гдѣ работаютъ лица моложе 18

1) § 120a Gew. Ord.

2) § 120b Gew. Ord.

лѣтъ, хозяева должны принимать особыя мѣры для организаци предпріятія такъ, чтобы здоровье и нравственность этихъ лицъ не пострадали. 1) Съ цѣлью осуществленія вышеуказанныхъ предписаній, законъ предоставилъ право подлежащимъ полицейскимъ учрежденіямъ для отдѣльныхъ предпріятій издавать обязательныя распоряженія; такъ на примѣръ, полиція можетъ предписать, чтобы для обѣда рабочихъ было отведено безвозмездно особое и въ холодное время отапливаемое помѣщеніе. 2) Затѣмъ Союзный Совѣтъ можетъ для отдѣльныхъ категорій предпріятій также издавать предписанія, направленные къ защитѣ здоровья и нравственности рабочихъ. Если Союзный Совѣтъ такихъ постановленій не издалъ, то издать ихъ могутъ областныя центральныя учрежденія или полиція. 3) Аналогичныя постановленія даетъ и Торговое Уложение. 4) Вышеуказанныя постановленія Gew. Ordnung'a остались въ силѣ и по изданіи Гражданскаго Уложения, которое въ статьѣ 618-ой распространило ихъ и на всѣ другіе виды личнаго найма. При этомъ § 619 B. G. B. установилъ положеніе, что наниматель не можетъ по соглашенію съ нанявшимся устранить или ограничить дѣйствіе правилъ, установленныхъ закономъ въ защиту нанявшихся, но постановленіе это въ сущности подтвердило лишь то, что и до этого признавалось судебной практикой. 5)

Аналогичныя постановленія, возлагающія на хозяевъ обязанность принимать всѣ необходимыя мѣры для огражденія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ, а въ томъ числѣ и учениковъ, существуютъ и въ другихъ западныхъ государствахъ 6).

Нарушеніе мастеромъ вышеизложенной обязанности влечетъ для него уголовное наказаніе въ видѣ штрафа, а при

1) § 120c Gew. Ord.

2) § 120d Gew. Ord.

3) § 120e Gew. Ord.

4) § 62 H. G. B.

5) Landmann, II, стр. 174; Sigel, стр. 40.

6) Австр. Gew. Ord. § 74; франц. законъ 1892-го г. §§ 14, 16, 31; швейцарскій Fabrikgesetz 1877-го г., постановленіемъ Федеральнаго Совѣта 1891-го г. распространенный на всѣ предпріятія, гдѣ работаютъ лица моложе восемнадцати лѣтъ.

известныхъ обстоятельствахъ право ученика расторгнуть договоръ до истечения срока и взыскать съ мастера вознаграждение за понесенный ущербъ.

Въ послѣднемъ отношеніи особый интересъ вызываетъ вопросъ о примѣненіи къ ремесленнымъ ученикамъ специальныхъ законовъ, возлагающихъ на хозяевъ усиленную отвѣтственность за несчастные случаи, происшедшіе съ рабочими при производствѣ работъ. Особенность этой отвѣтственности состоитъ въ томъ, что въ то время какъ по общимъ правиламъ объ отвѣтственности за вредъ и убытки, причиненные правонарушеніемъ, потерпѣвшій только тогда получаетъ вознаграждение, когда докажетъ, что ущербъ ему причиненъ по винѣ правонарушителя, рабочіе въ данномъ случаѣ не только освобождаются законодательствомъ отъ *onus probandi*, но имѣютъ право на вознаграждение, даже если несчастье произошло случайно или по неосторожности самого рабочаго; только непреодолимая сила и умыселъ самого рабочаго освобождаютъ хозяина отъ отвѣтственности¹⁾. Такого рода отвѣтственность, основанная уже не на правонарушеніи, а на теоріи профессиональнаго риска, установлена въ Швейцаріи законами 1881-го г. и 1887-го г. и во Франціи закономъ 1898-го года.

И вотъ, что касается до распространенія вышеуказанныхъ законовъ на ремесленныхъ учениковъ, то относительно швейцарскаго права вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ законодатель имѣлъ въ виду исключительно рабочихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Во Франціи же по этому вопросу и въ литературѣ и въ судебной практикѣ существуетъ два теченія. Одни юристы держатся мнѣнія, что законъ 1898-го года къ рабочимъ въ ремесленныхъ предпріятіяхъ не можетъ имѣть примѣненія, такъ какъ законодатель, давая въ art. I даннаго закона перечисленіе тѣхъ категорій предпріятій, къ которымъ законъ относится, не только не упомянулъ о ремесленныхъ мастерскихъ, но какъ-бы умышленно исключалъ ихъ, подчеркивая, что законъ распростра-

¹⁾ Въ Швейцаріи сверхъ того хозяинъ не отвѣчаетъ, если несчастье произошло по винѣ посторонняго предпріятію лица.

ется на всякія предпріятія, „dans laquelle il est usage d'une machine mue par une force, autreque celle de l'homme ou des animaux“. ¹⁾ Наоборотъ, другіе юристы—и таковыхъ большинство—не считаютъ перечисленіе, даваемое въ art. I исчерпывающимъ и распространяютъ дѣйствіе закона на ремесленные мастерскія²⁾, исходя изъ того соображенія, что разъ законодатель возложилъ профессиональный рискъ на отвѣтственность патрона, то логически нѣтъ никакого основанія не примѣнять этотъ принципъ къ мелкой промышленности; указаніе на то, что законодатель вовсе не имѣлъ въ виду подобнаго исключенія, эти юристы видятъ въ томъ, что Палата Депутатовъ при обсужденіи законопроекта отвергла предложеніе Сената изъять отъ дѣйствія даннаго закона мелкія предпріятія, гдѣ число рабочихъ не превышаетъ трехъ человекъ; аутентическое толкованіе закона 1898-го года въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно видѣть и въ art. 4 закона 1906-го года, гласящаго, что „la taxe prévue par l'art. 25 de la loi du 9 avril 1898 continuera à être perçue pour les exploitations assujetties par ladite loi y compris tous les ateliers“. На эту послѣднюю точку зрѣнія встала и кассационная инстанція.³⁾ Нужно однако замѣтить, что законъ 1898-го года относится только къ несчастнымъ случаямъ, но не къ болѣзнямъ, такъ что, если ученикъ по винѣ мастера заболѣетъ, то ученикъ долженъ взыскивать вознаграждение за ущербъ по общимъ правиламъ, установленнымъ для исковъ изъ правонарушеній.⁴⁾

Если одни государства, какъ напримѣръ Франція и Швейцарія, облегчаютъ рабочему возможность получить возмѣщеніе ущерба, причиненнаго несчастнымъ случаемъ, посредствомъ перенесенія на хозяина *onus probandi* и возложенія на него отвѣтственности за случай, въ другихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Германіи и Австріи, вмѣсто уси-

¹⁾ Courcelle, стр. 399; судебн. рѣш. у Fréreyouan du Saint, стр. 264 № 367 и слѣд.

²⁾ Pic, стр. 844—845.; D. Massé, «Legislation du travail et lois ouvrières», 1904 г. стр. 454—455; суд. рѣшен. см. у Fréreyouan du Saint, стр. 264 № 384 и сл.

³⁾ Cass. 3 aout 1903, 15 dec. 1903, 25 oct. 1904.

⁴⁾ Fréreyouan du Saint, стр. 240, прим. № 7 и слѣд.

ленія индивидуальной отвѣтственности хозяина, перешли къ системѣ обязательнаго государственнаго страхованія рабочихъ. Поэтому здѣсь для выясненія вопроса о возможности для ученика взыскать съ хозяина вознагражденіе за ущербъ въ случаѣ, если его здоровье пострадаетъ отъ несчастнаго случая во время работы, нужно обратить вниманіе на то, подлежатъ-ли ремесленные ученики такому страхованію или нѣтъ. И вотъ мы видимъ, что въ Германіи ремесленные рабочіе, а въ томъ числѣ и ученики, если только они не платятъ мастеру за содержаніе и обученіе, подлежатъ обязательному страхованію отъ болѣзни¹⁾, но страхованію отъ несчастныхъ случаевъ не подлежатъ. Это не значитъ, однако, что ученикъ получаетъ помощь отъ страхового учрежденія только тогда, когда болѣзнь вызвана не несчастнымъ случаемъ, а какой-нибудь другой причиной,—нѣтъ, страхованіе отъ болѣзни оказываетъ помощь въ видѣ бесплатнаго лѣченія и денежнаго пособія за время потери трудоспособности независимо отъ того, чѣмъ было вызвано заболѣваніе, но помощь эта дается только въ теченіе опредѣленнаго срока (максимумъ въ теченіе двадцати шести недѣль), по прошествіи котораго пострадавшій отъ несчастнаго случая ученикъ, какъ неподлежащій страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, уже лишается всякой помощи отъ страховыхъ учрежденій, хотя бы болѣзнь его и не была излѣчена и трудоспособность не восстановлена. Такимъ образомъ, если здоровье ученика пострадаетъ вслѣдствіе неисполненія мастеромъ возложенныхъ на него §§ 120a 120b Gew. Ordn. обязанностей, то ученикъ прежде всего можетъ получить помощь отъ страхового на случай болѣзни учрежденія, которое однако можетъ взыскать издержки на помощь ученику съ мастера, приговореннаго судомъ къ наказанію за умышленное или неосторожное несоблюденіе возложенныхъ на него залогомъ обязанностей²⁾. Если же помощь страхового учрежденія окажется недостаточной (напримѣръ, когда ученикъ остался лишеннымъ трудоспособности по истеченіи 26 недѣль), то ученику остается взыскивать вознагражденіе съ мастера, причемъ, такъ какъ

¹⁾ Krankenversicherungsgesetz, erläutert von Hoffmann, § 1 примѣчаніе 16-ое.

²⁾ Krankenversicherungsgesetz § 57.

Reichshaftpflichtgesetz 1871-го года, установившій отвѣтственность предпринимателей аналогично съ вышеуказанными швейцарскимъ и французскимъ законами, къ ремесленнымъ предпріятіямъ не относится, то для полученія этого вознагражденія ученику нужно будетъ доказать вину мастера и причинную связь между ней и понесеннымъ имъ ущербомъ.¹⁾ Таково-же въ общихъ чертахъ положеніе ремесленныхъ учениковъ относительно вознагражденія за убытки, причиненные поврежденіемъ здоровья, и въ Австріи. Такимъ образомъ, въ результатѣ получается, что за исключеніемъ Франціи во всѣхъ другихъ государствахъ положеніе ремесленныхъ учениковъ въ данномъ отношеніи хуже, чѣмъ положеніе другихъ рабочихъ: они въ большинствѣ случаевъ только тогда могутъ получить съ мастера вознагражденіе за вредъ, когда докажутъ его вину, что въ большинствѣ случаевъ, какъ показалъ опытъ, является весьма затруднительнымъ.

Что касается до нашего русскаго законодательства, то въ немъ мы вовсе не находимъ постановленій, которыя бы прямо имѣли въ виду охрану жизни, здоровья и нравственности рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Изданіе такихъ правилъ у насъ предоставлено Главному по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ присутствію, а наблюденіе за исполненіемъ этихъ правилъ и привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности возложено на фабричныхъ инспекторовъ. Но и дѣятельность Главнаго присутствія и фабричныхъ инспекторовъ на ремесленные заведенія не распространяется. Вслѣдствіе этого, если предпріятіе мастера будетъ устроено опасно для жизни и здоровья рабочихъ, то никакой уголовной отвѣтственности онъ не подлежитъ. Правда, отсутствіе въ законѣ предписаній относительно огражденія здоровья рабочихъ не освобождаетъ мастера отъ гражданской отвѣтственности передъ пострадавшимъ ученикомъ на общихъ основаніяхъ²⁾, но для этого ученикъ долженъ доказать, что вредъ причиненъ ему по винѣ мастера, а при такихъ условіяхъ взыскать вознагражденіе съ мастера почти невозможно. Это сознавалъ

¹⁾ Landmann, II стр. 181.

²⁾ Ст. 684 т. X ч. 1, сен. р. 1867 г. № 352,

и самъ законодатель при изданіи закона 1903-ьяго г. о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ, но тѣмъ не менѣе льготы, установленныя вышеуказаннымъ закономъ, по характеру аналогичнымъ съ французскимъ закономъ 1897-го г. и швейцарскими законами 1881-го—1887-го г., на рабочихъ въ ремесленныхъ предпріятіяхъ не были распространены. Мотивировалось это тѣмъ, что для владѣльцевъ мелкихъ заведеній обязанность вознаграждать пострадавшихъ рабочихъ можетъ чаще всего оказаться непосильной, разорительной при системѣ индивидуальной отвѣтственности предпринимателей, почему дать обезпеченіе рабочимъ въ ремесленной промышленности можно будетъ только тогда, когда и у насъ въ Россіи введено будетъ обязательное страхование рабочихъ¹⁾. Вышеуказанный мотивъ звучитъ по меньшей мѣрѣ странно: здѣсь прямо заявляется, что при современномъ порядкѣ взысканія вознагражденія за вредъ и убытки рабочій не можетъ рассчитывать на удовлетвореніе своего требованія, но тѣмъ не менѣе законодатель сохраняетъ существующій порядокъ на томъ основаніи, что удовлетвореніе юридически несомнѣннаго требованія рабочаго будетъ тяжело для хозяина-ремесленника, забывая въ то же время, что для ученика еще болѣе тяжело лишиться трудоспособности по винѣ мастера и не получить никакого вознагражденія за ущербъ.

Подводя итоги постановленіямъ законодательства относительно защиты жизни, здоровья, чести и нравственности учениковъ, нельзя, такимъ образомъ, не притти къ заключенію, что наше русское право въ этомъ отношеніи должно быть признано наиболѣе неудовлетворительнымъ. Если на Западѣ право ученика взыскать съ виновнаго мастера вознагражденіе за ущербъ причиненный неисполненіемъ предписаній закона объ охранѣ жизни и здоровья, обставлено въ большинствѣ государствъ такъ, что надѣяться взыскать что-либо крайне трудно, то, по крайней мѣрѣ, тамъ законодательства даютъ детальныя предписанія хозяевамъ относительно мѣръ для защиты личныхъ благъ рабочихъ, устанавливаютъ уголовную санкцію за нарушеніе этихъ предписаній и органы надзора за ихъ соблюденіемъ, у насъ-же нѣтъ ни

¹⁾ Литвиновъ-Фалилскій, «Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ» 1904 года стр. 53.

подобныхъ предписаній, ни уголовной санкціи, ни органовъ надзора. И если на Западѣ, несмотря на сравнительно строгую и детальную регламентацію, условія работы учениковъ далеко не гарантируютъ на практикѣ сохраненіе ихъ здоровья и нравственности¹⁾, то вполне понятно, что у насъ фактически эти личные блага учениковъ уже совершенно игнорируются.

V. Въ средніе вѣка ученикъ обычно жилъ у мастера во все время своего обученія. Поэтому мастеръ обязанъ былъ не только обучать ученика, но и содержать его—давать помѣщеніе для сна, кормить и одѣвать. Благодаря этому ученикъ входилъ въ семью мастера, откуда и вытекала, главнымъ образомъ, та обязанность воспитанія, лежащая на мастерѣ, о которой мы выше говорили. Но въ настоящее время отовсюду слышатся жалобы на то, что этотъ старый обычай жить у мастера исчезаетъ: ученики живутъ большей частью у своихъ родителей или на квартирахъ и приходятъ къ мастеру только на рабочее время²⁾. Причиной этого является, главнымъ образомъ, все возрастающая дороговизна квартиръ въ городахъ, благодаря которой ремесленники не въ состояніи нанимать такіа помѣщенія, которыя были-бы достаточны не только для мастерской и для помѣщенія самого мастера съ семьей, но и для учениковъ. По мнѣнію большинства, это исчезновеніе стараго обычая отражается крайне вредно на ученичествѣ, т. е. благодаря ему прежнія патріархальныя отношенія между мастерами и учениками исчезаютъ, ученики превращаются въ обыкновенныхъ рабочихъ, и мастера заботятся болѣе о томъ, чтобы извлечь изъ труда учениковъ наибольшую для себя выгоду, чѣмъ о томъ, чтобы воспитать изъ нихъ честныхъ гражданъ и хорошихъ ремесленниковъ; если за живущимъ у него въ домѣ ученикомъ мастеръ все-же

¹⁾ Такъ напр. Pollitzer (стр. 51—54) рисуетъ условія работы учениковъ въ Вѣнѣ самыми мрачными красками.

²⁾ Lagetmondie, стр. 65; Debelo, стр. 152—155; P. Scheven, {стр. 105 и сл.; Brinckmann въ *Schriften Vereins f. Socialpolitik* 1875 г. стр. 94—99; по свѣдѣніямъ *Société de protection des apprentis et des enfants employés dans les manufactures* въ 90-ыхъ годахъ только 26% всего числа учениковъ получали содержаніе отъ мастера, а съ тѣхъ поръ эта норма, несомнѣнно, еще уменьшилась (см. Fouqué, стр. 14).

хоть сколько-нибудь присматривать, то живущий отдѣльно оказывается всецѣло предоставленнымъ самому себѣ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что если жалобы на то, что ученики все рѣже и рѣже вступаютъ въ семью мастера, до известной степени справедливы, то все-же нельзя не признать ихъ въ значительной степени преувеличенными: это доказывається уже тѣмъ, что по изслѣдованіямъ Импер. Статистическаго Бюро въ Германіи за 1904-ый годъ въ среднемъ около 65,5% всего числа учениковъ получаютъ помѣщеніе и содержаніе отъ мастеровъ¹⁾, а у насъ въ Россіи, гдѣ города не достигли такого роста, какъ на Западѣ, и цѣны на квартиры не столь непомерно высоки, этотъ % несомнѣнно, еще выше, какъ это и свидѣтельствуютъ единодушно всѣ, знакомые съ бытомъ ремесленниковъ.

Хотя, такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ мастеръ обязанъ и содержать ученика, однако эта обязанность отнюдь не является предполагаемой,—она имѣетъ мѣсто только тогда, когда въ договорѣ прямо обусловлена. Правда, нашъ русскій Уставъ о Промышленности²⁾ говоритъ, что стороны обязаны договориться между прочимъ и о содержаніи ученика, но это выраженіе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что содержаніе это является необходимымъ условіемъ договора ученичества: нашъ томъ X ч. I въ статьѣ 2223-ей прямо говоритъ, что „нанявшійся въ правѣ требовать отъ хозяина жилища и содержанія только въ томъ случаѣ, когда о семъ въ договорѣ сдѣлано нарочное условіе“.

Понятіе „содержанія“ включаетъ въ себѣ квартиру, столъ, одежду, пользованіе баней. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ нѣтъ обязательнаго страхованія отъ болѣзней, возникаетъ вопросъ, входитъ-ли въ понятіе содержанія и обязанность мастера лѣчить ученика въ случаѣ его болѣзни. Въ швейцарскомъ Code fédéral des obligations³⁾ по этому поводу постановлено, что если нанявшійся живетъ у хозяина, то послѣдній въ случаѣ его кратковременной болѣзни, не вызванной виной самого нанявшагося, обязанъ предоставить заболѣвшему необходимый уходъ и врачебную помощь за свой счетъ; при этомъ всякій нанявшійся на продолжительный

¹⁾ Erhebung 1908 г. стр. 135; также K. Meister, стр. 68.

²⁾ § 417 Уст. о Пром.

³⁾ § 341. Cod. féd. des oblig.

срокъ въ теченіе такой кратковременной болѣзни сохраняетъ свое право на вознагражденіе. На основаніи этого постановленія, несомнѣнно примѣнимаго и къ ученикамъ¹⁾, можно заключить, что въ Швейцаріи въ понятіе содержанія входятъ и расходы на лѣченіе, но только если болѣзнь не имѣетъ затаянаго характера. Въ какихъ случаяхъ болѣзнь должна быть признана кратковременной („passagère“), законъ не указываетъ, предоставляя разрѣшеніе этого вопроса суду. Изъ кантональныхъ законовъ лишь законъ кантона Валлисъ устраняетъ данный пробѣлъ, опредѣляя, что врачебную помощь на свой счетъ мастеръ долженъ оказывать при болѣзни не долѣе 15 дней²⁾.

Менѣе выгоднымъ для учениковъ въ данномъ вопросѣ является французское право. Здѣсь въ законѣ объ ученичествѣ мы находимъ лишь постановленіе, требующее, чтобы мастеръ, въ случаѣ болѣзни ученика, отсутствія его или какаго-нибудь другого событія, дѣлающаго необходимымъ вмѣшательство родителей или опекуновъ, немедленно ихъ объ этомъ увѣдомилъ³⁾. Такъ какъ въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, что расходы на лѣченіе въ случаѣ даже кратковременной болѣзни падаютъ на мастера, то и въ литературѣ и судебной практикѣ признается, что мастеръ можетъ взыскать всѣ произведенныя имъ на этотъ счетъ издержки съ родителей ученика; исключеніе допускается только въ томъ случаѣ, когда мастеръ не исполнилъ возложенной на него закономъ обязанности и не предупредилъ родителей ученика о его болѣзни⁴⁾. Такимъ образомъ по французскому праву издержки на болѣзнь ученика, какъ-бы кратковременна эта болѣзнь ни была, не входятъ въ понятіе содержанія и всегда оплачиваются ученикомъ или его родителями.

Что касается до нашего русскаго права, то въ немъ по данному вопросу нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Правда, ст. 107-ая Уст. о Пром. запрещаетъ хозяевамъ взимать съ рабочихъ плату за врачебную помощь, но статья

¹⁾ Rossel, «Manuel du droit fédéral des obligations» 1905 г. стр. 473.

²⁾ Wallis § 18.

³⁾ Art. 8 зак. 1851-го г.

⁴⁾ Hayem et Perin, стр. 114; Debolo, стр. 112; Prud'hommes Seine 11 avril 1869 г.

эта, во первыхъ, говоритъ о рабочихъ, безразлично находятся они на содержаніи хозяевъ или нѣтъ, и потому не можетъ служить доказательствомъ того, что по русскому праву медицинская помощь входитъ въ понятіе содержанія, а во вторыхъ, статья эта относится только къ владѣльцамъ заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ, но не къ хозяевамъ ремесленныхъ предпріятій. Поэтому, вопросъ объ обязанности мастера лѣчить ученика, находящагося у него на содержаніи, остается открытымъ, но Сенатъ рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что подъ понятіе содержанія несомнѣнно входитъ и лечение ученика во время его болѣзни ¹⁾, причемъ, конечно, это мнѣніе относится только къ болѣзни непродолжительной, такъ какъ въ противномъ случаѣ мастеръ можетъ, какъ мы увидимъ ниже, договоръ расторгнуть.

Въ случаѣ, если мастеръ не будетъ исполнять надлежащимъ образомъ принятую на себя обязанность содержать ученика, договоръ можетъ быть расторгнутъ, и мастеръ присужденъ къ возмѣщенію ущерба. Кроме того, мастеръ въ большинствѣ государствъ въ данномъ случаѣ можетъ быть подвергнутъ и наказанію въ видѣ штрафа ²⁾. Такое наказаніе существуетъ и у насъ, но соотвѣтствующее постановленіе Уложенія о Наказаніяхъ выражено въ весьма неудачной формѣ: законъ грозитъ мастеру денежнымъ взысканіемъ въ ремесленную казну, если онъ не будетъ давать ученикамъ „достаточно успокоенія и пищи“ ³⁾, изъ чего можно заключить, что наказаніе не можетъ быть наложено въ тѣхъ случаяхъ, когда мастеръ, предоставляя ученику „достаточно успокоенія и пищи“, въ то-же самое время будетъ держать его въ самыхъ негигіеническихъ условіяхъ, отказывать въ необходимой помощи въ случаѣ болѣзни, отказывать зимой въ теплой одеждѣ и т. п.

Но и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законодатель грозитъ наказаніемъ мастеру за всякое серьезное нарушеніе обязан-

¹⁾ Право, 1907 г. стр. 60.

²⁾ Во Франціи, однако, только тогда, когда мастеръ нарушитъ постановленія закона 1892-го года о соблюденіи требованій гигиены въ мастерскихъ, каковыя постановленія относятся и къ помѣщеніямъ, гдѣ спятъ ученики (Doifus-Francoz, стр. 71).

³⁾ Ст. 1378 Ул. о Нак.

ности исправно содержать учениковъ, наказаніе это на практикѣ можетъ быть наложено только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что самое понятіе „надлежащаго содержанія“ ученика является въ высшей степени неопредѣленнымъ; въ этомъ сказывается существенное отличіе всякаго натурального вознагражденія за трудъ отъ денежнаго ¹⁾. Если, на примѣръ, выговорена мѣсячная плата ученику въ 10 рублей, то здѣсь все ясно, и усмотрѣнію хозяина нѣтъ мѣста, но когда обусловлено предоставленіе ученику полного содержанія, то здѣсь въ сущности ничего не опредѣлено, какъ кормить и одѣвать долженъ его хозяинъ, какое помѣщеніе отвести для сна и т. п.,—здѣсь полный просторъ усмотрѣнію хозяина, который, конечно, воспользуется имъ къ своей выгодѣ и къ невыгодѣ ученика. Правда, стороны въ договорѣ могутъ до известной степени обусловить характеръ содержанія, могутъ, на примѣръ, опредѣлить, что ученику должна быть дана отдѣльная кровать, что пища должна даваться столько-то разъ въ день и состоять, примѣрно, изъ такого-то количества мяса или зелени, но въ жизни такого рода соглашенія никогда почти не заключаются, отчасти, конечно, потому, что при заключеніи договора ученикъ является стороной слабѣйшей, которой хозяинъ диктуетъ условія, а не наоборотъ. Въ виду того, что подобная неопредѣленность и связанное съ ней полное усмотрѣніе хозяина въ данномъ отношеніи весьма вредно могутъ отражаться на ученикѣ, нѣкоторыя законодательства пытаются нѣсколько детальнѣе опредѣлить, какъ хозяинъ долженъ содержать рабочихъ. Такъ германское Гражданское Уложеніе въ § 618 аб. 2 и Торговое Уложеніе въ § 62 abs. 2 говорятъ, что если нанявшійся принять въ „häusliche Gemeinschaft“ нанимателемъ, то послѣдній обязанъ предоставить ему такое помѣщеніе для жизни и сна, такъ содержать и такъ распредѣлять время работы и отдыха, какъ это требуется въ интересахъ охраненія здоровья, нравственности и религіознаго чувства нанявшагося. Аналогичныя постановленія мы находимъ въ швейцарскихъ кантональныхъ законахъ объ ученичествѣ. Такъ, на примѣръ, бернскій за-

¹⁾ Lotmar, I стр. 735—740.

конь требуетъ, чтобы мастеръ, если онъ взялъ на себя обязанность содержать ученика, заботился о достаточномъ питаніи ученика и о томъ, чтобы помѣщеніе для сна имѣло достаточно воздуха и свѣта, и чтобы каждому ученику давалась отдѣльная кровать ¹⁾.

Нельзя отрицать, что подобнаго рода постановленія, указывающія, какъ долженъ исполнять мастеръ вышеуказанную обязанность, являются весьма полезными, но тѣмъ не менѣе, будучи весьма общаго характера, постановленія эти, несомнѣнно далеко не устраниаютъ въ достаточной степени возможность для мастера плохо содержать ученика. Лотмаръ ²⁾ справедливо указываетъ по поводу § 618 германскаго Уложенія, что наниматель, не навлекая на себя обвиненія въ нарушеніи предписаній закона, свободно можетъ содержать наняшагося несоотвѣтственно его человѣческому достоинству. Тѣмъ болѣе большой просторъ усмотрѣнію мастера предоставленъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ законодатель, какъ напримѣръ у насъ въ Россіи, ограничивается такими общими указаніями, что мастеръ долженъ „содержать учениковъ исправно“ ³⁾ и давать имъ „достаточно успокоенія и пищи“ ⁴⁾. Влѣдствіе всего этого на практикѣ характеръ исполненія ремесленниками обязанности содержать учениковъ почти исключительно находится въ зависимости отъ возрѣній и отъ организаціи тѣхъ учрежденій, на которыя возложенъ надзоръ за ученичествомъ: въ тѣхъ государствахъ, гдѣ надзоръ за ученичествомъ дѣйствительно существуетъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Швейцаріи и Германіи, тамъ ученики въ общемъ содержатся сносно, а гдѣ надзоръ существуетъ только на бумагѣ, тамъ и положеніе учениковъ въ высшей степени печально. Такъ, напримѣръ, относительно Германіи Кайзеръ, въ своемъ изслѣдованіи относительно результатовъ дѣйствія закона 1397-го г. въ Вюртембергѣ и Баденѣ, сообщаетъ ⁵⁾, что въ началѣ своей дѣятельности въ области надзора за ученичествомъ ремесленныя

¹⁾ Bern art. 10; также Basel-Stadt art. 14, St. Gallen art. 7 и нѣк. др.

²⁾ Lotmar, I стр. 737.

³⁾ Ст. 395 Уст. о Пром.

⁴⁾ Ст. 1378 Улож. о Наказ.

⁵⁾ С. Kaiser, стр. 39 и сл.

камеры рисовали положеніе учениковъ весьма печальнымъ: уполномоченные камеръ указывали на многочисленныя случаи, когда двое учениковъ спали на одной постели, на то, что въ большинствѣ случаевъ спальни учениковъ въ отношеніи свѣта, воздуха и чистоты далеко не удовлетворительны, на многократное констатированіе факта, что ученики принуждены спать прямо подъ крышей, въ чулапахъ, гдѣ сохраняется старое бѣлье, зола, дрова и т. п. Но уже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности камеръ положеніе во многомъ улучшилось: такъ ревизія предпріятій, произведенная въ 1905—07 годахъ въ округѣ штутгартской камеры, гдѣ раньше условія существованія учениковъ были особенно печальны, обнаружила, что плохія спальныя помѣщенія встрѣчаются сравнительно рѣдко. Утѣшительныя свѣдѣнія о содержаніи учениковъ получаютъ также изъ другихъ мѣстностей. Такимъ образомъ, благодаря неуспыному контролю въ настоящее время, по словамъ Кайзера, можно констатировать значительное улучшение въ содержаніи учениковъ. Наоборотъ, относительно содержанія учениковъ въ Австріи, гдѣ надзоръ ввѣренъ фабричнымъ инспекторамъ, для которыхъ исполненіе этой обязанности по отношенію къ ремесленнымъ предпріятіямъ является весьма затруднительнымъ, Поллитцеръ сообщаетъ самыя печальныя свѣдѣнія ¹⁾. Нечего и говорить, что у насъ въ Россіи, гдѣ, какъ мы видѣли, въ сущности вовсе нѣтъ никакого надзора за положеніемъ учениковъ, дѣло обстоитъ еще хуже. По отзывамъ всѣхъ знакомыхъ съ бытомъ русскихъ ремесленниковъ ученики спятъ обыкновенно въ мастерской, на верстахъ или подъ нимъ, питаются какъ попало и чѣмъ попало, нерѣдко не имѣютъ на себѣ и рубашки, а круглый годъ ходятъ въ хозяйскомъ старомъ зипунѣ или тулупѣ, въ которомъ они работаютъ, ѣдятъ и спятъ, и имъ-же прикрываются ²⁾. Неудивительно поэтому, что ремесленные ученики являются наиболѣе воспримчивымъ элементомъ для распро-

¹⁾ Pollitzer, стр. 51—54.

²⁾ На ужасныя гигиеническія условія жизни учениковъ въ 1908 году ярко указало заявленіе отъ профессиональнаго общества рабочихъ экипажнаго производства, поданное въ 0-во защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія («Рѣчь» 1908 г. № 229).

страненія всякихъ заразныхъ болѣзней и эпидемій. Частныя благотворительныя общества неоднократно обращали вниманіе на положеніе учениковъ: такъ въ 1909-омъ году Петербургское О-во защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія поручило своимъ участковымъ попечителямъ производить систематическій осмотръ ремесленныхъ и торговыхъ заведеній, узнавать, не представляется ли опаснымъ или вреднымъ для здоровья малолѣтнихъ помѣщеніе мастерской или размѣщеніе въ нихъ малолѣтнихъ, не имѣютъ-ли занятія дѣтей или обстановка ихъ и окружающая среда развращающаго на нихъ вліянія и т. п.. Для принятія мѣръ къ огражденію малолѣтнихъ и улучшенію ихъ положенія участковымъ попечителямъ предписывается входить въ сношенія съ Ремесленной Управой, Городской санитарной комиссіей и чинами мѣстной полиціи. Дѣятельность такого рода Обществъ, несомнѣнно, заслуживаетъ полного сочувствія, но радикально измѣнить существующее положеніе учениковъ въ ремеслѣ она, конечно, не можетъ, пока не будетъ надлежащимъ образомъ организована ремесленная инспекція.

VI. Въ отличіе отъ договора личнаго найма, гдѣ нанявшійся всегда работаетъ за определенное вознагражденіе, въ договорѣ ученичества ученикъ работаетъ за обученіе и для обученія. Поэтому плата ученику за его трудъ не предполагается: она платится только тогда, когда прямо обусловлена въ договорѣ. Въ прежнее время, когда ученикъ жилъ у мастера на его полномъ иждивеніи, никакого денежнаго вознагражденія ученику не платилось, — наоборотъ онъ платитъ мастеру за науку. Но теперь, когда значительная часть учениковъ живетъ не у мастеровъ, а на своемъ содержаніи, начинаетъ все болѣе и болѣе входить въ обычай платить ученикамъ небольшое вознагражденіе. Да это и вполне соответствуетъ тому взгляду, который сложился въ настоящее время на учениковъ — взгляду на нихъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, а разъ послѣдніе получаютъ плату, то нѣтъ основанія не платить и ученикамъ. Поэтому родители учениковъ, принадлежа къ неимущимъ классамъ, естественно, стремятся выговорить ученику плату, въ противномъ случаѣ предпочитая отдавать своихъ дѣтей на фабрики и заводы. Но тѣмъ не менѣе элементъ обученія до известной степени сказывается въ самомъ размѣрѣ вознагражденія: по изслѣдованію берлин-

ской промышленной депутаціи въ 1891-омъ г. несовершеннолѣтній рабочій въ среднемъ получаетъ плату на 3,96 маркъ въ недѣлю больше, чѣмъ ученикъ, не получающій отъ зяина ни стола ни квартиры¹⁾.

Въ виду, такъ сказать, случайнаго характера заработной платы ученика, законодательства не даютъ относительно нея никакихъ указаній, подчиняя ее дѣйствию общихъ правилъ о заработной платѣ по договору личнаго найма.

VII. При прежнемъ цеховомъ строѣ ученикъ по окончаніи ученичества получалъ отъ цеха особое свидѣтельство (Lehrbrief), служившее молодому подмастерью и удостоверявшее его личности и свидѣтельствомъ о приобрѣтеніи профессіи связанныхъ съ отбытіемъ ученичества. Съ паденіемъ цеховъ строя исчезли и эти цеховыя свидѣтельства. Но такъ для ученика было все-же весьма важнымъ имѣть свидѣтельство о томъ, что онъ обучался ремеслу, то такія свидѣтельства стали выдавать сами мастера. И современныя законодательства прямо возлагаютъ на мастеровъ обязанность дать ученику такое свидѣтельство по окончаніи обученія. Нашъ Уставъ о Промышленности также устанавливаетъ обязанность, говоря, что „когда ученикъ три года проучился у мастера, тогда сей послѣдній долженъ дать ему писанное свидѣтельство, какое онъ заслужилъ по вѣрности, послушанію, почтительности, прилежанію, искусству и поведению“²⁾. Надо замѣтить однако, что такъ какъ свидѣтельства выдаваемые мастеромъ, имѣли своимъ назначеніемъ замѣнять прежнія цеховыя свидѣтельства, то вполне понятно, что введеніемъ въ Австріи и Германіи цехового строя и введеніемъ цеховыхъ свидѣтельствъ, послѣднія до известной степени опять начали замѣнять свидѣтельства мастеровъ такъ въ Германіи законодатель предоставилъ цехамъ право выдавать свидѣтельства, причемъ если цехъ этимъ пра-

¹⁾ Erhebung über Verhältnisse im Handwerk, bearbeitet im Statist. Amt. 1895 г. стр. 77—80.

²⁾ Герм. § 127-с Gew. Ordu., § 80 Н. G. B; австр. Gew. Ordn. § 10 зак. 1851-го г. § 12; швейцарскіе кантональные законы Bern § 16, Valais § 24, Glarus § 11, Luzern § 14 и др.

³⁾ Ст. 423. Уст. Пром.

пользуется, то мастеръ уже освобождается отъ обязанности выдать свидѣтельство¹⁾, а въ Австріи, хотя обязанность мастера и сохраняется, но свидѣтельство мастера уже имѣетъ второстепенное значеніе,— оно какъ-бы является только матеріаломъ, на основаніи котораго цехъ выдаетъ официальное Lehrbrief или Gesellenbrief.

Свидѣтельства, выдаваемые ученику мастеромъ, имѣютъ своимъ назначеніемъ служить ученику, какъ-бы аттестатомъ, удостовѣреніемъ, что онъ обучался ремеслу у такого-то мастера и является, такимъ образомъ, обученнымъ рабочимъ. Этой своей цѣлью свидѣтельства эти отличаются отъ установленныхъ нѣкоторыми законодательствами рабочихъ книжекъ для несовершеннолѣтнихъ, которыя преслѣдуютъ цѣль не удостовѣрить познанія въ ремеслѣ даннаго лица, а служить контролемъ за тѣмъ, чтобы не могли наниматься лица, не достигшія установленнаго возраста или не имѣющія согласія на поступленіе въ наемъ отъ родителей или опекуновъ. Соответственно данному различію и содержаніе свидѣтельствъ отличается отъ содержанія рабочихъ книжекъ. Въ то время, какъ въ книжкахъ обозначаются только свѣдѣнія о личности ученика, и дѣлаются отмѣтки о времени поступленія на службу къ данному хозяину и ухода отъ него, причемъ никакихъ другихъ отмѣтокъ (напримѣръ, о поведеніи или о способностяхъ рабочаго) въ нихъ дѣлать запрещается, въ ученическихъ свидѣтельствахъ, наоборотъ, мастеръ долженъ отмѣтить, хорошо-ли учился ученикъ, и какъ онъ велъ себя во время обученія. Сообщеніе этихъ свѣдѣній требуется австрийскимъ, германскимъ²⁾, русскимъ правомъ и нѣкоторыми швейцарскими кантонами³⁾.

¹⁾ § 127-с Gew. Ordn.; насколько замѣтно цеховыя письма вытѣсняють свидѣтельства мастеровъ, видно изъ того, что въ 1904-омъ году было выдано 71630 цеховыхъ писемъ. (Erhebung 1908 г. стр. 136).

²⁾ Въ этомъ отношеніи свидѣтельства учениковъ тѣмъ отличаются отъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ взрослымъ рабочимъ, что въ послѣднихъ хозяинъ можетъ написать о «Führung und Leistungen» рабочаго только тогда, когда послѣдній самъ этого попроситъ, тогда какъ относительно учениковъ мастеръ можетъ это сдѣлать и безъ ихъ просьбы (§§ 113 и 127-с Gew. Ordn., §§ 73 и 80 Н. G. V.)

³⁾ Такъ, напримѣръ, Luzern § 14 и новѣйшій формуляръ, выработанный Gewerbeverein'омъ; наоборотъ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ сообщать о поведеніи ученика прямо запрещено (Waadt § 16), а въ другихъ (Zürich § 12) позволено лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ самъ ученикъ.

Однако, если большинство законодательствъ смотритъ на свидѣтельства, какъ на аттестаты познаній и поведенія ученика, то во Франціи законодатель, повидимому, стоитъ на иной точкѣ зрѣнія: возлагая на мастера обязанность выдать ученику „congé d'acquit“, онъ руководствовался, главнымъ образомъ, цѣлью воспрепятствовать ученикамъ расторгать договоры ученичества до срока, на что въ то время повсемѣстно жаловались. Поэтому, законодатель требовалъ отмѣтки въ congé d'acquit лишь о „l'exécution du contrat“ ученикомъ, но какъ онъ исполнялъ свои обязанности, упоминать объ этомъ законъ не требовалъ, и на практикѣ такія отмѣтки не дѣлались. Но за то французскій законодатель объявлялъ, что безъ такого отпускнаго свидѣтельства ученикъ не могъ поступить въ обученіе или наемъ къ какому-либо другому хозяину. Поэтому въ случаѣ, если мастеръ безъ уважительныхъ основаній не выдавалъ ученику „congé d'acquit“, то судъ могъ самъ дать ученику разрѣшеніе работать у другихъ лицъ. Но въ 1890-омъ г. congé d'acquit утратилъ то значеніе, которое ему придавалъ законъ 1851-аго г.: ученики получили право наниматься, и не имѣя congé отъ своего прежняго хозяина. вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1892-омъ г. законъ ввелъ для несовершеннолѣтнихъ рабочихъ книжки, въ которыхъ хозяинъ также обязанъ былъ отмѣчать время поступленія и ухода ученика, т. е. тѣ-же свѣдѣнія, что и въ „congé d'acquit“. Хотя принципиально документы эти и являлись отличными другъ отъ друга, но вслѣдствіи утраты congé своего прежняго значенія на практикѣ они вышли изъ употребленія и стали замѣняться рабочими книжками. При производствѣ анкеты въ 1902-омъ году въ 745 отвѣтахъ указывалось, что „congé d'acquit“ не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія, а въ 193 отвѣтахъ сообщалось, что эти свидѣтельства вообще вышли изъ употребленія¹⁾. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Франціи и нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ, свидѣтельство должно содержать свѣдѣнія и о поведеніи ученика. Въ какомъ смыслѣ законодательства понимаютъ слово „поведеніе“, мы нигдѣ не находимъ указаній, но логически

¹⁾ Debole, стр. 169.

можно вывести, что здѣсь хозяинъ все-же не можетъ написать о личности ученика все то, что можетъ показаться ему существеннымъ, а долженъ ограничиться лишь тѣмъ, что характеризуетъ данное лицо, именно, какъ ученика. Поэтому, напримѣръ, въ свидѣтельствѣ нельзя написать, что данный ученикъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ принадлежитъ къ социаль-демократамъ, что онъ не вѣруетъ въ Бога или вообще имѣетъ несимпатичный характеръ, хотя никакихъ дурныхъ поступковъ и не совершилъ.

Свидѣтельство должно содержать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыхъ требуетъ законъ, поэтому мастеръ умолчавшій въ свидѣтельствѣ, напримѣръ, о поведеніи ученика, считается неисполнившимъ своей обязанности. Свѣдѣнія эти, само собой, должны соответствовать истинѣ, какъ съ субъективной точки зрѣнія мастера, такъ и съ объективной, т. е. мастеръ долженъ добросовѣстно оцѣнить дѣятельность ученика, сообщить свое искреннее мнѣніе, и въ то-же самое время свидѣтельство должно быть истиннымъ въ томъ смыслѣ, что каждый другой человекъ на основаніи даннаго поведенія ученика пришелъ-бы также къ такому-же заключенію.

Свидѣтельство должно быть дано, по словамъ германскаго и австрійскаго законодательства, по окончаніи ученичества. Последнія слова, по мнѣнію юристовъ, нельзя понимать въ узкомъ смыслѣ, т. е. что свидѣтельство дается тогда только, когда полностью истекъ срокъ, на который былъ заключенъ договоръ; толкуется это выраженіе обычно такъ, что свидѣтельство должно быть дано всякій разъ, какъ ученикъ уходитъ отъ мастера, безразлично по истеченіи-ли срока или до срока, по винѣ-ли мастера или по винѣ ученика¹⁾. Иное рѣшеніе мы находимъ въ швейцарскихъ кантональных законахъ: такъ, въ Бернѣ свидѣтельство дается лишь за полностью отбытое Lehrzeit²⁾, а также когда теченіе ученичества прекратилось безъ вины со стороны ученика; слѣдовательно, если ученикъ самовольно расторгнулъ договоръ или если онъ своей виной вызвалъ прекращеніе договора мастеромъ, то свидѣтельства онъ не получаетъ. Свое-

¹⁾ Heller, стр. 856; Lehmann «Das Recht d. Handlungslehrlinge» стр. 44; Düringer und Hachenburg, B. I. стр. 481; Schenkel, Gew. Ord. § 129 Anm. 2.

²⁾ См. также Basel St. § 24, Luzern § 14.

образное рѣшеніе даетъ наше русское право: по ст. 423-ей Уст. о Пром. свидѣтельство дается, когда ученикъ три года прожилъ у мастера. Слѣдовательно, если онъ прожилъ меньше 3-хъ лѣтъ, то не получаетъ свидѣтельства, а съ другой стороны, если договоръ ученичества былъ заключенъ на срокъ свыше 3-хъ лѣтъ, то по истеченіи 3-хъ лѣтъ ученикъ все-же можетъ требовать выдачи свидѣтельства, хотя уйти отъ мастера онъ не имѣетъ права¹⁾. Благодаря такой редакціи статьи 423-ей получается, что у насъ ученикъ не имѣетъ права на полученіе свидѣтельства, когда онъ не прожилъ полныхъ трехъ лѣтъ у мастера, хотя-бы безъ всякой вины съ своей стороны. Что-же касается до различія въ этомъ отношеніи между законодательствами германскимъ и швейцарскимъ, то оно врядъ-ли имѣетъ к. н. практическое значеніе, т. к. ученикъ, ушедшій отъ мастера безъ уважительной причины, или уволенный мастеромъ въ силу той или другой серьезной провинности съ своей стороны, самъ не пожелаетъ взять свидѣтельство, гдѣ-бы значились эти обстоятельства, дурно рекомендующія его въ глазахъ прочихъ работодателей.

Выдача свидѣтельства является и обязанностью мастера и въ то-же самое время его правомъ, въ смыслѣ права мастера оцѣнить дѣятельность и поведеніе ученика. Значеніе этого права весьма велико,—здѣсь въ руки мастера отдается до извѣстной степени вся будущность ученика, т. е. при дурномъ свидѣтельствѣ ему крайне трудно будетъ найти себѣ заработокъ. Но въ то-же самое время осуществленіе этого права мастеромъ поставлено въ зависимость отъ осуществленія ученикомъ своего права вытребовать свидѣтельство: не потребуетъ ученикъ свидѣтельства, и мастеръ не въ состояніи будетъ воспользоваться своимъ правомъ. Конечно, онъ можетъ, все-же написать свидѣтельство, но, оставаясь въ рукахъ у мастера, свидѣтельство это не имѣетъ никакого практическаго значенія.

Въ случаѣ неисполненія мастеромъ своей обязанности, когда онъ или вовсе не выдастъ ученику свидѣтельства или выдастъ, но не полное или несоотвѣтствующее истинѣ, ученикъ можетъ обратиться въ судъ, который, признавъ жалобу

¹⁾ С. р. гр. касс. ден. 78/86.

ученика основательной, присуждает мастера исполнить свою обязанность надлежащим образом. При этом, по мнению многих германских юристов, судъ здѣсь можетъ принудить мастера выдать надлежащее свидѣтельство, угрожая денежными штрафами максимумъ до 1500 мар. или арестомъ, согласно § 888 С. Р. Ord. ¹⁾. Но примѣненіе этого вида понудительнаго исполненія встрѣчаетъ однако и возраженія: такъ, напримѣръ, Bendix ²⁾ полагаетъ, что содержаніе свидѣтельства является продуктомъ психической дѣятельности автора, выраженіемъ его внутренняго убѣжденія, почему принуждать его дать свидѣтельство иного характера нельзя, т. к. нельзя принуждать человека писать то, что онъ считаетъ противорѣчащимъ его убѣжденіямъ. Поэтому, Bendix полагаетъ, что примѣненіе § 888 С. Р. О. возможно только относительно различныхъ фактовъ, но не относительно оцѣнки ихъ: такъ, судъ можетъ вынуждать выдать свидѣтельство, дополнить его, выкинуть изъ свидѣтельства факты, которые судъ призналъ несуществовавшими, но измѣнить самый приговоръ, самую оцѣнку вынуждать нельзя. Наше русское право вообще не знаетъ подобныхъ понудительныхъ мѣръ.

Мастеръ, неисполнившій надлежащимъ образомъ своей обязанности, обязанъ возмѣстить ученику весь ущербъ, причиненный его виной, ущербъ, состоящій, главнымъ образомъ, въ томъ, что благодаря невыдачѣ свидѣтельства или выдачѣ такого, гдѣ неправильно дѣятельность ученика оцѣнивалась дурно, ученикъ лишенъ былъ возможности найти себѣ заработокъ. Кроме того, виновный мастеръ въ данномъ случаѣ можетъ быть подвергнутъ и уголовному наказанію ³⁾. По нашему русскому праву мастеръ въ этомъ случаѣ также подлежитъ наказанію по ст. 1382 ой Улож. о Наказаніяхъ, какъ за противозаконное притѣсненіе; наказаніе это, однако, совершенно ничтожное—всего на всего взысканіе пяти рублей въ пользу ремесленной казны.

¹⁾ См. напр. Н. Lehmann, стр. 45.

²⁾ «Drei Fragen aus dem Dienstzeugnisrechte» Archiv für burgerl. Recht, Band 28 стр. 107—109.

³⁾ Герм. Gew Ord. § 148 пунктъ 9, австр. Gew. Ordn. § 133, также швейцарскіе кантональные законы объ ученичествѣ.

По мнѣнію Федорова ¹⁾, впрочемъ, дѣло этимъ не ограничивается, а въ случаѣ невыдачи мастеромъ ученику надлежащаго свидѣтельства, такое можетъ быть выдано ему самимъ учрежденіемъ, уполномоченнымъ разбирать относящіяся сюда жалобы, т. е. Цеховой Управой. Но съ этимъ мнѣніемъ мы согласиться не можемъ: свидѣтельство есть оцѣнка дѣятельности и поведенія ученика, которая можетъ быть дана только тѣмъ лицомъ, которое обучало ученика, и у котораго послѣдній жилъ; Цеховая Управа можетъ только, по представленіи надлежащихъ доказательствъ, признать, оцѣнку, данную мастеромъ, неправильной и отмѣнить ее, но сама оцѣнивать дѣятельность и поведеніе ученика она не можетъ, за неимѣніемъ у нея къ тому матеріала. Что мнѣніе Федорова не соотвѣтствуетъ и постановленіямъ русскаго законодательства, видно изъ статьи 413-ой Уст. о Пром.: статья эта говоритъ о свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ хозяевами подмастерьямъ причемъ предоставляетъ Общей Ремесленной Управѣ, какъ высшей инстанціи по дѣламъ этого рода, выслушавъ мастера и подмастерья, или утвердить аттестацію перваго или-же отмѣнить оную особою въ книжкѣ надписью и въ семъ послѣднемъ случаѣ подвергаетъ мастера за неправильную аттестацію денежной пенѣ въ пользу ремесленной казны. Такимъ образомъ, здѣсь говорится только объ утвержденіи и отмѣнѣ аттестаціи, но не о выдачѣ Управой самой свидѣтельства, что, несомнѣнно, должно было бы быть оговорено въ законѣ, если-бы такое право Управѣ было дѣйствительно предоставлено.

§ 4. Обязанности ученика.

I. Главной обязанностью ученика является обязанность его работать на мастера. Это—основная черта договора ученичества, состоящая въ томъ, что ученикъ обучается, работая на мастера. Обученіе и работа здѣсь неразрывно слиты, такъ что, какъ одно обученіе безъ работы, такъ и работа безъ обученія, входятъ уже въ область другихъ договоровъ, а не договора ученичества.

¹⁾ Федоровъ, стр. 455.

Изъ этой связи работы съ обученіемъ логически вытекаетъ, что обязанность ученика работать на мастера опредѣляется потребностями обученія: онъ обязанъ работать постольку, поскольку это нужно и полезно для изученія ремесла. Но ни на практикѣ ни въ законодательствахъ это логически исполнѣ правильное положеніе не примѣняется исполнѣ послѣдовательно; за ученикомъ не признается право отказаться отъ исполненія возложенной на него мастеромъ ремесленной работы подѣ тѣмъ предлогомъ, что эту работу онъ уже изучилъ, и она ему никакой пользы не принесетъ ¹⁾. Всюду признается, что ученикъ долженъ исполнять всякую ремесленную работу, возложенную на него мастеромъ, въ предположеніи, что всякая такая работа полезна для обученія ученика; важно лишь, чтобы вообще мастеръ обучалъ ученика ремеслу надлежащимъ образомъ, чтобы общій характеръ работъ, поручаемыхъ ученику, соответствовалъ цѣли обученія, но характеръ отдѣльных порученій во вниманіе не принимается.

Но если относительно каждой отдѣльной ремесленной работы можно предполагать, что она ведетъ къ лучшему усвоенію ученикомъ ремесленной техники, то такому предположенію уже нѣтъ мѣста, когда работа, возложенная на ученика, не относится вовсе къ ремеслу, изучаемому ученикомъ; поэтому, такія работы для ученика не обязательны, онъ можетъ отказаться исполнять ихъ. Между тѣмъ на практикѣ издавна ведется, что ученики употребляютъ мастерами не только для ремесленныхъ работъ, но и для постороннихъ, главнымъ образомъ, для разныхъ работъ по дому, такъ что ученикъ не только обучается у мастера ремеслу, но и служитъ ему, его женѣ и подмастерьямъ въ качествѣ домашней прислуги. Возникновеніе такого обычая объясняется тѣмъ, что въ прежнія времена отношенія между мастеромъ и ученикомъ имѣли патріархальный характеръ: ученикъ жилъ у мастера и считался не рабочимъ, а младшимъ членомъ семьи, которому мастеръ и его жена замѣняли родителей. При такомъ характерѣ взаимныхъ отношеній было исполнѣ естественнымъ, что ученикъ, какъ младшій членъ семьи, оказывалъ старшимъ различныя услуги въ благодарность за тѣ заботы

¹⁾ П. Lehmann, стр. 49.

и попеченіе, которыя оказывались ему въ домѣ мастера. Но тѣмъ не менѣе, уже въ концѣ среднихъ вѣковъ пользованіе учениками въ качествѣ домашней прислуги стало зачастую выходить изъ этихъ естественныхъ границъ, и мастера стали злоупотреблять трудомъ учениковъ, занимая ихъ чуть не главнымъ образомъ домашними работами въ ущербъ ихъ ремесленному обученію. Жалобы на такого рода злоупотребленія отовсюду слышатся и въ настоящее время. Правда, вслѣдствіе уменьшенія числа учениковъ, живущихъ у мастеровъ на полномъ содержаніи, пользованіе учениками въ качествѣ домашней прислуги должно было нѣсколько сократиться, но тѣмъ не менѣе все-же до сихъ поръ этотъ видъ злоупотребленій широко распространенъ, и является тѣмъ болѣе замѣтнымъ, что прежнія патріархальныя отношенія между мастеромъ и учениками давно уже исчезли, вслѣдствіе чего исчезло и то основаніе, которымъ многіе ранѣе оправдывали возложеніе на учениковъ различныхъ домашнихъ работъ и порученій. Такимъ образомъ, пользованіе трудомъ учениковъ для домашнихъ услугъ, являясь безусловно противорѣчающимъ природѣ и цѣли договора обученія, лишившись тѣхъ причинъ, которыя ранѣе заставляли смотрѣть на него снисходительно, въ настоящее время должно разсматриваться, какъ явное злоупотребленіе со стороны мастера, вредное для интересовъ ученика.

Обращаясь къ законодательствамъ, мы видимъ, что французскій законъ 1851-го г. содержитъ категорическое запрещеніе мастеру заставлять ученика исполнять работы, не относящіяся къ данному ремеслу, если это право не было специально выговорено въ договорѣ: Art. 8 abs. 3 вышеуказаннаго закона говоритъ; что „Il (le maitre) n'emploiera l'apprenti, sauf conventions contraires, qu'aux travaux et services, qui se rattachent à l'exercice de sa profession“. И въ практикѣ французскихъ судовъ нерѣдки случаи, гдѣ договоръ расторгался вслѣдствіе несоблюденія мастеромъ art. 8 зак. 1851-го г. Но на ряду съ этимъ та-же практика и литература, считаясь съ обычаями и нравами, укоренившимися среди ремесленниковъ, во многихъ случаяхъ не считали возможнымъ проводить принципъ, установленный законодателемъ, со всей строгостью: такъ, практика признала, что посылка учениковъ по разнымъ дѣламъ, касающимся производства, разносъ матеріаловъ и то-

варовъ, входятъ въ кругъ работъ „qui se rattachent à l'exercice de la profession“, если только здоровье и обученіе ученика отъ этого не страдаютъ; сюда же относится уборка мастерской, чистка инструментовъ и т. п., и даже мастеръ считается не нарушившимъ предписаніе закона, если изрѣдка поручить ученику к. н. работу, совершенно не имѣющую къ ремеслу никакого отношенія¹⁾. Но несмотря на такія исключенія, тѣмъ не менѣе все-же во Франціи законодательство прямо признало недопустимость пользованія трудомъ ученика въ качествѣ домашней прислуги. Гораздо хуже защищаетъ ученика въ этомъ отношеніи германское право: § 127 Gew. Ord. 1897-го г. содержитъ постановленіе, что „къ домашнимъ работамъ не могутъ быть привлекаемы ученики, не получающіе въ домѣ мастера ни содержанія ни помѣщенія для житья“. Такимъ образомъ, учениковъ живущихъ у мастера, наоборотъ, можно заставлять исполнять домашнія работы, подъ условіемъ, конечно, чтобы это не вредило интересамъ обученія. Нетрудно видѣть, что такое постановленіе германскаго законодательства, никоимъ образомъ не можетъ хотя-бы сколько-нибудь сократить пользованіе трудомъ учениковъ для домашнихъ услугъ, являющееся, по справедливому мнѣнію многихъ, однимъ изъ основныхъ золь современнаго ремесленнаго обученія²⁾: законъ ограждаетъ отъ злоупотребленія только тѣхъ учениковъ, которые въ сущности меньше другихъ нуждаются въ этой защитѣ, т. е. разъ ученикъ не живетъ у мастера, то уже въ силу одного этого пользоваться имъ въ качествѣ прислуги менѣе удобно, между тѣмъ такимъ постановленіемъ законодатель какъ-бы прямо санкціонируетъ пользованіе для домашнихъ работъ трудомъ всѣхъ остальныхъ учениковъ. При обсужденіи законопроекта въ Рейхстагѣ социаль-демократы пытались хотя-бы нѣсколько усилить защиту учениковъ и внесли предложеніе включить въ § 127 постановленіе, запрещающее всѣхъ вообще учениковъ привлекать къ исполненію, какъ домашнихъ, такъ и другихъ работъ, не имѣющихъ никакой связи съ изучаемой профессіей, хотя-бы

¹⁾ Trib. de paix de Sainte-Hermine, 12 oct. 1864.; также Frerejouan du Saint, стр. 40, Debolo, стр. 107 и сл.

²⁾ См. напр. Prof. Huber, «Zur Handwerkerfrage» 1896 г. стр. 27—28.

въ теченіе того времени, когда въ предпріятіи идутъ работы, но предложеніе это, гораздо болѣе умѣренное, чѣмъ соотвѣтствующее постановленіе Торговаго Уложенія, Рейхстагомъ было отклонено.

Еще хуже, чѣмъ въ Германіи, обстоитъ дѣло съ пользованіемъ трудомъ учениковъ для домашнихъ услугъ въ Австріи. Если въ Германіи, по крайней мѣрѣ, ученики, живущіе не у мастера, не могутъ быть принуждаемы къ постороннимъ работамъ, то въ Австріи всѣ ученики безъ различія могутъ быть обременяемы подобными работами подъ условіемъ только, чтобы это не отнимало у нихъ времени и возможности обучаться ремеслу¹⁾. Что касается до швейцарскихъ кантональных законовъ, то постановленія ихъ по данному вопросу отличаются большимъ разнообразіемъ. Въ то время, какъ въ однихъ кантонахъ мы находимъ категорическое запрещеніе мастеру занимать учениковъ какими-либо посторонними работами²⁾, въ другихъ кантонахъ пользованіе трудомъ учениковъ для домашнихъ услугъ разрѣшается при условіи, чтобы это не могло оказать дурного вліянія на успѣхи въ его профессиональномъ обученіи и на его здоровье³⁾, а въ Неушательѣ это разрѣшается мастеру лишь въ исключительныхъ случаяхъ или относительно особыхъ специальныхъ работъ и услугъ, исполненіе которыхъ учениками санкціонировано обычаемъ и допущено властями, на которыхъ возложенъ надзоръ за ученичествомъ⁴⁾. Обращаясь къ дѣйствующему русскому праву, мы находимъ здѣсь по этому вопросу два постановленія. Первое, находящееся въ ст. 393-ей Уст. о Пром., обязываетъ мастера учениковъ „занимать должное время наукой, не принуждая ихъ къ домашнему услуженію и работамъ“; второе находится въ ст. 1379-ой Улож. о Наказаніяхъ и грозитъ мастеру, который „занимаетъ ученика болѣе домашнею, нежели относящеюся къ его мастерству работой“, въ первый разъ денежнымъ взысканіемъ отъ одного до десяти рублей въ ре-

¹⁾ Gew. Ordn. §§ 100 и 76; Heller, стр. 836.

²⁾ Genf. § 12, Waadt § 9, Wallis § 18, Freiburg § 10, Luzern § 9 и нѣк. др.

³⁾ Basel St. § 13, Schwyz § 8, Obwalden § 8.

⁴⁾ Neuenburg § 9.

месленную казну, а при вторичномъ изобличеніи въ томъ-же проступкѣ, отобраніемъ учениковъ и запрещеніемъ имѣть ихъ въ продолженіе года; въ третій-же разъ мастеръ навсегда можетъ быть лишенъ права держать учениковъ. Сравнивая эти оба постановленія, можно найти между ними нѣкоторое несоотвѣтствіе: Уставъ Промышленный запрещаетъ вообще принуждать учениковъ къ домашнему служенію и работамъ безъ всякихъ оговорокъ, тогда какъ уголовный законъ караетъ мастера только въ томъ случаѣ, когда мастеръ занимаетъ ученика болѣе домашними работами, чѣмъ относящимися къ его мастерству, слѣдовательно, если мастеръ занимаетъ ученика домашними работами, но менѣе все-же, чѣмъ ремесломъ, то наказаніе, предусмотрѣнное статьей 1379-ой на него наложено быть не можетъ. Изъ этихъ двухъ постановленій Федоровъ отдаетъ перевѣсъ статьѣ 1379-ой и выводитъ заключеніе, что наше русское право не запрещаетъ возлагать на ремесленнаго ученика домашнія работы, лишь-бы работы эти не отнимали у ученика больше времени, чѣмъ занятіе ремесломъ¹⁾. Однако съ этимъ мнѣніемъ мы согласиться не можемъ: статья 393-я запрещаетъ принуждать учениковъ къ домашнему услуженію и работамъ безъ всякихъ ограниченій, и суживать объемъ этого запрещенія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Если уголовный законъ караетъ только тогда, когда пользованіе трудомъ ученика для домашнихъ услугъ и работъ достигаетъ особенно широкихъ размѣровъ и явно уже вредитъ интересамъ обученія, то тѣмъ не менѣе, согласно ст. 393-ей Уст. о Пром., всякое принужденіе къ такимъ услугамъ и работамъ, хотя-бы даже имѣющее единичный характеръ, не навлекая на мастера уголовного наказанія, должно считаться неисполненіемъ мастеромъ возложенныхъ на него закономъ обязанностей и можетъ повлечь за собой частноправовыя послѣдствія въ видѣ расторженія ученикомъ договора до истеченія срока. Такимъ образомъ, никакого противорѣчія между статьей 393-ей Уст. о Пром. и статей 1379-ой Улож. о Наказаніяхъ въ сущности нѣтъ, и мы можемъ признать, что и у насъ въ Россіи мастеръ вообще не можетъ принуждать ученика къ домашнимъ услугамъ и работамъ.

¹⁾ Федоровъ, стр. 439 примѣчаніе.

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго видно, что всѣ законодательства въ большей или меньшей степени запрещаютъ пользованіе трудомъ учениковъ для домашнихъ и другихъ постороннихъ работъ. Но, какъ мы уже не разъ говорили выше, всѣ подобнаго рода запрещенія остаются только на бумагѣ и не оказываютъ никакого вліянія безъ организационнаго надлежнаго контроля за соблюденіемъ этихъ запрещеній, а т. е. контроль этотъ почти во всѣхъ государствахъ стоитъ далеко не на должной высотѣ, то вполне понятно, что принужденіе учениковъ исполнять домашнія работы въ жизни практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ частности у насъ въ Россіи такого рода злоупотребленія являются фактомъ общеизвѣстнымъ, между тѣмъ какъ мы совсѣмъ не знаемъ случаевъ, чтобы статья 1379-ая Улож. о Наказаніяхъ была когда-нибудь примѣнена.

Наконецъ, по поводу запрещеній обременять учениковъ посторонними работами возникаетъ также вопросъ, имѣютъ-ли эти запрещенія принудительный характеръ, или они могутъ быть устранимы взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ. Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ мы находимъ во французскомъ правѣ и въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантональных законахъ. Французское право прямо говоритъ, что домашнія работы запрещены „sauf conventions contraires“, т. е. прямо признаетъ запрещеніе, установленное art. 8 зак. 1851-го г., устранимымъ по взаимному соглашенію контрагентовъ. Точно также въ бернскомъ законѣ мастеру разрѣшается пользоваться трудомъ ученика для постороннихъ занятій лишь тогда, когда это обусловлено въ договорѣ и не вредитъ изученію ремесла¹⁾. Редакція законовъ, какъ видно, довольно существенно отличается другъ отъ друга въ обоихъ случаяхъ: изъ буквального смысла французскаго закона можно вывести заключеніе, что эти „conventions contraires“ допустимы безъ всякихъ ограниченій, тогда какъ въ бернскомъ законѣ даже при наличности такого соглашенія пользованіе трудомъ ученика для постороннихъ работъ возможно только при условіи, чтобы это не шло въ ущербъ обученію. Можно ли толковать французскій законъ въ такомъ широкомъ смыслѣ,

¹⁾ Bern § 9; точно также Zürich § 5, Glarus § 9.

въ литературѣ мы не находимъ никакихъ указаній, мы-же лично полагаемъ, что и французскій законъ можно толковать только такъ, какъ это говорится прямо въ бернскомъ законѣ. Это вытекаетъ изъ того соображенія, что, если-бы лицо по соглашенію обязалось исполнять всякія домашнія работы безъ всякихъ ограниченій, хотя бы отъ этого оно не успѣло ничему научиться изъ ремесла, то такой договоръ ученичествомъ уже считаться бы не могъ, т. к. главной цѣлью его были бы домашнія работы, но не изученіе ремесла; поэтому, если договоръ названъ договоромъ ученичества, и въ немъ сказано, что мастеръ обязанъ надлежащимъ образомъ научить ученика ремеслу, то соглашеніе о допустимости возложенія на ученика обязанности исполнять домашнія работы слѣдуетъ понимать только въ смыслѣ, не противорѣчащемъ основной цѣли договора. Но если нѣкоторые швейцарскіе кантональные законы, слѣдуя примѣру Франціи, и допускаютъ возможность путемъ соглашенія отмѣнять запрещеніе о возложеніи на учениковъ обязанности исполнять постороннія работы, то въ большинствѣ кантоновъ, наоборотъ, запрещеніе это имѣетъ принудительный характеръ, и подобныя соглашенія, включенныя въ договоръ ученичества, должны быть признаны недѣйствительными ¹⁾. Въ послѣднемъ смыслѣ надо, повидимому, понимать и § 127 герм. Gew. Ordn. относительно запрещенія пользоваться трудомъ приходящихъ учениковъ для домашнихъ работъ ²⁾. Что касается до русскаго права, то рѣшить вышеуказанный вопросъ на основаніи постановленій закона является довольно труднымъ. Если основываться на томъ, что статья 393-ья Уст. о Пром. ничего не говоритъ о возможности отмѣны ея постановленій путемъ соглашенія, то можно будетъ высказаться за полную принудительность запрещенія, а если исходить изъ того, что законъ запрещаетъ „принуждать“ ученика къ домашнему служенію и работамъ, то, пожалуй, возможно разрѣшить вопросъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ, очерченныхъ статьей 1379-ой Улож. о Наказаніяхъ, такія соглашенія будутъ дѣйствительны. Мы лично высказались

¹⁾ См. напр. Genf § 39; также W. v. Wyss, стр. 49.

²⁾ Landmann, В. II стр. 250 прим. 8-ое.

бы за первое рѣшеніе, какъ болѣе цѣлесообразное и согласное съ природой договора ученичества, гдѣ слѣдуетъ предполагать, что всѣ силы ученика должны быть отданы ремеслу, вслѣдствіе чего всякое соглашеніе о принятой имъ на себя обязанности исполненія другихъ работъ должно считаться несовмѣстимымъ съ природой ученичества.

Итакъ, обязанность ученика работать на мастера является не безграничной, а относится только къ работамъ опредѣленнаго рода. Но и относительно работъ послѣдней категоріи мастеръ ограниченъ тѣмъ, что, при возложеніи на ученика к. л. порученій, онъ долженъ непремѣнно считаться съ силами ученика и не обременять его такими работами, которыя хотя и относятся къ изучаемому ремеслу, но для ученика являются непосильно тяжелыми, несоотвѣтствующими его еще не сложившемуся юному организму. Во французскомъ правѣ законодатель прямо запрещаетъ мастеру употреблять ученика на работы нездоровыя и непосильныя для него ¹⁾. Это постановленіе закона объ ученичествѣ впоследствии дополнено было закономъ 1892-го года, который повторилъ данное запрещеніе, прибавивъ сюда и работы опасныя для нравственности и предоставивъ правительству опредѣлять, въ какого рода работахъ совсѣмъ нельзя примѣнять трудъ дѣтей, и при какихъ условіяхъ, гарантирующихъ ихъ отъ опасности, они все-же могутъ работать въ даннаго рода предпріятіяхъ. Въ Германіи § 127 Gew. Ordn. также возлагаетъ на мастера обязанность заботиться, чтобы на учениковъ не возлагались работы, несоотвѣтствующія ихъ физическому развитію. Аналогичныя постановленія находятся и въ австрійскомъ правѣ ²⁾ и въ швейцарскихъ кантональныхъ законахъ ³⁾. Только у насъ въ Россіи нѣтъ подобныхъ постановленій, но это, конечно, не значитъ, что у насъ мастеръ можетъ подрывать здоровье ученика, заставляя его исполнять непосильныя для него работы, т. к., обязываясь работать на мастера, ученикъ, конечно, обязывается работать лишь постольку, поскольку это позволяютъ ему его силы и здоровье: всякое иное со-

¹⁾ Art. 8 зак. 1851-го г.

²⁾ § 100 Gew. Ord.

³⁾ См. Bern § 10 abs. 1; Basel-St. § 14; Freiburg § 10 и нѣк. др.

глашеніе не имѣло-бы силы, какъ противное нравственности, вслѣдствіе чего и мастеръ изъ договора ученичества никоимъ образомъ не можетъ пріобрѣсти право обременять ученика непосильными и вредными для него работами. Поэтому, отсутствіе въ нашемъ законодательствѣ прямого постановленія, запрещающаго мастеру возлагать на ученика такія работы, имѣетъ лишь то значеніе, что въ случаѣ, если подобные факты со стороны мастера будутъ имѣть мѣсто, ученикъ можетъ лишь требовать прекращенія договора и возмѣщенія ущерба, но уголовнаго наказанія, какъ это имѣетъ мѣсто въ другихъ государствахъ, на мастера не налагается.

Обязанность мастера не обременять ученика работами, неотносящимися къ данному ремеслу, или хотя и относящимися, но непосильными и вредными для ученика, ограничиваетъ мастера въ его правѣ на трудъ ученика, такъ сказать, по роду работы. Но сверхъ того эта обязанность ученика работать на мастера можетъ быть ограничена и количественно, въ видѣ ограниченія рабочаго дня, запрещенія праздничныхъ и ночныхъ работъ.

Относительно ограниченія рабочаго дня во Франціи дѣйствуетъ законъ 1900-го г., о которомъ мы выше уже говорили. Законъ этотъ постановилъ, что дѣйствительный рабочий день для лицъ моложе 18-ти лѣтъ и для женщинъ не долженъ превышать 11-ти часовъ, раздѣленныхъ перерывами, составляющими въ общей сложности не менѣе одного часа; съ 1902-го года этотъ рабочий день сокращается до 10¹/₂ часовъ, а съ 1904-го года до 10 часовъ. Постановленіе это относится и къ ремесленнымъ мастерскимъ, т. что въ настоящее время рабочий день ремесленныхъ учениковъ во Франціи ограниченъ 10-ью часами. Кроме того, законъ 1900-го г. ввелъ еще одну серьезную реформу: онъ установилъ, что въ тѣхъ предприятияхъ, гдѣ лица моложе 18-ти лѣтъ и женщины работаютъ вмѣстѣ съ взрослыми мужчинами, рабочий день и для послѣднихъ не можетъ превышать нормы, установленной для лицъ первой категоріи. Точно также и въ Швейцаріи всѣ кантональные законы безъ исключенія опредѣляютъ максимальный рабочий день учениковъ, причемъ величина этого дня въ различныхъ кантонахъ опредѣляется то въ 10, то въ 11 часовъ. Такъ, въ Бернѣ ¹⁾ для учени-

¹⁾ Bern § 10.

ковъ мужского пола нормальный рабочий день, за исключеніемъ особыхъ исключительныхъ случаевъ, не можетъ превышать 11 часовъ въ сутки или 66 часовъ въ недѣлю, для ученицъ-же—10 часовъ въ сутки или 60 рабочихъ часовъ въ недѣлю; въ тѣ дни, въ которые ученикъ посѣщаетъ вечернюю школу, рабочий день не долженъ быть болѣе 10 часовъ, также какъ и для учениковъ моложе 15 лѣтъ; для очень тяжелыхъ рабочихъ *Regierungsrat* можетъ требовать уменьшенія рабочаго дня; въ полдень долженъ быть сдѣланъ часовой перерывъ въ работѣ; всѣ вспомогательныя работы должны производиться въ теченіе законнаго рабочаго дня. Въ кантонѣ *Basel-Stadt* рабочий день учениковъ опредѣленъ въ 10 часовъ въ день и 60 часовъ въ недѣлю, а для ученицъ моложе 15 лѣтъ—9 часовъ въ день и 54 часа въ недѣлю; сверхъ того ученики могутъ быть заставляемы убирать мастерскія, но не долѣе ¹/₄ часа въ сутки; въ исключительныхъ случаяхъ въ виду серьезной необходимости этотъ рабочий день можетъ быть удлинненъ съ согласія Департамента Внутреннихъ Дѣлъ максимумъ въ теченіе 14 дней и съ согласія *Regierungsrat*'а въ теченіе болѣе долгаго срока, но во всякомъ случаѣ удлинненіе можетъ быть разрѣшено лишь на 2 часа въ сутки и въ теченіе не болѣе 4-хъ недѣль ¹⁾). Въ Фрейбургѣ и Швицѣ рабочий день опредѣленъ въ 11 часовъ ²⁾). Въ Женевѣ онъ установленъ въ 10 часовъ, но можетъ быть въ исключительныхъ случаяхъ удлинненъ до 11 часовъ; въ этотъ-же счетъ входятъ и часы, употребленные ученикомъ на посѣщеніе школы: сверхъ того ученики могутъ быть принуждаемы убирать мастерскія, но не болѣе какъ въ теченіе ¹/₂ часа до начала или по окончаніи работъ ³⁾). Десятичасовой же рабочий день установленъ и въ Люцернѣ ⁴⁾). Въ Нюшателѣ для учениковъ старше 15 лѣтъ онъ можетъ быть удлинненъ до 11 часовъ ⁵⁾, а въ кантонѣ Воодъ такое удлинненіе допускается только въ исключительныхъ случаяхъ и сверхъ того не должно

¹⁾ Basel-St. § 21.

²⁾ Freiburg § 11, Schwyz § 8.

³⁾ Genf §§ 32, 33.

⁴⁾ Luzern § 11.

⁵⁾ Neuenburg § 11.

увеличивать числа рабочих часов в неделю сверх 60 ¹⁾. В Цюрихе законъ пытается точно перечислить тѣ случаи, когда рабочий день можетъ быть болѣе 10 часовъ; къ такимъ случаямъ онъ относитъ периодически повторяющіяся чрезвычайныя работы въ видѣ сведенія счетовъ и инвентаря, навстрѣванія времени, потеряннаго вслѣдствіе остановки въ производствѣ, переполненія заказовъ въ определенной сезонъ, и нѣк. др., но къ такимъ сверхъ срочнымъ работамъ могутъ быть принуждаемы ученики лишь старше 16 лѣтъ, и удлиненіе рабочаго дня можетъ имѣть мѣсто лишь максимумъ на два часа въ день и не болѣе, какъ на 75 часовъ въ годъ ²⁾. Такимъ образомъ, въ результатѣ рабочій день учениковъ въ Швейцаріи нѣсколько длиннѣе, чѣмъ во Франціи, такъ какъ всѣ почти кантоны во многихъ случаяхъ допускаютъ удлиненіе его до 11 и даже 12 часовъ, и въ одномъ только Базелѣ для нѣкоторыхъ категорій учениковъ рабочій день опредѣленъ въ 9 часовъ.

Но тѣмъ не менѣе постановленія французскаго и швейцарскаго законодательства о длинѣ рабочаго дня несравненно сильнѣе защищаютъ интересы учениковъ, чѣмъ законодательства германское и австрійское. Въ Германіи въ сущности рабочій день ремесленныхъ учениковъ совершенно не ограниченъ, т. какъ статья 135 Gew. Ord., ограничивающая рабочій день лицъ моложе 14 лѣтъ 6-ью часами, а лицъ въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ десятью часами, относится только къ лицамъ, работающимъ на фабрикахъ. Правда, изданный въ 1903-мъ году „Kinderschutzgesetz“ распространяется и на ремесленные предприятия, но постановленія его имѣютъ въ виду только дѣтей, т. е. лицъ моложе 13 лѣтъ, или хотя и старше 13 лѣтъ, но еще подлежащихъ обязанности посѣщать народную школу ³⁾. Для этихъ лицъ законъ устанавливаетъ очень короткій рабочій день—не болѣе 3-хъ часовъ въ сутки, а въ каникулярное время не болѣе 4 часовъ съ перерывомъ въ полдень минимумъ въ два часа ⁴⁾, но объ остальныхъ несовершеннолѣтнихъ ученикахъ и рабочихъ законъ

¹⁾ Waadt § 13.

²⁾ Zürich § 7.

³⁾ § 2 законъ 1903-го г.

⁴⁾ § 5 законъ 1903-го г.

ничего не говоритъ. Къ послѣднимъ относится, такимъ образомъ, лишь § 120e abs. 3 Gew. Ord., который предоставляетъ Союзному Совѣту право устанавливать длину, начало и конецъ рабочаго дня, а также размѣры перерывовъ въ работѣ для тѣхъ категорій предприятий ¹⁾, въ которыхъ чрезмерная длина рабочаго дня угрожаетъ здоровью рабочихъ. Этимъ своимъ правомъ Союзный Совѣтъ воспользовался относительно ремесленныхъ предприятий лишь для булочныхъ и кондитерскихъ ²⁾, въ которыхъ работы производятся ночью, между 8^{1/2} часами вечера и 5^{1/2} часами утра: въ этихъ предприятияхъ Союзный Совѣтъ постановленіемъ 1896-го года ограничилъ рабочій день учениковъ въ теченіе перваго года ихъ ученичества десятью часами, а если имъ дается перерывъ для отдыха не менѣе часа, то одиннадцатю часами, для учениковъ-же на второмъ году ученичества 11-ью или 12-ю часами, причемъ послѣ каждаго рабочаго періода ученикамъ долженъ быть предоставленъ непрерывный отдыхъ не менѣе 10 или 9 часовъ. Что въ булочныхъ и кондитерскихъ положеніе учениковъ было ужасное, и что здѣсь вмѣшательство Союзнаго Совѣта было необходимо это, конечно, безспорно ³⁾, но тѣмъ не менѣе существуетъ цѣлый рядъ другихъ отраслей ремесла, гдѣ также рабочій день учениковъ переходитъ всякія разумныя границы ⁴⁾, между тѣмъ какъ законодатель никакихъ мѣръ защиты противъ эксплуатаціи здѣсь не устанавливаетъ. Что-же касается до Австріи, то здѣсь къ

¹⁾ Торговныя предприятия сюда не относятся (Landmann, В. II, стр. 201).

²⁾ Getreidemühlen и Gast- und Schankwirtschaften, относительно которыхъ также изданы Союзнымъ Совѣтомъ постановленія, къ ремеслу отнесены быть не могутъ.

³⁾ По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Oldenberg'омъ въ Jahrb. f. Gesetzgebung, Verwaltung u. Volkswirtschaft за 1894 г., лишь въ 45,3% всѣхъ булочныхъ съ учениками рабочій день не превышалъ 12 часовъ, въ 31,6% онъ уже колебался между 12—14 часами, въ 15,3% отъ 14—16 часовъ, въ 5,1% отъ 16 до 18 часовъ и свыше 18 часовъ въ 1,5% всѣхъ булочныхъ.

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, у слесарей рабочій день учениковъ зачастую доходитъ до 14 часовъ (Kaiser, стр. 45); изслѣдованіе гамбургской Gewerkschaftskartells въ 1908 году обнаружило, что рабочій день учениковъ равенъ 9, 10, 11 и даже болѣе часамъ, а прибавивъ сюда перерывы на ѣду, получится рабочій день въ 15 и даже 17 часовъ (Stieda въ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften, 3-е изд. т. 6 стр. 458).

ученикамъ примѣнимо лишь общее правило, что для рабочихъ не на фабрикахъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ рабочий день не долженъ превышать восьми часовъ¹⁾, такъ что всѣ остальные ученики старше 14-ти лѣтъ могутъ быть принуждаемы работать, сколько угодно часовъ. Въ результатѣ рабочий день учениковъ въ Австріи очень часто является непомерно длиннымъ²⁾.

Обращаясь къ русскому праву, мы видимъ, что здѣсь вплоть до изданія закона 15-го ноября 1906-го года рабочий день для несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и учениковъ въ ремесленныхъ предпріятіяхъ не былъ вовсе ограниченъ. Поэтому къ нимъ должна была примѣняться общая для всѣхъ ремесленныхъ рабочихъ норма рабочаго дня, установленная статьей 431-й Уст. о Пром., согласно которой „ремесленные рабочіе часы въ суткахъ суть отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ“. Такимъ образомъ, фактической рабочий день ремесленныхъ учениковъ не долженъ былъ превышать 10 часовъ, но, за полнымъ отсутствіемъ контроля, норма эта нигдѣ не соблюдалась. Кромѣ этого общаго правила, статья 1378-ая Улож. о Наказ. грозила мастеру денежнымъ взысканіемъ въ случаѣ, если онъ не будетъ давать ученикамъ „достаточно успокоенія“, но, само собой понятно, такое неопределенное выраженіе закона не могло имѣть на практикѣ серьезнаго значенія, такъ какъ при желаніи можно было доказывать, что и при двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ ученикъ получаетъ „достаточно успокоенія“. И на практикѣ дѣйствительно рабочий день въ ремесленныхъ заведеніяхъ былъ непомерно высокъ. Законъ 15-го ноября 1906-го года имѣлъ цѣлью устранить подобнаго рода злоупотребленія. Онъ подтвердилъ, что рабочий день въ ремесленныхъ заведеніяхъ не долженъ превышать 12-ти часовъ въ сутки съ перерывомъ на два часа для принятія пищи, т. что фактически работы не могли продолжаться болѣе 10 часовъ, а сверхъ того предписалъ ремесленнымъ служащимъ, не достигшимъ 17 лѣтъ,

¹⁾ § 94 Gew. Ordn.

²⁾ J. Pollitzer (стр. 89 и сл.) сообщаетъ, что въ булочныхъ рабочий день учениковъ равенъ въ среднемъ 14 часамъ, а у лакировщиковъ 15—18 часамъ.

ежедневно освобождать въ будніе дни на три часа для посѣщенія школы, вслѣдствіе чего ихъ рабочий день долженъ былъ равняться максимумъ семи часамъ. Съ перваго взгляда такое постановленіе нашего законодателя могло казаться чрезвычайно гуманнымъ даже по сравненію съ Швейцаріей и Франціей, но на практикѣ дѣйствіе этихъ благодѣтельныхъ постановленій свелось къ нулю. Произошло это, во первыхъ, оттого, что самъ законъ 1906-го г., установивъ вышеуказанное общее положеніе о рабочемъ днѣ, тутъ-же на половину ослабилъ его значеніе рядомъ весьма многочисленныхъ исключеній. Такъ, онъ позволилъ „въ сезонныхъ производствахъ, а также въ зависимости отъ мѣстныхъ условій жизни“ удлинять рабочий день на 2 часа въ сутки въ теченіе не болѣе 60 дней въ году, опредѣляемыхъ обязательными постановленіями общественныхъ городскихъ и земскихъ учреждений или замѣняющихъ ихъ установленій, а въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ таковыхъ учреждений или установленій,—губернаторовъ или начальниковъ областей; затѣмъ, сверхъ нормальнаго рабочаго дня, служащіе могутъ быть занимаемы работами при несчастныхъ случаяхъ, угрожающихъ товару или помещенію заведенія, а также когда работы представляются безусловно необходимыми во избѣжаніе порчи матеріаловъ. Но самая главная причина непримѣненія закона 1906-го года заключается въ томъ, что осуществленіе его поставлено въ зависимость отъ изданія обязательныхъ постановленій вышеупомянутыми учреждениями, а постановленія эти въ большинствѣ мѣстностей до сихъ поръ не изданы. Къ тому-же надзоръ за соблюденіемъ всѣхъ правилъ закона 1906-го г. возложенъ на земскія и городскія управы и участковыхъ попечителей, избираемыхъ земскими собраніями и городскими думами, а равно на полицію, между тѣмъ какъ, очевидно, органы эти для дѣйствительнаго контроля совершенно непригодны, т. к. полиція и безъ того завалена массой дѣлъ, а попечители, избранные изъ лицъ состоятельныхъ (гласныхъ думы, на примѣръ), естественно будутъ смотрѣть на свои новыя безвозмездныя функціи, какъ на занятіе второстепенное и, конечно, не будутъ отдавать этому дѣлу необходимое для серьезнаго контроля количество времени.

Кромѣ ограниченія рабочаго дня учениковъ, обязанность

последнихъ работъ на мастера ограничивается также запрещеніемъ работъ ночныхъ. Такое запрещеніе существуетъ во Франціи ¹⁾, въ Швейцаріи ²⁾ и въ Австріи ³⁾. Въ Германіи мы имѣемъ и здѣсь такое-же положеніе вещей, какъ и относительно ограниченія рабочаго дня: именно, ночныя работы запрещены для несовершеннолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ (§ 136 G. Ord.) и для дѣтей вообще (§ 5 зав. 1903 г.), но для несовершеннолѣтнихъ рабочихъ въ ремесленныхъ предпріятіяхъ, въ томъ числѣ и для учениковъ, никакого подобнаго запрещенія не существуетъ. У насъ въ Россіи имѣется то общее постановленіе статьи 431-й Уст. о Пром., согласно которому ремесленные рабочіе часы въ суткахъ суть отъ шести утра до шести часовъ вечера, изъ чего можно заключить, что у насъ ночныя работы въ ремеслѣ не допускаются не только для дѣтей, но и для взрослыхъ, но отсутствіе контроля за соблюденіемъ даннаго предписанія на практикѣ дѣлаетъ его не имѣющимъ серьезнаго значенія. Что-же касается до работы въ воскресные и праздничные дни, то таковая также запрещена во Франціи закономъ 1892 г., измѣненнымъ закономъ 13 іюля 1906 года, въ Швейцаріи ⁴⁾, въ Германіи ⁵⁾ и въ Австріи ⁶⁾. У насъ въ Россіи мы также имѣемъ статью 430-ую Уст. о Пром., которая, по редакціи 12 февр. 1896 года, гласитъ, что, „ремесленныхъ рабочихъ дней шесть въ недѣлѣ; въ день-же воскресный и двенадцатые праздники ремесленники не должны работать, безъ необходимой нужды; мастерамъ нехристіанамъ дозволяется работать въ сіи дни, но съ тѣмъ, чтобы отнюдь не употребляли для сего подмастерьевъ и учениковъ изъ христіанъ; мастера изъ христіанъ не должны принуждать къ работамъ подмастерьевъ и учениковъ изъ нехристіанъ въ тѣ дни, когда симъ послѣднимъ по закону ихъ работать не дозволяется; но они вмѣсто того могутъ употреблять нехристіанъ въ работы по христіанскимъ праздникамъ и вос-

¹⁾ Art. 4 зав. 1892-го съ дополненіемъ закона 1900-го года.

²⁾ Bern § 10, Basels St. § 22, Freiburg § 11, Genf § 34 и др.

³⁾ § 95 Gew. Ordn.

⁴⁾ Bern § 10, Basel-St. § 22, Freiburg § 11, Luzern § 12 и др.

⁵⁾ § 105b Gew. Ord.

⁶⁾ Законъ 18-го іюля 1905-го г.

креснымъ днямъ“. Статья эта имѣетъ то важное значеніе, что праздничными днями признаетъ тѣ, которые таковыми признаны религіей каждаго лица, но относительно самаго запрещенія праздничныхъ работъ редакция статьи далеко не можетъ быть признана вполне удовлетворительной. Выраженіе „безъ необходимой нужды“ даетъ полную свободу хозяину заставлять работать учениковъ и въ праздники, т. е. при спѣшныхъ заказахъ „необходимая нужда“ всегда на лицо, но такому эластичному толкованію противорѣчитъ, повидимому, дальнѣйшій текстъ статьи, гдѣ относительно служащихъ христіанъ у мастера нехристіанина и наоборотъ, законъ употребляетъ болѣе категоричныя выраженія: „чтобы отнюдь не употребляли“, „не должны принуждать“. Толковать эту статью въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ Федоровъ ¹⁾, что ученики христіане, работающіе у мастера христіанина, могутъ быть принуждаемы работать въ праздники „въ случаѣ нужды“, а ученики нехристіане безусловно должны освободиться отъ работъ въ признанные ихъ религіей праздники, врядъ ли возможно: трудно предположить, чтобы законодатель менѣе обезпечивалъ - бы праздничный отдыхъ христіанамъ, чѣмъ нехристіанамъ. Данное недоразумѣніе нѣсколько разъясняется закономъ 15 ноября 1906-го г., который къ числу вопросовъ, по которымъ подлежащимъ учрежденіямъ предоставляется издавать обязательныя постановленія, относитъ и „разрѣшеніе производить работы въ воскресные дни и двенадцатые праздники въ сезонныхъ производствахъ и въ случаяхъ необходимой нужды (ст. 430 Уст. пром.) съ тѣмъ, чтобы таковыя работы продолжались не болѣе 8 часовъ въ сутки“. Изъ этого постановленія можно вывести, что мастеръ можетъ заставить своихъ служащихъ работать въ праздники не всякій разъ, какъ, по его личному мнѣнію, явилась „необходимая нужда“ въ такой работѣ, а лишь тогда, когда таковая работа въ данномъ случаѣ является разрѣшенной обязательнымъ постановленіемъ.

Таковы постановленія законодательства, ограничивающія право мастера на трудъ ученика запрещеніемъ ночной и праздничной работы и ограниченіемъ рабочаго дня. Эти,

¹⁾ Федоровъ, стр. 443—444, примѣчаніе.

какъ мы выше ихъ назвали, количественныя ограниченія представляютъ то существенное отличіе отъ ограниченія качественнаго, въ видѣ запрещенія возлагать на учениковъ домашнія и вообще постороннія работы, что въ то время, какъ послѣднее ограниченіе можетъ быть въ нѣкоторыхъ законодательствахъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ устранено договоромъ, по которому ученикъ обязется исполнять не только ремесленныя, но и всякія другія работы,—ограниченія количественныя имѣютъ характеръ принудительный, въ силу чего мастеръ не можетъ заставить ученика, на примѣръ, работать ночью или болѣе установленнаго закономъ количества часовъ. Признаніе за этими ограниченіями принудительнаго характера, устраняющаго въ данныхъ вопросахъ свободу соглашенія, объясняется тѣмъ, что иначе ограниченія эти, необходимыя для защиты несовершеннолѣтнихъ рабочихъ отъ эксплуатаціи, оставались бы только на бумагѣ, т. е. хозяева, пользуясь своимъ положеніемъ, безъ труда заставляли бы рабочихъ отказываться отъ мѣръ, установленныхъ законодательствомъ въ ихъ защиту.

Посмотримъ теперь, каковы же послѣдствія нарушенія мастеромъ своихъ обязанностей по отношенію къ ученику возложеніемъ на него исполненія постороннихъ работъ или принужденіемъ его работать вопреки установленнымъ въ законѣ ограниченіямъ.

Прежде всего санкціей является въ данномъ случаѣ уголовное наказаніе мастера. Относительно домашнихъ работъ наказаніе не налагается лишь во Франціи, т. е. art. 20 законъ 1851 г. не упоминаетъ статью 8-ую въ ряду тѣхъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собой наказаніе. Въ остальныхъ-же законодательствахъ эти наказанія существуютъ ¹⁾. Также наказуется и нарушеніе предписаній о длинѣ рабочаго дня, ночной работѣ и праздничномъ отдыхѣ ²⁾.

¹⁾ Въ Германіи см. §§ 148 п. 9 и 126 Gew. Ordn. въ Россіи ст. 1379 Улож. о Наказ., въ Австріи § 133 Gew. Ordn.; также и въ швейцарскихъ кантональныхъ законахъ—такъ напр. Bern § 34, Freiburg § 21, Genf § 43 и др.

²⁾ Во Франціи см. art. 26—27 зак. 1892-го г., въ Германіи законъ 1903 г. §§ 23 и сл. и § 146a Gew. Ordn., въ Швейцаріи Strafbestimmungen въ каждомъ кантональномъ законѣ объ ученичествѣ; въ Россіи ст. 1378 Улож. о Наказ., законъ 15-го ноября 1906 г. II ст. 1 и 2, ст. 478 Уст. Пром.

Что касается до частно-правовыхъ послѣдствій, то несомнѣнно, что нарушеніе установленныхъ по этимъ вопросамъ въ законѣ правилъ даетъ право ученику требовать расторженія договора до срока, со всѣми послѣдствіями такого расторженія по винѣ одной изъ сторонъ.

Гораздо болѣе труднымъ является вопросъ о правѣ ученика на вознагражденіе со стороны мастера въ случаѣ нарушенія послѣднимъ вышеуказанныхъ правилъ. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманіе, какъ цивилистовъ, такъ и судебной практики, несмотря на то, что съ гражданско-правовой точки зрѣнія онъ имѣетъ немаловажное значеніе. Только Лотмаръ въ своемъ трудѣ, о которомъ намъ не разъ уже приходилось упоминать въ данной книгѣ, рассматриваетъ этотъ вопросъ относительно „Überzeit“, т. е. о вознагражденіи за время, которое рабочій долженъ былъ по винѣ хозяина проработать сверхъ нормы, установленной закономъ. При этомъ Лотмаръ пришелъ къ тому заключенію ¹⁾, что рабочій въ этомъ случаѣ не можетъ требовать съ хозяина заработной платы за такой сверхурочный трудъ, такъ какъ договоръ о работѣ сверхъ нормы будетъ недѣйствительнымъ, и такъ какъ вознагражденія за совершеніе дѣйствій недозволенныхъ закономъ требовать нельзя. Точно также рабочій не можетъ взыскивать съ хозяина вознагражденія за вредъ и убытки изъ правонарушенія на томъ простомъ основаніи, что никакого матеріальнаго ущерба отъ сверхурочной работы рабочій не понесъ. Остается единственное средство—взыскивать съ хозяина извѣстную сумму на основаніи неосновательнаго обогащенія, т. е. безусловно сверхурочная работа дала хозяину извѣстныя выгоды; въ этомъ случаѣ взыскиваемая сумма должна быть значительно выше обычной заработной платы, т. е. хозяинъ долженъ возратить всю ту цѣнность, которая создана была трудомъ рабочаго. Эта конструкция Лотмара намъ лично кажется безусловно правильной, съ той лишь небольшою поправкой, что иска изъ правонарушенія здѣсь нельзя допустить не потому, что рабочій не понесъ ущерба,—разъ хозяинъ присвоилъ незаконно цѣнность труда рабочаго, то наличность ущерба здѣсь признать можно,—а потому, что рабочій обычно работаетъ сверхъ нормы

¹⁾ Lotmar, „Der Arbeitsvertrag“ В. II стр. 377—379.

по собственному, хотя и вынужденному обстоятельствами, согласию, а согласие потерпевшаго, по общему правилу, устраняет наличность гражданского правонарушения.

На томъ-же основаніи, т. е. изъ неосновательнаго обогащенія, отвѣчаетъ хозяинъ передъ ученикомъ и въ случаѣ нарушенія правилъ о праздничной и ночной работѣ.

Нѣсколько иначе приходится конструировать отвѣтственность хозяина передъ ученикомъ за недозволенное обремененіе послѣдняго домашними работами. Здѣсь надо исходить изъ того соображенія, что когда ученикъ работаетъ на мастера, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обучается ремеслу, и это обученіе является главнымъ эквивалентомъ за его трудъ; когда-же ученикъ принуждается исполнять домашнія работы, то здѣсь элементъ обученія уже отпадаетъ, такъ что за эту работу ученикъ не получаетъ никакого вознагражденія. Поэтому мастеръ здѣсь обязанъ за все то время, которое ученикъ потратилъ на работы, не имѣющія ничего общаго съ ремесломъ, заплатить ученику заработную плату, какую обычно получаютъ несовершеннолѣтніе слуги.

Устанавливая максимальный рабочий день и запрещая праздничную и воскресную работу, законодательства ставятъ этимъ предѣльные границы праву мастера на трудъ ученика. Въ этихъ предѣлахъ мастеръ имѣетъ право требовать, чтобы ученикъ работалъ на него. Нарушеніе ученикомъ этой обязанности, въ видѣ прогула или вообще уклоненія отъ работы, влечетъ для ученика невыгодныя послѣдствія, если, конечно, прогулъ произошелъ по его винѣ. По общему правилу эти послѣдствія должны состоять въ вычетѣ изъ заработной платы ученика той части, которая соотвѣтствовала-бы времени прогула, въ уплатѣ вознагражденія за ущербъ, причиненный имъ мастеру, и въ правѣ послѣдняго требовать въ извѣстныхъ случаяхъ расторженія договора.

Но, конечно, иначе должны обсуждаться тѣ случаи, когда ученикъ не работалъ извѣстное время не по своей винѣ, а на примѣръ, по причинѣ болѣзни, вызова въ судъ въ качествѣ свидѣтеля и т. п. Въ этомъ случаѣ мастеръ уже не можетъ взыскивать съ ученика возмѣщенія за ущербъ, да и право на удержаніе соотвѣтствующей части заработной платы ему не всегда предоставляется. Такъ, по германскому Гражданскому Уложенію нанявшійся не теряетъ права на воз-

награжденіе, если вслѣдствіе к. н. причины, относящейся къ его личности, онъ безъ вины съ своей стороны не былъ въ состояніи въ продолженіи сравнительно небольшого періода времени исполнять свои обязанности; но онъ однако долженъ зачестъ въ счетъ заработной платы ту сумму, которую за это время онъ получитъ по обязательному страхованію отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ¹⁾. Кромѣ этого общаго правила въ Н. Г. В. мы имѣемъ еще специальное постановленіе для приказчиковъ и торговыхъ учениковъ²⁾, по которому если кто-нибудь изъ этихъ лицъ вслѣдствіе к. н. несчастія, происшедшаго безъ вины съ его стороны, лишень возможности работать, то онъ сохраняетъ право на содержаніе и заработную плату, но не болѣе какъ въ теченіе 6 недѣль; кромѣ того, въ отличіе отъ В. Г. В., суммы, полученныя ученикомъ за это время отъ страховыхъ государственныхъ учреждений, въ счетъ заработной платы не засчитываются. Статья 616-ая герм. Гражд. Уложенія примѣнима и къ ремесленнымъ ученикамъ, т. что они въ этомъ отношеніи поставлены нѣсколько хуже учениковъ торговыхъ, но все-же, такимъ образомъ, не лишаются въ извѣстныхъ предѣлахъ права на полученіе вознагражденія въ случаѣ болѣзни и тому подобныхъ несчастій. Аналогичное съ ст. 616-ой Герм. Улож. постановленіе мы находимъ и въ швейцарскомъ правѣ³⁾. Что касается до Франціи, то § 11 закона 1851-го года говоритъ, что если ученикъ не работалъ вслѣдствіе болѣзни или отсутствія болѣе 15 дней, то онъ долженъ отработать это время по окончаніи ученичества. Хотя постановленіе это уступаетъ въ ясности вышеприведеннымъ постановленіямъ германскаго права, тѣмъ не менѣе, однако, изъ него можно заключить, что въ случаѣ, если болѣзнь или отсутствіе ученика продолжались менѣе 15-ти дней, то никакихъ взысканій съ ученика за это время не дѣлается, такъ что въ этомъ отношеніи французское право сходится съ германскимъ и швейцарскимъ. То же самое, повидимому, имѣетъ мѣсто и въ Австріи, гдѣ, хотя Heller⁴⁾, опираясь на судебную практику, и говоритъ, что за отсутствіемъ специальныхъ ука-

¹⁾ § 616 В. Г. В.

²⁾ § 63 Н. Г. В.

³⁾ Art. 341 Code fed. des oblig.

⁴⁾ Heller, стр. 819.

заній въ законѣ перерывъ въ занятіяхъ ученика по причинѣ болѣзни и тому подобнаго обстоятельства въ счетъ обусловленнаго срока ученичества засчитываться не долженъ, но это, по нашему мнѣнію, должно относиться лишь къ болѣзни, продолжающейся болѣе четырехъ недѣль, такъ какъ за этотъ срокъ заболѣвшій рабочій сохраняетъ свое право на содержание ¹⁾.

Въ нашемъ т. X ч. I мы имѣемъ статью 2239-ую, нѣсколько напоминающую постановленіе французскаго закона 1851 г.. Статья эта предписываетъ, что „если работникъ, взявъ деньги впередъ съ хозяина, сдѣлавшись боленъ, не будетъ въ силахъ заработать къ сроку, а заплатитъ чѣмъ не имѣетъ; то, по выздоровленіи, обязанъ заслуживать за срокъ столько времени, сколько по свидѣтельству онъ больнымъ находился; на семь-же основаніи работникъ долженъ заслуживать убытокъ, причиненный имъ хозяину утратой или порчею вещей, если не въ состояніи за то заплатить“. Но, въ отличіе отъ французскаго права, по этой статьѣ отработка здѣсь можетъ имѣть мѣсто независимо отъ того, сколько времени продолжалась болѣзнь, чѣмъ нашъ законодатель ясно указываетъ на то, что за все время болѣзни рабочій заработной платы не получаетъ, какъ-бы кратковременна болѣзнь эта ни была. Далѣе, хотя статья 2239-ая говоритъ только о болѣзни, но по справедливому мнѣнію Оршанскаго ²⁾, ее надо распространить и на однородные случаи, когда рабочій былъ поставленъ въ невозможность продолжать исполненіе договора, напримѣръ, въ случаѣ лишенія его свободы въ наказаніе и т. п.. Затѣмъ, хотя статья эта говоритъ о „работникѣ“, а не объ ученикѣ, но несомнѣнно, что она должна имѣть примѣненіе и къ ученикамъ. Такимъ образомъ, на основаніи этой статьи слѣдуетъ признать, что въ русскомъ правѣ ученикъ всегда лишается права на вознагражденіе за то время, въ теченіе котораго онъ по независимой отъ него причинѣ не могъ работать на мастера.

II. Мастеръ по отношенію къ ученику является не только работодателемъ, но также учителемъ и воспитателемъ, за-

¹⁾ Heller, стр. 707.

²⁾ Журн. гр. и уг. права 1873 г. кн. 2 стр. 60.

мѣняющимъ до известной степени мѣсто родителей ученика. Вслѣдствіе такого отношенія между мастеромъ и ученикомъ вполне естественно, что ученикъ обязанъ вести себя по отношенію къ мастеру соответствующимъ образомъ. Онъ долженъ быть послушнымъ и почтительнымъ и вообще вести себя хорошо ¹⁾. Для того, чтобы заставить ученика вести себя такъ, какъ слѣдуетъ, мастеру законодательствами предоставляется обычно известная дисциплинарная власть надъ ученикомъ.

Въ Германіи § 127-а Gew. Ord. подчиняетъ ученика „väterliche Zucht“ учителя. Это постановленіе повторяетъ въ сущности статью 119-ую Gew. Ord. 1869-го года, съ той только разницей, что прежде законодатель дѣлалъ исключеніе для учениковъ старше 18-ти лѣтъ, тогда какъ въ 1878-омъ г. это исключеніе было отмѣнено вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ и петицій, поступавшихъ въ Рейхстагъ на то, что благодаря такой оговоркѣ ученики старшаго возраста считаютъ себя свободными отъ какой-либо дисциплинарной власти мастера и ведутъ себя очень плохо. Эта широкая дисциплинарная власть предоставлена закономъ однако только самому мастеру; хотя ученикъ обязанъ быть послушнымъ, почтительнымъ и вѣрнымъ также по отношенію къ тому лицу, которому мастеръ ввѣрилъ руководство надъ ученикомъ, но тѣмъ не менѣе дисциплинарной власти послѣднее лицо надъ ученикомъ не имѣетъ. Дисциплинарная власть мастера очень широка, она является „väterliche Zucht“, т. е. равна по объему власти родителей, слѣдовательно заключаетъ въ себѣ и право подвергать учениковъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Но, какъ и сами родители, мастера въ этомъ отношеніи не могутъ переходить известныхъ границъ: несоответствующія и чрезмѣрные наказанія, также какъ обращеніе, угрожающее здоровью ученика закономъ запрещены ²⁾. Въ какомъ случаѣ наказаніе должно быть признано чрезмѣрнымъ, рѣшаетъ судъ по своему усмотрѣнію; въ мотивахъ къ закону 1878-го года только указано, что хотя теперь мастеръ можетъ наказывать учениковъ

¹⁾ См. art. 11 франц. закона 1851-го г., ст. 1377 Улож. о Наказаніяхъ, § 127-а герм. Gew. Ord.

²⁾ § 127-а abs. 2 Gew. Ord.; терминъ „unangemessene“ надо понимать въ томъ смыслѣ, что наказаніе не должно причинять какого-либо вреда ребенку.

и старше 18-ти лѣтъ, но тѣмъ не менѣе къ нимъ, естественно, не могутъ быть примѣняемы тѣ-же дисциплинарныя мѣры, какъ и къ мальчикамъ. Обращаясь къ практикѣ германскихъ судовъ можно отсюда достать рядъ примѣровъ, иллюстрирующихъ, какъ опредѣляетъ практика предѣлы дисциплинарной власти мастера. Такъ, на примѣръ, изъ ряда рѣшеній видно, что простая пощечина не является злоупотребленіемъ со стороны мастера своей властью, но пощечина, повлекшая за собой поврежденіе барабанной перепонки, уже выходитъ изъ предѣловъ „väterliche Zucht“¹⁾. Любопытно рѣшеніе суда, приведенное у Mass'a подъ № 33²⁾: здѣсь судъ первой инстанціи призналъ, что когда ученику обычно даютъ колотушки, бьютъ по головѣ, награждаютъ въ изобиліи пощечинами, то хотя здоровье ученика въ данномъ случаѣ и не пострадало, но тѣмъ не менѣе такое обращеніе безусловно опасно для здоровья ученика и никоимъ образомъ не можетъ быть оправдываемо тѣмъ, что ученикъ лѣнился и не хотѣлъ работать. Но это рѣшеніе во второй инстанціи было отмѣнено по тѣмъ основаніямъ, что, во первыхъ, ученикъ не доказалъ, что его наказывали понапрасну, непослушаніе-же и лѣность достаточныя причины для наказанія, а, во вторыхъ, частые удары еще не угрожаютъ здоровью, если не доказано, съ какою силой мастеръ билъ ученика по головѣ; поэтому въ данномъ случаѣ судъ призналъ, что мастеръ не превысилъ своей дисциплинарной власти. Превышеніе мастеромъ своей власти наказывать ученика влечетъ за собой прекращеніе договора по требованію ученика, взысканіе съ мастера причиненнаго ученику ущерба и уголовное наказаніе по § 148 abs 1 № 9 или §§ 223 и сл. St. G. B.

Однако въ вышеуказанномъ объемѣ дисциплинарная власть принадлежитъ хозяину не надъ всѣми учениками, а только надъ промышленными, торговые-же ученики не подлежатъ тѣлеснымъ наказаніямъ³⁾. При обсужденіи новеллы

¹⁾ См. Landmann, В. II стр. 252.

²⁾ К. Mass, «Die Praxis d. Stettiner Gewerbegerichts» 1907 г.

³⁾ Н. Lehmann, стр. 23; Bloch, стр. 22; Cosack, «Lehrbuch d. Handelsrechts», 1909. В. I, стр. 95; Horowitz (стр. 168) совсѣмъ не признаетъ за вунцомъ права наказывать ученика.

1897-го г. въ Рейхстагѣ социаль-демократы энергично пытались освободить и промышленныхъ учениковъ отъ тѣлесныхъ наказаній, указывая, что предоставленіе такой широкой дисциплинарной власти хозяевамъ порождаетъ на практикѣ самыя возмутительныя истязанія учениковъ, тогда какъ вообще въ принципѣ обученіе и воспитаніе должны обходиться безъ побоевъ¹⁾. Не надѣясь, однако, что Рейхстагъ согласится совсѣмъ отмѣнить „väterliche Zucht“, социаль-демократы предлагали по крайней мѣрѣ установить въ законѣ извѣстныя ограниченія, хотя-бы по примѣру баденскаго Ministerialverordnung 1874-го года, запретившаго всякія чрезмѣрныя наказанія, удары въ голову, въ лицо, въ спину и по рукамъ. И настоянія социаль-демократовъ не остались совершенно безрезультатными: Рейхстагъ, не рѣшившись совершенно отмѣнить „väterliche Zucht“, все-же согласился включить въ § 127a запрещеніе примѣнять наказанія „übermäßige und unanständige“ и вообще обращаться съ ученикомъ угрожающимъ здоровью ученика, образомъ но перечислять, какого рода тѣлесныя наказанія должны считаться недопустимыми, счель излишнимъ.

„Väterliche Zucht“ предоставляется мастеру надъ ученикомъ и законодательствами швейцарскимъ²⁾ и австрійскимъ³⁾, хотя не въ столь широкомъ объемѣ, какъ въ Германіи. Смягченіе это состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что право наказывать здѣсь принадлежитъ мастеру лишь по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ ученикамъ, а во вторыхъ, судебная практика относится въ этихъ государствахъ къ мастерамъ болѣе строго. Такъ, на примѣръ, вѣнскій Landsgericht призналъ, что не только удары, но и брань могутъ быть признаны злоупотребленіемъ права наказанія, т. е. это не средство воспитанія, и примѣненіе подобныхъ мѣръ ведетъ не къ исправленію, а только къ ожесточенію ученика⁴⁾. Точно также цюрихскій Gewerbegericht постановилъ, что всякихъ

¹⁾ См. рѣчи Stadthagen'a и Zubeil'a—Stenogr. Berichte, второе чтеніе закона 1897-го г.

²⁾ Zürich § 6, Waadt § 10, St. Gallen § 9 и др.

³⁾ § 99b Gew. Ordn.

⁴⁾ См. Jungwer, «Das Arbeitsverhältniss nach oesterr. Recht.» 1905 г. стр. 169.

ударовъ по отношенію къ ученику мастеръ долженъ елико возможно избѣгать ¹⁾).

Въ противоположность вышеуказаннымъ законодательствамъ, французское право не даетъ мастеру такой широкой дисциплинарной власти надъ ученикомъ. Статья 8-ая закона 1851-го г. требуетъ, чтобы мастеръ велъ себя по отношенію къ ученику какъ „bon père de famille“, наблюдалъ за его поведеніемъ, какъ у себя въ домѣ, такъ и внѣ его, и предупреждалъ родителей или опекуновъ о порочныхъ наклонностяхъ и грубыхъ проступкахъ ученика. На основаніи этой статьи французскіе юристы ²⁾ полагаютъ, что мастеръ имѣетъ въ некоторую дисциплинарную власть надъ ученикомъ и можетъ самъ налагать на него легкія наказанія, какъ напримѣръ, лишеніе выходного дня и т. п., но никоимъ образомъ не имѣетъ права прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда родители даютъ на это свое согласіе, т. е. принадлежащее родителямъ право наказывать своихъ дѣтей по своей природѣ не можетъ быть делегировано. Что французскій законодатель никоимъ образомъ не желалъ, чтобы мастеръ самъ судилъ и наказывалъ ученика, по мнѣнію *Naum et Perin*, ясно видно изъ того, что онъ требуетъ, чтобы мастеръ увѣдомлялъ родителей ученика въ случаѣ, если поведеніе его дѣйствительно будетъ имѣть рѣзко выраженное дурное направленіе. На этой-же точкѣ зрѣнія стоятъ и *Conseils de prud'hommes* (за небольшими исключеніями), расторгая договоры по жалобѣ ученика въ случаѣ, если мастеръ его подвергнетъ тѣлесному наказанію, хотя-бы послѣднее и было вызвано дурнымъ поведеніемъ ученика ³⁾.

Къ сожалѣнію, наше русское право въ этомъ отношеніи болѣе сходно съ германскимъ правомъ, чѣмъ съ французскимъ. Что у насъ мастеръ можетъ самъ наказывать учениковъ, видно прежде всего изъ ст. 393-й Уст. Пром., гдѣ мастеру предписывается „безъ вины учениковъ не наказывать“, а слѣдовательно при наличности вины съ ихъ стороны наказанія дозволяются. Но спрашивается, какія-же наказанія до-

¹⁾ W. v. Wyss, стр. 72—73.

²⁾ *Naum et Perin*, стр. 104—106; *Deholo*, стр. 111.

³⁾ Напримѣръ, *Prud'hommes Lyon* 17 avril. 1855 г.

пустимы? На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ статья 1377-ая Уложенія о Наказаніяхъ, по которой „малолѣтніе ремесленники, за самовольную отлучку отъ мастеровъ своихъ и за шалости, лѣность и неуваженіе къ мастеру и его семейству подвергаются предоставленнымъ законами мѣрамъ домашняго исправленія; когда-же сіи мѣры окажутся недостаточными, и мастеръ принесетъ на неисправившихся жалобу, то они подвергаются наказанію розгами отъ пяти до десяти ударовъ“. Отсюда видно, что наказаніе розгами не относится къ мѣрамъ домашняго исправленія, которыя по закону предоставлены мастерамъ, и ученики могутъ подвергаться данному наказанію лишь по жалобѣ мастера по постановленію подлежащаго учрежденія, разсматривающаго подобныя дѣла. Такъ рѣшаетъ и сенатская практика ¹⁾. Что-же касается до того, какія наказанія могутъ быть отнесены къ мѣрамъ домашняго исправленія, законъ не даетъ никакихъ указаній; можно однако полагать, что всякія другія тѣлесныя наказанія, (исключая наказанія розгами, какъ особенно тяжелаго) въ видѣ, напримѣръ, ударовъ рукой, веревкой и т. п. мастеръ можетъ примѣнять къ ученику въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ какихъ случаяхъ примѣненіе такихъ тѣлесныхъ наказаній должно считаться уже превышеніемъ мастеромъ предоставленной ему закономъ дисциплинарной власти, рѣшаетъ судъ по своему усмотрѣнію сообразно съ обстоятельствами дѣла. Изъ закона можно вывести только то заключеніе, что мастеръ можетъ быть признанъ злоупотребившимъ мѣрами исправленія даже въ томъ случаѣ, когда онъ не причинилъ ученику ни ранъ ни увѣчья; это видно изъ статьи 1378-ой Уложенія о Наказ., грозящей мастеру или подмастерью, избличенному „въ злоупотребленіи дозволенныхъ ему закономъ мѣръ домашняго исправленія учениковъ своихъ, денежнымъ взысканіемъ отъ пяти до двадцати пяти рублей въ ремесленную казну, сверхъ опредѣленнаго въ законахъ наказанія за раны или увѣчья, если оныя имъ кому-либо изъ учениковъ причинены“. Положеніе учениковъ въ нашемъ русскомъ правѣ, по сравненію съ германскимъ, является болѣе тяжелымъ въ томъ отношеніи, что въ Германіи „*väterliche Zucht*“ принадлежитъ только

¹⁾ Угол. касс. деп. 75/336 по дѣлу Августинова.

самому мастеру, но не лицу, которому мастеръ поручилъ обученіе ученика, тогда какъ у насъ законодатель призналъ это право и за подмастерьями, какъ это видно изъ вышеприведенной статьи 1378-ой Уложения о Наказаніяхъ.

Итакъ, въ большинствѣ современныхъ законодательствъ мастера могутъ сами наказывать своихъ учениковъ, прибѣгая даже къ тѣлеснымъ наказаніямъ включительно. И на практикѣ мастера весьма широко пользуются этимъ правомъ, т. что у насъ въ Россіи побои и колотушки, щедро получаемые и отъ мастера и отъ подмастерьевъ, являются неизбѣжными спутниками стажа ремесленного ученичества. Жалобы на мастеровъ за жестокое обращеніе съ учениками въ жизни встрѣчаются сравнительно рѣдко, но изъ тѣхъ немногихъ сравнительно случаевъ, когда подобныя дѣла оглашались въ печати, получалась такая картина жизни ремесленныхъ учениковъ, что становилось понятнымъ, почему ученики такъ часто бѣгаютъ отъ своихъ учителей или даже прибѣгаютъ къ самоубійству.

Кромѣ мѣръ домашняго исправленія, дурное поведеніе ученика можетъ явиться поводомъ къ расторженію договора мастеромъ и къ взысканію съ ученика вознагражденія за убытки, если онъ таковыя причинилъ своему хозяину. Последнее можетъ имѣть мѣсто, напримѣръ, когда ученикъ изъ непослушанія, по шалости или лѣности испортитъ матеріаль, ломаетъ инструментъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ, однако, необходимо принимать во вниманіе, что ученикъ не опытный работникъ, а лишь обучается ремеслу, т. что порча матеріаловъ, инструментовъ и т. п. не только возможна, но и даже, пожалуй, неизбѣжна. Съ этимъ мастеръ долженъ считаться, поручая ученику сдѣлать ту или другую работу, почему, несомнѣнно, отвѣтственность на ученика можетъ падать лишь тогда, когда онъ причинилъ ущербъ умышленно или по грубой неосторожности, т. что, чтобы взыскать ущербъ мастеръ долженъ доказать, что онъ надлежащимъ образомъ научилъ уже ученика данной работѣ, что работа эта вполне доступна его знаніямъ и навыку въ ремеслѣ, и что, такимъ образомъ, ущербъ причиненъ ученикомъ не по неопытности, а по его винѣ. Взглядъ этотъ принятъ и въ литературѣ ¹⁾ и въ за-

¹⁾ W. Zechlin, стр. 35; H. Lehmann, стр. 49—50; Lagymondie, стр. 82—83; Федоровъ, стр. 458—459.

падной судебной практикѣ ¹⁾. Далѣе, взысканіе ущерба можетъ имѣть мѣсто тогда, когда ученикъ нарушилъ долгъ „вѣрности“ по отношенію къ своему хозяину, причѣмъ подъ вѣрностью слѣдуетъ понимать не только честность, но и соблюденіе тайнъ, относящихся къ производству. Въ этомъ отношеніи къ ученикамъ примѣнимы правила спеціальныхъ законовъ объ „unlautere Wettbewerb“, существующихъ въ нѣкоторыхъ законодательствахъ ²⁾. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ возмѣщенія ущерба, ученику грозитъ уголовное наказаніе. Во Франціи, кромѣ наказанія согласно соответствующимъ статьямъ Code Penal относительно важныхъ нарушеній вѣрности, въ видѣ воровства, злоупотребленія довѣріемъ и т. п., ученикъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности Conseils de prud'hommes, согласно декрету 3-го августа 1810-го года, и за грубыя провинности по отношенію къ мастеру, а за нарушеніе порядка и дисциплины въ мастерской можетъ быть наказанъ тюрьмой на сроки не свыше 3 дней. У насъ въ Россіи, кромѣ наказанія по статьѣ 1377-ой Уложения о Наказаніяхъ, о которой мы уже выше говорили, ученикъ можетъ быть подвергнутъ взысканію въ пользу ремесленной казны въ размѣрѣ отъ одного до десяти рублей, если онъ, находясь у мастера, возьметъ работу безъ его вѣдома ³⁾; сверхъ того, конечно, къ ученикамъ примѣнимы и общія постановленія уголовныхъ законовъ о наказаніяхъ за преступленія и проступки.

III. Кромѣ вышеизложенныхъ обязанностей, возложенныхъ на ученика закономъ и вытекающихъ изъ самой природы ученичества, стороны по взаимному соглашенію, конечно, могутъ принять на себя и другія обязанности. Такъ, со стороны ученика ранѣе не рѣдко обуславливалась опредѣленная денежная плата за обученіе, но въ настоящее время платежъ ученикомъ мастеру почти совершенно вышелъ изъ употребленія, т. к. чѣмъ больше ученикъ приближался къ простому

¹⁾ См. напр. K. Mass, рѣш. № 9.

²⁾ Въ Германіи законъ 1909-го г., въ Швейцаріи см. § 6 закона объ „unlautere Wettbewerb“, а также § 152f и 152g швейцарскаго Уголовнаго Уложения.

³⁾ Ст. 1375-ая Улож. о Наказ..

несовершеннолѣтнему рабочему, тѣмъ чаще не ученикъ платилъ мастеру, а, наоборотъ, мастеръ ученику. Современныя законодательства объ этой обязанности ученика хранятъ молчаніе; только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ для требованія мастеромъ съ ученика этихъ денегъ установлена особая краткая давность—въ Германіи, на примѣръ, два года ¹⁾, а во Франціи всего одинъ годъ ²⁾. Такъ какъ, по вышеизложенному нами взгляду, мастеръ относительно обязанности обучать ученика долженъ разсматриваться, какъ нанявшійся, то и плата ученика мастеру въ тѣхъ случаяхъ, когда она обусловлена, должна обсуждаться по правиламъ о заработной платѣ въ договорѣ личнаго найма.

§ 5. Прекращеніе договора ученичества.

I. Наиболѣе естественнымъ случаемъ прекращенія договора ученичества является истеченіе условленнаго срока. Срокъ этотъ считается истекшимъ, когда пройдетъ условленное количество времени, на которое договоръ былъ заключенъ, независимо отъ того, обучался-ли ученикъ дѣйствительно въ теченіе всего этого срока, или за это время случались перерывы въ обученіи, по винѣ-ли мастера или ученика или вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго событія, когда, на примѣръ, по причинѣ болѣзни ученикъ мѣсяцъ или два не могъ обучаться и работать. Всѣ подобныя перерывы могутъ повлечь за собой различныя юридическія послѣдствія въ видѣ обязанности возмѣстить ущербъ, удержанія заработной платы за пропущенное время и даже расторженія договора по просьбѣ противной стороны, но срока ученичества удлинить не могутъ, если, конечно, въ самомъ договорѣ такое удлиненіе не было обусловлено. Мнѣніе нѣкоторыхъ юристовъ, что время, пропущенное ученикомъ, на примѣръ, по болѣзни въ счетъ не идетъ, и что срокъ договора въ данномъ случаѣ соотвѣтственно удлиняется ³⁾, является совершенно неправильнымъ и основано на смѣшеніи понятія

¹⁾ V. G. B. § 196. n. 10.

²⁾ Art. 2272 Cod. Civ.

³⁾ Heller, стр. 819.

срока договора, т. е. срока, на который установлено извѣстное юридическое отношеніе между сторонами, съ тѣмъ временемъ, въ теченіе котораго стороны дѣйствительно исполнили принятія ими на себя обязанности, между тѣмъ какъ эти понятія другъ съ другомъ не совпадаютъ ¹⁾: ученикъ могъ не имѣть возможности работать, положимъ, два мѣсяца, но въ теченіе этого времени онъ продолжалъ находиться въ юридическомъ отношеніи съ мастеромъ, не переставалъ быть его ученикомъ.

Изъ этого общаго правила объ исчисленіи срока ученичества нѣкоторыя законодательства, повидимому, дѣлаютъ исключенія. Такъ, французскій законъ 1851-го года обязываетъ ученика по окончаніи ученичества отработать то время, которое онъ пропустилъ по болѣзни или отсутствію, если пропускъ продолжался долѣе 15-ти дней ²⁾. Такое-же точно постановленіе, только безъ опредѣленія времени пропуска, даетъ женеvскій законъ объ ученичествѣ ³⁾; въ кантонѣ Швицъ ученикъ обязывается отработать пропущенное время, если пропускъ продолжался долѣе $\frac{1}{15}$ части условленнаго срока обученія ⁴⁾, а въ кантонѣ Цугъ—если пропущено было болѣе $\frac{1}{20}$ срока обученія. ⁵⁾ Наконецъ, въ нашемъ десятомъ томѣ части I-ой статья 2239-ая говоритъ: „если работникъ, взявъ впередъ деньги съ хозяина, сдѣлавшись боленъ, не будетъ въ силахъ заработать къ сроку, а заплатитъ чѣмъ не имѣетъ, то, по выздоровленіи обязанъ заслуживать за срокъ столько времени, сколько по свидѣтельству онъ больнымъ находился; на семь-же основаніи работникъ долженъ заслуживать убытокъ, причиненный имъ хозяину утратою или порчею вещей, если не въ состояніи за то заплатить“. Такимъ образомъ, изъ этихъ постановленій можно заключить, что все то время, въ теченіе котораго ученикъ не работалъ, если перерывъ этотъ не былъ кратковременнымъ, а у насъ въ Россіи даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ, въ условленный срокъ ученичества не засчитывается. Однако, по нашему мнѣнію, видѣть въ этихъ статьяхъ установленіе правила объ исчи-

¹⁾ Lotmar, V. I стр. 503, V. II стр. 117.

²⁾ Art. 11 abs. 2 закона 1851-го г.

³⁾ Genf. art. 15.

⁴⁾ Schwyz § 11.

⁵⁾ Zug. § 9.

сленіи срока ученичества не календарно, а по времени дѣйствительнаго обученія и работы ученика, врядъ-ли возможно уже по одному тому, что французское и швейцарское законодательства предусматриваютъ возможность удлинненія срока ученичества только на случай болѣзни или отсутствія ученика, но не мастера, а было-бы въ высшей степени нелогично по отношенію къ пропускамъ въ обученіи со стороны мастера примѣнять одинъ принципъ исчисленія срока ученичества, а по отношенію къ пропускамъ со стороны ученика—другой. Поэтому, по нашему мнѣнію, статьи эти имѣютъ совершенно иное значеніе—значеніе не исчисленія срока ученичества по времени, въ теченіе котораго ученикъ дѣйствительно обучался и работалъ, а установленія особаго способа вознагражденія мастера за ущербъ путемъ отработки, а не уплаты опредѣленной денежной суммы. Это значеніе обязанности ученика оставаться у мастера нѣкоторое время по истеченіи условленнаго срока обученія особенно ярко сказывается въ статьѣ 2239-ой нашего X т. I ч.. Здѣсь прямо указывается, что обязанность рабочаго отработать время, пропущенное по причинѣ болѣзни, наступаетъ въ томъ случаѣ, когда рабочій деньги съ хозяина взялъ впередъ и не имѣетъ чѣмъ заплатить, такъ что если рабочій впередъ денегъ не бралъ или можетъ уплатить ихъ, то срокъ найма не удлиняется, и, наоборотъ, обязанность отработки со стороны рабочаго можетъ наступить и въ томъ случаѣ, когда онъ вовсе не пропускалъ ни одного дня, а причинилъ хозяину убытки утратою или порчею вещей: такимъ образомъ, обязанность отработки стоитъ въ зависимости только отъ обязанности рабочаго уплатить хозяину извѣстную сумму денегъ и отсутствія у него средствъ для этой уплаты, а не отъ пропуска рабочаго времени. Болѣе сомнѣній вызываютъ постановленія швейцарскаго и французскаго законодательства: здѣсь обязанность ученика оставаться у мастера по окончаніи условленнаго срока ученичества можетъ имѣть мѣсто, во первыхъ, только при болѣзни или отсутствіи, но не тогда, когда ученикъ проработалъ сполна все время и не можетъ только возмѣстить хозяину ущербъ за испорченныя вещи; во вторыхъ-же, эта обязанность возлагается на ученика независимо отъ того, получалъ-ли онъ за пропущенное время отъ хозяина заработную плату или нѣтъ, такъ что можетъ по-

казаться, что работа ученика сверхъ срока не является ни возмѣщеніемъ за ущербъ, т. к. болѣзнь есть событіе случайное, не могущее быть поставленнымъ въ вину ученику, ни возмѣщеніемъ полученнаго впередъ вознагражденія за пропущенное ученикомъ время, т. к. ученикъ является обязаннымъ оставаться у мастера, хотя-бы не получилъ отъ мастера впередъ заработной платы за пропущенное время и не пользовался во время отсутствія натуральнымъ вознагражденіемъ отъ мастера. Но, несмотря на все это, мы лично полагаемъ, что и въ Швейцаріи и во Франціи обязанность ученика отрабатывать время, пропущенное по причинѣ болѣзни, объясняется, именно, желаніемъ законодателя предоставить мастеру полный условленный эквивалентъ за обученіе ученика, такъ какъ если ученикъ и не пользовался во время болѣзни содержаніемъ отъ хозяина и не получилъ впередъ за это время заработной платы и не обучался во время болѣзни, то тѣмъ не менѣе главный эквивалентъ со стороны мастера за трудъ ученика—обученіе—не можетъ, по мнѣнію законодателя, точно измѣряться временемъ работы ученика въ мастерской, и исполнѣ возможно, что мастеръ и при пропускѣ въ работѣ со стороны ученика обучить его надлежащимъ образомъ, тогда какъ самъ лишится права на пользованіе трудомъ ученика въ теченіе его болѣзни или отсутствія. Что таково должно быть объясненіе вышеуказаннаго постановленія во Франціи, видно изъ взгляда судебной практики, что срокъ, въ теченіе котораго ученикъ долженъ оставаться по окончаніи ученичества у мастера, не всегда долженъ равняться времени отсутствія или болѣзни ученика, какъ это должно было-бы быть, если-бы законодатель имѣлъ въ виду исчислять срокъ обученія по времени дѣйствительной работы ученика, срокъ этотъ можетъ быть и короче, такъ какъ работа ученика, окончившаго обученіе, въ теченіе, положимъ, двухъ недѣль легко покроетъ стоимость мѣсячной работы ученика, заболѣвшаго вскорѣ по поступленіи въ обученіе¹⁾. Такое-же объясненіе обязанности ученика отрабатывать пропущенное время относительно швейцарскаго права даетъ, повидимому, и W. v. Wyss.²⁾

¹⁾ Trib. comm. Nantes, 13 janv. 1883 г. (Revue de dr. comm. 83, 39).

²⁾ W. v. Wyss, стр. 79.

Если изъ сказаннаго ясно, что предусмотрѣнное швейцарскимъ и французскимъ законодательствами удлинненіе срока службы ученика у мастера имѣетъ частно-правовой характеръ, то австрійскій Gew. Ordn. устанавливаетъ продленіе срока обученія ученика въ качествѣ мѣры, имѣющей публично-правовое значеніе. Здѣсь законодатель устанавливаетъ, что если ученикъ по собственной винѣ не приобрѣтетъ удовлетворительныхъ познаній въ ремеслѣ или въ дисциплинарномъ порядкѣ будетъ временно недопущенъ къ посѣщенію школы или не сдастъ по окончаніи ученичества экзамена на подмастерье, то Gewerbebehörde могутъ продолжить ему срокъ обученія за предѣлы срока, установленнаго статутомъ или договоромъ, но не болѣе какъ на полгода ¹⁾. Такимъ образомъ, здѣсь удлинненіе срока обученія объясняется не порядкомъ исчисленія даннаго срока и не желаніемъ дать мастеру матеріальное вознагражденіе за ущербъ, а исключительно съ цѣлью поднять уровень познаній въ ремеслѣ. Въ другихъ законодательствахъ мы подобныхъ постановленій не находимъ.

II. Кромѣ истеченія срока, ученичество, какъ и всякій другой договоръ, можетъ быть прекращено по взаимному соглашенію сторонъ. Этотъ способъ прекращенія ученичества въ особыхъ комментаріяхъ не нуждается.

III. Такъ какъ ученичество является договоромъ неразрывно связаннымъ по самой своей природѣ съ личностью заключившихъ его сторонъ, то, казалось-бы, смерть любой изъ сторонъ также должна прекращать ео ipso договоръ ученичества, если, конечно, въ договорѣ не было обусловлено о переходѣ договора ученичества на преемниковъ мастера. Такой порядокъ дѣйствительно существовалъ въ Германіи до новеллы 1878-го года и до сихъ поръ существуетъ во Франціи ²⁾, въ Австріи ³⁾ и въ Швейцаріи ⁴⁾. Но въ настоящее время въ Германіи существуетъ иной порядокъ, представляющій собой отклоненіе отъ общихъ правилъ о прекращеніи до-

¹⁾ § 99b abs. 5—7 Gew. Ordn.

²⁾ Art. 15. зак. 1851 г.

³⁾ § 103 Gew. Ordn.,

⁴⁾ Schwyz § 13, Obwalden § 12 и др.

говоровъ, имѣющихъ личный характеръ. Конечно, и теперь по смерти ученика договоръ не можетъ продолжаться, но въ случаѣ смерти мастера дѣло обстоитъ иначе. При обсужденіи новеллы 1878-го г. Рейхстагъ призналъ, что нельзя признавать смерть мастера ео ipso прекращающей договоръ, т. е. это далеко не всегда соотвѣтствуетъ намѣреніямъ сторонъ при заключеніи договора. Поэтому, германскій законодатель постановилъ, что въ случаѣ смерти мастера договоръ прекращается только тогда, когда въ теченіе четырехъ недѣль со дня смерти будетъ заявлено о прекращеніи договора либо ученикомъ (или его законнымъ представителемъ) либо преемникомъ умершаго мастера ¹⁾. Аналогичное постановленіе даетъ и германское Торговое Уложеніе въ § 77 abs. 4. Этотъ четырехнедѣльный срокъ имѣетъ значеніе пробнаго періода, въ теченіе котораго ученикъ и преемникъ мастера могутъ познакомиться другъ съ другомъ и выяснить, слѣдуетъ ли имъ продолжать ученичество или нѣтъ.

У насъ въ Россіи въ ст. 1544-й тома X ч. I. высказывается общее положеніе, что „договоры о дѣйствіяхъ личныхъ, какъ-то: о наймѣ въ услуги и тому подобныя, считаются обязательными единственно для лицъ, заключившихъ оныя, не распространяясь на ихъ потомство“. Но изъ этого правила для договора ученичества Уставъ о Промышленности даетъ исключеніе, заимствованное изъ стараго средневѣковаго цеховаго права и представляющее гораздо болѣе серьезное отклоненіе отъ общихъ принциповъ гражданскаго права, чѣмъ то, которое дается германскимъ правомъ. Исключеніе это состоитъ въ томъ, что „если мастеръ умретъ прежде, нежели положенный для выучки ученика его срокъ кончится, тогда ученикъ остается у вдовы того мастера, пока срокъ выучки его минуетъ, однако съ тѣмъ, чтобы у сей вдовы былъ добрый и искусный подмастерье, который мастерскою править и ученика порядочно обучать умѣлъ-бы; если же у вдовы такого подмастерья нѣтъ, тогда ученикъ можетъ итти къ другому мастеру, но съ согласія вдовы и дозволенія Старшины и Старшинскихъ Товарищей“. ²⁾ Такимъ образомъ, если даже

¹⁾ § 127b abs 4 Gew. Ord.

²⁾ Ст. 420 Уст. о Пром.

въ Германіи ученикъ можетъ свободно уйти въ случаѣ смерти мастера, заявивъ только объ этомъ не позже 4-хъ недѣль со дня его смерти, у насъ для ученика смерть мастера совсѣмъ не является даже поводомъ къ прекращенію договора, при условіи только, чтобы вдова пожелала продолжать мужнину ремесло и взяла „добраго и искуснаго подмастерья“. Статья 420-ая ничего не говоритъ обязана-ли и вдова при этихъ условіяхъ продолжать обученіе ученика, но очевидно, что обязана, т. к. законъ говоритъ вообще, что „ученикъ остается у вдовы“. Такимъ образомъ, если по общему правилу для того, чтобы стороны обязаны были продолжать договоръ въ случаѣ смерти мастера, требуется включеніе объ этомъ особой оговорки въ договоръ ученичества, у насъ такое соглашеніе какъ-бы предполагается, вслѣдствіе чего получается, что договоръ при извѣстныхъ условіяхъ ео ipso переходитъ на вдову мастера. Условіемъ такого перехода является, какъ мы видѣли, то, чтобы у вдовы мастера „былъ добрый и искусный подмастерье, который мастерскою правитъ и ученика порядочно обучать умѣлъ-бы“. Слѣдовательно, если такого подмастерья нѣтъ, то ученикъ, казалось-бы, оставаться у вдовы не обязанъ. Но во второй половинѣ 420-ой статьи законодатель, какъ справедливо указываетъ Федоровъ¹⁾, самъ противорѣчитъ самому себѣ и говоритъ, что даже при отсутствіи вышеуказаннаго условія ученикъ можетъ итти къ другому мастеру лишь съ согласія вдовы и дозволенія Старшины и Старшинскихъ Товарищей. Отсюда выводъ можетъ быть сдѣланъ такой, что договоръ для ученика не можетъ прекратиться даже при отсутствіи у вдовы надлежащаго подмастерья, если только вдова согласія на расторгненіе договора не дастъ. Выводъ этотъ, однако, очевидно совершенно неправиленъ, т. к. кабая же можетъ быть рѣчь о продолженіи обученія, когда обучать ученика некому; кромѣ того совершенно непонятно, зачѣмъ нужно согласіе Старшины и Старшинскихъ Товарищей, если ученикъ хочетъ уйти, и вдова даетъ ему на это свое дозволеніе. Но въ такомъ случаѣ какъ-же примирить это противорѣчіе и какой смыслъ для этого надо придать статьѣ 420-ой? Разрѣшить этотъ вопросъ

¹⁾ Федоровъ, стр. 467.

по буквѣ вышеуказанной статьи трудно, но такъ какъ съ одной стороны невозможно понимать данную статью въ томъ смыслѣ, что ученикъ долженъ оставаться у вдовы, хотя-бы у нея не было искуснаго подмастерья, если только вдова не даетъ дозволенія на переходъ ученика къ другому мастеру, а съ другой стороны также невозможно допустить, чтобы ученикъ оставался у вдовы вопреки ее волѣ и противъ собственнаго желанія, если на уходъ его не дастъ согласія Старшина и Старшинскіе Товарищи, то единственное, по нашему мнѣнію, возможное толкованіе второй половины статьи 420-й можетъ заключаться въ томъ, что здѣсь законодатель не желаетъ предоставить ученику самому судить, есть у вдовы подмастерье, удовлетворяющій требуемымъ условіямъ, или нѣтъ, и позволить ему уходить, такимъ образомъ, самовольно: онъ требуетъ, чтобы уходъ ученика совершался только съ согласія цеховыхъ должностныхъ лицъ, которыя даютъ его по представленіи ученикомъ разрѣшенія отъ вдовы, а также, несомнѣнно, и безъ такого разрѣшенія, если ими найдено будетъ, что дѣйствительно продолжать обученіе ученику у вдовы нельзя. Такое толкованіе, по нашему мнѣнію, является единственнымъ, которое придаетъ статьѣ 420-й разумный смыслъ и устраняетъ противорѣчіе между первой и второй половиной ея.

Въ заключеніе нужно отмѣтить, что статья 420-ая, какъ представляющая исключеніе изъ общихъ принциповъ гражданскаго права, не можетъ быть толкуема распространительно, а потому, если преемникомъ мастера будетъ сынъ, зять и т. п., но не вдова, то статья 420-ая здѣсь непримѣнима, и продолженіе договора для ученика необязательно.

IV. На ряду со смертью въ качествѣ основаній для прекращенія договора ученичества должны быть поставлены и различныя другія обстоятельства, дѣлающія продолженіе обученія фактически или юридически невозможнымъ.

Юридическая невозможность наступаетъ тогда, когда исчезаетъ одно изъ условій, наличность которыхъ законодатель требуетъ, чтобы между данными лицами могъ быть заключенъ договоръ ученичества. Это имѣетъ мѣсто въ Германіи, на-примѣръ, когда мастеръ теряетъ право имѣть или обучать учениковъ вслѣдствіе лишенія гражданской чести или вслѣдствіе того, что это право отнято у него совсѣмъ или на из-

вѣстный срокъ по распоряженію надлежащихъ учрежденій¹⁾. Во Франціи art. 15 закона 1851-го года также говоритъ, что договоръ прекращается „de plein droit“ въ случаѣ, если мастеръ или ученикъ будутъ осуждены за дѣянія, предусмотрѣнные въ art. 6 этого-же закона, и для несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ въ случаѣ смерти супруги мастера или той женщины изъ его семьи, которая управляла домою въ моментъ заключенія договора. Здѣсь законодатель имѣлъ въ виду, именно, юридическую невозможность продолженія ученичества, т. к. art. 6 зак. 1851 г. какъ разъ запрещаетъ лицамъ, осужденнымъ за извѣстныя преступленія и проступки принимать учениковъ, а art. 5 запрещаетъ ремесленникамъ вдовымъ или холостымъ принимать къ себѣ на житье въ качествѣ ученицъ несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ. Сопоставляя art. 15 съ art. 5 закона 1851-го г., многіе французскіе юристы поэтому полагаютъ, что смерть супруга мастера прекращаетъ договоръ только для тѣхъ несовершеннолѣтнихъ ученицъ, которыя жили у мастера²⁾; наоборотъ, другіе писатели, основываясь на категорической формѣ постановленія art. 15, полагаютъ, что договоръ прекращается независимо отъ того, жила-ли несовершеннолѣтняя ученица у мастера или нѣтъ³⁾. Намъ лично первое мнѣніе кажется болѣе правильнымъ, такъ какъ разъ законодатель позволилъ вдовымъ и холостымъ мастерамъ принимать въ обученіе несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ въ качествѣ приходящихъ ученицъ, то нѣтъ никакихъ основаній въ случаѣ смерти жены мастера признавать такой договоръ прекратившимся „de plein droit“. Вслѣдствіе юридической невозможности у насъ въ Россіи договоръ ученичества прекращается въ случаѣ лишенія ремесленника званія „мастера“, такъ какъ законъ категорически заявляетъ, что „никто изъ ремесленниковъ, кромѣ мастера, учениковъ держать не можетъ“⁴⁾.

¹⁾ См. § 127b и §§ 126 и 126a Gew. Ord.

²⁾ Lareymondie, стр. 100; L. Courcelle, «Traité de législation ouvrière» 1902 г. стр. 20—21, примѣч.; Frerejouan du Saint, стр. 44 прим. 4 къ § 15.

³⁾ Naum et Perin, стр. 180—182; Debole, стр. 118.

⁴⁾ Ст. 392 Уст. Пром.

Кромѣ случаевъ наступленія юридической невозможности, договоръ ученичества прекращается и тогда, когда продолженіе его станетъ фактически невозможнымъ, напримеръ, когда ученикъ или мастеръ ослѣпнетъ, сойдетъ съ ума и т. п., т. к. продолженіе обученія здѣсь является или безусловно невозможнымъ на все время, или-же по крайней мѣрѣ неизвѣстно, настанетъ-ли когда нибудь такой моментъ, когда эта невозможность исчезнетъ, какъ это имѣетъ мѣсто, напримеръ, въ случаѣ сумасшествія. Впрочемъ, при обсужденіи этого вопроса необходимо имѣть въ виду, что одно и то-же обстоятельство, случившееся съ ученикомъ, можетъ дѣлать продолженіе ученичества абсолютно невозможнымъ, тогда какъ по отношенію къ мастеру оно можетъ и не имѣть такихъ послѣдствій вслѣдствіе того, что законодательства обычно разрѣшаютъ мастерамъ поручать обученіе учениковъ кому-либо изъ подмастерьевъ, т. что прекращеніе договора можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда продолженіе обученія станетъ невозможнымъ и черезъ посредство представителя¹⁾, напримеръ, когда болѣзнь лишила мастера даже возможности наблюдать за обученіемъ ученика подмастерьемъ.

Но если прекращеніе ученичества вслѣдствіе наступленія полной физической невозможности для ученика обучаться, а для мастера обучать, не вызываетъ сомнѣній, то далеко не такъ легко разрѣшается вопросъ въ случаѣ наступленія временной невозможности для той или другой стороны исполнять свои обязанности, напримеръ, вслѣдствіе болѣзни, привлеченія на военную службу и т. п. Трудность разрѣшенія даннаго вопроса происходитъ оттого, что по общему правилу, временная невозможность для одной изъ сторонъ въ двустороннемъ договорѣ исполнять свою обязанность не является поводомъ для расторженія договора, если эта невозможность наступила безъ всякой вины со стороны даннаго лица, т. что для того, чтобы договоръ могъ быть прекращенъ, въ данномъ случаѣ необходимо специальное указаніе въ законѣ, между тѣмъ какъ такихъ опредѣленныхъ указаній многія законодательства не даютъ.

¹⁾ Harnapp, «Die Beendigung des kaufmännischen Lehrverhältnisses» 1906 г. стр. 37.

Изъ изучаемыхъ нами въ данной книгѣ законодательствъ довольно опредѣленное рѣшеніе мы находимъ въ Германіи. Здѣсь законодатель даетъ прямое указаніе, что договоръ прекращается вслѣдствіе неспособности для мастера или ученика исполнять свои обязанности ¹⁾. Но, къ сожалѣнію, законодатель не указываетъ, достаточно-ли для возможности прекращенія договора кратковременной неспособности, или же нужно, чтобы она была продолжительной. Изъ того обстоятельства, что при обсужденіи закона 1891-го г. въ статью 123-ью было предложено включить слово „продолжительной“ неспособности, причемъ это слово при третьемъ чтеніи проекта въ Рейхстагѣ было зачеркнуто, можно вывести заключеніе, что и краткосрочная, напримѣръ, болѣзнь прекращаетъ договоръ, но нѣмецкіе юристы держатся иного взгляда, опираясь между прочимъ и на то, что согласно § 616 B. G. B. въ случаѣ кратковременной неспособности для наняшагося работать онъ даже не лишается права на полученіе условленнаго вознагражденія за пропущенное имъ время, т. что очевидно для расторженія договора нужно, чтобы неспособность была продолжительной ²⁾. Кроме того для торговыхъ учениковъ законъ прямо требуетъ, чтобы болѣзнь была продолжительная, лишеніе свободы на долгій срокъ, и привлеченіе на военную службу больше чѣмъ на восемь недѣль ³⁾. Въ какихъ случаяхъ неспособность можетъ быть признана продолжительной, рѣшаетъ судъ, сообразуясь съ конкретными обстоятельствами каждаго случая.

Также неопредѣленны по данному вопросу и постановленія швейцарскихъ кантональных законовъ. Большинство изъ нихъ ограничивается простымъ указаніемъ на прекращеніе договора въ случаѣ, „если ученикъ физически или духовно окажется непригоднымъ къ продолженію обученія ⁴⁾“, а также если мастеръ окажется не въ состояніи исполнять своихъ обязанностей ⁵⁾, но никакихъ указаній не даетъ, надо-ли

¹⁾ §§ 127b и 123 Gew. Ord.

²⁾ Sigel, стр. 69; Landmann, II стр. 221, 256.

³⁾ H. G. B. § 72.

⁴⁾ Obwalden § 13, Schwyz § 14, Wallis § 12.

⁵⁾ Obwalden § 14.

понимать здѣсь неспособность въ полномъ смыслѣ этого слова или только въ видѣ временнаго препятствія; только въ законѣ кантона Валлисъ мы находимъ постановленіе, что ученикъ можетъ расторгнуть договоръ въ случаѣ если мастеръ по болѣзни или в. н. другой причинѣ не обучаетъ его болѣе 4-хъ мѣсяцевъ ¹⁾. На основаніи, однако, art. 341 Code fed. des oblig., возлагающаго на хозяина обязанность платить нанявшемуся вознагражденіе и за время кратковременной болѣзни, и т. п., можно притти къ выводу, что и въ Швейцаріи договоръ можетъ быть расторгнутъ только при невозможности продолжительной, а не кратковременной. Такого-же взгляда держится и судебная практика ²⁾.

Еще менѣе опредѣленны по данному вопросу постановленія французскаго и русскаго законодательствъ. Французскій законъ 1851-го года указываетъ лишь на два случая прекращенія договора по временной невозможности обученія—именно на привлеченіе мастера или ученика на военную службу, причемъ подъ послѣдней надо понимать привлеченіе къ отбыванію дѣйствительной воинской повинности, а не отбытіе лагерныхъ сборовъ или другихъ кратковременныхъ занятій для резервистовъ, какъ это прямо указалъ законъ 18-го іюля 1901-го года относительно договора личнаго найма, и заключеніе мастера или ученика по приговору суда въ тюрьму на срокъ болѣе мѣсяца ³⁾. О неспособности вслѣдствіе другихъ причинъ, напримѣръ болѣзни, законъ 1851-го года не упоминаетъ, а т. е. перечень поводовъ для прекращенія договора ученичества ⁴⁾, даваемый закономъ, признается исчерпывающимъ, то остается признать, что въ другихъ случаяхъ временной неспособности мастера или ученика къ исполненію своихъ обязанностей, договоръ остается въ силѣ, поскольку, конечно, эта неспособность не является столь продолжительной, что фактически дѣлаетъ продолженіе обученія невоз-

¹⁾ Wallis § 12.

²⁾ V. Rossel, стр. 476.

³⁾ Art. 15 и 16 зак. 1851 г.

⁴⁾ Lareymondie, стр. 100—101.

возможнымъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ даннаго рѣшенія является и § 14 закона 1851-го года, возлагающій на ученика обязанность отслужить пропущенное вслѣдствіе болѣзни время, если послѣдняя продолжалась болѣе 15 дней, не ограничивая срока отработки никакимъ срокомъ. Но тѣмъ не менѣе судебная практика и во Франціи признаетъ, что продолжительная болѣзнь ученика должна считаться поводомъ для прекращенія договора ¹⁾.

Въ русскомъ законодательствѣ мы находимъ въ Уст. о Пром. лишь общее постановленіе, что „буде ремесленникъ законныя причины имѣетъ согнать ученика, то долженъ о томъ объявить Цеховому Старшинѣ и Старшинскимъ Товарищамъ²⁾“, но каковы эти „законныя причины“—нигдѣ не разъяснено, такъ что вопросъ этотъ всецѣло предоставленъ практикѣ. Федоровъ полагаетъ ³⁾, что и у насъ привлеченіе къ отбыванію воинской повинности, продолжительная болѣзнь, заключеніе подѣ стражу, высылка по распоряженію надлежащей власти изъ мѣста исполненія договора или невыдача установленнаго вида на жительство могутъ служить основаніемъ для расторженія договора.

Большей опредѣленностью по сравненію со всѣми разсмотрѣнными законодательствами отличается по данному вопросу австрійское право. Оно прямо указываетъ, что въ случаѣ болѣзни ученика договоръ можетъ быть прекращенъ, если ученикъ не былъ въ состояніи работать болѣе трехъ мѣсяцевъ, а въ случаѣ тюремнаго заключенія, если послѣднее продолжалось болѣе мѣсяца ⁴⁾. Что касается до прекращенія договора по невозможности исполненія своихъ обязанностей со стороны мастера, то законъ указываетъ только одинъ случай—именно тюремное заключеніе на срокъ болѣе мѣсяца и даже на болѣе короткій срокъ, если въ продолженіе его никто не заботится о содержаніи ребенка ⁵⁾. Такимъ образомъ, о прекращеніи договора вслѣдствіе болѣзни мас-

¹⁾ Frerejouan du Saint, стр. 45 прим. 14 и слѣд..

²⁾ Ст. 422 Уст. о Пром..

³⁾ Федоровъ, стр. 464—465.

⁴⁾ § 101 abs. 1 и 2 Gew. Ordn.

⁵⁾ § 101 abs. 3 и 4 Gew. Ordn.

тера законодатель не упоминаетъ, исходя, очевидно, изъ того соображенія, что она не препятствуетъ мастеру исполнять свои обязанности черезъ посредство представителей.

V. Выше мы говорили о расторженіи договора вслѣдствіе наступившей физической невозможности для той или другой изъ сторонъ исполнять надлежащимъ образомъ свои обязанности. Но возможны случаи, когда безъ всякой случайной причины оказывается, что мастеръ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, и ученикъ оказывается по своимъ природнымъ физическимъ и духовнымъ свойствамъ неспособнымъ къ данному ремеслу, а съ другой стороны и ученикъ по простетвию нѣкотораго времени можетъ убѣдиться въ томъ, что у даннаго мастера онъ ничему не научится. Такъ какъ было-бы очевидной несообразностью заставлять и того и другого въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ понапрасну терять время и трудъ, большинство современныхъ законодательствъ, по примѣру средневѣковыхъ статутовъ, устанавливаютъ опредѣленный пробный срокъ, до истеченія котораго любая изъ сторонъ можетъ во всякое время расторгнуть договоръ, безъ представленія доказательствъ въ наличности основательной причины для такого расторженія. Цѣлесообразность такого постановленія очевидна, т. к. доказывать наличность, на примѣръ, неспособности мастера обучать ученика далеко не легко, а между тѣмъ такіе случаи нерѣдки въ жизни, а кромѣ того ученикъ обычно отдается въ обученіе родителями, которые не спрашиваютъ сына о томъ, чувствуетъ-ли онъ влеченіе къ данному ремеслу, а отдаютъ его къ тому или иному мастеру по совершенно инымъ соображеніямъ, между тѣмъ какъ по простетвию нѣкотораго времени ученикъ нерѣдко получаетъ отвращеніе къ данной профессіи, и установленіе пробнаго срока облегчаетъ ему переходъ къ иному мастеру. Этотъ пробный періодъ въ Германіи и Австріи опредѣленъ въ 4 недѣли, хотя стороны могутъ обусловить и болѣе длинный срокъ, но не долѣе 3-хъ мѣсяцевъ ¹⁾; во Франціи пробнымъ періодомъ законъ считаетъ два первыхъ мѣсяца ученичества ²⁾; въ Швейцаріи въ большинствѣ кантоновъ

¹⁾ Герм. Gew. Ordn. § 127-b, Н. Г. В. § 77; австр. Gew. Ordn. § 99-a.

²⁾ Art. 14 зак. 1851-го г..

срокъ этотъ, какъ и въ Германіи и Австріи, опредѣленъ въ 4 недѣли ¹⁾, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ сокращается и до двухъ недѣль ²⁾. Существенное отличіе между законодательствами, однако, заключается въ томъ, что въ то время, какъ въ Швейцаріи и Франціи постановленіямъ о пробномъ срокѣ не придано принудительнаго характера, такъ что стороны по соглашенію могутъ установить, какъ болѣе длинный, такъ и болѣе короткій срокъ, и даже совсѣмъ отнять право сторонъ расторгать договоръ безъ уважительной причины, въ Германіи и Австріи соглашенію сторонъ поставлены законодателемъ извѣстныя границы, такъ какъ, какъ мы выше указывали, удлинить пробный періодъ стороны могутъ только до 3-хъ мѣсяцевъ. Что-же касается до сокращенія и полного устраненія пробнаго періода, то хотя нѣмецкіе юристы ³⁾ и утверждаютъ, что такое соглашеніе является недѣйствительнымъ, но это мнѣніе, какъ мы полагаемъ, является неправильнымъ, такъ какъ и германское и австрійское право позволяютъ контрагентамъ обуславливать въ договорѣ, что въ случаѣ расторженія ученичества въ теченіе пробнаго періода, сторона, расторгнувшая договоръ, должна уплатить контрагенту условленное вознагражденіе ⁴⁾, а въ такомъ случаѣ фактически все значеніе пробнаго періода сводится къ нулю, потому что расторженіе договора и послѣ пробнаго періода вполне возможно, но только влечетъ за собой обязанность возмѣстить весь причиненный незаконнымъ расторженіемъ договора ущербъ.

Наше русское право также даетъ постановленіе о пробномъ періодѣ, хотя, надо сознаться, весьма неопредѣленнаго характера. Статья 421-ая Уст. о Пром. говоритъ, что „если мастеръ взялъ ученика въ науку на срочное время, а ученикъ окажется, по тупому понятію или слабому тѣлесному сложенію, къ изученію неспособнымъ, то, по прошествіи отъ заключенія договора шести мѣсяцевъ, мастеръ долженъ извѣстить о такой неспособности то лицо, которое отдало ему

¹⁾ Bern § 8, Glarus § 8, Schwyz § 4 и др..

²⁾ Obwalden § 4.

³⁾ Landmann, В. II. стр. 253; Zechlin, стр. 40.

⁴⁾ Герм. Gew. Ordn. § 127-f; Heller, стр. 823.

ученика въ обученіе; въ противномъ-же случаѣ мастеръ обязанъ за все время бытности ученика заплатить отдавшему его въ обученіе столько, сколько-бы работникъ въ теченіе того времени могъ приобрести платы“. Такимъ образомъ, изъ данной статьи видно, что пробный періодъ у насъ установленъ гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ въ другихъ странахъ—шесть мѣсяцевъ, тогда какъ въ Германіи максимальный срокъ опредѣленъ всего въ 3 мѣсяца. Но за то у насъ въ Россіи этотъ пробный періодъ имѣетъ такъ сказать односторонній характеръ, т. к. установленъ только для мастера, но не для ученика, которому не предоставлено право въ теченіе шестимѣсячнаго срока прекратить договоръ безъ уважительной причины: это весьма важный недостатокъ нашего права, т. к. пробный періодъ имѣетъ не меньшее, а даже гораздо большее значеніе для ученика, т. к. очень часто бываетъ, что, приглядѣвшись къ мастеру и самому ремеслу, ученикъ чувствуетъ необходимость уйти вмѣсто того, чтобы бесполезно терять годы надъ изученіемъ ремесла, къ которому никакого интереса не чувствуетъ. Но и относительно правъ мастера законъ нашъ отличается большою неясностью: Федоровъ справедливо замѣчаетъ ¹⁾, что, согласно буквальному тексту статьи 421-ой, мастеръ обязанъ увѣдомить о неспособности ученика лишь „по прошествіи 6-ти мѣсяцевъ“, а не въ теченіе этого срока, что, конечно, можетъ повести къ нецѣлесообразной тратѣ времени и для ученика и для учителя, т. к. вполне возможно, что неспособность ученика обнаружится въ теченіе гораздо болѣе короткаго срока, а между тѣмъ все-же мастеръ долженъ держать такого непригоднаго ученика цѣлыхъ полгода. Кромѣ того, законъ нашъ въ случаѣ обнаружившейся неспособности ученика требуетъ только, чтобы мастеръ увѣдомилъ объ этомъ лицо отдавшее ученика въ обученіе, и этимъ путемъ сложилъ бы съ себя отвѣтственность за неисполненіе принятой имъ на себя обязанности обучать ученика, но законъ ничего не говоритъ о правѣ мастера въ такомъ случаѣ расторгнуть договоръ. Такимъ образомъ, можно подуматъ, что несмотря на обнаружившуюся неспособность ученика, договоръ остается

¹⁾ Федоровъ, стр. 474.

ся въ силѣ до истеченія срока, съ той только разницей, что здѣсь мастеръ уже не отвѣчаетъ за то, что ученикъ чему-нибудь научится. Но такое буквальное толкованіе, по нашему мнѣнію, не можетъ быть принято: мастеръ бралъ ученика съ цѣлью, что постепенно онъ будетъ совершенствоваться въ ремеслѣ и помогать ему въ работѣ, но вовсе, можетъ быть, не желалъ брать лицо, годное только къ самымъ грубымъ работамъ, и хотя-бы платить за его услуги онъ не былъ обязанъ, тѣмъ не менѣе все-же заставить мастера держать такого неспособнаго работника цѣлыхъ три года положительно нельзя; съ другой стороны и ученикъ поступалъ именно въ обученіе, и когда ему объявляютъ, что онъ къ данному ремеслу непригоденъ и обученъ быть не можетъ, то также нельзя заставить его оставаться у даннаго мастера въ качествѣ простаго работника, тогда какъ, весьма вѣроятно, къ какому-нибудь другому, болѣе простому ремеслу, тотъ-же ученикъ можетъ оказаться пригоднымъ. Такимъ образомъ, надо признать, что въ случаѣ, предусмотрѣнномъ статьей 421-ой Уст. о Пром., мастеръ не только увѣдомляетъ контрагента о сложеніи съ себя отвѣтственности, но и можетъ расторгнуть договоръ, такъ же какъ и ученикъ, получивъ отъ мастера подобное увѣдомленіе.

Но если и у насъ въ Россіи въ теченіе пробнаго періода договоръ можетъ быть расторгнутъ, то все-же въ этомъ отношеніи русское право предоставляетъ еще то существенное отличіе отъ западно-европейскихъ законодательствъ, что тамъ любая изъ сторонъ можетъ прекратить договоръ въ этотъ періодъ, не предъявляя никакихъ доказательствъ наличности уважительной причины для такого расторженія, тогда какъ у насъ право это предоставляется мастеру въ томъ случаѣ, если ученикъ окажется „по тупому понятію или слабому тѣлесному сложенію, къ изученію неспособнымъ“, а слѣдовательно, если такихъ свойствъ у ученика не обнаружится, то мастеръ не имѣетъ права ни расторгнуть договоръ. Вслѣдствіе за плохое обученіе ни расторгнуть договоръ. Вслѣдствіе этого получается, что у насъ этотъ шестимѣсячный срокъ имѣетъ въ сущности совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ на Западѣ. Наконецъ, такъ какъ въ законѣ не указано, что постановленіе статьи 421-ой имѣетъ принудительный характеръ, то надо полагать, что у насъ въ Россіи стороны по соглашенію

могутъ или обусловить, что мастеръ долженъ сдѣлать такое заявленіе о неспособности ученика по прошествіи, положимъ, одного мѣсяца, или что ученикъ отказывается отъ права требовать заработной платы, если увѣдомленіе мастеромъ будетъ сдѣлано позже, чѣмъ по прошествіи шести мѣсяцевъ.

VI. По истеченіи пробнаго срока договоръ ученичества можетъ быть расторгнутъ не только въ случаѣ невозможности его исполненія, но и тогда, когда хотя продолженіе его возможно, но та или другая сторона имѣетъ уважительную причину для освобожденія отъ принятыхъ ею на себя обязанностей. Причины эти довольно многочисленны.

А. 1) Для ученика уважительной причиной по германскому праву является прежде всего желаніе ученика перемѣнить профессию¹⁾. Конечно, ученикъ могъ воспользоваться пробнымъ періодомъ въ данномъ случаѣ, но германскій законодатель пришелъ къ заключенію, что пробный періодъ является очень короткимъ, въ два-три мѣсяца ученикъ можетъ легко не отдать себѣ яснаго отчета, чувствуетъ ли онъ призваніе къ данной профессіи или нѣтъ, а такъ какъ съ одной стороны удлиннить пробный періодъ было опасно въ виду того, что тогда отношенія между сторонами теряли бы всякую устойчивость, а съ другой стороны казалось нецѣлесообразнымъ принуждать ученика противъ желанія обучаться одной профессіи, когда онъ чувствуетъ призваніе къ другой, гдѣ онъ, понятно, будетъ болѣе полезнымъ работникомъ, то германскій законодатель и призналъ цѣлесообразнымъ предоставить ученику право перемѣнить профессию и по истеченіи пробнаго срока. Предоставивъ ученику это право, германскій законодатель вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, принялъ мѣры, чтобы расторженіе договора по данной причинѣ происходило дѣйствительно только тогда, когда ученикъ сознательно желаетъ перемѣнить профессию, и чтобы ученики не пользовались данною причиной, только какъ предлогомъ, чтобы расторгнуть договоръ до срока, не имѣя на то другихъ уважительныхъ причинъ, и уйти къ другому мастеру, предлагающему большее вознагражденіе. Съ этой цѣлью законодатель для расторженія договора по данной причинѣ требуетъ, чтобы закон-

¹⁾ § 127-e Gew. Ordn. и § 78 Н. G. V.

ный представитель ученика или самъ ученикъ, если онъ совершеннолѣтній, подалъ мастеру письменное заявленіе о желаніи переменить профессію (на какую другую—этого можно и не указывать), такъ что устное заявленіе или заявленіе написанное несовершеннолѣтнимъ ученикомъ, хотя бы съ согласія законнаго представителя, не имѣетъ никакого значенія. Договоръ прекращается черезъ мѣсяць по подачѣ такого заявленія, если, конечно, мастеръ не пожелаетъ отпустить ученика раньше; этимъ законодатель желалъ предоставить мастеру возможность замѣнить уходящаго ученика другимъ и оградить мастера отъ затрудненій и убытковъ внезапнаго ухода ученика въ горячее для ремесленника время. Затѣмъ, чтобы ученикъ по расторженіи договора не обманулъ мастера, поступивъ къ другому ремесленнику той же самой профессіи, законодатель запрещаетъ лицамъ, занимающимся тѣмъ-же ремесломъ, принимать такого ученика безъ согласія его прежняго хозяина въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Для того чтобы ремесленники знали, что это за ученикъ, законодатель требуетъ, чтобы въ рабочей книжкѣ ученика хозяинъ дѣлалъ отмѣтку, что договоръ расторгнутъ именно по данной причинѣ. Если тѣмъ не менѣе вопреки такому запрещенію кто-нибудь приметъ такого ученика, то хотя договоръ и остается дѣйствительнымъ, но ученикъ рассматривается, какъ самовольно нарушившій договоръ, и несетъ всѣ связанныя съ этимъ послѣдствія, хозяинъ-же, завѣдомо принявшій такого ученика, подвергается уголовному наказанію по § 148 п. 10 Gew. Ord.. Нужно отмѣтить, что право расторженія договора по вышеуказанной причинѣ имѣетъ публично-правовой характеръ, т. что ученикъ не можетъ заранѣе отказаться по договору отъ права переменить профессію: такое соглашеніе силы не имѣетъ¹⁾. Аналогичное право расторгнуть договоръ по причинѣ перемены профессіи предоставляетъ ученику и австрійское право, съ той разницей, что оно 1) не требуетъ, чтобы заявленіе было сдѣлано непременно письменно и подписано представителемъ ученика; 2) устанавливаетъ 14-дневный срокъ предупрежденія и 3) запрещаетъ такому ученику въ теченіе года поступать къ другому хозяину, занимающемуся аналогичной профессіей.

¹⁾ Н. Lehmann, стр. 71; Hoggwitz, стр. 140; Harnapp, стр. 68.

Во Франціи, наоборотъ, вышеуказанное обстоятельство не можетъ служить законной причиной для расторженія договора, такъ какъ въ указанномъ въ законѣ 1851-го г. перечисленіи обстоятельствъ, влекущихъ за собой прекращеніе ученичества, перечисленіи, имѣющемъ, какъ мы выше говорили, исчерпывающій характеръ, законодатель не упоминаетъ о переменѣ ученикомъ профессіи.

Что касается до швейцарскаго и русскаго права, то здѣсь данный вопросъ вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что хотя нѣкоторые (далеко не всѣ) кантональные законы объ ученичествѣ и указываютъ рядъ причинъ, дающихъ основаніе для расторженія договора, но это перечисленіе только примѣрное, только поясняющее нѣсколько общее положеніе Code fed. des oblig.¹⁾, гласящее, что при наличности „justes motifs“ каждая изъ сторонъ въ договорѣ личнаго найма можетъ просить расторженія договора до срока, причемъ суду предоставлено право оцѣнивать, существуетъ-ли въ данномъ случаѣ такое серьезное основаніе для расторженія договора или нѣтъ. Такимъ образомъ, въ Швейцаріи вопросъ сводится къ тому, можетъ-ли желаніе ученика переменить профессію быть отнесено къ „justes motifs“ или нѣтъ. Такъ-же приблизительно обстоитъ дѣло и въ русскомъ законодательствѣ. Здѣсь ни въ Уставѣ о Пром. ни въ X томѣ нѣтъ указаній на причины, могущія повлечь за собой расторженіе договора. Единственное указаніе, которое даетъ Уст. о Пром., заключается въ томъ, что „буде-же ремесленникъ законныя причины имѣетъ согнать ученика, то долженъ о томъ объявить Цеховому Старшинѣ и Старшинскимъ Товарищамъ“²⁾. Хотя статья эта говоритъ только о расторженіи договора мастеромъ, но несомнѣнно, что и ученикъ можетъ уйти при наличности „законныхъ причинъ“. Такимъ образомъ у насъ, какъ и въ Швейцаріи, вопросъ о томъ, какія обстоятельства могутъ служить „законными причинами“, остается открытымъ и предоставленъ усмотрѣнію учрежденія, которому ввѣрены дѣла о расторженіи договоровъ ученичества. И изъ швейцарскихъ юристовъ W. v. Wyss³⁾, а изъ русскихъ—

¹⁾ Art. 346.

²⁾ Ст. 422 Уст. о Пром.

³⁾ W. v. Wyss, стр. 86.

Федоровъ ¹⁾ держатся, повидимому, взгляда, что твердое желаніе ученика переменить профессію вполне можетъ быть признано такой „законной причиной“ расторженія договора. Мы лично съ этимъ согласиться не можемъ: при полной возможности продолженія договорнаго отношенія и при отсутствіи вины со стороны контрагента, одно желаніе одной изъ сторонъ расторгнуть договоръ, какими-бы личными мотивами это желаніе ни вызывалось, никоимъ образомъ не можетъ считаться вообще законной причиной расторженія договоровъ, и если въ данномъ случаѣ съ точки зрѣнія политики права и желательнo ученику дать право расторгнуть договоръ, то это возможно только при наличности спеціальнаго указанія въ законѣ, а такого указанія ни въ швейцарскомъ ни въ русскомъ правѣ не имѣется.

2) Во французскомъ правѣ въ числѣ поводовъ для ученика расторгнуть договоръ указано перенесеніе мастеромъ своего мѣстопробыванія изъ общины, въ которой онъ жилъ при заключеніи договора, въ другую; но въ данномъ случаѣ договоръ можетъ быть расторгнутъ ученикомъ только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня, когда мастеръ переѣхалъ свое мѣстожителство ²⁾, такъ что если ученикъ за этотъ періодъ времени молчалъ, то предполагается, что онъ согласенъ на измѣненіе условій договора. Что въ данномъ случаѣ для ученика возникаетъ дѣйствительно серьезная причина для расторженія договора,—это безспорно: ученикъ можетъ быть отданъ въ обученіе данному ремесленнику именно потому, что въ этой-же мѣстности живутъ его родители или родственники, у которыхъ ученикъ живетъ, или, если онъ живетъ у мастера, то во всякомъ случаѣ находится подъ ихъ надзоромъ, видится съ ними и т. п., такъ что переѣздъ ученика въ другой городъ существенно нарушаетъ его интересы.

Аналогичныя постановленія существуютъ въ австрійскомъ правѣ ³⁾ и въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ ⁴⁾. Но

¹⁾ Федоровъ, стр. 482—483; впрочемъ изъ словъ Федорова неясно, считаетъ ли онъ желаніе ученика переменить профессію законнымъ поводомъ для расторженія договора, или-же онъ считаетъ допущеніе договора въ данномъ случаѣ только желательнымъ съ точки зрѣнія политики права.

²⁾ Art. 16 п. 4 зак. 1851.

³⁾ § 101 abs. 3 п. 4 Gew. Ordn.; здѣсь только срокъ для расторженія договора назначенъ двухмѣсячный.

⁴⁾ Genf § 8.

и въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ такого прямого постановленія не имѣется, данное обстоятельство, по нашему мнѣнію, все равно должно считаться поводомъ для ученика расторгнуть договоръ ¹⁾. Это вытекаетъ изъ общихъ правилъ о мѣстѣ исполненія обязательствъ: ученикъ обязанъ исполнить свои обязанности въ опредѣленномъ мѣстѣ, каковымъ является мѣстонахожденіе мастерской мастера въ моментъ заключенія договора, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ работать на мастера онъ не обязанъ; съ другой стороны, и какъ кредиторъ, ученикъ можетъ требовать, чтобы мастеръ обучалъ его въ опредѣленномъ мѣстѣ—въ мѣстѣ нахожденія мастерской въ моментъ заключенія договора—и можетъ не принимать отъ мастера исполненія взятыхъ имъ по договору на себя обязанностей въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, перенося свое заведеніе въ другое мѣсто, мастеръ лишается права требовать, чтобы ученикъ продолжалъ на него работать, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не исполняя своихъ обязанностей въ надлежащемъ мѣстѣ, мастеръ этимъ самымъ признается неисполняющимъ вообще своихъ обязанностей, чѣмъ и даетъ законный поводъ ученику требовать расторженія договора.

3) Какъ и всякій другой договоръ, ученичество можетъ быть расторгнуто ученикомъ въ случаѣ неисполненія мастеромъ по отношенію къ нему своихъ обязанностей. Какія, именно, нарушенія могутъ дать ученику это право—законодательства, обычно, не перечисляютъ, такъ какъ такое перечисленіе было-бы и невозможно и нецѣлесообразно; они ограничиваются поэтому только указаніемъ общаго принципа, указывая иногда при этомъ на нѣкоторые, наиболее яркіе случаи нарушенія мастеромъ своихъ обязанностей, въ остальномъ предоставляя все усмотрѣнію суда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ, французскій законъ 1851-го г. говоритъ, что договоръ можетъ быть расторгнутъ въ случаѣ неисполненія однимъ изъ контрагентовъ принятыхъ на себя по договору обязанностей и въ случаѣ „infractio grave ou habituelle“ постановленій закона объ ученичествѣ ²⁾. Германское право въ видѣ руководящаго принципа устанавливаетъ, что ученикъ

¹⁾ Также Федоровъ, стр. 484.

²⁾ Art. 16 abs. 1—2 зак. 1851-го г.

можетъ расторгнуть договоръ до срока въ случаѣ, если мастеръ будетъ пренебрегать возложенными на него закономъ обязанностями по отношенію къ ученику такъ, что возникнетъ опасность для здоровья, нравственности и успѣшности обученія послѣдняго; сверхъ того, въ качествѣ отдѣльныхъ нарушеній законъ указываетъ на злоупотребленія мастеромъ предоставленнымъ ему правомъ „väterliche Zucht“¹⁾ и на неплатежъ ученику условленной заработной платы²⁾. Австрійское право также говоритъ о грубомъ нарушеніи мастеромъ своихъ обязанностей, о злоупотребленіи правомъ „väterliche Zucht“ и о непринятіи мастеромъ мѣръ противъ дурного обращенія съ ученикомъ со стороны его домашнихъ и другихъ рабочихъ³⁾. Что касается нашего русскаго права, то оно упоминаетъ въ качествѣ повода расторженія договора лишь объ одномъ случаѣ нарушенія мастеромъ своихъ обязанностей—о „худомъ ученіи ученика“⁴⁾, что, конечно, не исключаетъ возможности для ученика расторгнуть договоръ и въ другихъ случаяхъ существеннаго нарушенія мастеромъ своихъ обязанностей⁵⁾.

4) На ряду съ неисполненіемъ мастеромъ своихъ обязанностей, въ качествѣ особаго повода для ученика расторгнуть договоръ германское право указываетъ на случай, когда мастеръ, его представитель или домашніе склонили или пытались склонить ученика или кого-либо изъ членовъ его семьи къ совершенію поступковъ противныхъ законамъ и доброй нравственности, или сами совершили подобный поступокъ съ кѣмъ-либо изъ членовъ семьи ученика⁶⁾. Этотъ случай поставленъ отдѣльно отъ нарушенія мастеромъ своихъ обязанностей по отношенію къ ученикамъ, очевидно, потому, что если совершеніе вышеуказанныхъ поступковъ по отношенію къ ученику и можетъ считаться нарушеніемъ мастеромъ своихъ обязанностей изъ договора ученичества, то сюда врядъ-ли могутъ быть отнесены поступки по отношенію къ домаш-

1) § 127-b abs. 3 Gew. Ordn.

2) § 127-b abs. 3 и § 124 пунктъ 4-ый Gew. Ordn.

3) § 101 abs. 3—4 Gew. Ordn.

4) Ст. 316 Уст. о Пром.

5) Федоровъ, стр. 477; Анненковъ, т. IV стр. 220—221.

6) §§ 127-b и 124 пунктъ 3-ий Gew. Ordn.

нимъ ученика. Въ отношеніи этихъ послѣднихъ въ другихъ законодательствахъ такого постановленія не существуетъ¹⁾, хотя, конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ подобные поступки мастера могутъ быть признаны „законной причиной“ расторженія договора, если они дѣлаютъ продолженіе ученичества для ученика нравственно невозможнымъ.

5) Въ томъ-же германскомъ правѣ ученику предоставляется право расторгнуть договоръ въ случаѣ, если продолженіе ученичества будетъ угрожать серьезной опасностью для жизни и здоровья ученика, такой опасностью, которой онъ не могъ предвидѣть при заключеніи договора²⁾. Сюда очевидно относятся, на примѣръ, такіе случаи, когда ученикъ видитъ, что работа ему не по силамъ, вредно дѣйствуетъ на его здоровье и т. п. Конечно, если ученикъ пожелаетъ вообще перемѣнить профессію, то онъ можетъ расторгнуть договоръ именно по этой причинѣ, не прибѣгая къ пункту 5-ому § 124, но возможны случаи, когда самое ремесло отнюдь не вредно для ученика, и онъ хочетъ продолжать имъ заниматься, но вредны и опасны для него именно условія работы и жизни у даннаго мастера; въ этихъ случаяхъ ученикъ можетъ сослаться именно на это постановленіе, а не на желаніе перемѣнить профессію.

Аналогичныя постановленія мы находимъ и въ Австріи³⁾ и въ швейцарскихъ кантональныхъ законахъ⁴⁾. Къ сожалѣнію, ни во Франціи ни въ Россіи такого постановленія не имѣется, что является тѣмъ болѣе печальнымъ, что здѣсь ученикъ не имѣетъ права расторгнуть договоръ подъ предлогомъ перемѣны профессіи. Но, несмотря на отсутствіе такого указанія, мы полагаемъ, что у насъ въ Россіи все-же договоръ въ данномъ случаѣ можетъ быть расторгнутъ, т. к. трудно себѣ представить болѣе основательную причину для расторженія договора, какъ то, что продолженіе ученичества угрожаетъ опасностью для жизни и здоровья ученика. Самое

1) Относительно подобныхъ дѣйствій съ самимъ ученикомъ см. Obwalden § 14, Schwyz § 15, § 101 австр. Gew. Ordn.

2) § 124 пунктъ 5-ый Gew. Ordn.

3) § 101 Gew. Ordn.

4) Obwalden § 14-b, Schwyz § 15-c.

отсутствіе въ нашемъ правѣ перечисленія законныхъ поводовъ для расторженія договора даетъ въ этомъ отношеніи широкій просторъ суду. Также рѣшаетъ данный вопросъ и Федоровъ ¹⁾.

6) Прекращеніе мастеромъ производства естественно является для ученика поводомъ расторгнуть договоръ, т. к. при такомъ положеніи вещей мастеръ не въ состояніи надлежащимъ образомъ обучать ученика. То-же самое имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда мастеръ вмѣсто одного производства начинаетъ заниматься другимъ.

Спорнымъ вопросомъ является прекращеніе договора въ случаѣ объявленія мастера несостоятельнымъ. При обсужденіи новеллы 1897-го г. въ Рейхстагѣ социаль-демократы настаивали на включеніе въ перечень причинъ для расторженія договора и несостоятельности мастера, но предложеніе это было отвергнуто. Депутатъ Гампъ въ качествѣ возраженія на это предложеніе указывалъ, что оно является несправедливымъ для ремесленниковъ: въ случаѣ конкурса купецъ сохраняетъ своихъ учениковъ и служащихъ, зачѣмъ-же ремесленника лишать возможности зарабатывать себѣ средства къ существованію и поправить свои дѣла, отнимая у него его помощниковъ и служащихъ ²⁾. И предложеніе социаль-демократовъ было отвергнуто. Не знаютъ такого повода къ досрочному расторженію договора ученикомъ и законодательства французское и австрійское. Наоборотъ, въ Швейцаріи вышеуказанное обстоятельство считается достаточнымъ поводомъ для расторженія договора ³⁾. У насъ въ Россіи по этому вопросу въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній, вслѣдствіе чего мы вполне согласны съ Федоровымъ, что несостоятельность мастера сама по себѣ не можетъ служить поводомъ для односторонняго расторженія договора, если только она не влечетъ за собой лишенія мастера возможности продолжать вести обученіе надлежащимъ образомъ ⁴⁾.

7) Наконецъ, французское право въ качествѣ причины для расторженія договора ученикомъ указываетъ вступленіе

¹⁾ Федоровъ, стр. 482.

²⁾ Stenogr. Berichte, засѣданіе 23-ьяго іюня 1897-го г.

³⁾ Genf § 8; Rossel, стр. 476.

⁴⁾ Федоровъ, стр. 471.

ученика или ученицы въ бракъ ¹⁾. Хотя данный фактъ (вступленіе въ бракъ) въ сущности зависитъ отъ личнаго усмотренія ученика, такъ что логически не долженъ былъ-бы давать ученику права расторгнуть договоръ, однако французскій законодатель призналъ данную причину серьезной, исходя, очевидно, изъ тѣхъ соображеній, что люди не вступаютъ въ бракъ съ цѣлью получить право расторгнуть договоръ, а женитьба такъ измѣняетъ весь строй жизни человѣка, что легко можетъ сдѣлать для него невозможнымъ продолженіе ученичества. Другія законодательства такого повода для прекращенія договора не указываютъ, что въ сущности и не имѣетъ большого значенія, т. к. ученики обычно являются лицами несовершеннолѣтними, и вступленіе ихъ въ бракъ бываетъ въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Федоровъ, однако, полагая, что и у насъ въ Россіи вступленіе ученика въ бракъ можетъ служить законной причиной для расторженія договора, идетъ дальше и утверждаетъ, что ученикъ можетъ расторгнуть договоръ вообще въ случаѣ наступленія непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, заставляющихъ его возвратиться къ своимъ роднымъ съ цѣлью обезпеченія удовлетворенія существенныхъ интересовъ семьи подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто относительно сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ ²⁾. Но съ мнѣніемъ Федорова трудно согласиться: законными поводами для расторженія договора, какъ мы уже выше говорили, могутъ считаться лишь важное нарушеніе противной стороной своихъ обязанностей или наступленіе такого обстоятельства, которое дѣлаетъ продолженіе договорныхъ отношеній или вовсе невозможнымъ или, хотя и возможнымъ, но опаснымъ для такихъ существенныхъ благъ человѣка, какъ его честь и здоровье, но никоимъ образомъ договоръ не можетъ быть расторгнутъ только потому, что исполненіе принятыхъ стороной на себя обязанностей окажется для нея неудобнымъ или даже раззорительнымъ, что именно и имѣетъ мѣсто въ случаѣ женитьбы ученика или необходимости возвратиться домой, чтобы кормить свою семью. Возможно, что съ точки зрѣнія политики права признаніе этихъ обстоятельствъ законными пово-

¹⁾ Art. 16 зак. 1851-го г.

²⁾ Федоровъ, стр. 485.

дами для расторженія договора будетъ и желательнымъ, но за отсутствіемъ спеціальнаго указанія на этотъ счетъ въ законѣ, предполагать ихъ таковыми поводами нѣтъ никакихъ юридическихъ основаній.

VII. Относительно тѣхъ поводовъ, на основаніи которыхъ мастеръ можетъ расторгнуть договоръ, французское право даетъ такіа-же указанія общаго характера, какъ и относительно расторженія договора ученикомъ. Оно относитъ сюда нарушение ученикомъ принятыхъ на себя по договору обязанностей и существенное или неоднократное нарушение предписаній закона объ ученичествѣ. Прибавлена лишь одна новая причина—дурное поведение со стороны ученика, и притомъ имѣющее характеръ явленія постояннаго, обычнаго (*habituelle*). Такимъ образомъ, и здѣсь дается широкій просторъ суду для рѣшенія, можетъ ли данный фактъ служить поводомъ для расторженія договора или нѣтъ.

Иную систему мы находимъ въ германскомъ и австрійскомъ законодательствѣ. Здѣсь законодательства даютъ детальное перечисленіе причинъ, по которымъ мастеръ можетъ расторгнуть договоръ. Причинами этими въ Германіи являются, во первыхъ, всѣ тѣ указанныя въ § 123 Gew. Ordn. обстоятельства, на основаніи которыхъ хозяинъ можетъ расторгнуть договоръ личнаго найма съ промышленнымъ рабочимъ вообще. Сюда относятся: 1) если рабочій при заключеніи найма предъявилъ хозяину не настоящую или поддѣланную рабочую книжку или свидѣтельство, и также ввелъ его въ заблужденіе относительно существованія другого еще не прекращеннаго законнымъ образомъ договора найма съ другимъ работодателемъ; 2) если рабочій окажется повиннымъ въ воровствѣ, мошенничествѣ, обманѣ, растратѣ чужого имущества, дурномъ образѣ жизни (напримѣръ—пьянствѣ); 3) если рабочій безъ законныхъ основаній оставитъ работу или упорно отказываться будетъ отъ исполненія своихъ обязанностей; 4) если онъ, несмотря на предупрежденія, будетъ неосторожно обращаться съ огнемъ; 5) если онъ причинитъ грубое оскорбленіе словами или дѣйствіемъ работодателю, его представителю или ихъ семейнымъ; 6) если онъ противоправно умышленно повредитъ вещи въ ущербъ хозяину или другимъ товарищамъ по работѣ; 7) если онъ семейныхъ работодателя или его представителя или другихъ рабочихъ скло-

нить или будетъ пытаться склонить къ совершенію поступковъ, противныхъ закону и добрымъ правамъ, или самъ совершитъ подобные поступки по отношенію къ кому-либо изъ членовъ семьи хозяина или его представителя; 8) если, наконецъ, онъ окажется неспособнымъ къ работѣ¹⁾ или боленъ к. н. ужасной болѣзью. Въ случаѣ наличности одного изъ обстоятельствъ, указанныхъ въ пунктахъ 1—7 § 123 Gew. Ordn., прекращеніе договора возможно лишь въ теченіе недѣли съ момента, какъ хозяинъ узналъ о наличности одного изъ такихъ фактовъ. Кромѣ этихъ общихъ для всѣхъ промышленныхъ рабочихъ поводовъ расторженія договора, германскій законодатель спеціально по отношенію къ ученикамъ даетъ мастеру право прекратить договоръ въ случаѣ, если ученикъ нарушитъ свою обязанность послушанія, вѣрности, прилежанія и приличнаго поведения, а также если онъ будетъ уклоняться отъ посѣщенія профессиональной школы (*Fortbildungs—oder Fachschule*)²⁾. Послѣдніе поводы включены въ Gew. Ordn. только новеллой 1898-го г., причемъ для расторженія договора считается необходимымъ, чтобы нарушенія ученикомъ своихъ обязанностей имѣли существенный характеръ, повторялись неоднократно и продолжались вопреки попыткамъ направить ученика на путь истинный, а уклоненіе отъ посѣщенія школы также совершалось ученикомъ умышленно, неоднократно и безъ уважительныхъ причинъ³⁾. Данное перечисленіе поводовъ для расторженія договора со стороны мастера имѣетъ характеръ исчерпывающей, а не примѣрной только, хотя стороны въ договорѣ могутъ указать и другіе поводы расторженія договора⁴⁾, но устранить примѣненіе причинъ, указанныхъ въ законѣ, нельзя, т. е. перечисленіе ихъ имѣетъ публичноправовой характеръ⁵⁾. Приблизительно тѣ-же самыя причины расторженія договора указываетъ и австрійское право⁶⁾. Сопоставляя постановленія германскаго права съ art. 16 французскаго закона 1851-го г., нетрудно

¹⁾ О неспособности мы уже говорили выше.

²⁾ § 127b и § 127a Gew. Ordn.

³⁾ Landmann, В. II стр. 254—255.

⁴⁾ Zechlin, стр. 46; contra Landmann, В. II стр. 254.

⁵⁾ Zechlin, стр. 46.

⁶⁾ § 101 abs. 1—2 и § 82, lit. d, e, f, g Gew. Ordn.

увидѣть, что всѣ поводы, помѣщенные въ германскомъ перечнѣ, подойдутъ подъ тѣ широкія рамки, которыя даетъ французское право; исключеніе составляетъ развѣ „abschreckende Krankheit“, которая не можетъ быть отнесена ни къ нарушенію ученикомъ своихъ обязанностей и предписаній закона ни къ дурному поведенію ученика, хотя тѣмъ не менѣе надо думать, что и во Франціи договоръ можетъ быть расторгнутъ по этой причинѣ, развѣ болѣзнь ученика угрожаетъ здоровью мастера и всѣхъ окружающихъ, т. е. здѣсь въ сущности будетъ на лицо фактическая невозможность продолженія обученія. Далѣе, хотя наше русское право еще бѣднѣе французскаго въ отношеніи указанія законныхъ поводовъ для расторженія договора, ограничиваясь лишь намекомъ, что такія законныя причины существуютъ ¹⁾, но тѣмъ не менѣе надо признать, что и у насъ этими законными причинами должны считаться важныя нарушенія ученикомъ своихъ обязанностей по отношенію къ мастеру и дурное поведеніе ученика, такъ что всѣ обстоятельства, указанные германскимъ и австрійскимъ законодательствами, несомнѣнно, и у насъ могутъ считаться законными причинами для расторженія договора мастеромъ до срока. Что-же касается до Швейцаріи, то здѣсь во многихъ кантонахъ принята система средняя между германской и французской: кантональные законы указываютъ на нѣкоторые поводы для расторженія договора ²⁾, а сверхъ того дѣйствуютъ здѣсь и общія правила Code federal des obligations относительно прекращенія договоровъ личнаго найма, правила, которыя по своему общему характеру ничѣмъ не отличаются, пожалуй, отъ русскаго права ³⁾, т. е. что перечень, даваемый кантональными законами, является въ сущности лишь примѣрнымъ. Поэтому то многіе кантональные законы объ ученичествѣ вовсе не указываютъ отдѣльныхъ причинъ для расторженія договора ⁴⁾.

¹⁾ Ст. 422 Уст. о Пром..

²⁾ Genf § 8, Graubünden § 7, Schwyz § 14, Wallis § 12, Zürich § 15.

³⁾ Art. 346: «S'il y a de justes motifs, chacune des parties peut demander la résiliation du contrat avant le terme fixé. Il appartient au juge d'apprécier s'il existe réellement de pareils motifs».

⁴⁾ Basel-St, Freiburg, Glarus, Luzern, Neuenburg, St. Gallen, Waadt.

VIII. Таковы причины, прекращающія договоръ ученичества. По ихъ силѣ французское право раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: къ одной оно относитъ тѣ причины, которыя прекращаютъ договоръ „de plein droit“, а къ другой категоріи тѣ, которыя влекутъ за собой прекращеніе ученичества лишь по требованію обоихъ контрагентовъ или одного изъ нихъ. „De plein droit“ прекращаютъ ученичество: смерть кого-либо изъ контрагентовъ, привлеченіе на военную службу, осужденіе за преступленіе или проступокъ, предусмотрѣнные ст. 6-ой зак. 1851-го г., и смерть жены мастера для несовершеннолѣтнихъ ученицъ. Ко второй категоріи отнесены всѣ остальные случаи прекращенія ученичества. Различіе между обѣими категоріями весьма существенное: въ то время, какъ въ однихъ случаяхъ договоръ при наличности опредѣленной причины можетъ быть расторгнутъ только судомъ по просьбѣ сторонъ, въ другихъ случаяхъ онъ прекращается самъ собой, т. е. сторонамъ не за чѣмъ обращаться въ судъ. Устанавливая такую классификацію способовъ прекращенія договора ученичества, французское право этимъ рѣзко отличается отъ германскаго права, гдѣ въ сущности всегда договоръ прекращается „de plein droit“ въ томъ смыслѣ, что для расторженія договора сторонамъ вовсе не надо обращаться предварительно въ судъ—одна сторона прямо увѣдомляетъ другую о расторженіи ею договора, и въ силу одного такого заявленія договоръ считается расторгнутымъ, и уже дѣло другой стороны обращаться или не обращаться въ судъ съ жалобой на расторженіе договора безъ основательной причины. ¹⁾ На эту-же точку зрѣнія встала и швейцарская судебная практика, признавъ, что при наличности уважительной причины, каждая сторона можетъ немедленно прекратить теченіе договора, не обращаясь предварительно въ судъ, а просто увѣдомивъ контрагента о расторженіи ею договора. ²⁾ Наоборотъ, русское право, повидимому, вовсе не знаетъ прекращенія договора ученичества „de plein droit“: это видно изъ категорическаго заявленія статьи 422-ой Уст.

¹⁾ Препе Н. Г. В. требовало всегда рѣшенія суда. (Endemann, «Handbuch d. d. Handels—see—und Wechselrechts» т. I стр. 263—265.

²⁾ Ressel, стр. 474—475.

о Пром., что „буде-же ремесленникъ законныя причины имѣть согнать ученика, то долженъ о томъ объявить Цеховому Старшинѣ и Старшинскимъ Товарищамъ“. Даже въ случаѣ смерти мастера, если притомъ вдова его не имѣетъ подмастерья для продолженія обученія, ученикъ можетъ уйти къ другому мастеру лишь съ дозволенія Старшины и Старшинскихъ Товарищей. ¹⁾ Такимъ образомъ, безъ согласія Старшины и его Товарищей договоръ не можетъ быть расторгнутъ.

IX. Послѣдствія досрочнаго прекращенія ученичества являются различными, смотря по тому, можетъ-ли прекращеніе быть поставлено въ вину которой либо изъ сторонъ или нѣтъ. Первый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда сторона нарушила договоръ, не имѣя на то никакой законной причины, или хотя и не прекратила сама договоръ, но своей виной дала другой сторонѣ законный поводъ для расторженія договора. Второй случай мы имѣемъ тогда, когда договоръ расторгнутъ, напримѣръ, смертью которой либо изъ сторонъ или невозможностью продолжать договорныя отношенія по какой-либо другой причинѣ, не могущей быть поставленной въ вину кому либо изъ контрагентовъ, далѣе, въ случаѣ расторженія договора въ теченіе пробнаго періода или вслѣдствіе перемѣны ученикомъ профессіи и т. п. Такъ какъ здѣсь нѣтъ вины за стороною, расторгнувшей договоръ, то никакого вознагражденія за ущербъ, причиненный прекращеніемъ договора, противная сторона по общему правилу гражданскаго права требовать не можетъ.

Кромѣ уплаты вознагражденія за ущербъ, причиненный расторженіемъ договора въ узкомъ смыслѣ слова, возникаетъ вопросъ также о возвращеніи обратно извѣстныхъ суммъ, полученныхъ той или другой стороною отъ своего контрагента въ качествѣ вознагражденія за исполненіе договора, который въ послѣдствіи оказался прекращеннымъ до срока. Напримѣръ, ученикъ внесъ плату за ученіе цѣликомъ впередъ, или мастеръ уплатилъ впередъ родителямъ ученика заработную плату послѣдняго, тогда какъ ученикъ вскорѣ послѣ заключенія договора умеръ. Спрашивается, могутъ ли въ первомъ случаѣ наследники ученика, а во второмъ случаѣ мастеръ, требовать

¹⁾ Ст. 420 Уст. о Пром.; см. также ст. 1383 Улож. о Наказ.

возвращенія уплаченныхъ впередъ денегъ, соотвѣтственно своему временемъ, оставшимся до истеченія срока обученія? Въ французской литературѣ этотъ вопросъ вызвалъ разногласіе: одни, какъ напримѣръ Debole и Lareymondie ¹⁾, полагаютъ, что возвратъ денегъ въ данномъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто, другіе-же, какъ напримѣръ Dalloz и Pardessus ²⁾, различаютъ, платилъ-ли ученикъ мастеру только за обученіе или-же и за содержаніе (помѣщеніе, пищу), и относительно послѣдней части допускаютъ право родителей требовать возврата извѣстной суммы, пропорціональной оставшемуся до окончанія срока договора времени, на томъ основаніи, что обязательство давать содержаніе ученику состоитъ въ дѣйствительности изъ цѣлой серіи послѣдовательныхъ по времени обязательствъ, имѣющихъ каждое свою стоимость; наконецъ, третья группа юристовъ, въ числѣ которыхъ находятся Hayem et Perin и Frèrejouan du Saint ³⁾, утверждаютъ, что никакого возврата здѣсь быть не можетъ, т. к. смерть есть vis major, исключаящая возможность взысканія вознагражденія за вредъ и убытки вслѣдствіе отсутствія вины на сторонѣ умершаго. Изъ этихъ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія послѣдняя намъ кажется наиболее несостоятельной потому, что она смѣшиваетъ право на возмѣщеніе убытковъ съ правомъ обратнаго требованія уплаченныхъ впередъ денегъ: первое, дѣйствительно, предполагаетъ вину на сторонѣ лица, съ котораго взыскивается, тогда какъ второе вовсе не предполагаетъ. Такъ, если въ случаѣ невозможности для нанявшагося исполнять въ теченіе извѣстнаго времени свои обязанности по причинѣ, не могущей быть поставленной ему въ вину, хозяинъ не можетъ взыскивать съ него возмѣщенія убытковъ, то все-таки права на полученіе заработной платы за это время работничій не имѣетъ, а слѣдовательно и если получилъ такую сумму впередъ, то долженъ возвратить ее. То-же самое должно имѣть мѣсто и въ случаѣ прекращенія договора однимъ изъ конт-

¹⁾ Debole, стр. 121; Lareymondie, стр. 103.

²⁾ Dalloz, Rep. V° Industrie, 83; Pardessus, «Droit commercial» т. II, стр. 521.

³⁾ Hayem et Perin, стр. 175—179; Frèrejouan du Saint, стр. 41 прим. 1-ое къ art. 15 зак. 1851 года.

рагентовъ безъ вины съ его стороны: онъ долженъ возвратить все излишне имъ полученное, но не какъ вознагражденіе за ущербъ, а какъ обогащеніе, происшедшее на счетъ другого лица безъ достаточнаго основанія. Такова точка зрѣнія германскаго права и германскихъ юристовъ.¹⁾ При этомъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія дѣлать исключеніе для суммы, платимой ученикомъ мастеру за ученіе: она также можетъ быть раздѣлена на части, пропорціонально времени, которое ученикъ успѣлъ проучиться, съ тѣмъ, которое еще осталось до окончанія обученія²⁾, причемъ только судъ долженъ принять во вниманіе, что плата эта большей своей частью падаетъ на первые годы обученія, а не на послѣдніе, когда ученикъ уже зарабатываетъ мастеру больше, чѣмъ стоитъ его обученіе и содержаніе. Чтобы облегчить такое исчисленіе, нѣкоторые швейцарскіе кантональные законы прямо указываютъ, что въ данныхъ случаяхъ, если стороны сами ничего на этотъ счетъ не обусловили въ договорѣ, слѣдуетъ считать, что половина Lehrgeld платится за первую треть ученичества, $\frac{2}{6}$ —за вторую треть и, наконецъ, $\frac{1}{6}$ —за послѣднюю треть.³⁾ Такимъ образомъ, точка зрѣнія Debold и Lagemondie должна быть признана наиболѣе правильной. Она вполне соотвѣтствуетъ и взгляду русскаго законодателя, выраженному въ статьѣ 2239 т. X ч. 1, гдѣ говорится, что „если работникъ взявъ впередъ деньги съ хозяина, сдѣлавшись боленъ, не будетъ въ силахъ заработать къ сроку, и заплатитъ чѣмъ не имѣетъ, то по выздоровленіи обязанъ заслуживать за срокъ столько времени, сколько по свидѣтельству онъ больнымъ находился“—здѣсь прямо указывается, что въ случаѣ невозможности исполненія нанявшійся возвращаетъ полученныя имъ впередъ деньги соотвѣтственно пропущенному времени. Этотъ-же принципъ, несомнѣнно, долженъ примѣняться и въ случаяхъ полнаго прекращенія договора.

Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ расторгненіе договора произошло по винѣ одного изъ контрагентовъ, тамъ дѣло не огра-

¹⁾ См. § 628 B. G. R.; Lotmar, I стр. 642—643; Landmann, II стр. 262; такого-же взгляда держится и австрійская суд. практика (Heller, стр. 826).

²⁾ О такомъ дѣленіи см. Lotmar, т. II стр. 97 и сл.

³⁾ См. Schwyz § 16, Obwalden § 15.

ничивается однимъ возвращеніемъ излишне полученнаго, а сверхъ этого виновная сторона обязана и возместить весь ущербъ, причиненный контрагенту досрочнымъ прекращеніемъ ученичества. Ущербъ этотъ для ученика можетъ состоять, на примѣръ, въ томъ, что онъ оказался принужденнымъ потратить время на розыски другого мѣста, причемъ это новое мѣсто для него оказалось менѣе выгоднымъ, т. е. новый мастеръ потребовалъ уплаты денегъ за ученіе или платитъ меньше ученику за его работу, или благодаря прекращенію договора по винѣ мастера ему пришлось дольше пробыть ученикомъ и т. п. Для учителя ущербъ можетъ состоять въ томъ, что ученикъ покинулъ его въ горячее рабочее время, а главнымъ образомъ въ томъ, что ученикъ ушелъ тогда, когда онъ уже кое чему научился и могъ-бы быть полезенъ мастеру, не вознаградивъ его послѣдующей работой за первые годы обученія, когда онъ никакой пользы мастеру своимъ трудомъ не приносилъ, а между тѣмъ мастеръ содержалъ его и тратилъ время и матеріалы на его обученіе.

Въ германскомъ правѣ, однако, это право на вознагражденіе за ущербъ довольно существенно ограничено условіемъ, чтобы договоръ былъ заключенъ въ письменной формѣ¹⁾, т. е. что разъ договоръ заключенъ устно, то стороны могутъ свободно расторгнуть договоръ, не боясь гражданскаго взысканія. Въ этомъ отношеніи торговые ученики поставлены въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ промышленные, т. е. по Торговому Уложенію устная форма договора лишаетъ только учителя права взыскивать вознагражденіе за вредъ и убытки, но не ученика.²⁾ Надо замѣтить, что Торговое Уложеніе въ этомъ отношеніи является, несомнѣнно, стоящимъ на болѣе правильной точкѣ зрѣнія, т. е. заключать или не заключать договоръ въ письменной формѣ фактически зависитъ всецѣло отъ мастера, и было-бы несправедливымъ налагать на ученика невыгодныя послѣдствія за то, въ чемъ онъ не виноватъ.

Въ другихъ законодательствахъ разъ договоръ заключенъ въ формѣ, признанной законной для его дѣйствительности,

¹⁾ § 127f Gew. Ord.

²⁾ § 79 H. G. B.

(въ Германіи и устный договоръ, какъ мы видѣли, является, дѣйствительнымъ), то нарушение его eo ipso влечетъ и обязанность виновнаго возмѣстить причиненный ущербъ.

Размѣръ вознагражденія опредѣляется судомъ по своему усмотрѣнію. ¹⁾ Германское право даетъ указанія относительно размѣра вознагражденія лишь для случая расторженія ученикомъ договора до истеченія его срока безъ уважительной причины: въ этомъ случаѣ вознагражденіе равняется суммѣ, равной половинѣ той заработной платы, которая обычно платится въ данномъ мѣстѣ и въ данномъ ремеслѣ подмастерьямъ, считая эту плату за время, оставшееся до окончанія обученія бѣжавшаго ученика, но не свыше все-же, какъ за шесть мѣсяцевъ. ²⁾ Въ такомъ размѣрѣ взыскивается вознагражденіе съ ученика, однако, лишь въ томъ случаѣ, какъ говоритъ законъ, если въ договорѣ не обусловлено вознагражденіе за досрочный уходъ ученика въ меньшемъ размѣрѣ, изъ чего видно, что если въ договорѣ выговорено вознагражденіе, превышающее сумму, исчисленную по вышеуказанному правилу, то такое соглашеніе не имѣетъ силы—больше того, что опредѣлилъ законъ въ § 127g Gew. Ord. взыскивать съ ученика нельзя. ³⁾ Кромѣ того, для суда вышеуказанное опредѣленіе также не имѣетъ обязательнаго значенія, а представляетъ собой лишь максимумъ вознагражденія, которое можно взыскать съ ученика, т. что судъ можетъ присудить и меньшую сумму, если найдетъ, что она вполне вознаграждаетъ учителя за понесенный имъ ущербъ. У насъ въ Россіи согласно воззрѣніямъ судебной практики, вознагражденіе, какъ и въ другихъ случаяхъ, взыскивается въ размѣрѣ равномъ суммѣ убытковъ, понесенныхъ потерпѣвшей стороной, причемъ размѣръ убытковъ долженъ быть точно доказанъ потерпѣвшимъ, т. что усмотрѣнію суда здѣсь мѣста нѣтъ. Нужно отмѣтить, наконецъ, что, принимая во вниманіе затруднительность провѣрять спустя много времени всѣ обстоятельства,

¹⁾ Art. 19 зак. 1851-го г. во Франціи; § 287 Civ. Pr. Ord. въ Германіи; Schwyz § 16 и нѣк. др. кантональные законы.

²⁾ § 127g Gew. Ord.

³⁾ Такой характеръ данному постановленію приданъ по предложенію социаль-демократовъ съ цѣлью поставить границу размѣрамъ неустоекъ, нерѣдко устанавливаемыхъ въ необычайно высокомъ размѣрѣ.

сопровождаяшя нарушение договора, нѣкоторыя законодательства для исковъ о вознагражденіи за вредъ, причиненный досрочнымъ расторженіемъ ученичества, устанавливають краткую давность. Такъ, въ Германіи установленъ срокъ всего въ четыре недѣли со времени расторженія договора. ¹⁾ У насъ въ Россіи здѣсь примѣняется общій давностный десятилѣтній срокъ.

Такъ какъ съ самого ученика взыскать вознагражденіе трудно за отсутствіемъ у него средствъ, германское право отвѣтственнымъ за ущербъ, причиненный мастеру досрочнымъ расторженіемъ договора ученикомъ, наравнѣ съ послѣднимъ признаетъ и его отца, (но не мать), если только право воспитанія сына принадлежало ему, такъ что мать по своему усмотрѣнію можетъ взыскивать либо съ ученика либо съ его отца. ²⁾ Въ другихъ законодательствахъ мы такого постановленія не находимъ: здѣсь родители отвѣчаютъ лишь въ томъ случаѣ, когда договоръ заключенъ отъ ихъ имени, или по общимъ правиламъ объ отвѣтственности родителей и воспитателей за вредъ и убытки, причиненные лицами, находящимися на ихъ попеченіи. Надо замѣтить, что и въ Германіи это правило не относится къ торговому ученичеству.

Въ своемъ стремленіи гарантировать мастеру возможность взыскать вознагражденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ создать извѣстную преграду для досрочныхъ уходовъ учениковъ къ другимъ мастерамъ, германскій законодатель, на ряду съ самимъ ученикомъ и его отцомъ считаетъ отвѣтственнымъ за ущербъ и того работодателя, который склонилъ ученика къ расторженію договора или принялъ его къ себѣ на службу или въ обученіе, зная, что ученикъ этотъ еще обязанъ продолжать свое ученичество у другого мастера. ³⁾ Эта отвѣтственность новаго хозяина за ущербъ имѣетъ мѣсто, въ противоположность торговому праву ⁴⁾, лишь въ томъ случаѣ, когда уче-

¹⁾ § 127f Gew. Ord., австрійское право устанавливаетъ срокъ въ 3 года (A. V. G. B. § 1489).

²⁾ § 127g G. O.

³⁾ § 127g G. O.

⁴⁾ H. G. B. § 78 abs. 2.

ние незаконно расторгнул договор, т. что если ученик прекратил договор по законной причине—желанию переменить профессию,—а затѣмъ ранѣе 9-ти мѣсяцевъ поступить къ другому хозяину той-же профессіи, то послѣдній, хотя несетъ уголовную отвѣтственность, однако за вредъ и убытки, причиненные ученикомъ своимъ досрочнымъ уходомъ, не отвѣчаетъ ¹⁾. Точно также не отвѣчаетъ новый хозяинъ и тогда, когда онъ принялъ такого ученика, не зная о расторженіи имъ договора съ прежнимъ хозяиномъ, и продолжалъ держать его у себя послѣ того, какъ узналъ объ его досрочномъ уходѣ ²⁾. Въ послѣднемъ пунктѣ германское право отличается отъ австрійскаго, которое, также возлагая отвѣтственность на хозяина, принявшаго такого ученика или склонившаго ученика расторгнуть договоръ съ прежнимъ хозяиномъ, не освобождаетъ отъ отвѣтственности и тѣхъ хозяевъ, которые хотя приняли къ себѣ ученика, не зная о его неправомѣрномъ уходѣ, но удерживали его у себя на службѣ послѣ того, какъ незаконное расторженіе договора съ прежнимъ мастеромъ имъ стало извѣстно ³⁾.

Аналогичное постановленіе даетъ и французское право въ art 13 закона 1851-го года, говоря, что всякій фабрикантъ, ремесленникъ или рабочій, уговорившій ученика бросить своего хозяина съ тѣмъ, чтобы взять его къ себѣ въ качествѣ ученика или рабочаго, можетъ быть присужденъ къ уплатѣ вознагражденія за ущербъ прежнему хозяину ученика полностью или въ извѣстной части. При этомъ французская судебная практика придаетъ этому постановленію гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ Германіи: въ послѣдней, какъ мы видѣли, новый хозяинъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности только тогда, когда ученикъ самъ безъ всякой законной причины расторгнул договоръ, тогда какъ во Франціи практика *Conseils de prud'hommes* знаетъ и такіе случаи, когда мастеръ самъ расторгнул договоръ по причинѣ крайне дурного поведенія ученика, а судъ постановилъ, что

¹⁾ Zechlin, стр. 50.

²⁾ Landmann, II стр. 265.

³⁾ § 86 Gew. Ord.; Heller, стр. 721.

если ученикъ самъ не заплатитъ слѣдуемаго мастеру вознагражденія за убытки, то это вознагражденіе должно быть взыскано съ того мастера, который приметъ къ себѣ даннаго ученика ¹⁾. Такое широкое толкованіе art. 13 встрѣчаетъ справедливое осужденіе со стороны нѣкоторыхъ французскихъ юристовъ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если взысканіе съ новаго хозяина ученика въ Германіи основано на желаніи наказать его до извѣстной степени за сманиванье чужихъ учениковъ, во французской практикѣ это уже является наказаніемъ ученика за дурное поведеніе и наказаніемъ въ высшей степени тяжелымъ, ограничивающимъ свободу личности ученика и свободу заниматься промышленностью. Что-же касается до новаго хозяина, то взысканіе съ него не можетъ быть, въ сущности, въ данномъ случаѣ ничѣмъ обосновано, т. е. онъ не сманивалъ ученика, и ученикъ не убѣгалъ къ нему отъ стараго учителя, а послѣдній самъ его прогналъ. Правда, можно предполагать, что ученикъ, по наущенію новаго хозяина умышленно сталъ вести себя такъ, что держать его стало для его учителя невозможнымъ, но это только предположеніе, ничѣмъ не доказанное: чтобы взыскивать на этомъ основаніи нужно доказать, что новый хозяинъ въ этомъ дѣйствительно виноватъ, между тѣмъ какъ французская практика допускаетъ взысканіе съ новаго хозяина даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему неизвѣстно было о причинѣ прекращенія ученикомъ своихъ прежнихъ договорныхъ отношеній.

У насъ въ Россіи статья 1362 Улож. о Наказаніяхъ грозитъ мастеру, принявшему къ себѣ ученика другого мастера безъ письменнаго свидѣтельства или отпуска отъ сего послѣдняго, уголовнымъ наказаніемъ, опредѣленнымъ въ ст. 61-ой Устава о Наказаніяхъ, и возлагаетъ на него обязанность вознаградить за причиненные симъ прежнему хозяину убытки. Изъ текста статьи видно, что у насъ, какъ и въ Германіи, новый хозяинъ подвергается невыгоднымъ послѣдствіямъ лишь тогда, когда знаетъ, что данный ученикъ ранѣе служилъ у другого мастера, т. что если мастеръ, прини-

¹⁾ Cons. d. Prud'hommes Lyon, 19 avr. 1854; также другіе суды (см. у Frèrejean du Saint, стр. 43, прим. 2-ое къ art. 13).

²⁾ Hayem et Perin, стр. 202.

мая ученика, полагая, что послѣдній впервые поступаетъ въ обученіе, то отвѣтственности онъ не подлежитъ. Въ отличіе отъ германскаго права, мастеръ, только склонявшій ученика къ досрочному уходу, но самъ не принявшій его къ себѣ, также не отвѣчаетъ за вредъ и убытки.

Въ Швейцаріи подобнаго привлеченія къ отвѣтственности лицъ, принявшихъ къ себѣ на службу ученика, нарушившаго прежній договоръ, не существуетъ.

Надо, однако, замѣтить, что на практикѣ предусмотрѣнные законодательствами мѣры взысканія противъ хозяевъ, принявшихъ къ себѣ бѣглыхъ учениковъ, не имѣютъ серьезнаго значенія. Въ частности у насъ въ Россіи сманиваніе чужихъ учениковъ является весьма распространеннымъ явленіемъ, причемъ ремесленники объясняютъ это недостаточностью наказанія для лица, сманиваемаго ученика, трудностью установить, куда именно поступилъ данный ученикъ, а также тѣмъ, что ст. 1362 Улож. о Наказ. не относится къ крупнымъ промышленникамъ, которые, такимъ образомъ, могутъ сманивать учениковъ, не подвергаясь послѣдствіямъ, установленнымъ вышеназванной статьей.¹⁾

Чтобы обезпечить себѣ возможность получить съ ученика вознагражденіе за причиненные имъ вредъ и убытки, хозяева на практикѣ нерѣдко прибѣгаютъ къ удержанію при каждой выдачѣ заработной платы известной части на случай досрочнаго ухода рабочаго, такъ что если рабочій добросовѣстно отслужитъ свой срокъ, онъ получаетъ всѣ удержанныя съ него деньги, а если уйдетъ до срока, то хозяинъ имѣетъ въ рукахъ известную сумму денегъ, изъ которой можетъ взыскать слѣдующее ему вознагражденіе за ущербъ. Это средство дѣйствительно является въ рукахъ хозяевъ весьма сильнымъ для того, чтобы заставить рабочихъ не расторгать договоровъ до срока, но въ то-же время безграничная свобода выговаривать такіа удержанія вызываетъ серьезныя возраженія съ точки зрѣнія справедливости. Въ литературѣ и въ законодательствѣ давно уже признано, что заработная плата представляетъ ту особенность, что является единственнымъ средствомъ существованія

¹⁾ См. «Труды всероссійскаго съѣзда по ремесленной промышленности въ С.-Петербургѣ» 1900 г. т. III, стр. 11, 17, 93 и др.

для рабочаго и его семьи, почему законодательства стремятся обезпечить полученіе ея рабочимъ, защищая въ известныхъ предѣлахъ эту сумму отъ обращенія на нее взысканій со стороны кредиторовъ рабочаго или отъ зачета со стороны хозяина. Тѣмъ болѣе, казалось-бы, слѣдовало защитить ее отъ подобнаго рода удержаній, т. е. здѣсь въ сущности и самаго права обратить взысканіе на нее въ моментъ удержанія еще не существуетъ,—рабочій можетъ причинить ущербъ своему хозяину и можетъ не причинить (причемъ послѣднее является наиболее нормальнымъ случаемъ),—зачѣмъ-же заставлять его и его семью терпѣть лишенія, уменьшая и безъ того его скудный заработокъ? Конечно, оправданіемъ здѣсь является то, что рабочій самъ согласился на подобныя удержанія, но кто же не знаетъ, что о полной свободѣ соглашенія при заключеніи найма не можетъ быть рѣчи, т. е. рабочій, какъ слабѣйшая сторона, согласится на какіе угодно вычеты, лишь бы получить возможность заработать себѣ средства къ жизни. Поэтому современныя законодательства устанавливаютъ известные предѣлы подобнымъ удержаніямъ. Такъ, германскій законодатель относительно промышленныхъ рабочихъ установилъ, что удержанія изъ заработной платы рабочихъ въ обезпеченіе ущерба, могущаго быть причиненнымъ досрочнымъ расторженіемъ договора со стороны рабочаго, или въ обезпеченіе полученія штрафа, выговореннаго за подобный досрочный уходъ, не могутъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ превышать $\frac{1}{4}$ причитающейся рабочему выдачи, а въ общей сложности достигать суммы, превышающей среднюю недѣльную плату рабочаго¹⁾. Это правило примѣнимо и въ промышленнымъ ученикамъ. Кромѣ того, если на основаніи этого постановленія изъ жалованья рабочаго все-же можетъ быть удержана $\frac{1}{4}$, то и это удержаніе далеко не можетъ принести хозяину той выгоды, на которую онъ рассчитывалъ, т. е. несмотря на удержаніе, хозяинъ все-же, согласно § 394 В. G. B., не можетъ эту сумму ни удержать у себя до выплаты ему рабочимъ вознагражденія за ущербъ ни путемъ зачета присвоить ее себѣ.

¹⁾ § 119-a Gew. Ordn.

Такимъ образомъ, путемъ удержанія хозяинъ въ Германіи не получаетъ серьезнаго обезпеченія въ полученіи съ ученика вознагражденія за досрочное расторгненіе договора, хотя тѣмъ не менѣе и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ вычесть допустимъ, онъ представляетъ для ученика довольно существенныя неудобства, т. е. хозяева все-же охотно будутъ обуславливать удержаніе изъ заработной платы, благодаря чему известная сумма денегъ остается у нихъ на рукахъ, тогда какъ ученикъ всегда рискуетъ, что при несостоятельности мастера удержанныя деньги для него могутъ пропасть.

Во Франціи законъ 1895 года также ограничилъ подобныя удержанія одной десятой частью каждой выдачи заработной платы, если годовая заработная плата его не превышаетъ 2000 франковъ.

Но подобныя ограниченія существуютъ далеко не вездѣ. Такъ, ихъ нѣтъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, гдѣ удержанія изъ заработной платы учениковъ въ обезпеченіе ущерба отъ досрочнаго расторгненія ими договоровъ практикуются особенно часто и нерѣдко достигаютъ весьма значительной высоты¹⁾. Точно также нѣтъ такихъ ограниченій въ Австріи и у насъ въ Россіи, гдѣ все предоставлено свободному соглашенію сторонъ. Нужно однако замѣтить, что удержаніе изъ заработной платы къ ученикамъ далеко не всегда можетъ быть применено, т. е. ученики зачастую никакой платы за свой трудъ не получаютъ.

Таковы частно-правовыя послѣдствія досрочнаго прекращенія договора ученичества по винѣ одной изъ сторонъ. Выше мы указывали, что послѣдствія эти къ ученику очень часто не могутъ быть применены за отсутствіемъ у него средствъ для уплаты вознагражденія, а тѣ мѣры, которыми нѣкоторые законодательства пытаются обезпечить мастеру полученіе этого возмѣщенія убытковъ, въ видѣ, напримѣръ, взысканія съ родителей ученика, съ хозяина, принявшаго къ себѣ на службу такого ученика, или въ видѣ удержанія известной суммы изъ его заработной платы, также далеко не всегда могутъ помочь дѣлу. Въ сущности, здѣсь договоръ ученичества не представляетъ никакой особенности

¹⁾ Frick, «Ueber das Lehrlings—und Accordwesen d. Schweiz, Metallindustrie», 1893, стр. 13; W. v. Wyss, стр. 57.

по сравненію съ другими договорами, т. е. и тамъ санкціей нарушенія договора является взысканіе ущерба съ виновной стороны, и если эта сторона оказывается несостоятельной, то право бессильно помочь потерпѣвшему. Но такъ какъ въ договорѣ ученичества одна изъ сторонъ—именно ученикъ—является въ громадномъ большинствѣ случаевъ несостоятельной, то естественно, что безнаказанность расторгненія договоровъ этой стороной особенно бросается въ глаза. Это обстоятельство, а также широкое распространеніе досрочныхъ уходовъ учениковъ, побудило искать иныхъ мѣръ, которыя могли бы удержать учениковъ отъ досрочныхъ уходовъ безъ уважительныхъ причинъ, причемъ примененіе этихъ другихъ мѣръ обыкновенно обосновывалось тѣмъ, что досрочное расторгненіе договора ученичества нарушаетъ не только частныя интересы мастера, но причиняетъ вредъ и самому ученику, а также и всему обществу: общество заинтересовано въ томъ, чтобы промышленное обученіе было хорошо поставлено, между тѣмъ какъ, благодаря тому, что мастера постоянно страдаютъ отъ уходовъ учениковъ, едва только они чему нибудь научатся, въ результатѣ получается, что лучшіе и добросовѣстнѣйшіе мастера, которые дѣйствительно хорошо обучаютъ, перестаютъ принимать учениковъ, боясь, что только напрасно понесутъ убытки, т. е. ученики уйдутъ, не отработавъ того, что они стоили мастеру, а другіе ремесленники, хотя и продолжаютъ принимать учениковъ, но уже заранѣе учитываютъ возможность досрочнаго ухода ученика и потому стараются съ самаго начала извлечь побольше выгоды изъ ученика, что, конечно, идетъ въ ущербъ его обученію. Эти соображенія, а главнымъ образомъ жалобы и просьбы ремесленниковъ¹⁾, побудили германскаго законодателя установить такую рѣшительную мѣру противъ учениковъ, расторгающихъ договоръ до срока, какъ принудительное возвращеніе ихъ въ прежнему мастеру. По просьбѣ мастера полиція уговариваетъ такого ученика вернуться и окончить ученичество, а если увѣщанія не помогутъ, то полиція или принудительно водворяетъ ученика къ его хозяину или побуждаетъ его самого вернуться угрозой денежнаго штрафа до 50 марокъ или ареста до

¹⁾ См. Erhebung 1877-го г. стр. 5.

пяти дней; мастеръ, однако, можетъ обратиться къ полиціи за содѣйствіемъ лишь не позже недѣли со дня ухода ученика и только въ томъ случаѣ, если договоръ заключенъ въ письменной формѣ¹⁾. При этомъ полиція принимаетъ вышеуказанныя мѣры, только провѣривъ, дѣйствительно-ли ученикъ расторгнул договоръ безъ законной на то причины. Относительно торговыхъ учениковъ такихъ мѣръ не установлено. Принудительное возвращеніе досрочно расторгнувшихъ договоръ учениковъ и взрослыхъ рабочихъ существуетъ и въ Австріи²⁾.

Изъ другихъ законодательствъ предусматриваютъ возможность принудительнаго возвращенія бѣжавшаго ученика къ прежнему его учителю нѣкоторые швейцарскіе кантональные законы объ ученичествѣ³⁾, но придаютъ этому возвращенію, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ иное юридическое значеніе, чѣмъ законодательство германское. Отличіе состоитъ въ томъ, что въ Швейцаріи мастеръ имѣетъ право на принудительное водвореніе ученика или только тогда, когда на это даетъ согласіе отецъ или опекунъ ученика⁴⁾, или даже только въ томъ случаѣ, когда просьба о принудительномъ возвращеніи будетъ подана мастеромъ совмѣстно съ лицомъ, которому принадлежитъ родительская власть надъ ученикомъ⁵⁾, тогда какъ въ Германіи это право принадлежитъ мастеру независимо отъ согласія родителей или опекуновъ ученика. Отсюда получается тотъ выводъ, что въ кантональныхъ законахъ право мастера требовать принудительнаго возвращенія бѣжавшаго ученика имѣетъ въ своемъ основаніи абсолютное право на личность ученика, принадлежащее родителямъ и опекунамъ, тогда какъ въ Германіи это возвращеніе ученика совершенно независимо отъ права родительской власти и можетъ имѣть мѣсто вопреки волѣ родителей, если послѣдніе дали свое согласіе ученику на досрочный уходъ

¹⁾ § 127d. Gew. Ord.

²⁾ § 85 Gew. Ordn.

³⁾ Zürich § 6 abs. 2, Wallis § 34, Basel § 19, Bern § 15.

⁴⁾ Въ Цюрихѣ.

⁵⁾ Въ Базелѣ и Валлисѣ.

и вовсе не желаютъ, чтобы онъ былъ водворенъ къ прежнему хозяину. Только бернскій законъ¹⁾ въ данномъ отношеніи приближается къ германскому праву, предоставляя право требовать возвращенія ученика или мастеру или лицу, имѣющему родительскую власть надъ ученикомъ.

Во Франціи и въ Россіи принудительнаго водворенія учениковъ по требованію мастера не существуетъ, хотя, конечно, и здѣсь родители ученика, въ силу принадлежащаго имъ права родительской власти, могутъ требовать такого возвращенія, что, конечно, можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда ученикъ бѣжалъ противъ воли родителей.

Надо, однако замѣтить, что и такая рѣшительная мѣра противъ досрочныхъ расторженій договоровъ учениками, какъ принудительное возвращеніе ученика къ прежнему хозяину, на практикѣ не дала въ Германіи сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Причина того заключалась въ томъ, что если возможно черезъ полицію насильно водворить ученика къ его хозяину, то уже никакъ невозможно насильно заставить его быть хорошимъ ученикомъ. Кромѣ того, ученикъ, водворенный такимъ путемъ, можетъ на другой день опять уйти, а нельзя-же вѣчно караулить его и постоянно обременять полицію розысками и водвореніемъ такихъ учениковъ. Эти соображенія, конечно, не были неизвѣстны въ Германіи при введеніи въ 1878-омъ году вышеуказанной мѣры, но защитники ея опровергали ихъ тѣмъ доводомъ, что отношенія между мастеромъ и ученикомъ имѣютъ особый характеръ, и можно вполне надѣяться, что мастеръ мягкимъ обращеніемъ сумѣетъ преодолѣть нежеланіе принудительно возвращеннаго ученика продолжать у него обученіе, сумѣетъ убѣдить ученика, что продолженіе обученія важно и въ его собственныхъ интересахъ²⁾. На практикѣ, однако, эти надежды не оправдались, да и не могли оправдаться, какъ это ясно для каждаго, знакомаго съ бытомъ ремесленниковъ. Поэтому, въ настоящее время въ литературѣ нѣмецкой къ данной мѣрѣ относятся, въ большинствѣ случаевъ, отрицательно,

¹⁾ Bern § 15.

²⁾ См. рефератъ Roscher'a въ Schriften d. Vereins f. Socialpolitik за 1874 г. № 7 стр. 43.

полагая, что она не может служить серьезнымъ средствомъ для борьбы съ досрочными расторженіями договоровъ со стороны учениковъ и приносить скорѣе больше вреда, чѣмъ пользы ¹⁾.

Практическая непригодность всѣхъ вышеуказанныхъ мѣръ вновь поставила въ Германіи на очередь вопросъ объ установленіи уголовныхъ наказаній, какъ для учениковъ, такъ и для другихъ рабочихъ, за расторженіе договора безъ основательной причины. Подъ вліяніемъ жалобъ промышленниковъ, правительство внесло въ 1874-омъ году въ Рейхстагъ соотвѣтствующій законопроектъ. Въ то-же самое время вопросъ этотъ поставленъ былъ на обсужденіе извѣстнаго Verein'a für Socialpolitik, оказавшаго такое сильное вліяніе на ходъ развитія германскаго рабочаго законодательства. Въ Verein'ѣ вопросъ этотъ вызвалъ довольно сильное разногласіе между членами ²⁾: одни, какъ напримѣръ профессоръ Рошеръ, Даннебергъ, Тидеманъ, энергично отстаивали введеніе наказаній, особенно для учениковъ, какъ единственное рациональное средство борьбы съ тѣмъ зломъ, которое представляютъ собой досрочныя безнаказанныя расторженія договоровъ рабочими, другіе, въ лицѣ Брандеса, Луио Brentano, Макса Гирша, наоборотъ, горячо возставали противъ введенія подобной мѣры, какъ и теоретически недопустимой, такъ и несправедливой по отношенію къ рабочимъ. Среднее мнѣніе было высказано профессоромъ Шмоллеромъ, къ которому присоединился и профессоръ Хельдъ. Шмоллеръ возставалъ противъ наказаній взрослыхъ рабочихъ, видя въ этой мѣрѣ съ одной стороны лишь соломинку, за которую хватаются ремесленники въ своей тяжелой борьбѣ съ крупной промышленностью, а съ другой стороны-попытку реакціонеровъ, которые готовы совсѣмъ-бы уничтожить и свободу собраній и свободу передвиженій, но, не смѣя открыто выступить съ подобными проектами, надѣются хотя-бы съ введеніемъ наказаній для рабочихъ возвратитъ частицу своихъ старыхъ привилегій. Но

¹⁾ См., напримѣръ, Böninger, стр. 75—78; Byloff, «Vertragsbruch u. Strafrecht» 1905 г. стр. 141—142; сочувственно относится къ принудительному возвращенію учениковъ Zechlin (стр. 51).

²⁾ См. Schriften Vereins 1874 г. № 7 и 9.

вмѣстѣ съ тѣмъ Шмоллеръ полагалъ, что для учениковъ введеніе наказаній за расторженіе договора будетъ мѣрой цѣлесообразной, т. к. здѣсь дѣло идетъ объ обученіи мальчика, а не о свободномъ договорѣ между двумя взрослыми лицами, такъ что здѣсь въ сущности это будетъ лишь воспитательной мѣрой, полезной для неопытнаго и не понимающаго своихъ собственныхъ выгодъ ученика. Въ общемъ, однако, идея наказывать учениковъ и рабочихъ за нарушеніе договоровъ не нашла сочувствія среди большинства членовъ Verein'a ¹⁾, и въ Рейхстагѣ проектъ этотъ былъ отвергнутъ, несмотря на горячую защиту со стороны, главнымъ образомъ, консерваторовъ. Вновь этотъ вопросъ былъ поднятъ въ Рейхстагѣ лишь въ 1891-омъ году. Не рѣшаясь, однако, ввести наказанія для рабочихъ въ чистомъ видѣ, законопроектъ остановился на полумѣрѣ и предложилъ установить особый штрафъ со стороны расторгнуващаго договоръ безъ законнаго основанія, штрафъ, который съ одной стороны поступалъ въ пользу другого контрагента независимо отъ того, понесъ-ли послѣдній убытки отъ расторженія договора или нѣтъ, а съ другой стороны лишалъ его права сверхъ штрафа взыскивать съ виновнаго вознагражденіе за ущербъ. Такимъ образомъ, получалось нѣчто среднее между штрафомъ и возмѣщеніемъ вреда. Это постановленіе и вошло въ Gew. Ordn. въ видѣ § 124-b. На практикѣ значеніе его сводится лишь къ тому, что въ случаѣ досрочнаго ухода рабочаго хозяинъ можетъ взыскать съ него извѣстную сумму безъ представленія доказательствъ о размѣрахъ понесеннаго имъ отъ расторженія договора ущерба, но такъ какъ всякія денежныя взысканія съ рабочихъ, какъ мы выше указывали, въ большинствѣ случаевъ безрезультатны, то и мѣра эта фактически не могла оказать серьезнаго вліянія на уменьшеніе досрочныхъ уходовъ со стороны рабочихъ. Постановленіе, содержащееся въ § 124-b Gew. Ordn., относится только къ взрослымъ рабочимъ въ мед-

¹⁾ Надо, однако, замѣтить, что уже въ слѣдующемъ году Vereinъ измѣнилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ и принялъ пожеланіе объ установленіи наказаній, какъ для самого ученика, расторгнуващаго договоръ безъ основательной причины, такъ и для лицъ, подстрекавшихъ его и содѣйствовавшихъ ему уйти отъ мастера.

кой промышленности, что же касается до учениковъ, то къ нимъ наказанія за досрочный уходъ могутъ быть примѣнены лишь на основаніи § 127-d Gew. Ordn., о которомъ выше мы говорили,—т. е. они могутъ быть, въ случаѣ отказа возвратиться къ прежнему хозяину, присуждены полиціей или въ денежному штрафу до 50 марокъ или къ аресту до пяти дней. Наказаніе въ данномъ случаѣ является лишь средствомъ побудить ученика добровольно вернуться къ мастеру, если полиція почему-либо не найдетъ нужнымъ примѣнить въ данномъ случаѣ непосредственное принужденіе.

Если, такимъ образомъ, германское законодательство не рѣшилось ввести уголовныя наказанія, въ полномъ смыслѣ этого слова, для рабочихъ за досрочное расторгненіе договора, то въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ желанія хозяевъ въ этомъ отношеніи оказались исполненными. Такъ, въ Австріи подобныя наказанія установлены для всѣхъ промышленныхъ рабочихъ (въ томъ числѣ и для учениковъ) безъ исключенія ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантональных законахъ объ ученичествѣ также ученику, самовольно и безъ законной причины ушедшему отъ мастера, грозитъ арестъ отъ одного до десяти дней, а при рецидивѣ и отдача въ исправительное учрежденіе на срокъ не свыше одного года ²⁾.

У насъ въ Россіи также наказанія установлены за досрочное расторгненіе договора, какъ для взрослыхъ ремесленныхъ рабочихъ, такъ и для учениковъ, въ статьяхъ 1376 и 1377 Уложенія о Наказаніяхъ. Первая грозитъ подмастерью, который отойдетъ отъ мастера своего и вступитъ въ службу въ другому мастеру, не получивъ свидѣтельства или отпуска отъ прежняго, взысканіемъ пяти рублей въ пользу ремесленной казны. Вторая же говоритъ, что малолѣтніе ремесленники (ученики), за самовольную отлучку отъ мастеровъ своихъ подвергаются предоставленнымъ законами мѣрамъ домашняго исправленія, а если эти мѣры окажутся недостаточными, то наказаніемъ, по жалобѣ мастера, розгами отъ пяти до десяти ударовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство наше, наказывая учениковъ за самовольное расторгненіе договора,

¹⁾ § 85 Gew. Ordn.

²⁾ Freiburg § 22, Obwalden § 25.

наказываетъ взысканіемъ отъ одного до пяти рублей въ пользу ремесленной казны и мастера, который „отгонитъ отъ себя ученика своего прежде, нежели опредѣленное на выучку его время окончится, не объявивъ о причинахъ того Цеховому Старшинѣ и Старшинскимъ Товарищамъ“ ¹⁾.

Не существуетъ уголовныхъ наказаній за досрочное расторгненіе договора рабочимъ или ученикомъ во Франціи, хотя и здѣсь существуютъ сторонники введенія подобныхъ мѣръ ²⁾.

¹⁾ Ст. 1383-ья Улож. о Наказ.

²⁾ См., напримѣръ, Hubert-Valleroux, «Le contrat de travail» 1895 г. стр. 394 и сл.

Глава четвертая.

Договоръ ученичества съ точки зрѣнія политики права.

„Если, съ цѣлью составить себѣ понятіе о жалобахъ и невзгодахъ промышленности и узвать ея desiderata, Вы прочтете различныя заявленія хозяевъ, если съ этой же цѣлью Вы познакомитесь съ докладами жюри многочисленныхъ международныхъ выставокъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣдніе сорокъ лѣтъ, если Вы обратитесь къ отчетамъ многочисленныхъ конгрессовъ, собиравшихся для обсужденія то вопросовъ технического образованія, то социально-экономическихъ,—Вы будете поражены однимъ заявленіемъ, провозглашаемымъ всѣми и всюду и не вызывающимъ ниоткуда какихъ-либо возраженій—это, что, по всеобщему единодушному мнѣнію, ученичество (ремесленное) находится на пути къ исчезновенію“. Такими словами Fouqué начинаетъ свою книгу подъ заглавіемъ „La crise de l'apprentissage et les progrès de l'enseignement professionnel“ 1900 года. И эти слова Fouqué совершенно справедливы, т. е. въ любой книгѣ, посвященной вопросу о ремесленномъ учениществѣ, Вы дѣйствительно встрѣтите заявленія, что современная постановка ученичества нигде не годится, и что ученичество гибнетъ. Разница только въ томъ, что одни съ сожалѣніемъ констатируютъ этотъ фактъ и пытаются найти средства спасти данный институтъ отъ гибели, тогда какъ другіе считаютъ эту гибель фактомъ естественнымъ и неизбѣжнымъ.

Главной причиной, которой объясняется происхождение данного явленія, является развитіе крупной промышленности

съ ея детальнымъ раздѣленіемъ труда и машиннымъ производствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ рабочему нѣсколько лѣтъ обучаться какому-нибудь промышленному искусству, когда вся его дѣятельность сводится исключительно къ изготовленію какой-нибудь одной части продукта, настолько несложной, что для того, чтобы научиться изготовлять ее, достаточно нѣсколькихъ дней, а тѣмъ болѣе, когда и эта часть изготовляется машиной, управлять которой можетъ любой ребенокъ. Естественно, такимъ образомъ, что въ крупной промышленности значительно сократилась, по сравненію съ ремесленнымъ производствомъ, нужда въ обученныхъ рабочихъ, и мѣсто учениковъ въ ней заняли несовершеннолѣтніе рабочіе, ничему не обучающіеся, кромѣ самыхъ необходимыхъ для работы приѣмовъ, и получающіе за свой трудъ опредѣленное вознагражденіе. Такъ, на примѣръ, Штеффенъ относительно Англии прямо утверждаетъ, что съ введеніемъ машинъ ученичество въ собственномъ смыслѣ совершенно исчезло; вмѣсто учениковъ появились дѣти-работчія, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ круга идей рабочихъ и ихъ союзовъ исчезли и старыя понятія объ учениществѣ и его принципахъ,—постепенно вопросъ объ учениществѣ у нихъ превратился въ вопросъ о примѣненіи дѣтскаго труда ¹⁾.

Конечно, было-бы ошибкой полагать, что крупная промышленность вовсе не нуждается въ обученныхъ рабочихъ—достаточно просмотрѣть многочисленные жалобы фабрикантовъ на недостатокъ въ такихъ рабочихъ, собранныя въ книгѣ Р. Scheven ²⁾, чтобы убѣдиться, что такое мнѣніе не соответствовало-бы дѣйствительности. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что развитіе машиннаго производства очень и очень сильно сократило потребность въ умѣлыхъ и обученныхъ рабочихъ, а во вторыхъ, какъ показалъ опытъ, даже то количество обученныхъ рабочихъ, въ которомъ нуждается крупная промышленность, она не подготовляетъ сама, т. е. фабриканты, за очень рѣдкими исключеніями, упорно избѣ-

¹⁾ G. Steffen, «Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter» т. II. 1901 г. стр. 287.

²⁾ P. Scheven, стр. 1—79; также Morgenstern, «Das Lehrlingswesen in den Fabriken» (Arbeiterfreund, 1888 г. В. 26, стр. 151, 153).

гаютъ принимать учениковъ ¹⁾. Последнее происходитъ потому, что самый строй крупныхъ фабричныхъ предприятий не представляетъ тѣхъ условий, при которыхъ обученіе учениковъ могло-бы итти успѣшно, т. к. вполне понятно, что самъ фабрикантъ лично заниматься обученіемъ и не можетъ и не чувствуетъ охоты, онъ принужденъ поручать это дѣло кому-нибудь изъ своихъ рабочихъ, а у послѣдняго нѣтъ въ сущности никакого интереса обучать учениковъ надлежащимъ образомъ. Поэтому-то на фабрикахъ учениковъ берутъ только для подготовки рабочихъ для нуждъ даннаго предприятия, и только очень крупныя предприятия организуютъ дѣло обученія иначе, устраивая для того особыя школы или учебныя мастерскія.

Изъ этого факта, что въ крупной промышленности нѣтъ мѣста ученичеству въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, вытекаетъ, что если ремесленному производству неизбежно суждено погибнуть и уступить мѣсто крупному производству, какъ это утверждаютъ социаль-демократы ²⁾, то eo ipso должно само собой исчезнуть и ученичество. Къ такому выводу приходитъ и Зомбартъ въ своемъ „Современномъ Капитализмѣ“: по его словамъ, современное ремесло, поскольку оно не является безпомощнымъ ремесломъ только по видимости, будетъ влачить свое существованіе, пока законодательство позволяетъ ему эксплуатировать незрѣлыя рабочія силы въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ капиталистической промышленности, и пока общество не позаботится о томъ, чтобы современная система эксплуатации учениковъ, знаменующая полное банкротство промышленнаго обученія, уступила мѣсто такой организаціи подготовки, которая болѣе приспособлена къ современнымъ условіямъ ³⁾. Если встать на эту точку зрѣнія, то остается

¹⁾ Зомбартъ, т. II стр. 482; P. Scheven, стр. 22; Hubert-Valleroux в L'эконом. франс. 1902 г. I стр. 447 и сл.; также в Schweiz. Bl. за 1903 г. Band II, 2, статья «Die Handwerksmässige Ausbildung von Lehrlingen in Fabriken, sowie in Werkstätten, welche Bestandteile fabrikmässiger Betriebe sind» стр. 746.

²⁾ См. Эрфуртскую программу 1891 года.

³⁾ Зомбартъ, «Современный Капитализмъ» переводъ Базарова и Степанова, т. II стр. 483—484.

признать, что ученичество дѣйствительно гибнетъ, и чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ лучше, т. к. въ настоящее время ремесленные ученики, какъ общее правило, представляютъ не обучающихся ремеслу, а дешевыя рабочія силы, „потъ которыхъ во многихъ случаяхъ только и позволяетъ ремеслу конкурировать съ фабрикой“ ¹⁾; поэтому долгъ законодателя—уничтожить эту эксплуатацию, а съ исчезновеніемъ ея падетъ и ремесло, лишившись своей главной поддержки, и, такимъ образомъ, исчезнетъ самая почва, на которой могло существовать ученичество, т. к. въ крупной промышленности ему мѣста нѣтъ.

Однако пророчества относительно неминуемой гибели ремесла оказались въ значительной степени ошибочными. Рядъ изслѣдованій о положеніи ремесла хотя и констатировалъ фактъ вытѣсненія ремесленнаго производства капиталистическимъ во многихъ отрасляхъ промышленности, но тѣмъ не менѣе обнаружилъ, что во многихъ другихъ отрасляхъ ремесленное производство еще вполне жизнеспособно и если когда-нибудь и будетъ уничтожено крупной промышленностью, то во всякомъ случаѣ это произойдетъ очень и очень не скоро, а въ весьма отдаленномъ будущемъ. Въ нашу задачу, конечно, не входитъ детальное разсмотрѣніе въ высшей степени важнаго и сложнаго вопроса о жизнеспособности ремесла: мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ наиболѣе яркихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что служить отходною ремеслу во всякомъ случаѣ еще преждевременно. Такъ, относительно Австріи Е. Адлеръ въ 1898-мъ году сообщаетъ, что по статистическимъ свѣдѣніямъ тамъ ремесленная форма производства является преобладающей,—въ Прагѣ, на примѣръ, число мелкихъ предприятий составляетъ 97,2%, и хотя здѣсь для критеріума крупнаго предприятия принята черезчуръ крупная мѣрка (болѣе 20 рабочихъ), но во всякомъ случаѣ заключеніе о преобладаніи мелкаго производства остается въ общемъ правильнымъ на томъ основаніи, что тамъ-же на 1000 предприятий приходится 448,8 мастеровъ—одиночекъ, 243,7 работаютъ съ однимъ рабочимъ, 123,1—съ двумя рабочими и только 103,7 имѣютъ отъ 3-хъ до 5-ти

¹⁾ Зомбартъ, II стр. 475.

рабочих¹⁾, причемъ, конечно, предпріятія, имѣющія менѣе пяти рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ должны быть отнесены къ предпріятіямъ мелкимъ. Въ Германіи вопросъ о положеніи ремесла сталъ предметомъ въ 1895 году спеціальнаго изслѣдованія со стороны Verein'a für Socialpolitik, а кромѣ того въ томъ-же самомъ году и Имперское правительство организовало статистическое изслѣдованіе ремесла въ $\frac{1}{30}$ части Германской Имперіи. Профессоръ К. Бюхеръ въ своемъ рефератѣ общему собранію Verein'a, подводя итоги результатамъ анкеты, произведенной союзомъ, высказалъ довольно пессимистическій взглядъ на будущность ремесла. По его мнѣнію, ремесло въ городахъ въ общемъ идетъ къ гибели и только въ деревняхъ оно можетъ надолго удержать свою позицію²⁾. Къ такимъ-же мрачнымъ выводамъ приходитъ и Р. Voigt на основаніи данныхъ, собранныхъ Императорскимъ Статистическимъ Бюро³⁾. Сравнивая данныя 1882-го г. съ данными 1895-го г., Voigt устанавливаетъ, что въ то время, какъ въ 1882-омъ году на 10000 жителей приходилось 343 самостоятельныхъ ремесленника, въ 1895-омъ году ихъ уже только 277, а въ дѣйствительности надо считать только 250. Обращаясь къ отдѣльнымъ отраслямъ производства, Voigt устанавливаетъ, что весьма значительная часть отраслей производства является для ремесла окончательно потерянной уже въ настоящее время или въ недалекомъ будущемъ, другая часть хотя и сохраняется ремесломъ за собой, но положеніе ремесла въ этихъ отрасляхъ является довольно печальнымъ, и приблизительно, только $\frac{1}{5}$ общаго числа самостоятельныхъ ремесленниковъ (около 280,000 чел.) заняты въ ремеслахъ, гдѣ ремесленный характеръ производства держится вѣрно, — сюда относятся часовыхъ дѣлъ мастера, обойщики, булочники, мясники, парикмахеры и мелкія строительныя ремесла. Но другіе изслѣдователи, какъ напримѣръ проф. Шмоллеръ и Штида, смотрятъ на результаты вышеуказанныхъ изслѣдованій

¹⁾ E. Adler, «Ueber die Lage d. Handwerks in Oesterreich» 1898 г.

²⁾ Schriften d. Vereins Bd. 76 стр. 16 и сл.

³⁾ P. Voigt, «Die Hauptergebnisse der neuesten deutschen Handwerkerstatistik von 1895 г.» (Schmollers Jahrbuch. Bd. 21 1897 г.).

не столь мрачно для будущности ремесла¹⁾ и полагаютъ, что ремесло въ общемъ вовсе не гибнетъ, а кормитъ того, кто имъ добросовѣстно занимается, и то, что ремесло потеряло въ конкуренціи съ крупной промышленностью, оно наверстываетъ въ другихъ областяхъ. И, повидимому, послѣднее мнѣніе оказалось болѣе справедливымъ. Сопоставляя статистическія данныя 1895-го года съ данными 1907-го г., получимъ, что въ Германіи по прежнему мелкія предпріятія составляютъ огромное большинство, хотя въ процентномъ отношеніи число ихъ и нѣсколько пало: въ 1895-омъ году ихъ было 93,3%, тогда какъ въ 1907-омъ году 91,2%²⁾. Поэтому, за послѣднее время въ германской литературѣ большинство уже рѣшительно склоняется къ признанію, что въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ нужна индивидуализація продуктовъ сообразно съ потребностями и вкусами отдѣльныхъ потребителей, а также тамъ, гдѣ требуется изв. вкусъ и искусство въ изготовленіи, чего нельзя достигнуть при машинномъ шаблонномъ производствѣ, ремесло вполне жизнеспособно, особенно въ деревняхъ и мелкихъ городкахъ³⁾. Характерно, что даже относительно такихъ странъ, гдѣ крупная промышленность достигла особенно широкаго развитія, какъ напримѣръ Англія, прежнія заявленія, что въ Англіи класса мелкихъ ремесленниковъ вовсе уже не существуетъ, и что можно, напримѣръ, цѣлыми часами ходить по Лондону, не встрѣтивъ ни одного мелкаго ремесленнаго заведенія⁴⁾, начинаютъ встрѣчать серьезныя возраженія. Такъ, G. Brodnitz въ весьма интересной статьѣ „Betriebskonzentration und Kleinbetrieb in d. englischen Indu-

¹⁾ Рѣчь Schmoller'a въ общемъ собраніи Verein'a f. Socialpolitik 1897 г. (Schriften Vereins Bd. 76); Stieda, «Die Lebensfähigkeit d. deutschen Handwerks» 1897 г.

²⁾ См. «Gewerbestatistik» въ Handwörterbuch d. Staatswiss. 3-е Aufl. В IV стр. 1023.

³⁾ См. напр. Grunzel, «System d. Industriepolitik» 1905 г. стр. 59; B. Volger, «Die deutsche Gewerbepolitik» 1908 г. стр. 15 и сл.; Harms, «Ist das deutsche Handwerk konkurrenzfähig?» 1900 г. стр. 19—24; Wernicke, «Kapitalismus und Mittelstandspolitik» 1907 г. стр. 159.

⁴⁾ E. Loew въ Soc. Praxis 1897 № 49.

strie" ¹⁾), на основаніи имѣющихся статистическихъ данныхъ приходитъ къ заключенію, что мелкое производство въ Англіи широко распространено, и даже въ самомъ Лондонѣ существуетъ громадное количество ремесленныхъ предпріятій, причемъ Brodnitz свои выводы подтверждаетъ ссылками даже на такихъ лицъ, какъ князь Кропоткинъ и Эдуардъ Бернштейнъ, которые также заявляютъ, что крупная промышленность вовсе не уничтожила ремесло и не такъ распространена, какъ это обычно думаютъ. Что касается до степени распространенія ремесленной формы производства у насъ въ Россіи, то по этому вопросу, вслѣдствіе крайне неудовлетворительнаго состоянія нашей экономической статистики, у насъ нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ, но тѣмъ не менѣе на основаніи отдѣльныхъ указаній въ различныхъ статистическихъ сборникахъ экономисты категорически утверждаютъ, что въ настоящее время въ Россіи ремесло, особенно въ деревнѣ, развито даже относительно больше, чѣмъ на Западѣ ²⁾). Такимъ образомъ, приходится притти къ заключенію, что мнѣніе, будто институтъ ученичества неизбѣжно осужденъ на исчезновеніе вслѣдствіе уничтоженія самого ремесла въ борьбѣ съ капиталистическимъ производствомъ, не можетъ быть признано правильнымъ. Но это, конечно, еще не значитъ, что ученичество не отжило свой вѣкъ, такъ какъ и при существованіи мелкаго ремесленнаго производства промышленное ученичество, въ смыслѣ обученія въ мастерской у ремесленника, можетъ оказаться несоотвѣтствующимъ тѣмъ требованіямъ, которымъ въ настоящее время должно удовлетворять обученіе промышленной техники. И такая точка зрѣнія довольно распространена въ литературѣ. Если всѣ сходятся въ признаніи того факта, что ремесленное обученіе находится въ крайне дурномъ состояніи, что по окончаніи ученичества люди выходятъ въ сущности почти ничего не зная и не умѣя, отъ чего, конечно, страдаютъ и само ремесло и общество, то относительно тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ можно помочь дѣлу, мнѣнія раздѣляются на два теченія.

¹⁾ Jahrb. f. Nat. u. Stat. III Folge Bd. 35, 1908 г. и Bd. 37, 1909 г.

²⁾ М. И. Туганъ-Барановскій, «Основы политической экономіи» 1911 г. стр. 131 и сл.

Одно полагаетъ, что тѣ недостатки, которыми страдаетъ ремесленное ученичество, могутъ быть устранены въ значительной части законодательными мѣрами, въ видѣ детальной регламентаціи договора ученичества, организациіи надлежащихъ органовъ контроля за соблюденіемъ мастерами своихъ обязанностей по отношенію къ ученикамъ, устройства испытаній для учениковъ и нѣк. др. Другая точка зрѣнія исходитъ совсѣмъ изъ иныхъ положеній: она говоритъ, что недостатки обученія, главнымъ образомъ, происходятъ вовсе не отъ того, что законодательная регламентація ученичества недостаточна, благодаря чему мастера не исполняютъ своихъ обязанностей, а отъ того, что, при современныхъ условіяхъ производства, мастера, даже при добросовѣстномъ отношеніи ихъ къ дѣлу, не могутъ обучать учениковъ надлежащимъ образомъ. Последнее обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ настоящее время для ремесленника недостаточно умѣть дѣлать продукты такъ-же, какъ ихъ дѣлали его дѣды и прадеды, а нужно внимательно слѣдить за развитіемъ техники, дѣлающей быстрые успѣхи, за различными новыми изобрѣтеніями и образцами, относящимися къ его ремеслу, быть въ то-же самое время знакомымъ съ торговымъ дѣломъ—съ цѣнами на товары, съ книговодствомъ и т. п. Всему этому мастеръ научить ученика не можетъ, т. к. самъ со всѣмъ этимъ не знакомъ или знакомъ плохо; въ тому-же въ настоящее время и въ ремесло проникла спеціализація, такъ что ученикъ часто научится дѣлать только какія нибудь части продукта, а ремесла во всемъ его объемѣ не знаетъ. Всѣ эти обстоятельства и заставили многихъ притти къ убѣжденію, что никакими законодательными мѣропріятіями ученичеству помочь нельзя, единственнымъ-же средствомъ для поднятія технического обученія является принципиальное полное отдѣленіе обученія отъ работы ученика на мастера и передача перваго въ руки спеціальныхъ ремесленныхъ школъ или учебныхъ мастерскихъ (Lehrwerkstätte). Такимъ образомъ, если встать на эту точку зрѣнія, то ученичество, основанное на частномъ договорѣ между мастеромъ и ученикомъ, изъ которыхъ первый обязывается обучать, а второй работать на перваго, какъ институтъ, ставшій непригоднымъ для современныхъ условій жизни, долженъ исчезнуть. Однимъ изъ главныхъ защитниковъ даннаго мнѣнія является извѣстный нѣ-

мецкій профессоръ К. Бюхеръ, уже въ 1875-омъ году отстаивавшій его въ общемъ собраніи Verein'a für Socialpolitik и затѣмъ неоднократно высказывавшій его и въ печати ¹⁾).

Что для поднятія техническаго обученія дѣйствительно необходимо образованіе учениковъ, это казалось безспорнымъ, и современныя государства за послѣднее время начали обращать на этотъ вопросъ серьезное вниманіе, организуя ремесленныя школы разныхъ типовъ, но предложеніе вполнѣ замѣнить ученичество у мастера обученіемъ въ школѣ или въ учебной мастерской вызвало многочисленныя возраженія съ разныхъ точекъ зрѣнія. Всѣ возраженія, которыя обычно выставляются противъ подобной реформы можно свести къ двумъ категоріямъ. Одни указываютъ на то, что подобная реформа отнюдь нежелательна и не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагаютъ, такъ какъ чтобы сдѣлаться хорошимъ ремесленникомъ необходимо именно практическое обученіе въ мастерской у мастера, тогда какъ обученіе въ школахъ, какъ это показалъ опытъ Франціи и нѣк. др. странъ, имѣетъ главнымъ образомъ теоретическій характеръ, такъ что по выходѣ изъ школы ученикамъ опять приходится на нѣкоторое время поступать въ практическое обученіе въ мастерскую; къ тому же въ школѣ нельзя научиться торговой сторонѣ ремесла, тому, какъ нужно обходиться съ клиентами, гдѣ можно дешевле купить матеріалъ и т. п.; только для нѣкоторыхъ отраслей эта система до извѣстной степени примѣнима ²⁾.

Но эта точка зрѣнія, признающая обученіе въ мастерской принципиально болѣе пригоднымъ, чѣмъ обученіе въ школѣ, съ нашей точки зрѣнія, является безусловно несостоятельной. Если въ нѣкоторыхъ государствахъ обученіе въ учебныхъ мастерскихъ носитъ черзчуръ теоретическій характеръ, то это доказываетъ только то, что здѣсь постановка дѣла нѣсколько неправильна, т. е. несомнѣнно и въ учебной мастерской можно поставить дѣло такъ, чтобы ученики и на

¹⁾ См. напр. его статью въ Pädagogische Studien 13 Heft 1877 г.

²⁾ P. Pic, стр. 912—913; E. Jäger, «Die Handwerkerfrage» 1887 г. стр. 112 и сл.; H. Lambrecht, «L'apprentissage de demain dans les metiers bourgeois» 1906 г. стр. 5.; J. Jacobi, «Die Organisation des Gewerbes» 1879 г. стр. 32—33; J. Pollitzer, стр. 117—118; F. Rücklin «Das neuzeitliche Handwerk» 1880 г. стр. 65.

практикѣ оказывались хорошими рабочими. Но даже если допустить, что по окончаніи школы ученику придется нѣкоторое время попрактиковаться въ мастерской у ремесленника, то во всякомъ случаѣ здѣсь большой бѣды нѣтъ, и время, потраченное на это, вмѣстѣ съ временемъ обученія въ школѣ, не превыситъ никоимъ образомъ то, которое тратится на обученіе у мастера, гдѣ добрая половина этого времени идетъ на исполненіе работъ, не имѣющихъ къ обученію никакого отношенія. Принципіально же обученіе въ школѣ несомнѣнно должно быть признано болѣе совершеннымъ, чѣмъ обученіе у мастера, т. е. тамъ все направлено къ одной цѣли обученія, а здѣсь ученикъ не только учится, но и работаетъ на мастера, при такомъ-же соединеніи личные интересы мастера всегда заставляютъ его смотрѣть на ученика, какъ на рабочаго, и стремиться извлечь побольше выгоды изъ его труда, хотя-бы въ ущербъ обученію. Поэтому, мы вполнѣ признаемъ, что теоретически обученіе должно быть всецѣло обособлено отъ эксплуатаціи ученика, какъ рабочаго.

Гораздо болѣе существенны доводы тѣхъ, которые, не отрицая желательности организаціи учебныхъ мастерскихъ, въ то-же самое время доказываютъ, что замѣна ими существующей системы обученія въ настоящее время фактически является невозможной утопией, какъ говоритъ P. Voigt ¹⁾. Невозможность эта объясняется во первыхъ, вѣрней дороговизной такихъ учрежденій, благодаря чему при замѣнѣ ученичества системой школьнаго обученія понадобились бы такія колоссальныя средства, которыя не по силамъ не только общинамъ, но и государству ²⁾, т. е. сами ученики, относящіеся въ массѣ къ бѣднѣйшимъ классамъ платить за себя не въ состояніи. Возраженіе дѣйствительно существенное, т. е. если только вспомнить, какая масса различныхъ ремеселъ существуетъ, то число школъ должно быть въ каждомъ городѣ весьма значительнымъ, даже если соединять обученіе нѣсколькихъ родственныхъ ремеселъ въ одной и той-же школѣ. Насколько расходы государ-

¹⁾ P. Voigt, Brauns Archiv, Band. XI 1897 г. стр. 50—51.

Limousin въ Journal des economistes, 1901 г. 15 octob.; Debole, стр. 2 и сл.; A. Millerand, «Travail et travailleurs» 1908 г. стр. 259—266; Pollitzer, стр. 117—118.

ства будутъ велики, видно, напимѣрь, изъ того, что содержание 13 профессиональныхъ школъ обходится городу Парижу въ годъ 2 милл. франковъ, тогда какъ государство въ 1904 году, напимѣрь, ассигновало на профессиональное образование всего около 3½ милл. франковъ. Если принять, что обучение каждаго ученика въ учебной мастерской обойдется около 500 франковъ¹⁾, а число всѣхъ учениковъ во Франціи примемъ, согласно Millegand, конечно приблизительно, въ 600,000 человекъ, то получимъ, что стоимость ихъ обученія обойдется въ солидную цифру 300 милл. франковъ, что потребуетъ при трехлѣтнемъ обученіи около 100 милл. франковъ ежегоднаго расхода.

Но какъ не велики затрудненія, представляемыя величиной затратъ, нужныхъ для организаціи необходимаго числа учебныхъ мастерскихъ, мы, тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что по этой одной причинѣ еще нельзя признавать осуществленіе реформы ремесленнаго обученія невозможнымъ. Разъ эта реформа необходима, то средства на нее должны найтись, т. е. затраты эти являются производительными и окупаются для государства, до известной степени благодаря подъему ремесла и промышленности въ странѣ: на другія менѣе полезныя вещи современнаго государства тратятъ во много разъ большія суммы. Гораздо болѣе непреодолимымъ препятствіемъ для замѣны традиціоннаго ученичества обученіемъ въ школахъ является то, что послѣднее, даже предоставляемое государствомъ бесплатно, для рабочаго класса окажется невыгоднымъ. Какъ известно, въ ученики поступаютъ дѣти бѣднѣйшихъ классовъ населенія, гдѣ родители прежде всего стремятся пристроить своихъ дѣтей такъ, чтобы они какъ можно раньше начали что нибудь зарабатывать. Поэтому, въ настоящее время является общераспространеннымъ фактомъ, что ученики обычно получаютъ вознагражденіе за свой трудъ, т. е. родители въ противномъ случаѣ предпочитаютъ отдавать дѣтей прямо на фабрики. Конечно, поступаая такъ, родители нарушаютъ

¹⁾ Обучение ученика въ бернской школѣ для механиковъ и слесарей обходится въ среднемъ 782 фр. (Köhler, вь Schweiz. Blätt. 1906 г. XIV, 1), но т. е. въ эту же сумму входитъ и небольшое вознагражденіе ученику, то эту сумму надо уменьшить, примѣрно, до 500 фр.

интересы своихъ дѣтей, т. е. обученный рабочій оплачивается выше необученаго, а выговаривая у мастера плату ученику, они тѣмъ самымъ достигаютъ лишь того, что мастеръ хуже обучаетъ его, заботясь, главнымъ образомъ, о томъ, какъ-бы повыгоднѣе для себя использовать трудъ ученика, но всѣ эти доводы совершенно будутъ бессильны до тѣхъ поръ, пока благосостояніе рабочаго класса не улучшится настолько, что хорошее обученіе своихъ дѣтей они не будутъ приносить въ жертву тѣмъ грошамъ, которые они заработаютъ за это время. А такъ какъ подобное улучшеніе благосостоянія рабочаго класса произойдетъ далеко не скоро, то сколько-бы учебныхъ мастерскихъ ни устраивало государство, значительное большинство учениковъ будетъ по прежнему отдаваться въ обученіе отдѣльнымъ мастерамъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства приходится притти къ заключенію, что какъ не желательна теоретически полная замѣна обученія въ мастерской обученіемъ въ школахъ, но практически такая замѣна оказывается неосуществимой въ продолженіи, вѣроятно, еще очень многихъ лѣтъ. Это мнѣніе въ настоящее время можно признать господствующимъ въ литературѣ¹⁾.

Отсюда, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, что учебныя мастерскія и ремесленныя школы не нужны,—наоборотъ, огромная польза ихъ несомнѣнна, и чѣмъ энергичнѣе государство будетъ заботиться объ ихъ организаціи, тѣмъ лучше, но при этомъ нельзя упускать изъ виду, что обученіе въ мастерской у ремесленника по договору ученичества еще долго будетъ господствующимъ въ жизни, вслѣдствіе чего нельзя здѣсь ссылаться на пророчества о его неминуемомъ исчезновеніи, а необходимо принимать всевозможныя мѣры для его улучшенія. Разъ нельзя его замѣнить школьнымъ обученіемъ, нужно присоединить къ нему это школьное обученіе, сдѣлать

¹⁾ Кромѣ авторовъ указанныхъ выше, нужно указать на: W. Stieda (Soc. Prax. 1896 № 30); E. Adler, «Ueber die Lage...» стр. 94; G. Hug u. E. Boos, «Das Gewerbliche Lehrlingswesen» 1881 г. стр. 30—33; Millegand, стр. 259—266; Debole, стр. 19—31; E. Levasseur, «Questions ouvrières et industrielles en France sous la 3-ème République» 1907 г. стр. 887; M. Schöne, «Die Moderne Entwicklung des Schuhmachergewerbes» 1888 г. стр. 108; Garbe (Annalen f. Gewerbe u. Bauwesen 1888); R. Grätzer вь Zeitschr. f. Socialwiss. 1898. стр. 358,—и нѣк. др.

такъ, чтобы на ряду съ обученіемъ у мастера ученикъ посѣщалъ и школу, дополняя практическое обученіе теоретическимъ, какъ это существуетъ, на примѣръ, въ Германіи, Англіи, Бельгіи, Швейцаріи. Затѣмъ желательна распространеніе такихъ, на примѣръ, учебныхъ мастерскихъ, какія созданы въ Баденѣ еще съ 1888-го года, гдѣ государство мастерамъ, которые хорошо обучаютъ учениковъ и принимаютъ ихъ на опредѣленныхъ условіяхъ (чтобы мастерская была хорошо оборудована, чтобы ученикъ жилъ у мастера, контроль со стороны правительства), платитъ известную сумму за обученіе каждаго ученика (въ среднемъ 230 марокъ). Эта система, оставаясь въ сущности на почвѣ стараго ученичества, т. е. ученикъ здѣсь попрежнему работаетъ на мастера на основаніи договора, заключеннаго между ними, въ то же самое время значительно повышаетъ уровень обученія, замѣняя до известной степени ремесленную школу и обходясь значительно дешевле послѣднихъ. Прекрасные результаты, достигаемые подобной системой, побудили и другія государства пойти по примѣру Бадена. Такъ, на примѣръ, стали учреждать подобныя „les sources d'apprentissage“ въ Бельгіи и Австріи¹⁾.

Но кромѣ всѣхъ этихъ мѣръ, направленныхъ на улучшеніе техническаго обученія, для достиженія этой цѣли и для защиты отъ эксплуатаціи является въ высшей степени необходимой и законодательная регламентація договора ученичества. Важность подобной регламентаціи прекрасно поняли и въ Швейцаріи, гдѣ на ряду съ мѣрами о поднятій самаго обученія, всѣ почти кантоны одинъ за другимъ спѣшатъ издать законы, регламентирующие ученичество, какъ частно-правовой договоръ, и во Франціи, гдѣ также выработанъ и внесенъ въ 1907-омъ году въ палату депутатовъ проектъ закона, долженствующаго замѣнить устарѣлыя постановленія закона 1851 г.. Тѣмъ болѣе изданіе такого закона необходимо у насъ въ Россіи, гдѣ ремесленное ученичество находится, безспорно, въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ на Западѣ, и гдѣ въ сущности договоръ ученичества вовсе не регламентированъ, такъ какъ таковой регламентаціей нельзя считать

¹⁾ Подробности см. у Н. Lambrecht, «L'apprentissage de demain dans les metiers bourgeois» 1906 г.

семь устарѣлыхъ и редактированныхъ весьма неудовлетворительно статей Уст. о Пром. (Ст. 417—423). Необходимость изданія такого закона въ настоящее время признана и правительствомъ, которое прямо заявило, что это вопросъ ближайшаго будущаго¹⁾, и ремесленниками. Проектъ новаго Устава о ремесленной промышленности въ настоящее время уже составленъ Обществомъ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и обсуждался на послѣднемъ ремесленномъ съѣздѣ въ январѣ 1911-го года; въ проектѣ этомъ статьи 56—78 специально посвящены ученичеству.

Итакъ, мы пришли къ заключенію, что договору ученичества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова вовсе не суждено исчезнуть въ скоромъ времени, и что регламентація этого договора съ точки зрѣнія политики права является столь же необходимой, какъ и созданіе разныхъ школъ и курсовъ для обученія ремесленниковъ. Посмотримъ теперь, какова-же должна быть эта регламентація, и насколько удовлетворителенъ съ точки зрѣнія политики права новый проектъ Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, по сравненію съ новѣйшими законопроектами, составленными въ другихъ государствахъ; изъ послѣднихъ мы остановимся, главнымъ образомъ, на проектѣ, внесенномъ въ французскую Палату депутатовъ 8-го мая 1907-го года.

1) Первымъ вопросомъ, который намъ предстоитъ разрѣшить, является вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли создавать регламентацію специально для ремесленнаго ученичества или же она должна относиться и къ ученичеству въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ (вопроса о торговомъ ученичествѣ въ данной книгѣ мы не касаемся). На послѣдней точкѣ зрѣнія стоитъ французскій проектъ 1907-го года, на первой — русскій законопроектъ, хотя нельзя не замѣтить, что онъ значительно расширяетъ понятіе ремесленнаго заведенія, относя къ послѣднимъ предпріятія, гдѣ число рабочихъ достигаетъ 50 человекъ²⁾. Мы полагаемъ, что рѣшеніе вопроса должно быть въ первомъ смыслѣ, такъ какъ, хотя, какъ мы выше

¹⁾ См. рѣчь Министра Торговли и Пром. С. И. Тимашева при открытіи второго ремесленнаго съѣзда въ 1911-омъ году.

Проектъ, ст. 2.

говорили, обычно на фабрики ученики не принимаются, но тѣмъ не менѣе исключенія возможны и въ жизни встрѣчаются не рѣдко; запрещать фабрикантамъ принимать учениковъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, оставивъ, конечно, обученіе тѣми-же гарантіями веденія его надлежащимъ образомъ, какія будутъ установлены относительно обученія въ ремесленныхъ предпріятіяхъ.

2) Относительно тѣхъ условій, которымъ должно удовлетворять лицо, поступающее въ ученики, прежде всего нужно указать на необходимость уничтожить ту несправедливость, которая существуетъ въ русскомъ правѣ, устанавливающимъ извѣстный минимальный возрастъ для дѣтей работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, и позволяющимъ поступать въ ремесленные ученики дѣтямъ какого угодно возраста. Нельзя упускать изъ виду, что ученикъ не только обучается, но и работаетъ на мастера, какъ всякій простой несовершеннолѣтній рабочій, а работа въ ремесленныхъ предпріятіяхъ такъ-же вредна для несложившагося еще организма ребенка, какъ и работа на фабрикѣ, а возможно, что еще вреднѣе, такъ какъ въ гигиеническомъ отношеніи работа въ крупныхъ предпріятіяхъ часто несравненно лучше обставлена, чѣмъ въ мелкихъ. Необходимость установленія минимальнаго возрастнаго ценза для учениковъ сознается въ настоящее время и самими хозяевами-ремесленниками: такъ, еще на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по ремесленной промышленности 1900-го года нѣкоторые члены, высказываясь за распространеніе на учениковъ соответствующихъ нормъ Уст. о Пром., установленныхъ для рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, полагали, что для нѣкоторыхъ особенно трудныхъ ремеслъ двѣнадцатилѣтній возрастъ является чрезчуръ низкимъ, и что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ремеслахъ надо запретить принимать въ ученики лицъ моложе 15-ти лѣтъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе проектъ 1911-го года за норму принялъ двѣнадцатилѣтній возрастъ ²⁾, слѣдуя, очевидно, примѣру правительственнаго проекта правилъ о наймѣ торговыхъ служащихъ, внесенномъ въ настоящее время въ Государственную Думу. При обсужденіи про-

¹⁾ Труды съѣзда 1900 г. стр. 145 и 408.

²⁾ Проектъ, ст. 23.

екта на съѣздѣ нѣкоторые изъ членовъ энергично протестовали противъ даннаго постановленія, требуя повышенія нормы до 16-ти лѣтъ, но съѣздъ ограничился повышеніемъ ея только до 13-ти лѣтъ, высказавъ пожеланіе, чтобы норма эта была повышена для ремеслъ тяжелыхъ и вредныхъ для здоровья ¹⁾. Не входя въ детальное разсмотрѣніе вопроса о томъ, какая возрастная норма должна быть установлена у насъ въ Россіи, мы ограничимся здѣсь указаніемъ, что въ Швейцаріи, на примѣръ, для всѣхъ ремеслъ безъ исключенія отъ учениковъ требуется достиженіе четырнадцатилѣтняго возраста.

Нельзя не признать вполне цѣлесообразными и желательными постановленія проекта 1911-го года, что мастера не могутъ принимать въ обученіе дѣтей, страдающихъ хроническимъ недугомъ или физическимъ недостаткомъ, препятствующими занятію даннымъ ремесломъ, или же болѣзною, опасной для здоровья и спокойствія окружающихъ, а также дѣтей, т. е. имѣющихъ свидѣтельства объ окончаніи одноклассной начальной школы; чтобы воспрепятствовать приему больныхъ и слабыхъ дѣтей проектъ требуетъ медицинскаго освидѣтельствванія ихъ въ Коммисіи по ученическимъ дѣламъ предварительно отдачи въ обученіе ²⁾.

3) По вопросу объ условіяхъ, которымъ должно удовлетворять лицо, принимающее дѣтей въ обученіе ремеслу, весьма важно установить извѣстныя гарантіи въ томъ, чтобы лицо это по своимъ нравственнымъ качествамъ и техническимъ познаніямъ дѣйствительно способно было быть учителемъ и воспитателемъ.

Такой гарантіей является прежде всего требованіе, чтобы лицо, принимающее ученика, достигло извѣстнаго возраста, т. е. чрезчуръ юный учитель не можетъ быть ни хорошимъ воспитателемъ ученика ни даже обладать достаточной опытностью въ ремеслѣ. По нашему мнѣнію, достаточно требовать отъ учителя достиженія 21 года, какъ возраста, съ котораго начинается общая гражданская дѣеспособность лица.

¹⁾ Постановленія съѣзда, за невыходомъ въ свѣтъ печатныхъ отчетовъ о съѣздѣ, мы сообщаемъ по отчетамъ газетъ: «Торгово-промышленная» «Россія» и «Русское Слово».

²⁾ Проектъ, ст. 23 и 58.

При этомъ, если лицо, принимающее ученика, не само обучаетъ его, а поручаетъ это дѣло другому лицу, какъ это практикуется на фабрикахъ, то это послѣднее должно обладать установленнымъ возрастомъ, а самъ контрагентъ можетъ быть и моложе, какъ это и имѣетъ въ настоящее время мѣсто въ Германіи. Вышеуказаннаго возраста требуютъ и проектъ 1911-го года ¹⁾.

Болѣе спорнымъ является вопросъ о тѣхъ гарантіяхъ, которыя должны быть установлены въ обезпеченіе того, что лицо, принимающее ученика, само вполне знакомо съ ремесломъ и способно быть учителемъ. Въ Германіи, какъ мы уже выше говорили, такой мѣрой является установленное закономъ 30-го мая 1908-го требованіе отъ учителя „kleine Befähigungsnachweis“. Съ установленіемъ этого требованія право обучать учениковъ въ ремеслѣ въ Германіи принадлежитъ только тѣмъ, кто сдалъ испытаніе на мастера, а къ этому испытанію допускаются лишь лица, выдержавшія испытаніе на подмастерье и проработавшія въ данномъ ремеслѣ минимумъ три года въ качествѣ подмастерья; испытаніямъ на мастера могутъ быть приравнены Областными Центральными Учрежденіями и экзамены въ учебныхъ мастерскихъ и техническихъ школахъ. Вопросъ о желательности или нежелательности введенія „kleine Befähigungsnachweis“ горячо обсуждался въ нѣмецкой литературѣ, и очень много отзывовъ имѣли неблагоприятный характеръ для данной реформы ²⁾. Противъ нея указывали, что сдача испытанія на мастера, гдѣ предъявляются самыя скромныя требованія, вовсе не можетъ служить прочной гарантіей, что данное лицо будетъ и хорошимъ учителемъ, а кромѣ того, для ученика одно хорошее обученіе ремеслу не является единственнымъ требованіемъ — громадное значеніе имѣетъ и нравственность учителя. Далѣе обращаютъ вниманіе на то, что съ одной стороны родители всегда могутъ узнать и безъ аттестата, хорошо-ли обучаетъ

¹⁾ Проектъ, ст. 21.

²⁾ Главнымъ образомъ W. Stieda, «Der Befähigungsnachweis» въ Schmollers Jahrb. 1895 г. стр. 186.; Thilo Hampke, «Der Befähigungsnachweis im Handwerk» 1892 г. стр. 128 и сл.; онъ-же въ Jahrb. f. Nat. u. Stat. III Folge Band 7 1894 г.

учениковъ данный мастеръ, тогда какъ, съ другой стороны, признавая официально, что данный мастеръ, какъ доказавшій свои познанія является хорошимъ учителемъ, очень часто можно ввести ихъ въ заблужденіе. Наконецъ, если и теперь жалуются, что многіе мастера держатъ по 10—12 учениковъ, то что-же будетъ, если это право будетъ предоставлено только нѣкоторымъ, — можно ожидать что они наберутъ ихъ столько, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, что о хорошемъ обученіи нечего будетъ и думать. Противъ введенія kleine Befähigungsnachweis приводятъ также въ примѣръ Австрію, гдѣ мѣра эта нисколько не улучшила обученія. Но много нашлось и сторонниковъ у „kleine Befähigungsnachweis“, опиравшихся на то, что мѣра эта является единственнымъ средствомъ помѣшать лицамъ, плохо знающимъ ремесло, принимать учениковъ исключительно съ цѣлью эксплуатаціи ихъ дешеваго труда, а не обученія ¹⁾. И мы лично полагаемъ, что послѣднее мнѣніе является болѣе правильнымъ, т. к. противъ „kleine Befähigungsnachweis“, какъ справедливо замѣчаетъ Вернике ²⁾, разъ только не считать ее ступенью для установленія Befähigungsnachweis въ широкомъ смыслѣ, въ сущности нельзя ничего возразить. Не только интересы учениковъ, но и интересы государства требуютъ, чтобы обученіе было дѣйствительно обученіемъ, а не простой эксплуатаціей дешеваго дѣтскаго труда, какимъ оно и является, когда учениковъ берутъ лица, сами ничего не умѣющія. Вопреки вышеприведенному доводу нѣкоторыхъ писателей, родители учениковъ, хотя и имѣютъ возможность узнать, что за ремесленникъ то лицо, которому они отдаютъ своего сына въ обученіе, но фактически въ громадномъ большинствѣ случаевъ вовсе объ этомъ не заботятся, — имъ важно, главнымъ образомъ, чтобы ученику за его трудъ платили, и стоитъ предложить имъ на полтинникъ въ мѣсяць больше, чтобы они предпочли самаго плохого мастера самому лучшему. Въ виду этого ничего не остается, какъ принять мѣры самому

¹⁾ Защитниками «kleine Befähigungsnachweis», являются: E. Jäger, стр. 92; F. Rücklin, стр. 64—65.; M. Schöne, стр. 125; B. Volger, стр. 113; A. Engel, стр. 56—61 и нѣк. др.

²⁾ Wernicke, стр. 861.

государству, и такой мѣрой можетъ быть только установление извѣстныхъ условій, которымъ долженъ удовлетворять каждый желающій принимать учениковъ, т. е. установить „kleine Befähigungsnachweis“. Конечно, вполне возможно, что и лица, удовлетворяющія этому условію, могутъ оказаться плохими учителями и воспитателями, тогда какъ, наоборотъ, лица не доказавшія свою способность быть учителемъ официальнымъ образомъ, могутъ оказаться фактически идеальными учителями, но это не можетъ служить серьезнымъ доводомъ противъ введенія „kleine Befähigungsnachweis“, т. к. исключенія всегда возможны, и данная мѣра не является, конечно, безспорнымъ ручательствомъ за то, что данное лицо хорошо обучитъ ученика, а только устанавливаетъ минимальную гарантію того, что учениковъ не будутъ брать лица, ничего не знающія въ данной профессіи. Что же касается до того, что могутъ быть лица, не имѣющія официального права имѣть учениковъ, а на дѣлѣ являющіяся прекрасными учителями, то это соображеніе уже потому несостоятельно, что трудно себѣ представить такого знающаго ремесленника, который бы въ то-же самое время не могъ доказать свое умѣнье официальнымъ порядкомъ, рассчитаннымъ, естественно, на средній уровень знаній. Доводъ, что при введеніи „kleine Befähigungsnachweis“ лица, доказавшія официальнымъ порядкомъ свои способности, будутъ набирать много учениковъ, доказываетъ только то, что необходимо принять мѣры противъ злоупотребленія числомъ учениковъ, но вовсе не опровергаетъ необходимости введенія вышеуказаннаго требованія. Мы отнюдь не думаемъ, чтобы введеніе „kleine Befähigungsnachweis“ сразу бы улучшило постановку ремесленнаго обученія,—этого ожидать нельзя, т. к. подобное улучшение зависитъ отъ цѣлаго ряда другихъ условій, но во всякомъ случаѣ введеніе его принципиально необходимо, такъ какъ нельзя предоставить право обучать лицамъ, не представившимъ опредѣленныхъ гарантій въ томъ, что они дѣйствительно сами знаютъ ремесло. Поэтому мы не можемъ признать цѣлесообразнымъ французскій проектъ 1907-го года, который никакихъ подобныхъ требованій къ лицамъ, принимающимъ учениковъ въ обученіе, не предъявляетъ. Что касается до русскаго проекта 1911-го г., то онъ въ данномъ отношеніи идетъ даже дальше германскаго права, требуя не только

„kleine Befähigungsnachweis“, но „Befähigungsnachweis“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. предоставляя не только право имѣть учениковъ, но и право заниматься самостоятельно ремесломъ только лицамъ, имѣющимъ званіе мастера, каковое званіе приобрѣтается испытаніемъ въ испытательной комиссіи или окончаніемъ ремесленнаго учебнаго заведенія, коему по его уставу предоставлено право выдавать аттестаты на званіе мастера ¹⁾. Кроме того, уже относительно только права держать учениковъ проектъ устанавливаетъ весьма цѣлесообразное требованіе, чтобы учитель былъ грамотнымъ ²⁾. Если цѣлесообразность установленія опредѣленныхъ гарантій знанія ремесла со стороны лица, принимающаго ученика, вызываетъ у многихъ сомнѣнія, то всѣ сходятся въ томъ, что законодатель долженъ принять мѣры, чтобы учитель удовлетворялъ извѣстнымъ требованіямъ относительно своей нравственности. Въ этомъ отношеніи недостаточно ограничиться запрещеніемъ принимать учениковъ лицамъ, приговореннымъ къ лишенію правъ состоянія, а нужно распространить это запрещеніе и на лицъ, осужденныхъ за преступленія, хотя и не влекущія такихъ тяжелыхъ послѣдствій, но тѣмъ не менѣе рисующихъ нравственность этихъ лицъ въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ, что поручать имъ воспитаніе учениковъ было бы опаснымъ. Развѣ можетъ, на примѣръ, считаться пригоднымъ воспитывать учениковъ лицо, осужденное за кражу, мошенничество и т. п.? Но и лицо, не осужденное за какой-либо проступокъ, можетъ проявить себя съ такой стороны, что предоставлять ему право имѣть учениковъ являлось-бы нежелательнымъ, почему надо признать вполне правильнымъ постановленіе § 126-а германскаго Gew. Ord., предоставляющаго возможность лишать права имѣть учениковъ на все время или на опредѣленный срокъ лицъ, которыя неоднократно оказывались виновными въ грубомъ нарушеніи своихъ обязанностей по отношенію къ своимъ ученикамъ или въ нравственномъ отношеніи выказали себя непригодными для роли воспитателей. Въ этомъ отношеніи надо признать постановленія нашего проекта 1911-го года недоста-

¹⁾ Проектъ ст. 3, 9, 10 и 39.

²⁾ Проектъ ст. 21.

точными: проект лишаетъ права держать учениковъ лицъ, ограниченныхъ въ правахъ по суду или осужденныхъ за безнравственные поступки или лишенныхъ этого права по приговору ремесленного суда, что можетъ имѣть мѣсто въ случаѣ грубаго нарушенія мастеромъ своихъ обязанностей¹⁾, но не предусматриваетъ возможности лишенія права обучать учениковъ лицъ, хотя по суду и не осужденныхъ, но въ нравственномъ отношеніи непригодныхъ быть воспитателями, какъ это дѣлаетъ германское право. Французскій проектъ 1907-го года въ этомъ отношеніи пошелъ по слѣдамъ германскаго права, предусматривая возможность лишенія права имѣть учениковъ лицъ, „qui ont à leur charge des fait contraires à la morale et de nature à les faire considerer comme incapables de diriger des apprentis“²⁾.

Далѣе, мы находимъ въ принципѣ весьма правильнымъ заимствованіе нашимъ проектомъ у французскаго законодательства позволенія мастерамъ неженатымъ или вдовымъ держать несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ въ качествѣ подмастерицъ или ученицъ лишь проходящими. Проектъ нашъ только нѣсколько смягчаетъ это постановленіе, предоставляя Комиссiи по ученическимъ дѣламъ разрѣшать въ отдѣльныхъ случаяхъ отступленія отъ этого правила подъ условіемъ устройства для дѣвушекъ особаго отъ мастерской помѣщенія и установленія надлежащаго надзора³⁾. Однако при обсужденіи этого вопроса на сѣздѣ вышеуказанному постановленію приданъ еще болѣе широкій характеръ, такъ какъ сѣздъ высказался за полное запрещеніе проживанія женщинъ и дѣвушекъ на квартирахъ при мастерскихъ, независимо отъ того, кто является хозяиномъ предпріятія—холостой мужчина, женатый или даже женщина. Рѣшеніе это вызвано было желаніемъ устранить не только покушенія хозяевъ на честь своихъ работницъ и ученицъ, но и превращеніе мастерскихъ въ публичные дома, какъ это часто имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Конечно, одной статьёй закона нельзя уничтожить пустившій прочные корни обычай и сразу пресѣчь развратъ въ мастерскихъ, но

¹⁾ Проектъ ст. 21, 243 и приложение къ ст. 243-ей §§ 1—11.

²⁾ Proposition de loi relatif à l'apprentissage 1907 г. art. 10 abs. 2.

³⁾ Проектъ ст. 22.

тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что такое постановленіе относительно несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ во всякомъ случаѣ можетъ служить нѣкоторой предупредительной мѣрой противъ злоупотребленія хозяевами своей властью съ одной стороны и неопытностью и легкомысліемъ ученицъ—съ другой. Но ограничивъ дѣйствіе этого правила только для несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ, мы за то полагали-бы умѣстнымъ запретить холостымъ и вдовымъ мастерамъ держать такихъ ученицъ и въ качествѣ проходящихъ, такъ какъ и послѣднія подвергаются большой опасности быть соблазненными ихъ хозяиномъ.

Въ то время, какъ требованіе извѣстныхъ гарантій относительно знанія профессіи должно относиться только къ тѣмъ, кто самъ лично занимается обученіемъ учениковъ, требованія гарантій относительно нравственности, по нашему мнѣнію, должны быть распространены и на лицъ, только принимающихъ учениковъ, но поручающихъ ихъ обученіе кому-либо изъ своихъ служащихъ. Пусть ремесленникъ поручитъ обученіе вполнѣ честному подмастерью, все равно, разъ онъ является человекомъ нечестнымъ и безнравственнымъ, ученику безусловно грозитъ извѣстная опасность отъ дурного вліянія примѣровъ хозяина, какъ старшаго въ предпріятіи. Исключеніе, однако, можетъ быть сдѣлано для крупныхъ предпріятій, гдѣ хозяинъ, обычно, такъ далеко стоитъ отъ учениковъ, что образъ его жизни не можетъ оказывать на нихъ никакого вліянія. Для этихъ лицъ поэтому достаточно ограничиться запрещеніемъ принимать учениковъ лишь въ случаяхъ неоднократнаго грубаго нарушенія ими своихъ обязанностей по отношенію къ ученикамъ.

Въ случаѣ нарушенія вышеуказанныхъ постановленій, т. е. принятія въ ученики лица, не удовлетворяющаго установленнымъ въ законѣ требованіямъ, или лицомъ, не имѣющимъ права принимать учениковъ, договоръ долженъ считаться недѣйствительнымъ, и учрежденія, которымъ ввѣренъ надзоръ за ученичествомъ, должны принять мѣры въ тому, чтобы ученикъ былъ отпущенъ. Но т. к. въ данномъ случаѣ виновато лицо, принявшее ученика, а не самъ ученикъ, то въ интересахъ справедливости слѣдовало бы зачитывать ученику въ счетъ обязательнаго срока обученія, если таковой срокъ законодательствомъ или администраціей будетъ установленъ, то время, которое онъ пробылъ у мастера по такому

недѣйствительному договору. Къ сожалѣнію, нашъ проектъ, предусматривая возможность установленія срока обученія, о такомъ зачетѣ ничего не говоритъ. Затѣмъ, т. е. запрещеніе извѣстнымъ лицамъ принимать учениковъ, а также запрещеніе принимать извѣстныхъ лицъ въ ученики установлены въ интересахъ всего общества, то мастеръ, нарушившій данныя постановленія, долженъ быть наказанъ, причемъ наказанія эти, въ видѣ денежнаго штрафа, безусловно должны быть установлены въ значительно болѣе высокомъ размѣрѣ, чѣмъ тотъ, который установленъ у насъ въ Россіи и во Франціи: 5—10 рублей настолько ничтожная сумма, особенно въ сравненіи съ выгодами, которыя можетъ дать незаконное пользованіе трудомъ учениковъ, что никого не удержитъ отъ нарушенія закона; нашъ проектъ размѣръ штрафа для мастера, держащаго подмастерьевъ или учениковъ вопреки запрещенію ремесленнаго суда, увеличиваетъ до 100 рублей ¹⁾.

Весьма существеннымъ является также вопросъ объ ограниченіи числа учениковъ, которое можетъ принять каждый мастеръ. Что принятіе учениковъ въ очень большомъ количествѣ вредно отражается на обученіи и является однимъ изъ крупныхъ золъ современнаго ученичества—это въ настоящее время является общепризнаннымъ, и западныя законодательства, какъ мы видѣли выше, начали предпринимать тѣ или инныя мѣры для устранения этого печальнаго явленія. Однако, какъ Германія, такъ и Франція, не нашли возможнымъ установить въ законѣ единую общую для всѣхъ профессій и предпріятій норму, а пошли инымъ путемъ. Германское законодательство предоставило опредѣленіе этой нормы Союзному Совѣту для отдѣльныхъ профессій, ремесленнымъ камерамъ для отдѣльныхъ ремеслъ ихъ округа, и цехамъ для своихъ членовъ; кромѣ того, въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ число учениковъ можетъ быть сокращено, и установлена опредѣленная норма на будущее время распоряженіемъ нисшихъ административныхъ учрежденій, если послѣднія найдутъ, что число учениковъ въ данномъ предпріятіи, хотя и не превышаетъ нормы, установленной Союзнымъ Совѣтомъ, камерой или цехомъ, но

¹⁾ Проектъ Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ ремесленнымъ судомъ, ст. 1.

тѣмъ не менѣе не соответствуетъ объему даннаго предпріятія и дурно отражается на качествѣ обученія. Французскій проектъ 1907-го г. знаетъ только послѣднюю мѣру—т. е. сокращеніе числа учениковъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ и установленіе для нихъ опредѣленной нормы впредь до измѣненія условій производства въ нихъ; только осуществленіе этой мѣры въ отличіе отъ Германіи возложено не на администрацію, а на *Conseils de prud'hommes*. Такимъ образомъ, опредѣленной нормы для цѣлой профессіи во Франціи по проекту, установлено быть не можетъ. Мы лично однако полагаемъ, что вышеуказанныя мѣры не могутъ быть признаны цѣлесообразными. Опредѣлять число учениковъ для каждаго предпріятія соответственно постановкѣ въ немъ обученія, какъ это устанавливается французскимъ проектомъ, значило бы возлагать на *Conseils de prud'hommes* задачу, которую исполнить надлежащимъ образомъ они безусловно будутъ не въ состояніи, т. е. при посѣщеніи мастерскихъ крайне трудно удостовѣриться, насколько хорошо въ каждой изъ нихъ поставлено обученіе. Поэтому *Conseils de prud'hommes* фактически будутъ исходить при рѣшеніи даннаго вопроса только изъ опредѣленной цифровой нормы, примѣняя ее ко всѣмъ предпріятіямъ, причемъ норма эта, естественно, будетъ въ разныхъ мѣстахъ различна, сообразно съ различіемъ въ возрѣвнѣяхъ отдѣльныхъ *Conseils*. Такая неопредѣленность на практикѣ можетъ вызвать рядъ недоразумѣній, т. е. мастера постоянно будутъ ссылаться на то, что въ сосѣднемъ округѣ разрѣшается держать учениковъ больше, чѣмъ здѣсь. Кромѣ того, отсутствіе опредѣленной нормы въ сущности не даетъ никакихъ указаній мастерамъ, сколько учениковъ они могутъ держать, почему вполне возможно, что отдѣльные мастера будутъ принимать значительное число учениковъ, а требованіе со стороны *Conseils de prud'hommes* отпустить нѣсколькихъ учениковъ будетъ вызывать серьезные протесты, т. е. такой отпускъ причиняетъ мастеру нерѣдко матеріальный ущербъ, да и для ученика мѣнять мастерскія не всегда полезно. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія было бы цѣлесообразнѣе установить прямо опредѣленную норму, съ которой ремесленники могли-бы заранѣе сообразоваться при приѣмѣ учениковъ. Въ Германіи такія нормы устанавливаются, но не закономъ, а Союзнымъ Совѣтомъ, ремесленными камерами и цехами, но,

по нашему мнѣнію, такое разнообразіе по профессіямъ, мѣстностямъ и цехамъ также ничѣмъ не оправдывается: почему, въ самомъ дѣлѣ, въ Лейпцигѣ сапожникъ можетъ держать двухъ учениковъ, а въ Дрезденѣ или Берлинѣ трехъ или одного. Точно также, намъ кажется, нѣтъ серьезныхъ основаній для различія и по профессіямъ: трудна-ли, легка-ли данная профессія, все равно отъ мастера требуется известное вниманіе къ работѣ ученика, трата времени на указанія, какъ и что онъ долженъ дѣлать, и эта трата времени не можетъ представлять особыхъ различій въ зависимости отъ того, обучается-ли ученикъ сапожному или столярному ремеслу. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія, цѣлесообразнѣе было-бы установить въ законѣ единую для всѣхъ профессій норму. Правда, при этомъ получалась-бы нѣкоторая несправедливость по отношенію къ отдѣльнымъ мастерамъ, т. к. болѣе опытный сумѣетъ одновременно обучать трехъ учениковъ, тогда какъ менѣе опытный едва сладитъ съ однимъ, но, за невозможностью осуществить надлежащимъ образомъ такую индивидуализацію при опредѣленіи числа учениковъ, предлагаемая нами система представляетъ значительныя преимущества своей простотой и легкостью контроля за его соблюденіемъ. При опредѣленіи этой нормы необходимо исходить исключительно изъ того соображенія, сколько учениковъ можетъ обучать одновременно средній мастеръ такъ, чтобы обученіе шло надлежащимъ образомъ, но никоимъ образомъ не изъ какихъ либо другихъ соображеній. Поэтому, для законодателя безусловно должны быть непріемлемы тѣ нормы, которыя нерѣдко вырабатываются союзами рабочихъ, т. к. здѣсь рабочіе заботятся не столько объ обученіи учениковъ, сколько о томъ, чтобы не увеличилось особенно сильно число обученныхъ рабочихъ, и вслѣдствіе этого не уменьшалась-бы ихъ заработная плата; только съ этой точки зрѣнія и можетъ быть оправдано, на примѣръ, требованіе, чтобы мастеръ принимать новаго ученика могъ не раньше какъ по прошествіи известнаго времени со дня окончанія обученія прежняго ученика, или чтобы въ ученики принимались исключительно дѣти ремесленниковъ данной профессіи. Такія нормы, напоминающія цеховыя уставы времени упадка цехового строя, безусловно не заслуживаютъ одобренія съ точки зрѣнія политики права, какъ устанавливающія нѣчто въ родѣ замкнутыхъ классовъ и лишаящія гражданъ

естественнаго ихъ права изучать ту профессію, кака имъ нравится. Далѣе, при опредѣленіи вышеуказанной нормы обычно ее устанавливаютъ соотвѣтственно числу взрослыхъ рабочихъ въ данной мастерской—на примѣръ, не болѣе 3-хъ учениковъ и затѣмъ на каждаго подмастерья еще по одному¹⁾, исходя очевидно изъ того соображенія, что каждый взрослый рабочій помогаетъ мастеру обучать учениковъ и слѣдить за ними. По нашему мнѣнію, это также нелогично, т. к. не всякій взрослый рабочій можетъ быть учителемъ, почему правильнѣе было-бы опредѣлять норму на каждаго лица изъ работающихъ въ данномъ предпріятіи, которое имѣетъ право обучать учениковъ. Что-же касается до самой нормы, то намъ казалось-бы достаточнымъ установить ее въ размѣрѣ 2—3-хъ учениковъ на каждаго учителя въ данномъ предпріятіи, т. к. трудно предположить, чтобы ремесленникъ, который самъ долженъ все время работать, могъ съ успѣхомъ руководить работой болѣе, чѣмъ трехъ учениковъ, и наблюдать за ними.

Хотя у насъ въ Россіи за послѣднее время жалуются больше на недостатокъ въ ученикахъ, чѣмъ на пріемъ ихъ мастеромъ въ черзчуръ большомъ числѣ²⁾, однако первый проектъ Устава о ремесленной промышленности, составленный О-вомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ въ 1900-омъ году, установилъ было норму въ три ученика на каждаго мастера, работающаго безъ подмастерьевъ, предоставивъ въ то-же время Присутствію по ученическимъ дѣламъ, какъ устанавливать для каждаго ремесла другія нормы, такъ и уменьшать или увеличивать эти нормы для отдѣльныхъ предпріятій³⁾. Новый проектъ, однако, предпочелъ совсѣмъ не устанавливать въ законѣ такой нормы, предоставивъ всецѣло Коммиссіи по ученическимъ дѣламъ по соглашенію съ цеховой или ремесленной управой и ремесленной инспекціей опредѣлять число учениковъ, допускаемое при наличности или

¹⁾ Дрезденская ремесленная камера, см. выше стр. 308.

²⁾ Такъ, на примѣръ, одинъ изъ казанскихъ ремесленниковъ въ докладѣ 3-ьему Съѣзду русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, сообщилъ, что въ Казани на 1038 мастеровъ приходится всего 1533 ученика.

³⁾ Проектъ 1900-го г. ст. 71—73.

отсутствіи подмастерьевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ предоставилъ Коммиссіи право уменьшать эту норму для отдѣльныхъ мастерскихъ въ зависимости отъ наличныхъ средствъ мастера, не дающихъ ему возможности успешно обучать нормальное число учениковъ¹⁾. Такимъ образомъ, по нашему проекту дѣло обстоитъ въ общемъ такъ-же, какъ и въ Германіи.

4) Обращаясь къ способу заключенія договора обученія, прежде всего нужно указать, что расширение дѣеспособности несовершеннолѣтнихъ, въ смыслѣ предоставленія имъ права самимъ безъ согласія попечителей совершать этотъ договоръ, здѣсь не должно допускаться. Если подобное расширение дѣеспособности этихъ лицъ относительно заключенія договора личнаго найма вызываетъ справедливыя возраженія²⁾, то тѣмъ болѣе это недопустимо по отношенію къ договору обученія, заключаемому на долгій срокъ и имѣющему громадное значеніе для всей дальнѣйшей жизни ученика: здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-бы то ни было нужно охранять лицъ, недостигшихъ совершеннолѣтія, отъ легкомысленныхъ, необдуманныхъ поступковъ.

Но, если нельзя позволить несовершеннолѣтнимъ самимъ безъ согласія законнаго представителя заключать договоръ ученичества, то съ другой стороны также нежелательно съ точки зрѣнія „политики права“ разрѣшать родителямъ отдавать своихъ дѣтей въ обученіе безъ ихъ согласія; какъ это имѣетъ мѣсто у насъ въ Россіи. Французскій юристъ Debole справедливо замѣчаетъ, что лишь одни несовершеннолѣтніе преступники могутъ быть принуждаемы къ работамъ³⁾. То различіе, которое въ этомъ отношеніи дѣлаетъ русское право между личнымъ наймомъ и договоромъ обученія, требуя въ первомъ случаѣ непременно согласія дѣтей, ничѣмъ не можетъ быть оправдано—ученикъ также работаетъ, какъ и нанявшійся, а элементъ обученія, свойственный данному договору, именно требуетъ согласія ученика болѣе, чѣмъ въ лич-

¹⁾ Проектъ, ст. 26.

²⁾ См. напримѣръ, A. Menger, «Das bürgerl. Recht u. besitzlosen Volksklassen», 1904 г. стр. 108 и сл.; Ingwer, «Das Arbeitsverhältniss nach österr. Recht.» 1905 г. стр. 32—34.

³⁾ Debole, стр. 100—101.

номъ наймѣ, такъ какъ при выборѣ профессіи склонности и желанія ученика играютъ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ при поступленіи его въ обычный личный наемъ. Къ сожалѣнію, нашъ проектъ 1911-го года о такомъ согласіи со стороны ученика ничего не говоритъ.

Договоръ ученичества долженъ быть заключенъ въ письменной формѣ—въ этомъ въ настоящее время сходятся почти всѣ¹⁾, такъ какъ письменная форма даетъ возможность сторонамъ точно знать свои права и обязанности и устраняетъ всевозможные споры и недоразумѣнія. При этомъ въ цѣляхъ контроля желательно было-бы требовать, чтобы договоръ заключался въ трехъ экземплярахъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Швейцаріи, изъ которыхъ одинъ оставался-бы у мастера, другой у законнаго представителя ученика, а третій препровождался-бы для контроля въ учрежденіе, которому ввѣренъ надзоръ за ученичествомъ. Никакого другого засвидѣтельствованія договора требовать не слѣдуетъ, такъ какъ это было-бы затруднительно для контрагентовъ и вызывало-бы нѣкоторые расходы. Но за то весьма желательно было-бы, чтобы законъ требовалъ заключенія договора согласно съ образцомъ, приложеннымъ къ закону, такъ какъ это обращало-бы вниманіе контрагентовъ на тѣ пункты, которые должны быть влючены въ договоръ. Такого рода бланки для договоровъ ученичества должны быть бесплатно предоставлены въ распоряженіе лицъ, заключающихъ договоръ. Подобныя правила относительно заключенія договора ученичества и устанавливаются, какъ русскій, такъ и французскій проекты. Въ частности нашъ проектъ требуетъ письменной формы договора, составленной по образцу, установленному Коммиссіей по ученическимъ дѣламъ, и освобожденной отъ всякихъ казенныхъ и общественныхъ сборовъ; проектъ перечисляетъ тѣ пункты, которые долженъ содержать договоръ, и требуетъ, чтобы онъ былъ предъявленъ мастеромъ Коммиссіи по ученическимъ дѣламъ для засвидѣтельствованія и регистраціи; въ случаѣ несоотвѣтствія договора требованіямъ закона, установленному

¹⁾ Во Франціи при анкетѣ 1902-го года 4/5 опрошеннаго числа лицъ высказались за письменную форму; см. также Труды перваго ремесленнаго съѣзда 1900 г. стр. 7—9, 12, 14, 16, 39—40, 121—122, 231, 347, 388.

образцу или обязательной программѣ обученія, Коммиссія можетъ вернуть договоръ мастеру съ объясненіемъ причинъ отказа въ засвидѣтельствovanіи, на что мастеръ можетъ жаловаться ремесленному суду; по засвидѣтельствovanіи договора, Коммиссія выдаетъ ученику ученическую книгу, въ которую вносится ученическій договоръ, и отмѣчаются всѣ перемѣны, происшедшія въ положеніи ученика, а также свѣдѣнія о времени и причинахъ прекращенія договора ¹⁾).

Но, какъ ни желательно заключеніе договоровъ ученичества въ письменной формѣ, мы полагаемъ-бы ошибочнымъ лишить контрагентовъ возможности доказывать наличность договора ученичества свидѣтельскими показаніями, такъ какъ это тяжело отражалось-бы на ученикахъ, которые фактически не въ состояніи принудить мастера заключать договоръ согласно съ требованіями закона. Поэтому санкціей несоблюденія установленной формы должно быть только возложеніе на мастера извѣстныхъ невыгодныхъ послѣдствій въ видѣ денежнаго штрафа, но не признаніе договора недѣйствительнымъ. Но такъ какъ за отсутствіемъ письменнаго договора ученику крайне трудно доказать, что хозяинъ обязался именно обучать его, то для устраненія возможности со стороны хозяевъ выдавать учениковъ за несовершеннолѣтнихъ рабочихъ съ цѣлью избѣжать примѣненія нормъ объ ученичествѣ, по нашему мнѣнію, было-бы вполне цѣлесообразно установить въ законѣ предположеніе, аналогичное тому, которое было введено въ проектъ германской новеллы 1897 года ¹⁾, — именно, что въ случаѣ сомнѣнія всѣ лица моложе 17 лѣтъ, работающія постоянно въ данномъ предпріятіи, должны предполагаться учениками. Въ принципѣ было-бы желательно пойти дальше и вышеуказанныхъ лицъ всегда считать учениками, какого-бы характера договоръ ни былъ заключенъ между ними и хозяиномъ, но такъ какъ такое постановленіе, уничтожающее окон-

¹⁾ Проектъ, ст. 59—65.

²⁾ Предположеніе это по настоянію крупныхъ промышленниковъ при третьемъ чтеніи законопроекта въ Рейхстагѣ, къ сожалѣнію, было отвергнуто, несмотря на сочувствіе, которое оно встрѣтило въ литературѣ (см. Köpfer, «Handwerks Art, Handwerks Recht» 1904 г. стр. 38—39; P. Voigt въ Brauns Archiv, Band XI 1897 г. стр. 79; Schriften Vereins f. Socialpol. 1875 г. рефераты König'a и Roth'a).

чательно пользованіе трудомъ такихъ лицъ въ качествѣ простыхъ рабочихъ, врядъ-ли осуществимо въ настоящій моментъ (стоитъ только вспомнить, какъ трудно добиться запрещенія пользоваться трудомъ дѣтей, хотя-бы моложе 15-ти лѣтъ), то въ качествѣ перваго шага достаточно было-бы ограничиться лишь предположеніемъ, что лица эти являются учениками, если только ими не заключенъ въ установленной формѣ договоръ личнаго найма.

Спорнымъ вопросомъ является, нужно-ли устанавливать въ законѣ срокъ обученія, или не нужно. Что касается до минимальнаго срока обученія, существующаго, на примѣръ, въ русскомъ правѣ, то отрицательный отвѣтъ очевиденъ: мастера сами не будутъ заключать договоры на сроки черезчуръ короткіе, такъ какъ это имъ невыгодно, если-же въ видѣ исключенія такой договоръ и будетъ заключенъ, и мастеръ все-таки научитъ ученика ремеслу, какъ слѣдуетъ, то отъ этого рѣшительно никому нѣтъ вреда; вредъ будетъ на лицо только тогда, когда въ послѣднемъ случаѣ мастеръ не исполнитъ своей обязанности надлежащимъ образомъ, но, во первыхъ, тогда онъ будетъ подлежать отвѣтственности, что является извѣстной гарантіей для ученика, а во вторыхъ, долгіи срокъ обученія нисколько не обезпечиваетъ ученику хорошаго обученія, такъ какъ тотъ мастеръ, который ничему не научилъ ученика въ короткій срокъ согласно своему обѣщанію, не научитъ его и въ долгіи. Болѣе труднымъ является рѣшить, нужно-ли съ точки зрѣнія политики права устанавливать въ законѣ максимальный срокъ обученія. Выше ¹⁾ мы говорили, что по этому поводу въ наукѣ существуютъ два теченія—одно требуетъ установленія ограниченія, въ качествѣ средства защиты учениковъ противъ стремленія мастеровъ закабалить ихъ въ обученіе на сроки несоразмѣрно длинныя съ цѣлью возможно дольше пользоваться дешевымъ трудомъ уже обученныхъ учениковъ, другое-же теченіе, наоборотъ, полагаетъ, что установленіе такого максимальнаго срока обученія не достигнетъ вышеуказанной цѣли, а скорѣе принесетъ вредъ тѣмъ-же ученикамъ. Мы лично склоняемся въ пользу послѣдняго взгляда на томъ основаніи, что, какъ это показалъ

¹⁾ См. стр. 335 и сл.

опытъ Германіи, ¹⁾ установленіе въ законѣ максимальнаго срока обученія влечетъ за собой то, что этотъ максимальный срокъ въ жизни получаетъ широкое распространеніе, пріобрѣтаетъ, какъ-бы обязательное значеніе, а т. к. различныя профессии по своей трудности представляютъ значительныя различія, и при установленіи максимальнаго срока законодатель долженъ считаться съ тѣмъ срокомъ, который требуется для изученія болѣе трудныхъ профессій, то въ результатѣ получится, что срокъ обученія на практикѣ удлинится въ ущербъ ученикамъ, обучающимся менѣе труднымъ ремесламъ, какъ это и случилось въ Германіи. Конечно, этого можно было бы избѣжать установленіемъ максимальнаго срока обученія для каждой профессии отдѣльно, сообразно съ ея трудностью или легкостью для изученія, какъ это предполагается нашимъ проектомъ 1911-го года, представляющимъ Министру Торговли и Промышленности устанавливатъ сроки обученія для отдѣльныхъ ремеслъ, ²⁾ но подобная мѣра врядъ-ли осуществима въ виду безконечнаго множества промышленныхъ профессій; кромѣ того, здѣсь получилось бы опять, что срокъ обученія какой-либо профессии опредѣлялся бы сообразно съ тѣмъ, сколько времени нужно для обученія средняго по способностямъ ученика, вслѣдствіе чего болѣе способные ученики принуждены были-бы отбывать болѣе долгіе сроки обученія, чѣмъ слѣдовало-бы. По этимъ соображеніямъ намъ казалось бы для защиты ученика противъ установленія по договору несоразмѣрно длиннаго срока обученія достаточнымъ предоставить въ подобныхъ случаяхъ ученикамъ или органамъ, которымъ будетъ ввѣренъ надзоръ за ученичествомъ, требовать сокращенія срока, какъ противнаго добрымъ нравамъ. На эту точку зрѣнія всталъ и французскій проектъ объ ученичествѣ.

5) Относительно опредѣленія обязанностей мастера необходимо указать въ законѣ, что хозяинъ можетъ поручать обученіе ученика кому-нибудь изъ своихъ служащихъ. Предоставленіе этого права необходимо, такъ какъ иначе обученіе учениковъ на фабрикахъ станетъ невозможнымъ. Но при этомъ нужно установить, чтобы лицо, кому дано такое по-

¹⁾ См. выше стр. 338—339.

²⁾ Проектъ ст. 60 примѣч. 2-ое.

рученіе, удовлетворяло всѣмъ вышеуказаннымъ условіямъ, требуемымъ закономъ отъ лица, желающаго заниматься обученіемъ учениковъ, такъ какъ довѣрять обученіе лицамъ ничего не умѣющимъ или безнравственнымъ значило-бы ставить въ опасность, какъ обученіе, такъ и воспитаніе ученика. Для возможности-же контроля за соблюденіемъ этихъ условій желательно было-бы, чтобы личность того, кому поручается хозяиномъ обученіе, была обозначена въ договорѣ или сообщена тому учрежденію, куда будутъ посылаться копии съ договоровъ, и которое должно будетъ наблюдать за положеніемъ учениковъ. Подобное предложеніе было внесено въ германскій Рейхстагъ социаль-демократами при обсужденіи новеллы 1897-го г., но, къ сожалѣнію, принято не было. Но, конечно, вышеуказанное требованіе должно относиться только къ тѣмъ лицамъ, которымъ цѣликомъ ввѣрено обученіе ученика, но не къ обыкновеннымъ подмастерьямъ, помогающимъ только мастеру обучать учениковъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ регламентаціи взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ въ договорѣ ученичества является опредѣленіе характера обязанности мастера относительно обученія ученика,—долженъ ли онъ „обучить“ его своей профессіи или только „обучать“ его. По нашему мнѣнію, законодательство безусловно должно ясно и опредѣленно высказаться въ первомъ смыслѣ, какъ наиболѣе соответствующимъ цѣли и природѣ даннаго договора и волѣ сторонъ, и не воспринятомъ современными законодательствами только по недоразумѣнію, а можетъ быть и потому, что до сихъ поръ договоръ ученичества не разсматривался съ точки зрѣнія гражданскаго права. Данное рѣшеніе вызывается и практическими соображеніями—тѣмъ, что на практикѣ контроль за обученіемъ ученика не только труденъ, но даже невозможенъ: вѣдь если хозяинъ, нанявшій рабочаго по денно или помѣсячно, можетъ все время слѣдить за тѣмъ, чтобы тотъ дѣйствительно работалъ, какъ слѣдуетъ, то такой контроль въ договорѣ ученичества немислимъ, такъ какъ, какъ бы хорошо ни былъ организованъ контроль за ученичествомъ, все равно слѣдить все время за тѣмъ, чтобы мастеръ постоянно „обучалъ“ ученика, онъ не въ состояніи. Все это говоритъ за то, чтобы центръ тяжести здѣсь былъ перенесенъ на результатъ обученія—на то, чтобы по окончаніи ученичества

ученикъ дѣйствительно зналъ ремесло, которому его долженъ былъ научить мастеръ. Если принять эту точку зрѣнія, то логическимъ выводомъ отсюда будетъ необходимость организовать испытанія для учениковъ, окончившихъ срокъ обученія, т. е. это единственное средство для удостовѣренія, обучали ли мастеръ ученика или нѣтъ. Конечно, физически принудить ученика подвергнуться испытанію, разъ онъ этого не желаетъ, невозможно, но такъ какъ удовлетворительная постановка обученія, средствомъ контроля за которой являются испытанія, представляетъ интересъ для всего государства, то законодатель долженъ принять извѣстныя мѣры, чтобы побудить учениковъ подвергаться испытаніямъ. Такими средствами будутъ, во первыхъ, предоставленіе права обучать учениковъ лишь тѣмъ, кто сдалъ испытаніе, и, во вторыхъ, наказаніе того мастера, который будетъ удерживать учениковъ своихъ итти на экзаменъ или даже просто не приметъ мѣры побудить ихъ къ этому. А такъ какъ доказать, что мастеръ удерживалъ или не побуждалъ ученика экзаменоваться, довольно трудно, то полезно было-бы установить предположеніе, что въ неявѣ ученика на экзаменъ виноватъ мастеръ и отвѣчаетъ за это, если онъ не докажетъ, что ученикъ не пошелъ на испытаніе не по его винѣ, а по какой-либо другой причинѣ. Если ученикъ испытанія не выдержитъ, то это должно разсматриваться, какъ доказательство неисполненія мастеромъ своей обязанности, и должно повлечь всѣ тѣ послѣдствія, которыя обычно наступаютъ при неисполненіи подрядчикомъ подряда—т. е. мастеръ долженъ вернуть все то вознагражденіе, которое онъ уже получилъ за свои труды, и вознаградить ученика за причиненный ему ущербъ. Сумма эта должна состоять, во первыхъ, изъ платы, которую ученикъ платилъ ему за обученіе, если таковая платилась, и изъ вознагражденія за труды ученика по цѣнѣ, которую обычно получаютъ въ данной мѣстности рабочіе его возраста въ данномъ ремеслѣ за вычетомъ того, что платилъ мастеръ ученику, и стоимости содержанія ученика. Что-же касается до ущерба, который понесъ ученикъ, то онъ состоитъ въ томъ, что вслѣдствіе неудачнаго исхода испытанія онъ былъ лишенъ возможности въ теченіе извѣстнаго времени (пока вновь не подготовится) зарабатывать то, что обыкновенно зарабатываютъ обученные рабочіе данной профессіи, а долженъ былъ довольствоваться меньшимъ заработкомъ;

сумму эту довольно трудно точно исчислить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ что опредѣленіе ея должно быть представлено суду, который долженъ исчислять ее, сообразуясь съ тѣмъ, черезъ сколько времени испытательная коммиссія позволить данному ученику вторично явиться на испытаніе. Освободиться отъ данныхъ послѣдствій мастеръ можетъ только доказавъ, что неудачный исходъ испытанія произошелъ по винѣ самого ученика—оправдываться же неспособностью ученика онъ не можетъ, т. е. для оцѣнки способностей послѣдняго дается пробный періодъ при заключеніи договора, а разъ мастеръ тогда не расторгнулъ договоръ, то этимъ самымъ онъ призналъ самъ ученика пригоднымъ.

Таковы должны быть частно правовыя послѣдствія неудачнаго исхода испытанія; кромѣ нихъ должны наступать и публично-правовыя, въ видѣ лишенія права принимать учениковъ того мастера, ученики котораго неоднократно оказывались плохо подготовленными: достаточно, мнѣ кажется, для этого трехъ неудачныхъ испытаній. Что-же касается до ученика, невыдержавшаго испытанія, то ему коммиссія испытательная можетъ назначить срокъ, по прошествіи котораго онъ можетъ экзаменоваться вторично, причемъ ему должно быть предоставлено на усмотрѣніе, поступить-ли доучиваться къ другому мастеру или остаться у стараго или, наконецъ, начать работать въ качествѣ необученаго рабочаго, такъ какъ обязывать ученика оставаться ученикомъ у стараго мастера нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній и во многихъ случаяхъ врядъ-ли было-бы полезно.

Съ перенесеніемъ центра тяжести на результатъ обученія и съ возложеніемъ на учителя тяжелой отвѣтственности за недостиженіе даннаго результата, до извѣстной степени устраняется необходимость въ строгомъ контролѣ за обученіемъ учениковъ, который въ сущности фактически оставался всегда номинальнымъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что контроль этотъ вовсе не нуженъ,—нѣтъ, онъ необходимъ относительно другихъ сторонъ положенія учениковъ—обращенія съ ними, пищи, помѣщенія и т. п., гдѣ онъ дѣйствительно можетъ имѣть серьезное значеніе, но что касается до обученія, то значеніе его ослабляется тѣмъ, что мастеръ всегда можетъ возразить, что онъ обязался выучить ученика и отвѣчаетъ, если не выучитъ, но какъ онъ его обучаетъ,—

это уже его дѣло. вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть отмѣнено и право расторгать договоръ до срока по причинѣ плохого обученія, какъ это имѣетъ мѣсто и у насъ въ Россіи, такъ какъ, пока срокъ не истекъ, нельзя признавать мастера неисполнившимъ своей обязанности: онъ можетъ наверстать пропущенное, можетъ взять опытнаго въ обученіи подмастерья и добиться къ концу ученичества, что ученикъ будетъ дѣйствительно знать ремесло.

У насъ въ Россіи пожеланія объ установленіи для учениковъ испытаній высказывались очень многими еще на первомъ ремесленномъ сѣздѣ, но всѣ они безъ исключенія придавали этимъ испытаніямъ исключительно публично-правовое значеніе, связывая ихъ съ полученіемъ ученикомъ званія подмастерья вмѣстѣ съ запрещеніемъ мастерамъ принимать къ себѣ на службу лицъ, не имѣющихъ такого званія, и раздачей лучшимъ изъ учениковъ наградъ для поощренія¹⁾. Ни одинъ голосъ не раздался на сѣздѣ за то, чтобы придать испытаніямъ значеніе средства контроля за исполненіемъ мастеромъ своихъ обязанностей по отношенію къ ученику. Эту-же публично-правовую точку зрѣнія на испытанія сохранилъ и проектъ 1911-го года. Согласно проекту, ученикъ по окончаніи срока обученія получаетъ отъ мастера свидѣтельство о продолжительности обученія, достигнутыхъ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи. На основаніи одного этого свидѣтельства (безъ испытанія) ученику выдается Цеховой или Ремесленной Управой аттестатъ подмастерья 2-го разряда²⁾. Съ такимъ аттестатомъ въ рукахъ подмастерье можетъ служить простымъ рабочимъ хоть всю жизнь, но если онъ пожелаетъ получить званіе мастера, то онъ долженъ сдать испытаніе въ особой испытательной комиссіи на званіе подмастерья 1-го разряда, а затѣмъ уже получаетъ право подвергнуться испытанію на званіе мастера. Любопытно также то, что по проекту къ испытанію на званіе подмастерья 1-го разряда допускаются подмастерья 2-го разряда не ранѣе года со времени получения этого послѣдняго званія³⁾.

¹⁾ Труды сѣзда, стр. 63—68, 137, 143—144, 147, 383—385, 393, 403, 412.

²⁾ Проектъ ст. 74 и 37.

³⁾ Проектъ, ст. 37—38, 206—217.

Изъ сказаннаго нетрудно замѣтить, что проектъ 1911-го г. не только не придалъ испытаніямъ значенія контроля за исполненіемъ мастеромъ своей обязанности обученія, но какъ-бы умышленно постарался разорвать всякую связь между обученіемъ съ одной стороны и испытаніями—съ другой. Последнее особенно ярко сказывается въ допущеніи въ испытаніямъ на званіе подмастерья 1-го разряда только по истеченіи года со времени окончанія ученичества, такъ какъ благодаря этому перерыву съ мастера въ сущности слагается всякая отвѣтственность за исходъ испытанія: развѣ можно упрекать мастера въ плохомъ обученіи ученика, вполнѣ провалившагося на испытаніи, когда этотъ ученикъ, въ качествѣ подмастерья 2-го разряда, цѣлый годъ работалъ, неизвѣстно гдѣ,—вѣдь въ теченіе этого года онъ могъ совсѣмъ разучиться работать, проводя цѣлые дни въ кабакахъ и т. п. Поэтому, если, на примѣръ, въ Германіи неудачный исходъ испытаній учениковъ того или иного мастера нѣсколько отражается хотя-бы на его репутаціи, что заставляетъ мастеровъ все-же стараться, чтобы ученики ихъ не обнаруживали на экзаменѣ полного невѣжества, проектъ нашъ какъ-бы сознательно заботится о томъ, чтобы репутація мастеровъ отъ этого не страдала, и чтобы мастера не несли никакой даже нравственной отвѣтственности за провалъ ихъ учениковъ. Вслѣдствіе этого испытанія учениковъ по нашему проекту могутъ разсматриваться исключительно, какъ средство пропускать въ мастера только лицъ, хорошо знающихъ ремесло, но никакъ не могутъ служить мѣрой, направленной на улучшеніе обученія. На практикѣ же, безъ сомнѣнія, испытанія эти будутъ служить лишь средствомъ устраненія конкуренціи для мастеровъ подобно тому, какъ это было въ періодъ упадка цехового строя. Поэтому мы полагаемъ, что постановленія нашего проекта объ испытаніяхъ не только отличаются тѣми-же недостатками, какъ и постановленія другихъ законодательствъ и французскаго проекта 1907-го года¹⁾, также не придававшихъ испытаніямъ значенія средства провѣрки исполненія мастеромъ обязанности обученія, но являются,

¹⁾ Art. 15.

благодаря вышеуказанному годичному сроку, еще болѣе не-удовлетворительными.

Но, какъ ни велико можетъ быть вліяніе испытаній на улучшение обученія, тѣмъ не менѣе для того, чтобы обученіе дѣйствительно соотвѣтствовало потребностямъ современной жизни, необходимо, чтобы ученикъ, обучаясь у мастера, по-полнялъ свои познанія и путемъ посѣщенія ремесленной школы. Выше мы говорили, что предоставленіе ученикамъ только извѣстнаго времени для посѣщенія школъ безъ при-знанія этого посѣщенія обязательнымъ, не имѣетъ серьезнаго значенія, почему необходимо, чтобы постановленіе русскаго закона 15-го ноябрю 1906-го г. было замѣнено другимъ, ко-торое, по примѣру Германіи, обязывало-бы мастера подъ угрозой штрафа, а при рецидивѣ и лишенія права имѣть учениковъ, побуждать учениковъ посѣщать школу и слѣдить за тѣмъ, чтобы они дѣйствительно ее посѣщали; несоблю-деніе мастеромъ этой обязанности должно давать ученику право расторгнуть договоръ до истеченія срока. Посѣщеніе школы должно быть сдѣлано обязательнымъ и для ученика, т. что въ случаѣ неоднократнаго неисполненія имъ этой обязанности мастеръ можетъ также расторгнуть договоръ. Мы полагаемъ, что слѣдовало-бы итти дальше и допускать къ испытаніямъ только тѣхъ учениковъ, которые представятъ свидѣтельство объ акуратномъ посѣщеніи школы. Но, конеч-но, подобныя постановленія, также какъ и соотвѣтствующія статья закона 1906-го года, останутся мертвой буквой, если государство, земства и города не примутъ энергичныхъ мѣръ для созданія надлежащаго числа ремесленныхъ школъ: въ этомъ отношеніи Россіи предстоитъ много сдѣлать, чтобы догнать своихъ западныхъ сосѣдей. Къ сожалѣнію, нашъ проектъ устава 1911-го года остался на точкѣ зрѣнія дѣй-ствующаго законодательства, ограничившись лишь устано-вленіемъ для мастеровъ подъ страхомъ наказанія обязанности предоставлять ученикамъ не менѣе 12 часовъ въ недѣлю, не считая воскресныхъ и праздничныхъ дней, для посѣщенія школы¹⁾, причѣмъ сѣвѣ, послѣ горячихъ дебатовъ, выска-зался за то, чтобы отпускались ученики ежедневно на два

¹⁾ Проектъ, ст. 34.

часа въ рабочее время, а не по окончаніи работъ. Такимъ образомъ, посѣщеніе школы не только не сдѣлано обязатель-нымъ, но даже число часовъ, предназначенныхъ для посѣ-щенія школы, проектомъ сокращено съ 3-хъ до 2-хъ часовъ, по сравненію съ закономъ 1906-го года. Въ противополож-ность нашему проекту, французскій проектъ 1905—1906 г. о техническомъ промышленномъ и торговомъ обученіи рѣ-шительно провозглашаетъ принципъ обязательности посѣ-щенія школъ для учениковъ и рабочихъ моложе 18-ти лѣтъ и обязываетъ хозяевъ слѣдить за посѣщеніемъ школы подъ страхомъ наказанія¹⁾.

Кромѣ обязанности обучать ученика, законъ долженъ возложить на мастера и обязанность воспитывать его и слѣ-дить за тѣмъ, чтобы нравственность ученика не пострадала во время нахождения ученика у него въ обученіи. Само со-бой понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ученикъ живетъ не у мастера, эта обязанность мастера является менѣе ши-рокой и ограничивается наблюденіемъ за ученикомъ лишь въ теченіе того времени, когда онъ работаетъ у мастера. На основаніи этой своей обязанности учитель не только не дол-женъ самъ вести себя такъ, чтобы нравственность ученика не пострадала, но долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы другіе его рабочіе и его домашніе также не развращали-бы учени-ка своимъ поведеніемъ, и, наконецъ, чтобы самъ ученикъ не проявлялъ какихъ-нибудь дурныхъ наклонностей или поро-ковъ²⁾. Въ послѣднемъ случаѣ мастеръ долженъ сдѣлать ученику внушеніе и принять мѣры, чтобы ученикъ не повто-рялъ подобныхъ дурныхъ поступковъ—напримѣръ не пускалъ бы ученика по окончаніи работъ выходить изъ дому, отби-ралъ-бы у него водку, если ученикъ ее покупаетъ и т. п. Германское и русское законодательства идутъ, какъ мы ви-дѣли, дальше, и предоставляютъ учителю право наказывать ученика въ цѣляхъ его исправленія, примѣняя даже въ из-вѣстныхъ границахъ тѣлесныя наказанія. Несмотря на серъ-

¹⁾ Projet de loi sur l'enseignement technique industriel et commercial, art 52, 57—58, 63—66.

²⁾ Такого рода постановленіе даетъ русскій проектъ 1911-го года въ ст. 29.

езныя возраженія противъ этой мѣры, у нея есть и довольно-многочисленные защитники, въ томъ числѣ и единственный изъ русскихъ юристовъ, изслѣдовавшій договоръ ученичества, — Федоровъ ¹⁾. Защитники эти обычно ссылаются на то, что безъ тѣлесныхъ (легкихъ) наказаній патронъ не въ состояннн будетъ поддерживать дисциплину среди учениковъ и заставлятъ послѣднихъ вести себя, какъ слѣдуетъ, что тѣлесныя наказанія, разъ они не имѣютъ характера истязаній, соотвѣтствуютъ нравственному уровню мелкаго промышленнаго люда и считаются въ этой средѣ вполне естественной и полезной дисциплинарной мѣрой, и что было-бы несправедливымъ и противнымъ народнымъ воззрѣннямъ предоставлять ученику право расторгнуть договоръ изъ за легонькаго подзатыльника или изъ за того, что мастеръ непослушнаго ученика потербилъ за уши.

Мы лично не только не раздѣляемъ этихъ соображеній, но можемъ только удивляться, какъ въ такой культурной странѣ, какъ Германія, въ концѣ 19-го вѣка законодатель сохранилъ это право тѣлесныхъ наказаній. Въ настоящее время наукой признано, что тѣлесныя наказанія, какъ бы легки они ни были, никоимъ образомъ не могутъ считаться рациональной педагогической мѣрой, и что плохъ тотъ учитель, который свой авторитетъ и дисциплину среди учениковъ можетъ поддерживать только подзатыльниками и зуботычинами. Правда, нравы ремесленниковъ, особенно у насъ въ Россіи, грубы, но съ точки зрѣннн политики права законодатель долженъ не подлаживаться къ существующимъ въ обществѣ воззрѣннямъ и обычаямъ, а, наоборотъ, по возможности бороться съ ними, разъ они являются дурными, и воспитывать населеніе въ томъ направленнн, которое является необходимымъ для всеобщаго блага. Запрещая прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаннямъ, законодатель создаетъ въ обществѣ сознаніе, что они являются дѣянннми противоправными, и многихъ заставитъ воздерживаться давать волю своимъ рукамъ, тогда какъ разрешая примѣнять подобныя мѣры воздѣйствія, этимъ самымъ законодатель создаетъ убѣжденіе, что бить учениковъ позволено. Правда, законодательства,

разрѣшающія тѣлесныя наказанія, устанавливаютъ извѣстныя границы для ихъ примѣненія, запрещая истязанія, розги, и т. п., но на практикѣ границы эти соблюдать весьма трудно, и отъ легкаго подзатыльника до тяжелаго удара по головѣ, чѣмъ попало, переходъ совершается незамѣтно. И особенно у насъ въ Россіи запрещеніе тѣлесныхъ наказаній является необходимымъ такъ какъ отовсюду издавна слышатся жалобы на то, что учениковъ бьютъ безошадно, и что ученикъ безъ синяковъ является чуть-ли не рѣдкимъ исключеніемъ. Поэтому надо искренно привѣтствовать, что за послѣднее время и въ средѣ самихъ ремесленниковъ все больше и больше растетъ убѣжденіе въ недопустимости тѣлесныхъ наказаній. Еще на первомъ сѣздѣ ремесленниковъ раздавались энергичныя протесты противъ подобной мѣры ¹⁾, а на второмъ было рѣчь о необходимости для учениковъ тѣлесныхъ наказаній, въ отвѣтъ ему одинъ изъ пожилыхъ ремесленниковъ при громѣ аплодисментовъ сказалъ многозначительныя слова, что сѣзду слѣдовало-бы постановить, что онъ считаетъ позорнымъ самое упоминаніе о розгѣ. И проектъ 1911-го г. прямо указываетъ въ ст. 31-ой, что къ числу мѣръ домашняго исправленія, которыя мастеръ можетъ примѣнять къ ученику, не могутъ быть относимы тѣлесныя наказанія, лишеніе пици или иныя взысканія, способныя нанести физическій или нравственный вредъ ребенку.

Затѣмъ, уже не какъ воспитатель, а какъ работодатель, мастеръ обязанъ такъ содержать мастерскія, машины и разныя приспособленія для работы и такъ вообще организовать производство, чтобы здоровье и нравственность учениковъ не пострадали. Въ этомъ отношеннн русский законодатель долженъ пойти по слѣдамъ германскаго и уничтожить тотъ крупный пробѣлъ, благодаря которому относительно гигиены и безопасности рабочихъ въ мелкихъ ремесленныхъ предприятияхъ нѣтъ рѣшительно никакихъ требованій со стороны закона. Въ связи съ этимъ необходимо распространить на ремесленниковъ и дѣйствіе закона 1903-го года о вознагражденнн увѣчныхъ рабочихъ; безспорно обязательное страхо-

¹⁾ См. Труды сѣзда, докладъ Кремлева, стр. 297—302.

ваніе рабочихъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ, какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ, но въ ожиданіи пока эта крупная мѣра осуществится, нельзя лишать пострадавшихъ рабочихъ возможности взыскать съ хозяевъ вознагражденіе за вредъ и убытки, какъ это существуетъ у насъ на практикѣ въ настоящее время, только потому, что эти рабочіе пострадали на работѣ въ мелкомъ предпріятіи, а не въ крупномъ, и что для мелкихъ хозяевъ трудно будетъ уплачивать данное вознагражденіе¹⁾. Если встать на эту точку зрѣнія, то слѣдовало-бы вообще немощіе классы освободить отъ частно-правовыхъ взысканій, между тѣмъ какъ этого нигдѣ не существуетъ, а самостоятельный, хотя и мелкій, ремесленникъ все-же является болѣе платежеспособнымъ, чѣмъ рабочій, котораго однако законодатель не жалѣетъ.

Если мастеръ взялъ ученика на полное содержаніе, то законодатель долженъ не ограничиваться общимъ требованіемъ, чтобы онъ „содержалъ ученика исправно“, а указать, что въ данномъ случаѣ мастеръ обязанъ: 1) отвести особое помѣщеніе для сна, удовлетворяющее требованіямъ гигиены и нравственности, съ отдѣльной для каждаго ученика постелью; 2) давать свѣжую пищу въ достаточномъ количествѣ не менѣе 2-хъ разъ въ день во время перерывовъ въ работѣ; 3) водить въ баню не менѣе раза въ двѣ недѣли и давать еженедѣльно чистое бѣлье; 4) верхнее платье мастеръ долженъ давать въ количествѣ, обусловленномъ въ договорѣ, а за отсутствіемъ такого указанія въ томъ размѣрѣ, какъ это требуется климатомъ, гигиеной и приличіемъ. Подобнаго рода постановленія въ законѣ многимъ могутъ показаться чересчуръ мелочными и детальными, но мы считаемъ ихъ далеко не лишними въ интересахъ учениковъ и во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній и споровъ вслѣдствіе того, что въ договорѣ, обычно, дѣло ограничивается общимъ указаніемъ на то, что мастеръ взялъ ученика на полное содержаніе. Но нашъ проектъ 1911-го года и французскій проектъ 1907-го г. такихъ указаній, однако, не даютъ.

Кромѣ того, разъ законодатель призналъ, что владельцы заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ не могутъ взымать съ рабо-

¹⁾ См. выше стр. 386.

чихъ плату за врачебную помощь, то логически нужно возложить обязанность на свой счетъ лѣчить учениковъ и на ремесленниковъ въ тѣхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, когда ученики живутъ у мастера. Но т. к. было-бы весьма тяжелой для ремесленниковъ обязанностью лѣчить ученика, сколько времени бы болѣзнь его ни продолжалась, то достаточно ограничить эту обязанность болѣзнию кратковременной, причемъ во избѣжаніе недоразумѣній слѣдовало-бы установить предѣльный срокъ, хотя-бы въ двѣ недѣли, какъ это установлено въ кантонѣ Валлисъ. Къ сожалѣнію, въ данномъ отношеніи постановленія нашего проекта 1911-го года опять не могутъ быть признаны удовлетворительными, такъ какъ проектъ ограничивается самымъ неяснымъ указаніемъ, что мастеръ въ случаѣ особой нужды или болѣзни долженъ заботиться по мѣрѣ средствъ и возможности объ ученикахъ, живущихъ у него въ домѣ; кромѣ того, въ случаѣ болѣзни ученика мастеръ обязанъ увѣдомить лицо, отдавшее ученика въ обученіе, и Коммиссію по ученическимъ дѣламъ¹⁾. Такимъ образомъ, расходы на лѣченіе ученика по прежнему, повидимому, на мастера не падаютъ.

Къ вышеуказаннымъ обязанностямъ мастера законодательства обычно присоединяютъ еще обязанность дать ученику свидѣтельство по окончаніи обученія, какъ о его познаніяхъ, такъ и о поведеніи во время обученія. Мы полагаемъ однако, что такія свидѣтельства должны быть отмѣнены потому, что съ введеніемъ обязательныхъ испытаній для учениковъ аттестатъ, выданный испытательной коммиссіей дѣлаетъ совершенно излишнимъ какія-либо свидѣтельства со стороны мастера о познаніяхъ ученика, а что касается до права мастера охарактеризовывать поведеніе ученика, то оно, по нашему мнѣнію, не только излишне, но и вредно, отдавая въ почти безконтрольное распоряженіе учителя всю будущность ученика. Стоитъ мастеру дать неблагоприятный отзывъ, и молодому подмастерью крайне трудно будетъ найти себѣ мѣсто, между тѣмъ какъ отзывъ этотъ зачастую является не совсѣмъ правильнымъ и безпристрастнымъ. Конечно, ученикъ можетъ требовать исправленія свидѣтельства судомъ, но доказать несправедливость аттестаціи трудно, да кромѣ того опытъ

¹⁾ Проектъ, ст. 29 и 33.

показалъ, что путемъ особыхъ условныхъ терминовъ хозяева всегда могутъ дать рабочему такъ называемый „волчій паспортъ“ въ такомъ видѣ, что съ внѣшней стороны придаться не къ чему. Наконецъ, за ненужность такихъ свидѣтельствъ говоритъ также и то, что по поведенію ученика, находящагося обычно въ юномъ возрастѣ, никоимъ образомъ нельзя судить о томъ, какимъ человѣкомъ онъ сталъ по окончаніи ученичества, тогда какъ неблагоприятный отзывъ о поведеніи даннаго лица, когда онъ былъ еще ученикомъ, на практикѣ остается характеристикой рабочаго чуть не всю его жизнь. Поэтому французскій проектъ закона объ ученичествѣ вполнѣ правильно ограничивается введеніемъ лишь аттестатовъ, выдаваемыхъ испытательными комиссіями. Къ сожалѣнію, нашъ проектъ 1911-го года сдѣлалъ полученіе ученикомъ отъ мастера свидѣтельства объ обученіи, достигнутыхъ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи необходимымъ для полученія ученикомъ подмастерскаго свидѣтельства. Если ученикъ найдетъ, что выданное мастеромъ свидѣтельство составлено неправильно, то онъ можетъ просить ремесленный судъ о провѣркѣ содержащихся въ означенномъ свидѣтельствѣ свѣдѣній, и въ случаѣ признанія жалобы правильной судъ можетъ предложить мастеру выдать новое свидѣтельство, или же самъ выдаетъ таковое ¹⁾).

Таковы должны быть главныя обязанности мастера по отношенію къ ученику. Что касается до послѣдствій неисполненія мастеромъ своихъ обязанностей, то они должны быть различны, сообразно съ особенностями каждаго конкретнаго случая. Прежде всего, если мастеръ причинилъ неисполненіемъ своихъ обязанностей матеріальный ущербъ ученику, то этотъ ущербъ онъ долженъ возмѣстить, причемъ при опредѣленіи размѣра вознагражденія необходимо предоставить просторъ усмотрѣнію суда, иначе въ большинствѣ случаевъ взыскать вознагражденіе ученикъ будетъ не въ состояніи, за невозможностью точно доказать размѣры ущерба. Затѣмъ, неисполненіе мастеромъ своихъ обязанностей должно служить поводомъ для расторженія договора. Однако, здѣсь необходимо принять во вниманіе, что договоръ ученичества

¹⁾ Проектъ, ст. 74—75.

до извѣстной степени имѣть публично-правовой характеръ: государство заинтересовано въ томъ, чтобы подрастающее поколѣніе ремесленниковъ воспитывалось надлежащимъ образомъ, оно не можетъ допустить, чтобы дѣтей держали въ вредныхъ для ихъ здоровья и нравственности условіяхъ, чтобы изъ нихъ вмѣсто честныхъ гражданъ дѣлали людей безнравственныхъ и вредныхъ для общежитія. Поэтому, въ отличіе отъ другихъ договоровъ, гдѣ расторженіе договора зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія потерпѣвшей стороны, договоръ ученичества долженъ въ извѣстныхъ случаяхъ быть расторгаемъ даже вопреки волѣ ученика или его представителей, по инициативѣ органовъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за ученичествомъ. Ученику можетъ быть пріятно, что мастеръ пьетъ вмѣстѣ съ нимъ водку и позволяетъ дѣлать что угодно, родители ученика могутъ относиться къ этому факту по невѣжеству или по безразличному отношенію къ судьбѣ ученика равнодушно, они сами, можетъ быть, охотно пьянствуютъ вмѣстѣ съ мастеромъ, такъ что и не подумаютъ требовать расторженія договора, но очевидно, что такое положеніе вещей недопустимо, и что въ этихъ случаяхъ договоръ долженъ быть расторгнутъ по требованію контролирующаго ученичество органа.

Но, предоставивъ право этимъ органамъ требовать расторженія договора, было-бы ошибочнымъ, по нашему мнѣнію, если-бы это имѣло мѣсто при всякомъ нарушеніи мастеромъ своихъ обязанностей. Эти нарушенія могутъ быть самаго разнообразнаго характера, и во многихъ случаяхъ сперва достаточно одного предостереженія виновному мастеру съ тѣмъ, чтобы при повтореніи съ его стороны подобнаго поступка договоръ былъ-бы расторгнутъ. Это могло бы имѣть мѣсто, на примѣръ, если будетъ обнаружено, что мастеръ плохо кормитъ учениковъ, не даетъ отдѣльныхъ кроватей, позволяетъ подмастерьямъ грубо браниться въ мастерской, позволяетъ ученику уходить по вечерамъ, куда ему будетъ угодно, изъ дому и т. п.. Но въ другихъ случаяхъ, гдѣ предостереженіе явно не можетъ имѣть никакихъ результатовъ, тамъ, конечно, договоръ долженъ быть немедленно расторгнутъ. Какой смыслъ, на примѣръ, имѣло-бы предостереженіе, когда мастеръ еженедѣльно напивается и въ это время безобразничаетъ, бьетъ жену, дѣтей и т. п., или если мастеръ

покушался на честь своей ученицы, или если жена мастера предается распутству и принимает гостей у себя дома? Очевидно, что в этих случаях всякое промедление в расторжении договора будет только вредным, оставляя ученика еще на известное время в опасной для его нравственности обстановке. Поэтому-то здесь важно предоставить органам контроля известный простор действий, предоставить им право или немедленно требовать расторжения договора или-же только после того, как предостережение, сделанное мастеру, останется без результатов. В этом отношении проект 1911-го г. опять заслуживает упрека, так как совершенно не предусматривает возможности расторжения договора ученичества по требованию органа контроля (Коммиссии по ученическим делам) помимо воли обоих контрагентов. Французский проект 1907-го г., наоборот, вполне резонно предоставляет Conseils de prud'hommes право расторгнуть договор, если они найдут это нужным в интересах ученика¹⁾.

В связи с расторжением договора вследствие неисполнения мастером своих обязанностей, следовало бы запрещать такому мастеру впредь принимать учеников. При этом опять таки в одних случаях достаточно ограничиться запрещением только на известный срок, как-бы в наказание за дурное исполнение мастером возложенных на него законом обязанностей, тогда как в других случаях, где причина, повлекшая за собой расторжение договора, такого характера, что не может быть устранена в заранее определенный срок, как например, когда мастер пьяница и скандалист, или когда жена мастера ведет дурной образ жизни, то в этих случаях запрещение приема учеников должно иметь постоянный характер, впредь до тех пор, пока мастер не докажет, что обстоятельства, делавшие невозможным обучение у него учеников, устранены. Таким образом, здесь опять таки при определении последствий нарушения мастером своих обязанностей должна быть предоставлена свобода усмотрению суда. Проект наш в этих случаях, однако, устанавливает точно опре-

деленное правило,—именно, что суд может виновного мастера лишить права держать учеников—в первый раз навсегда¹⁾. Таким образом, здесь нет простора судейскому усмотрению, и хотя-бы было очевидно, что такой мастер испортится не может и не исправится, все равно он может по истечении известного срока брать учеников, пока, по крайней мере, трое учеников от него не пострадают.

Наконец, в тех случаях, когда мастер сильно превысит предоставленную ему дисциплинарную власть над учеником, сам совершит покушение на нравственность ученика или ученицы, или позволит своим домашним или служащим совершить подобный поступок, то здесь уже недостаточно одного запрещения принимать впредь учеников, так как это далеко не всегда может удержать от совершения подобных действий, а необходимо подвергнуть виновного мастера уголовному наказанию. Проект наш в этих случаях грозит мастеру арестом до одного месяца или денежной пеней не свыше 100 р.²⁾.

Из рассмотрения обязанностей мастера по отношению к ученику и тех последствий, которые должны наступать в случаях неподчинения мастеров велению закона, видно какая большая и важная задача должна падать на те органы, которым должен быть вверен надзор за ученичеством. Поэтому вопрос о надлежащей организации этих органов контроля имеет громадное значение для надлежащей постановки ученичества. В непосредственной связи с этим вопросом стоит и вопрос о том, нужна-ли и полезна-ли цеховая система для улучшения ученичества, так как именно на органы цехового управления у нас в России возложена обязанность наблюдать за положением учеников, именно необходимо организовать контроль за ученичеством и заботиться об улучшении промышленного обучения, оправдывалось восстановление цехового строя в Германии Австрии. В нашу задачу не входит исследовать, имели ли в настоящее время цеховой строй серьезное значение

¹⁾ Проект прилож. на ст. 243, § 11.
²⁾ Проект ст. 6—7.

дѣлѣ поддержки мелкаго ремесла въ его борьбѣ съ крупной промышленностью,—для насъ здѣсь интересно лишь выяснитъ, являются-ли цехи подходящими органами контроля за ученичествомъ, и вообще необходима и полезна-ли цеховая организація вообще для того, чтобы промышленное обученіе стояло на надлежащей высотѣ. Обращаясь за отвѣтомъ на данный вопросъ къ изслѣдованіямъ дѣятельности вновь восстановленныхъ цеховъ въ Австріи и Германіи, мы видимъ, что отвѣтъ этотъ долженъ быть отрицательнаго характера. Такъ, относительно австрійскихъ цеховъ Н. Waentig въ 1898-омъ году писалъ, что цехи отнеслись совершенно безучастно къ участи учениковъ и вообще почти рѣшительно ничего не сдѣлали для улучшенія положенія учениковъ и промышленнаго обученія¹⁾. Къ такому же выводу приходитъ и I. Pollitzer²⁾. Онъ сообщаетъ, что относительно такого важнаго для улучшенія обученія вопроса, какъ ограниченіе числа учениковъ, въ 1895-омъ г. изъ 5317 вѣнскихъ цеховъ лишь 228 цеховъ издали соотвѣтствующія постановленія, тогда какъ 520 совсѣмъ не занимались даннымъ вопросомъ, а остальные 4665 цеховъ ограничили число учениковъ лишь для мастеровъ, вовсе не имѣющихъ подмастерьевъ, такъ что стоило мастеру взять одного подмастерья, и онъ могъ брать учениковъ сколько угодно³⁾. Изъ 5317 цеховъ только 122 позаботились объ учрежденіи ремесленныхъ школъ, а по отношенію къ надзору за соблюденіемъ нормъ объ ученичествѣ цехи не сдѣлали рѣшительно ничего⁴⁾. Только 314 цеховъ имѣютъ *Lehrlingskrankenkassen*⁵⁾. Въ случаѣ жалобъ со стороны учениковъ на жестокое обращеніе, правленія цеховъ принимаютъ какія нибудь мѣры крайне неохотно, такъ какъ боятся ссориться

¹⁾ Н. Waentig, «Gewerbliche Mittelstandspolitik» 1898 г. стр. 423—425.

²⁾ I. Pollitzer, «Die Lage der Lehrlinge im Kleingewerbe in Wien» 1900 г. стр. 120.

³⁾ Тамъ-же стр. 28—29.

⁴⁾ Тамъ-же стр. 32.

⁵⁾ Тамъ-же стр. 33.

съ мастерами, которые являются ихъ избирателями, вслѣдствіе чего гораздо чаще на защиту учениковъ встаютъ *Gehilfenmänner*, направляющіе дѣло къ фабричному инспектору, и т. п.¹⁾.

Такія-же неблагоприятныя отзывы о дѣятельности цеховъ въ области ученичества мы встрѣчаемъ и въ Германіи²⁾. Что же касается Россіи, то фактъ полнаго бездѣйствія цеховъ на поприщѣ упорядоченія ремесленнаго ученичества является общепризнаннымъ. Это видно изъ одного уже того, что въ особомъ вопросникѣ, разосланномъ ремесленнымъ управамъ передъ первымъ ремесленнымъ съѣздомъ, прямо спрашивалось о причинахъ этого факта³⁾, такъ что самый фактъ отсутствія надзора ни въ комъ сомнѣній не возбуждалъ.

Такая дѣятельность цеховъ наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что для улучшенія ученичества восстановленіе цеховой системы не имѣло никакого вліянія, и что цехи для наблюденія за ученичествомъ являются учреждениями совершенно непригодными. Это вполне объясняется тѣмъ, что цеховые органы являются не только выборными лицами, но и ремесленниками, имѣющими сами учениковъ, вслѣдствіе чего имъ рѣшительно нѣтъ никакого интереса дѣлать неприятности своимъ избирателямъ и товарищамъ и вообще дѣйствовать, какъ-бы противъ самихъ себя, противъ того класса, къ которому они сами принадлежатъ. Въ силу этихъ соображеній, съ точки зрѣнія политики права, реформа, или даже вѣрнѣе установленіе правильнаго и цѣлесообразнаго контроля за положеніемъ учениковъ и за исполненіемъ мастерами своихъ обязанностей по отношенію къ нимъ, является важнѣйшимъ дѣломъ русскаго законодателя въ области ученичества.

Но на кого-же возложить эту важную функцію? Этотъ вопросъ всталъ и передъ составителями французскаго проекта, причемъ они предусматривали три возможныхъ рѣшенія—или возложить надзоръ за ученичествомъ на *Conseils de prud'hommes*, или организовать для этой цѣли особыя смѣшанныя комиссіи изъ хозяевъ и подмастерьевъ, или-же по-

¹⁾ Тамъ-же стр. 59.

²⁾ См. выше стр. 349.

³⁾ Труды съѣзда, стр. 102 и сл.

ручить это дѣло особымъ чиновникамъ инспекторамъ. Проектъ высказался за первое рѣшеніе, что встрѣтило одобреніе и въ литературѣ¹⁾, но у насъ слѣдовать примѣру французскаго проекта, по нашему мнѣнію, было-бы нежелательно, во первыхъ, потому, что учреждений, подобныхъ *Conseils de prud'hommes*, у насъ пока еще не существуетъ, а также и потому, что принципиально не слѣдуетъ соединять функцію надзора съ обязанностью судить виновныхъ. Последнее возраженіе Деболо пытается устранить тѣмъ, что надзоръ можетъ быть ввѣренъ членамъ *Conseils*, которые въ данное время не состоятъ въ составѣ судебной коллегіи, но мы полагаемъ, что это не устранитъ вышеуказаннаго недостатка, т. к. и не состоящіе въ составѣ данной судебной коллегіи члены все-же остаются въ глазахъ населенія судьями, и авторитетъ *Conseils de prud'hommes* можетъ пострадать, благодаря смѣшенію этихъ двухъ несовмѣстимыхъ функцій—функціи контролирующей съ функціей судебной.

Но и обѣ другія системы организаціи надзора также вызываютъ довольно серьезныя возраженія. Такъ, поручить контроль фабричнымъ, или вѣрнѣе ремесленнымъ, инспекторомъ потребовало-бы громадныхъ расходовъ, т. к. благодаря многочисленности мелкихъ предпріятій и ихъ разбросанности потребовалось бы очень большое количество инспекторовъ, а смѣшанныя комиссіи не будутъ пользоваться въ глазахъ населенія должнымъ авторитетомъ, т. к. каждому ремесленнику будетъ казаться несправедливымъ, что право ревизовать его и привлекать къ отвѣтственности предоставлено простому подмастерью; мастера не будутъ относиться къ указаніямъ члена комиссіи съ должнымъ вниманіемъ, и, въ концѣ концовъ, могутъ возникнуть серьезные конфликты, какъ между ревизуемыми и ревизующими, такъ и въ самыхъ комиссіяхъ, состоящихъ изъ лицъ рѣзко противоположныхъ взглядовъ и интересовъ. Въ виду этого мы полагали-бы болѣе цѣлесообразнымъ соединить эти обѣ системы, т. е. поручить надзоръ инспекторамъ и имъ предоставить право принимать рѣшительныя мѣры въ случаѣ обнаруженія какихъ либо злоупотребленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ помощь

¹⁾ См. Debole, стр. 258—278.

имъ организовать смѣшанныя комиссіи, какъ это существуетъ въ настоящее время въ Швейцаріи. При такой системѣ мы получимъ, во первыхъ, органы контроля, близко стоящіе къ населенію и дешевые, т. к. вознагражденіе членамъ комиссіи, конечно, не будетъ особенно значительнымъ, и устранится необходимость создавать очень большое количество инспекторовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ главный надзоръ будетъ принадлежать инспекторамъ, населеніе будетъ относиться къ постановленіямъ контролирующаго органа съ большимъ уваженіемъ,—мастера будутъ знать, что ихъ привлекаетъ къ отвѣтственности не такой-же мастеръ, какъ они, или даже рабочій, но правительственный чиновникъ. Такова, по нашему мнѣнію, въ общихъ чертахъ должна быть организація контроля за ученичествомъ. Что касается до нашего проекта 1911-го г., то онъ хотя и сохранилъ цеховое устройство, но, повидимому, составители проекта сознавали, что для контроля за ученичествомъ нужны другіе органы и въ качествѣ такихъ предложили создать особыя Комиссіи по ученическимъ дѣламъ, состоящія изъ цехового старосты, въ качествѣ председателя, двухъ подмастерьевъ, двухъ мастеровъ и двухъ представителей благотворительныхъ организацій; кромѣ того, надзоръ за ученичествомъ долженъ быть возложенъ и на ремесленную инспекцію. Вопросъ о послѣдней на сѣздѣ первоначально вызвалъ цѣлую бурю, такъ какъ ремесленники о ней и слышать не хотѣли, но затѣмъ сѣздъ измѣнилъ свой взглядъ и одобрилъ въ общемъ предложеніе проекта.

6) Главной обязанностью ученика является обязанность предоставить свой трудъ въ распоряженіе мастера, работать на послѣдняго. Но здѣсь законодательство должно установить рядъ ограниченій. Прежде всего оно должно категорически запретить мастеру возлагать на ученика работы непосильныя для него и могущія вредно отразиться на его здоровьѣ. Затѣмъ необходимо запретить заставлять учениковъ исполнять различныя домашнія и другія работы, не относящіяся къ той профессіи, которую ученикъ изучаетъ. Наконецъ, законодатель долженъ запретить по отношенію къ ученикамъ работу въ воскресные и праздничные дни и ночью, а также принять мѣры къ тому, чтобы постановленія закона 15-го ноября 1906 г., устанавливающія въ сущности семи-часовой рабочей день для лицъ моложе 17 лѣтъ, соблюдались

неуклонно безъ какихъ либо исключеній. За нарушение мастеромъ вышеуказанныхъ постановленій онъ долженъ подлежать уголовному наказанію (штрафъ), а при вторичномъ нарушении договоръ долженъ быть расторгнутъ съ запрещеніемъ принимать вновь учениковъ въ теченіе опредѣленнаго срока. Нашъ проектъ въ этомъ отношеніи даетъ нѣсколько существенныхъ постановленій. Прежде всего онъ грозитъ мастеру наказаніемъ, если онъ будетъ занимать ученика посторонней или чрезмѣрно утомительной работой ¹⁾, изъ чего можно заключить, что занятіе учениковъ домашними работами безусловно не дозволяется. Но рабочій день проектъ устанавливаетъ для учениковъ въ 8 часовъ ²⁾, т. е. болѣе, чѣмъ въ настоящее время, на одинъ часъ, что вызвало энергичные протесты на сѣздѣ со стороны соц. демократовъ. Сѣздъ высказался за 10-тичасовой рабочій день, считая въ томъ числѣ два часа на ѣду и два часа на посѣщеніе школы. Ученикъ обязанъ далѣе быть прилежнымъ, послушнымъ, вѣжливымъ, какъ съ мастеромъ, такъ и съ его домашними, и вообще вести себя хорошо.

Въ случаѣ неисполненія ученикомъ вышеуказанныхъ двухъ главныхъ обязанностей, мастеръ можетъ требовать расторженія договора или немедленно, когда проступокъ ученика такого рода, что оставаться въ домѣ мастера ему уже нельзя, или когда послѣ предупрежденія ученикъ не исправится и снова окажется виновнымъ въ томъ-же проступкѣ; сверхъ того, если ученикъ причинитъ умышленно ущербъ своимъ поведеніемъ, то онъ обязанъ его возмѣстить.

7) Что касается до поводовъ къ прекращенію договора, то таковыми, конечно, прежде всего должны признаваться истеченіе срока, на который договоръ былъ заключенъ, взаимное соглашеніе сторонъ и смерть ученика. Такъ какъ личность мастера, какъ воспитателя и работодателя, также имѣетъ громадное значеніе для ученика, то и смерть его должна прекращать договоръ. Но стороны въ договорѣ могутъ обусловить и переходъ договора на преемниковъ мастера, а кромѣ того и безъ такого предварительнаго соглашенія уче-

¹⁾ Проектъ, ст. 243 прилож. § 4.

²⁾ Проектъ, ст. 13.

никъ можетъ по соглашенію съ преемникомъ умершаго остаться у него оканчивать обученіе. Для устраненія неопредѣленности законодатель, по примѣру германскаго права, можетъ установить извѣстный срокъ, въ теченіе котораго ученикъ или преемникъ мастера могутъ заявить о расторженіи договора, такъ что по прошествіи этого срока договоръ предполагается продолжающимся съ ихъ взаимнаго согласія; срокъ этотъ долженъ быть равенъ по длинѣ пробному періоду, т. к. здѣсь такъ-же, какъ и при заключеніи договора, стороны должны взаимно присмотрѣться другъ къ другу. Нашъ проектъ 1911-го г. такого срока не устанавливаетъ, а, уничтоживъ устарѣлое постановленіе дѣйствующаго права о продолженіи ученичества съ вдовой мастера, категорически признаетъ, что смерть мастера договоръ расторгаетъ ¹⁾.

Затѣмъ, договоръ долженъ прекратиться въ случаѣ наступленія юридической невозможности его продолженія.

Устарѣвшія и неопредѣленные постановленія русскаго права о пробномъ срокѣ должны быть измѣнены въ томъ смыслѣ, чтобы каждой изъ сторонъ въ теченіе опредѣленнаго срока было предоставлено право расторгнуть договоръ безъ объясненія причинъ. Срокъ этотъ достаточно опредѣлить въ 2 или 3 мѣсяца, т. к. за это время каждая сторона можетъ уяснить себѣ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Постановленіе это, по нашему мнѣнію, должно имѣть принудительный характеръ въ томъ смыслѣ, что сторонамъ не должно быть предоставлено право по договору черезчуръ сокращать или удлинять пробный періодъ, такъ какъ сокращеніе или отмена его существенно нарушаетъ интересы учениковъ, а удлинненіе его, могущее повести къ предоставленію сторонамъ права въ любой моментъ расторгнуть договоръ, противорѣчитъ природѣ договора ученичества, какъ договора срочнаго, противорѣчитъ тому, что мастеръ здѣсь взялся „обучить“ ученика. Постановленія проекта 1911-го года въ этомъ отношеніи надо признать вполне цѣлесообразными. Проектъ требуетъ, чтобы въ каждомъ договорѣ былъ указанъ этотъ испытательный срокъ, въ теченіе котораго обѣимъ сторонамъ предоставляется отказаться отъ договора безъ объясненія при-

¹⁾ Проектъ, ст. 78 и 53.

чинъ; срокъ этотъ не можетъ быть менѣе двухъ недѣль и болѣе трехъ мѣсяцевъ, а въ случаѣ необозначенія срока въ договорѣ считается равнымъ тремъ мѣсяцамъ ¹⁾. Къ сожалѣнію французскій проектъ по прежнему разрѣшилъ контрагентамъ по соглашенію отмѣнять постановленіе объ испытательномъ срокѣ ²⁾.

И по истеченіи пробнаго періода ученику должна быть предоставлена, по примѣру германскаго права, возможность расторгнуть договоръ вслѣдствіе желанія перемѣнить профессию, обставивъ это право извѣстными гарантіями противъ того, чтобы оно не служило только предлогомъ для ученика расторгнуть договора до срока. Гарантіями этими должны служить требованія, чтобы заявленіе о желаніи перемѣнить профессию было подано въ письменной формѣ и подписано законнымъ представителемъ ученика, если послѣдній несовершеннолѣтній, чтобы договоръ прекращался лишь спустя мѣсяць послѣ подачи заявленія, и чтобы до истеченія извѣстнаго срока со дня расторженія договора ученикъ не поступалъ къ другому хозяину той-же профессіи.

Выше мы говорили ³⁾, что въ случаѣ перенесенія мастеромъ своего предпріятія въ другое мѣсто (въ другой городъ или деревню) ученику должно быть предоставлено право расторгнуть договоръ по общимъ принципамъ гражданскаго права, но, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, желательнo было-бы упомянуть въ законѣ объ этой причинѣ прекращенія договоровъ, какъ это дѣлаетъ французское законодательство. Но за то мы полагаемъ-бы нежелательнымъ заимствовать у французскаго права постановленіе, сохраненное и въ проектѣ Conseil sup. de travail, предоставляющее ученику право расторгнуть договоръ вслѣдствіе своей женитьбы. Конечно, женатому человѣку неудобно оставаться ученикомъ, но нельзя забывать, что досрочный уходъ ученика причиняетъ мастеру серьезный матеріальный ущербъ, лишая его обученаго уже и дешеваго работника, и заставляя мастера терпѣть этотъ ущербъ изъ за того только, что ученику стало по семейнымъ обстоятельствамъ неудобно исполнять свои обязанности, врядъ-ли

¹⁾ Проектъ, ст. 61 и 66.

²⁾ Фр. проектъ 1907-го г. art. 17.

³⁾ См. выше стр. 450—451.

было-бы справедливо, тѣмъ болѣе, что женитьба зависѣла отъ желанія самого ученика, и онъ долженъ былъ считаться съ тѣмъ, насколько его женитьба совмѣстима съ принятыми на себя ранѣе обязанностями. Но мы согласны съ Федоровымъ въ томъ, что надо предоставить ученику право уйти отъ мастера въ томъ случаѣ, когда, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ, присутствіе его въ семьѣ является безусловно необходимымъ. Подобная необходимость, на примѣръ, имѣетъ мѣсто тогда, когда родители ученика умерли или тяжело заболѣли, и младшіе братья и сестры ученика остались безъ призора и куска хлѣба на произволь судьбы, но сюда нельзя, конечно, отнести такіе случаи, когда присутствіе ученика въ семьѣ представляетъ только экономическія выгоды для семьи, какъ на примѣръ, когда за женитьбой старшаго сына или поступленіемъ его въ солдаты для продолженія торговли или веденія сельскаго хозяйства отцу нуженъ помощникъ: здѣсь нѣтъ необходимости, а есть только экономическая выгода расторгнуть договоръ, а признать въ законѣ, что стороны могутъ не исполнять своихъ обязанностей потому, что имъ это очень невыгодно, было бы съ точки зрѣнія политики права весьма нежелательнымъ явленіемъ, противорѣчающимъ основнымъ принципамъ права.

Обращаясь къ нашему проекту 1911-го года, мы видимъ, что онъ предоставляетъ ученику или его представителю требовать судомъ расторженія договора въ случаѣ: 1) если ученикъ оставляетъ занятіе тѣмъ ремесломъ, которому онъ обучался у мастера, и избираетъ другое ремесло или вообще, иное занятіе; 2) если ученикъ долженъ или желаетъ переселиться въ другую мѣстность, и 3) если родители или лица ихъ замѣняющія, вслѣдствіе происшедшей перемѣны, вынуждены потребовать къ себѣ ученика для ухода за ними или для веденія ихъ хозяйства ¹⁾. Но въ случаяхъ расторженія договора по одной изъ указанныхъ причинъ Ремесленный Судъ можетъ, сообразуясь съ обстоятельствами дѣла и имущественнымъ положеніемъ лицъ, на отвѣтственности коихъ находится ученикъ, присудить съ нихъ мастеру извѣстное вознагражденіе за потраченные на ученика трудъ, время и

¹⁾ Проектъ ст. 69.

содержаніе; сверхъ того ученикъ не можетъ вновь поступить къ какому-либо мастеру того-же ремесла въ той-же мѣстности до истеченія года со дня ухода ¹⁾).

Нельзя не замѣтить, что постановленія эти вызываютъ рядъ недоумѣній. Прежде всего, является совершенно непонятнымъ, какой смыслъ имѣеть указывать въ законѣ, что при наличности опредѣленныхъ причинъ ученикъ имѣеть право расторгнуть договоръ, и въ то-же время возлагать на него обязанность возмѣстить весь ущербъ, причиненный расторженіемъ договора. Логически ясно, что здѣсь можетъ быть только одно изъ двухъ—или ученику дается право расторгнуть договоръ, и тогда нѣтъ рѣшительно никакого основанія взыскивать съ него вознагражденіе за вредъ и убытки, или если считать необходимымъ такое вознагражденіе, то совершенно не зачѣмъ упоминать въ законѣ о правѣ ученика расторгнуть договоръ въ этихъ случаяхъ, такъ какъ, согласно самому проекту ²⁾, при всякомъ самовольномъ уходѣ ученика безъ законной причины онъ обязанъ возмѣстить мастеру причиненные уходомъ убытки. Поэтому является совершенно непонятнымъ, какая разница въ послѣдствіяхъ для ученика при уходѣ на основаніи § 69 отъ ухода самовольнаго, о которомъ говоритъ § 72. Правда, въ послѣднемъ случаѣ проектъ говоритъ глухо объ уплатѣ убытковъ, а въ первомъ случаѣ говоритъ, что „Ремесленный Судъ можетъ, сообразуясь съ обстоятельствами дѣла и имущественнымъ положеніемъ лицъ, на отвѣтственности коихъ находится ученикъ, присудить съ нихъ мастеру извѣстное вознагражденіе за потраченные на ученика трудъ, время и содержаніе“, но въ чемъ тутъ разница—уловить трудно, кромѣ развѣ того, что въ одномъ случаѣ судъ долженъ при исчисленіи размѣра убытковъ сообразоваться съ имущественнымъ положеніемъ отвѣтственныхъ лицъ, а въ другомъ случаѣ обстоятельство это во вниманіе не принимается. Но такое различіе и совершенно непонятно и теоретически неправильно, такъ какъ предоставленіе суду опредѣлять вознагражденіе за вредъ и убытки сообразно съ имущественнымъ положеніемъ правонарушителя противорѣчитъ

¹⁾ Проектъ ст. 71.

²⁾ Проектъ ст. 72.

основнымъ принципамъ гражданскаго права и нежелательно съ точки зрѣнія политики права. Изъ сказаннаго ясно, что необходимо или выкинуть весь § 69 проекта или зачеркнуть первую половину § 71-го. Мы лично высказываемся за второе относительно перваго и третьяго пунктовъ § 69, такъ какъ уже выше указывали на желательность предоставленія ученику права расторгнуть договоръ вслѣдствіе желанія перемѣнить профессію и необходимости возвращенія на родину. Никакому взысканію убытковъ съ ученика здѣсь мѣста не должно быть, и внесенный въ Госуд. Думу законопроектъ о наймѣ торговыхъ служащихъ совершенно правильно и отчетливо подчеркиваетъ, что хозяинъ только тогда можетъ взыскивать вознагражденіе за ущербъ, когда ученикъ, расторгнувъ договоръ по причинѣ перемѣны профессіи, до истеченія установленнаго закономъ срока поступитъ на службу въ однородное предпріятіе ¹⁾. Что-же касается до пункта втораго § 69, то онъ, несомнѣнно, долженъ быть исключенъ, такъ какъ совершенно невозможно считать законнымъ поводомъ для расторженія договора одно желаніе ученика переселиться въ другую мѣстность.

Кромѣ вышеуказанныхъ случаевъ, нашъ проектъ предоставляетъ ученику, какъ и подмастерью, право расторгнуть договоръ, если будетъ установлено: 1) что мастеръ не исполняетъ своихъ обязанностей по договору, какъ то: не даетъ условленнаго содержанія, обчитываетъ при расчетѣ, дѣлаетъ противузаконные вычеты и т. п.; 2) что мастеръ жестоко обращается съ ученикомъ и не ограждаетъ его отъ дурнаго обращенія съ нимъ домашнихъ и служащихъ, или грубо оскорбилъ его самого или члена его семьи (въ послѣднемъ случаѣ объ этомъ должно быть заявлено до истеченія мѣсяца со дня событія); 3) что занятіе даннымъ ремесломъ вообще или при условіяхъ, существующихъ въ данной мѣстности, грозитъ жизни или здоровью ученика явной опасностью, которая не была ему извѣстна при заключеніи договора; 4) что мастеръ занимаетъ ученика работой по воскресеньямъ и праздникамъ, лишаетъ его отдыха и сна, не отпускаетъ въ церковь; 5) что мастеръ вовлекаетъ ученика въ противузаконные и безправ-

¹⁾ Проектъ § 39.

ственные поступки и развращаетъ его; 6) что мастеръ во время продолжительнаго отсутствія изъ мастерской не оставилъ завѣдующаго или не обезпечилъ живущихъ у него учениковъ надлежащимъ содержаніемъ ¹⁾.

По поводу этого перечисленія можно пожелать только, чтобы въ пунктѣ 3-ьемъ на ряду съ опасностью для жизни и здоровья, была указана и опасность для нравственности ученика.

Что касается до обстоятельствъ, дающихъ право мастеру расторгнуть договоръ до срока, то таковыми проектъ 1911-го года считаетъ: 1) когда ученикъ совершенно неспособенъ къ изученію ремесла; 2) когда родители ученика или лица, ихъ замѣняющія, скрыли отъ мастера ранѣе заключенный по отношенію къ тому же ученику договоръ съ другимъ мастеромъ ²⁾; 3) если ученикъ одержимъ опасной для окружающихъ болѣзнью; 4) если онъ изобличенъ въ воровствѣ, растратѣ или другомъ поступкѣ, лишаящемъ его довѣрія хозяина; 5) если ученикъ грубо оскорблялъ словомъ или дѣйствіемъ мастера, его домашнихъ или другихъ служащихъ, угрожалъ причинить вредъ ихъ личности или имуществу, или же вообще своимъ поведеніемъ имѣлъ вредное вліяніе на учениковъ и другихъ служащихъ или домашнихъ лицъ; 6) если онъ неоднократно замѣченъ въ своеволии, непослушаніи, небреженіи своими обязанностями, въ самовольномъ оставленіи работы, въ занятіи посторонней работой безъ согласія мастера; 7) если онъ выдалъ секретъ производства или дѣловую тайну мастера чужому лицу.

Изъ этого перечня въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ и дополненіяхъ нуждается только пунктъ первый. Здѣсь прежде всего нужно замѣтить, что подъ неспособностью ученика никоимъ образомъ нельзя понимать недостатокъ способностей у ученика для усвоенія ремесла, такъ какъ мастеру дается достаточный испытательный срокъ, въ теченіе котораго онъ можетъ убѣдиться, насколько ученикъ пригоденъ для ремесла, и предоставленіе мастеру права расторгнуть договоръ и по истеченіи испытательнаго срока по неспособности ученика

¹⁾ Проектъ §§ 48, 69.

²⁾ Проектъ ст. 68.

въ этомъ смыслѣ совершенно уничтожало бы всякое значеніе испытательнаго срока. Поэтому, въ данномъ случаѣ подъ неспособностью надо понимать, какъ это и имѣетъ мѣсто въ Германіи ¹⁾, тѣ случаи, когда ученикъ лишается возможности обучаться и работать въ силу, на примѣръ, такихъ обстоятельствъ, какъ болѣзнь, несчастный случай и т. п. Но, конечно, не всякая такая неспособность должна давать поводъ мастеру расторгнуть договоръ, а лишь такая, при наступленіи которой видно, что она или вовсе не можетъ быть устранена или, во всякомъ случаѣ, продолжится очень долго — на примѣръ, когда ученикъ ослѣпнетъ, сойдетъ съ ума и т. п. Кроме того, вообще, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы предоставить мастеру право расторгнуть договоръ, если болѣзнь ученика является очень продолжительной — на примѣръ, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, какъ это устанавливаетъ законъ кантона Валлис ²⁾.

Въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ вопросъ, имѣетъ ли мастеръ право требовать, чтобы срокъ обученія былъ соотвѣтственно продолженъ, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи, если ученикъ прохворалъ, на примѣръ, 3 мѣсяца, или нѣтъ? Если обосновывать подобное продолженіе желаніемъ вознаградить мастера за убытки, которые онъ понесъ, на примѣръ, лишившись пользованія трудомъ заболѣвшаго ученика, то отвѣтъ долженъ быть безусловно отрицательный, т. к. здѣсь нѣтъ никакой вины на сторонѣ ученика, а безъ вины нѣтъ и права взыскивать съ него вознагражденіе за ущербъ. Но основаніе для удлинненія срока обученія въ этомъ случаѣ можетъ быть иное: мастеръ обязался обучить ученика ремеслу въ извѣстному сроку и, какъ мы предполагали, долженъ нести довольно тяжелую отвѣтственность за дурной исходъ испытанія, — справедливо ли возлагать на него эту отвѣтственность, когда онъ не могъ обучить ученика не потому, что самъ былъ боленъ (тогда онъ долженъ былъ позаботиться о временномъ замѣстителѣ), а вслѣдствіе того, что ученикъ не могъ

¹⁾ Landmann, В. II стр. 220—221.

²⁾ Wallis § 12; мѣсячный срокъ, установленный законопроектомъ о наймѣ торговыхъ служащихъ, является, по нашему мнѣнію, чрезчуръ короткимъ.

обучаться по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ? Намъ кажется, что это было-бы несправедливо, почему мы полагали бы желательнымъ предоставить мастеру просить у органовъ контроля разрѣшенія отсрочить ученику испытаніе на извѣстный срокъ въ случаѣ, если ученикъ за все время обученія не былъ въ состояніи работать въ общей сложности хотя-бы 6 мѣсяцевъ, а въ случаѣ нежеланія ученика продлить обученіе—сложить съ него отвѣтственность за недостиженіе условленнаго результата.

8) Относительно самаго порядка расторженія договора нашъ проектъ 1911-го года, въ отличіе отъ большинства западно-европейскихъ законодательствъ и русскаго проекта о наймѣ торговыхъ служащихъ ¹⁾, держится взгляда, что даже при наличности законной причины ни одна изъ сторонъ не можетъ сама расторгнуть договоръ до рѣшенія суда ²⁾, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дальнѣйшее продолженіе исполненія своихъ обязанностей грозило-бы опасностью жизни, здоровью, чести, спокойствію или имуществу даннаго лица ³⁾. Мы лично полагаемъ, что такое постановленіе не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ продолжать договорныя отношенія послѣ подачи въ судъ жалобы на контрагента является, по самому складу отношеній между мастеромъ и ученикомъ, совершенно невозможнымъ, хотя-бы никакой непосредственной опасности отъ этого и не возникало. Поэтому, на практикѣ все равно стороны будутъ сами расторгать договоры, а признавать такія расторженія незаконными, когда въ сущности законное основаніе для расторженія договора было на лицо, являлось бы совершенно несправедливымъ.

9) Послѣдствіемъ досрочнаго расторженія договора является обязанность виновной стороны возмѣстить контрагенту причиненный имъ ущербъ. Размѣръ вознагражденія опредѣляется судомъ по своему усмотрѣнію, если стороны въ договорѣ заранѣе его не опредѣлили. Во избѣжаніе, установленія ростовщическихъ неустоекъ, однако, было бы крайне желательно устано-

¹⁾ Проектъ ст. 29 и 30.

²⁾ Проектъ ст. 47, 48, 49.

³⁾ Проектъ ст. 50.

вить, по примѣру германскаго права, что въ случаѣ досрочнаго ухода ученика безъ уважительной причины, вознагражденіе должно равняться половинѣ обычной заработной платы подмастерьевъ въ данной мѣстности и данной профессіи за время, оставшееся до окончанія обученія бѣжавшаго ученика, но во всякомъ случаѣ не свыше, какъ за 6 мѣсяцевъ ¹⁾. Подобное постановленіе даетъ и нашъ проектъ 1911-го года, съ той разницей только, что платится не половина заработной платы подмастерья, а заработная плата ученика, и что нѣтъ, къ сожалѣнію, ограниченія въ видѣ запрещенія исчислять вознагражденіе болѣе, чѣмъ за 6 мѣсяцевъ ²⁾. Солидарно съ самимъ ученикомъ долженъ отвѣчать и тотъ предприниматель, который сманилъ ученика уйти отъ своего учителя къ себѣ до срока, но мы полагали-бы нежелательнымъ распространять эту отвѣтственность и на тѣхъ предпринимателей, которые хотя и не сманивали ученика, но приняли его къ себѣ, зная, что онъ отъ прежняго хозяина ушелъ до срока безъ уважительной причины. Какъ ни желательно удержать учениковъ отъ неосновательныхъ досрочныхъ уходовъ, какъ ни трудно доказать сманиванье ученика безъ установленія предположенія, что разъ предприниматель зналъ, что имѣетъ дѣло съ бѣглымъ ученикомъ, то это уже является доказательствомъ участія его въ бѣгствѣ ученика,—но тѣмъ не менѣе нельзя упускать изъ виду, что лишать бѣглаго ученика возможности поступить въ обученіе къ другому мастеру является не только жестокимъ, но и весьма вреднымъ для общегитія, такъ какъ благодаря такой мѣрѣ, ученикъ, досрочный уходъ котораго вовсе еще не служитъ доказательствомъ его полной испорченности, вмѣсто мастерской попадаетъ на улицу и естественно долженъ встать въ ряды хулигановъ и бездомныхъ бродягъ, что, конечно, гораздо болѣе является вреднымъ и нежелательнымъ, чѣмъ даже нѣкоторое увеличеніе досрочныхъ уходовъ учениковъ. Проектъ нашъ въ этомъ отношеніи вполне правильно возлагаетъ отвѣтственность только на того мастера, по подговору коего ученикъ ушелъ, если этотъ подговоръ на судѣ будетъ доказанъ ³⁾.

¹⁾ См. § 127g Gew. Ord.

²⁾ Проектъ ст. 70.

³⁾ Проектъ ст. 72.

Трудность что-либо взыскать съ ученика въ случаѣ его досрочнаго ухода ставитъ вопросъ о цѣлесообразности сохраненія существующихъ въ русскомъ правѣ уголовныхъ наказаній по отношенію къ лицамъ, безъ уважительной причины расторгнувшимъ договоръ ученичества. Вопросъ этотъ относительно наказаній за расторженіе договора личнаго найма вообще въ Германіи одно время привлекалъ къ себѣ большое вниманіе и горячо обсуждался въ литературѣ, гдѣ на ряду съ защитниками нашлось и не мало противниковъ данной мѣры. Тѣ доводы, которые обычно приводятся про и contra наказаній, подробно перечислены Böninger'омъ въ его работѣ: „Die Bestrafung d. Arbeitsvertragsbruch der Arbeiter“ 1891-го г.. Остановиваясь на этихъ доводахъ, мы видимъ, что защитники наказаній опираются, главнымъ образомъ, на слѣдующія соображенія: 1) Такъ какъ рабочій обычно самъ никакихъ средствъ не имѣетъ, и взыскать съ него вознагражденіе за убытки невозможно, а доказать, что его сманилъ какой-нибудь другой хозяинъ также очень трудно, то получается, что досрочный уходъ рабочаго не влечетъ для него рѣшительно никакихъ послѣдствій, право остается незащищеннымъ, что расшатываетъ въ рабочихъ чувство законности, развращаетъ ихъ, приучая смотрѣть на нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей, какъ на нѣчто дозволенное. 2) Законодатель до извѣстной степени уже призналъ наличность публично-правового элемента въ договорѣ личнаго найма, установивъ рядъ ограниченій свободы соглашеній сторонъ и карая хозяевъ за нарушеніе ими этихъ ограниченій (рабочій день, способъ уплаты жалованья и т. п.), почему было-бы вполне справедливымъ налагать наказанія и на рабочихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для защиты правъ хозяевъ. Вѣдь существуютъ-же наказанія уголовныя за банкротство, гдѣ также нарушаются частные интересы, а досрочное расторгненіе договора личнаго найма имѣетъ много общаго съ воровствомъ, обманомъ, съ невѣрностью маклеровъ, опекуновъ и адвокатовъ. 3) Наконецъ, отсутствіе защиты правъ хозяевъ со стороны закона заставляетъ ихъ самихъ принимать мѣры для борьбы съ нарушеніями договоровъ, и мѣры эти, зачастую, являются гораздо болѣе вредными для интересовъ рабочихъ и гораздо болѣе даютъ просторъ для злоупотребленій, на примѣръ, т. наз. черныя доски и т. п., чѣмъ наказаніе, установленное закономъ.

Что касается до противниковъ введенія наказаній за нарушеніе договора рабочими, то они указываютъ, во первыхъ, на то, что безрезультатность иска о возмѣщеніи ущерба имѣетъ мѣсто часто и при нарушеніи другихъ гражданскихъ правъ, почему было-бы крупной несправедливостью наказывать рабочихъ, оставляя безнаказанными, на примѣръ, невозвращеніе имущества взятаго на сохраненіе, неплатежъ долга и т. п.. Такая несправедливость естественно будетъ разсматриваться рабочими какъ униженіе, оскорбленіе ихъ чувства чести, будетъ озлоблять рабочихъ, и дастъ социаль-демократамъ лишнее орудіе противъ правительства. 2) Массовыя расторженія договора рабочими болѣе требуютъ внимательства со стороны государства, чѣмъ единичныя, а между тѣмъ при массовомъ нарушеніи примѣненіе уголовныхъ наказаній неосуществимо, т. к. нельзя сто тысячъ человѣкъ сразу посадить въ тюрьму. 3) Въ основѣ личнаго найма рабочихъ и такъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ свободнаго соглашенія сторонъ, т. к. рабочій принужденъ фактически заниматься на тѣхъ условіяхъ, которыя ему диктуетъ хозяинъ, и которыхъ онъ при заключеніи договора даже не знаетъ, т. к. они содержатся въ такъ называемыхъ *Arbeitsordnung*'ахъ, при введеніи-же еще наказаній личный наемъ окончательно превратится въ принудительное отношеніе, въ нѣчто вродѣ временнаго крѣпостнаго права. 4) Результатомъ введенія наказанія будетъ то, что рабочіе будутъ стремиться выговаривать сокращеніе сроковъ предупрежденія о расторженіи договора, что съ точки зрѣнія политики права нежелательно, т. к. опытъ показываетъ, что для крупныхъ предпріятій такое сокращеніе не имѣетъ значенія, и они охотно на него соглашаются, а это дастъ лишній поводъ рабочимъ уходить изъ мелкихъ предпріятій въ крупныя. 5) Наконецъ, если даже наказанія и будутъ введены, они далеко не всегда будутъ примѣняться, т. к. многіе хозяева не будутъ жаловаться, а безъ ихъ жалобъ доказать фактъ безпричиннаго ухода рабочаго будетъ трудно, вслѣдствіе чего злоба и месть рабочихъ будетъ обрушиваться на тѣхъ, которые будутъ пользоваться защитой, предоставленной имъ закономъ, и въ результатѣ отношенія между хозяевами и рабочими еще болѣе обострятся.

Взвѣсивая всѣ вышеуказанныя доводы, Böninger приходитъ къ выводу, что доводы въ пользу введенія наказанія

являются несостоятельными. Онъ соглашается, что частно-правовой характеръ отношеній, возникающихъ изъ личнаго найма, самъ по себѣ еще не исключаетъ возможности введенія наказаній, разъ этого требуютъ интересы общества, но онъ сомнѣвается, чтобы такая необходимость въ данномъ случаѣ существовала. Тотъ доводъ, что государство вводитъ ограниченія свободы соглашенія въ область личнаго найма въ пользу рабочихъ, не можетъ оправдывать введеніе наказанія для рабочихъ, т. е. въ личномъ наймѣ нѣтъ равенства сторонъ, и наказаніе только еще болѣе ухудшаетъ положеніе слабѣйшей стороны, т. е. рабочаго. Ссылка на то, что безъ наказаній хозяева сами принимаютъ мѣры противъ расторженія договоровъ, болѣе тяжелыя и несправедливыя, чѣмъ наказанія, также отнюдь не оправдываетъ введенія послѣднихъ, а наоборотъ доказываетъ лишь необходимость для государства принять рѣшительныя мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій со стороны хозяевъ. Наиболѣе серьезнымъ доводомъ въ пользу наказаній, авторъ считаетъ то обстоятельство, что отсутствіе санкціи за противоправное расторженіе договоровъ причиняетъ тотъ вредъ, что подрываетъ чувство законности и пріучаетъ рабочихъ легко смотрѣть на неисполненіе своихъ обязанностей, но Böninger въ тоже самое время замѣчаетъ, что неисполненіе своихъ обязанностей и расторженіе договоровъ имѣетъ мѣсто и въ другихъ договорахъ со стороны высшихъ состоятельныхъ классовъ, которые должны были-бы подавать примѣръ менѣе культурнымъ частямъ общества, почему наказывать только рабочихъ являлось-бы серьезной несправедливостью. Но если даже и признать, что послѣднее обстоятельство (полное отсутствіе санкціи) до известной степени говоритъ въ пользу наказаній, то оно съ избыткомъ, по мнѣнію автора, перевѣшивается тѣми серьезными доводами, которые приводятся противъ введенія данной мѣры, доводами, изъ которыхъ Böninger придаетъ особо важное значеніе, во первыхъ, тому, что рабочіе и такъ вступаютъ въ договоръ на условіяхъ, которыя фактически предписываетъ имъ хозяинъ, почему введеніе наказанія здѣсь было бы особенно несправедливымъ и негуманнымъ по отношенію къ рабочимъ, а во вторыхъ тому, что введеніе наказаній повлечетъ за собой сокращеніе сроковъ предупрежденія о расторженіи договора. Придя къ такому выводу относительно

наказаній за нарушеніе договора личнаго найма, Böninger далѣе ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли, какъ это предлагаютъ многіе, по крайней мѣрѣ ввести наказанія для учениковъ, ушедшихъ отъ своихъ учителей до срока безъ уважительной причины. Соглашаясь съ тѣмъ, что многіе доводы, говорящіе противъ наказанія взрослыхъ рабочихъ, здѣсь непримѣнимы, и что борьба съ досрочными уходами учениковъ въ сущности ведется въ интересахъ самихъ учениковъ, для которыхъ расторженія договоровъ безусловно вредны, авторъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что и относительно учениковъ введеніе наказаній нежелательно, т. е. это рѣзко противорѣчило-бы основному принципу уголовного права, что къ несовершеннолѣтнимъ надо относиться мягче, чѣмъ къ взрослымъ, и никоимъ образомъ не наказывать ихъ за тѣ поступки, которые для взрослыхъ остаются безнаказанными. На этой точкѣ зрѣнія, т. е. что къ ученикамъ надо относиться снисходительнѣе, чѣмъ къ взрослымъ, стоитъ и нашъ проектъ 1911-го года, не распротранившій на учениковъ постановленіе о наказаніи подмастерьевъ за самовольный уходъ отъ мастера до срока¹⁾.

Мы такъ подробно изложили здѣсь взгляды Böninger'a потому, что изложеніе даннымъ авторомъ вышеуказаннаго вопроса отличается такой полнотой и логичностью, что врядъ-ли что-либо можно къ этому прибавить, кромѣ развѣ еще того, что досрочный уходъ учениковъ отнюдь не можетъ быть признанъ дѣяніемъ столь опаснымъ для интересовъ общества, чтобы примѣненіе къ нимъ уголовныхъ наказаній могло быть оправдываемо, и что вообще наказывать только за то, что у данныхъ лицъ обычно не имѣется средствъ, значило-бы создавать *privilegium odiosum* для неимущихъ классовъ, отягчать ихъ отвѣтственность только потому, что они, какъ бѣдняки, и такъ уже находятся въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ классы болѣе состоятельныя. Поэтому мы вмѣстѣ съ Böninger'омъ энергично протестуемъ противъ введенія наказаній для учениковъ, расторгнувшихъ договоръ до срока безъ уважительной причины²⁾.

¹⁾ Проектъ ст. 54 и 78.

²⁾ Также напр. и Schönberg въ Handbuch d. Polit. Oekonomie. 1896 г. т. II, 2 стр. 71—74.

Но согласившись въ данномъ случаѣ съ Böninger'омъ, мы тѣмъ не менѣе энергично протестуемъ противъ его предложенія ввести принудительное возвращеніе ушедшаго ученика къ его прежнему мастеру, какъ одной изъ мѣръ, долженствующихъ быть принятыми для борьбы съ досрочными уходами учениковъ. Съ точки зрѣнія политики права эта мѣра несравненно болѣе не выдерживаетъ критики, чѣмъ даже уголовное наказаніе учениковъ, т. е. она рѣзко противорѣчитъ принципу, что принудить человека исполнять принятыя имъ на себя обязанности нельзя. Кромѣ того, мѣра эта и практически не можетъ имѣть серьезныхъ результатовъ, т. е. приведенный ученикъ завтра-же можетъ снова уйти или не будетъ работать, и является необыкновенно жестокой по отношенію къ ученику, т. е. стоитъ только представить себѣ положеніе этого ученика, возвращеннаго къ озлобленному мастеру, при существующихъ у ремесленниковъ жестокихъ нравахъ, чтобы понять, что ожидаетъ несчастнаго мальчика. Поэтому, если уже дѣйствительно нужно принимать какія-либо мѣры для борьбы съ досрочными уходами учениковъ, то цѣлесообразнѣе позволить сторонамъ по взаимному соглашенію прибѣгать къ распространенной въ Швейцаріи системѣ „descomte“, т. е. удержанія изъ заработной платы ученика извѣстной части въ обезпеченіе того ущерба, который ученикъ тѣмъ или инымъ способомъ можетъ причинить своему хозяину. Но пользованіе этой мѣрой, весьма чувствительной для рабочихъ, для которыхъ заработная плата имѣетъ громадное значеніе, нужно обставить серьезными ограниченіями, — именно запретить вычитать болѣе $\frac{1}{5}$ каждой выдачи, ограничить общую сумму вычетовъ размѣромъ двухмѣсячнаго заработка ученика, поставить непремѣннымъ условіемъ, чтобы деньги эти не оставались на рукахъ у хозяина, а клались въ сберегательную кассу на имя ученика или отдавались на сохраненіе третьему лицу, выбранному сторонами по взаимному соглашенію, подъ отвѣтственностью хозяина за ихъ сохранность. Подобныя ограниченія и вводитъ французскій проектъ закона о трудовомъ договорѣ.

Но во всякомъ случаѣ наиболѣе раціональными мѣрами для борьбы съ досрочными уходами учениковъ должны при-

знаваться улучшеніе, какъ обученія, такъ и содержанія учениковъ, путемъ регламентаціи договора ученичества закономъ и строгаго контроля за соблюденіемъ его предписаній, чтобы эти въ полномъ смыслѣ несчастныя дѣти стали дѣйствительно учениками, а не оборванными, голодными и забитыми существами, получающими толчки, удары и брань отъ всякаго подмастерья, не говоря уже о самомъ мастерѣ и его домашнихъ.

Указатель литературы.

- E. Adler. Ueber die Lage des Handwerks in Oesterreich. 1898.
- G. Adler. Ueber die Epochen d. deutschen Handwerker-Politik. 1903.
- Андреевскій. Полицейское право. Изд. 2-ое, т. I 1874 г., т. II 1876-го г.
- Анненковъ. Система русскаго гражданскаго права. т. IV 1904 г.
- Astier et Cuminal. L'enseignement technique industriel et commercial en France et à l'étranger. 1909.
- Aubert. L'entreprise d'ouvrage. 1903.
- Aubry et Rau. Cours de droit civil français. t. I—V 1897—1907.
- Bail. Das Rechtsverhältnis d. Arbeitgeber u. Arbeitnehmer in Handwerk, Industrie u. Handelsgewerbe auf Grund d. Reichsgesetze u. ihrer Ausgestaltung durch Wissenschaft u. Rechtsprechung. 1904.
- Баронъ. Система римскаго гражданскаго права. Обязательственное право. Переводъ Л. Петражицкаго, 2-ое изд. 1899 г.
- Beauchet. Histoire du droit privé de la République Athénienne. t. I—IV 1897.
- Beloch въ Zeitschrift f. Soc. Wissensch. 1899. Heft 1.
— въ Zeitsch. f. Soc. Wissensch. 1902. Heft 2.
— Griechische Geschichte, Bd. I 1893.
- Below въ Histor. Zeitschr. Neue Folge B. 55 1903.
— въ Histor. Zeitschr. N. F. B. 50. 1901.
— въ Jahrb. f. Nat. u. Statist. III Folge B. 35. 1908.

- Bendix вѢ Archiv f. bürgerl. Recht. B. 28.
Berlepsch. Chronik d. Gewerke. Bd. 1—9. 1850—1853.
Berlitt. Leipziger Innungsordnungen aus d. XV Jahrhundert.
1886.
Beyer. Typo opificiarus. 1688.
Bloch. Der kaufmännische Lehrvertrag. 1898.
Blümke. Die Handwerkerzünfte im mittelalterlichen Stettin.
1884.
Bobertag. Die Handwerkerfrage im Jahre 1880. 1880.
Bodemann. Die älteren Zunfturkunden d. St. Lüneburg.
1883.
Böhmert. Beiträge zur Geschichte d. Zunftwesens. 1862.
E. Boileau. Réglements sur les arts et métiers de Paris,
rédigés au XIII siècle, édit par Depping 1877.
Böninger. Die Bestrafung d. Arbeitsvertragsbruchs d. Ar-
beiter, 1891.
Böttger. Geschichte u. Kritik d. neuen Handwerkergesetzes.
vom 1897. 1898.
— Für das Handwerk. 1894.
Brentano. Die Arbeitergilden d. Gegenwart. 2 Bde 1871—72.
— Das Arbeitsverhältnis gemäss d. heutigen Recht.
1877.
Brodnitz вѢ Jahrb. f. Nat. u. Stat. III Folge B. 35 1908.
Brodsky. Das Lehrlingswesen in England im 15. u 16.
Jahrhund. 1907.
Bry. Cours élémentaire de législation industrielle. 1894.
Bücher. Die Entstehung d. Volkswirtschaft. 3-e Aufl.
1901 u 7-e Aufl. 1909.
— вѢ Festgabe für A. Schäfle. 1901.
— вѢ Pädagogische Studien 1877. H. 13.
Byloff. Vertragsbruch u. Strafrecht. 1905.
Carré. Code annoté des juges de paix. 1907.
Cornil. Du louage de services. 1895 r.
Cosack. Lehrbuch d. Handelsrechts. Bd. I—II 1909—1910.
Ruben de Couder. Supplement au Dictionnaire de droit
commercial, industriel et maritime. 2 vol. 1896—
1898.

- Courcelle. Traité de législation ouvrière. 1902.
Croon. Zur Entstehung d. Zunftwesens. 1901.
Crome. System d. d. bürgerl. Rechts. Bd. I—IV 1900—
1908.
Daloz. Répertoire méthodique et alphabétique de législa-
tion, de doctrine et de jurisprudence. 44 t. 1844—
1869. Supplement 19 t. 1887—1897.
Danquardt вѢ Jahrb. f. die Dogmatik 1874.
Debolo. L'apprentissage à l'atelier. 1906.
Dernburg. Lehrbuch d. Preuss. Privatrechts. Bd. I—II 1893
—1897.
— Das bürgerl. Recht d. d. Reichs u Preussens.
Bde I—V 1899—1905.
Des-Marez. L'organisation du travail à Bruxelles en XV
siècle. 1904.
Dettmering. Beiträge zur älteren Zunftgeschichte d. St.
Strassburg. 1903.
Deutsch. Die Kinderarbeit u. ihre Bekämpfung. 1907.
Doebner. Urkundenbuch d. St. Hildesheim. 1881—1886.
Dolfus-Francoz. Essai historique sur la condition légale
du mineur apprenti. 1900.
Droste. Die Handwerkerfrage. 1884.
Dunger. Das Recht d. Handlungslehrlings. 1906.
Duncker. Die Kinderarbeit u. ihre Bekämpfung. 1906.
Düringer u. Hachenburg. Das Handelsgesetzbuch
vom 1897. B. I. 1908.
Eberstadt. Das französische Gewerberecht u. die Schaffung
staatlicher Gesetzgebung u. Verwaltung in Frank-
reich vom 13. Jahrhundert. bis 1581. 1899.
Eck. Vorträge über das Recht d. B. G. B.. Bd. I—III 1903—
1904.
Elkan. Das Frankfurter Gewerberecht 1617—1631. 1890.
F. Endemann. Lehrbuch d. bürgerl. Rechts. Bd. I. 1903.,
Bd. II 1905—1908., Bd. III 1900.
W. Endemann. вѢ Jahrb. f. Nat. u Stat. III Folge B.
XII. 1896.
— Handbuch d. d. Handels-See-u. Wechselrechts. Bd.
I—IV 1881—1885.

- Engel. Handwerkerfragen. 1907.
Ergebnisse d. über die Verhältnisse d. Lehrlinge, Gesellen u. Fabrikarbeiter auf Beschluss d. Bundesrathes angestellten Erhebungen zusammenstellt in Reichskanzler-Amt 1877.
Erhebung über Verhältnisse im Handwerk bearbeitet im Kaiserl. Stat. Amt. 1895.
Erhebung über Wirkungen d. Handwerkergesetzes 1897 bearbeitet im Kaiserl. Stat. Amt. 1908.
J. H. F. Historischpolitische Betrachtung d. Jnnungen u deren zweckmässige Einrichtung. 1782.
Fagniez. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris en XIII et en XIV siecles. 1877.
Федоровъ. О промысловомъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промысловаго ученичества въ особенности. 1892 г.
Flemming. Das Lehrlingswesen d. Dresdener Jnnungen vom 15. bis zum Ende d. 17. Jahrhunderts. 1887.
Fouqué. La crise de l'apprentissage et les progrès de l'enseignement professionnel. 1900 г.
Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne. t. I—II 1900—1901.
Frèrejouan du Saint. Code annoté de la législation ouvrière. 1908.
Frick. Ueber das Lehrlings—und Accordwesen d. schweiz. Metallindustrie. 1893.
Friedemann. Die Abgrenzung d. Werkvertrages von verwandten Verträgen nach d. B. G. B. 1904.
Fromm. Frankfurts Textilgewerbe im Mittelalter. 1895.
Garbe въ Annalen f. Gewerbe u. Bauwesen 1889.
Gareis. Haudelsgesetzbuch vom 10 Mai 1897. 1900.
Geering. Handel u. Industrie d. St. Basel. 1886.
Gerstenberg. Die neuere Entwicklung d. deutschen Buchdruckgewerbes. 1892.
Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. I—III 1868—1881.
Gothein. Wirtschaftsgeschichte d. Schwarzwaldes u. der angrenzenden Landschaften. 1892.

- Grätzer въ Zeitschr. f. Socialwissensch. 1898.
Grunzel. System d. Industriepolitik. 1905.
Guestouwers. Les metiers de Namur sous l'ancien régime. 1908.
Guillouard. Traité du contrat de louage. 2 t. 1891.
Guiraud. La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. 1900.
Thilo Hampke. Der Befähigungsnachweis im Handwerk. 1892.
— въ Jahrb. f. Nat. u. Stat. III Folge B. 7. 1894.
— въ Jahrb. f. Nat. u. Stat. III Folge B. VII. 1894.
Harms. Ist das deutsche Handwerk konkurrenzfähig? 1900.
Harnapp. Die Beendigung d. kaufmännischen Lehrverhältnisses. 1906.
Hartmann. Geschichte d. Handwerkerverbände d. St. Hildesheim im Mittelalter. 1905.
Hayem et Perin. Traité du contrat d'apprentissage. 1878.
Haushofer. Das deutsche Kleingewerbe. 1885.
Heinzerling. Handlungsfähigkeit d. Minderjährigen nach gemeinem Recht. 1895.
Held. Das Arbeitsverhältnis im Nürnberger Handwerk. 1909.
Heller. Das oesterreichische Gewerberecht. 1908.
Hermann. Das Zunftwesen d. St. Aachen. 1908.
Hitze. Schutz d. Handwerk! 1883.
Hoëniger. Die gemischten Verträge in ihren Grundformen. 1910.
Hoffmann. Die Gewerbeordnung f. d. deutsche Reich. 1907.
J. G. Hoffmann. Die Befugniss zum Gewerbebetriebe zur Berichtigung d. Urteile über Gewerbefreiheit und Gewerbezwang mit besonderer Rücksicht auf den Preuss. Staat. 1841.

- Das Interesse d. Bürgers u. Menschen bei den bestehenden Zunftverfassung. 1803.
- Horrwitz. Das Recht d. Handlungsgehilfen u. Handlungslehrlinge. 1905.
- Huber. Zur Handwerkerfrage. 1896.
- Der Gesetzgeberische Ausbau d. d. Reichs u. seine Wirtschaftspolitik. 1906.
- Hubert-Valleroux. Le contrat de travail. 1895.
- въ L'Econom. franç. 1902. I.
- Hug u. Boos. Das Gewerbliche Lehrlingswesen. 1881.
- Iacobi. Die organisation des Gewerbes. 1879.
- Iäger. Die Handwerkerfrage. 1887.
- Iagwitz. Sociale Gesetzgebung u. Socialdemokratie. B. I—II 1904—1905.
- Imbart de la Tour въ S^éances et travaux de l'académie des sciences morales et politiques 1905. № 2.
- Ingwer. Das Arbeitverhältnis nach oesterr. Recht. 1905.
- Иорданъ въ Русск. Мысли за 1887 г.
- C. Kaiser. Die Wirkungen d. Handwerkergesetzes in Württemberg u. Baden. 1909.
- P. Kayser. Gewerbeordnung f. d. Deutsche Reich. 1901.
- Kaizl. Der Kampf um Gewerbeform u. Gewerbefreiheit in Bayern von 1799—1868. 1879.
- Кизеветтеръ. Городовое положение Екатерины II 1785 г. 1909 г.
- Посадская Община въ Россіи XVIII ст.. 1903 г.
- Китары. Нѣсколько словъ о московскихъ цехахъ.
- Knitschky. Das Rechtsverhältnis zwischen Eltern u. Kinder nach d. B. G. B. 1899.
- Koehne. Die Arbeitsordnungen im deutschen Gewerbe. 1901.
- Kohler въ Schweiz. Blatt. 1906. XIV, 1.
- Kohler u. Peiser. Hammurabi's Gesetz. 1904.
- Aus dem Babylonischen Rechtsleben, I—IV 1890—1898.
- Körper. Handwerks Art, Handwerks Recht. 1904.

- М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства т. III-й 1903 г.
- Krahmer. Gegenseitige Verträge. 1904.
- Krainz. System d. oesterr. allem. Privatrechts. B. I—II. 1894.
- Krause. Die älteren Zunftrollen d. St. Greisswald. 1897—1898.
- Krumholz. Die Gewerbe d. St. Münster. 1898.
- I. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. т. I. 1906 г.
- М. Кулишеръ въ Вѣстникѣ Европы за 1888 г. № 8.
- Lambrecht. L'apprentissage de demain dans les metiers bourgeois. 1906.
- Лампрехтъ. Исторія германскаго народа. 3 т. 1894—1896 г.г. Изд. Солдатенкова.
- Landmann. Komment. zur Gewerbeordnung f. d. deutsche Reich. 2 Bde. 1903.
- J. de Lacoste Lareymondie. Le contrat d'apprentissage. 1906.
- Laval. Etude de la nature juridique du contrat de travail. 1908.
- Loew въ Soc. Praxis 1897. № 49.
- K. Lehmann. Lehrbuch d. Handelsrechts. 1908 г.
- K. Lehmann u. Ring. Das Handelsgesetzbuch f. d. d. Reich. 1902.
- H. Lehmann. Das Recht d. Handlungslehrlinge. 1904.
- Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789. 1900.
- Histoire des classes ouvrières en France apres 1789. T. I—II, 1903—1904.
- Questions ouvrières et industrielles en France sous la 3-ème Republique. 1907.
- Limousin въ Journal des Economistes. 1901.
- Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. 1904.
- Lotmar. Der Arbeitsvertrag. Bd. I 1902, Bd. II 1908.

- Mandry. Der civilrechtliche Inhalt d. Reichsgesetze. 1898.
Martin Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers. Edit. 1897 et 1909.
Mating-Sammler. Der Kampf d. kursächsischen Leinweber um die Ehrlichkeit ihres Handwerks. 1879.
Marquard u. Mommsen. Handbuch der Römischen Alterthümer. B. VII-ой 1882.
Mascher. Das deutsche Gewerbewesen. 1860.
Mass. Die Praxis d. Stettiner Gewerbegerichts. 1907.
Massé. Legislation du travail et lois ouvrières. 1904.
Maurer. Geschichte d. Städteverfassung in Deutschland. 1870.
Meissner. Das altbabylonische Privatrecht (Mitteilungen d. Gesellschaft f. vergleichende Rechts—und Staatswiss. zu Berlin 1895.)
Meister. Die ältesten gewerbliche Verbände d. St. Wernigerode. 1890.
Meister. Die Innungen d. St. Dortmund seit d. Novelle d. Gewerbeordnung 1897. 1904.
A. Menger. Das bürgerliche Recht u. besitzlosen Volksklassen. 1904.
Merlin. Le contrat de travail. 1907.
E. Meyer. вь Jahrb. f. Nat. u. Stat. III Folge B. IX 1895.
— Geschichte d. alten Aegyptens. 1887.
— Geschichte d. Alterthums. B. I. 1884.
Millerand. Travail et travailleurs. 1908.
Милуковъ. Очерки по исторіи русской культуры. I—III 1900—1903.
Mitteis. Aus den Griechischen Papyrusurkunden. 1900.
Mollot. Le contrat d'apprentissage. 1845.
Молчановскій. Цеховая система вь Пруссіи XVIII в. и реформы цеховъ при Штейнъ и Гарденбергъ. 1887 г.
Morgenstern. вь Arbeiterfreund 1888. B. 26.
Motive zu d. Entwurfe eines bürgerl. Gesetzbuches. f. d. Deutsche Reich.

- Mummenhoff. Der Handwerker. 1901.
Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit u. Zunftverfassung. 1880.
Nübling. Die Reichsstadt Ulm am Ausgange d. Mittelalters. 1904—1907.
Oertmann. Das Recht d. Schuldverhältnisse. 1889.
K. Oldenberg. вь Social. Praxis 1898. № 2.
— вь Jahrb. f. Gesetzgeb., Verwaltung u. Volkswirtschaft. 1894. B. 18.
Оршанскій. вь Журн. гр. и уг. права. 1873 г. № 2.
Otto. Das deutsche Handwerk in seiner kulturgeschichtlichen Entwicklung. 1900.
Пахманъ. Исторія квалификаціи гражданскаго права. т. I—II. 1876.
Pape. Beiträge zur Lösung d. Frage: Handwerk oder Fabrik? 1905.
Pardessus. Cours de droit commercial. 6-e edit. 1856—1857.
Penndorf. Das Innungswesen im Königreich Sachsen. 1907.
Peterka. Das Gewerberecht Böhmens. 1909.
Pic. Traité élémentaire de législation industrielle. Ed. 1903. et 1909.
Planck. Comment. zu B. G. B.. Bd. I—VII 1903—08.
Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданскаго права. т. I—III.
Pöhlmann. Geschichte d. antiken Kommunismus u. Socialismus. 1901.
Pollitzer. Die Lage d. Lehrlinge im Kleingewerbe in Wien. 1900.
Посошковъ. Книга о скудости и богатствѣ. Изд. Погодина 1842 г.
Pothier. Oeuvres, annotées par M. Bugnet 1861—1862
Traité du louage.
Rau. Ueber das Zunftwesen u. die Folgen seiner Afhebung. 1816.
Reschauer. Geschichte des Kampfes d. Handwerkerzünfte u. d. Kaufmannsgremien mit d. oesterr. Bureaokratie. 1882.

- Riedenaer. Handwerk u. Handwerker in d. Homer. Zeit 1873.
- Riezler. Der Werkvertrag nach d. B. G. B. 1900.
- Rodbertus. въ Jahrbüch. f. Nat. u Stat. B. IV, V u. VIII. 1865, 1867.
- Rodocanachi. Les corporations ouvrières à Rome depuis la chute de L'Empire romain. 1894.
- Rohrscheidt. Vom Zunftzwang zur Gewerbefreiheit. 1898.
- Rosin. Das Recht d. Arbeitsversicherung. Bd. I—II 1893—1905.
- Rossel. Manuel du droit fédéral des obligations. 1905.
- Rücklin. Das neuzeitliche Handwerk. 1880.
- Rüdiger. Die ältesten Hamburger Zunftrollen. 1874.
- Rüffer. Das gewerbliche Recht d. Allgem. Landrecht für die Preuss. Staaten. 1903.
- Rümelin. Dienstvertrag u. Werkvertrag. 1905.
- A. Schöffle. въ Zeitschr. f. die ges. Staatswiss. 1897. B. 53.
- Schanz. Zur Geschichte d. deutschen Gesellenverbände 1877.
- Шершеневичъ. Учебникъ русскаго гражданскаго права. 1910 г.
- Scheven. Die Lehrwerkstätte. 1894.
- Schmoller. Strassburger Tucherweberzunft. 1879.
- Zur Geschichte d. d. Kleingewerbe im 19. Jahrh. 1870.
- Schönberg. Handbuch d. polit. Oekonomie. B. II 1896.
- Zur wirtschaftliche Bedeutung d. deutschen Zunftwesens im Mittelalter. 1867.
- Schöne. Die moderne Entwicklung d. Schumachergewerbes. 1888.
- Schreiber. Der Arbeitsvertrag nach heutigem oesterr. Privatrecht. 1887.
- Schriften. d. Vereins f. Socialpolitik. 1874, 1875, 1877.
- Schulze. Das heutige gewerbliche Lehrlingswesen. 1876.

- Schulz u. Schalhorn. Das Gewerbegericht Berlin. 1903.
- Siegl. Die Egerer Zunftordnungen. 1909.
- Sigel. Der gewerbliche Arbeitsvertrag nach d. B. G. B. 1903.
- Змирловъ въ Журн. угол. и гр. права. 1885 г.
- Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
- Зомбартъ. Современный капитализмъ. Перев. Базарова и Степанова. Изд. 1904 г.
- Gewerbewesen. (Sammlung Göschen) 1904.
- Stahl. Das deutsche Handwerk. 1874.
- Stadthagen. Das Arbeiterrecht. 1896.
- Staub. Comment. zum H. G. B. Bd. I—II 1906—07.
- Staudinger. Comment. zum B. G. B. Bde I—VII 1908—1910.
- Steffen. Studien zur Geschichte d. englischen Lohnarbeiter. B. I—III 1901—1905.
- Stegemann. въ Jahrb. f. Gesetz. Verw. u Volkswirt. B. 18. 1894.
- Stenographische Berichte Reichstags 1895/97.
- Stieda u. Mettig. Schragen d. Gilden u. Aemter d. St. Riga bis 1621. 1896.
- Stieda. Die Lebensfähigkeit d. deutschen Handwerks 1897.
- въ Social. Praxis 1896. № 30,
- въ Jahrb. f. Gesetzgebung, Verwaltung u. Volkswirtschaft. B. 19.
- Stockbauer. Nürnbergisches Handwerksrecht d. XVI. Jahrhundert. 1879.
- Strassmayer. Babylonische Texte. Inschriften von d. Thontafeln d. Britisch. Museums. 1897.
- Studler. Das Lehrlingswesen im Kanton Bern. 1907.
- Thalberg. Der Dienstvertrag nach schweiz. Obligationenrecht. 1899.
- Troplong. Le droit civil expliqué suivant l'ordre des articles du Code. t. X. 1860.

- Труды всеросс. съезда по ремесленной промышленности въ С.-Петербурѣ. 1900 г. т. III.
 Trumpler. Die Geschichte d. römischen Gesellschaftsformen 1906.
 Tuckermann. Das Gewerbe d. St. Hildesheim bis zur Mitte d. 15. Jahrhundert. 1906.
 Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. 1911 г.
 Tuszka. Handwerk u. Handwerker in Bayern im 18. Jahrhundert. 1907.
 Waentig. Gewerbliche Mittelstandspolitik. 1898.
 Waltzing. Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains. 1895—1900.
 Warschauer. Die Mittelalterlichen Junungen zu Posen. 1885.
 С. и Б. Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма. Переводъ В. Ильина. 1901 г.
 Wehrmann. Die älteren Lubeckschen Zunftrollen. 1864.
 Weiss. Ueber das Zunftwesen. 1792.
 Weisser. Das Recht d. Handwerker nach allgem. Grundsätzen u. insbesondere nach d. Württembergischen Gesetzen. 1779.
 Werner. Urkundliche Geschichte d. Iglauer Tuchweberzunft. 1861.
 Wernicke. Kapitalismus und Mittelstandspolitik. 1907.
 Westien. Das Zünftige Handwerk. 1887.
 Wilcken. Griechische Ostraka. 1899.
 Windscheid. Lehrbuch d. Pandektenrechts. Bd. I—III 1900—1901.
 W. von Wyss. Das Lehrlingsverhältnis nach schweiz. Recht. 1910.
 Zechlin. Der gewerbliche Lehrvertrag. 1905.
 Zinsli въ Schweiz. Blatt. 1907. № 2.
 Volger. Die deutsche Gewerbepolitik. 1908.
 Voigt въ Jahrbuch. f. Gesetzgebung, Verwaltung u. Volkswirtschaft Bd. 21 1897. h. 3.
 — въ Archiv. f. Sociale Gesetzgebung u. Statistik, B. XI 1897 г.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА. На стр. 427-ой девять строкъ (со словъ „когда же сѣи жѣры.“ до словъ „Что же касается“) являются лишними, какъ относящіяся къ прежней редакціи статьи 1377-ой Улож. о Нак.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строки сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
4	4	банщицеовъ	банщиковъ
—	примѣч. 1-е	Volkswirtschaft	Volkswirtschaft
15	13	находили	находимъ
16	20	Guirard	Guiraud
34	19	созданія	созданіе
41	29	времени	времена
42	примѣч. 6-ое	Zunftwesen	Zunftwesen
—	—	Aachen	Aachen
43	примѣч. 1-ое	Boileau	Boileau
47	5	закономъ	законнаго
53	примѣч. 1-ое	Junungen	Jnnungen
59	примѣч. 5-ое	Berlitt	Berlitt
66	примѣч. 1-ое	Hartmanu	Hartmanu
67	21	бозчестными	безчестными
74	24	—ченію	—ченіе
77	11	установливали	устанавливали
81	7	установливающія	устанавливающія
87	11	ругались	ручались
—	18	что бы	чтобы
90	28	удлинялся	удлиннялся
92	6	ранѣе	ранѣе
95	40	за долго	задолго
96	4	пехомъ	пехамъ
99	11	выговоритъ	выговорить
113	9	даннаго	даннаго
120	20	что-бы	что бы
126	5	—шателей	-жителей
142	14	устанавливаетъ	устанавливаетъ
147	37	примененіе	примѣненіе

Стр.	Строки сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать
149	примѣч. 3-ье	Staaten	Staaten
159	5	устанавливается	устанавливается
174	10	condition	condition
181	примѣч. 1-ое	ouvriers	ouvriers
184	5	мерей	мерей
185	33	пользую-	пользую
196	примѣч. 2-ое	Gewerbeverlineu	Gewerbeverlineu
207	21	преемлемыми	преемлемыми
226	17	хадатайства	ходатайства
252	7	изовсей	изъ всей
256	примѣч. 6-ое	1914	1904
258	примѣч. 13-ое	Rezer	Riezler
267	примѣч. 4-ое	Hesetzbuches	Gezetzbuches
330	10	Innereu	Innereu
379	примѣч. 2-ое	Civil	Civil
—	—	abli-	obli-
386	примѣч. 1-ое	Литвиновъ-Фалинскій	Литвиновъ-Фалинскій
433	21	обучить	обучить
445	15	гороздо	гораздо
459	17	не за чѣмъ	не зачѣмъ
515	20	не долженъ	долженъ
524	21	вовсѣ	вовсе
527	1	организовать	организовать

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія неправильности:

- 1) въ первой главѣ книги очень часто имя «Fagniez» напечатано «Fagnies»;
- 2) въ примѣчаніяхъ на стр. 1—80 напечатано «loc. cit. вмѣсто «op. cit.».